ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН 322
А 304

Наши противники

ЕН322
Н374

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ, ЭКОНОМИЗМ, МАХАЕВЩИНА, МЕНЬШЕВИЗМ, СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ЛИБЕРАЛЫ

Том 1

СОСТАВИЛИ:
Ф. АНДЕРСОН, М. МОСКАЛЕВ, Д. РОЗДНОВ и В. ЮДОВСКИЙ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ В. ЮДОВСКОГО

ИЗД-ВО КОМ. УН-ТА им. Я. М. СВЕРДЛОВА
МОСКВА

КОММУНИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ имени Я. М. СВЕРДЛОВА

ЕН322
Н374

НАШИ ПРОТИВНИКИ

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ И ДОКУМЕНТОВ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ, ЭКОНОМИЗМ, МАХАЕВЩИНА, МЕНЬШЕВИКИ, СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ, ЛИБЕРАЛЫ

СОСТАВИЛИ
Ф. АНДЕРСОН, М. МОСКАЛЕВ,
Д. РОЗАНОВ и В. ЮДОВСКИЙ

Под. ред. В. ЮДОВСКОГО

МОСКВА — 1928

1 экз

К.
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2609

ЕН322р
Н374

Тип. № 2 «Красный Октябрь»
Самполиграфтреста

Главлит № А.—7564, август 1928 г.
Тираж 7000 экземпляров.

БИБЛИОТЕКА
ИМЭЛ
Спец фонд

СФ
23582

547646

1261
28

547646

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ.

Потребность в материалах, отражающих различные политические течения, с которыми приходилось бороться большевизму на путях его исторического развития, давно уже остро ощущается при изучении истории ВКП (б) и ленинизма. Настоящая книга идет навстречу этой потребности. Учащиеся, таким образом, получают широкую возможность работать над первоисточниками, которые до сих пор, за весьма редкими исключениями, в общей печати не появлялись.

Книга «Наши противники» отличается от других хрестоматий и сборников однородного типа главным образом тем, что в ней материалы приводятся не в кратких отрывках, которые нередко не дают достаточно исчерпывающего представления о том или ином течении политической мысли, а по возможности полностью, в виде целых, или незначительно сокращенных статей и документов. Далее, во избежание перегрузки книги, составители стремились использовать, по преимуществу, только такие материалы, которые до сих пор еще не появлялись в нашей печати. Нелегальные брошюры ранних периодов социал-демократического и эс-эровского движения, являющиеся в настоящий момент архивными редкостями, статьи, извлеченные из журналов и газет подпольной партийной прессы различных направлений, извлечения из некоторых редких книг, давно уже утерянных для книжного рынка—только такие материалы включались в настоящий сборник. От использования же всех литературных памятников нашего революционного прошлого, которые в настоящий момент получили более или менее широкое распространение, составители сознательно воздерживались. От этого книга, быть может, несколько теряет в отношении стройности конструкции, но зато несомненно выигрывает в смысле насыщенности действительно необходимым и редким материалом.

Для глухих углов провинции, где учебная и научная работа часто страдает вследствие отсутствия архивных материалов, хрестоматия «Наши противники» должна сослужить незаменимую службу, предоставляя в распоряжение научных работников и учащихся такие первоисточники, которых в провинциальных архивах и книгохранилищах получить невозможно.

I. ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ и ЭКОНОМИЗМ

«ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ» и «ЭКОНОМИЗМ», КАК ИСТОКИ ОППОРТУНИЗМА В РЯДАХ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

В этом разделе помещены наиболее характерные документы, относящиеся к течениям «легального марксизма» и «экономизма».

Эти два течения, связанные между собой органически и преемственно, правильно рассматриваются, как первые шаги в оформлении оппортунистических воззрений в рядах российской социал-демократии. По документам данного раздела, легко проследить процесс этого оформления на различных его этапах, начиная от философских, социологических и экономических принципов «легального марксизма», несущих на себе печать ярко выраженного ревизионизма и кончая программными, тактическими и организационными взглядами экономистов, осуществлявших свой оппортунизм не только в области теоретических построений, но и на практике революционной борьбы.

Уже появление «Критических заметок» (1894 г.) дало повод В. И. Ленину поставить ортодоксальность струвистского марксизма под большой вопросительный знак. Квалификация воззрений П. Струве, как «отражения марксизма в буржуазной литературе», говорит сама за себя. Не говоря уж о неправильном с марксистской точки зрения освещении ряда конкретных вопросов, напр., вопроса о государстве, о законах народонаселения, о рынке и т. д., П. Струве уж с первых шагов своей литературной деятельности далеко стоял от марксизма и в методологическом отношении. Революционный метод марксизма он подменил методом абстрактного об'ективизма. Этот «узкий об'ективизм, ограничивающийся доказательством неизбежности и необходимости процесса и не стремящийся вскрывать в каждой конкретной стадии этого процесса присущую ему форму классового антагонизма, об'ективизм, характеризующий процесс вообще, а не те антагонистические классы в отдельности, из борьбы которых складывается процесс» *),—этот об'ективизм Ленин оценивал, как основную черту воззрений П. Струве. Но о чем же, однако, свидетельствует эта подмена марксизма об'ективизмом? Она свидетельствует о том, что подлинный марксизм, как целостное, монолитное мировоззрение, остался для Струве книгой за семью печатями. Отказавшись принять марксизм в присущем ему философском обосновании и выпотрошив из него живую революционную душу, Струве ничего другого не оставалось, как стать на точку зрения отрицания философского обоснования марксизма вообще. В отрывке из книги П. Струве «Критические заметки», помещенном в настоящем разделе под заголовком «Ревизия П. Струве философии марк-

*) В. И. Ленин «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Собр. сочин., т. I, издание второе.

сизма», читатель найдет чрезвычайно яркие формулировки, характеризующие автора, как человека, еще вплотную не подошедшего к марксизму, но уже поспешно отходящего от него.

Отрывок из той же книги, данный здесь под заглавием «П. Струве против марксистской теории государства», знакомит с либеральными взглядами автора на государственную власть. С положением Маркса-Энгельса, утверждающим, что государство есть организация классового господства, Струве не согласен. По его мнению «государство есть, прежде всего, организация порядка». Государство существует извечно. Оно сохранится на все предбудущие времена. Вряд ли можно найти такое либеральное или оппортунистическое течение, которое бы придерживалось иной точки зрения на сущность государства. В этом вопросе будущий либерализм Струве уже сказался в полном своем оформлении.

В третьем отрывке, озаглавленном «Струве о причинах обнищания деревни и дифференциации крестьянства», мы имеем прекрасный случай наблюдать, как наш «марксист» стремится снять с капитализма всякую ответственность за ужасающее разорение и полное обнищание деревни. Апологету капитализма было очень важно представить буржуазно-капиталистический строй общественной жизни во всей его непорочности и чистоте, ибо без этого условия едва ли можно было мбрально обосновать знаменитый клич П. Струве, зовущий признать свою некультурность и пойти на выучку к капитализму. «Техническая нерациональность, а не капитализм—говорит Струве—отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства. Если капиталистический строй и исполнен противоречий, то отсюда вовсе не следует, что капитализм всюду, где он ни существует, виноват во всех бедствиях». Конечно, с точки зрения «узкого об'ективизма» против такой постановки вопроса возразить, что либо трудно. Но ведь самую то «техническую нерациональность» нужно же чем нибудь об'яснить? И при первой попытке такого об'яснения неизбежно появятся на сцену те антагонистические отношения, которые дают содержание данному об'ективному факту. Появится помещик, появится кулак, появятся всякие иные захребетники и кровососы, которые по сути дела представляют собою агентуру наиболее хищного капитализма, вырастающего на почве, унавоженной многочисленными остатками феодально-крепостнических отношений. «Техническая нерациональность» крестьянского хозяйства являлась прямым результатом беспощадного ограбления крестьян помещиками, методов крепостнической эксплоатации в условиях быстро оформляющихся капиталистических отношений. Но Струве за об'ективным процессом не видел живых людей с их противоречиями и борьбой. Капитализм не виноват во всех бедствиях, но он спасает от всех бедствий. «Нерациональность» крестьянского хозяйства, нищета крестьянской массы будут побеждены грядущим капитализмом. «Бедность массы русского населения есть в гораздо большей мере наследие натурального хозяйства, чем продукт капиталистического развития». Культурный прогресс России тесно связан с развитием общественного разделения труда, т. е. с развитием капитализма», отсюда вывод: «Признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму».

Так «марксист» превращается в апологета капитализма.

Собственно говоря, П. Струве еще в дни своей «марксистской» юности, ясно осознавал грани, отделявшие его мировоззрение от революционного марксизма. Уже в период написания «Критических заметок» он «не считал себя связанным какой

либо доктриной». «Ортодоксией он не был заражен». По отрывку «П. Струве против ортодоксальной нетерпимости» можно ознакомиться с теми обстоятельствами, которые побудили Струве примкнуть к марксисткому движению. В лагере марксистов он был случайным гостем, залетной птицей, временным попутчиком. «Полемика с народническим пониманием экономического и общественного развития России и анти-народнический характер моей первой литературной попытки в значительной мере скрадывали от литературных противников мою неортодоксальность, а ортодоксальных марксистов с нею до известной степени примиряли». Это заявление, сделанное Струве уже в 1901 году, т. е. в такое время, когда всякие иллюзии на предмет его «ортодоксальности» вообще безвозвратно исчезли, лишний раз подтверждает правильность Ленинской характеристики сущности «легального марксизма». «Ни для кого не тайна—говорит Ленин—что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности эти последние были буржуазными демократами» *).

Таким образом, Ленин еще в первой половине 90-х г.г. ясно видел в легальных марксистах вообще и в П. Струве в частности самых доподлинных буржуазных демократов.

Влияние «легального марксизма» на социал-демократическую практику 90-х г.г. следует признать неоспоримым фактом. Воззрения представителей экономического направления оформлялись на основе теоретических предпосылок «легального марксизма», на его методологических основах, на им воспитанных навыках мысли. Абстрактный об'ективизм «легальных марксистов» превращается у экономистов в преклонение перед стихийностью процесса. В стихийно развивающемся рабочем движении сознательность, т. е. суб'ективный фактор, по мнению экономистов, вообще не имеет значения, или в лучшем случае его роль сводится к минимуму. Элементы подобных взглядов можно проследить уже в ранних документах социал-демократического движения, намечавших тактические принципы революционной деятельности. Напр., в брошюре «Об агитации» (1894 г.) возможность перехода к борьбе за политические свободы ставится в прямую и безусловную зависимость от самодовлеющего процесса развития рабочего движения, которое не может вступить на путь политической борьбы до тех пор, «пока удовлетворение ставших для них необходимыми потребностей будет невозможным в пределах существующих политических условий». Такая постановка вопроса, доктринерски абстрагирующая рабочее движение, рассматривая его вне связи с общей социально-политической обстановкой, несомненно является краеугольным камнем для всех тактических и организационных построений «экономизма». Авторы брошюры «Об агитации» предвосхитили, таким образом, основные принципы экономического направления.

Спустя несколько лет это направление уже окончательно оформилось под непосредственным влиянием западно-европейского ревизионизма и наложило яркую печать оппортунизма на социал-демократическое движение конца 90-х г.г. «Credo» (1899 г.) является наиболее откровенным и последовательным изложением принципов «экономизма». «Credo» исходит из утверждения, что рабочее движение всегда развивается по линии наименьшего сопротивления. Если для западно-европей-

*) В. И. Ленин. «Что делать?»

ских рабочих, вследствие ряда социально-исторических предпосылок, линией наименьшего сопротивления была политическая борьба, то для российского пролетариата в данной политической обстановке такой линией является борьба экономическая. Поэтому «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву». «Для русских марксистов исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности». Резюмируя взгляды «Credo», Ленин характеризовал их в такой выразительной формулировке: «Рабочим экономическая, либералам—политическая борьба». Именно эта концепция является основной для всех разновидностей экономизма.

«Рабочая Мысль» (1897 г.) отличается от «Credo», главным образом, тем, что, оставаясь на позициях «чисто» рабочего движения, она устраняет с поля своего зрения все остальные общественные силы. Буржуазный демократизм она не замечает. Здесь мы видим ту же постановку вопроса, на которой базировались авторы брошюры «Об агитации». Уже в передовой статье своего первого номера «Рабочая Мысль», как говорится, берет быка за рога. Узкие рамки социал-демократического движения предшествовавшего периода рассматриваются, как результат навязанных рабочим чуждых и непонятных им задач политической борьбы. От этого метода работы необходимо отказаться. «**Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве повседневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения**». «Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких то будущих поколений, а для себя и для своих детей». Таким образом, борьба за политические свободы, борьба за социализм «Рабочей Мыслью» снимаются. Вместе с тем снимается также и вопрос о политической партии рабочего класса. Рабочим нужны не партия, а кассы, которые «**должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя**».

Таким образом «Рабочая Мысль» последовательно увязывает свои тактические воззрения с организационными формами. Во всех случаях, когда она говорит о борьбе рабочего класса, имеется в виду лишь экономическая, профессиональная борьба, тщательно очищенная от всех элементов политики и социализма. И даже тогда, когда на столбцах «Рабочей Мысли» поднимается вопрос о политической борьбе, трактовка последней не выходит за пределы чисто профессионального, тред-юнионистского толкования.

«Какую же борьбу желательно, чтобы вели рабочие?» спрашивает «Рабочая Мысль», «не ту ли, какую только возможно вести при данных обстоятельствах. А возможна при данных обстоятельствах не та ли борьба, какую они ведут в действительности в данную минуту. И к этой то борьбе, к частной и политической борьбе за улучшение своего положения, мы и призываем рабочих,—понимая под **частной борьбой** борьбу, которую ведут рабочие отдельных фабрик со своими хозяевами... называя **политической борьбой** ту борьбу рабочих, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих, хотя бы путем законодательной защиты труда».

Таким образом, с точки зрения «Рабочей Мысли», цели и задачи рабочего движения полностью исчерпываются улучшением экономического положения как

по линии борьбы с хозяином-предпринимателем, так и по линии политической борьбы с правительством. В общедемократической борьбе, направленной к ликвидации самодержавия, пролетариат в таком случае не имеет своего места и роль его в этой борьбе сводится к нулю.

Преклонение перед стихийностью неизбежно приводит «экономистов» к тред-юнионистской политике, т. е. к оппортунизму в его наиболее концентрированном виде.

Установленные «Credo» и «Рабочей Мыслью» принципы не менее последовательно проводились также и «Рабочим Делом», хотя и в несколько скрытом виде. В обстановке нарастающей революции, когда рабочий класс все большими массами стал вовлекаться в политическую борьбу, уже нельзя было выступать с откровенно оппортунистическими лозунгами. «Рабочее Дело» всецело стремилось скрыть свой оппортунизм, отмежеваться от своих предшественников в «Рабочей Мысли» и «Credo» путем затушевывания настоящей своей природы. Но это ему плохо удавалось. Под ударами беспощадной критики «Искры», «Рабочее Дело» вынуждено было разоблачиться до конца. Второй с'езд окончательно ликвидировал «экономизм», а его сторонники перекочевали в лагерь вновь оформившегося оппортунистического течения, в лагерь меньшевиков.

В редакционной статье 1-го номера «Рабочего Дела» (1889 г.) легко проследить родство его тактических установок с воззрениями «Рабочей Мысли». «Потребности экономической борьбы—пишет «Рабочее Дело»—«принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политические свободы. Политическая борьба рабочего класса есть наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы». Такая формулировка по сути дела ничем не отличается от того, на чем настаивала «Рабочая Мысль» еще в 1897 г. Но как было указано выше, для «Рабочего Дела» было чрезвычайно важно отмежеваться от откровенного «экономизма» «Credo». Поэтому «рабочедельцы» делают попытку солидаризироваться с «протестом 17-ти ссыльных социал-демократов». Но это им плохо удается. Оппортунизм стихийно разрывает пышную фразеологию и появляется на сцену в своем открытом неприглядном виде. Против утверждений «Credo», что рабочие ведут только экономическую борьбу, «Рабочее Дело» аргументирует требованиями первомайских прокламаций, в которых имеется ряд политических требований начиная с требования «установления законом 10-часового рабочего дня и кончая требованием гласного суда присяжных по делам о стачках, отмены административных высылок и произвольных арестов без суда, права устраивать кассы, свободы стачек, собраний и союзов» *).

Но ведь участие пролетариата в общедемократической революции не может ограничиться только борьбой его за свои узко-цеховые права. Рабочий класс заинтересован в окончательном свержении самодержавия, заинтересован в том, чтобы в борьбе с самодержавием играть руководящую роль, роль гегемона. Именно по этому вопросу «протест 17-ти» давал бой «Credo». «Рабочедельцы» же попытались бомбардировать «Credo» со своих тред-юнионистических позиций, т. е. стреляли в сущности по своим ближайшим союзникам.

«Борьба за права» еще не есть социал-демократическая борьба. «Борьба за права есть тред-юнионистическая борьба. И поскольку «рабочедельцы» утверждают, что

*) См. Послесловие «Рабочего Дела» к протесту российских социал-демократов.

«непосредственной **практической** политической задачей русского рабочего движения в настоящее время может и должна быть борьба за ближайшие экономические права» *), постольку их стремление размежеваться с «экономистами» было обречено на неудачу.

Но если «Рабочая Мысль» излагала свои оппортунистические взгляды, не мудрствуя лукаво, по простецки, то «Рабочее Дело» стремится подвести под «экономизм» теоритический фундамент. С этой целью изобретается особая теория—«теория стадий». Согласно этой теории рабочее движение в своем развитии непременно должно пройти ряд этапов, прежде чем оно дорастает до постановки общих задач борьбы. Этапы эти, или стадии располагают в порядке следующей преемственности: 1) Чисто экономическая агитация; 2) политическая агитация в непосредственной связи с экономической борьбой—сначала за ближайшие политические требования, а затем за всю нашу политическую программу; 3) политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами—вплоть до агитации по поводу общественно-политических злоб дня **). Социал-демократия не должна стремиться совлечь рабочее движение с той стадии, на которой оно находится в данный момент. Она призвана только обслуживать его на каждой стадии. Теория стадий, таким образом, есть ничто иное, как теория самого настоящего «хвостизма».

В настоящем разделе читатель может ознакомиться с интересной попыткой Акимова—Махновца обосновать «теорию стадий» на конкретно-исторических примерах ***).

«Хвостизм», неизбежно вытекающий из «теории стадий», само собою разумеется, исключает возможность планомерной борьбы, постановки целей этой борьбы, выработки общего плана ее, приноровленного к разрешению очередной стратегической задачи. Именно потому, что «хвостизм» роковым образом определил мысли и волю «экономистов» при категорическом высказывании против предварительной выработки плана предстоящей борьбы. Тактике-плану они противопоставляли тактику-процесс.

Вообще «Искра» и «Заря»—говорит Кричевский — видимо тяготеют к взгляду на практику, как на заранее установленный и неизменный **план** деятельности. Мы же видим в тактике **процесс роста партийных задач, растущих** вместе с **партией**». «Тактика-процесс—это есть вечное искание новых путей в свете принципов, искание—единственно гарантирующее поступательный рост движения» ****).

Тактика-процесс есть ничто иное как обычное для экономистов преклонение перед стихийностью, оппортунизм и приспособленчество, возведенные в степень руководящего принципа.

* * *

Мы здесь бегло коснулись почти всех моментов экономического направления. В настоящем разделе читатель найдет исчерпывающие материалы для более глубокого ознакомления с этим направлением. Нам остается еще коснуться взглядов вид-

*) См. ответ «Рабочего Дела» на «письмо» П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова.

**) См. «Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении».

***) См. «Историческое обоснование «теории стадий».

****) См. «Принципы, практика и борьба».

нейшего представителя экономизма—Акимова—по вопросу о диктатуре пролетариата. По сути дела Акимов, несомненно, предвосхитил воззрения, ныне безраздельно господствующие во II Интернационале.

Разделав, что называется, под орех постановку вопроса о диктатуре пролетариата в программе партии, Акимов спрашивает: «Разве мы допускаем возможным и нужным, чтобы пролетариат, низвергнув деспотизм, сам стал «просвещенным деспотом» и, ради спасения человечества, хотя бы на время отнял у народа его свободу» *). Ну, разве же это не речи Каутского, Гильфердинга, Бауэра и прочих вождей II Интернационала, для которых свобода, демократия превыше всего. А когда Акимов, после «тщательного» исторического, социального и политического анализа понятия диктатуры пролетариата, приходит к выводу, что революционная власть рабочего класса была бы не диктатурой пролетариата, **а диктатурой над пролетариатом**, то аналогия этих идей с воззрениями современного оппортунизма завершается во всех деталях.

РЕВИЗИЯ П. СТРУВЕ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА.

(Из книги П. Струве «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России», 1894 г., стр. 43—46).

Попытаемся теперь изложить материалистическое понимание истории. Как известно, оно было в вполне определенной форме выставлено впервые Марксом и Энгельсом. Относительно Маркса и в частности применительно к России можно, несколько перефразируя известное изречение, сказать: Habent sua fata auctores **) Нигде идеи Маркса не были так быстро реципированы, как в России, не только публицистикой, но и так называемой «научной» литературой (Н. И. Зибер[1]), г. г. Чупров, Иванюков, Коссовский и некоторые другие но нигде, быть может, не приходится натыкаться на такое непонимание Маркса, как у русских публицистов. За доказательством недалеко ходить. Обратимся к г. г. Михайловскому [2]), В. В.[3]) и Юзову[4]).

Приступая к изложению генезиса капитализма по Марксу, г. Михайловский говорит: «В шестой главе «Капитала» имеется параграф, озаглавленный: «Так называемое первоначальное накопление». Здесь Маркс имел в виду дать исторический очерк первых шагов капиталистического процесса производства, но дал нечто гораздо большее—целую философско-историческую теорию». (Сочинения, VII, изд. 2-е, «Карл Маркс перед судом Г. Ю. Жуковского», стр. 334).

Юзов повторяет буквально то же самое, только в очень наивной форме: «теория Маркса состоит в том, что он считает «капиталистическое производство» необходимым моментом в жизни народов» (Основы народничества. Т. I-й, 2-е изд., стр. 362).

Ничуть не больше понимания **исторической философии** Маркса обнаруживает и г. В. В. «Эта схема генезиса капиталистического строя, как философская концепция,—говорит наш автор,—связывающая прошедшее, настоящее и вероятно будущее, об'единяет достаточно полно и в соответствии с действительностью лишь течения общественной жизни, нашедшие себе выражение в городах и других крупных центрах скопления населения. Только в этих рамках теория сохраняет свою стройность, которою и производит впечатление в свою пользу». («Попытки обоснования народничества». «Русское Богатство» 1892 г., № 3, стр. 69, ср. также «Наши направления», гл. III).

*) См. «Диктатура пролетариата».
**) Авторы имеют свою судьбу.

Неужели выяснением генезиса капиталистического строя исчерпывается историко-философская теория Маркса. Нет, ибо в таком случае эта была бы не историко-философская теория, а именно только—выяснение причинных связей, существующих между разными сторонами данного исторического процесса. Историческая философия Маркса проникает его учение о происхождении капиталистического строя, но она шире его; она, по мысли его творца, обнимает **все возможные изменения общественных форм** как в прошлом, так и в будущем; это—смелая попытка из одного начала об'яснить весь исторический процесс. История капитала, изложенная в знаменитом трактате «Das Kapital», представляет только блестящую иллюстрацию к общей историко-философской теории. И, если русские публицисты этого не заметили, то это обстоятельство свидетельствует, или о том, что они плохо усвоили себе дух того писателя, к которому так часто обращались, или же о том, что они просто недостаточно знакомы с его литературной деятельностью в ее целом. Еще в «Misere de la philosophie» *) (1847), в «Манифесте» (1848) и с полной ясностью в «Zur Kritik der politischen Oekonomie» (1859) **) было высказано материалистическое понимание истории. В нашу задачу не входит то, что немцы называют «Das Mengeschichte» ***), и мы поэтому не станем здесь останавливаться на генезисе исторического материализма. Как бы то ни было, это учение, в эмбриональной форме заметное еще у французских социалистов и от них до известной степени воспринятое **Л. Штейном**, было резко формулировано и последовательно проведено только Марксом и Энгельсом. В трудах последнего мы находим лучшее изложение исторического материализма.

Мы не можем не признать, что **чисто философское обоснование** этого учения еще не дано и что оно еще не справилось с тем огромным конкретным материалом, который представляет всемирная история. Нужен, очевидно, **пересмотр фактов** с точки зрения новой теории; нужна **критика теории** на фактах. Быть может многие односторонности и слишком поспешные обобщения будут оставлены. Но зерно учения является, на наш взгляд, верным. Хотя задача предлагаемых очерков заключается не столько в обосновании и критике исторического идеализма и исторического материализма, сколько в их **противопоставлении**, но мы, конечно, не можем ограничиваться простым реферированием разделяемых нами взглядов.

П. СТРУВЕ ПРОТИВ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА.

(Из книги «Критич. заметки», стр. 52—54).

Одной из общественных форм, способных вести до известной степени самостоятельное существование, является государство. Государство, с точки зрения основателей экономического материализма, есть организация экономического, классового господства. Уяснив постепенное разложение родового строя в Аттике [5]), Энгельс говорит: «недоставало только одного: организации, которая не только обеспечивала бы вновь приобретенные богатства отдельных лиц от коммунистических традиций родового строя, не только освятила бы ранее столь мало ценимую частную собственность и охрану последней об'явила бы высшей целью всякого человеческого общения, но также наложила бы печать всеобщего общественного признания на последовательно развивающиеся новые формы приобретения собственности, т. е. на все более и более ускоряемое накопление богатства; недоставало организации, которая не только увековечила бы возникающее разделение общества на классы, но и право имущего класса на эксплоатацию неимущего, господство первого над последним» (U. d. F. 104). Этот взгляд на государство—независимо от

*) «Нищета философии".
**) «К критике полит. экономии».
***) История догм.

стремления последнего к более или менее самостоятельному существованию, стремления, которому поставлены определенные границы, представляется нам односторонним. Государство есть, прежде всего, **организация порядка**; организацией же господства (классового) оно является в обществе, в котором подчинение одних групп другим обусловливается его **экономической структурой**. Родовой быт знал известную организацию порядка, другими словами, знал государство и став в сословном и классовом обществе организацией господства, государство не перестало, конечно, быть организацией порядка; можно думать, что в обществе, в котором основы производства и распределения будут иные, чем существующие в наше время, исчезнет господство одних социальных групп над другими, и государство перестанет быть организацией порядка и, конечно, **сохраняя свою принудительную власть**. Такой взгляд находится в полном согласии и с глубоко верным положением Штейна, что каждый общественный порядок стремится создать свое собственное государство, и с общим духом социологического учения Маркса. Отрицание Марксом и его последователями государства, отрицание, вытекающее из их взгляда на государство, как на организацию господства, по нашему мнению, с одной стороны об'ясняется тем, что они увлеклись слишком далеко в критике **современного государства**, с другой стороны напоминает о генетической близости воззрений Маркса с **ранними** взглядами **Прудона** [6]).

П. СТРУВЕ О ПРИЧИНАХ ОБНИЩАНИЯ ДЕРЕВНИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА.

(«Критич. заметки», стр. 223—227).

Только проникновением менового хозяйства об'ясняется тот факт, что экономически сильные крестьянские хозяйства могут извлекать выгоду из разорения слабых дворов. В натуральном хозяйстве при отсутствии рынка расширение производства за известными пределами не имеет смысла. Не то видим мы там, где продукт всегда можно превратить во всеобщий эквивалент, в деньги.

Однако, было бы грубой ошибкой об'яснять современное крестьянское разорение исключительно экономической борьбой сильных и слабых, победой производителей товарных над производителями исключительно для собственного потребления. Это только, так сказать, **прогрессивная** сторона того сложного экономического процесса, который переживает наше крестьянское хозяйство. Товарное производство должно неизбежно вытеснить натуральное хозяйство, и неприспособленные к новым экономическим условиям хозяйственные единицы погибнут, как нежизнеспособные. Но товарное производство—в связи с ростом населения—довело до самых крайних последствий и раскрыло во-очию другую важную особенность—техническую нерациональность всего крестьянского хозяйства; она обрушивается на всю крестьянскую массу целиком. В ней выражается, так сказать, регрессивная сторона всего процесса. Если товарное производство дифференцирует наше крестьянство, то техническая нерациональность нивеллирует его, она сглаживает неравенства, которые, существуя в эмбриональном виде и в натурально-хозяйственной среде, окончательно развились на почве денежного хозяйства. Техническая нерациональность, давая себя знать русскому крестьянству в виде неурожаев, производит идеальное «равнение» и таким образом своими стихийными средствами осуществляет народническую программу «равного распределения» безотносительно к производству, которое, мол, само по себе будет совершенствоваться, стоит только устранить существующие экономические неравенства. Техническая нерациональность хозяйства, а не капитализм—вот тот враг, который отнимает хлеб насущный у нашего крестьянства. Если капиталистический строй и исполнен противоречий, то из этого вовсе не следует, что капитализм всюду, где он ни существует, виноват во всех бедствиях. Техническая нерациональность земледельческого хозяйства, неурожаи и все прочие бедствия существовали в неменьших размерах и при натуральном хозяйстве.

Капитализм же, т. е., вернее, товарное производство указывает выход из этого положения. **Оно делает возможным и вынуждает техническую рациональность.** В этом его великая историческая миссия в области производства вообще, сельскохозяйственного в частности.

Результат указанной выше нивеллировки—констатируемое во многих местах **уменьшение** или **даже исчезновение среднего слоя крестьянского населения.** Для характеристики этого факта мы удовольствуемся немногими ссылками. На основании сообщений своих корреспондентов статистическое отделение Нижегородской Губернской Земской Управы говорит: «Вывод, который можно сделать... будет, разумеется, тот..., что в общем благосостояние **всего сельского населения** наиболее пострадавших местностей за последний год понизилось. Несмотря на это, некоторые (правда, очень немногочисленные) указания, делаемые корреспондентами в их сообщениях, заставляют нас несколько ограничить вышеприведенное положение. Основываясь на этих указаниях, можно предположить что пережитые в минувшем году сельским населением невзгоды коснулись не всех слоев его с равной силой, но что, наоборот, вся тяжесть этих невзгод обрушилась, главным образом, на средний класс населения, заставив некоторую его часть перейти в разряд маломощных, бесхозяйственных и бобылей, тогда как благосостояние наиболее зажиточной части сельского мира или вовсе не потерпело никакого ущерба или даже, благодаря некоторым условиям истекшего года, приобрело известное приращение. Примем-ли мы первое предположение или остановимся на последнем,—все равно, если только факты, сообщаемые нашими корреспондентами, верны, смысл их, очевидно, таков, что следствием 1891 г. [7]), кроме всего прочего, была также дальнейшая дифференциация слоев сельского населения, новое еще большее увеличение расстояния, отделяющего сельских богатеев от безземельного и безлошадного пролетариата». (Сел-хоз. обзор Нижег. губ. за 1892 г., вып. третий. Н.-Н. 1893. 183-184, ср там же 184—188, а также Урожай 1891 г. в Нижегородской губ. Н.-Н. 1891 passim). **Нивеллировка** в данном случае, конечно, в то же время и **дифференциация**, но на почве **такой** дифференциации развивается только одна **кабала**, могущая быть лишь тормазом экономического прогресса. «Некоторые корреспонденты, сообщая о сильной задолженности крестьян, указывают, что... немногих неурожай обогатит, большинство разорит и отдаст в кабалу». (С.-хоз. обзор Сарат. губ. за 1891 г., вып. I и II. Саратов. 1892, 153). Вот какими чертами рисует этот процесс очевидец, известный писатель А. И Эртель:

«В современной деревне три неравномерных группы: одна в состоянии прежнего разорения и деморализации, это—отверженцы, мизерабли, большинство из них без земли, которую они сдают из года в год, без лошади, без коровы, без овцы, иногда даже без собственного жилища. Другая группа накануне такого состояния или с стремлением перейти в третью. Третья группа—кулаки, в руках которых все более сосредоточиваются земельные наделы и неограниченная сила на мирском сходе. Для Макарьевского прихода отношение этих групп выражается цифрами: 2, 7, 1». («Русская Мысль», январь 1893 г., ст. Макарьевское попечительство, 230).

Если большинство второй группы сольется с первой, то, конечно, крестьянская масса станет однороднее, несмотря на еще более резкое выделение из нее **одной десятой**—кулаков.

СТРУВЕ, КАК АПОЛОГЕТ РУССКОГО КАПИТАЛИЗМА.

(«Критич. заметки», стр. 282—288).

1. Развитие менового хозяйства, капитализма в широком смысле слова, частным случаем и последствием которого является развитие крупного централизованного производства, капитализма в узком смысле слова, имеет огромное об ективное экономическое и обще-культурное значение.

2. Натуральное хозяйство вытесняется меновым не только потому, что такой переход полезен известным классам общества, но и прямо в силу своей собственной, экономической и общекультурной, несостоятельности.

3. Повышая производительность труда, товарное производство дает возможность существовать гораздо большему числу людей на прежней территории.

4. Развитие обмена, отделяя обрабатывающую промышленность от земледелия и в то же время устанавливая между ними—в пределах одного и того же политического целого—органическое взаимодействие, содействует прогрессу и земледелия, и индустрии.

5. В области обрабатывающей промышленности капитализм, в обширном смысле слова, неминуемо влечет за собой рано или поздно капитализм в узком смысле слова.

6. Развитие общественного разделения труда под влиянием усиленного обмена приводит к относительному уменьшению земледельческого населения, росту городов и другим фактам, в которых выражается коренное изменение всей структуры общества.

7. При этом самый экономический и моральный облик земледельческого производителя, даже если он мало или совсем не прибегает к наемному труду, претерпевает резкое изменение.

8. При современных хозяйственных условиях, главным образом благодаря существованию парового транспорта, развитие менового хозяйства и капитализма в узком смысле слова становится все более и более общим явлением.

9. Первичным моментом и фактором в этом процессе является для России вовлечение земледелия в сферу товарного обращения.

10. Товарное производство является могущественным культурным фактором. Раз страна стала на путь его развития, весь ее культурный, политический и экономический прогресс зависит от дальнейших успехов на этом пути. С другой стороны всякий шаг вперед в культурном и политическом отношении может только содействовать развитию и торжеству капитализма.

11. Капитализм, создавая массовое, другими словами, обобществленное производство, не может мириться с беспорядочным, чисто индивидуалистическим распределением и потреблением: таким образом, капитализм об'ективно выдвигает народно-хозяйственные принципы, отрицающие его частнохозяйственную основу.

12. Внешние условия, в которые современный промышленный капитализм ставит трудящиеся массы, развивают в них чувство активности, политический смысл, способность к коллективному действию и тем подготовляют их к той роли, которую им, по об'ективному ходу материального процесса, суждено играть в эволюции капиталистического строя.

13. Прямо противоположный характер носит психический облик трудящихся при натуральном хозяйстве (безусловное преобладание земледелия) и децентрализованном производстве.

14. Чем обширнее территория и многочисленнее население данной страны, тем менее нуждается последняя для своего капиталистического развития во внешних рынках.

15. Кризис русского крестьянского хозяйства об'ясняется прежде всего ростом населения—под влиянием освобождения и развития менового хозяйства,—не сопровождавшимся соответствующим прогрессом сельско-хозяйственного производства. Выход из этого положения заключается в преобразовании всего народного хозяйства, в направлении дальнейшего развития общественного разделения труда, результатом чего явится, с одной стороны, под'ем производительности сельского хозяйства, с другой стороны—прогресс крупной обрабатывающей промышленности.

16. Бедность массы русского населения есть в гораздо большей мере историческое наследие натурального хозяйства, чем продукт капиталистического развития.

17. Прогрессивное развитие земледелия на почве менового хозяйства создаст рынок, опираясь на который будет развиваться русский промышленный капитализм. Рынок этот, по мере экономического и общекультурного развития страны и связанного с ним вытеснения натурального хозяйства, может неопределенно расти. В этом отношении капитализм в России находится в более благоприятных условиях, чем в других странах.

18. Культурный прогресс России тесно связан с развитием общественного развития труда, т. е. с развитием капитализма.

19. Единственная рациональная государственная политика может состоять в расчищении почвы для этого процесса и смягчении социальных его последствий. Только **такая** политика и возможна для современного государства.

Мы пришли в наших заметках к концу. Здесь мы чуствуем потребность указать ту связь, которая существует между различными частями нашей работы, и подвести ей итоги.

Наш взгляд на экономическое развитие России, как и соответствующая народническая доктрина, представляет собой только приложение к конкретному историческому процессу некоторых общих, скажем прямо, философских положений. Личность творит историю, говорят народники; то мировоззрение, которое развивалось нами выше (гл. II), утверждает противное. Отсюда—совершенно различная оценка исторической важности наших собственных идей и идеалов. Последние, с нашей точки зрения,—историческая сила только, поскольку они необходимое порождение процесса экономического развития, который сам всегда происходит «на достаточном основании» и представляет собой коллективное творчество, в конечном счете носящее такой же стихийный, а потому и закономерный характер, как и все другие изменения в окружающем нас мире. Открыть «достаточное основание» этих изменений—задача **об'ективного** исследования, только **такое** исследование даст нам возможность оценить те социальные силы, из действия которых слагается процесс общественной эволюции, и установить место наших собственных идеалов среди этих сил.

Когда мы уяснили себе вопрос об экономическом развитии России в его полном об'еме, то мы увидели, что господствующее понимание этого вопроса имеет два источника:

Во-первых—идеалистический взгляд на социальную эволюцию, неспособный к об'ективной оценке ее факторов и ко всему прилагающий только свое собственное (суб'ективное) мерило «добра и зла».

Во-вторых—своего рода национальное тщеславие, мнящее «мы народ избранный» на том основании, что мы сохранили кое-какие остатки первобытного *) экономического строя, которые оказались в соответствии с самыми прогрессивными идеалами современности.

В первом случае забывается, что идеалы только тогда могущественны, когда за ними организованная общественная сила,—результат долгого и трудного исторического процесса. Во втором случае за жалкими остатками первобытной социальной справедливости не видят экономической несостоятельности сохранившего их строя, не видят, что **привить этому строю культуру—значит его разрушить**.

Поясним еще несколько разницу между об'ективным и суб'ективным взглядами. С точки зрения наших моральных принципов, мы легко можем придти к заключению, что торговля, обмен, являясь носителем крайнего хозяйственного эгоизма и индивидуализма, есть зло и мерзость; если же мы обратимся к рассмотрению об'ективного хода вещей, то мы увидим, что это зло есть огромный фактор культурного прогресса, принимавший могущественное участие в создании тех отношений, на почве которых сложились и наши собственные идеалы.

*) Употребляя это выражение, я вовсе не хочу сказать, что наша земельная община есть **первобытное** учреждение. Такой взгляд я считаю совершенно неверным.

Так же точно обстоит дело и с **капитализмом**. Капитализм, как эксплоатация человека человеком,—зло с точки зрения наших идеалов. И, если мы будем смотреть на него **только с этой точки зрения**, то мы придем прямым путем к простому выводу: не надо капитализма! Раз этот вывод подчинит себе наше мышление, нам трудно будет приблизиться к пониманию об'ективного процесса: капитализм с его спутниками, протекционизмом и проч. в наших глазах явится тогда только чем-то в роде, если можно так выразиться, «злоумышления». Но капитализм, как и все, имеет свое **достаточное** основание, для понимания которого таких категорий, как добро и зло, **недостаточно**. С этой точки зрения, взглянули мы на вопрос об экономическом развитии России. Капитализм разрушает так называемые «устои», но это удается ему только потому, что «устои» никуда негодны и сами разваливаются. Словом, капитализм развивается потому, что он, при данных условиях, есть единственная, возможная форма под'ема производительных сил страны, а такого под'ема, не говоря уже о расширении потребностей, требует рост населения.

Таким образом, капитализм не только зло, но и могущественный фактор культурного прогресса,—фактор, не только разрушающий, но и созидающий. Это прекрасно понимали и понимают на Западе те, кто во имя идеалов социальной справедливости выступили на борьбу с капитализмом.

Вся современная материальная и духовная культура тесно связана с капитализмом: она выросла или вместе с ним, или на его почве. Мы же, ослепленные каким-то непомерным национальным тщеславием, мним заменить трудную культурную работу целых поколений, суровую борьбу общественных классов, экономических сил и интересов построениями нашей собственной «критической мысли», которая открыла трогательное совпадение народно-бытовых форм со своими собственными идеалами. И добро-бы та почва, на которой мы собираемся сооружать без содействия исторических сил наше пышное здание, оправдывала такое тщеславие! Между тем, на этой почве еще не простыл след крепостного права, которое, конечно, в свое время было не только злой выдумкой.

Симпатия к трудящейся народной массе не монополия народников, и мы также чувствуем глубокое сожаление к разоренному страдальцу-народу. Но картина его разорения лучше всего доказывает нам его культурную беспомощность. На почве ее, страшно вымолвить, крепостное право—меньшая утопия, чем обобществление труда.

Нет, признаем нашу некультурность и пойдем на выучку к капитализму!

П. СТРУВЕ ПРОТИВ «ОРТОДОКСАЛЬНОЙ НЕТЕРПИМОСТИ».

(Из книги Петра Струве «На разные темы», стр. 299—305).

В этом фактическом отступлении без видимости отступления сказывается, однако, черта, вообще, к сожалению, резко отличающая г. Михайловского [8]). Он слишком снисходителен к себе и своим ошибкам, будучи в то же время слишком строгим и прямо несправедливым к своим противникам, а потому невнимательным и забывчивым в тех пунктах, которые ему надлежало бы хорошо помнить. Так, он говорит, что „маленькое слово“ „ортодоксальность“ есть небольшое облачко, намечающееся в предисловии г. Бердяева [9]), и продолжает: «ортодоксальность вошла в словесный обиход наших марксистов очень недавно и появилось это слово как-то внезапно и бесшумно, именно, как легкое облачко на ясном небе. Для меня, впрочем, давно была ясна его необходимость, вследствие чего я уже несколько лет тому назад добивался разрешения вопроса о настоящих и ненастоящих марксистах».

Однако, как плохо помнит г. Михайловский ту литературу, с которой он так резко спорил. Если уж говорить о легком облачке, то в качестве такого слово «ортодоксальность» или «ортодоксия» появилась на небе русского марксизма,

во всяком случае, не позже, как в 1894 году, в предисловии к моим «Критическим заметкам». Это слово появилось тут в контексте, очень близком к цитируемой г. Михайловским фразе Бердяева. Бердяев в 1899 году пишет: «автор примыкает к совершенно определенному направлению, но чужд ортодоксальности», я в 1894 году писал: «примыкая по некоторым основным вопросам к совершенно определившимся в литературе *) взглядам, он (г. е. автор) нисколько не считал себя связанным буквой и кодексом какой-нибудь доктрины. Ортодоксией он не заражен, если только под ортодоксией не разуметь стремлений к последовательному мышлению».

Г. Михайловский утверждает, что критический поворот в русском марксизме есть главным образом отражение поворота, происшедшего в западно-европейской литературе марксизма. Однако, это **фактически неверно.** В чем состоят самые характерные черты критического поворота в марксизм. В попытках сочетать марксизм с критической философией, исходящей от Канта [10]), и в отрицании тех построений, которые известны под названиями Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie **), наконец, в чрезвычайно осторожном отношении к сложной и трудной проблеме аграрной эволюции. В «Критических заметках» была сделана первая в литературе марксизма попытка привлечь к развитию и обоснованию марксизма критическую философию; в них же были развиты взгляды, заключавшие в себе отрицание Zusammenbruchstheorie и Verelendungstheorie; наконец, по отношению к проблеме аграрной эволюции рекомендовалась необходимая осторожность и излагались взгляды, ничего общего с ортодоксией не имеющие, но не оставшиеся без влияния в последующей литературе.

Таким образом, основные мотивы критического поворота в марксизме были предвосхищены, правда, в очень несовершенной и рудиментарной, но все-таки довольно явственной форме, в моей книге 1894 года. Вообще в „Критических заметках“ была целая куча ересей, и неудивительно поэтому, что и в 1894 г. многим из ортодоксальных марксистов моя неортодоксальность казалась не легким облачком, а скорее, если уже брать метереологические сравнения—зловредной еретической тучей, весьма выразительным доказательством «буржуазности» моего образа мыслей. Но это было иное время, чем теперь. Главною задачей «Критических заметок» была полемика с народническим пониманием экономического и общественного развития России, и этот антинароднический характер моей первой литературной попытки в значительной мере скрадывал от литературных противников мою неортодоксальность, а ортодоксальных марксистов с нею до известной степени примирял. В то же время я и разумом, и чувством понимал тогда, что прежде всего необходимо вести и покончить союзную борьбу против народничества и подготовлять новое практическое и действительное понимание русской действительности. И не будучи никогда ортодоксом, я чувствовал себя в этих двух задачах вполне солидарным с ортодоксией. В это время, когда выходило «Новое Слово» [11]), мне казалось преждевременным резко выдвигать и развивать критические сомнения, тем более, что они во мне самом еще не утвердились в достаточной мере. Когда народничество—силой вещей и аргументов—оказалось разбитым и в сущности упраздненным, положение дела изменилось. Я не считал уже ни нужным, ни возможным воздерживаться от открытой постановки практических задач и принялся за дальнейшее развитие своих еретических сомнений и дум. Тут критическая работа шла у меня параллельно с выработкой положительного мировоззрения, расширившейся далеко за пределы критического исправления и истолкования марксизма и во многом с ней порывавшей. Впрочем, этот пересмотр начался еще во время моего союза с ортодоксией, не нарушая тогда этого союза. Я уже указал на критический характер моей книги, вышедшей в 1894 году. В ней была намечена и, если можно так выразиться, предуказана в значительной мере моя

*) Конечно, речь шла не о русской литературе.
**) Теория соц. революции и теории обнищания.

критическая эволюция. Дальнейший решительный шаг к критике ортодоксального марксизма был сделан мною в напечатанной в самом начале 1897 года статье *), которая получила форму заметки по поводу книги Штаммлера «Хозяйство и право» и рецензии на нее С. Н. Булгакова, но по своему содержанию сложилась еще до выхода в свет сочинения Штаммлера; в этой статье я решительно восстал против марксистского понимания соотношения между свободою и необходимостью. В том же году в статье о Цюрихском конгрессе [13]) я в совершенно категорической форме свел счеты с Verelendungstheorie и Zusammenbruchstheorie. Все это было до „великого события" в западно-европейской литературе марксизма, до выхода в свет книги Бернштейна [14]). Г. Михайловскому, вероятно, также не безызвестно, что и в западно-европейской литературе я выступил с работой, которая, каковы бы ни были ее недостатки, во всяком случае не списана ни с Бернштейна, ни с Вольтмана, ни с Массарика и вовсе не навеяна этими и другими критиками марксизма. Г. Михайловский мог заметить вообще, что русское критическое движение в марксизме отличается от западно-европейского гораздо большей смелостью, решительно и без всяких примирительных оговорок и недомолвок порывая с теми положениями марксизма, которые оказываются в глазах представителей этого движения несостоятельными. Замечу кстати, что мой ближайший товарищ по литературной деятельности М. И. Туган-Барановский [15]) так же, как и я, никогда не был ортодоксальным марксистом и всегда относился сдержанно и критически к трудовой теории ценности. Критическое движение в русском марксизме не только возникло независимо от западно-европейского, но и носит на себе вполне оригинальные черты...

Если за мой критический радикализм г. Михайловский и ортодоксальные марксисты считают справедливым лишить меня звания марксиста, то да будет их воля. Я не боюсь быть «диким» и брать то, что мне нужно, и у Канта, и у Фихте [16]), и у Маркса, и у Брентано [17]), и у Родбертуса [18]), и у Бем-Баверка [19]), и у Лассаля [20]).

Тех, однако, кто указывает на глубокие перемены, происшедшие в моих взглядах с тех пор, как я опубликовал «Критические заметки», я покорнейше просил бы не забывать, что в очень многом и очень существенном я не только не отказался от своих прежних взглядов, но, наоборот, в них еще более укрепился.

Я считаю до сих пор верными взгляды на экономическое развитие России, высказанные мною в 1894 году. Мне кажется, что именно эти взгляды, чуждые крайностей как ортодоксального марксизма, так тем более народничества, в полемике с которым они были высказаны, вошли уже в значительной мере в общее сознание и даже, быть может, незаметно для самого г. Михайловского, очень сильно дают себя знать в «Русском Богатстве» [21]). Случилось это просто потому, что эти взгляды имели за собой сильную союзницу—силу вещей и жизни. Сущность их сводится к утверждению тождества—в общих чертах—экономического и социального развития России и других стран европейской культуры к социально-экономическому **западничеству**, не только не исключающему, но, наоборот, подкрепляющему и незыблемо утверждающему западничество во всех других областях жизни. Это всестороннее западничество отнюдь не отрицает своеобразия национального развития. Наоборот, только торжество чаяний такого западничества обеспечит—на основах общечеловеческой свободы—всю возможную полноту оригинального и деятельного национального развития, истинного творчества народного духа и жизни. В русском западничестве всегда жило и живет настоящее уважение к национальному духу и та истинная ревность о нем, которой наиболее приличествует загаженное ненавистниками света и свободы наименование патриотизма. Истинные ревнители национального величия, истинные патриоты вовсе не те, кто помышляет только о том, как бы раз навсегда приковать национальный дух, точно каторжника к тачке, к оп-

*) «Свобода и историческая необходимость» [12]) в «Вопросах философии и психологии».

ределенным формам духовно-общественного бытия, но, наоборот, те, кто, веруя в силу и крепость свободно зиждущего национального духа, стремятся снять с него все путы, утвердив незыблемую основу достойного национального существования—«отверженные» в праве права личности *). Впрочем, я увлекся несколько в сторону от отчета о своей литературной работе. Такой отчет я считаю нужным дать в виду того, что за последнее время я слишком часто фигурирую у одних в роли отступника и даже чуть ли не самозванца, с которого следует безжалостно «сорвать маску» **), у других—в роли вернувшегося «блудного сына», начисто отказавшегося от своих юношеских увлечений и в них раскаявшегося. Слишком это уж просто, господа.

Между прочим, в критике народничества я пытался показать и, думается мне, показал, что это направление было как-бы загипнотизировано мастерской, написанной рукой Маркса, картиной капиталистического развития Англии и принимало этот частный случай капиталистического развития за капиталистическую эволюцию вообще. Это заблуждение было вскрыто, как один из источников пресловутого народнического учения о своеобразных путях нашего экономического развития, учения, победоносно ссылавшегося на очевидное несходство экономической эволюции Англии и России. Теперь, полемизируя с марксизмом, представители народнической экономии принуждены не просто ссылаться на Маркса, бывшего для них некогда непогрешимым авторитетом, которому они рабски следовали в понимании западноевропейских и американских хозяйственных отношений. Теперь они должны—вместе с прочими критиками Маркса—критиковать общеприложимость и обоснованность всей его концепции капиталистического хозяйства вообще. В этом радикальном изменении позиции народнических экономистов и их продолжателей повинны мы, «марксисты». А это изменение позиции народников означает собой не более не менее, как управление народничества. Ибо народники, ссылающиеся на западноевропейскую, так называемую «буржуазную» экономию против Маркса и марксистов и отрицающие, таким образом, что и западное экономическое развитие идет по Марксу, еще менее похожи на своих, некогда слепо следовавших Марксу, предшественников, чем такие, явно отпавшие от «марксизма» еретики, как пишущий эти строки, похожи на ортодоксов. Разница между положением народничества и марксизма только та, что ортодоксальные народники, держащиеся классического противопоставления капиталистического Запада некапиталистической России и на этом противопоставлении основывающие свои предвидения и чаяния, почти совершенно исчезли и не пользуются никаким влиянием, тогда как ортодоксальные марксисты, несмотря на то, что их союз с бывшими редакторами «Нового Слова» и «Начала» [22] (Туган-Барановским и мною) распался, до сих пор представляют довольно многочисленную и влиятельную литературную (и не только литературную) группу.

Вот почему, когда я читаю досужие толки о поражении и гибели марксизма мне делается как-то неловко. Ведь, если литературный лагерь марксистов распался (я этого не отрицаю), то противный литературный **лагерь**, как таковой, просто **перестал существовать**. И пусть мне не указывают на «Русское Богатство». Несмотря на присутствие в нем в качестве руководителя г. Михайловского, никогда, впрочем, не имевшего никаких определенных взглядов по основному предмету марксистско-народнического разногласия—по вопросу об экономическом развитии России, «Русское Богатство» именно в этом основном пункте волей-неволей получило во второй половине 90-х г.г. сильную «марксистскую» прививку и отстоит от народничества «Судеб капитализма» [23]), пожалуй, дальше, чем от марксизма как критического, так и ортодоксального. В то же время никакого подобия той ценности, которая, действительно, характерна для марксистской ортодоксии, в «Русском Богатстве» нет. Я говорю это не в виде упрека—для меня цельность марксистской ортодоксии ничего привлекательного не представляет, я просто констатирую факт....

*) Пользуемся формулой, недавно пущенной в оборот в газете «Право».

**) Новейшее открытие состоит в том, что я—«либерал, переодетый марксистом». Представьте себе мой ужас, читатели, когда я однажды проснулся не более, не менее как... презренным «либералом». Я схватил себя за голову и в сознании своей неисправимой либеральной греховности стал читать «Вестник Европы».

ОБ АГИТАЦИИ[24]).

(Перепечатано с изд. 1896 г., стр. 3—26).

Рабочее движение является неизбежным результатом присущих капиталистическому производству противоречий. По отношению к рабочей массе, противоречия капиталистического производства заключаются в том, что изменения, вносимые капиталистическим строем в условия жизни и понятия народа, делают эту массу все менее годной для эксплуатации. Нуждаясь в людях-автоматах, беспрекословно подчиненных воле капитала, этот строй подготовляет почву для выработки среди рабочих мыслящих личностей, проводит в рабочих понимание их интересов. Если капитализм требует разрозненности рабочих, чтобы в корне подорвать возможность борьбы против капитала, то, в свою очередь, собирает и соединяет рабочих в одной мастерской, в одном жилом помещении, в одном фабричном центре. Если капитализм нуждается в том, чтобы рабочие не видели противоположности интересов капитала и труда, то тот же строй своей концентрацией капиталов делает различие между положением капиталистов и рабочих все более резким. Если капитализму выгодна градация работников, потому что она ведет к раз'единению, то развитие техники уничтожает эту градацию и низводит большинство рабочих на степень чернорабочих. Если капиталисту выгодно, чтобы семейство рабочего было крепко и удерживало его от слишком пылкой борьбы с капиталом, то, с другой стороны, последний сам освобождает рабочего от его семейства и вводит в то же горнило фабричной жизни жену и детей. Одним словом, если капитал, под страхом собственной гибели, вынужден стремиться к постановке преград для развития рабочего класса, то, с другой стороны, он разрушает сам свое собственное здание и приготовляет враждебную себе и опасную силу. Правда, сам же капиталистический строй на известной ступени своего развития приготовляет сильное оружие для борьбы даже против об'единенного пролетариата, но зато оружие это слишком обоюдоостро. В борьбе против им же самим создаваемой и развиваемой силы капиталистическое общество задыхается и ускоряет свою собственную гибель. Достаточно упомянуть о резервной рабочей армии, которая тяжелым камнем давит рабочее население и парализует успех борьбы. Но увеличение рабочей армии, составляющей этот резерв, сокращает внутренний рынок, затем делает все более трудным для рабочего населения ношение бремени налогов, чем вызывает переход от косвенных налогов к прямым; наконец, эта армия требует государственной помощи (уже не говоря об увеличении расходов на полицию, суд, тюрьмы), что ведет к увеличению государственных расходов. Первое следствие заставляет капиталиста искать новых рынков, что становится все труднее и труднее, и потому ведет к частым, а то и к постоянным кризисам, а кризисы приводят к убыткам вместо прибыли, к низведению некоторой части капиталистов в ряды пролетариата, к уничтожению части капитала. Изменение в системе налогов и увеличение расходов, вызываемое штатом резервной армии, отнимает все большую часть прибыли в пользу государства, чем уменьшается как прибыль, так, следовательно, и накопление. А эти новые противоречия имеют результатом стремление к увеличению эксплоатации и дальнейшему усовершенствованию техники, все большую ожесточенность конкуренции и другие подобные явления, которые, как мы выше видели, в свою очередь, ведут к последствиям, не входящим в задачи капитализма—развивают силу и степень враждебности к существующему строю в рабочей массе. Таким-то образом на известной ступени капиталистического развития присущие ему противоречия выдвигают рабочую массу против капитала. Чем дальше идет развитие капиталистического производства, тем эта борьба должна быть острее и тем дальше идут требования и понимание рабочей массы. Таким образом, капитализм является школой, не только подготовляющей материал рабочих-борцов, но и воспитывающей их и бьющей по ним своими слишком яркими противоречиями. Он не только увеличивает силы рабочего класса путем об'единения рабочих, но и подготовляет почву

для возникновения и распространения все более крайних идей. Идея социализма, как нечто конкретно возможное, могла выработаться только на почве капиталистического строя и притом лишь на известной ступени его развития.

Но каким образом действует школа капитализма на рабочую массу? Собирать рабочих вместе, еще не значит соединять их для борьбы.

Концентрация пролетариата является удобной почвой для движения. Если бы капитализм мог постоянно удовлетворять рабочего в его ежедневных потребностях, то такое соединение не играло бы революционной роли. Но капитализм, опирающийся на конкуренцию и отсутствие плана в производстве, постоянно вынуждает отдельных предпринимателей стремиться к увеличению прибавочной стоимости, к уменьшению доли труда в продукте, к постоянной мелочной борьбе с пролетариатом, который отстаивает свое существование и не может не протестовать против явного посягания на его благосостояние. Эта борьба неизбежно является тем главным воспитательным фактором, который действует на рабочую массу и делает ее, на известной ступени развития, одной из главных сил, подрывающих этот строй. Обостряясь, углубляясь и обобщаясь, эта борьба принимает характер классовой борьбы с соответствующим ей классовым сознанием пролетариата, при которой мы теперь присутствуем во всех капитатистических странах. Капитал не сдается сразу, не сдается до последнего момента: разбитый на всех пунктах, он старается опять стать на ноги и начинает борьбу с новыми силами. При этой борьбе все рельефнее выступают голые интересы капитала, на известной ступени развития борьба не может долее вестись под флагом высоких идей, капитал сбрасывает свою личину и, не стесняясь, заявляет, что он борется против притязаний на свой карман; на этой ступени капитал ведет борьбу не за преобладание, а только за существование. Он хватается за политические формы капиталистического строя, как утопающий хватается за соломинку. Только государственная власть в состоянии еще бороться против рабочей массы, и пока политическая власть находится в руках буржуазии, до тех пор, можно смело сказать, крупных улучшений в положении рабочих произойти не может. Поэтому, как бы широко ни было рабочее движение, успех его не обеспечен до тех пор, пока рабочий класс не станет твердо на почву политической борьбы. Достижение политической власти является главной задачей борющегося пролетариата.

Но стать перед лицом рабочего класса эта задача может лишь тогда, когда экономическая борьба выставит перед ним явную невозможность добиться улучшения своей участи при данных политических условиях. Только когда стремления пролетариата столкнутся лицом к лицу с данными политическими формами, только тогда, когда поток рабочего движения встретится с политическою силою, только тогда настанет момент перехода классовой борьбы в фазис борьбы сознательно политической. Как социал-демократы, мы ставим своей задачей привести пролетариат к сознанию необходимости политической свободы, как предварительного условия, для возможности его широкого развития.

Но как добиться этого?

Как ни проста и очевидна идея политической свободы, проникнуться ею, притом еще в стране политически отсталой, рабочий класс не может до тех пор, пока он не станет задыхаться в данной политической атмосфере, пока удовлетворение ставших для него необходимыми потребностей будет невозможным в пределах существующих политических условий. Как для сознания противоположности интересов недостаточно только возникновения этой противоположности, а необходима постоянная борьба, так и для сознания политического бесправия недостаточно самого факта этого бесправия до тех пор, пока оно не столкнется с стремлениями рабочей массы к улучшению своего положения. Лучшее доказательство тому мы видим в истории Англии, где, благодаря расцвету промышленности, в известный период приходилось бороться лишь за такие улучшения, добиться

которых можно было при данных политических условиях путем чисто экономической борьбы с капиталистами, не прибегавшими к помощи организованной силы государства. Результаты получились на первый взгляд поистине поразительные. В Англии—наиболее развитое капиталистическое производство, наиболее развитое рабочее движение, но движение это в очень ничтожной степени носит политический характер, и до сих пор еше большинство сторонится от активной политической борьбы. Социал-демократическую окраску пролетариат начинает принимать только в самое последнее время, по мере того, как рабочий класс самым ходом борьбы приходит к сознанию необходимости таких реформ, которые не могут быть осуществимы иначе, как путем прямого воздействия на государственную машину. Если же взять Австрию, в которой рабочее движение очень молодо, то там мы встречаемся с поразительно быстрым ростом политических элементов в движении пролетариата, причиной чего и являются более узкие политические рамки, в пределах которых должна была вестись первоначальная борьба пролетариата. Или, напр., Ирландия. Борьба мелких фермеров, необ'единенных капиталом, с давнего времени носит политический характер, потому что экономическая борьба за удержание уровня благосостояния резко столкнула ирландский народ с организованной силой английского государства. Из вышеприведенных примеров следует, что немыслимо ожидать классового движения с политической программой там, где не ведется в достаточно крупных размерах чисто экономическая борьба. Утопично, поэтому, предполагать, что русские рабочие, в общей своей массе, могут повести политическую борьбу, если только не выяснить с достаточной убедительностью необходимости ее в их собственных интересах. Народная масса вовлекается в борьбу не рассуждениями, но об'ективной логикой вещей, самым ходом события, наталкивающим ее на борьбу. Роль партии, взявшей на себя политическое воспитание и организацию народа, в этом отношении ограничивается тем, чтобы верно определить момент, когда борьба назрела настолько, чтобы перейти в борьбу политическую и чтобы подготовить в самой массе элементы, необходимые для того, чтобы этот переход совершался с наименьшей тратой сил. Каким образом, напр., пролетариат может придти к сознанию необходимости свободы собраний? Чисто логическим путем к такому требовению масса не доходит. Нужно, чтобы свобода собраний была сознана, как средство борьбы за свои интересы, след., должны быть созданы и эти интересы, и практика должна воочию показать, какая связь между интересами рабочего и свободой собраний. Эта практика дается борьбой за свои интересы, борьбой, в которой приходится становиться лицом к лицу с такими общими вопросами, мысли о которых им же самим показались бы бедняками. Критической мысли остается только указывать массе на выводы, вытекающие из постановки самой жизнью насущных для нее вопросов, остается только формулировать те результаты, которые вытекают из логики самой борьбы, другими словами, дать программу.

Но как об'яснить, в таком случае, движение пролетариата в конце прошлого столетия во Франции и в половине нынешнего чуть-ли не во всей Европе? То было время политического угнетения буржуазии, которая при своем развитии встретила препятствия, которые свавили ей политические формы абсолютизма или аристократии. Буржуазия, сильная уже тогда своими материальными средствами, нуждалась в помощи чисто физических сил. Фактически от тех же политических условий страдал и рабочий люд, напр., подмастерья и мануфактурные рабочие. В массе существовало недовольство, велась ею и политическая борьба, но эта борьба происходила во время замены старых форм производства новыми, все значение и смысл которых были недостаточно ясны даже образованной части общества, тем более неразвитой народной массе. Борьба при таких условиях не могла дать пролетариату ни ясного сознания роковой противоположности его интересов интересам всех других классов, ни тем более того, что основные причины бедствий рабочего класса лежат в основаниях экономического строя современного общества. Между тем, значительное угнетение буржуазии вызвало в ней стремление к борьбе

за освобождение, сопровождаясь таким ее идеальным под'емом, таким расцветом политических дарований в ее среде, какого ни прежде, ни после этот класс не достигал. Целые массы ораторов, политиков, литераторов и публицистов вышли из ее среды, одушевленные идеями свободы и равенства, в сознании самих пропагандистов мало связанных с материальными интересами буржуазии. Тем не менее, это были ее дети, воспитанные на почве политического недовольства и оппозиции, правда переходившие за пределы, в которых позволял себе фрондировать солидный буржуа, нередко становившиеся в открытый антагонизм к представителям умеренности и аккуратности банкирского и промышленного либерализма, но при всем том работавшие в пользу одной только буржуазии. Вот эти-то деятели, двинувшиеся в народ со всем жаром несознающего материальных корней своего идеализма, напли в незрелой политически и находившейся в состоянии брожения массе благодарную почву. Народ нетрудным оказалось убедить в том, что причина всех его бедствий заключается в политических стеснениях, и тем более легко было это сделать, когда стоявший над ним класс пел в унисон с революционными агитаторами, правда октавой ниже. Веское слово закрепило в умах рабочих истинность и значение того, что в летучих листках и на сходках говорили ораторы. Но вместе с тем, то же веское слово закрепило в его уме идею о связи всех его интересов с интересами предпринимателей. Видя в хозяине своего защитника и покровителя, он вполне предался ему, не подозревая, что только очень маленький путь им придется сделать вместе, что их дороги разойдутся в противоположные стороны. Таким образом, буржуазия стала предводительницей рабочего класса, который, под ее руководством, разрушил не одну твердыню абсолютизма „божией милостью". Рабочий класс шел в битву, буржуазия давала программу и после победы учреждала новые основания порядка, причем брала себе львиную долю добычи, заключавшейся в политической власти. Тем не менее, и те крупицы свободы, которые перепадали пролетариату после победы, принесли свою долю пользы. Еще больше пользы принесло ему политическое воспитание, которое он приобрел в этой борьбе. Но с этими хорошими сторонами связаны и дурные стороны: до сих пор еще рабочий видит в медоречивом буржуа своего властителя и естественного представителя в политических делах. Содействуя политическому воспитанию рабочего класса, приучая его к политической борьбе, этот исторический период в то же время способствовал ослаблению его политического самосознания, как отдельного класса. История этой эпохи важна для нас, как урок и как ценный материал для собственной практики и теоретического обоснования движения. Мы должны вывести из этого, что только масса может завоевать политическую свободу. А если так, то борьбу за освобождение пролетариата нельзя откладывать до того момента, когда буржуазия добьется политической свободы. Будет-ли у нас буржуазия добиваться ее или нет, будут-ли в ближайшем будущем органические конфликты между правительством и капиталом,—это вопрос несомненно важный, но то или другое его решение не должно изменять направления нашей деятельности. Для нас в том и другом случае самое важное, чтобы рабочий класс был сознателен, чтобы он понимал свои интересы, чтобы он не стал прихвостнем буржуазии, если последняя захочет воспользоваться силой рабочей массы, как охраной, которую не только бросит потом, как ненужную вещь, но и постарается разбить, чтобы она не могла служить против самих победителей. Если действительно наша буржуазия и сумеет стать революционной, то мы не должны дать ей возможность явиться учительницей и руководительницей нашего пролетариата, ибо воспитание, полученное от буржуазии, окупится слишком дорогой ценой потери его классового самосознания. Если буржуазия сама тоже выступит на арену политической борьбы, то тем несомненно лучше: рабочий найдет попутчика по дороге, но только попутчика; если же нет, то он и эту часть предстоящего ему пути пройдет один, как пройдет и весь остальной путь до полного освобождения. И как ничтожна эта первая часть пути перед всей предстоящей ему дорогой!

II.

В виду вышеизложенного, предстоящая нам задача стоит ясно перед нами: мы должны стремиться выработать политическое самосознание в массе рабочих, заинтересовать ее в политической свободе. Но политическое самосознание говорит не только об изменении настоящего политического строя, но и об изменении его в пользу рабочего класса. Следовательно, политическому классовому самосознанию должно предшествовать сознание противоположности интересов. Противоположность же интересов будет сознана тогда, когда в жизни пролетариата появится эта противоположность. Она должна давать себя чувствовать на каждом шагу, постоянно долбить рабочего, давать себя чувствовать во всех мелочах. Но достаточно ли только чувствовать на себе противоположность, чтобы выдвинуть свои интересы на первый план и постоянно иметь их в виду? Жизнь часто опутывает простые и ясные отношения, и нередко представляется возможным об'яснить враждебность положения хозяина и рабочих чисто побочными обстоятельствами, которые именно и сбивают рабочего с толку. Напр., нет ничего легче, как отуманить рабочего и доказать ему, что уменьшение рабочего дня невозможно. В доказательство приводится и угнетенное состояние ремесла в данной отрасли промышленности; приводится невозможность укорочения рабочего дня из-за конкуренции с другими хозяевами, небольшая прибыль, борьба с магазинами и т. д. Вот эти-то доводы, хотя бы они были неверны, или верны только для частного случая, для мало понимающего рабочего даже слишком доказательны. Очевидно, чувствовать и понимать справедливость требований и постоянно и настойчиво их выдвигать – далеко не одно и то же. Но, чтобы разного рода уловки и хитрости не отклонили рабочих от их справедливых требований, необходимо выдвигать эти требования постоянно и не только по крупным вопросам, но, что особенно важно, как подготовительная работа, и по вопросам, с виду самым ничтожным. В требованиях мелких хозяин не так отуманит рабочих, потому что возможность удовлетворить мелкие требования очевидна для всякого, она зависит только от данного хозяина, и неудовлетворение требования легко об'ясняется рабочим лишь только нежеланием самого фабриканта, и таким путем отчасти выясняется и противоположность интересов его и хозяина. При этом мелкие требования без особенной настойчивости в борьбе за них легче могут иметь успех, а это приносит с собою веру в свои силы, научает рабочего практическим приемам борьбы, подготовляет и выдвигает единичные личности, которые до того терялись в массе, дает и другим рабочим пример того, как успешно бороться с хозяевами. При борьбе даже за мелкие требования рабочие должны поневоле соединяться вместе, убеждаясь на практике в необходимости и возможности об'единения. Эта практика много больше значит в воспитании массы, она много убедительнее, чем книжки, говорящие о том же. В борьбе обостряются отношения сторон, и хозяин является в истинном своем виде, только тогда он сбрасывает свою маску отца-благодетеля и проявляет свои задушевные мысли и стремления. В этой борьбе рабочий может ясно различить своих друзей и врагов, может заметить солидарность всех хозяев, всей буржуазии вообще—крупной и мелкой – против него, рабочего. На почве возбуждения, вызываемого борьбою, рабочий более восприимчив к принятию таких идей, которые раньше ему самому показались бы бреднями.

Эта борьба за мелкие требования, вызываемая частными причинами эксплоатации одного или нескольких хозяев, ограниченная арендой одной или немногих мастерских или фабрик, борьба, которая в большинстве случаев удерживается в рамках борьбы только самым непосредственным эксплуататором, не поддерживаемым администрацией, должна служить для русского пролетариата, еще не искусившегося в классовой борьбе, как бы первоначальной школой; в ней он воспитается, окрепнет, из нее выйдет подготовленный к борьбе за более важные требования, без соединения рабочих нескольких фабрик или целого ремесла.

Первый фазис борьбы за мелкие требования, к которым рабочего толкает легко понимаемый расчет, без труда об'ясняемая эксплоатация хозяина, требует от рабочих известной степени энергии и единодушия. Во втором фазисе, когда придется иметь дело с целым буржуазным классом, к которому немедленно поспешит на помощь правительство, потребуется уже гораздо большая степень выдержки, солидарности и смелости; мало того, потребуется и известная степень сознания, умения связать свои интересы с интересами других рабочих той же отрасли производства, иногда даже другой, а такое сознание может выработаться только тогда, когда собственным опытом рабочий придет к выводу о невозможности успеха при частной борьбе за интересы рабочих отдельных фабрик. Именно борьба с отдельными хозяевами и выработает в рабочем классе ту степень стойкости и выдержки, об'единенности, чувства независимости и классовой самоуверенности, которая понадобится ему тогда, когда перед ним встанет небходимость классовой борьбы в собственном смысле слова. По мере вступления в эту фазу, рабочее движение станет мало по малу принимать политическую окраску. Действительно, поскольку рабочие выдвигают то или иное требование значительного изменения в существующих на данной фабрике или в целой отрасли промышленности порядках, постольку они вступают в такую борьбу, при которой им станет выясняться отношение к ним не только одного, не только нескольких хозяев, но и всех высших классов и правительства. В сознании всей правоты своего требования, рабочие сначала держатся спокойно, уверенные в том, что все должны быть на их стороне, все должны им сочувствовать. Ведь все это так просто, требования так ясны, притеснения так несправедливы! Они отправляют депутацию к фабричному инспектору. Он наверное им поможет, ведь он их защитник, он знает все законы, а законы, наверное, говорят в их пользу. . . . . Точно ушатом холодной воды обливает их инспектор. . . . В законах ничего об этом нет; фабрикант стоит на вполне законной почве, ничего не могу сделать. . . . . Дверь закрывается перед носом . . . Как, чтобы законы за нас не заступились. Быть этого не может, чтобы нас не защищал наш батюшка! Инспектор подкуплен фабрикантом, он врет, нахально врет! . . . Рабочие пробуют другие пути,—везде отказ, кое-где с угрозой, которая скоро принимает реальные формы—в помощь фабрикантам посылаются войска. Рабочие получают первый урок политической науки, гласящей, что право на стороне сильного, что против организованной силы капитала должна выступить организованная же сила труда. Расширяясь по мере своего развития, охватывая целые производства вместо отдельных фабрик, движение с каждым шагом все чаще сталкивается с государственной властью, уроки политической мудрости становятся все чаще, и с каждым разом их строгая мораль все глубже запечатлевается в умах рабочих, вырабатывается классовое самосознание, понимание того, что все, к чему стремится народ, может быть достигнуто только через этот же народ. Подготовляется почва для политической агитации. Эта агитация застает теперь класс, организованный самой жизнью, с сильно развитым классовым эгоизмом, с сознанием общности интересов всех трудящихся и их противоположности интересам всех других. Тогда изменение политического строя только вопрос времени. Одна искра—и накопленный горючий материал даст взрыв.

Таким образом, задачей социал-демократов является постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований. Вызванная такой агитацией борьба приучит рабоих отстаивать свои интересы, поднимет их мужество, даст им уверенность в своих силах, сознание необходимости единения и в конце концов поставит перед ними более важные вопросы, требующие разрешения. Подготовленный, таким образом, к более серьезной борьбе рабочий класс приступает к решению этих насущных вопросов, и агитация на почве этих вопросов должна имет целью выработку классового самосознания. Классовая борьба в этом, более сознательном виде, создает почву для политической агитации, целью которой будет изменение существующих политических условий в пользу рабочего класса. Дальнейшая программа социал-демократов ясна сама собою.

III.

Исходя из того, что стать действительно народной партией, социал-демократия может только тогда, когда она программу своей деятельности построит на действительно ощущаемых рабочим классом нуждах, и что для достижения этой цели—организации рабочего класса—она должна начать с агитации на почве самых насущных, наиболее рабочему классу ясных и наиболее достижимых мелких требований, мы приходим к новой постановке вопроса о том, какого рода личности мы должны стараться создавать из рабочих, предназначаемых в руководители движения. Чтобы выставить самое мелкое требование, которое могло бы об'единить рабочих в борьбе, надо понимать, какое требование при данных условиях легче всего окажет на рабочих хорошее влияние, надо удачно выбрать момент для начала борьбы, надо знать, какие приемы борьбы, при данных условиях места и времени, наиболее целесообразны. Такого рода сведения требуют от агитатора постоянные сношения с массой рабочих, требуют, чтобы он постоянно интересовался и следил за ходом данной отрасли промышленности. В каждой фабрике найдется много прижимок, рабочего могут интересовать много мелочей: угадать наиболее наболевшее место в жизни рабочих, угадать момент, когда выдвинуть данное требование, знать заранее все возможные осложнения—вот реальное дело для активного агитатора. Подобного рода сведения могут быть даны только жизнью, теория может и должна лишь осветить ему их. Постоянно тереться в массе, прислушиваться, попадать в надлежащую точку, схватить биение пульса толпы—к этому должен стремиться агитатор. Значение условий жизни, знание чувств массы дадут ему, главным образом, влияние на массу; они дадут ему умение всегда найтись при всяких обстоятельствах, они выдвинут его из толпы и сделают естественным руководителем. Разумеется, социал-демократические взгляды агитатора будут обусловливать тот из путей, по которому он сочтет нужным вести толпу, не поступаясь со своими убеждениями. Он обязан всеми силами стремиться к выяснению массе выгод и неудобств каждого из предлагаемых ей средств, к предохранению ее от всяких ошибок, могущих вредить делу развития в ней самосознания. Далее, он должен итти всегда шагом дальше, чем пойдет масса, он должен осветить в ее глазах ее борьбу, об'яснив ее значение с более общей точки зрения противоположности интересов, должен, таким образом, расширить горизонт масс.

Но в то же время агитатор сам не должен упускать из вида конечной цели; должен быть настолько теоретически подготовленным, чтобы ни при каких неудачах не терять из виду той связи, которая существует между данным его шагом и конечной целью. Для этого, однако, недостаточно одной теоретической подготовки. Последняя должна постоянно подкрепляться практической работой. Только такой постоянной проверкой, только постоянно применяя к делу узнаваемое и усваиваемое в теории, агитатор может сказать, что понял и усвоил теорию. В свою очередь, практическая деятельность покажет, какие вопросы необходимо обосновать глубже, и подобным дополнением человек сумеет удостовериться в основательности самой теории и в приложимости ее к данным условиям.

Поэтому-то мы и не признаем ни одной из крайностей, ни оторваться от практической почвы и только учиться, ни агитировать в массе, не занимаясь в то же время и теоретически. Лишь параллельная деятельность, восполнение одного другим, дает действительную подготовку и вырабатывает прямые убеждения. Между тем, какой характер, носили и носят приемы пропаганды в большинстве социал-демократических кружков? У отдельных личностей вырабатывались теоретической подготовкой соответствующие убеждения, которые эти личности старались передавать дальше. Но цельное мировоззрение, да еще мировоззрение научного социализма может быть воспринимаемо далеко не всяким, и лишь на известной ступени развития промышленности пропаганда научного социализма находит массу адептов, и в таком случае эта масса подготовляется долгой и упорной борьбой. Поэтому выбирались наиболее способные рабочие, которых собирали в кружки.

передавали им мало по малу социал-демократические взгляды, насколько это было доступно самим руководителям, а затем материал для окончательной отделки отсылался к интеллигенту.

Что же являлось результатом такого рода пропаганды? Лучшие, способнейшие люди получали теоретические сведения, которые самым внешним образом связывались с реальной жизнью, с условиями, в которых жили эти личности. Стремление рабочего к знанию, к выходу из темноты, эксплоатировалось для того, чтобы приобщить его к выводам и обобществлениям научного социализма: последний брался, как нечто обязательное, постоянное и для всех одинаковое. Вот почему большинство спропагандированных рабочих при всем их увлечении научным социализмом носило все черты, характеризовавшие в свое время социалистов-утопистов,— все, кроме одной: последние были убеждены во всемогущей силе проповеди нового евангелия и верили, что только от их собственных усилий зависит привлечение на их сторону всей народной массы, между тем как наши социал-демократы-утописты отлично знают, что отсталое состояние русской промышленности указывает всякому социалистическому движению узкие пределы, и эта уверенность отнимает у них всякую энергию в деле пропаганды и заставляет ограничивать свою деятельность узким кругом более развитых единиц. Наши спропагандированные рабочие гораздо лучше знают и понимают условия деятельности западной социал-демократии, чем условия своей собственной деятельности.

Научный социализм, явившийся на Западе теоретическим выражением рабочего движения, у нас превращается в абстрактную теорию, не желающую спуститься с заоблачных высот научного обобщения.

Но мало того, что при такой постановке дела социализм вырождается в секту; практиковавшаяся система пропаганды имела еще и другие, более вредные последствия. С одной стороны, при этой системе пропаганды, масса оставалась совершенно в стороне, на нее смотрели, как на материал, из которого надо черпать и черпать по возможности больше. Это черпанье роковым образом ослабило интеллектуальные силы массы, лучшие элементы отнимались у нее, и она лишалась таких людей, которые и без всякого сознания, по своему умственному и нравственному превосходству, служили ей прежде и могли служить вожаками и передовыми бойцами в чисто стихийной борьбе ее за существование. С другой стороны, эти лучшие элементы пролетариата образовали особую группу людей со всеми признаками, характеризующими нашу революционную интеллигенцию, обреченную на вечно кружковую жизнь и деятельность, с неизбежно вытекающими отсюда результатами. Убедившись в том, что дальнейшее выуживание единиц из массы становится все труднее (а такой момент должен непременно наступить), рабочие интеллигенты становятся втупик, задумываются над причинами затруднения и естественно склоняются или к мысли, что виной неуспеха их деятельности является недостаточная степень их собственного развития, или же к убеждению, что у нас еще не созрели условия рабочего движения. В первом случае они заключают, что надо учиться и учиться и потом уже итти передавать свои взгляды массе; во втором—они, если не кончат полным разочарованием, примирением с действительностью, все крепче замыкаются в свои кружки, занимаются самоусовершенствованием вплоть до минуты, когда само собою, без их содействия, имеющее наступить поднятие культурного уровня массы сделает ее способной понимать их проповедь. В том и другом случае подобные результаты пропаганды являются несомненным минусом в деле поднятия классового самосознания русского пролетариата. Чем более будут в умственном и нравственном отношении совершенствоваться рабочие социалисты, тем более они будут удаляться от массы, тем более действительность будет уходить из-под их ног, и в решительный момент, когда то или иное событие приведет в движение рабочую массу, она и рабочие-социалисты будут стоять чуждыми друг другу и даже враждебными друг другу. Трудно предвидеть, к чему это может повести, но история Европы показывает, что при таком положении вещей, когда назреют условия для движения рабочей массы, а истинные представители ее интересов ока-

жутся ей чуждыми, она найдет себе других вождей—не теоретиков, а практиков, которые поведут ее в ущерб делу ее классового развития. Для социал-демократа такая перспектива не может не представляться весьма опасной. Пропаганда среди рабочих для того только, чтобы вербовать социализму новых единичных приверженцев, нисколько не отличается от пропаганды среди интеллигенции для той же цели; впрочем, как выше показано, подобная пропаганда имеет и прямо вредную сторону—она ослабляет интеллектуальные силы массы. Создавая рабочую социалистическую интеллигенцию, оторванную от массы, мы вредим делу развития пролетариата, вредим своему собственному делу.

Иные результаты должны получиться при системе соединения пропаганды с агитацией, соединения теории с практикой. Постоянное соединение развитых единиц с массой, единение на почве смутно шевелящихся в понимании массы и разъясняемых ей развитым агитатором вопросов, такое единение свяжет массу с агитатором, сделает его ее естественным руководителем. В то же время каждый, достигнутый путем такого союза единиц и масс, успех поднимет дремлющие силы массы; поднимет ее дух, возбудит в ней новые, прежде казавшиеся ей чуждыми, потребности, возвысит, таким образом, ее культурный уровень, и след., еще более приблизит ее к агитатору. Постоянная борьба возбудит в ней работу мысли; мало того, та же борьба выдвинет из массы новые единицы, которые могут стать об'ектом той-же рациональной пропаганды и которые, без того, остались-бы затертыми в массе. Последнее особенно верно: тогда как при пассивном состоянии массы, контингент лиц, из которых можно создавать социалистов, ограничен довольно узкими пределами, при активном движении, само это движение постоянно будет пополнять места выбывающих из строя передовых бойцов. Дело агитатора постараться, чтобы в голове рабочего зародились новые мысли, чтобы он в более ясном свете понимал отношения хозяина к себе. Возбуждение, вечная неудовлетворенность, вечное стремление к улучшению своего положения и борьба за это улучшение, в то же время широкое понимание уже достигнутых побед—к этому должен вести массу агитатор.

При кружковой пропаганде были необходимы большие жертвы для достижения ничтожных результатов. При системе работы в массе число жертв сравнительно с достигаемым результатом уменьшается, и чем больше движение будет идти вширь и вглубь, тем труднее будет справляться с ним, тем труднее вырывать с корнем социалистические элементы. Лучший пример—Польша: стачки начинают получать в ней официальное признание, правительство не решается применить к участникам существующие законы. Это доказывает, что прямое движение может сделать недействительным все препоны, поставленные на его пути законом. Но для этого движение должно иметь корни в почве. Тот не социал-демократ, кто своей деятельностью не содействует росту классового сознания и революционных требований пролетариата.

Между тем, содействовать тому или другому можно, только взявшись непосредственно за возбуждение в массе движения на экономической почве, и каждый шаг в этом направлении, сокращая остающийся путь, в то же время будет облегчать дальнейшее движение, будет устранять одно за другим те препятствия, которые теперь кажутся неустранимыми и которые мешают даже кружковой, культурной, в сущности, работе, и которые для последней действительно неустранимы. В виду всего этого, мы признаем необходимым для социал-демократических кружков перейти к указанной нами в главных чертах программе, или перестать думать, что их деятельность делу развития пролетариата полезнее деятельности, напр., Комитета Грамотности. Опыт, имеющийся у таких кружков, и сведения рабочих которых им удалось спропагандировать, сделают возможным более или менее рационально начать борьбу на новых основаниях. Интеллигенты и рабочие должны постоянно обсуждать, что в данной отрасли производства в данный момент должно

быть выставлено, как предмет агитации, принимая за исходный пункт самые насущные нужды рабочих. Далее будут выясняться те средства, которыми легче всего начать борьбу (агитация, стачка, петиция инспектору и т. п.). Затем, задачей интеллигенции должна быть выработка агитационной литературы, приспособленной к условиям жизни данной отрасли производства или данного промышленного центра, литературе, которая говорила бы рабочему о его нуждах и служила бы соответствующим дополнением к устной агитации. Наконец, интеллигенты должны стремиться придать своим занятиям с рабочими более практический характер так, чтобы для рабочего получаемое им при занятиях знание служило для расширения его горизонта, а не отрывало его сразу от конкретной почвы в область совершенно абстрактных научных положений. В том же направлении должна создаваться и пропагандистская литература.

Остается сказать несколько слов о том, какими пределами должна ограничиваться деятельность социал-демократов. Существует мнение, что только наиболее развитые фабричные центры могут дать почву для агитационной деятельности. И в самом деле, в ремесленной и кустарной промышленности разрозненные и разобщенные рабочие труднее могут об'единиться на почве сознательных общих интересов, да и самая общность этих интересов не так легко может быть сознана, равно как и противоположность интересов работодателя и работника. Этому способствует отсутствие глубокого различия в положении мастера и рабочего. Кроме того, рабочий сравнительно легко может стать хозяином или самостоятельным производителем, вследствие чего рабочий смотрит на свое положение, как на временное, и согласен приносить некоторые жертвы. Но можно-ли вывести отсюда, что борьба совершенно невозможна? Опять таки нет! Ремесленное и кустарное производство, именно как мелкое, дает некоторые примущества в борьбе.

Профессиональные рабочие культурно более развиты, чем непрофиссиональные они более редки и не легко могут быть заменены другими; при возможности легко открывать мастерские, рабочие меньше теряют в случае отказа от работы и т. д. Наконец большое количество мелких мастерских в одной области облегчает возможность перехода от одного хозяина к другому. След., если, с одной стороны, мелкое ремесло мешает развитию активной борьбы, то с другой, это же ремесло помогает ведению борьбы.

Если в крупных центрах сама жизнь выдвигает рабочих на борьбу с капиталистом и роль агитатора лишь указывать путь, то в мелком ремесле агитатору в гораздо большей мере приходится еще будить рабочих. Зато, раз только движение начнется, оно имеет некоторые шансы на успех. Спрашивается, необходимо-ли это? Существует мнение, что следует подождать, пока ремесла фактически не перейдут в крупную промышленность, и тогда начать агитацию, а до тех пор довольствоваться пропагандой, направленной на выработку отдельных рабочих-социалистов. Но не говоря о том, что подлежит сомнению, следует-ли вообще стремиться к созданию оторванной от массы рабочей интеллигенции, против предлагаемой тактики можно выставить возражения и другого рода. Дело в том, что ремесло не переходит в отрасль крупной промышленности внезапным скачком: переход совершается очень медленно и подчас весьма нелегко определить, превратилось-ли данное ремесло или кустарное производство в мануфактуру, или же нет. В процессе перехода больше всего страдают рабочие вследствие своей неподготовленности. Рабочие захватываются железными тисками крупного производства исподволь, и беда им, если в этом процессе они участвуют только пассивно. Страшные страдания, материальная необеспеченность, безработица, постоянное уменьшение заработка, почти вырождение—вот что происходит изо дня в день, если рабочие сами не замечают своего движения по наклонной плоскости уменьшения платы и увеличения необеспеченности, если они собственными силами не борются для завоевания лучших условий жизни. Беда рабочим, если взамен теряемых ими на каждом шагу преимуществ профессиональ-

ного труда они не приобретут другого оружия—сознания своих интересов, понимания необходимости сплоченно держаться друг за друга для успешной борьбы. Правда, агитация при таких обстоятельствах гораздо труднее, вследствие надвигающейся страшной силы, раздавливающей рабочих, но зато она тем важнее, что предотвращает самые острые бедствия и тем дает шансы на более плодотворную борьбу с новыми условиями, когда последние установятся. Мы счастливы тем, что живем в такую эпоху, когда процесс движения так ясен, что мы можем предвидеть его дальнейшие стадии.

Знать этот процесс и не пользоваться знанием—значило бы совершить крупную историческую ошибку. К тому же ошибочна мысль о возможности сильного рабочего движения в нескольких центрах. При легкой подвижности рабочих, провинциальные рабочие, переводимые в ряды безработных первыми шагами капитализма, смогут сыграть по отношению к организованным рабочим крупных центров роль эмигрантов из менее культурной страны, таким образом, оставлять в пренебрежении рабочих мелкой промышленности—значит затруднять дело организации и борьбы крупных рабочих центров. Отсюда следует, что лишь повсеместная агитация может принести плодотворные результаты. По отношению к необъединенной еще промышленным капиталом массе мы должны стремиться к тому, чтобы капитализм, при своем завоевании одной отрасли производства за другой, оставил бы за собой не одни развалины, чтобы немедленно за его плечами поднимались ряды организованной рабочей армии, чтобы лишенные своих профессиональных качеств и обращенные в чернорабочих пролетарии сумели противопоставить эксплоатации силу организации, силу классового самосознания.

CREDO [25]).

(Перепечатано из сборника «Vademecum» для редакции «Рабочего Дела», стр. 1—6).

«Существование цехового и мануфактурного периода на Западе положило резкий след на всю последующую историю, в особенности, на историю социал-демократии. Необходимость для буржуазии завоевать свободные формы, стремление освободиться от сковывающих производство цеховых регламентаций сделали буржуазию революционным элементом; она повсюду на Западе начинает с liberte, egalitè, fraternite *), с завоевания свободных политических форм. Но этим завоеванием она, по выражению Бисмарка [26]), выдавала вексель на будущее своему антиподу—рабочему классу. Почти всюду на Западе рабочий класс не завоевал демократических учреждений: он ими пользовался. Нам могут возразить, что он участвовал в революциях. Исторические справки опровергают это мнение; так именно в 1848 г., когда произошло на Западе упрочение конституций, рабочий класс представлял из себя ремесленно-городской элемент, мещанскую демократию. фабричный же пролетариат почти не существовал, а пролетариат крупного производства (ткачи Германии—Гауптман—ткачи Лиона) представлял из себя дикую массу, способную лишь к бунтам, но отнюдь не к выставлению каких-либо политических требований. Нужно прямо сказать, что конституции 1848 г. были завоеваны буржуазией и мелким мещанством, артизанами. С другой стороны, рабочий класс (артизаны и рабочие мануфактур, типографщики, ткачи, часовых дел мастера и проч.) с средних веков еще привык участвовать в организациях—в кассах взаимопомощи, религиозных обществ и пр. Этот организационный дух до сих пор еще живет у обученных рабочих Запада и резко отличает их от фабричного пролетариата, плохо и медленно поддающегося организации и способного лишь к так называемому lose organisation (временным организациям), а не к прочным организациям с уставами и регламентами. Эти же мануфактурно обученные рабочие составили ядро социал-демократических партий. Таким образом, получилась следующая картина: сравни

*) Свобода, равенство, братство.

тельная легкость и полная возможность политической борьбы с одной стороны, с другой—возможность планомерной организации этой борьбы с помощью воспитанных мануфактурным периодом рабочих. На этой почве вырос на Западе теоретический и практический марксизм. Исходной его точкой явилась парламентская борьба с перспективой (только по внешности сходной с бланкизмом [27]), по происхождению совершенно другого характера) захвата власти, с одной стороны, Zusammenbruch'а (соц.-революции)—с другой. Марксизм явился теоретическим выражением господствующей практики политической борьбы, превалирующей над экономической. И в Бельгии, и во Франции, особенно в Германии, рабочие с невероятной легкостью организовали политическую борьбу и с страшным трудом, с огромным трением—экономическую. И до сих пор экономические организации по сравнению с политическими (не касаюсь Англии) страдают необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду lassent, a desirer quelque schose *). Пока энергия в политической борьбе не была вся исчерпана,—Zusammenbruch являлся необходимым организующим Schogvort'ом **), которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной закон, который можно вывести при изучении рабочего движения—линия наименьшего сопротивления. На Западе такой линией являлась политическая деятельность и марксизм в том виде, в каком он был формулирован в Коммунистическом Манифесте, являлся как нельзя более удачной формой, в которую должно было вылиться движение. Но когда в политической деятельности была исчерпана вся энергия, когда политическое движение дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный рост голосов за последнее время, апатия публики на собраниях, унылый тон литературы), с другой стороны бессилие парламентской деятельности и выступление на арену черной массы—неорганизованного и почти не поддающегося организации фабричного пролетариата—создали на Западе то, что носит теперь название бернштейниады, кризиса марксизма. Более логического хода вещей, чем период развития рабочего движения от Коммунистического Манифеста до бернштейниады, трудно себе представить, и внимательное наблюдение всего этого процесса может с точностью астронома определить исход этого «кризиса». Речь идет здесь, конечно, не о поражении или победе бернштейниады—это мало интересно, речь идет о коренном изменении практической деятельности, которое уже давно понемногу совершается в недрах партии. Изменение это произойдет не только в сторону более энергичного ведения экономической борьбы, упрочения экономических организаций, но главное, и это самое существенное, в сторону изменения отношения партии к остальным оппозиционным партиям. Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия **признает** общество, ее узко-корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов. Содержание понятия «политика» расширится до истинно общественного значения и практические требования минуты получат больше веса, могут рассчитывать на большее внимание, чем это было до сих пор. Не трудно из этого краткого описания хода развития рабочего движения на Западе сделать вывод для России. Линия наименьшего сопротивления у нас никогда не будет направлена в сторону политической деятельности. Невозможный политический гнет заставит много говорить о нем, именно на этом вопросе сосредоточивать внимание, но никогда не заставит он практически действовать. Если на Западе

*) Оставляя за собой право многого желать.
**) Боевой лозунг.

слабые силы рабочих, будучи вовлечены в политическую деятельность, окрепли, на ней и сформировались, у нас—слабые силы эти, наоборот, стоят перед стеной политического гнета и не только не имеют практических путей для борьбы с ним, а, следовательно, и для своего развития, но даже систематически душатся им и не могут пускать даже слабых ростков. Если прибавить к этому, что рабочий класс наш не получил в наследие того организованного духа, каким отличались борцы Запада, то картина получится удручающая и способная повернуть в уныние самого оптимистического марксиста, верящего в то, что лишняя фабричная труба, уже одним фактом своего существования, несет великое благополучие. Трудна, бесконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она, наконец, практикуется самими массами. Приучаясь в этой борьбе к организации и поминутно наталкиваясь в ней на политический режим, русский рабочий создаст, наконец, то, что можно назвать формой рабочего движения, создаст ту или те организации, которые наиболее подходят к условиям русской действительности. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что русское рабочее движение находится еще в амебовидном состоянии и никакой формы на создало. Стачечное движение, существуя при всякой форме организации, не может еще быть названо кристаллизованной формой русского движения, а нелегальные организации уже с чисто количественной точки зрения не заслуживают внимания (не говорю об их полезности при настоящих условиях). Вот положение. Если прибавить сюда еще голодухи и процесс разорения деревни, способствующий Streikbrecher'ству и, следовательно, еще большую трудность под'ема рабочих масс на более сносный культурный уровень, то... Что же тут делать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть ни что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву. Русский марксизм пока печальное зрелище. Его практические задачи в настоящем мизерны, его теоретические познания, поскольку он пользуется ими не **как орудием исследования**, а как схемой деятельности, не имеют цены для выполнения даже этих мизерных практических задач. Кроме того, эти схемы, взятые с чужого плеча, в смысле практики являются вредными. Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты более, чем это нужно, относятся с презрением к радикально или либерально оппозиционной деятельности всех других не рабочих слоев общества. Малейшая попытка сосредоточить внимание на общественных проявлениях либерально политического свойства вызывает протест ортодоксальных марксистов, забывающих, что целый ряд исторических условий мешает быть нам марксистами Запада и требует от нас иного марксизма, уместного и нужного в русских условиях. Отсутствие у каждого русского гражданина политического чувства и чутья не может, очевидно, быть искуплено разговорами о политике или воззваниями к несуществующей силе. Это политическое чутье может быть дано лишь воспитанием, т. е. участием в той жизни, как бы она ни была немарксистична, которую предлагает русская действительность. Насколько «отрицание» было уместно (временно) на Западе, настолько у нас оно вредно, потому что отрицание, исходящее от чего то организованного и имеющего фактическую силу,—одно, а отрицание, исходящее из бесформленной массы разрозненных личностей,—другое. Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности. Как «отрицатель», русский марксист пришел очень рано, а это отрицание ослабило в нем ту долю энергии, которая должна направляться в сторону политического радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помешает деятельному участию русского интеллигента в жизни и отодвинет его слишком далеко от оппозиционных кругов—это будет существенный ущерб для всех, кто вынужден бороться за правовые формы не рука об руку с рабочим классом, еще не выдвинувшим политических задач. Политическая невинность русского марксиста-интеллигента, скрытая за головными рассуждениями на политические темы, может сыграть с ним скверную штуку».

«РАБОЧАЯ МЫСЛЬ».

Передовая статья из № 1 «Рабочей Мысли» (1897 г.).

(Перепечатано из № 9—10 «Листка Работника»).

«Рабочее движение в России теперь может считаться приобщенным к общеевропейскому рабочему движению. Теперь, конечно, никто не станет сомневаться, что руке в сипем обшлаге не удержать его постепенного, неуклонного развития. То погасая до едва тлеющей искры, то разростаясь в море огня, оно все шире и глубже захватывает рабочие массы и, хотя медленно, но прочно дисциплинирует их, научая борьбе с врагом. Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам борется за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей. Это вполне понятно. До тех пор, пока движение было лишь средством для успокоения больной совести кающегося интеллигента, оно было чуждо самому рабочему. Масса была холодна и безучастна к делу; убежденные рабочие—бойцы за свое собственное дело—являлись в виде исключений и, во всяком случае, не могли дать, по количеству, заметной окраски движению. Средства доставлял тощий студенческий кошелек. За что сражаться, с кем, по какому поводу? На это совсем не было ответа у рабочего не интеллигентного, а рядового из массы, который собственно и значит все для движения. Да и не могло быть на это ответа, потому что экономическая основа движения была затменена стремлением постоянно не забывать политического идеала; вопрос был поставлен так, что не давал сам по себе ответа, а разъяснить каждому нет возможности, потому что обычные занятия обнимают сравнительно очень небольшой круг людей. Одним словом, можно сказать, что средний рабочий стоял вне движения. Стачки 1896 г. [28]) можно считать первым и пока единственным проявлением самостоятельной рабочей мысли, воплотившейся в стройные формы, если не считать прежде бывших стачек, возникших более или менее стихийно, взрывом, а не как борьба по обдуманному плану. Раз вопрос, за что бороться, ясен, раз враг перед глазами, русский рабочий умеет бороться, он уже доказал это. Борьба за экономические интересы—самая упорная борьба, самая сильная по количеству душ, которым она понятна, и по геройству, с которым самый обыкновенный человек отстаивает свое право на существование. Таков закон природы. Политика всегда послушно следует за экономикой и, в общем итоге, политические оковы разбиваются попутно. **Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на поле ежедневных насущных интересов и стачки, как средство этой борьбы,—вот девиз рабочего движения.** Эта борьба понятна всем, она закаляет силы и сплачивает рабочих. В ней каждый шаг вперед есть улучшение в жизни, есть новое средство к дальнейшим победам. Раз привлечена вся масса рабочих, этим обеспечены средства к борьбе. Движение перестает быть нищим, живущим подачками со стороны. Средства должны давать сами бойцы, и каждый трудовой грош, вложенный в дело, будет дороже тысяч, данных со стороны. Стремление рабочих заводить кассы знаменует переход к вполне сознательной эпохе движения. **Эти кассы должны давать в будущем средства прежде всего не для занятий, не для книг, а для насущного хлеба во время разгара боя,** во время стачек. Вокруг касс должны группироваться рабочие, и каждая из них дороже для движения, чем сотня других организаций. Конечно, и дело самообразования должно итти своим чередом, воспитывая интеллигентные единицы. Пусть рабочие ведут борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и для своих детей, пусть помнят, что каждая победа, каждая пядь, отбитая у врага, есть пройденная ступень лестницы, ведущей к их собственному благополучию; пусть имеющие силы призывают слабых к борьбе и строят их в ряды сами не рассчитывая ни на чью помощь. Победа впереди, и только тогда верх будет одержан бойцами, когда девизом их будет: **«рабочие для рабочих»**.

Статья из № 3 «Рабочей Мысли» (1899 г.).

(Перепечатана с сокращениями).

Русское рабочее движение выросло за последнее время и окрепло, охватив всю Россию... Политическая и социалистическая пропаганда проникает в широкие массы рабочих, способствуя росту классового самосознания... Начинают выставляться самые широкие политические требования: «свободы стачек, слова, печати, собраний союзов... свободы совести, вероисповеданий... равноправия всех национальностей... созыва парламента»... *).

Так, или приблизительно так, принято у нас говорить о нашем рабочем движении. Но такова-ли действительность? Для нас необходимее всего знать голую истину, видеть действительность таковой, какова она есть.

Что служит характернейшим признаком рабочего движения, главнейшим условием его развития?

Характернейший признак рабочего движения, главное условие его дальнейшего развития—есть организованность рабочих масс.

Организованность есть для рабочих единственное средство удержать за собой раз добытые уступки хозяев. И будь наши ткачи и прядильщики организованы на манер иностранных рабочих, закон 2-го июня не мог бы быть после так изуродован нашими хозяевами и правительством г.г. Витте [29]) и Горемыкина [30]). Будь наши рабочие организованы, обещания этих господ были бы ими точно выполнены и раз добытые уступки не были бы взяты ими назад, как это вышло в данном случае, по исчезновении—с прекращением стачки—всякой организации среди рабочих.

Но что такое, в самом деле, организации заграничных рабочих? Что это такое все эти их союзы ткачей, прядильщиков... сообщества слесарей, кузнецов, токарей? Ведь это просто **нераспущенная стачка рабочих, стачка, превратившаяся из временной в постоянную.** И для кого же не понятно, что только посредством такой, как бы, «постоянной» стачки за выполнение администрацией раз предъявленных рабочими требований и данных хозяевами обещаний можно принудить их к действительному выполнению ими обещаний. Раз достигнутые забастовкой уступки могут быть действительно удержаны рабочими за собой лишь в том случае, если они продолжают быть той организованной стачечной боевой силой, перед которой только и уступили хозяева. Словом, «постоянная стачка», **постоянная рабочая организация—рабочий союз—есть необходимейшее условие прочного улучшения положения рабочих, условие, без которого действительного рабочего движения (по пути улучшения их положения) нет и не может быть.**

И к этому делу (организации) должны быть направлены теперь все усилия, вся пропаганда, вся агитация настоящей минуты!

Русский закон не признает еще за рабочими права устраиваться в союзы для улучшения своего положения, русский закон признает пока за рабочими лишь право устраивать мирные общества взаимопомощи. Но сама жизнь с ее насущнейшими потребностями принуждает рабочих устраиваться в боевые „стачечные" союзы для повышения заработной платы, сокращения рабочего дня и т. д. И до тех пор, пока наш закон не признает права на официальное существование подобного рода союзов, союзы эти—как было это везде за границей—будут существовать негласно. Рабочие союзы везде сперва преследуются, затем терпятся, потом входят в обычай открыто, официально признаются законом и, наконец, покровительствуются им.

Но как же организоваться? Как устраивать эти союзы, эти «постоянные стачки»? Да—точно так же, как устраиваются временные **обычные стачки**. Подобно тому, как в обычную (временную) стачку по необходимости вступают рабочие,

*) Майская прокл. 1898 г. СПБ.

самые близкие друг другу по ремеслу, цеху или по месту работы, словом, рабочие с одними и теми же насущными потребностями и интересами, так точно и в «постоянную стачку», в боевой рабочий союз должны вступать рабочие, об'единяемые своими одинаковыми, общими для всех неотложными нуждами, связанные одними и теми же требованиями настоящего времени. Ткачи каждой фабрики должны входить в союз с ткачами, токаря с токарями, слесаря с слесарями... пока не почувствуют под ногами прочной почвы для более широкого об'единения...

Значение подобных рабочих союзов в настоящее время велико. Некоторые английские и бельгийские рабочие союзы, помощью своих стачечных касс и касс для безработных не только повысили за последние 40 лет свою заработную плату вдвое, но и поставили в прямую зависимость от себя (под свой контроль) и самое ведение производства. Так, в некоторых отраслях производства хозяева уже принуждены самый наем рабочих производить не иначе, как через самих рабочих, т. е. через представителей их рабочего союза; эти представители назначаются союзом в каждую мастерскую, в которой работают его члены. Такие союзы служат вместе с тем для рабочих и образовательными обществами, школой, в которой они изучают условия труда, а в иных случаях и самостоятельное ведение промышленных дел. (Особые мастерские для безработных, устраиваемые некоторыми из подобных союзов в настоящее время, производительные товарищества, рабочие кооперативы). Понятно их значение и для будущего, которое есть, ведь, ни что иное, как дальнейшее (высшее) развитие настоящего...

Итак, **организуйтесь**, товарищи, на почве необходимейших ваших потребностей, помня, что единственно верный способ добиться каких-нибудь успехов— есть путь **организованной борьбы**... единственное верное условие удержать за собою раз добытые борьбой уступки—**организация**... единственный верный признак, средство и условие постоянного движения вперед по пути улучшения своего положения это—наша организованность... она залог победы в борьбе за лучшую жизнь.

Организуйтесь-же, товарищи!

Наша действительность.

(Из отд. приложения к № 11 «Раб. Мысли» за IX 1899 г.).

Какую-же борьбу желательно, чтобы вели рабочие? Не ту-ли, какую только возможно вести им при данных обстоятельствах? А возможна при данных обстоятельствах не та ли борьба, какую они ведут в действительности в данную минуту? И к этой то борьбе, к частной и политической борьбе за улучшение своего положения, мы и призываем рабочих, понимая под **частной борьбой** борьбу, которую ведут рабочие отдельных фабрик со своими хозяевами, имея в виду свои частные интересы, за частное улучшение своего положения (какого бы свойства ни были при этой их частные требования, предъявляемые ими своим хозяевам), называя **политической борьбой** ту борьбу рабочих, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих, хотя бы путем законодательной защиты труда (касайся она материальной стороны или быта или правовой, все равно). Мы призываем всех рабочих к этой борьбе, сознавая, что всякая действительно **общественная борьба**,—каким бы классом она ни велась, всякая действительно общественная самодеятельность, какому бы общественному слою она ни принадлежала,—уже по самому заключенному в ней началу общественности (по своему демократизму) противна самодержавному началу нашего бюрократического правительства.

В этом смысле мы смотрим на развитие общественной и политической самодеятельности рабочих, на их общественную, частную и политическую борьбу за частное и общее (законодательное) улучшение своего положения, как на лучший и единственно возможный для них—при данных политических условиях—способ косвенной, а отчасти и непосредственной борьбы с самодержавием.

Понимая таким образом настоящую общественную борьбу русских рабочих, мы готовы «не понять» тех наших товарищей, которые считают «облегчение экономического положения пролетариата» лишь «попутным» делом ниспровержения самодержавия, равно как и тех, которые свою программу «освобождения труда» считают простым ответом на вопрос, «откуда взять силы для борьбы с царизмом?» Скажем также, что «непонятно» нам и игнорирование ими в этом отношении остальных общественных слоев или их отдельных групп, экономические, организационные и личные силы которых имеют такое значение в подобной борьбе. Поражает нас в этих программах и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по выработке законов для рабочих, в присутствиях по фабричным делам, составляющихся на половину из чиновников, на половину из тех-же фабрикантов...или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении, приобретающем для рабочих, при теперешних планах правительства—«предоставить» избирательные права всем квартирохозяевам—некоторое реальное значение. Факт достойный отметки: о значении для рабочих городского общественного самоуправления первые заговорили у нас они сами (см. № 7-ой «Рабочей Мысли» письмо*) рабочего «-р-ва»). На первый план выставляем мы развитие рабочих организаций, т. е. главным образом, цеховых (боевых) рабочих союзов, также обществ взаимопомощи, потребительных, образовательных и др...

Нам опять скажут, что «открывать такие общества правительство не разрешает, а цеховые рабочие союзы борьбы им прямо запрещены». На это мы ответим: первое не совсем верно, а что касается до того, что такие союзы запрещены, то, как говорит тот же рабочий «-р-в»: «ведь и стачки, тоже только временные боевые союзы) запрещены, а меж тем происходят все чаще и чаще...» Сознаемся, мы видим, быть может, еще большую помеху организации рабочих в постоянном приливе из деревень новых, неразвитых, «серых» рабочих, сбивающих заработную плату, настоящих «басурман», расстраивающих стачки и вносящих всякую рознь и демонализацию в установившуюся уже среду давнишних городских рабочих**). Несмотря на это, мы все таки настаиваем на организации рабочих на почве их насущнейших потребностей и текущих нужд, на почве сознанных ими их частных и общих интересов минуты; ибо без такой организации невозможно рабочее движение немыслимо сколько нибудь прочное улучшение настоящего и дальнейшего (материального и правового) положения рабочих; ибо только с развитием рабочих организаций рабочие приобретают ту экономическую и личную (общественную) силу, с помощью которой, единственно, могут они сделать более успешной свою борьбу с эксплоатацией хозяев и произволом правительства и наконец освободиться от всяческого рабства.

В заключение—пару слов о нашем понимании рабочего социализма. Мы видим его в самом рабочем движении, в настоящем и дальнейшем развитии общественной и политической самодеятельности рабочих, в развитии рабочих организаций: цеховых (трэд-юнионизм), потребительных (кооперативное движение)...в постепенном переходе современного хозяйского производства сперва под общественный контроль организованных (в цеховые союзы) рабочих, а потом и под их общественное управление, или под управление демократизированной рабочими современной общественной власти, демократизированной путем их деятельного участия в присутствиях по разбору всевозможных фабрично-заводских дел, в третейских судах, во всяких собраниях, комиссиях и совещаниях по выработке рабочих зако-

*) «К железо-делательным рабочим».

**) Заметим, впрочем, что прилив „деревенщины", сильно вредя стачкам и образованию постоянных боевых (цеховых) рабочих союзов, сравнительно мало вредит обществам взаимопомощи и потребительным.

нов, путем участия рабочих в общественном самоуправлении и наконец в общем представительном учреждении страны.

Считая, что **социализм,** вытекающий из развития общественных способов современного производства, неизбежно ведущий к полному обобществлению (и даже обмирщению) всех его средств, **есть лишь дальнейшее, высшее развитие современной общественности,** мы видим сущность исторического развития в том, что «разные классы, на которые распадается население государства, один за другим входят в управление делами, пока, наконец, водворится одинаковость прав и общественных выгод для всего населения...»

Признавая, что «история грустна именно тем, что низость, подлость, измена в ней такой же бессильный мираж, как и порывы великодушия и самопожертвования», мы знаем, что та-же «история отнимает и возможность уныния за будущее, если отнимает грезы опрометчивых надежд».

Понимая, что лучшее будущее зависит целиком от развития наиболее жизненных, лучших сторон настоящего, сознавая, что более общественная (социалистическая), жизнь есть лишь дальнейшее развитие современной общественной жизни, мы повторяем снова:

«Неужели вы думаете мерить далекое будущее вашими обычаями, понятиями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будут такими же, как вы?—Не бойтесь, они будут умнее вас. Думайте о том, как вам устроить вашу (общественную) жизнь, а заботу о судьбе праправнуков оставьте праправнукам».

ПРОГРАММА С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА БОРЬБЫ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА[31]).

(«Рабочая Мысль» № 11, 1901 г.).

Союз Борьбы за освобождение рабочего класса составляют все лица, принявшие изложенную ниже программу и входящие в состав фабричных и заводских организаций или групп, выполняющих функции по пропаганде, изданию, по доставке и хранению литературы, по сбору денег, по сношению с другими городами и заграницей.

Принимая во внимание, что конечной целью рабочего движения является политическое и экономическое освобождение рабочего класса и что такое освобождение рабочего класса может быть достигнуто только социал-демократическим движением широких рабочих масс—СПБ. Союз Борьбы за осв. рабочего класса ставит своей задачей развитие сознания этих масс помощью пропаганды и агитации по всевозможным конкретным поводам окружающей рабочей жизни.

Считая, что отстаивание своих насущных интересов, как бы они мелки ни были, воспитывает рабочие массы в социалистическом сознании и подготовляет группы активных борцов за рабочее дело, Союз оказывает такой борьбе всяческое содействие, стараясь придать всякому неорганизованному движению форму организованной, сознательной борьбы против капиталистической эксплоатации и царского произвола.

Средствами активной борьбы Союз признает частичные забастовки, общие забастовки и политические демонстрации, организованные при широком участии рабочих.

Признавая, что самодеятельность рабочих является единственной гарантией успеха рабочего дела, Союз настоятельно рекомендует организацию рабочих в боевые союзы.

Со всеми социал-демократическими группами Союз идет рука об руку, признавая прочное об'единение их делом первостепенной важности.

Общность врага—правительства—выдвигает на очередь вопрос о временных союзах с прочими революционными фракциями по поводу отдельных частных случаев.

К изложенным в программе целям Союз идет тремя путями:

а) организуя рабочих по заводам и фабрикам для дружной защиты их общих интересов в виду соединенных врагов их—капиталистов и правительства;

б) выясняя в сознании всех рабочих их общие интересы;

в) руководя самой борьбой рабочих.

УСТАВ СОЮЗНОЙ РАБОЧЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Политические условия заставляют организовать рабочих по отдельным группам (кружковая система).

I. Фабричные и заводские группы. Кружки рабочих.

1. На каждом заводе или фабрике наиболее сознательные и энергичные рабочие составляют группу, служащую центром для всех организованных рабочих этой фабрики или завода (**Центральная группа**).

2. Центральная группа следит за всем, что происходит на фабрике или заводе и ведет хронику событий на нем.

3. Центральная группа руководит борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе.

4. Среди рабочих своего завода центральная группа организует кружки или присоединяет к организации уже существующие кружки.

5. В каждом кружке должно быть не больше 10 человек.

6. Член центр. группы, организующий кружок или присоединяющий ранее организованный кружок, считается представителем его до тех пор, пока кружок не выберет другого.

7. Новые члены как в центр. группу, так и во все кружки, принимаются лишь по рекомендации двух старых членов, если никто не выскажется против принятия.

8. Всякий член кружка или центральной группы может быть исключен только по желанию $^3/_4$ всех остальных членов.

9. Центральная группа организует заводскую (фабричную) кассу, в которую все члены всех кружков и групп обязаны вносить при каждой получке **две копейки с каждого заработанного рубля.**

10. Члены, кружков, не платящие своих взносов в течение 3 мес., не считаются более членами организации, если остальные товарищи не признают их об'яснений удовлетворительными.

11. Половина всех взносов поступает в стачечный фонд.

12. Каждый платящий рабочий имеет право рассчитывать на денежную помощь из заводской (фабричной) кассы.

13. Если средства кассы истощены, Ц. группа обращается за помощью в кассы других заводов, указывая, на что требуются деньги.

14. На усиление своих средств или на специальные цели Ц. группа может назначить сбор, указывая точно цели его.

15. Обязательные взносы (экстренные) могут быть наложены по решению большинства всех организованных на заводе рабочих.

16. Только в случае стачки группа получает помощь из стачечного фонда.

17. Ц. группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы.

18. Принимая при защите интересов рабочих какие либо меры, имеющие значение для всех рабочих завода, Ц. группа обращается ко всем членам кассы (дело решается большинством голосов).

19. Центр. группа делает все, что может, для развития сознания как своих членов, так и членов всех существующих кружков—устраивает библиотеку, руководит занятиями в кружках, доставляет рабочие газеты, листки и т. д.

20. Каждый представитель имеет выбранного на год заместителя, готового всегда заменить представителя, если ему почему-либо нельзя будет продолжать свою деятельность.

21. Большинством голосов группы представитель и заместитель могут быть смещены раньше года.

22. Всякий член как группы, так и кружков, обязан всячески содействовать успеху организации.

II. Районная организация.

1. Представители, выбранные центр. группой из каждого завода какого либо района, образуют районную группу представителей, которая заведует всеми делами, касающимися целого района.

2. Каждый новый представитель допускается в собрание представителей с общего согласия всех старых представителей.

3. Собрание представителей старается организовать центральные группы и на тех заводах района, где их еще не имеется.

4. Представители связывают организации на отдельных заводах в одну организацию: через них заводские кассы помогают друг другу, заводские библиотеки обмениваются книгами, заводские кружки получают нелегальные издания и сведения об организации.

5. На собраниях представители докладывают обо всем, что происходит на каждом заводе; наиболее интересное передается в Комитет.

6. Уволенные рабочие, принадлежащие к организации, через представителей устраиваются на другом заводе и переводятся в организацию этого завода.

7. Все меры, касающиеся всего района, решаются по большинству голосов этого района.

8. Только тайные и экстренные дела, касающиеся всего района, решаются самостоятельно представителями его.

9. Представители собираются еженедельно.

10. Представители выбирают в Комитет одного из своей среды и заместителя к нему на один год.

III. Комитет С. П. Б. Союза борьбы за освобождение рабочего класса.

1. Комитет составляется из выборных каждого района города и представителей от исполнительных групп (групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с заграницей, для заведывания складами, издательской, кассовой).

2. Каждый новый член Комитета принимается только с согласия всех остальных членов Комитета.

3. Для заведывания агитацией и организацией рабочих по фабрикам и заводам из состава Комитета выделяется особая агитационная группа (**«Комитет рабочей организации»**), состоящая из выборных от всех районов и одного выборного от представителей исполнительных групп.

4. Комитет связывает в одну рабочую организацию всех районов города.

5. Комитет старается вызвать к жизни рабочие организации в других городах.

Примечание: рабочие организации разных городов составляют Рабочую Партию в России; пока не имеется Центрального Комитета Партии, Комитет Союза заведывает сношениями Петербургской организации с рабочими партиями других стран.

6. Комитет через своих членов получает отчет обо всем, что происходит в разных районах города и в главных частях организации (отчеты касс, кружковые дела, сведения о волнениях, забастовках и пр.), а также сведения о ходе рабочего движения в других местностях.

7. Комитет заведует стачечным фондом, давая отчеты через каждые три месяца.

8. Стачечный фонд составляется из взносов организованных рабочих (по копейке с каждого заработанного рубля от каждого организованного рабочего ежемесячно) и из сумм, поступающих в кассу Союза с специальным назначением «на помощь стачечникам».

9. При забастовке в Петербурге помощь из стачечного фонда оказывается в тех случаях, когда стачка была одобрена агитационной группой Комитета.

10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее.

11. Тайные и экстренные дела решаются Комитетом самостоятельно.

12. Комитет издает рабочую газету данного города, получая материал через своих членов от различных районов и имея корреспондентов в других городах и за границей, а также брошюры, листки и пр.

13. Для редактирования газеты, брошюр, а также листков, имеющих раз'яснительный или программный характер, составляется редакция из трех членов. Два из них выбираются агитационной группой из своей среды или из лиц посторонних, и один—всем Комитетом. Редактирование чисто агитационных воззваний и листков и пр. предоставляется агитационной группе Комитета.

14. В случае разногласия принципиального характера между членами редакции, вопрос передается на рассмотрение всего Комитета, которому и принадлежит окончательное решение его.

15. Комитет сносится с другими, имеющимися в России, организациями.

16. Комитет руководит борьбою рабочих.

17. Комитет должен сам изыскивать средства на покрытие своих расходов и на издание газеты. Он может делать сборы от имени Союза как среди членов организации, так и вне ее. Обязательные взносы среди организованных рабочих Комитет может устанавливать только с согласия большинства их.

18. Комитет может пользоваться услугами кого угодно при выполнении своих планов и приглашать кого угодно на свои собрания с правом совещательного голоса.

19. Агитационная группа Комитета собирается не реже одного раза в неделю.

Заключение. Организация каждого города и каждый член Комитета может требовать изменений в этом уставе. Комитет ставит требование об изменении на решение всех членов организации. Если больше двух третей голосов выскажется за изменение—предложение считается принятым. Каждый член Союза обязан подчиняться решениям Комитета.

ДВЕ СТАЧКИ.

(«Раб. Мысль» № 5, 1899 г.).

14-го декабря забастовали рабочие на фабрике Паля и Максвеля [32]) (около 4000 человек) и 14-го декабря забастовали рабочие в железнодорожных мастерских Закавказской железной дороги в Тифлисе (около 2000 человек). В один день две громадных стачки в двух противоположных углах России.

Начальство Закавказской (казенной) жел. дороги решило с нового года отменить выдачу пособий уволившимся рабочим. Кроме того, по новым правилам рабочие получают не 6 билетов в год для бесплатного проезда, а только два. Дружно, как один человек, поднялись рабочие против таких грабительских намерений начальства. Сразу остановились все работы в мастерских, а по дороге—движение поездов. Все другие мастерские по Закавказской жел. дор. тоже прекратили работы.

Такой дружный отпор заставил начальство поумерить свое рвение, и министр путей сообщения телеграфировал в Тифлис, что он назначит особого чиновника, который рассмотрит требования рабочих. И здесь, конечно, не обошлось без преследований рабочих. Как ни ясна всем справедливость требований рабочих, полиция по своей скверной манере, и здесь искала, прежде всего, «зачинщиков» и арестовала 20 человек.

У наших петербургских хозяев наклонности не менее грабительские, чем у тифлисского железнодорожного начальства. Паль и Максвель, как и все прочие фабриканты и заводчики, притесняют и грабят рабочих, где могут и как могут.

Возьмем к примеру Паля.

Чтобы украсть у рабочих хотя по $^1/_2$ часику лишних, он заставляет чистить машину и выдает заработную плату по вечерам по окончании работы. Ради грошевой экономии он не устраивает вентиляции—этим губит здоровье сотен и тысяч рабочих. Часто не доплачивает и мошеннически обсчитывает и обмеривает рабочих. Когда же ему покажется, что и этим путем рабочие недостаточно обобраны, то прямо понижает расценки, как это он сделал недавно в ткацком отделении. Всех нечистых способов обирания рабочих—хотя бы и у одного Паля—не перечтешь. К грабежу присоединяются грубости мастеров, браковщиков и прочих прихвостней наших хозяев, особенно же возмутительно грубое, непристойное отношение их к женщинам.

Наши рабочие—народ очень долготерпеливый, но нахальство, грабеж и притеснения со стороны наших хозяев не имеет границ.

Так было у Паля и Максвеля, так бывает везде и везде кончается одинаково: терпение рабочих лопается, наконец, и начинается стачка, начинается открытая борьба рабочих против хозяйского произвола и насилия.

Так случилось и теперь.

«Союз борьбы» в своих листках выставил все требования рабочих, и рабочие единодушно прекратили работу. Из 4000 рабочих ни один не изменил общему делу. Стачка произвела сильное впечатление на хозяев, и можно было ждать успеха.

Такой оборот дела был не по душе ни фабрикантам, ни правительству. Самое тяжелое чувство тоски и угнетения охватывает всегда их, когда рабочие спокойно и единодушно оставляют работу и предъявляют свои требования и притом такие требования, справедливость которых признает каждый хозяин, даже полицейский чин. Для нашей полиции всегда приятнее, когда происходит разгром, возмущение или—по меньшей мере—«сопротивление властям». Тогда наши власти с торжеством выступают против разрушителей, как охранители «общественной тишины и спокойствия».

Теперь рабочие вели себя спокойно, твердо.

«Ну, значит надо их раздражить, вызвать на возмущение!»—решили наши власти и начали всеми мерами раздражать рабочих. Начались придирки на улицах, аресты. Чтобы выморить стачечников голодом, закрывали все съестные лавки и кондитерские на тракту. Словом, наша полиция вела себя так, как не ведет себя неприятель в завоеванной стране. И... полиция достигла своей цели. В ночь с 16-го на 17-е раздраженные рабочие не пустили к себе в казарму полицейских, которые пришли арестовать их товарищей. Полицейские были в восторге. «Наконец-то, рабочие выведены из терпения!»... Наконец-то началось возмущение!... Вот теперь то мы покажем наше усердие!...» И полицейские показали себя! Их немедленно явилось видимо-невидимо, и они форменно штурмовали казарму. Когда же ворвались, то началась дикая, бесчеловечная расправа над беззащитными людьми. Сильнее всего досталось старикам, женщинам и детям.

Эта расправа разрушила сразу все дело. На утро начались работы. Кто еще не хотел выйти, того выгоняли нагайками *). На этот раз с трудом налаженное дело было проиграно, и рабочие, скрепя сердце, принялись за работы, но с твердой решимостью добиться своего при первом удобном случае.

После первых арестов при переговорах с фабричным инспектором рабочие потребовали права собираться, чтобы обсуждать свои дела во время стачек. Нечего и говорить, что это одно из самых справедливых наших требований. Наши хозяева собираются на совещания, как лучше грабить как своих рабочих, так и своих покупателей; для «защиты своих интересов» они основывают свои союзы. И все это делается под покровительством нашего правительства. Если для наших хозяев разрешено собираться для обсуждения своих грабительских предприятий, тем больше права у нас собираться, чтоб обсудить, как оборониться от этих грабительских

*) «Победители»-полицейские получили по 6 руб. на брата от Губерта.

предприятий. Право устраивать стачки и право собираться—это необходимые права для нашего дела. Но наши права правительство признает за нами только тогда, когда мы все сознаем необходимость этих прав для нас, и все, как один человек, потребуем для нас этих прав; правительство уступит нашим требованиям только тогда, когда мы будем настолько сильны, что не уступить нельзя будет.

Наша сила-же в единении.

СЕНАТСКОЕ РЕШЕНИЕ ПО ДЕЛУ МАКСВЕЛЬЦЕВ.

(«Рабочая Мысль» № 8, 1900 г.).

Всякий из читателей «Р. М.» знает, что произошло в декабре 98 года на фабрике Максвеля. Знает, как полиция выхватила из среды максвельцев 15 челов., исключительно по указанию шпионов, особ. Лисицина, и как потом назначили над ними суд. Дело остальных рабочих разбирали административно (т. е. не судьи, а сама полиция). Но и суд Петербургской палаты с сословными представителями был не многим лучше полицейского. Начальство все сделало, чтобы он не был гласным, милостивым и справедливым. Министр юстиции в угоду полиции закрыл двери заседания, т. е. сделал судебное разбирательство тайным; распоряжайтесь, мол, господа судьи, без стеснения. Многим из нас хотелось посмотреть на такой диковинный суд, и я таки пробрался—как родственник одного из подсудимых—в залу Судебной Палаты. Как родственника подсудимого, меня по закону не могли изгнать даже при закрытых дверях, т. к. закон допускает всегда по 3 человека родственников и знакомых от каждого из подсудимых; но подсудимых было 15 человек и всего вышло 45 человек публики. Увидел это председатель и руки опустил: министр велел судить тайно, а тут все места в зале заняты. Тогда председатель—вопреки закону—выслал нас всех из залы заседания. Однако, то, что происходило в суде, не осталось для нас тайной, потому что, как сказал один из защитников—«и стены имеют уши». Суд, говорят, вышел и по нашим российским понятиям невиданный. Защитникам еще раньше не позволили вызвать самых важных свидетелей: ни градоначальника Клейгельса, ни фабричного инспектора ни докторов, лечивших изувеченных рабочих, ни многих из рабочих, видавших побоище. Вместо родственников подсудимых, председатель суда оставил в зале суда только какого-то обер-сыщика, посланного градоначальником, чтобы держать в страхе всех свидетелей—и рабочих и городовых. И сам председатель все старался не давать говорить о насилиях полицейских ни подсудимым, ни защитникам. Только хорошо, что защитников много было: одного оборвут, другой говорит. Говорить-то они говорили, просили и требовали, только судьи мало их слушали и приговор вынесли строгий: шестерым по 1 году тюрьмы, одному 8 месяцев тюрьмы, женщинам арест на 3 недели, 4, правда, оправдали. Когда суд был окончен, председатель начал уговаривать защитников не жаловаться на решение суда, потому что наказание-де и так назначено легкое. Нечего сказать легко после всяких издевательств, побоев и 4-хмесячного предварительного заключения отсидеть еще по году в тюрьме. Прокурор тоже с своей стороны предлагал: «не жалуйтесь, тогда и я не буду жаловаться, а если вы будете, то и я подам протест, и ваших четырех оправданных снова на скамью подсудимых посадят». Не сговорились они и подали в Сенат и защитники и прокурор. Очень хорошую жалобу написал один из защитников и если кто из вас, товарищи, поинтересуется, то о ней можно прочитать в журнале «Право» № 43 за 1899 год. На многое жаловался защитник, но главные нарушения закона состояли в отказе вызвать свидетелей и в изгнании родственников и знакомых подсудимых из залы суда. На это последнее жаловался и прокурор, хотя исключительно, чтобы досадить оправданным.

В сенате дело максвельцев было назначено на 15 октября. Вход был свободный. Вошел и я туда вместе с другими. И чудно там. На 5 небольших скамейках, отведенных для публики, теснится множество народа, тогда как в остальных

ной громадной зале, уставленной креслами, сидят 5—6 сенаторов. Вошел я, распросил... Показывают мне: вон знаменитый адвокат с сенаторами разговаривает. Вернулся он от сенаторов и заговорил с какими-то молодыми людьми. Я тут подвинулся к ним и стал слушать. Рассказывает он, что сенатор Репинский—председатель этого отделения Сената—недоволен, что публика пришла и защитники говорить будут. Зачем-де вам говорить, лучше все дело потихоньку покончить; ведь у нас, у сенаторов, резолюция (решение) все равно уже написана: решено уважить жалобу и защитников и прокурора: приговор Палаты отменить и судить всех подсудимых (кроме одного Волкова) опять сначала в Петербургской же Палате с сословными представителями, но с другими судьями. Защитники, конечно, не желали такого решения, потому что не хотели опять сначала мучить тех, кто уже был оправдан раньше, а потому стали убеждать сенаторов не принимать жалобы прокурора, так как по закону только защитники могут жаловаться на то, что родственников не допустили на суд. Но сенаторы не хотели менять своего решения и поступили незаконно, так как по закону они обязаны выслушать сперва защитников, а потом удалиться в другую комнату и там после совещания постановить решение. Но сенаторы по старости лет и ради амбиции не пожелали исполнить такой закон. «Вы нас выслушайте, говорит защитник, может быть, и перемените свое мнение. «Мы, никогда!» Так защитники ничего и не добились. Сказали свои речи защитники, сказал обер-прокурор и председатель Репинский прочел подготовленную заранее резолюцию. Забыл г. сенатор, что тем человек от козла отличается, что его можно словами убедить, а козла только палками. Ну, а над сенаторами палки не полагается. Сенат должен для всех русских судов служить примером законности, а сам между тем допускает беззаконие. Вот из-за этого-то беззакония наши товарищи, уже оправданные (четверо), должны опять долгие месяцы терпеть всякие муки, но тем не менее решение сената вообще все таки выгодно для нас: сенат подтвердил, что родственники и знакомые не могут быть никогда удаляемы из заседания суда, потому что присутствие их поддерживает бодрость в обвиняемых. Между тем пока тут шел суд да рассмотрение жалоб, полиция распорядилась всех свидетелей защиты, всех привлекавшихся к следствию, но не попавших под суд, всех подсудимых, даже оправданных, разослать на родину по деревням, а некоторых так и в Восточн. Сибирь на 3—4 года! Только одно и вышло хорошо, что убрали от нас негодяя Барача и его помощника Мисюнаса. Но градоначальнику Клейгельсу нужны кнутобойцы, и чтобы наградить Барача за усердие, его перевели в Спасскую часть—самая доходная для пристава, т. к. с купцов взятки можно брать без церемонии.

Итак, товарищи, на этом деле хорошо видно, что не только фабрикант и полиция, но и суд дружно стоит против нас; нам нужно дружно с ними бороться и не только дружно, но и разумно. Полиция старается нас выводить из себя, чтобы потом нас же в бараний рог согнуть. В ответ на это мы должны быть дружны, выдержаны и знать законы, чтобы, как можем, бороться за каждую частичку наших прав, которых у нас и так уже слишком мало. Вот почему каждому из нас следует иметь у себя некоторые законы: **Устав о промышленности, Устав о предупреждении и пресечении преступлений, Устав и Уложение о наказаниях и Положение об усиленной охране.** А так как книги эти довольно таки дороги, то всего лучше покупать их в складчину для товарищеских библиотек. Часто с нами поступают противозаконно, потому что уверены, что мы не знаем законов. И не будь у наших товарищей защитников-адвокатов, с ними суд еще и не так распорядился бы!

Но только нам, товарищи, бояться начальства да судей не приходится! Не так страшен чорт, как его малюют... Посадят в предварительное заключение... Ну, что же! и там жить можно! Дадут задаром комнату, пищу, да книжки можно доставать. Почитывай да ума набирайся. Иной оттуда выйдет все равно, что в университете побывал. А вышлют, мы со своими руками нигде не пропадем, да и друзья найдутся, помогут.

УСТАВ РАБОЧЕЙ КАССЫ[33]),

выработанный петербург. рабочими.

(Перепечатано из № 1 «Рабочей Мысли», 1897 г.).

ГЛАВА I.

Цель кассы.

1. Главная цель кассы—способствовать об'единению рабочих в один общий союз для борьбы с хозяевами-капиталистами и с защитником их интересов—правительством. С этой целью касса:

а) помогает стачечникам как своим членам, так и посторонним,

б) достает книги,

в) покрывает расходы по организации, например, на наем квартиры для кружковых занятий,

г) издает рабочую газету,

д) помогает пострадавшим за рабочее дело.

Примечание: взносы, сделанные в кассу, ни на какие другие дела расходоваться не могут, а также ни в каком случае не возвращаются.

ГЛАВА II.

Устройство кассы.

2. Кассы образуются при заводе или фабрике.

3. Касса состоит из одного или нескольких кружков, при чем в каждом кружке должно быть не более 5-ти человек. Они выбирают из своей среды одного выборного, который собирает деньги, хранит их или передает их куда следует и сносится с выборными других кружков.

4. Если касса состоит из нескольких кружков, то выборные из всех кружков завода или фабрики выбирают в свою очередь из своей среды кассира, которому передают деньги.

5. Участниками кассы могут быть лица, не участвующие в кружках, если они делают взносы через членов кружка.

6. Размеры взносов определяются членами кружка или выборными кружков, при чем взнос может быть от 20 до 50 коп.

Примечание 1: лица, желающие вносить более 50 коп., могут это делать в виде пожертвования.

Примечание 2: для лиц, не участвующих в кружках, размер взносов не обязателен.

7. По окончании месяца касса сообщает отчетом о приеме и расходовании сумм.

8. Право расходования денег принадлежит членам кружка, если касса состоит из одного кружка, или выборным из каждого кружка, если касса состоит из нескольких кружков, при чем все вопросы решаются большинством голосов.

9. При решении вопроса в собрании должно участвовать более половины членов или выборных.

10. В случаях, не терпящих отлагательства, выборные, с ведома 2-х членов, а кассир с ведома 2-х выборных, могут произвести за свою ответственность расход, который представляется на утверждение следующего собрания членов или выборных.

11. В случае, если при какой нибудь фабрике или заводе число сознательных рабочих будет недостаточно для основания кружка, то эти рабочие примыкают в кассы другого завода или фабрики, или же, соединившись с рабочими других фабрик или заводов, составят новый кружок-кассу.

12. Каждая касса должна иметь свое наименование.

13. Суммы по достижении значительных размеров, могут передаваться для хранения в какую нибудь организацию среди интеллигенции, причем если связь данной кассы с этой организацией будет порвана, то эта касса восстановляет связь через другую кассу.

14. Из членских взносов 20% и из пожертвований 50% идут на составление основного фонда.

15. Расходы из основного фонда могут разрешаться единогласным решением всех находящихся на свободе членов.

16. Члены кассы, находящиеся без занятий, освобождаются на время от членских взносов.

17. Член, не сделавший 2-х взносов без уважительной причины, не считается членом кассы.

18. Для решения общих вопросов, а также для подготовки к об'единению всех касс в одну, кассиры всех касс Петербурга не менее 3-х раз в году устраивают общее совещание.

Петербург, июль 1897 г.

Рабочие приглашаются заводить кассы по данному уставу.

В одну из таких касс, уже существующую, за июль и август поступило 20 рублей.

«РАБОЧЕЕ ДЕЛО»[34].

(От редакции из № 1-го «Рабочего Дела»). Орган союза русских социал-демократов.

Апрель, 1899 г.

Социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения.

Приступая к выполнению трудной и ответственной обязанности редактирования изданий Союза Русских Социал-демократов [35]), новая редакция, выбранная на последнем с'езде членов Союза, считает необходимым изложить товарищам те основные взгляды, которыми Союз и редакция будут руководствоваться в своей литературной деятельности.

Заграничный Союз Русских Социал-демократов действует на почве международного социализма, в идейном и практическом согласии с Российской Социал-демократической Рабочей Партией, часть которой он составляет. Эта деятельность может быть целесообразною лишь при условии, если она, во-1-х, руководится не только общими принципами научного социализма, но и конкретным соотношением общественных классов в России и насущными потребностями русского рабочего движения на данной ступени его развития; если она, во-2-х, считается с разнообразием местных условий и уровнем развития отдельных слоев рабочего класса.

Экономическое и политическое освобождение рабочего класса в России, как и во всем мире, может быть делом лишь самих рабочих. Поэтому важнейшим явлением русской жизни, которое, главным образом, будет определять задачи и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы **массовое рабочее движение**. Произошло слияние пропагандистско-кружкового течения социал-демократической рабочей интеллигенции с широкой волной стихийного движения рабочих масс, направленного к улучшению их экономического и правового положения, а также к удовлетворению быстро возрастающей жажды знания и просвещения. В Петербурге это слияние произошло за время широкого стачечного движения 1895—96 г. г. и знаменитой борьбы 30.000 рабочих прядильно-ткацких фабрик в 1896—97 г. г. за сокращение рабочего дня, борьбы, увенчавшейся победой: «самодержавное и неограниченное» правительство вынуждено было уступить и издать закон 2-го июня [36]) о нормировке рабочего времени. В других центрах русской промышленности это слияние происходит на наших глазах, а в Польше и Литве оно совершилось еще раньше.

В процессе борьбы рабочих за ближайшие, сознанные ими интересы массовое рабочее движение в России начинает принимать **классовый** характер. Задача социал-демократической партии и ее литературы при таких условиях заключается в ускорении перехода стихийного массового движения в сознательное классовое движение, то есть в борьбу за классовые интересы всего пролетариата (в противоположность стачечной борьбе за интересы отдельных групп его), в развитии классового сознания и организации росийского пролетариата. Но при господствующей в России системе политического бесправия народа, каждый шаг рабочего класса на пути к улучшению его экономического положения является и борьбой с этой системой, потому что ведет к столкновению рабочих с организованной силой правительства, охраняющего интересы фабрикантов и дворянства. В России, более чем во всякой другой стране, экономическая борьба рабочего класса неразрывно связана с политической и по отношению к русскому рабочему движению вполне верны положения научного социализма, что всякая классовая борьба есть борьба политическая и что социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения.

Жизненные интересы рабочего класса ведут его к **политической** борьбе. Потребности чисто экономической борьбы принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политическую свободу. Политическая борьба рабочего класса есть лишь наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы. Ближайшими политическими требованиями рабочего класса в России являются: свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенность личности. Эти политические права служат необходимым условием дальнейшего всестороннего развития рабочего движения. Они так же нужны российскому пролетариату в его освободительной борьбе, как свет и воздух. Борьба рабочего класса за эти права составляет ближайшее содержание его борьбы с царским самодержавием, которая поведет к завоеванию полной политической свободы с равноправным участием всего народа в государственном управлении, т.-е. к завоеванию демократической конституции.

Одна из главных задач литературной деятельности Союза будет состоять в том, чтобы на фактах русской и заграничной жизни выяснить взаимное отношение, значение и формы экономической и политической борьбы рабочего класса в России и других странах.

В частности по отношению к **экономической борьбе** мы будем указывать, как она 1) ведет к непосредственным частичным улучшениям положения отдельных слоев рабочего класса, 2) способствует развитию чувства солидарности и классового сознания рабочих, 3) является практической школой организованной деятельности, способствуя возникновению и росту различных форм рабочих организаций: касс борьбы, профессиональных союзов и т. д. Наконец, будут обсуждаться практические приемы ведения экономической борьбы и способы организации при наших условиях.

При обсуждении вопроса о **средствах политической борьбы,** мы будем выяснять, что экономическая борьба, это основное условие роста массового рабочего движения, является в то же время наиболее могучим средством к широкому политическому воздействию на массы, т.-е. к политической агитации в случаях преследований «зачинщиков»—социалистов, массовых арестов, высылки рабочих, зверской расправы со стачечниками и т. п. Но кроме столкновений рабочей массы с правительственной властью на почве экономической борьбы, поводами к политической агитации и пропаганде могут быть и все крупные факты русской жизни, затрогивающие интересы широких масс рабочего народа и показывающие враждебность к нему царского правительства: голод, новые законы, направленные к еще большему угнетению народа или к обогащению за его счет фабрикантов и дворянства и т. п. Наконец, Союз в своей прессе будет относиться безусловно сочувственно к попыткам политических манифестаций и в особенности рекомендовать празднование 1-го Мая, как общую демонстрацию, в пользу важнейших экономических требований пролетариата и наиболее подходящий момент для заявления ближайших политических требований.

Само собой разумеется, что возможность, поводы и средства политического воздействия на массы, как и формы политической борьбы рабочих, зависят от местных условий, силы рабочих организаций и уровня понимания различных слоев рабочего класса.

При решении вопросов экономической и политической борьбы мы будем руководствоваться как условиями русской жизни, так и богатым историческим опытом рабочего движения в Западной Европе, а также опытом борьбы наших польских и еврейских товарищей, успешно действующих в Польше и Литве под гнетом того же царского деспотизма.

Рассматривая экономическую и политическую борьбу рабочих, как две формы, как два неразрывных средства одной великой освободительной борьбы рабочего класса России и других стран, мы считаем эту борьбу единственным путем к окончательной победе международного пролетариата, к полному экономическому и политическому освобождению трудящегося народа и введению социалистического строя.

По отношению к другим революционным направлениям среди русских социалистов Союз вполне разделяет мысль, высказанную в Манифесте Российской Социал-демократической Рабочей Партии, что современное социал-демократическое движение есть лишь дальнейшая ступень развития прошлого революционного движения в России и потому видит в революционерах 70-х и 80-х годов своих предшественников, отразивших в своих программах интересы и потребности того времени, подготовивших своею геройскою борьбою почву современного рабочего движения. Что касается существующих в настоящее время других социалистических течений, то в своей прессе Союз будет оценивать критически их программы и тактики с социал-демократической точки зрения, строго воздерживаясь от резких, нетоварищеских приемов полемики, а в виду общего врага и одинаковости целей борьбы, он будет содействовать **практическому об'единению** сил действующих в России социалистов.

Деятельность **несоциалистических революционных и политически оппозиционных групп** Союз будет подвергать критике, выясняя противоположность интересов представляемых ими слоев населения к интересам рабочего класса и различие между стремлениями этих групп и задачами социал-демократической партии; но в то же время он будет относиться сочувственно к их попыткам активной борьбы за политическую свободу, так как всякий враг самодержавия является **временным** союзником рабочего класса в его освободительной борьбе.

Как социал-демократическая организация, Союз является врагом всякого **национального и религиозного** гнета; поэтому редакция в своей литературной деятельности будет стоять за свободу религий и равноправие всех национальностей. Признавая право на самоопределение за всякою национальностью, Союз и редакция относятся с полным товарищеским сочувствием ко всем действующим в России социалистическим организациям разных национальностей, поскольку эти организации остаивают интересы рабочего класса и борются против русского самодержавия.

Союз будет проводить в литературе взгляд, что Российская Социал-демократическая Партия является борцом за экономические интересы и права всех слоев рабочего класса: фабрично-заводских, железнодорожных, торговых, ремесленных, кустарных и сельско-хозяйственных рабочих, а также той многомиллионной массы мелкого крестьянства (безлошадного, безнадельного, бездомного, сдающего наделы и проч.), хозяйственная самостоятельность которой есть простая фикция и которая зарабатывает себе средства к существованию наемным трудом в форме батрачества, отхожих промыслов; кабальной работы, испольной, за долги на помещиков и деревенских кулаков и т. д.

Признавая огромное значение в России **аграрного вопроса**, т.-е. вопросов о поземельных отношениях, о правовом и экономическом положении ста миллионов сельского населения, о взаимных отношениях между крестьянством, дворянством и сельскими рабочими, Союз обратит серьезное внимание на эти вопросы, выясняя в литературе влияние аграрных отношений на условия борьбы и положение рабочего класса в России.

Не предрешая политической роли русского крестьянства в будущем, редакция будет выяснять существующее в его среде экономическое неравенство и противоречие интересов. различные виды эксплоатации дворянством и кулаками деревенской бедноты (аренда, ростовщичество, система отработков и пр.), а также вопиющие формы правового неравенства крестьянства („податное сословие", телесные наказания, земские начальники, кабала недоимщиков и т. д.); будет обращать серьезное внимание на все проявления стихийного недовольства и сознательного протеста в крестьянской среде, в особенности на крестьянские „бунты" и на различные формы сектантского движения, как самого крупного доселе проявления умственного пробуждения и оппозиционного настроения в массе крестьянства.

Выясняя особенности форм и условий труда, различия видов экономического гнета и бесправия присущих каждому из названных слоев эксплоатируемой массы, редакция будет на ряду с этим особенно подчеркивать **общность экономических, правовых и политических интересов всего робочего народа России.** Лишь в борьбе за интересы и права **всех** трудящихся против **всех** форм экономического, политического, национального и религиозного гнета, российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: **низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса.**

ДВА СЪЕЗДА.

III Очередной Съезд Союза [37]) и «Объединительный» съезд [38]).

(Перепечатано сокращенно с изд. 1901 г.).

Инструкции для редакции «Рабочего Дела».

Введение.

Первый съезд реорганизованного Союза Русских социал-демократов (осенью 1898 г.)[39]) дал редакции «Раб. Дела» инструкции, легшие в основание ее программы.

Основная тенденция этих инструкций—подчеркивание необходимости тесной связи социал-демократии с широким массовым движением пролетариата; основное содержание этих инструкций—установление средств для вовлечения массы в активную политическую борьбу.

Эту тенденцию и это содержание инструкций 98 г. съезд признает верными и для настоящего времени.

Но в виду того, что с тех пор соц.-демокр. рабочее движение сильно выросло и в идейном, и в практическом отношениях и что перед социал-демократией выдвинулись более широкие практические задачи, III съезд пересмотрел инструкции 1898 года.

Общие положения.

Заграничный Союз Русских Социал-демократов действует на почве международного научного социализма в согласии с Манифестом Российской Соц.-демократ. Раб. партии, часть которой он составляет и заграничным представителем которой он является.

Деятельность социал-демократии может быть целесообразна лишь под тем условием, если она руководствуется не только общими принципами научного социализма, но и 1) общими политическими условиями и конкретными соотношениями общественных классов данной страны и 2) степенью развития рабочего движения.

Политический рост **рабочего** движения в России.

По мере развития и распространения борьбы рабочих за сознанные ими интересы, массовое рабочее движение в России, сливаясь с социал-демократией, выходит на все более широкий путь революционной классовой борьбы и становится все более доминирующим фактором русской общественной жизни.

Развитие рабочего движения под знаменем социал-демократии делало для рабочих все более ощутительною потребность в политических правах. А так как эти права стоят по существу в противоречии с самодержавным режимом, то в сознании рабочей массы низвержение самодержавия становится уже теперь непосредственной, конкретной задачей борьбы. Таким образом низвержение самодержавия, которое всегда было программною задачею социал-демократии, выдвинутою всем ходом русской истории и завещанною прежним революционным движением, теперь переходит из области соц.-дем. пропаганды в область непосредственной революционной борьбы.

Экономическая и политическая борьба.

При самодержавном режиме России все формы и области борьбы пролетариата должны входить в сферу деятельности социал-демократии, которая и направляет их к своей ближайшей политической цели.

Если с точки зрения социальной революции «экономическое освобождение есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство» (устав Интернационала), то с точки зрения грядущей политической революции в России экономическая борьба является средством по отношению к ближайшей политической цели соц.-дем. партии, завоеванию демократической конституции.

В виду того, что экономическая борьба и при настоящих условиях может вести к частичному, хотя и минимальному улучшению социального положения пролетариата, тем самым улучшая его боевую позицию в борьбе за свое политическое и социальное освобождение; в виду того, что социал-демократ. партия немыслима вне тесной связи с массовой борьбой пролетариата; в виду того, что при русских условиях отделение политической борьбы от экономической, если даже допустить возможность этого, в значительной мере парализовала бы борьбу партии за политическую свободу, в виду всего этого социал-демократия должна руководить экономической борьбой пролетариата, оберегая ее в то же время от профессионального, национального. и т. п. эгоизма и пользуясь ею для революционизирования рабочей массы.

Средства политической агитации.

В России наиболее широко применимым средством для вовлечения массы в политическое движение является экономическая борьба, на почве которой следует вести политическую агитацию; но нет никакой необходимости с самого начала вести полотическую агитацию только на экономической почве.

Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают пролетариат либо непосредственно, как особый класс, либо, как авангард всех революционных сил в борьбе за свободу.

Отдельные права и низвержение самодержавия.

Социал-демократия должна вызвать и поддерживать активные протесты рабочих во имя отдельных политических прав, как то: свободы стачек, союзов и собраний, свободы слова и печати и неприкосновенности личности. Такие протесты являются могучим агитационным средством борьбы с самодержавием, которое несовместимо с политическими правами пролетариата, а также средством популяризирования чисто пролетарских прав,—что будет способствовать завоеванию этих прав одновременно с падением самодержавия.

По этим же соображениям необходимо вообще конкретизировать содержание демократической конституции в массовой пропаганде, подчеркивая те элементы конституции, которые определяют собою ее демократический характер.

Демонстрации.

Союз признает демонстрации и протесты в настоящее время лучшим средством политической борьбы. Нужно устраивать организованные демонстрации. В случае, если правительство прибегает к насилиям над демонстрантами, с'езд признает целесообразным отвечать на насилие насилием.

Майский праздник.

Майский праздник является в России днем демонстрации пролетариата против самодержавного режима и капиталистического строя за демократическую конституцию и международные требования пролетариата.

Террор.

Систематический наступательный террор с'езд признает несвоевременным. В случае отдельных террористических актов следует пользоваться ими для развития политического сознания пролетариата.

Организационный принцип.

В интересах успешного развития и об'единения социал-демократии следует подчеркивать, развивать и бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо в виду обнаружившихся в рядах нашей партии анти-демократических тенденций.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В РУССКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ.

(Б. Кричевский—«Рабочее Дело» № 7, август, 1900 г.).

I.

Вопрос об отношении между экономической и политической борьбой до сих пор занимает умы западно-европейских социал-демократов. В последние годы он вызвал в социал-демократической литературе Запада особенно оживленные споры. Спор идет там о сравнительной важности той и другой формы борьбы, о значении рабочих союзов, потребительных и производительных товариществ как для непосредственных интересов пролетариата, так и для его конечного освобождения, для введения социалистического строя,—наконец, об отношениях между экономическими организациями пролетариата и его политической организацией, т. е. социал-демократической партией, а также всеми политическими партиями вообще.

У нас в России пока не может быть места для данного спора во всем его об'еме. Все условия русской жизни слишком значительно отстают от западно-европейских, наше рабочее движение слишком молодо для того, чтобы все намеченные вопросы могли иметь у нас **практическое** значение. В России вопрос об отношении между экономической и политической борьбой носит, так сказать, более скромный характер, но зато, он, пожалуй, гораздо важней для нашего молодого движения.

Русским рабочим приходится еще бороться за все те политические права, которыми уже давно пользуются рабочие Запада. И весь вопрос пока заключается в том, **какими средствами они всего легче добьются нужных им прав**. Мы прямо начинаем с борьбы рабочих за политические права, так как она является **общей почвой** для всех русских социал-демократов. Тот не социал-демократ, кто не признает необходимости политической борьбы рабочего класса. Но на этой общей почве вполне возможны разногласия относительно того, какие пути всего успешнее ведут к цели, и в частности относительно роли экономической борьбы в освободительном движении русского пролетариата.

Далее, для всякого социал-демократа ясно, что только массовое движение рабочих обеспечивает успех, что, стало быть руководящие элементы нашего движения, комитеты и группы, должны всеми силами стараться заручиться влиянием на массу, вовлечь ее в движение и удержать ее в нем. Тут выше поставленный вопрос о наиболее целесообразных средствах ведет к другому, с ним тесно связанному вопросу: **какими средствами можно наиболее успешно усилить массовый характер движения, развивая в то же время классовое, а стало быть, и политическое сознание массы.** Последнее разумеется само собою, потому что тот не социал-демократ, кто теряет из виду существенную задачу социал-демократии—развитие классового сознания пролетариата и особенную задачу русской социал-демократии в настоящее время—ускорение перехода стихийного массового движения в сознательное классовое.

На этой общей почве опять-таки возможен спор о большей или меньшей важности экономической борьбы, о способах политического воздействия на массу в момент стачек и по другим поводам, о своевременности перехода к политической агитации среди данного слоя рабочих и о содержании этой агитации.

Разберем эти вопросы.

Не одно только русское рабочее движение началось с экономической борьбы, в которой рабочие боролись прежде всего с отдельными фабрикантами за свои ближайшие экономические интересы. Таков первоначальный характер самостоятельного *) рабочего движения во всех странах. В «Манифесте коммунистической партии» Маркса и Энгельса (стр. 15—16 шестого немецкого издания, Берлин, 1896) мы читаем: «Пролетариат переживает различные ступени развития... Сначала борются отдельные рабочие, потом вступают в борьбу с отдельными, непосредственно их эксплоатирующими буржуа рабочие одной фабрики, далее—рабочие одной отрасли промышленности в данной местности... «На дальнейшей ступени развития» столкновения между отдельными рабочими и отдельными буржуа все более принимают характер столкновений между двумя классами. Рабочие начинают устраивать стачки против буржуа, они сплачиваются с целью отстоять свою заработную плату. Они основывают даже постоянные союзы, чтобы запастись средствами на случай активной борьбы... «С непрерывным распространением организаций рабочих» многочисленные местные стычки, всюду носящие один и тот же характер, об'единяются по всей стране в общую классовую борьбу. А всякая классовая борьба есть борьба политическая».

Таким образом, авторы «Манифеста»—согласно действительному ходу борьбы пролетариата—видят в экономической борьбе основу политическую. Последняя является завершением первой. Сплочение рабочих для борьбы за ближайшие экономические интересы предшествуют классовой, политической борьбе пролетариата и неизбежно ведет к ней.

Тот же взгляд на первостепенную важность экономической борьбы для развития классового сознания высказывает Маркс в «Нищете философии», в главе о «стачках и рабочих коалициях», где он спорит против Прудона и буржуазных экономистов, считавших стачки вредными для интересов рабочих. Наметив в общих чертах ход экономической борьбы рабочих союзов, он пишет: «В этой борьбе—настоящей междуусобной борьбе—соединяются и развиваются все необходимые элементы будущих битв. Дойдя до этой ступени (до борьбы за сохранение рабочего союза), коалиция принимает политический характер. Экономические отношения превратили сперва массу народонаселения в рабочих. Господство капитала создало для этой массы одинаковое положение и общие интересы. Таким образом, по отношению к капиталу масса является уже классом, но сама для себя она еще не класс (т. е. она еще не сознала себя особым классом. Б. К.). В борьбе, намеченной

*) В отличие от тех случаев, когда пролетариат, еще не сознавший своих особенных классовых интересов, втягивался в политическую борьбу буржуазией, под знаменем которой он и боролся.

нами лишь в некоторых ея фазисах. сплоченная масса вырабатывается в класс— для себя (сам сознает себя классом. Б. К.) Защищаемые ею интересы становятся классовыми интересами. Но борьба между классами есть борьба политическая». («Нищ. филос.», стр. 145—146, Женева, 1886).

Эти ссылки на Маркса и Энгельса могут, пожалуй, показаться излишними. Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, следовательно, в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы. Это верно, всякий социал-демократ это знает. Но одно дело знать, а другое дело применять свое знание на практике. Обвинение в «экономической ереси», в отрицании политики, которые поднимаются в последнее время против действующих в России социал-демократов,—поднимаются отчасти социал-демократами же и с усердием подхватываются многими, если не всеми, русскими революционерами других направлений—эти обвинения были бы невозможны, если бы все социал-демократы руководились при обсуждении тактических вопросов указанными основными взглядами Маркса и Энгельса.

Мы сказали, что самостоятельное рабочее движение во всех странах начинается с экономической борьбы. Этого мало. По сию пору даже в передовых странах Запада отдельные слои пролетариата или рабочие отдельных местностей пробуждаются к классовому сознанию, впервые примыкают к рабочей партии, благодаря толчку экономической борьбы. Примеров в доказательство этого не оберешься; ограничиваемся наиболее характерными из них.

Массовая стачка лондонских портовых рабочих (докеров) в 1889 году положила начало «новому трэд-юнионизму»[40]), новому политическому и социал-демократическому течению среди английских рабочих союзов. Во Франции город Кармо стал крепостью социалистической партии со времени стачки углекопов в 1892 году, и вообще эта стачка, на ряду с другими французскими стачками начала 90-х годов, дала сильный толчок развитию классового сознания пролетариата и росту социалистической партии по всей стране. Прошлогодние стачки французских углекопов в Монсо-лэ-Мин и металлургических рабочих в Крезо послужили началом классового, политического и социалистического движения среди этих дотоле совершенно забитых слоев. Менее чем через год после стачки, на муниципальных (думских) выборах в мае 1900 года и те, и другие смело вступили в избирательную борьбу под социалистическим знаменем, при чем углекопы Монсо немедленно же завоевали власть в городской думе, где до того времени господствовали ставленники их эксплоататора, а рабочие Крезо подали за своих кандидатов больше 4.000 голосов. В Австрии прошлогодняя успешная борьба брюннских ткачей за 10-часовой рабочий день доставила социал-демократии прочное влияние на этот до того времени отсталый слой. Вспомним, наконец, огромное политическое значение, которое получили чисто стихийные стачки бельгийских углекопов 1886 года, боровшихся за заработную плату: с тех пор рабочая масса присоединяется к борьбе *) за общее избирательное право, и основанная годом раньше бельгийская рабочая партия сразу значительно усиливается.

Таким образом, общеизвестный ход русского рабочего движения вполне соответствует ходу западно-европейского. И там, и тут экономическая борьба является первичной формой массового движения, началом классового пробуждения пролетариата и ни чем не заменимой школой его политического воспитания.

Еще Андрей Желябов [41]), один из героических борцов партии «Народной Воли» за политическую свободу, говорил 20 лет тому назад, что стачка в России есть политическое событие. Можно сказать, что в России стачки имеют гораздо больше значения для политического воспитания массы, чем где бы то ни было. Царское правительство во время стачек так грубо берет сторону фабрикантов, так

*) За общее избирательное право.

жестоко расправляется со стачечниками, что самый отсталый рабочий, прошедший через школу стачки, делается восприимчивым к идеям политической борьбы. Он на собственной спине начинает чувствовать неразрывную связь борьбы за свои ближайшие экономические интересы с борьбой за политическую свободу, необходимость политических прав ради его насущных интересов, так как отсутствие этих прав крайне затрудняет борьбу за улучшение условий труда.

II.

В истории русского революционного движения мы встречаем, в общем, три разнородных взгляда на занимающий нас вопрос.

Народники 70-х годов [12]), отрицавшие политическую борьбу, как нечто недостойное социалистов, пренебрегали в то же время и экономической борьбой **пролетариата** за его ближайшие интересы (как, впрочем, вообще деятельностью в его среде). Борьба эта не могла их интересовать—не только потому, что в то время промышленность и рабочий класс находились еще в зачаточном состоянии и стачки были редким явлением, но и потому, что они все свои социально-революционные надежды возлагали на крестьян. Вместо того, чтобы связывать экономическую борьбу рабочих с борьбой за свободу, они связывали крестьянские бунты—экономическую борьбу крестьян за ближайшие интересы против помещиков, против малоземелья и податного гнета—с борьбой за социальную революцию, за немедленное осуществление социалистического строя, в который, как они верили, можно «перескочить» прямо из крестьянской общины, минуя капиталистический период развития и борьбу за политическую свободу.

Народовольцы [13]), выделившиеся из среды народников, оставшись верными основным теоретическим взглядам своих предшественников, на практике отказались от деятельности среди крестьян и старались, на ряду с геройской политической борьбой против самодержавия, действовать среди городских рабочих,—после того как опыт самих народников показал, что городской рабочий несравненно более восприимчив к пропаганде социалистических идей, чем крестьянин. Но и народовольцы не связывали экономической борьбы рабочего класса с политической борьбой. Рабочие были только одним из разнородных элементов, на которые старалась опереться организация «Нар. Воли». Народовольцы были, пожалуй, еще дальше от классовой точки зрения, чем народники. Последние не признавали, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», но все же ожидали социальной революции от всеобщего крестьянского восстания, т.-е. от борьбы слоя населения, который им казался экономически народным. Народовольцы же ожидали политического переворота,—который, впрочем, по их мнению, должен был «совпасть» с социалистической революцией,—от заговорщицкой борьбы своей собственной организации, стоявшей вне всяких классов и над всеми классами, в том числе и над пролетариатом. Понятно, что они не могли руководиться классовыми интересами пролетариата и придавали городским рабочим особенное значение не потому, что те, как класс, заинтересованный в торжестве политической свободы и социализма, а единственно потому, что, живя в **городах**, пролетариат может оказать особенно ценное содействие народовольческой партии в момент восстания или захвата ею власти. Если народники по-своему мечтали о классовой борьбе, которая не была бы политической, то народовольцы вели политическую борьбу, которая не была классовой, не была борьбой определенного класса и, стало-быть, не находилась ни в какой связи с экономической борьбой пролетариата. Приведенное изречение Желябова, одного из основателей организации Н. В., было гениальным проблеском наблюдательного, чуткого к действительности, ума, но на деятельность Н. В. оно влияния не оказало.

Кроме того, экономическая борьба пролетариата за ближайшие интересы и ея связь с политической борьбой не были оценены народовольцами еще потому, что их политическая цель—захват власти—и террористические приемы политической борьбы—покушение на царя—слишком далеки были от потребностей и способностей

рабочей **массы.** Между стремлением заговорщиков к захвату власти с целью социалистического переворота и борьбою рабочих за повышение расценок или сокращение рабочего времени лежит такая же пропасть, как между участием рабочего в стачке и его участием в покушении на царя. К. Н. В., как и к предшествовавшим ей революционным организациям, примыкали отдельные, очень развитые рабочие. Но это были исключения, это были рабочие, ставшие, так сказать, интеллигентами, **оторвавшиеся от массы и не оказывавшие на нее никакого влияния.** Более того, даже зародыши самостоятельных рабочих организаций в конце 70-х годов (Северно-Русский и Южно-Русский рабочие союзы), пытавшиеся ставить вопрос о политической борьбе на классовую почву, быстро и бесследно заглохли, благодаря неклассовому характеру деятельности тогдашних революционеров.

Только классовая, рабочая точка зрения социал-демократии в состоянии отвести экономической борьбе должное место, слить ее воедино с политической борьбой, дать борьбе с самодержавием прочную основу классовых интересов пролетариата. Социал-демократия «сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс» (Из Манифеста Российск. Соц.-Демокр. Раб. Партии). Достигает же она этого тем, что приспособляет приемы борьбы к потребностям и способностям массы, возвышая массу до политического сознания в процессе самой борьбы и сохраняя за движением массовый характер в течение всего его поступательного развития.

Существенные черты этой тактики намечены уже в брошюре «Об Агитации» (Женева, 1896), написанной и распространявшейся в России в 1895 г. В этой брошюре, знаменующей переход социал-демократов от кружковой пропаганды к агитации среди массы, выставляется задачей постоянная агитация среди фабричных рабочих на почве существующих мелких нужд и требований—с целью выработки, путем собственной борьбы рабочих, «классового самосознания» и создания „почвы для политической агитации" (стр. 16). Инициаторы агитационного периода русской социал-демократии начинали сначала с «мелких нужд их требований», с экономической борьбы—именно потому, что только таким путем можно поднять массу до сознания необходимости политической борьбы. «Как социал-демократы», говорили они, «мы ставим своей задачей привести пролетариат к сознанию необходимости политической свободы, как предварительного условия для возможности его широкого развития» (стр. 7). Они же первые установили конкретную связь между экономической и политической борьбой. «Немыслимо ожидать классового движения с политической программой там, где не ведется в достаточно крупных размерах чисто экономическая борьба. Утопично, поэтому, предполагать, что русские рабочие, в общей своей массе, могут вести политическую борьбу, если только не выяснить с достаточной убедительностью необходимость ее в их собственных интересах» (стр. 8—9).

Массовые стачки петербургских рабочих 1895—97 г.г. [41]) бесповоротно решили вопрос в пользу тактики, намеченной в брошюре «Об Агитации». С тех пор она была применена во всех центрах русского рабочего движения и увенчалась успехом, хотя и не всюду одинаково крупным.

Действующие в России социал-демократы не отделяют рабочего движения от борьбы с самодержавием, не отделяют экономической борьбы от политической точно так же, как они не противопоставляют самих себя рабочей массе. Наши организации являются лишь руководительницами и воспитательницами массы, ея сознательным авангардом (передовым отрядом).

Отсюда вытекает известная постепенность в **агитационной** деятельности наших организаций, сообразующейся с уровнем данного слоя рабочих. Но эта постепенность не имеет ничего общего с уродованием своей программы, с оппортунистическим скрыванием конечных целей движения. Она является только необходимым

педагогическим приемом в интересах прочного вовлечения массы в движение и развития ее классового сознания *).

Что сказали бы об учителе, который начал бы преподавать высшую математику ученикам, не знающим четырех арифметических правил. И найдется-ли человек, который обвинит учителя, начинающего со сложения и вычитания, в том, что он отрекается от истинных принципов науки. Требования здравого смысла по отношению к преподаванию социал-демократической науки массе, т. е. в социал-демократической агитации среди массы. Необходимо считаться с сравнительно низким уровнем среднего русского рабочего. Необходимо начинать с начала.

Мы взяли для примера учительскую деятельность. Но деятельность социал-дем. агитатора, не говоря уже о полицейских условиях России, по самому своему характеру гораздо труднее. Одного обучения масс, одного ее просвещения путем прокламаций, листовок и брошюр—совершенно недостаточно. Масса действительно просвещается **опытом собственной борьбы**, которая на первых порах по необходимости должна быть борьбой экономической. Агитация должна иметь главной задачей доставить массе этот опыт, в случае надобности, толкнуть ее на борьбу и затем—все равно, начала-ли масса борьбу по собственному почину или под влиянием агитации—пользоваться борьбой для раз'яснения массе всего ее смысла, экономического и политического.

Если учитель руководствуется чисто логической связью между разными частями преподаваемой науки, то агитатор должен иметь в виду, чтобы требования, которые он бросает в массу, были связаны с опытом ее борьбы. Только под этим условием требования эти станут **требованиями самой массы**, войдут в ее плоть и кровь и послужат к ее под'ему на все высший и высший уровень.

О характере экономических требований нам не-зачем распространяться: они диктуются каждый раз условиями труда на каждой фабрике и, к тому же, не нужно особого уменья, чтобы приспособить их к пониманию и потребностям данного слоя рабочих. Говоря о трудностях агитации, мы имеем в виду исключительно **политическое** воспитание массы. Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны, однако, на первых порах соответствовать опыту, извлеченному данным слоем рабочих из экономической борьбы. Только на почве этого опыта можно и должно приступить к политической агитации и расширять ее содержание опять-таки по мере дальнейшего опыта.

Мы лучше всего раз'ясним нашу мысль на деятельности наших екатеринославских товарищей, которая вообще особенно характерна и поучительна. Мы, не колеблясь, ставим ее как образцовый пример для всех тех промышленных центров России,—а таких, по крайней мере, большинство,—в которых рабочие стоят на таком же уровне развития, как в Екатеринославе.

Недавно изданный Союзом Русских соц.-демократ. отчет Екатеринославского Комитета («Рабочее движение в Екатеринославе», Женева, 1900) свидетельствует о блестящем успехе, достигнутом тактикой последовательного перехода от экономической к политической агитации в строгом соответствии с опытом борьбы. Екатеринославский «Союз Борьбы» (возникший в декабре 1897 г.) «с самого начала поставил себе целью вести широкую агитацию среди рабочих на почве ежедневных материальных нужд и потребностей, назревших в рабочей массе» (стр. 3). За весь 1898 г., в течение которого екатеринославские рабочие впервые приняли широкое участие в экономической борьбе, деятельность «Союза Борьбы» «носила чисто **экономический** характер; выставлять политические требования считалось пока невозможным, так как рабочая масса еще слишком мало боролась за свои экономические требования, а полиция и жандармерия не проявила такого активного вмешатель-

*) Мы говорим об **агитации**, т. е. о **воздействии на широкую массу**. В области **пропаганды**, т. е. кружковой деятельности среди **избранных** рабочих, тактике постепенной в указанном смысле нет места, при чем данные рабочие уже могут быть подготовлены к немедленному восприятию соц.-дем. программы во всем ее об'еме. Другое дело агитация среди серой массы.

ства в столкновения между рабочими и хозяевами, которое можно было бы использовать для политической агитации. Но с течением времени это положение начинает изменяться...» (стран. 6). Уже в начале 1899 г., с преобразованием «С. Б.» в Екатеринославский Комитет Соц.-дем. Раб. Партии, начинаются «изменения как в настроении рабочей массы, так и в характере деятельности местной социал-демократии. Изменениям этим в значительной мере способствовали местные власти, полиция и жандармерия....» Их все учащающееся грубое вмешательство во время стачек и волнений в пользу хозяев усилило «раздражение рабочих против администрации и полиции, и «Комитету» оставалось только пойти навстречу этому настроению и начать **политическую** агитацию» (стр. 7). Агитация эта нашла восприимчивую почву среди рабочих на первомайском собрании 1899 г. «Екатеринославские рабочие в первый раз в своих речах и тостах заявили... о своей готовности к борьбе за политическую свободу» (стран. 7). После кровавой бойни, учиненной войсками над мариупольскими стачечниками (6 июля 99 г.), «Комитет» в листке, распространенном в 3-х тысячах экземпляров, «призывал рабочих на борьбу за политическую свободу» (стр. 10). В заключение отчет констатирует «зарождение и дальнейшее развитие классового и политического сознания у екатиринославской рабочей массы... пробуждение екатеринославских рабочих к самостоятельной политической деятельности» (стр. 12).

Всего через два года после начала экономической агитации явилась возможность издавать для широкой массы газету «Южный Рабочий», носящую резкий политический характер. В передовой статье 1-го номера этой газеты мы читаем:

> «...Поэтому и борьба с этим правительством богачей и эксплоататоров, стремление к его ниспровержению и завоеванию себе политических прав является жизненной задачей рабочего класса в России, задачей не менее насущной и жизненной, как и вопрос о сокращении рабочего дня, увеличении заработной платы» (столб. 11—12).

В статье «Из хроники рабочего движения» (перепечатанной как приложение в отчете Екатеринославского Комитета) проводится та мысль, что для успешности рабочего движения «необходима политическая свобода, обладание теми правами, которые являются могущественными орудиями в деле прочного под'ема жизненного уровня рабочего класса и в окончательном освобождении от гнета эксплоатации, как венца его «стремлений» (столб. 33). А в ответ на об'явление об усиленной охране в Екатеринослав. губ. газета высказывает уверенность, что подобные меры «могут только ускорить ход развития рабочего движения, двинуть его на путь самой упорной и решительной борьбы с правительством за приобретение политических прав и за свержение самодержавия...» (столб. 34).

Таков результат умелого применения тактики политического воспитания массы, прежде всего, на опыте ея собственной экономической борьбы.

III.

В Екатеринославе переход к политической агитации и притом очень широкой—вплоть до провозглашения необходимости «свержения самодержавия»—совершился очень быстро. В других местах он совершался и совершается гораздо медленнее, иногда чересчур медленно, особенно в Иваново-Вознесенском районе (см. отчет Иваново-Вознес. Комитета за последние 15 лет, издание Союза Р. С.-Д., Женева, 1900). С другой стороны, политическая агитация отличается, смотря по отдельным местностям, то более широким, то более узким характером. В общем эти различия несомненно об'ясняются разнообразием культурного уровня рабочих в такой обширной стране, как Россия, и мы далеки от того, чтобы в ежедневной агитационной деятельности мерять одним аршином все слои русского пролетариата: это противоречило бы сути указываемой нами тактики. Но не менее резко противоречило бы ей слишком долгое топтание на одном месте, так как весь ея смысл именно и заключается в **ускорении политического воспитания массы**. А в этом отношении

деятельность наших организаций играет очень важную роль. Каковы бы ни были различия местных условий, все наши организации должны стремиться к тому, чтобы неразрывная связь между экономической и политической борьбой, между улучшением положения рабочих и борьбой за свободу как можно скорее вошла в сознание массы.

Если на Западе (на первоначальных ступенях развития) пролетариат прямо или косвенно вовлекался в политическую борьбу буржуазией, пока он, сознав свои особенные классовые интересы, не выступал самостоятельной политической силой,—то в России о том же самом заботится царское правительство, которое своей грубой рукой толкает пролетариат сразу на самостоятельную политическую борьбу во имя его кровных интересов. Нашим организациям остается только использовать это положение для того, **чтобы ускорить рост политического сознания рабочих**. Задача революционера-социал-демократа заключается вообще в ускорении естественного хода развития путем выработки сознания в среде пролетариата. В применении к России в настоящий момент задача эта обязывает социал-демократов стремиться к возможно быстрому переходу от экономической к политической агитации и далее, к возможно быстрому расширению самого содержания политической агитации.

Последнее же становится все легче по мере дальнейшего роста нашего рабочего движения. Мы знаем, что даже движение различных стран находится во взаимной связи, ускоряя одно другое. Успехи пролетариата каждой отдельной страны благотворно влияют на рост движения во всех других странах. И никто не станет спорить против того, что русское рабочее движение в настоящее время было бы бесконечно слабее и стояло бы бескопечно ниже по своему уровню, если бы не получило сильного толчка со стороны западно-европеского движения. Но еще сильнее, разумеется, взаимная связь между движениями различных местностей и различных слоев пролетариата одной и той же страны. Передовые местности сильно ускоряют количественный и качественный рост движения в местностях более отсталых. Таким образом, быстрота перехода пролетариата от низшей ступени на высшую должна все более расти. Если и теперь в тех местах, где движение только что зарождается, нужно начинать сначала с чисто экономической агитации, то этот первоначальный период несомненно может быть сокращен до наименьших размеров.

То же самое должно сказать о расширении содержания политической агитации. Под этим мы понимаем переход от частных, более конкретных, ближайших требований (свободы стачек, союзов, собраний, печати и проч.) к охватывающему их общему требованию политической свободы, демократической конституции,—словом, к агитации за нашу политическую программу во всем ея об'еме. Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек, как только правительство пустило в ход полицию и жандармею (а тем более войско) в защиту интересов фабрикантов, как только рабочие на собственном опыте увидели свою необходимость ближайших политических прав для успешной и дружной борьбы. Дальнейший опыт покажет рабочим—на ряду с **классовым** характером их борьбы, с солидарностью интересов всех рабочих России—ответственность центрального, самодержавного правительства за все насилия местных властей. Рабочие научатся видеть в этих насилиях результат самодержавного строя, а в местных властях—послушное орудие самодержавного правительства. И подобно тому, как злоба рабочих против отдельного фабриканта, их эксплоататора, обращается, по мере роста их сознания, против всего класса фабрикантов, а далее, превращается в непримиримую вражду к капиталистическому строю,—так и первоначальная злоба против отдельного полицмейстера, губернатора или жандармского полковника возвышается до непримиримой ненависти к самодержавному правительству с царем во главе, которое из центра направляет весь механизм полиции, жандармерии и армии против рабочих.

Уяснить рабочей массе в процессе ея борьбы и на ее боевом опыте неразрывную связь между ее насущными экономическими интересами и борьбой за ближайшие политические права, уяснить затем неразрывную связь между этими правами и необходимостью политической свободы, свержения самодержавия—такова настоятельная и **общая** задача всех наших организаций. Выполнение этой задачи может оказаться,—смотря по условиям данной местности, по культурному уровню данной местности, по культурному уровню данного слоя рабочих,—легким или трудным, может потребовать большого или меньшего времени, но оно всюду возможно и потому обязательно. В виду же достигнутых успехов мы думаем, что наши организации всюду в состоянии справиться с намеченной задачей очень легко и очень скоро. Во всяком случае—тем легче и тем скорее, чем неотступнее они будут ею руководиться во всей своей деятельности.

Русское революционное движение в целом всегда сильно страдало от одностороннего увлечения каким-нибудь излюбленным приемом борьбы, в известных условиях дававшим благоприятные результаты. Русские революционеры всегда страдали склонностью возводить какой-нибудь прием борьбы в принцип, в единоспасающий догмат. Здесь не место распространяться о причинах этого печального явления. Заметим только, что нашим социал-демократическим организациям легче избегнуть такой односторонности как благодаря опыту предшественников, так и особенно благодаря **классовой** постановке социал-демократического движения, сливающегося с массовой борьбой пролетариата. «Жизненные интересы рабочего класса ведут его к **политической** борьбе. Потребности чисто-экономической борьбы принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политическую свободу». (Из программы «Раб. Дела»). Поэтому одностороннее увлечение экономической борьбой для социал-демократии столь же возможно, как и падение политической борьбы вне связи с классовыми интересами пролетариата. Но социал-демократам приходится работать в тех же ужасных полицейских условиях, что и прежним революционерам. А эти условия ведут к замкнутости, к большой или меньшей изолированности отдельных местных организаций и что еще хуже—вызывают быструю смену деятелей, арестами непрерывно отрываемых от работы. Изолированность отдельных организаций отчасти ослабляет то благотворное влияние опыта более передовых местностей, о котором мы говорили выше. Быстрая смена деятелей нарушает преемственность опыта в пределах одной и той же организации. И все это действует тем вреднее, что у нас нет крепкой центральной организации и нет центрального органа партии *). Вот почему, если и невозможно одностороннее увеличение экономической борьбой, то в отдельных наиболее неблагоприятно поставленных местностях вполне возможно **замедление политического развития рабочей массы, слишком долгое** топтание на одном месте, на первоначальной ступени чисто-экономической борьбы.

К тому же результату и по тем же причинам может вести преобладание местного над общеклассовым моментом, приувеличенное внимание к местным особенностям и, на ряду с этим, **буквальное, а потому ложное понимание массового момента.** Если ждать с политической агитацией до тех пор, пока вся масса или хоть большинство ее станет восприимчивым к политическим требованиям, то мы рисковали бы надолго задержать политический рост этой самой массы. Вспомним, что и в наиболее передовых западных странах до сих пор большинство рабочих не принадлежит к социал-демократической партии и даже к профессиональным рабочим союзам. Все социал-демократические партии борются за требования, лежащие в инте-

*) Организационные вопросы выходят за пределы этой статьи. Но попутно мы желаем указать, что серьезное организационное об'единение наших местных комитетов и создание центрального органа партии настоятельно необходимы также в интересах тактического единства, которое усилило бы **качественный** рост нашего движения, ускорило бы рост классового и политического сознания рабочих. Пример «Народной Воли» показывает, что центральная организация—в том или ином виде—возможна и в русских полицейских условиях.

ресах всего пролетариата или также всег отрудящегося народа вообще. Но они, разумеется, не ждут с агитацией за то или иное требование, пока к нему станет восприимчива вся масса или хоть бы большинство ее. Не бессознательные элементы массы, иногда десятилетиями остающиеся в стороне от борьбы, определяют тактику социал-демократических партий, а ее деятельные, живые, борющиеся элементы, ее передовой отряд. Точно также мы должны поступать в России—всюду, где масса уже выставила передовой отряд борцов.

Итак, как можно скорее переходить от чисто экономической борьбы к агитации за ближайшие политические требования и затем как можно скорее расширить содержание политической агитации—вот основное тактическое правило, обязательное для всех наших организаций.

Идут в разрез с основными учениями Маркса все те, кто относятся к стачкам с «трансцендентальным *) презрением», в котором Маркс упрекал Прудона и его единомышленников (смотр.«Нищета философии», стр. 146). Но стачки лишь тогда принесут рабочему классунаибольшую пользу, если агитаторы используют все скрытое в них политическое содержание, превращая их в наглядный урок политического воспитания массы. Близоруки или ослеплены все те, кто в **различных стадиях** нашего движения в отдельных местностях видят **различные направления.** Но все наши организации обязаны стремиться к тому, чтобы как можно скорее повысить уровень движения повсеместно и тем **ускорить его тактическое об'единение.** Наша партия должна быть так же едина на практике, как и по своей программе.

Расширение содержания политической агитации и неразрывно с ним связанное тактическое об'единение всего нашего движения на **высшем** уровне есть работа каждого дня, явится результатом непрерывных усилий. Особенно же успешно можно и должно работать в этом направлении по случаю **майского праздника.** О великом значении этого праздника в России мы говорили уже не раз (см. майские номера «Раб. Дела» 1899 и 1900 г.г.). Здесь мы только заметим, что наши организации до сих пор не выработали единой тактики по отношению к майскому празднику. Не будем уже говорить о том, что в центрах русского рабочего движения майская забастовка и демонстрация до сих пор являются редким исключением, что пример польских и еврейских рабочих нашел слишком мало подражателей: майские забастовки и демонстрации требуют очень серьезных сил и подготовлений и слишком часто делаются невозможными вследствие повальных арестов накануне майского праздника. Но нет единства и там, где оно вполне возможно, **в майских прокламациях**, издаваемых нашими комитетами. Прокламации чересчур приноравливаются к местным особенностям, местные и частные требования занимают в них чересчур много места, отодвигая подчас на задний план **общеклассовые и политические** требования, которые должны стоять в центре.

Все прокламации подчеркивают **международный** характер майского праздника. Почему же им всем не подчеркивать столь же энергично борьбу за политическую свободу? Разве международность—понятие более доступное массе, чем политическая свобода? Скорее наоборот: о связи между борьбой русских рабочих и рабочим движением других стран наш средний рабочий несомненно имеет гораздо более смутные представления, чем о связи политической свободы с его насущными интересами, связи, которую он сам испытал на себе во время стачки и испытывают десятки тысяч рабочих в пределах России.

Вообще связь между политической агитацией и экономической борьбой нельзя понимать исключительно в этом смесле, что первая всегда и всюду должна быть связана со второй **непосредственно.** Уже в майском празднике такой непосредственной связи нет или, во всяком случае, обычно может и не быть. Рабочие того или другого города могут по случаю 1-го мая устроить стачку с частными требованиями к данным предпринимателям; но не эта стачка определяет характер майского праздника, а общеклассовые, политические требования. По мере же роста

*) Сверхчувственным, основанным не на наблюдении и опыте, а на предвзятых, отвлеченных идеях.

нашего движения политическая агитация должна охватить решительно все вопросы общественно-политической жизни, ибо все они так или иначе затрогивают классовые интересы пролетариата. Сообразно с этим программа «Рабочего Дела» и заявляет:

«Кроме столкновения рабочей массы с правительственной властью на почве экономической борьбы, поводами к политической агитации и пропаганде могут быть и все крупные факты русской жизни, затрогивающие интересы широких масс рабочего народа и показывающие враждебность к нему царского правительства: голод, новые законы, направленные к еще большему угнетению народа или к обогащению на его счет фабрикантов и дворянства и т. п.».

Классовый характер рабочего движения отнюдь не заключается в изолировании пролетариата от других угнетенных классов,—всего меньше в России с ее многомиллионным крестьянством, страдающим от капитализма и самодержавия не меньше пролетариата. Он требует только, чтобы всегда интересы пролетариата определяли всю нашу деятельность, служили руководящей нитью нашей тактики. Но именно интересы пролетариата заставляют его бороться за всех угнетенных и в союзе с ними: «Лишь в борьбе за интересы и права **всех** трудящихся против **всех** форм экономического, политического, национального и религиозного гнета—российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: **низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса**». (Из программы «Раб. Дела»).

Расширение политической агитации в этом направлении возвысит пролетариат в его собственном сознании—а не только в теории—до роли передового отряда всего угнетенного капитализмом и самодержавием народа и тем удесятерит его революционно-политическую силу.

Подведем итоги. Экономическая борьба есть вечно живой источник нашего движения. Она приучает пролетариат к дружной деятельности, к организации, дает ему первые понятия о классовой солидарности, пробуждает его к политической борьбе. Переходными ступенями в деятельности наших организаций являются: чисто-экономическая агитация, политическая агитация в непосредственной связи с экономической борьбой—сначала за ближайшие политические требования, а затем за всю нашу политическую программу, политическая агитация вне прямой связи с экономической борьбой пролетариата или его ближайшими интересами—вплоть до агитации по поводу общественно-политических злоб дня, интересующих пролетариат, как передовой отряд всего угнетенного народа в борьбе с самодержавием.

Само собой разумеется, что и там, где движение достигает высшего уровня, агитационные приемы, соответствующие низшему уровню, будут по-прежнему играть важную роль. В частности политическая агитация, непосредственно связанная с экономической борьбой, сохранит свое преобладающее значение на всех ступенях развития, и даже первоначальный прием чисто-экономическай агитации может уживаться рядом с самой широкой политической агитацией, поскольку дело идет о рабочем слое, еще совершенно не затронутом движением. Одним словом, каждая высшая из переходных ступеней включает и пройденные уже ступени с соответствующими им приемами агитации.

Руководящим же правилом деятельности является возможно скорейшее достижение высшего политического уровня при постоянном сохранении за движением его массового характера,—ускорение политического воспитания рабочей массы. Этой цели должны быть подчинены все приемы борьбы, потому что только политически воспитанный пролетариат обеспечит успех в борьбе за свободу и только свобода обеспечит успех в дальнейшей борьбе пролетариата за свое конечное освобождение, за социализм.

Неутомимо работая в этом направлении, социал-демократическая партия и в России, как на Западе, на деле сольется с борющимся пролетариатом и выкует в горниле классовой борьбы тот могучий молот, который разобьет вдребезги цепи самодержавия.

ОЧЕРЕДНЫЕ ВОПРОСЫ.

(Мартынов. «Раб. Дело» № 9, май, 1901 г.).

Ясно, как день, что для ограждения своих прав рабочим нужны постоянные организации с выборными представителями, с собственной свободной периодической печатью, с постоянными кассами, с правом устраивать стачки, открыто агитировать и т. д., другими словами, им нужны непосредственно касающиеся рабочего класса политические права. Как же обстоит дело с этими правами в нашем самодержавном государстве? По причинам весьма понятным, когда наши рабочие обнаруживают какие-нибудь признаки политической жизни, правительство теряет голову и принимает меры крайне непоследовательные и нерешительные; из этого, как мы видели, делается такое заключение. Уже фактические рабочие не раз открыто устраивали сходки, открыто через своих представителей вели переговоры с администрацией, даже с министрами, открыто отбивали произвольно арестованных товарищей, фактически они устраивают стачки. Если это будет все чаще и чаще повторяться, то это в конце-концов превратится в обычное их право, которое правительство должно будет утвердить в законном порядке. Произвольное действие, которое вследствие частого повторения превращается в законное право, называется у юристов прецедентом. Предполагать, что у нас возможны политические прецеденты—значит совершенно не различать самодержавного строя от конституционного. У нас не только политический акт не превращается в политическое право, а наоборот, уже утвержденное законом в трудную для правительства минуту гражданское право через какой-нибудь год—два за ненадобностью отменяется. Если правительство во время рабочих волнений допускает, чтобы рабочие вышли за пределы закона, если оно не принимает сразу крупных мер против них, если оно в таких случаях обнаруживает гораздо большую трусливость, чем конституционные государства, то оно, конечно, на это имеет очень серьезные основания. Конституционное правительство назначается из среды парламентского большинства и действует на основании его полномочий. Голосования парламента дают ему всегда точное указание насчет настроения разных партий в данный момент. Поэтому, оно, конечно, может действовать спокойно, без оглядки. Самодержавное же правительство не имеет никаких данных, чтобы судить, как те или другие слои общества отнесутся к его действиям. Оно знает только то, что громадное большинство общества в душе радо всякой его ошибке, всякому его промаху, который может поколебать его равновесие. Понятно, что при таких условиях в самодержавной стране крутые меры могут иметь самые неожиданные последствия, могут послужить неожиданным сигналом к политическому кризису: напомним, какие неожиданные размеры приняли студенческие беспорядки и волнения общества, когда казаки нагайками избили студентов, Кто знает, что бы еще вышло, если бы правительство дало на улице настоящее сражение рабочим,—особенно, если бы это было вызвано не погромом каким-нибудь, а сознательным отстаиванием своих прав? Ясно, что правительство в критические минуты уступчиво лишь из страха за свое самодержавие, из желания его спасти. И вот эти самые причины нерешительности правительства, т. е. желание спасти самодержавие, понуждает его, сейчас же как непосредственная опасность прошла, пустить в ход весь арсенал самодержавного произвола. Тогда-то начинается искоренение корней зла, вылавливание зачинщиков, массовые аресты и, в первую голову, конечно, аресты тех, кого правительство само вызвало на переговоры. Чем больше растерянность нашего правительства во время волнений, тем неизбежнее последующая реакция.

В общем **непосредственные результаты нашего рабочего движения оно сравнительно легко вынуждает у капиталистов временные уступки, сравнительно легко вынуждает у правительства издание фабричных законов. Но в то же время оно побуждает правительство все более и более усиливать политический гнет над рабочими и тем самым в значительной степени отнимает у рабочих средства к охранению и удержанию их экономических завоеваний.**

Тот вывод, к которому мы пришли, правительство наше давно сделало и оно на этом сознательно основывает свою тактику. Это не раз высказывал лисьим языком излюбленный агент правительства—Зубатов [45]), эту тактику в тайном докладе рекомендовал Трепов [46]) и другие. Об этом правительство не только говорит, оно так неизменно поступает. Одновременно с законом, который был вызван Морозовской стачкой и в котором установлены правила о штрафах в пользу рабочих, усиливаются наказания за стачки [47]). А что означает все более и более широкое распространение положения об усиленной охране на фабричные районы, увеличение штата полицейских в этих же районах, введение фабрично-заводской полиции, постой казачьих войск на заводах, закон 7 июня 1899 г. об учреждении главного фабричного присутствия, закон о предании военному суду по распоряжению министра, приравнение ссыльных стачечников к «лицам порочного поведения»?

Но это лишь непосредственные результаты рабочего движения. Более же отдаленные результаты этого движения далеко не так выгодны для правительства; но на это оно благоразумно закрывает глаза. Если выигранная стачка, освобождение арестованных, крупное рабочее волнение, демонстрации и т. п. факты не служат прецедентами для правительства, то они служат прецедентами для рабочих. **Если правительство не закрепляет законами этих побед, то рабочие закрепляют их в своей памяти.** Каждое такое событие имеет огромное агитационное значение, рабочие их запоминают и передают другим. Так **создается революционная традиция.**

Трепов в своем докладе говорит, что везде, где есть революционер, там должен быть агент правительства. Мы ему ответим: **рядом с ростом политического гнета правительства растет политическая сила рабочих и наступит такое время, когда эти две силы столкнутся лицом к лицу.** Когда рабочее движение примет такие размеры, что правительство придет в полное замешательство, тогда правительство, может быть, готово было бы для спасения самодержавия сделать какие-нибудь специальные политические уступки, т. е. даровать рабочим ближайшие права: право собраний, стачек, союзов и т. д. Но тогда было бы уже поздно, и потому такой случай совершенно невозможен. В самом деле, если бы правительство сочло себя вынужденным издать такие законы для рабочих, то это значило бы, что оно явно сдалось на капитуляцию рабочим. Этим самым оно как будто бы громко заявило буржуазному обществу: «я, господа, делало все, что могло; теперь я больше не в силах противостоять рабочему движению, а потому, извините, я для своего спасения отдаю рабочим нужные специально им политические права, т. е. предоставляю им могущественное средство для борьбы с вами». Как вы думаете: оппозиционные элементы общества, которые подкарауливают всякий момент замешательства правительства, чтобы заговорить о политической свободе, не постараются воспользоваться его поражением? А обыкновенно не оппозиционные слои буржуазии будут сидеть сложа руки, когда правительство, потерпевши поражение, их отдаст в руки рабочей массы? Это, конечно, совершенно немыслимо и этого никогда и нигде еще не бывало в истории. Несомненно, что еще гораздо раньше полного поражения правительства, разные общественные слои протянут тысячи рук к политической свободе и тогда правительству останется только один исход—отказаться, конечно, на возможно более выгодных условиях, от самодержавия, но отказаться в пользу всего народа, т. е. дать народу конституцию, право через своих представителей контролировать его власть. И нам надо хорошо запомнить, **что, чем бельшее участие рабочие примут в завоевании этой конституции, тем более демократической будет эта конституция и тем больше доступа они будут иметь к управлению.** Итак, первая политическая уступка, которая будет вызвана рабочим движением,—это, более или менее полное ограничение самодержавия.

Этот вывод совершенно точно подтверждается историей нашего революционного движения 70-х годов. Чем больше усиливалось это движение, тем больше росли страхи правительства, тем больше увеличивался его полицейский произвол. В то же самое время буржуазное общество, следившее с замиранием сердца за

этим единоборством, проникалось все большими и большими надеждами на конституцию и под конец ждало ее с часу на час. И вот как раз в то время, когда полицейский гнет правительства достиг высшего напряжения, в 80 г., когда Лорис-Меликов [48]) впервые ввел систему массовой административной ссылки подозрительных людей без суда и без следствия,—правительство уже готовилось «разделить бремя правления», уже было составлено нечто в роде конституции, которая давала представителям земства и дум совещательный голос при создании законов. И если эта конституция вышла такая жалкая и потом была сдана в архив, то это об'ясняется тем, что революционную борьбу вела одна только разночинная интеллигенция, что интеллигенция в решительный момент не получила поддержки со стороны народа, за интересы которого она боролась и на которую она рассчитывала. Теперь же условия изменились: главной боевой силой является не интеллигенция, а рабочая масса; поэтому вынужденная ею конституция не будет сдана в архив и даст представительство не одной буржуазии, а всему народу, поскольку этот народ принимал участие в ее завоевании.

Теперь мы можем ответить на вопрос, который мы раньше поставили: если ближайший интерес рабочих заключается в приобретении тех специальных пролетарских прав, которые им нужны для борьбы с капиталом, то по условиям наших государственных порядков, их ближайшей политической задачей является борьба с самодержавием. Социал-демократы должны руководить борьбой рабочих за их интересы; но они обязаны также открывать рабочим глаза на те политические условия, при которых эта борьба ведется. Если рабочие вполне проникнутся сознанием необходимости для них падения самодержавия, то это неизбежно отразится на характере их текущей борьбы и сама жизнь выработает пригодную для нее тактику. Конечно, рабочие будут непрерывно вести борьбу с капиталистами и при всех удобных случаях будут обращаться к правительству с требованием издания, их ограждающих, фабричных законов. Мы знаем, что, благодаря коренным особенностям самодержавного строя, завоеванные рабочими экономические права и законы будут неизбежно нарушаться, искажаться, или совсем отменяться. Естественно, что рабочие будут всеми доступными им средствами бороться за восстановление своих нарушенных прав и ограждать себя от произвола и злоупотребления.

Рабочие ведут у нас борьбу за свои интересы при самых неблагоприятных условиях.

Но они не могут, конечно, не отстаивать своих прав до тех пор, пока возникнут эти благоприятные условия, т. е. пока погибнет самодержавие. Самодержавное правительство запрещает стачки, но рабочие их будут устраивать; оно не даст им свободы слова и собраний, а рабочие все-таки будут печатать свои листки и устраивать сходки и демонстрации. Самодержавное правительство заменяет суды казацкой нагайкой, но рабочие с этим не будут мириться; уже были случаи, когда рабочие оказывали сопротивление войскам и отбивали своих товарищей. Этому примеру в конце концов последуют все рабочие. Словом, рабочие будут во всех возможных случаях фактически отстаивать свои человеческие и классовые права, хотя русское правительство, покуда оно остается самодержавным, этих прав за ними не признает. Мало того, рабочие будут пользоваться всяким удобным поводом для того, чтобы дружно и массой демонстрировать во имя этих прав. Но эти демонстрации не будут иметь характера коллективной петиции и коллективных ходатайств о правах, обращенных к самодержавному правительству, потому что от этого правительства политических прав не дождешься. Эти демонстрации будут иметь характер коллективного протеста против самодержавия, лишающего рабочих самых основных и насущных их прав. Протесты рабочих будут иметь характер революционный и каждый такой протест ясно покажет, что рабочие сознают тесную связь между своим бесправием и самодержавием. Мало того, протесты рабочих естественно выйдут за пределы их специально пролетарской борьбы. Если рабочие ясно сознают, в каком отношении находится к ним самодержавие, то они не смогут равнодушно

относиться к лютому акту самодержавного произвола, хотя бы он был совершен не над ними, а над далекими от них провинциями, как напр., над Финляндией или Польшей, хотя бы он был совершен над иноплеменными народностями, напр., евреями, или над другими общественными слоями, напр., над студентами. Они неизменно будут присоединять свой протест к протесту всех угнетаемых в России элементов общества, понимая, что корень этого угнетения, общий—самодержавие, что в насущных интересах рабочих поддерживать всякую борьбу с ним, потому что оно всей своей тяжестью давит именно их—рабочих.

В майских празднованиях, во время которых рабочие выставляют самые заветные, принципиальные свои требования.—они во главе своих специальных классовых требований свободы стачек, союзов и т. д. должны поставить требование ограничения самодержавия народным представительством, потому что с бесконтрольным самодержавным режимом, насквозь проникнутым духом полицейского гнета и административного произвола, несовместимы политические права, особенно политические права самого обделенного и самого угнетаемого общественного класа—пролетариата. Выставление специальных пролетарских политических прав, **без связи** с ограничением самодержавия, для сознательных рабочих будет звучать пустым звуком; не сознательным же рабочим это будет внушать ложное доверие к самодержавному режиму, нечто подобное той вере, которую имели когда-то крестьяне, что царь даст им землю и волю.

Мы знаем, что по мере того, как наши рабочие будут втягиваться в общую политическую жизь России, они будут встречать все больше терниев на своем пути, из их рядов будет вырываться все больше жертв и, может быть, не мало жизней рабочих погибнет, но рабочие не смогут не втягиваться в эту политическую борьбу, потому что они будут это ощущать, как самый насущный свой интерес. Поэтому вся громадная ответственность за их жертвы падет на азиатское самодержавное правительство, которое старается заглушить всякое стремление рабочих к свободе и свету.

ОБЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА.

«Искра» №№ 1—5 [49]).

(Мартынов. «Раб. Дело» № 10, сентябрь, 1901 г.).

В 1892 году, когда только еще зарождалось социал-демократическое движение в нашей рабочей среде, Плеханов издал книжку «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» [50]). В этой книжке автор доказывает, что стремления современных социалистов «представляют собой лишь сознательное выражение бессознательного, слепого исторического процесса» и что «стремления русских социалистов в борьбе с бедствием, поразившим русский народ, должны и могут быть лишь сознательным выражением бессознательного процесса, называемого историческим развитием России». Этот бессознательный процесс, одним из симптомов которого является голод, неумолимо ведет к падению самодержавия. При настоящих политических условиях бороться против народного бедствия, по мнению автора, не представляется никакой возможности и самодержавное правительство тут совершенно бессильно. В виду этого процесса «нашей важнейшей, чтобы не сказать, **единственной** задачей, является содействие росту сознания пролетариата». По мнению автора, единственно возможное для социалиста дело, есть политическая пропаганда среди рабочих. Правда, он находит, что история делается только массой и что пропаганда должна лишь служить преддверием к массовой агитации. Но агитация, по его мнению, ничем качественно от пропаганды не отличается: «Если бы надо было еще выяснять взаимное отношение агитации и пропаганды, я прибавил бы, что пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц».

Как социал-демократ, Плеханов тогда, как и теперь, стоял под знаменем пролетариата и для него писал свою программу. Пролетариат же русский 10 лет тому назат **самостоятельно** мог проявлять свою борьбу с существующим строем лишь в зачаточной форме разрозненной борьбы между рабочими и хозяевами. Строя свою программу для политически неактивного и неорганизованного пролетариата, Плеханов сводил всю нашу тактику к пропаганде революционных идей среди рабочих, нисколько не касаясь тех средств, которые рабочие будут приобретать по мере своего классового развития для систематической борьбы и систематической дезорганизации самодержавного правительства.

С тех пор, как Плеханов писал названную книжку, много воды утекло. На общем фоне политической реакции обнаруживалась то там, то здесь робкая либеральная оппозиция против известных проявлений самодержавного режима; временами вспыхивали ярким пламенем студенческие волнения. Но лишь в пролетариате систематически и непрерывно росло революционное брожение. Ведя видимо лишь борьбу за свои экономические интересы, пролетариат постепенно приобретал прямое или косвенное влияние на разные стороны нашей государственной и общественной жизни. Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса, слабо связанные друг с другом и поглощенные местной деятельностью, не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь вопрос этот назрел, и, если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы несомненно должны были бы значительно углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов. В тесной связи с стихийным процессом, совершающимся «через пень колоду», систематическое разрушение основ самодержавия производит теперь пролетариат своим растущим и осложняющимся воздействием на жизнь. Сообразно с этим осложняются задачи агитации, и теперь мы должны были бы определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов. Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично – делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова, мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствование непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь.

С декабря прошлого года у нас появилось новое социал-демократическое издание—Искра. Этот орган производит пересмотр наших старых приемов борьбы. и мы вправе были бы ожидать от него, что он поставит вопросы тактики так широко, как это требуется теперешним соотношением общественных сил в России. Но, насколько видно из тех 5 номеров Искры, которые уже появились *), она, по отношению к главному для нас, соц.-демократов, вопросу о тактике рабочего движения, обращает внимание только на одну сторону дела так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад.

«Ближайшей политической задачей русской рабочей партии должно быть ниспровержение самодержавия», читаем мы в первом номере Искры. Соответственно с этим Искра заявляет: «Содействовать политическому развитию и политической организации рабочего класса—наша главная и основная задача». Искра совершенно верно поняла, в чем должна заключаться ее главная задача—и надо заметить, что Искра появилась в момент весьма благоприятный для осуществления ее: разразившийся во всей России кризис и бессмысленные гонения правительства на студентов [51]) насытили нашу политическую атмосферу электричеством ко времени появления Искры. Как же она справляется со своей задачей?

Прежде всего мы, конечно, вполне согласимся с Искрой, что для осуществления этой задачи мы должны сделать идею ниспровержения самодержавия нашим боевым лозунгом, мы должны пользоваться всяким поводом для популяризации этой идеи среди широких масс населения. Она должна стать предметом самой широкой мас-

*) По настоящее время—сентябрь 1901 г. появились уже №№ 6 и 7. Ред.

совой пропаганды. Поскольку Искра руководится этой тактикой, поскольку она раскрывает гнилое ядро всяких бессмысленных надежд, возлагаемых на самодержавие и примиряющих с ним оппозицию, мы можем лишь приветствовать ее деятельность. Но Искра занимается лишь одним делом—она «обличает» наши порядки, и поскольку она эту одностороннюю тактику возводит, сознательно или бессознательно, в принцип, она стоит несомненно на ложном пути. Самодержавие идет к своему банкротству, и это дает нам возможность и возлагает на нас обязанность дискредитировать его на каждом шагу. Но сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к нему, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения.

Эта энергия различными путями развивается в разных общественных слоях. Студенты, например, преследуя свои академические интересы, борются за изменение своих университетских порядков; капиталисты, преследуя экономические интересы, стараются постепенно увеличивать свой контроль и свое влияние на государственное и финансовое хозяйство; землевладельцы, храня традиции «правящего класса», проникнутые интересами крупного сельского хозяйства, стараются сохранить свое влияние на земское хозяйство и на земское самоуправление и т. д. Все эти проявления общественной активности раньше или позже решительно наталкиваются на препятствия в самодержавном режиме. Поэтому в критический для правительства момент разные общественные слои более или менее явно присоединяют свой голос к общему хору недовольных нашим политическим строем. Но в обычное время они неизбежно идут вразброд. Известно, напр., что многие либералы были очень довольны выстрелом Карповича [52]) и революционным характером студенческих волнений, поддержанных «простонародьем». Но известие об **изолированных** волнениях на Обуховском заводе [53]) вызвало в либеральных сферах тревожные опасения и встречено было враждебно. Впрочем, даже в самый острый момент февральских и мартовских дней многие студенты, охотно участвовавшие в студентеских манифестациях, выражали неудовольствие, когда к манифестациям присоединялись рабочие и этим придавали им слишком яркую революционную окраску. В виду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами им следует изо дня в день бороться за свои интересы. По отношению к ним мы можем выступить лишь в отрицательной роли обличителя порядков. Это обличение будет иметь политическое значение, потому что либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом. Не наша, напр., задача указывать студентам, как им добиваться улучшений в университетских порядках; они это без нас и лучше нас сделают. Мы можем только рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии. Этой обличительной тактики поддерживается неизменно Искра. Но если эта тактика правильна по отношению к радикальному и либеральному обществу, то она совершенно недостаточна по отношению к пролетариату. Тут наши обязанности гораздо шире. Мы, социал-демократы, являемся представителями интересов пролетариата. Поэтому мы в отношении к нему обязаны не только указывать на то, что препятствует осуществлению его интересов. Мы должны давать также ему положительное,—мы должны всегда формулировать его ближайшие требования и указывать на средства к их осуществлению. Мы тем более должны брать на себя инициативу пролетарской борьбы, мы тем более должны стремиться к повышению активности рабочей массы, что в деле самого жгучего для России вопроса, в деле завоевания политической свободы, русскому пролетариату выпала такая роль, какая не выпадала на долю пролетариата ни в одной стране Европы.

Мы считаем очень вероятным, что в момент ликвидации самодержавия многие, ныне трусливые и реакционные элементы буржуазного и вообще культурного общества, возвысят голос в пользу конституции и этим окончательно решат дело против самодержавия. Мы считаем очень вероятным, что инициатива решительных схваток

с самодержавием будет исходить из среды разночинной интеллигенции, для которой политическая свобода является самым наболевшим вопросом в жизни. Но несомненно, что главным и постоянным источником революционной энергии у нас уже и теперь является рабочая масса. Рабочий всегда склонен к борьбе, потому что материальная нужда и социальное угнетение непрерывно гложут его жизнь и непрерывно толкают его на борьбу. Рабочий хочет вести эту борьбу изо дня в день, и нужно помнить, что читать революционные издания не значит еще бороться. Если мы не сможем руководить этой борьбой, мы перестанем быть рабочей партией, мы лишимся доверия рабочей массы и потеряем свое нравственное влияние на нее. Мы, социал-демократы, должны прежде всего и главнее всего руководить пролетарской борьбой. Поэтому наша агитационная тактика должна выработать руководящие принципы массовой борьбы пролетариата и для таких острых революционных периодов, какой недавно переживала Россия, и для обычных условий. В обычное время рабочие, конечно, уже теперь начатой экономической борьбы не оставят и не должны оставить. Социал-демократы много сделали для распространения этой экономической борьбы. Теперь перед ними стоит задача, как придать, по возможности, самой экономической борьбе политический характер. Мы не собираемся здесь излагать программу, но отметим лишь, что прошлый опыт нашего движения дает нам указания на то, как эта задача должна быть решена. Если бы наша партия была сплочена и организована, в настоящее время представлялась бы возможность сводить лицом к лицу пролетариат, ведущий экономическую борьбу, с самодержавным правительством, по существу враждебным всякому проблеску общественного движения. Наша партия могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д. Такие требования не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой. И несомненно, что при наших политических условиях такая тактика имела бы революционное значение. Сталкиваясь на почве известных конкретных, экономических требований с правительством, рабочие вышли бы из этих столкновений не примиренными с правительством, а гораздо более революционно настроенными. Для громадных слоев рабочего населения понятие о государстве сливается с понятием о полиции. Полицию можно ненавидеть, но от полиции невозможно ничего требовать. Повышая требовательность рабочей массы по отношению к государству, мы одновременно открываем глаза рабочему на то, чем должно быть государство и чем не может быть самодержавное государство. Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области **экономической** самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки. Но вместе с тем мы хорошо знаем, что при отсутствии народного представительства, общественного контроля, свободы слова и т. д., словом, при самодержавном правлении экономические мероприятия правительства и особенно проведение их в жизнь послужат лучшим средством для его дискредитирования. Поэтому каждая уступка, добытая рабочими от правительства, дает нам оружие для большего революционизирования рабочей массы. Несомненно, что если бы самодержавное правительство относилось совершенно нейтрально к борьбе труда с капиталом, если бы оно во время голода и безработицы держалось пассивной тактики и предоставляло бы общественной самодеятельности справляться с народным бедствием, оно никогда бы не дало столько материала для критики, оно никогда бы не могло в такой мере раскрыть всю гниль бюрократической системы, как оно это делает теперь, благодаря своему государственному вмешательству. Да притом правительство все равно будет вмешиваться в экономическую жизнь, желаем ли мы этого или нет, и нам гораздо выгоднее, чтобы оно это делало под нашим революционным напором. Мы совершенно справедливо сможем в таком случае все годное в его мероприятиях приписывать своему давлению, а все негодное его злой воле и бессилию. Поэтому мы не должны переставать требовать у прави-

тельства радикальных экономических мер и обличать его за его радикальную негодность.

Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством, кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом бесправии. И это опять-таки создает почву не только для пропаганды, но и для агитации, не только для критики самодержавного режима, но и для текущей борьбы с ним. Несомненно, что отношение самодержавного правительства к политическим интересам рабочих коренным образом отличается от его отношения к их экономическим интересам. Если оно способно делать половинчатые и формальные экономические уступки, но каких-нибудь существенных политических уступок рабочим оно не может делать, не отрекшись от самого себя *). Но зато оно бессильно искоренить **фактические** проявления политической жизни рабочей массы. Таким образом создается почва для постоянных столкновений между растущей политической жизнью рабочих и растущим политическим гнетом правительства. Агитационная тактика не может этим пользоваться для того, чтобы выставлять частичные политические требования, без связи с требованием изменения всего самодержавного режима, потому что это значило бы только вводить рабочих в заблуждение. Но зато агитационная тактика может этим пользоваться для того, чтобы вызывать сопротивление и протест рабочей массы против отдельных проявлений административного произвола и правительственных репрессалий.

Всякий акт произвола правительства вызывает известное революционное настроение в массе, которое агитатор обязан использовать в максимальной степени, хотя бы не представлялось по этому поводу возможности поднять массу на непосредственный протест против самодержавия. Если, напр., полиция арестовала участников рабочей сходки, комитет может прокламацией призывать массу **протестовать** против того, что ее лишают свободы сходок **и требовать** освобождения арестованных. Если бы при такой манифестации сознательному рабочему удалось сказать речь, об'ясняющую связь между отсутствием свободы сходок и всем самодержавным режимом, то тем лучше. Во всяком случае комитет обязан это выяснить в своих пропагандистских листках. Агитатор должен найти целесообразную форму для активного выражения даже самого зачаточного политического настроения массы. С этим, вероятно, согласится и Искра, но нужно иметь в виду, что эта сторона агитационной тактики стоит в тесной связи с той, о которой мы раньше говорили и которую Искра игнорирует. Несомненно, что чем больше будет повышаться экономич. и гражданская требовательность пролетариата по отношению к государству, тем больше поводов правительство будет давать для политических протестов против бюрократических и полицейских приемов правительства. Мы далеко не исчерпали приемов агитационной тактики. Приемы, о которых мы говорили, недостаточны, напр., для революционного момента, но зато они вполне пригодны для подготовления этого момента. А когда такой момент наступит, тогда опять-таки агитация будет иметь целью вызвать рабочие массы на известные действия, соответствующие этому моменту. И в этом случае, значит, одной лишь критикой, одним лишь обличением ограничиться нельзя будет. Повторяем, мы не излагаем здесь подробной программы, мы только отметили качественное отличие между понятиями о пропаганде и об агитации для того, чтобы иметь критерий для оценки направления Искры.

С первого же номера Искра обнаруживает свое ярко революционное отношение к русской действительности. Но когда речь заходит о непосредственной борьбе, она

*) Мы хорошо знаем, что и в нашей рабской стране существуют разные градации гражданских прав и личной неприкосновенности даже по отношению к разным слоям простонародья. Но говоря о несовместимости политических прав пролетариата с самодержавием, мы имеем в виду не элементарные права, в роде свободы от телесного наказания и от зуботычин, которую серый городской обыватель себе отчасти отвоевал.

не столько говорит о том, что нужно делать, сколько предостерегает от того, чего не следует делать. По поводу убийства польских шпионов [54]) мы, напр., там читаем: «**Партия должна бороться не с единичным явлением, а с той почвой,** на которой неизбежно выростают такие явления. А эта почва—полное бесправие всего русского народа и особенно рабочего класса, самовластие царского правительства и общие условия капиталистического строя...» Польские товарищи, убившие шпиона, конечно, боролись не против шпиона, как отдельного лица. Против таких приемов борьбы можно спорить, но тот аргумент, который приводит Искра, обнаруживает очень характерное для нее смешение понятий: при пропаганде, при освещении событий можно и должно говорить об общей почве, на которой возникают известные частные факты; но бороться приходится обыкновенно по поводу, отдельных конкретных явлений. Несомненно, что за каким-нибудь частным фактом нередко скрывается гниль всего господствующего порядка, а за частным столкновением нередко скрывается недовольство всем этим порядком. Поэтому партия должна всегда раскрывать те общие причины, которые вызывают частные столкновения, и там, где это возможно, раздувать искру в пожар. Но если партия не только освещает естественный ход вещей, но еще берет на себя инициативу событий, то она должна помнить и обратное, что **начинается** пожар всегда и везде с искры, с частного столкновения. Поговорка «от копеечной свечки Москва сгорела» применима ко всем революциям. Никогда революция **не начнется** с того, что народ соберется на улице и потребует низвержения самодержавия. Всегда, наоборот, крупные общественные волнения начинались и будут начинаться по поводу какого-нибудь **частного** столкновения, в котором сильно был затронут частный или групповой интерес, по поводу частного случая, когда в чьем-либо лице было оскорблено нравственное чувство общества и т. п. Да и такому частному инциденту, вызвавшему крупное событие, всегда предшествует долгое молекулярное броженйе, сопровождающееся массой мелких столкновений по разным поводам, хотя и с общей подкладкой. Поэтому агитационная тактика партии должна заключаться именно в том, чтобы вовлекать массу в борьбу против этих явлений и постепенно расширять и углублять эту борьбу, конечно, освещая при этом непременно общий смысл этой борьбы. Мы собственно не думаем, чтобы Искре эта азбука не была известна; но она сознательно с самого начала фиксировала все свое внимание на задаче пропаганды.

Однако события, вскоре последовавшие за появлением Искры, властно потребовали от нее указания на то, как нужно действовать. И вот в третьем номере Искры появляется статья В. И. Засулич [55]) «По поводу современ. событий», которая очень выгодно выделяется на общем фоне Искры, благодаря большей широте взгляда, благодаря тому, что она проникнута не революционным фатализмом, а бодрой верой в нравственную творческую силу общества. «Последний решающий момент освобождения...», читаем мы там, «становится неизбежным вследствие развившейся, вопреки всем рогаткам, активности, энергии общества, его воли стать свободным». Автор статьи доказывает, что окончательное освобождение подготовляется тем, что в массе населения увеличивается частичное сопротивление против сковывающих личность запретов: «В деле разрушения созданных правительством преград политическому сознанию и об'единению нет пустяков... Во всем этом каждый шаг, каждое действие так же необходимо, как необходима для жизни организма каждая капля обращающейся в его жилах крови». Эта статья отдает должное «борьбе с единичными явлениями». То, что говорится в этой статье, совершенно верно; но, к сожалению, в ней не доказывается самое существенное. Здесь говорится лишь о борьбе пассивной, о сопротивлении «запретам, о разрушении рогаток». Но для того, чтобы почувствовать неприятность запретов, нужно чего-нибудь активно добиваться. Сопротивление киевских студентов распущению сходки было вызвано тем, что студенты хотели прогнать профессора, хотели принять меры против понижения нравственного уровня студенческой жизни и для этой цели устраивали сходки. То же самое—сопротивление рабочих полицейскому произволу сплошь

и рядом вызывается активной борьбой рабочих с хозяевами, которой мешают рогатки полицейского произвола. Об этой же активной борьбе мы ничего не находим ни в разбираемой статье В. Засулич, ни в других статьях Искры. Но этого мало. Самое «сопротивление запретам» по условиям русской политической жизни принимает сплошь и рядом форму активной революционной борьбы.

Автор статьи доказывает, что учащение частных сопротивлений постепенно приводит к распрепощению населения. Пассивная тактика сопротивления, предлагаемая автором, была бы достаточна, если бы происходящее постепенное раскрепощение общества, о котором говорит автор, было не только нравственное, но юридическое. Но это в самодержавной стране невозможно. Самодержавное правительство, которое не хочет знать прецендентов, пользуется всяким местным или временным ослаблением общественной энергии, чтобы настроить «рогаток» еще больше, чем их было разрушено. Таким образом при условии общего роста революционного настроения в России все чаще и чаще будут повторяться моменты острых, насильственных столкновений с правительством, покуда достаточно широкий порыв, увлекший все недовольные элементы, не дезорганизует правительство и не заставит его сдаться на капитуляцию. Очевидно, что, на ряду с общей тактикой «пассивного» сопротивления, следует уделить место непрерывной активной борьбе, которая в известные моменты принимает насильственный характер. Жизнь заставила Искру внести и эту поправку. Если Искра в декабрьском номере, до февральских и мартовских событий, выставляла отвлеченное положение, что партия должна бороться не с единичным явлением, то post factum, в апрельском номере, она заговорила совершенно другим языком: «При такой организации», читаем мы там, «можно было бы в ходе манифестации... на каждый акт произвола и насилия властей отвечать актом революционного насилия против, скажем, правительственных зданий или органов мракобесия». В том же номере Искра обрушивается на петербургских социал-демократов, «зараженных бернштейнианством», благодаря бездеятельности которых казанская демонстрация [56]) представляла из себя «простое избиение народа» вместо того, чтобы представлять «сражение с народом».

Казалось бы, что теперь мы уже в общем знаем, как действовать. Кстати, был момент, когда нужно было эту теорию применить к делу. Сейчас же после мартовских событий по всей России стали готовиться к общей политической демонстрации в мае. Не трудно было предвидеть, что и правительство к нему будет готовиться. Предвидеть непосредственный результат ожидавшегося столкновения невозможно было. Одно было хорошо известно: весь опыт революционного движения в России доказал, что самодержавное привительство по существу своему неспособно решительными кровавыми мерами задавить широкое общественное движение; у нас революционный порыв падает лишь от того, что не созрела еще внутренняя сила его; он падает не пораженный, а истощенный. Вследствие этого всякое временное торжество революции, хотя бы оно сменилось сугубой реакцией, есть нравственная победа, питающая революционную традицию, и стоит на все рискнуть, когда предвидится такая победа. На этом основании Союз Русских Социал-демократов решил, пока настроение еще не угасло, явиться в трудную минуту на помощь русским комитетам. Он издает и доставляет комитетам прокламацию, призывающую рабочих сопротивляться предмайским массовым арестам уличными манифестациями, призывающую отвечать на насилие насилием. Прокламация могла, конечно, при быстром ходе событий оказаться запоздалой, попасть не в тон. Но ведь она распространялась не непосредственно из-за границы, не через собственных «агентов» Союза, а через местные комитеты, с их согласия, и от них зависело в таком случае ее не распространять. Казалось бы, буквальное совпадение между тем, что, по мнению Искры, «следовало бы» делать, и тем, что Союз фактически сделал.

И что же? В № 4 Искры мы вдруг читаем такую тираду:

> «А если,—в чем мы не сомневаемся,—дезорганизованность наших сил требует в настоящий момент от нас **крайней осторожности** в приглашении масс манифестировать **во чтобы то ни стало** как раз в то время, когда враги

наши организовали и напрягли все свои силы, то при таком положении дел легкомысленный призыв **из-за границы** «освобождайте арестованных! отвечайте на насилие насилием», и всякие «кровавые» речи могут иметь последствием компрометирование социал-демократии, взваливание на нее ответственности за могущую иметь место бойню рабочих».

Так как нас интересует литературная физиономия Искры, то мы не будем распространяться здесь о тех «экивоках», которые никакого отношения к литературе не имеют,—как намек на «призыв из-за границы», как упрек **в провоцировании** бойни тем, что призывают **отвечать** на насилие насилием. Итак, против всяких ожиданий, газета, поставившая себе целью революционизирование движения, как раз для момента **крайнего** напряжения борьбы рекомендует «крайнюю осторожность» и воздержание.

Но не можем ли мы найти в Искре какого-либо указания, в каких случаях или при каких случаях, или при каких условиях призыв к манифестациям, к борьбе можно считать целесообразным и удачным? К счастью, такие указания в Искре имеются. Говоря о причинах неудачи манифестации 4 марта, Искра указывает, что она могла бы быть не бойней, а сражением, если бы она была организована, если бы «организовали местные демонстрации для отвлечения полиции, частью для того. **чтобы не оставить в бездействии тех, кто никак не мог попасть на Казанскую площадь»**. Мы не будем много говорить о стратегическом приеме отвлечения полиции. Достаточно самого поверхностного знакомства с нашей „системой пресечения", чтобы понять, что этот прием именно и привел бы к избиению рабочих: если правительство не решается стрелять в столице, в центре города в огромную толпу, состоящую из людей разных званий и состояний, то это, конечно, не вследствие недостатка в полиции и в войске, а из страха вызвать общее возмущение вплоть до тех самых слоев общества, которые составляют опору самодержавия. С рабочей же демонстрацией на окраине она гораздо меньше церемонится. Подобные демонстрации способны не столько отвлечь полицию, сколько навлечь выстрелы; это могли бы подтвердить теперь рабочие Обуховского завода. Но интереснее этой стратегической ошибки другой мотив, приводимый Искрой: устраивать в рабочих кварталах демонстрации для того, чтобы там рабочие не бездействовали. Это не называется устраивать демонстрации «во что бы то ни стало»?! Это не называется легкомысленно вызвать бойню?!

Впрочем, не будем строги к Искре: ведь она не призывала к таким манифестациям, она только говорила, что **следовало бы** их устроить, если бы была организация, она только упрекала «зараженных бернштейнианством» петербургских соц.-демократов за то, что они так не поступили...

Но не отыщется ли пример такого призыва к манифестации, который и при наличной организации Искра признала бы удачным, не дискредитирующим партию? Такой пример есть. По поводу назначения военного суда над польскими товарищами «Южный Рабочий» [57]) распространил во многих городах листок в 14.000 экземпляров со следующими требованиями: «1) Устраивайте забастовки и требуйте отмены военных и чрезвычайных судов и пересмотра дела Свидерского судом присяжным. 2) Собирайте большие собрания для составления протеста и разрешайте комитетам партии действовать от вашего имени».

Мы не утверждаем, что этот листок был неудачно составлен или что его не следовало распространять. Мы хотим отметить лишь факт, хорошо также известный Искре: нигде решительно рабочие ничем не откликнулись на этот призыв. Нигде не было устроено ни одной забастовки, ни одного протестующего собрания. И вот, зная этот результат, Искра пишет в 1-м номере: «Пусть послужит удачный опыт распространения этого листка ободряющим (!) примером для всех товарищей». Как же это понять? Как разобраться в этом лабиринте противоречий?

Если глубже вникнуть во все эти противоречия, то окажется, что в них есть своя логика. Искра считает «ободряющим» факт распространения призыва к действиям, за которыми никаких действий не последовало. И это неудивительно: для

нее столь важно вовлекать **в настоящее время** массу в политическую борьбу, как выпускать политические листки; точно также она и в отношении к прошлой деятельности соц.-демократии обращает главное внимание не на экономическую борьбу, а на экономическое направление, т. е. на «экономическую литературу»: «Мы приучили рабочих», читаем мы в 1-м номере Искры, «во всех концах России к листкам местного экономического характера (а не к борьбе?). Мы обязаны теперь направить все усилия на создание организации для распространения ею во всей России листков политического содержания..., призывающих весь народ к борьбе за освобождение».

У Искры, по крайней мере, для настоящего времени задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации. Усвоение правильной теории классовой борьбы для нее гораздо важнее боевой практики и боевых традиций. При такой точке зрения она не могла достаточно оценить то революционное значение, которое неизбежно должна была иметь при русских условиях экономическая борьба пролетариата. Она недостаточно оценила, какую тесную нравственную связь эта борьба устанавливала между рабочим и студентом; она недостаточно оценила, насколько эта борьба воспитывала политический смысл рабочих и революционный дух их, насколько эта борьба влияла на общую политическую атмосферу в России; от нее ускользнуло то, что боевой дух рабочих скрытыми путями проникал в разные слои простонародия, вплоть до московских лавочников, и окрылял революционные надежды молодежи. Поэтому она била тревогу об угрожающей нам опасности легализации рабочего движения и вырождения его в профессиональное как раз накануне небывалого еще в России взрыва политического недовольства масс. Когда же жизнь опровергла ее страх и опасения, когда разразились февральские и мартовские события, Искра решила, что тем хуже для жизни, если она отступает от ее теории, и с непоколебимой твердостью сохранила свою догматическую позицию. Она теоретически знает, что «революции не делаются, а обыкновенно случаются» (см. № 3 Искры «По поводу соврем. событий»), она теоретически знает, что самодержавие имеет в разных слоях населения массу скрытых «внутренних врагов», которые до революции не поддаются учету, что поэтому никогда нельзя с уверенностью сказать, что момент еще не назрел. Наконец, если бы даже это и можно было сказать, если возможно ожидать в данный момент только крупного нравственного поражения самодержавия, то и это нас значительно уже приближает к окончательной победе. Очевидно, поэтому, что **нужно ковать железо, пока горячо**, что соц.-демократия в решительный момент не должна отказываться ни от каких средств. И тем не менее, Искра настолько находится во власти узкой догмы, что когда наступил «бурный месяц», она совсем проглядела его «качественное» отличие от исторических будней и вместе того, чтобы направить все усилия на поддержку завязавшейся борьбы с самодержавием, она в этот момент направила все усилия на ограждение догмы от тлетворного влияния жизни: для нее бурные события в России служили, главным образом, материалом для полемики с несогласномыслящими, для доказательства того, как слепы были «экономисты» и «бернштейнианцы», как сложились бы эти события, **если бы** у нас не было бернштейнианцев, как опасно под влиянием этих событий увлекаться «народовольческой тактикой», как легкомысленно совершать революционные действия, когда не готов революционный план, и т. д., и т. д.

Поскольку Искра подвергает беспощадной критике наш политический строй, поскольку она рассеивает всякого рода «бессмысленные мечтания» насчет совместимости разных «свобод» и «благих начинаний» с самодержавием, словом, поскольку она преследует задачи пропаганды, она имеет бесспорную заслугу.

Но поскольку она старается уложить все сложные формы революционной борьбы в прокрустово ложе своей слишком узкой догмы, она заглушает непосредственное активное чувство, парализует инициативу и суживает до-нельзя сферу революционного воздействия. Если бы Искра продолжала вестись в таком духе, она имела бы, вероятно, прочный успех среди известного круга оппозиционных читателей, но она не имела бы успеха среди революционных деятелей.

Насколько узкий догматизм заглушает непосредственное чувство в самой Искре, можно усмотреть из следующего примера. «Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора», читаем мы в № 4 Искры («С чего начать?»); но мы отказываемся от него, как от «самостоятельной» тактики, несовместимой с основой нашей тактики. Сообразно с этим Искра в 1 номере устанавливает свое отношение к террору: «Если, как можно ожидать, террористическая борьба будет развиваться вместе с усилением гнета и произвола правительства, то пусть каждый новый факт с его стороны встретится с протестом всего борющегося пролетариата». Теория эта совершенно правильная. Но посмотрим, как догматики осуществляют свою теорию, как они протестуют. По поводу военного суда над польскими товарищами Искра пишет, между прочим:

> «Мы не можем считать их **преступниками** (!) Для нас это жертва современного гнусного порядка и все наше сочувствие на стороне их, отдавших свою жизнь и т. д. И мы должны сделать все, что бы не дать этому гнусному строю **окончательно доканать свои жертвы**... Мы должны **требовать** (!) чтобы жизнь шпиона пользовалась только **той защитой** (!) **закона,** которая оберегает жизнь каждого обывателя» *).

Итак, вместо того, чтобы требовать законной защиты обывателя от шпиона, мы должны требовать уравнения гарантий жизни шпиона с гарантией жизни обывателя. А что касается наших товарищей, которые сами с оружием оборонялись от шпионов, то мы должны требовать лишь, чтобы их «окончательно не доканали». Таким то бесстрастным отношением к столкновению между революционерами и шпионами Искра думает вызвать в пользу польских товарищей «протест всего борющегося пролетариата». И все это потому лишь, что наши польские товарищи отступники от тактики!

Заботясь исключительно о развитии революционного **понимания** жизни, доказывая на все лады, что об'ективный исторический процесс ведет к банкротству самодержавие, Искра в то же время зорко следит, чтобы возможное при настоящих условиях **воздействие** на жизнь не уклонило этого процесса от прямого пути. Благодаря этой обсервационной позиции, Искра слишком слабо реагирует на текущую борьбу, в частности на борьбу пролетариата. Но несмотря на такое воздержание в практических вопросах или вернее вследствие этого воздержания, Искра легко впадает в революционный романтизм, когда дело касается не настоящего, а будущего

Укажем для примера на ее отношение к «новому побоищу» на Обуховском заводе (см. Искра № 5).

Был момент когда русский обыватель ровно настолько вырос в своих глазах, насколько предержащие власти потеряли голову. Рабочие во всех крупных центрах рвались на борьбу и вступали уже фактически в рукопашные схватки с полицией без всякого призыва со стороны. Отвечая этому явному настроению массы, естественно было в ожидании правительственных репрессалий призывать массу отвечать на насилие насилием. Ответ на насилие насилием в том момент казался возможным не потому, конечно, что рабочие способны противостоять вооруженной силе русской армии, а потому, что деморализованная и нравственно дискредитированная самодержавная власть не осмеливалась и не могла осмелиться в виду общего настроения открыть **правильные военные действия** против народа (см. «Суд над Карповичем и Лаговским». Предисловие); правительство даже не было уверено, что в его собственном лагере не возникнет раскол, если придется прибегать к настоящей военной диктатуре, что подтверждается множеством фактов.

Для этого-то момента замешательства властей Искра рекомендовала «крайнюю осторожность» **). Зато после побоища на Обуховском заводе, когда рабочие

*) Везде курсив наш.

**) Искра, впрочем, характера не выдержала. Она тоже выпустила прокламацию, призывавшую в день коронации тушить плошки. Это, если угодно, гораздо опаснее ответа на насилие, потому что это самостоятельное нападение, оскорбляющее непосредственно царя. Но мы не будем спорить,—это все-таки оказался шаг осторожный, потому что призыв к непосредственному оскорблению величества не нашел еще себе отклика и потому имел невинные последствия.

сами решили отвечать на насилие насилием, революционному воображению Искры начинают рисоваться фантастические картины будущего.

«В последнее время», читаем мы там, «много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна; особенно настаивали на этом же критические умники, которые выдавали старый хлам буржуазной ученности за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса... Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего кроме камней,—и уж конечно не запрещение градоначальника помешает им в следующий раз запастись другим оружием... Рабочие были не подготовлены и их было только $3^1/_2$ тысячи и тем не менее они отбивали несколько сотен пешей стражи» и т. д.

Чтобы охладить воображение Искры, мы напомним ей про то время, когда самодержавная власть, окруженная сплошь рабской средой, имела возможность действовать решительно, напомним про печальной памяти картечь 14 декабря [58]). Искра в пылу воображения забывает про силу картечи. Мы же возлагаем свои надежды не на бессилие миллионной армии и ее орудий, а лишь на возможное бессилие самодержавного правительства в пользовании этой армией. Только благодаря вполне основательной нерешительности всем ненавистной самодержавной власти в момент широкого движения, рижские беспорядки [59]), напр., нагнали на нее такую панику. Благодаря этому же и обуховские беспорядки, как нам сообщают, нагнали чрезвычайную панику на высшие сферы.

Статья «Новое побоище» не единственный пример метода войны посредством угроз и драконов, применяемого Искрой. Она вообще представляет себе слишком легко переход от революционного обличения к самым крайним революционным действиям, раз дело касается отдаленного будущего. Так, напр., в 1-м номере, говоря о необходимости бороться против провокации не террором, а «бойкотом и травлей шпионов», и чувствуя слабость этого противоядия, Искра утешает нас: «Будем надеяться, что Зубатов дождется той поры, когда при свете открытой борьбы за свободу народ повесит его на одном из московских фонарей». Мы согласны, что нам трудно теперь найти действительное средство борьбы против шпионства. Но слова Искры для нас мало утешительны. При свете открытой борьбы за свободу смерть Зубатова нужна будет разве только для удовлетворения кровожадных инстинктов толпы.

Подобного рода обещания способны скорее утешить Зубатова, нежели тех революционеров, которых он травит именно теперь, не при свете открытой борьбы, а в самодержавных потемках *).

Отмеченный нами романтизм Искры особенно ярко сказался в одном неожиданном «пассаже» наброска аграрной программы, сделанного в 3 номере в статье «Рабочая партия и крестьянство» [60]). Романтизм здесь, по нашему мнению, сказался опять таки потому, что приобщение крестьянской массы к нашему движению при настоящих условиях является весьма проблематичным. В виду того, что аграрная часть нашей программы еще очень долго будет иметь сравнительно малое практическое значение, она открывает широкое поприще для революционной фразеологии **).

*) В только-что появившемся 7-м номере, Искра продолжает пугать «драконами»: «Решите задачу: сколько придется будущей русской революции пролить крови для того только, чтобы простым обывателям приобрести право гулять» и т. д.... «И мы опять задаем вопрос: сколько же Сипягиных придется будущей русской революции развесить на уличных фонарях, чтобы раз навсегда отвоевать право... свободно распоряжаться своими человеческими чувствами». «Картинки русской жизни». Искра № 7.

**) В том же 7-м номере Искры, который мы получили, когда наша статья была уже в наборе, есть весьма характерная хроника «Из деревни». В этой хронике приводятся типичные, икони повторяющиеся факты деревенских неурядиц и волнений, в которых фигурируют и неизменный «отставной солдат», раскопавший старую грамоту (вероятно, «справочную книжку о переселениях»), и ходок к царю-батюшке, и мнимые царские указы, и бунт на коленях («крестьяне полегли на землю и таким пассивным сопротивлением не дали возможности приступить к работам»). И вот эти-то факты, по мнению Искры, «иллюстрируют процесс освобождения деревни от векового гипноза». Из подобных фактов Искра делает вывод: «Теперь деревенька эта уже окончательно изверилась в чиновничью и царскую правду». Блажен, кто верует...

В разбираемой статье между прочим верно указывается на принцип, которым соц.-демократия должна руководиться по отношению к крестьянскому вопросу:

> «Пытаться спасти крестьянство защитой мелкого хозяйства и мелкой собственности от натиска капитализма значило бы бесполезно задерживать общественное развитие, обманывать крестьянина иллюзией возможного благосостояния, разъединять трудящиеся классы, создавая меньшинству привилегированное положение насчет большинства».

Из этого положения, конечно, не следует, что соц.-демократия должна быть равнодушна к крестьянству. Как **политическая** партия, она не может упускать из виду этой громадной массы населения, которая служит оплотом политической реакции; и в этом отношении ее задачей является, если не революционизировать крестьянство, то, по крайней мере, нейтрализовать его. С другой стороны, как **социалистическая** партия она не может равнодушно относиться к обнищанию и вырождению этих миллионов трудящегося населения. Сообразно с этим последовательная соц.-демократия может руководиться только теми общими принципами, которые развил Каутский в своем сочинении об аграрном вопросе и с которыми, как видно из статьи, соглашается и Искра. Поскольку идет речь о крестьянах, как мелких собственниках, мы должны требовать ограждения их от фискальной эксплоатации, от разных отсталых форм экономической кабалы и от юридического угнетения, не препятствуя при этом прогрессу капиталистического сельского хозяйства. Вопрос в том, как применить эти принципы к России. Искра правильно указывает, что одна из главных причин теперешнего бедственного положения крестьян заключается в том, что правительство их освободило не с землей, а «от земли». Этот факт, конечно, может и должен служить прекрасным поводом для политической пропаганды среди крестьян. Но Искра совершенно неожиданно делает скачок из области пропаганды в область агитации. Самодержавное правительство совершило 40 лет тому назад огромную историческую несправедливость—факт благоприятный для пропаганды. Этот же факт, по мнению Искры, должен лечь в основание агитации среди крестьян он должен лечь в основание современных аграрных требований соц.-демократии. Соц.-демократия должна теперь требовать исправления исторической ошибки:

> «Мы выдвинем требование, говорит она, учредить крестьянские комитеты для исправления тех вопиющих несправедливостей, которые наделали по отношению к освобожденным рабам учрежденные царской властью дворянские комитеты... Мы выдвинем требования вернуть крестьянам те отрезки, посредством которых продожает держаться подневольный, кабальный, барщинный, т. е. на деле тот же крепостной труд».

Искре, полагаем мы, небезызвестно, насколько со времени освобождения крестьян карты перетасовались, сколько дворянских отрезков с тех пор перешло в руки разночинных предпринимателей. Искре небезызвестно, насколько теперь трудно провести грань между типичной фигурой помещика, ведущего кабальное хозяйство, и предпринимателем, ведущим капиталистическое хозяйство; она знает, сколько теперь развилось среди помещиков приспособившихся образцовых сельских хозяев и сколько существует, с другой стороны, деревенских разночинцев, живущих исключительно деревенской кабалой, ничего общего не имеющей с капиталистическим производством. Спрашивается, где же теперь проектируемые Искрой комитеты будут искать отрезки, бывшие в руках дворян 40 лет тому назад? Заведут ли они теперь тяжбы с разорившимися дворянскими семействами, или, может-быть, они их разыщут у тех разночинцев, которые их получили через десятые руки и их экспроприируют?

Конечно, это была бы весьма странная форма экспроприации. Странно было бы отнять у разночинцев земли, перешедшие к ним от помещиков, и оставить в их руках земли, которые они непосредственно награбили у крестьян и которыми они также сплошь и рядом пользуются для закабаления крестьян. Но главный вопрос в том—каким образом при такой экспроприации удастся не затронуть капиталистическое сельское хозяйство? Как быть с теми отрезками, которые в руках ли помещиков, в руках купивших их разночинцев эксплоатируются теперь образцовым

капиталистическим способом? Искра предлагает с запозданием на 40 лет переосвободить крестьян, не считаясь ни с теми глубокими экономическими изменениями, которые произошли в жизни за это время, ни с основным принципом соц.-демократической программы. Она ищет сильного боевого лозунга для борьбы крестьян с ограбившим их правительством, но это—покушение с негодными средствами: если бы мы захотели найти настоящий классовый лозунг для массы малоземельного крестьянства, мы должны были итти дальше—мы должны были бы выставить требование черного передела, но тогда нам пришлось бы распроститься с социал-демократической программой. Тот же компромисс, который предлагает Искра, практически совершенно неприменим и тактически нецелесообразен. Он свидетельствует лишь о слишком большой силе абстракции... от действительности.

В отличие от Искры, мы неизменно ставим революционизирование жизни выше революционизирования догмы. Очень плохо поняли бы нас те, которые бы в этом усмотрели стремление отдавать преимущество практике перед теорией или даже противополагать практику теории. Мы отлично сознаем, что для того, чтобы быть успешной, практическая деятельность партии должна опираться на строго выдержанную программу, на твердые теоритические принципы. Но для того, чтобы эти принципы могли быть опорой для практики, они должны уделять практической борьбе то место, которое ей подобает. Искра имеет тенденцию умалять значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей, хотя это две тесно связанные стороны одного и того же великого дела, и эта тенденция Искры увенчалась планом организации партии, которой она предлагает в 4-м номере в статьи «С чего начать»?

Прежде всего характерно уже самое заглавие статьи. «Выбор пути, по мнению автора, был уже правильно сделан в конце 80-х и начале 90-х годов». Что же касается системы плана практической деятельности, «то приходится начинать с начала». По всему смыслу статьи все практическое соц.демократическое движение от середины 90-х годов до настоящего времени в счет не может итти, и, если бы план Искры был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Российской С.-Демократической Раб. Партии. Автор статьи доказывает необходимость начать дело с основания в России центрального политического органа. Это бесспорно важно. Далее, из описания литературных задач этого органа видно, что они должны вполне совпадать с задачами, которые себе поставила Искра. И с этим мы можем вполне согласиться, поскольку речь идет о постановке задач, а не об их выполнении. Вообще, поскольку автор доказывает необходимость урегулирования и об'единения политической пропаганды к России посредством центрального органа, с ним невозможно не согласиться. Но автор на этом не останавливается.

> «Роль газеты, читаем мы дальше, не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета—не только коллективный пропагандист и **коллективный агитатор, но также и коллективный организатор**. . . При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация . . . . Одна уже техническая задача—обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее—заставляет создать сеть местных агентов единой партии . . . . **Эта сеть агентов будет остовом именно такой организации, которая нам нужна . . . .»**

Итак, газета не составляет одну из функций центрального комитета партии и не находится под контролем партии, а напротив, она сама, декретами, так сказать, назначает в партию в форме сети агентов или, проще говоря, сподручных. Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы. Куда же тут девались все комитеты партии, которым удалось, несмотря на всю их политическую незрелость пионеров, в течение нескольких лет расшевелить громадные массы рабочих, подпольной де-

ятельности которых мы в значительной степени обязаны февральскими и мартовскими событиями? Искра из вежливости и про них не забывает: она их ссылает «из текста в примечание», но чтобы они и «в примечании» не возмечтали о себе, она в скобках называет их—«группы и кружки». Нужно воистину обладать огромной верой в силу слова и в то, что ты именно обладаешь «настоящим словом», чтобы заменить «организацию социал-**демократической** партии» «организацией распространения идей одной газеты», хотя бы, напр., Искры.

В pendant к этому плану мы напомним один факт из истории германской соц.-демократии, сообщенный Ауэром [61]) на Майнцском конгрессе: когда старый лассальянец Тэльке предпринял первые шаги к об'единению лассальянцев с эйзенахцами, Маркс и Энгельс из Лондона заявили, что хлопоты Тэльке—дело рук прусской полиции. Тогда Либкнехт сказал решающее слово, которое, как молния, облетело всю партию и заставило Маркса и Энгельса отступиться: «Во всех принципиальных вопросах, сказал Либкнехт, мы безусловно руководимся мнениями и советами наших теоритических вождей, Маркса и Энгельса, но во всех тактических вопросах решаем **мы,** живущие и действующие в Германии и знающие ее условия». Так отнеслась германская партия к вмешательству ее великих теоретиков **в одном только случае** Как же должна отнестись наша партия к ее **полному** подчинению автономной редакции, которая может обладать нетерпимостью гениального Маркса, но, конечно, не гениальностью этого нетерпимого человека.

* * *

Мы закончили свой беглый критический обзор Искры.

Признаться, с большой неохотой мы пристуили к этой полемике, но не потому, что мы особенно ценим литературное смирение, а потому что по существу у нас не должно было бы быть полемики с Искрой.

Если отвлечься от этих отдаленных филосовских разногласий, которые отражаются на наших практических взглядах, то окажется, что у нас с Искрой не две различные и несовместимые партийные программы, а две различные, но вполне совместимые позиции в общем деле.

Независимо от того, чем Искра хотела или хочет быть, она **фактически** есть орган революционной оппозиции, обличающей наши порядки и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения.

Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие. Как представители рабочей партии, мы не можем ограничиться одним обличением порядков, стоящих на пути ее развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата.

Освобождение народа от всякого рода цепей и освобождение России от несносного самодержавного гнета, есть та отдаленная и та ближайшая цели, которые одинаково дороги и нам и Искре и которым мы можем служить каждый по своему, нисколько не сталкиваясь друг с другом.

Но для того, чтобы этих крайне вредных для дела столкновений не было, необходимо, чтобы Искра отказалась от того одностороннего взгляда, что ее позиция есть единственно законная и что, кто не с ней, тот против нее.

Мы надеемся, что властные запросы жизни заставят ее отказаться от этого взгляда, заставят ее органически войти в партию, а не противопоставлять себя ей, как верховная инспекция.

ПРИНЦИПЫ, ТАКТИКА и БОРЬБА.

(Б. Кричевский—«Раб. Дело» № 10, сентябрь, 1901 г.).

Непобедимая сила социал-демократии заключается в тесном соединении твердых принципов, гибкой тактики и практической работы.
«Vorwärts» по поводу международного конгресса 1900 г.

Февральские и мартовские события в числе других задач выдвинули перед русскими социал-демократами на первый план задачу создания крепкой боевой организации всех сил нашей партии. В «Рабочем Деле» мы не раз уже, задолго до последних событий, указывали действующим в России товарищам на эту задачу, но настоятельность ее проникла в общее сознание только с тех пор, как стихийный взрыв накопившихся в России революционных сил застал организованные силы революционеров так мало подготовленными к использованию разыгравшейся стихии.

Крепкая боевая организация социал-демократической партии требует прежде всего создания прочной связи между существующими комитетами и группами, связи организационной, опирающейся на принципиальное и тактическое единство и реально выражающейся в избранном партией центральном комитете и признанном ею центральном органе или центральных органах. Но прочную связь должны установить между собою не только действующие в России социал-демократы, но и заграничные социал-демократические организации, которые, как известно, приобретают все более и более важное значение для скованного царскими цепями движения на нашей родине. И заграничным социал-дем. организациям тем обязательнее об'единиться, чем ответственнее становится их роль и чем непростительнее делаются их распри в виду обостряющейся революционной борьбы в России.

В текущем году русская социал-демократическая литература обогатилась двумя новыми и очень ценными изданиями: газетой **Искра** и журналом **Заря** *),— изданиями, которые, по заявлению первой, «вполне солидарны во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии». Оба эти издания за короткое время своего существования успели выступить с резкими нападками против «Раб. Дела». К счастью, в настоящее время мы имеем возможность говорить об этих нападках именно в связи с вопросом об об'единении заграничных социал-демократов. Это обстоятельство избавляет нас от надобности отвечать по поговорке: «как аукнется, так и откликнется» и реагировать на «полемические красоты», менее всего способствующие выяснению истины.

Цель настоящей статьи—не полемика, а выяснение вопроса, что именно разделяет нас с Искрой и Зарей и мешают ли наши разногласия совместной работе в рамках общей организации? Именно в интересах **прочного** об'единения этот вопрос должен быть выяснен печатно.

I.

Начнем с начала, с установления тех пределов, внутри которых только и возможна об'единенная работа.

Вообще говоря, работа в рамках одной **партийной** организации требует согласия насчет программных принципов. Большего требует совместная работа организаций, которые, подобно Союзу Русских социал-демократов заграничной организации «Искры» и Зари» и Революционной Организации «Социал-демократ», имеют своей задачей литературное издательство, по необходимости приобретающее более или менее **руководящее** значение для действующих в России организаций. Для

*) До сих пор вышло 6 номеров «Искры» (декабрь 1900—июль 1901) и 1 книжка «Зари» (апрель 1901. Штуттгарт).

того, чтобы названные организации могли действовать дружно в рамках одной общей организации, необходимо согласие насчет ближайших **тактических целей** соц.-дем. движения и важнейших средств к их достижению. С другой стороны, не нужно того **единообразного** отношения ко всем вопросам, какое необходимо для редакции **одного** органа.

Русская социал-демократия развилась уже настолько, что первоначальное единообразие мысли в ней более невозможно. Разногласия по отдельным пунктам общей теории и по частным практическим вопросам являются не только признаком роста партии; они также способствуют ее дальнейшему росту. Различные побеги, выросшие из общего корня, приобретают индивидуальную физиономию. И общие интересы партии требуют не уничтожения индивидуальных оттенков разных групп, а наоборот, их свободного развития.

Об'единение заграничных социал-демократов для нас вовсе не значит обезличение об'единяющихся организаций. Важно только, чтобы разногласия между ними не выходили из намеченных выше пределов. Посмотрим же, в чем, на наш взгляд, состоят те индивидуальные оттенки, которые, делая необходимым и желательным сохранение известной самостоятельности разных органов, ничуть не мешают совместной работе в рамках общей организации.

На первый план тут выступает вопрос,—**каково правильное и нормальное отношение между прииципами и тактикой и что собственно нужно понимать под тактикой.**

Вопросы старые и вечно новые—особенно для молодых партий, которые, несмотря на опыт более передовых стран, не могут просто перенять готовые решения, а должны их **выработать собственным опытом** в данных конкретных условиях. И, может быть, важнейшим пунктом разногласия между нами и другими соц.-дем. организациями являются именно взгляды на эти вопросы.

С тех пор, как социализм слился с рабочим движением, т. е. со времени возникновения социал-демократии, как классовой политической организации пролетариата,—программные принципы и тактика в сознании социалистов мало-по-малу выделялись в две различные категории. В более ранние времена изолированного существования утопического социализма разных видов и стихийного рабочего движения этой диференциации естественно не существовало. Для первого достижение конечной цели не было **процессом борьбы**, совершающимся по известным общественным условиям, а было **внезапным актом**, являющимся либо результатом доброй воли господствующих классов, либо (у «стихийного» социализма рабочих утопистов и старых бланкистов) результатом удачного восстания или заговора. Где нет процесса борьбы и нет борющегося класса, там не может быть и тактики в настоящем и широком смысле слова, в смысле приспособления всей деятельности к конкретным условиям в интересах достижения конечной цели, в смысле выработки новых форм борьбы соответственно росту борющегося класса и его конечной цели. Где вся борьба сосредоточивается на одном конечном **акте**, там можно говорить разве только о тактике в узком смысле **приемов** и средств для выполнения этого акта: **принципы поглощают тактику.** С другой стороны, стихийное рабочее движение или даже сознательное, но изолированное от социализма синдикальное движение (английские рабочие союзы), не имея сознательной конечной цели, не имея программы в собственном смысле слова, действует на-авось, изо-дня в день, руководясь только осязательными условиями достижения ближайших мелких целей; оно беспрерывно и бессознательно жертвует прочными и общими успехами будущего эфемерным и частичным успехам текущего дня: у него **тактика поглощает принципы.**

Мы взяли два крайних случая в несколько «заостренном» виде для более выпуклого изложения нашей мысли. В настоящее время в рядах международной социал-демократии невозможно найти ни той, ни другой крайности *). Несмотря

*) Разве анархисты отрицающие программу-минимум, борьбу за реформы в рамках существующего строя и в связи с этим политическую борьбу,—могут ныне считаться наследниками, точнее, **пережитком** стихийного рабочего социализма.

на все связанные с именем Бернштейна разногласия, в ней нет элементов, которые отождествляли бы тактику из одних только принципов, как наоборот, нет сторонников того взгляда, что тактика определяется только конкретными условиями без всякой связи с принципами. Пресловутое «крылатое слово» Бернштейна: «движение все, а конечная цель ничто»—столь же мало можно брать в серьез, оно столь же мало определяет действительные взгляды Бернштейна и бернштейнианцев, как брошенная в пылу полемики противоположная формула: «движение ничто, а конечная цель все» определяет взгляды крайней левой германской социал-демократии на взаимоотношение между тактикой и принципами. **Либкнехт** верно определил господствующие на этот счет взгляды формулой: «**движение к конечной цели**».

Мы формулировали бы тот же взгляд так: правильная **тактика есть результат взаимодействия между принципами, указывающими цель движения, и конкретными условиями, в которых происходит движение**. Другими словами, деятельность партии должна определяться **постоянным** и в известном смысле **абстрактным** элементом принципов—с одной стороны, **изменчивым и конкретным** элементом окружающих условий—с другой.

Читатель понимает, что мы тут под тактикой разумеем общий, **руководящий дух** деятельности, ее **философию**, так сказать, в отличие от **самой деятельности**, от тактики в смысле **общего характера** практической деятельности, а тем более от тактики, как **техники**, от отдельных приемов и средств деятельности. Вообще много путаницы вносится в споры о тактике и в самую практич. деятельность смешением этих очень различных значений слова: тактика. Понятие тактики то расширяется до размеров историко-философской схемы деятельности, точнее, процесса борьбы, так что она почти совпадает с программными принципами или переходит через границу, отделяющую область тактики от области принципов, то суживается до элементарных технических приемов деятельности. Эта оговорка нам пригодится в дальнейшем.

В программе Рабочего Дела формулированный нами взгляд на философские основы тактики выразился в следующем положении:

> «Эта деятельность (Союза Р. С.-Д.) может быть целесообразной лишь под условием, если она, во-первых, руководится не только общими принципами научного социализма, но и конкретным соотношением общественных классов в России и насущными потребностями русского рабочего движения на данной ступени его развитии...»

Как же смотрят на эти вопросы Заря и Искра? Согласны они с нами или нет? К нашему удивлению,—**и да и нет**!

В статье Рязанова «Замечания на программу Рабочего Дела» приведенное место нашей программы критикуется как одно из самым зловредных проявлений «эклектизма»:

> «Какой смысл имеет в этой—фразе «не только—но и»? негодует Рязанов. Разве научный социализм не отличается от ненаучного именно тем, что он всегда... руководится «конкретным соотношением общественных классов»? Разве научный социализм не настаивает на непрестанном изучении действительности?...»

Далее Р. об'ясняет, точнее обвиняет эклектический оборот «не только—но и» в желании избежать упреков в «абстрактности» и «доктринерстве», сыпавшихся со стороны народников, а за последнее время и со стороны социал-демократов-«практиков» на «какую-то прежнюю программу» и особенно на группу «Освобождение Труда», в желании

> «Противопоставить программе доктринеров, «омертвевших теоретиков», знать ничего не желающих, кроме принципов научного социализма программу «живую», отвечающую на запросы «конкретной», «насущной» действительности. Желание очень похвальное, но одно уже противопоставление научного социализма и «конкретного соотношения общественных классов» показывает, что редакция не совсем еще разобралась в «принципах научного социализма» (Заря, стр. 119—120).

Редакция «Зари» поместила статью Рязанова без всяких оговорок, не делает она никаких оговорок и к приведенным словам—она, стало быть, вместе с Р. упрекает редакцию «Раб. Дела» в недостаточном понимании научного социализма. Но оказывается, что тот же упрек Рязанова и редакции «Зари» должен быть обращен и против редакции... «Искры». В передовой статье Искры № 2 мы читаем вот что:

> «Самый главный и ничем незаменимый урок, даваемый нам всей историей западно-европейского социализма, заключается в том, что **в каждой данной стране ближайшие задачи и тактика рабочей партии определяется действительными общественными отношениями этой страны. Забывать об этих отношениях, руководствуясь общими положениями социализма *), значит покидать почву действительности».** (Курсив наш).

В этой цитате из Искры нет, правда, эклектических слов—«не только—но и», но в ней **еще гораздо резче** выражена та же «эклектическая» мысль, тот же взгляд на философию тактики, что и в программе Рабочего Дела.

Итак, по этому вопросу Заря с нами расходится, а Искра с нами сходится, несмотря на их «полную солидарность во взглядах на теоретические и тактические вопросы русской социал-демократии». Но этого мало: каждое из изданий, взятое в отдельности, с нами то согласно, то не согласно.

Начнем с Зари. В том же первом номере, где помещена статья Рязанова. Молотов **) в статье «Европейские рабочие и их русский историк», направленной против русского бернштейнианца Прокоповича (заметим мимоходом, что это одна из лучших статей Зари), пишет об интересующем нас вопросе.

> «Начать с разницы между тактикой и принципом. **Тактика применяется к обстоятельствам.** Г. Прокопович отсюда умозаключает, что принцип отрезывается, как лишний ломоть. Ничуть не бывало. **Тактика, применяясь к каждодневно меняющимся обстоятельствам, все же самой практикой приходит к принципу**, доказывает верность общего исходного пункта. Как бы это Вам об'яснить, г. Прокопович? Если из Петербурга пойти пешком в Выборг, то надо итти на северо-запад. Это принцип, дающий направление. Но по дороге встретятся разные препятствия: придется итти узаконенным путем, ибо через заборы перелезать не всегда возможно, путь, быть может, не раз отклонится в сторону, придется на холмы взбираться, реки переплывать, обходить трясины, а иной раз тяжелый воз встретится, заставляющий свернуть в сторону, да и мало ли еще что. **Всего этого, с точки зрения исходного и конечного**

---

*) Кстати, Заря сочла возможным напечатать придирку Р. к словам нашей программы: «действует на почве международного социализма». «Неясно»,—жалуется Рязанов,—есть, дескать, «международный» социализм разных видов, ничего общего не имеющий с учением Маркса (Заря, стр. 119). Автор передовицы Искры № 2 согрешил еще большею «неясностью», чем мы; он говорит просто об «общих положениях социализма», не пояснив читателям и Рязанову даже того, что он имеет в виду международный социализм. Не укажет ли ему Рязанов на то страшное обстоятельство, что есть и национальный, и даже националистский социализм?... Мы остановились на этой придирке, потому, что она характерна вообще для теоретического размаха «Замечаний» Рязанова. В виду этого мы считаем излишним отвечать на «Замечания» особой статьей. Затронутые же там действительно важные вопросы будут разобраны и решены нами своевременно с большей пользой для дела без отношения к придирчиво-мелочной полемике Рязанова.

Считаем нужным только отметить, что Р. (Заря, стр. 131., примеч.) позволил себе заподозрить редакцию Раб. Дела в том, что она вставкой слов «быть-может» в изданной Союзом брошюре «Рабочее дело в России» исказила, так сказать, из-за угла смысл фразы автора: «помощью одних только стачек мы, быть-может, никогда не добьемся необходимых для нас улучшений в политических условиях России». Очень жаль, что редакция Зари допустила эту выходку Р.: она имела возможность узнать, что слова «быть-может» принадлежат автору брошюры. Не найдет ли она нужным поправить эту ошибку в ближайшем своем номере?

**) Молотов—псевдоним Парвуса-Гельфанда.

пункта, нельзя знать заранее, нужна тактика, применяющаяся к обстоятельствам. Стал ли излишним от этого принцип? А вот попробуйте пойти в другую сторону и никогда вы в Выборг не попадете, или же попадете, только обошедши раньше весь земной шар». (Курсив всюду наш. Стр. 224—225).

Читатель видит полное совпадение между взглядами Молотова и нашим взглядом на тактику, как на результат взаимодействия принципов и конкретных условий, как на органическое соединение **постоянного** и сравнительно абстрактного элемента принципов и **изменчивого** элемента конкретных условий («**каждодневно** меняющихся обстоятельств», по выпуклому выражению Молотова).

Итак, одна статья Зари тесно сходится с нами, а другая резко с нами расходится. Молотов противоречит Рязанову или наоборот.

Разумеется, что разногласие между двумя сотрудниками Зари по такому важному вопросу ведет к противоречиям между ними и в деталях. Так, Рязанов провозглашает «основным условием революционной деятельности—гнуть как можно больше влево» (стр. 133), тогда как Молотов, враг пустых формул, находит, что вредны не только «отклонения вправо»: он указывает на тот факт, что «отклонения влево от тактики, которую он называет «практическим революционизмом» и господствующей в рядах германской социал-демократии, вели к чистому революционизму и тут превращались в ничто» (стр. 217).

Посмотрим теперь на Искру. И она себе противоречит по этому вопросу, а именно, в редакционных статьях (без подписи). Читатель уже знает, что взгляд Искры на **философские** основы тактики совпадает с нашими взглядами. Но приведенное выше место из передовицы 2-го номера, пожалуй, иными может быть истолковано лишь в том смысле, что русская социал-демократия должна, кроме «общих положений социализма», помнить о конкретном условии существования в России самодержавного строя и о необходимости его низвержения. За это узкое до смешного *) толкование говорит как-будто бы продолжение цитированного нами места. Но программная передовица Искры № 1 убеждает нас в противном. В согласии с нашим взглядом на тактику, естественно исключающим возможность заранее составленного плана борьбы, так как ведь тактика, а стало-быть, и средства борьбы должны применяться к изменяющимся обстоятельствам, в согласии с этим взглядом мы читаем в передовице Искры № 1:

> «Что касается, наконец, до вопросов тактики, то ограничимся здесь следующим: социал-демократия не связывает себе рук, **не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом** (курсив наш) или приемом политической борьбы,—она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии и давали возможность достигать наибольших результатов, достижимых при данных условиях».

Но вот, в диаметральном противоречии с самой собой, Искра в передовице 4-го номера категорически заявляет, что «**названия тактики заслуживает только—систематический, освещенный твердыми принципами и неуклонно производимый план деятельности**!...» (курсив наш).

Куда девались тут «действительные общественные отношения», которые на ряду с общими положениями социализма определяют «ближайшие задачи и тактику рабочей партии»? (Искра № 2). Куда девалась боязнь «связать себе руки одним каким-нибудь заранее придуманным планом»? (Искра № 1). Не спрашиваем уже, куда девались картинные описания горизонтальных и вертикальных **«зигзагов»** тактики (отчасти очень **«робких»**), которые дал Молотов в Заре,—каким образом эти «зигзаги» апрельского номера Зари заменились «систематическим и неуклонно проводимым планом» в майском номере Искры».

---

*) До смешного, потому что «напоминание» русским соц.-демократам о низвержении самодержавия не нуждается в философско-тактическом соображении о недостаточности «общих положений социализма» для «определения ближайших задач и тактики». Кто же станет обосновывать, напр., необходимость мореплавания для поездки в Америку той или иной теорией движения или пространства?

Правда, в передовице 4-го номера играют большую роль чисто полемические соображения, и потому следует думать, что приведенное место является не столько переменой взглядов, изложенных редакцией в программной статье, сколько неосмотрительным полемическим увлечением. Но мы видим, что и помимо 4 номера Искра и Заря заключают противоречивые взгляды на вопрос об отношении между тактикой, принципами и действительностью. Поэтому мы затрудняемся определенно сказать, согласны ли они с нами по этому вопросу или нет.

Впрочем, этот вопрос очень мало разработан и пока находится в той предварительной стадии, через которую проходят всякие вопросы и взгляды вообще (особенно в области общественной деятельности),—для очень многих деятелей он все еще находится, так сказать, за пределами или на пороге сознания, хотя и определяет собой их практическую деятельность. Так люди веками творят родную речь, прежде чем является грамматика, сознательно устанавливающая правила этой речи. Так теория познания явилась после того, как человеческий ум успел создать и разрушить ряд философских систем. Не говорим уже о мольеровском буржуа-дворянине, который, сам того не ведая, 40 лет говорил прозой....

Очевидно, Искра и Заря не установили еще своих взглядов на занимающий нас вопрос. Однако, по некоторым их более детальным взглядам и по их отношению к отдельным явлениям можно заключить, что они стоят гораздо ближе к Рязанову, чем к Молотову—к догматическому пренебрежению конкретными условиями из-за опасения уклониться от принципов. Мы же **именно ради торжества принципов** считаем необходимым «применять тактику к обстоятельствам», не опасаясь того, что хранители догмы могут обвинить нас в «беспринципном эклектизме» и «неустойчивости». Искра и Заря вследствие, впрочем, до известной степени законной реакции против «практицизма», склонны к противоположной крайности, к беспочвенному, но «систематическому» общему плану. Мы же думаем, что можно и должно революционизировать наше движение, оставаясь верным **общему делу марксова учения,** согласно которому «**нет ничего нелепее, как конструировать соответствующие данному времени задачи социалистического движения из понятий**» (Каутский в своей книге против Бернштейна, немецкий оригинал, стр. 32).

Вообще Искра и Заря видимо тяготеют к взгляду на тактику как на заранее установленный и неизменный **план** деятельности. Мы же видим в тактике **процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией.**

Тактика-план естественно может основываться только на принципах да еще на самых общих условиях действительности, напр., в России на существовании самодержавия. Подкупающая сторона такой тактики—ее планомерность и устойчивость—на деле притупляет всякое чутье к действительности, «связывает руки» и «суживает деятельность», по выражению самой Искры, забывшей об этом в своем 4-м номере. А так как конкретные условия, земная дорога, по которой приходится итти к цели, не приспособляются к нашим заранее установленным планам, то остается одно из двух: либо жертвовать живым делом «систематическому» плану, либо вечно колебаться между обязанностями, налагаемыми планом, и действиями, которых повелительно требуют условия и интересы борьбы. Само собою разумеется, что на практике люди с планом выбирают последний исход: Симеонов-Столпников, дающих обет неподвижности, ныне нет. Но их **вынужденные**, делаемые вопреки «систематическому» плану, уступки требованиям борьбы грешат половинчатостью и обыкновенно запаздывают. Таким образом, тактика-план не только не охраняет от «шатаний», а наоборот, делает эти шатания действительно опасными, потому что они беспринципны, являясь каждый раз результатом сделки с принципиальной совестью, сделки, расшатывающей веру в принципы и порождающей лицемерие.

Либкнехт,—без сомнения, человек твердых принципов,—метко характеризует тактику-план, сравнив ее с военным планом австрийских генералов в войнах против революционной Франции: эти генералы «потеряли все сражения», потому что они должны были действовать по заранее выработанному знаменитым венским оберкригератом (высшим венным советом) плану, входившему в мельчайшие подробно-

сти. Планы в своем роде были безупречны, но.... они не годились для данной местности, а французские генералы не были настолько любезны, чтобы сообразоваться с предположением венского обер-кригсрата и сражения были потеряны по всем правилам искусства»... (Из посмертных бумаг Либкнехта, «Vorwärts от 7-го августа 1901 г.).

Тактика-процесс имеет то огромное преимущество, что она заранее определяет не самый способ действий, а только **общий принцип, который должен руководить изменениями нашей деятельности**—приспособление ее к данным конкретным условиям ради достижения цели, указанной в программе. Эта тактика столь же далека от оппортунизма и «беспринципного эклектизма», как от доктринерства или от «принципиальной» неподвижности той, страдавшей манией чистоты старушки, о которой пишет Вандервельде (см. его статью в Раб. Деле № 9). Она является зрелым плодом возмужавшего социал-демократического движения. В противоположность детски-сектантскому периоду движения, связывавшему деятельность бесчисленными узами «воздержания», она пишет на своем знамени: **«вера без дел мертва есть!»** Выросши на почве самой борьбы, взгляд на тактику, как на **процесс**, является логическим дополнением общего марксистского взгляда на все рабочее движение как на процесс развития борющегося за свое освобождение пролетариата. Практически этот взгляд выражается в том, что непосредственные задачи пролетариата меняются и расширяются вместе с изменением условий борьбы и ростом его силы.

Тактика-процесс—это есть **вечное искание новых путей в свете принципов,**—искание, сопряженное, как всякое человеческое искание, с заблуждениями, но **единственно гарантирующее поступательный рост движения**. Давно известно, что не ошибается только тот, кто ничего не делает. Догматикам, смешивающим это искание с «шатанием», мы скажем с Лессингом, что бесконечно лучше вечное стремление к истине, чем обладание самой истиной, невозможное для смертных. И опять-таки общий дух марксизма свидетельствует против догматической гордыни, мнящей себя монопольной обладательницей вечной истины: «ни одно учение не столь далеко от признавания вечных истин, чем как раз учение Маркса», пишет Каутский (цитированное сочинение, стр. 32). Это относится, разумеется, не только к теоретическим, но и в еще большей степени к практическим истинам.

В борьбе обретается право, в борьбе же обретается и правильная тактика, и **«лучший судья в вопросах тактики—успех»**, как любил повторять Либкнехт.

II.

Каковы могут быть изменения деятельности в границах нашего взгляда на тактику. Прежде всего нужно различать между двоякого рода изменениями. О мелких изменениях приемов и средств борьбы, об изменениях **технических** говорить, конечно, не-зачем. Но есть крутые изменения, коренным образом меняющие весь тон и темп движения, весь характер борьбы, потому что круто изменилась обстановка борьбы. То, что хорошо и целесообразно для «серой и мирной» обстановки исторических будней, негодно и вредно для критических периодов.

Поэтому, в согласии с нашим основным взглядом на тактику в философском смысле слова, мы призывали нашу партию с наступлением революционного периода, открывшегося февральскими и мартовскими событиями, к **«коренному изменению тактики»** в смысле общего характера деятельности:

> «Деятельность, рассчитанная на серую, мирную обстановку, на период всеобщего упадка революционного духа, на медленный, эволюционный рост сознательности рабочей массы, на систематическое воспитание ее, так сказать, путем перехода от простого к сложному, от близкого к более далекому,—такая деятельность была бы **роковой ошибкой** в момент быстрого прилива революционных сил, когда каждый день начавшейся активной борьбы с самодержавием революционизирует массу гораздо быстрее, чем целые годы мирной пропаганды и агитации». (Исторический поворот. Листок Р. Д. № 6-й).

С своей стороны, Искра в упомянутой полемической передовице 4-го номера усмотрела в нашем отзывчивом отношении к событиям всевозможные грехи: «беспринципный эклектизм, подделывающийся под каждое новое веяние», «отсутствие всякой твердой точки зрения», перемену взглядов на то, «нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе» *) и т. д. (чисто ругательных выражений мы уже не приводим)...

И тут опять-таки трудно судить, насколько в этих безмерных нападках Искры чисто полемического задора и насколько в них разногласия с нами по существу. Но как бы то ни было, очевидно, что в основе этих нападок лежит также большая или меньшая доля разногласия. Отношение Искры к мартовским событиям есть вообще один из частных случаев, на которых мы постараемся осветить степень нашего общего разногласия по вопросу об отношении тактики к принципам и к действительности.

Но прежде, чем приступить к этому, мы укажем на то обстоятельство, что крутое изменение всего характера деятельности сообразно с изменением обстановки борьбы не есть измышление «беспринципного эклектизма». Мы можем опять сослаться на писателей, которых и Искра не станет обвинять в эклектизме и потворствовании веяниям. Ту мысль, которую мы выразили в «Историческом Повороте» в применении к отдельному случаю, обоснована Каутским в применении к взаимному отношению между экономической и политической формами борьбы, сравнительное значение которых поочередно падает и поднимается в связи с «волнообразным движением капиталистической промышленности»: в периоды процветания на первый план выступает развитие экономических организаций и социальные «реформы», и наоборот, промышленные кризисы—это времена решительной политической борьбы, быстрого политического развития, времена политической «революции» (Каутский, цитир. сочин., стр. 163—164).

Такого же мнения о законности и неизбежности крутых перемен в тактике... **Молотов**, который констатирует это в **Заре** в еще более широкой форме, чем Каутский:

> «Социал-демократия всей своей деятельностью ставит на очередь вопрос о социальной революции. Конечно, это не исключает возможности изменений и отклонений в идейном выражении ее исторической борьбы. Бывают периоды усиленного под'ема и относительного упадка, моменты воодушевления, когда она поражает смелостью своих планов, моменты депрессии, когда кажется, что она теряется в мелочах. Ее политика находится под влиянием общего хода исторических событий, экономического и политического развития» (Заря, стр. 217).

Итак, Искра в частном случае нашего «Историч. поворота» не узнала применения того общего правила, которое обосновано Каутским и констатировано Молотовым на страницах Зари. Почему? Потому что для нее тактика есть прежде всего «систематический» план, выведенный почти только из одних принципов; потому что чутье к жизни у нее более или менее притуплено докринерством.

Февральские и мартовские события явились неожиданностью для всех революционеров. Сразу пришлось «переоценивать все ценности», чтобы ориентироваться в новой обстановке и дать ответ на запросы боевого момента. Мы это попыта-

*) Это единственное из претендующих на фактический характер обвинение Искры ни на чем не основано. Читатели Раб. Дела хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления Искры, а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам единственный социал-демократический политически-агитационный материал. С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготовляла тактическое единство партии и тем самым возможность «боевой организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации.

лись сделать, попытались помочь товарищам в России скорее ориентироваться и дать им **сигнал к бою**. Исходя из того общего марксистского взгляда, что революции не делаются, а случаются, мы старались действовать так, как **обязан действовать всякий революционер** в моменты, предвещающие непосредственную близость революции. Правда, события застигли революционные организации врасплох; всякие теоретические и программно-тактические предпосылки, как и все представления о состоянии соц.-демокр. движения, удаляли мысль о немедленном «штурме на крепость деспотизма», а говорили за то, что надо «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Но живые факты борьбы, местами явно принимавшей характер тех стихийно-массовых движений, которые в один миг срывают до тла вековую крепость насилия, эти факты говорили и должны были говорить во всяком революционере сильнее рефлексии, сильнее осторожных выводов из будничных наблюдений и даже указаний доктрины. Поэтому мы **выполнили свой революционный долг**, отнесшись к событиям так, как будто бы они должны были явиться **непосредственным прологом революции.**

Искра нас за это упрекает в «беспринципном эклектизме» и проч. и проч. Для нее эти события были только «бурным месяцем», из которого можно делать поучительные выводы задним числом. **Теоретически** она знает, что было бы «нелепым доктринерством» думать, что «самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма» (передовица № 4), но **практически** она отнеслась к мартовским событиям так, как будто бы она насквозь была проникнута именно тем «нелепым доктринерством». Мы тут не имеем в виду **неделания** Искры—революционная организация в наших условиях, как известно, не всегда в силах сделать то, что ей хотелось бы сделать. Мы принимаем также во внимание и то обстоятельство, что Искра оценивала события **позже** нас,—тогда, когда затишье, наступление которого мы в «Историч. повороте» считали только «возможным» уже фактически наступило. Но характерно для ее доктринерства то, что она не могла нам простить нашего активно-революционного отношения к событиям, которые, хотя и не явились результатом «систематического и неуклонно проводимого плана», тем не менее—лучше сказать, **тем более** обещали успешный революционный исход.

Очевидно, общее разногласие между нами и Искрой по вопросу об основах тактики отражается также на различной оценке **сравнительного** значения стихийного и сознательно-«планомерного» элемента в конечном успехе революционной борьбы. Для заговорщиков старых времен переворот являлся исключительно результатом их собственных планов, усилий, сноровки и ловкости. Они не считались с об'ективными законами общественного развития и с процессом развития классовой борьбы. Учение Маркса и Энгельса навсегда покончило с заговорщическими взглядами и методами революционной борьбы. Сознательная работа революционирования умов и общественных отношений, занимающая у социал-демократии первое место, ничего общего не имеет с планомерностью заговорщика. Революционер-социал-демократ имеет задачей—своей сознательной работой только **ускорять** об'ективное развитие, а не отменять его или заменять его суб'ективными планами. Искра в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, **благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к преуменьшению значения об'ективного или стихийного элемента развития.** Мы уже указывали, что **тактика-план** противоречит основному духу марксизма. Неудивительно поэтому, что Искра, склоняясь к тактике-плану, тем самым **вынуждена** также, помимо своей воли, приближаться к заговорщическому взгляду на «подготовление» революции, т. е. уделять об'ективному или стихийному процессу второстепенное место и в **конечном акте** революционного развития.

Характерно, что автор передовицы 4-го номера, где подробно намечается «систематический план» (о самом плане у нас будет речь впереди), в заключение вынужден оговариваться, что, говоря «все время только о систематической, плано-

мерной подготовке», он «отнюдь не хотел сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов...» и проч. Наверно впервые **социал-демократическому** писателю, **марксисту**, приходится **оговориться**, что такой коренной политический перелом, как падение самодержавия в России, не будет **исключительно** результатом суб'ективной «планомерной подготовки», т. е. что об'ективные законы общественного развития также имеют немаловажное значение для подготовления и торжества революции. Наверно впервые **марксисту** приходится—и довольно основательно—опасаться того «недоразумения», что его примут за сторонника исторического... идеализма и суб'ективизма. Впрочем, и в своей оговорке автор передовицы допускает лишь «полную возможность» и «гораздо большую вероятность» падения самодержавия от «стихийного взрыва», как будто бы политическая революция мыслима и без «стихийного взрыва»!...

Можно подумать, что для автора революционное пламя может разгореться только из **Искры** (с прописной буквы) в редакционной лаборатории «обще-русской газеты», которая выработает и продиктует «систематический» и «неуклонно проводимый план». Невольно припоминается прототип безжизненного доктринерства—гетевский Вагнер с его лабораторным гомункулусом.

Без сомнения, сознательность борцов играет в истории все большую и большую роль. Важнейшие законы общественного развития открыты Марксом и Энгельсом. Научный социализм справедливо назван «алгеброй революции». Социал-демократия есть и может быть только **сознательным** движением борющегося за свое освобождение пролетариата. Ни один класс никогда не имел и в отдаленной степени такого ясного представления об условиях своего освобождения, о конечной цели своей борьбы и о ведущих к ней путях, как борющийся под знаменем социал-демократии пролетариат. Все это так. Но научный социализм перестал бы быть самим собою, если бы он сбросил со счетов истории или хотя бы умалил значение стихийного элемента—не только в эволюционный период (это понятно само собой), но и в революции. Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом,—так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом **преимущественно** стихийных взрывов. Это относится **даже** к социальной революции на Западе, где пролетариат может бросить на весы истории небывалую еще силу сознания и организации. Тем в большей степени стихийный элемент должен преобладать в грядущей русской политической революции.

Конечно, мы вполне согласны с Искрой [62]), что «ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие (стихийные) взрывы *); **но всякая революционная партия обязана в момент стихийных взрывов всеми силами содействовать тому, чтобы взрыв привел к революции и к победе.** Об этой обязанности Искра по указанным причинам, по своему доктринерскому складу, забыла и сочла даже возможным обрушиться чернильными громами на тех, которые об этой обязанности помнили и по мере сил ее выполняли.

III.

Посмотрим теперь на разногласия по некоторым частным пунктам, обнаружившиеся между нами и Искрой в связи с мартовскими событиями.

С точки зрения **средств борьбы** на фоне революционных событий выделялись два факта: уличные демонстрации [63]) и выстрел Карповича. Демонстрация в **рево-**

*) Это, впрочем, вело бы не к авантюризму, а к квиетизму, ничего неделанию, в ожидании стихийного взрыва.

люционный момент имеет совершенно другое значение, чем в мирное время. В последнем случае она—могучее средство **агитации**, показатель достигнутой силы, способ закалить мужество бойцов, лучшее средство вербовки новых сил, **протест** против существующего строя; в революционный же момент она прежде всего **угроза насилием** с целью устрашить правительство и заставить его капитулировать, угроза, **которая непременно должна быть выполнена**, как только правительство, вместо того, чтобы уступить угрозе насилием, пускают в ход силу. **Ответ на насилие насилием**, не всегда возможный, а иногда, может быть, даже нежелательный в мирное время и в случае чисто местных демонстраций, **обязателен** в такой момент, какой пережила Россия в феврале и марте. В противном случае первая революционная угроза насилием может быть немедленно сведена на-нет фактическим насилием правительства—и **революционная** демонстрация, имевшая целью **непосредственное** давление на правительство, в лучшем случае, превратится в чисто **агитационную** демонстрацию или в уличный **протест**, в худшем же случае она может иметь отрицательный результат: **избиение** беззащитных демонстрантов может запугать толпу, деморализовать ее и отнять у нее всякую охоту повторить угрозу насилием, оказавшуюся **призрачной** и потому **вредной**.

Таковы соображения, которые в связи с особенным значением событий естественно побудили нас к прокламации «Ко всем русским рабочим» (издана в марте) звать к «ответу на насилие насилием» [64]). Искра же усмотрела в этом призыве простое «легкомыслие». В фельетоне 4-го номера она высказывается за «крайнюю осторожность» в деле манифестаций именно в такое время, когда манифестации возникали, можно сказать, помимо всяких «приглашений», когда народная стихия рвалась из оков, когда правительство, казалось, было парализовано силой и распространением стихийного взрыва!.. Искра словно не видит этого взрыва, для нее данный момент качественно ничуть не отличается от любого мирного времени, точнее, отличается только тем, что «наши враги организовали и напрягли все свои силы»!.. Обыкновенный здравый смысл говорит за то, что **всегда** достаточно организованные и напряженные силы правительства как раз в моменты народных взрывов дезорганизуются и парализуются—это в значительной степени обнаружилось на деле в феврале и марте. Но Искра, целиком поглощенная мыслью о преждевременности и, так сказать, самозванстве революционного взрыва, не явившегося результатом «планомерной подготовки», считает нужным охлаждать пыл борцов и советовать им «крайне осторожно» беречь свои силы до того вожделенного времени, когда... очевидно, когда наши силы будут крепко организованы, а силы правительства дезорганизованы и не напряжены...

«Крайне осторожный» в деле манифестаций фельетон 4-го номера ярко обнаруживает доктринескую слепоту к жизненным фактам, не укладывающимся в привычные формулы. Несомненно, «Исторический поворот» застиг врасплох и доктринерские элементы социал-демократии, которые столь твердо были уверены в том, что соц.-демокр. движение последних лет было сплошной ошибкой и «ересью», обратившей революционную работу вспять. Отсюда **недооценивание** прошлой соц.-дем. работы и ее влияния на самое возникновение поворота, отсюда же сомнения в возможности активного вмешательства в события со стороны существующих с.-д. организаций,—отсюда, наконец, и бледное полупессимистическое отношение к самым событиям, которое отчасти, впрочем, об'ясняется также доктринерским преуменьшением значения стихийного элемента.

Доктринерской слепотой или доктринерской робостью об'ясняется, далее, отношение Искры к подвигу Карповича. Напрасно будете искать в ней хоть одного слова сочувствия героическому акту или слова фактической **оценки** его в связи с событиями. В хронике № 3 Искра констатирует только, что «все сочувствовали Карповичу». Зато в фельетоне № 1, цитируя наши слова из «Истор. поворота» о сочувствии **«всех революционных элементов»** Карповичу и Лаговскому [65]), Искра вставляет последние слова «всех» . . . вопросительный знак! . . . В № 3 (апрель) **«все»** сочувствовали Карповичу—заметьте, все люди, все смертное вообще, а в № 4

(май) уже подвергается сомнению даже всеобщее сочувствие ему одних только революционных элементов. Впрочем, в том же фельетоне № 4 говорится уже прямо о «радостном чувстве, с которым встретили выстрел Карповича **многие** (только лишь «многие»!) революционные и оппозиционные элементы».

Откуда же это странное отношение к акту героической **инициативы**, давшему такой сильный толчок дальнейшим событиям? *) —Искра в выстреле Карповича прежде всего увидела опасность для . . . соц.-дем. тактики: «мы должны бороться с той дезорганизацией революционных сил, к которой грозит привести новый под'ем террористических настроений» (фельетон № 4).

Мы же думаем, что задачей соц.-дем. не может и не должно быть противодействие «под'ему террористических настроений», которое привело бы нашу партию к ряду опасных ошибок и грозило бы ее поставить в ложное положение . . .

Впрочем, тут не место говорить о терроре по существу. Заметим только, что нападки Искры, старающейся вызвать впечатление, будто мы высказались за террор, являются плодом грубого недоразумения. В «Истор. повороте», этом боевом сигнале в боевую минуту, мы только приглашали наши партийные организации к **единодушному** решению насчет «неотвратимо», по нашему мнению, возникающего красного террора, возникающего помимо воли и участия социал-демократов: «наши партийные организации не могут и не должны игнорировать этого факта (неотвратимости красного террора в ответ на белый), обходить молчанием. Они должны **сообща** решить, какое положение им **всем** занять по отношению к террору». Да, мы в противоположность Искре считали своей обязанностью не противодействие террористическим настроениям, а предостережение наших партийных организаций от «игнорирования» террорист. фактов и от возможного **раскола** по вопросу о терроре, раз этот прием борьбы найдет плодотворную почву.

Охотно признаемся, что вслед за приглашением наших партийных организаций занять единодушно позицию по отношению к террору—мы думали было высказать наше мнение и насчет того, какова должна быть эта позиция,—а именно: пригласить наши организации, в случае террористических фактов, издавать сочувственные прокламации и устраивать сочувственные домонстрации. Другими словами, в противоположность Искре мы считали нужным использовать в революционных целях и такие акты борьбы, которые по тем или иным причинам совершаются помимо социал-демократии. Но мы этого нашего мнения в том **боевом сигнале** не высказали единственно по тому, что в данном вопросе нам казалось неуместным делать такой конкретный призыв из-за границы. **)

Фельетон № 4 дает нам еще один крайне характерный пример доктринерства Искры. Она зло смеется над тем, что редакция Раб. Дела говорит о терроре, как о «совершенно новом вопросе». Оставляя в стороне полемический привкус этого смеха, мы замстим, что Искра, очевидно не допускаст никакого иного понятия о том, что такое **«вопрос»** или **«задача»**, как только понятие чисто **теоретическое**. Так как группа Освобожд. Труда в начале 80-х г. г., а некоторые соц.-дем. кружки в начале 90-х г. г. «решили» вопрос о терроре в брошюрах или собеседованиях, то, стало быть, этот вопрос решен и **практически** для выросшей с тех пор социал.-дем. **организации**, действующей в совершенно других условиях, чем кружки начала 90-х г.г. Искра этой разницы как будто совершенно не понимает! Тут доктринерский взгляд на тактику, пренебрежение к конкретным условиям борьбы, доходит до крайних пределов, до прямо невероятной претензии навязывать партийной органи-

*) В новом противоречии с самой собой Искра в том же № 4 ставит выстрел по **практическим** результатам рядом с уличными домонстрациями. Правда, она ограничивается сухими и беглыми словами: «После выстрела Карповича и уличных демонстраций правительство заговорило со студентами по-новому».

**) С тех пор 4-й с'езд Бунда [96]) высказался за сочувственные прокламации: «В случае повторения террористических актов следует пользоваться ими для развития путем прокламаций политического сознания».

зации «решение» практических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15-ти лет тому назад, когда партии не было и в помине [illegible]*)

IV.

Читатель помнит, как мы определили наши разногласия с Искрой по вопросу о философских основах тактики. Из них неизбежно вытекает не только различное отношение к **истории нашего движения**, но—что гораздо важнее—**различная оценка его полноправности в настоящем**, точнее, разногласие во взглядах на то, что должно **первенствовать** в решении тактических вопросов: мнение теоретиков или практический опыт борьбы.

Мы продолжаем стоять на высказанной Марксом мысли: «jeder Schritt wirklicher Bevegung ist wichtiger als ein Dutzend Programme» (каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ). И если программные принципы указывают нам **цель** движения, то самая **возможность** движения определяется только практикой борьбы. В борьбе обретается правильная тактика и «лучший судья в вопросах тактики—успех». Поэтому мы не можем считать «решенным» тактический вопрос только на основании того, что его решили теоретики, хотя бы это были гении, «вооруженные всем знанием своего века».

Иначе, чем Искра, понимаем мы не только **решение** тактических вопросов, но и то, **что такое вопрос или задача** с точки зрения тактики. Для нас тактическая задача начинает существовать только тогда, когда она выдвинута на очередь самим ходом борьбы. До тех пор эта задача программная теоретическая, историческая—все, что угодно, только не **задача борьбы, т. е. не задача, для осуществления которой назрели окружающие условия и собственные силы партии.** Такой взгляд является, впрочем, лишь частным применением к борьбе партии одного из самых глубоких философско-исторических положений Маркса: «Человечество ставит себе всегда лишь задачи, которые оно может решить, ибо при внимательном рассмотрении окажется, что самая задача возникает лишь тогда, когда уже существуют или, по крайней мере, находятся в процессе возникновения материальные условия для ее решения» (Предисловие к Zur Kritik der polit. Oekon). Подобно человечеству, соц.-демокр. партия, в нашу эпоху представляющая собою движение человечества вперед, ставит себе в рамках своей великой программной, исторической задачи — осуществления социализма—одну тактическую задачу за другой, сообразно с последовательным возникновением «материальных условий для решения» данной задачи. Опыт передовых стран несомненно великое преимущество стран отсталых, поздняя и невольная ласка их мачихи—истории. Но ни одна отсталая страна не может на основании опыта более передовых стран «перескочить через естественные фазы своего развития» (Маркс). Лишь исторический идеализм считает возможным заменить собственное развитие чужим опытом, об'ективный процесс—суб'ективной рефлексией. Так революционные народники 70-х годов с их идеалистическим пониманием истории могли надеяться на непосредственный переход России из общины в социализм. То же самое применимо к развитию партий и к русской соц.-дем. партии в частности. Чужой опыт освещает ей цель и направление пути, но самый путь может и должен быть найден только ею самой—в процессе ее борьбы. Тактические задачи, решенные партиями передовых стран, должны быть снова решены опытом ее собственной борьбы, соответственно с особыми конкретными условиями ее деятельности.

Понятно поэтому, что тактика у русской социал-демократии стала возникать только тогда, когда она из теоретического течения стала превращаться в практическое движение с зачатками организации. Группа Освобожд. Труда дала нам

*) Впрочем, сама группа «Освоб. Труда» дала не одно решение, а, по крайней мере, **два различных решения** вопроса о терроре. 1-е решение, согласно с террорист. практикой «Народной Воли», **«признает необходимость террористической борьбы против абсолютного правительства»...** (программа соц.-дем. гр. О. Т. Женева, 1884). 2-е решение, данное в «проекте программы русских соц.-демократов» 1885 г., говорит уже только о «так называемых террористических действиях» **в момент решительного нападения»** на самодержавие [67].

обоснование идей научного социализма в применении к России; она же, следуя примеру зап.европейской социал-демократии, верно формулировала основные программные принципы—в этом ее бесспорная историческая заслуга. Но она нам не дала и **не могла** дать тактики. Поскольку же она пыталась формулировать тактические взгляды, она до возникновения действительного соц.-дем. движения в России ограничивалась общими местами, не дающими ровно никаких указаний для деятельности, а после того колебалась между робкой доктринерской критикой деятельности русских соц.-дем. организаций и молчаливым недовольством этой деятельностью, а отчасти даже активной поддержкой ее. (Кстати. новый пример того, что одна твердость принципов не спасает от беспринципных шатаний).

Впрочем, Искра только по вопросу о терроре ссылается на «решение» гр. Освоб. Труда и только в полемическом фельетоне № 4 косвенно обнаруживает такое странное, несоциал-демократическое понимание того, что такое тактическая задача. В программной передовице № 1 она **приближается** к конкретно-историческому пониманию этого, хотя и в связи с наиболее общей задачей соц.-демократии:

«В России необходимость соединения социализма с рабочим движением теоретически провозглашена уже давно,—но практически это соединение вырабатывается лишь в настоящее время. Процесс этой выработки есть очень трудный процесс, и нет ничего особенно удивительного в том, что он сопровождается разными колебаниями и сомнениями».

С точки зрения, определенно развитой нами выше, в этом не только нет «ничего особенно удивительного», но и решительно ничего удивительного,—точнее, «колебания и сомнения» при **процессе** выработки тактики прямо **неизбежны**. После сказанного нами понятно, что в той же программной передовице, где Искра различает между «теоретическим провозглашением» задачи и ее «практическим» осуществлением, в согласии с нашим взглядом. отвергается также тактика-план (это место цитировано нами выше).

Вообще в программной передовице Искры нет ни одного взгляда, с которым бы мы не могли согласиться. К сожалению, лежащие в основе этой передовицы взгляды не всюду проведены в Искре или даже рядом высказываются диаметрально противоположные взгляды. Это проявляется особенно ярко в вопросе о тактическом плане (передовица № 4) и о том, что такое задача или «вопрос» (фельетон № 4). Можно сказать, что Искра во всех частных своих взглядах и выводах колеблется между программной передовицей, с одной стороны, и передовицей № 4 и фельетоном № 4—с другой. Это—ее **десница и шуйца**. И размах этих колебаний иногда доходит, как мы видели, до «180 градусов».

Не ошибается лишь тот, кто ничего не делает. Деятельность соц.-дем. организаций в прошлом несомненно не свободна от ошибок и заблуждений. Но из-за частных ошибок не следует забывать общей **закономерности** соц.-дем. движения в прошлом и его заслуг в смысле подготовительного этапа,—не следует забывать, что все наши новейшие тактические взгляды, а главное, новейшие практические задачи суть, прежде всего, результат роста нашего движения, а не результат одного «теоретического провозглашения». Искра и Заря все это слишком легко забывают*). А между тем самое появление этих двух органов, в особенности Искры, было бы невозможно без усиления революционно-политических тенденций в самом движении. Характерно в этом отношении, что **критика** брошюры «Об агитации», изданной гр. Освоб. Труда в 1896 г., появилась лишь в Заре пять лет спустя (статья

*) Так в рецензии на Манифест Партии Социалистов-Революционеров (№ 5) Искра [68]) зовет эту организацию под знамя социал-демократии. Но как она это мотивирует? Не тем, что современное социал-демократическое движение стоит на той же принципиальной и тактической почве, как Манифест Соц.-Революц., а тем, что взгляд последних на революционную деятельность «почти до мелочей совпадает со взглядом... группы «Освоб. Труда» (ее «проектом программы» 1885 г.). Сомневаемся, чтобы эта мотивировка,—сопровождающаяся к тому же указанием на «соц.-дем. недорослей, отрицавших политическую борьбу»,—особенно прельстила соц.-рев. стать под знамя соц.-дем. партии.

Плеханова: «Еще раз социализм и политическая борьба») [69]. Мы не думаем упрекать автора этой статьи, что он ее не напечатал одновременно с брошюрой «Об агитации»—тогда он бы ее просто **не мог** написать.

Только период нашего движения **до 1898 г.** почему-то признается, так сказать, нормальным. С 1898 года, по мнению Искры (фельетон № 4), начинается период «экономических» заблуждений. Тут не место подробно и на отдельных фактах доказывать неверность этого взгляда. Отсылаем читателя к нашему докладу международному конгрессу 1900 г. [70]. Скажем только, что Искра в этом случае преувеличивает значение отдельных явлений и забывает об **общем**, непрерывном **политическом росте** русской социал-демократии, особенно начавшем усиливаться как раз с 1898 г.

Противопоставление своей программы и своей группы движению как чего-то самостоятельного, как верховной теоретической инстанции, как духа, витающего над бесформенным хаосом,—такова позиция, которую заняли Искра и Заря не только по отношению к прошлому, но и, что гораздо важнее, по отношению к совершающемуся на наших глазах движению, поскольку оно совпадает с работой партийных организаций...

Новые органы, которые по своему **научному и пропагандистскому** содержанию являются крупным обогащением соц.-дем. литературы, сами уничтожают часть своего пелезного и законного влияния, поскольку они противопоставляют себя движению. Этим они способствуют **взаимному непониманию между теоретиками и практиками**, которое может свести до нуля необходимое в известных границах влияние теории на практику, а с другой стороны, превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину.

Недостаток места—наша статья и без того уже слишком разрослась—мешает нам подробнее остановиться на этой стороне наших разногласий. Укажем только на самый крупный промах Искры в этом отношении—ее **«план» общепартийной организации** (№ 4), голова которой—«общерусская газета», а «остов—сеть агентов», распространяющих эту газету... [71].

Мы, разумеется, вполне согласны с Искрой, что потребность в общерусской партийной газете назрела и что такая газета может оказать всему нашему движению огромные услуги. Но «план» Искры упускает из виду наиболее существенные условия успеха такой газеты и в особенности переворачивает вверх ногами отношения, которые нормально должны существовать между партийной газетой и партийной организацией. Не говорим уже о том, что организация **соц.-дем.** партии, не имеющей никакого значения без живых, тесных и широких связей с рабочей массой, может вырости—в отличие от заговорщической организации—только **снизу** из **местных организаций и их об'единения**; что, стало быть, не газета может создать партийную организацию, а наоборот, только организованная соц.-дем. партия может создать свой центральный орган. Не говорим уже о том, что газета, стоящая **над** партией, **вне ее контроля** и независимая от нее, благодаря собственной «сети агентов»,—может быть органом отдельного лица, отдельной группы, общества заговорщиков или секты, но никак не органом соц.-демократической партии, которая может развиваться только в **демократических** формах организации... Нет, обо всех этих, казалось, общеизвестных и общепризнанных вещах мы уже не говорим. Но мы только себя спрашиваем: **каким чудом Искра забыла о фактически существующих соц.-демократических организациях той партии, к которой она сама принадлежит?** Как это случилось, что она весь свой план построила на грядущей собственной «сети агентов», а о существующих «местных комитетах» вспомнила только лишь в примечании?!

Ответ на эти вопросы дает нам общий взгляд на тактику, изложенный в той же передовице № 4, что и «план» общерусской газеты. Раз для Искры или для автора передовицы *) тактика—это **«только** систематический и неуклонно проводи-

*) Делаем эту оговорку в виду противоположных заявлений программной передовицы Искры № 1. Впрочем, фельетон № 4 также ссылается на «план» передовицы № 4.

мый план», для которого требуется лишь «освещение твердых принципов»,—то понятно, что обладатели твердых принципов и соответственного «плана» являются и верховными регуляторами реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана и к нему же приноравливающими, точнее, ради него **заново создающими** организацию партии. Понятно также, что собственная «сеть агентов» предпочтительнее перед существующими комитетами, равноправными и полноправными организациями партии, смеющими свое суждение иметь...

Впрочем, «план» № 4 нам кажется только одним из тех опрометчивых проявлений **шуйцы** Искры, которые плохо уживаются с более реальными элементами ее **десницы**. Трудно думать, чтобы «план», который изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую «сеть агентов», выражал собою единодушное и окончательное мнение Искры. Но этот план все же показывает, хотя и как бы сквозь увеличительное стекло, опасность, которою угрожают нормальному развитию русской социал-демократии тенденции доктринерских элементов противопоставлять себя практической борьбе действующих организаций, как высшую инстанцию, как «обер-кригсрат» партии: эти тенденции могли бы разделить то, что должно быть тесно связано—теорию и практику, литературу и борьбу, и превратить русскую социал-демократию **из партии в секту**.

V.

Теперь мы можем ответить на вопрос, возможно ли об'единение действующих за границей соц.-дем. организаций, а если—да, то в каких границах?

Мы, конечно, не могли в одной статье нашего журнала исчерпать **все** пункты разногласий как выступившие уже более или менее определенно, так и еще не определившиеся, но могущие развиться с ходом движения из незаметных пока зародышей. В частности мы в этой статье не могли противопоставить наш взгляд на дальнейшее развитие научного социализма тому, охотно называющему себя «ортодоксальному», взгляду, который, **повидимому**, господствует в Заре и Искре, хотя, разумеется, и их редакторы, как все марксисты, стоят за дальнейшую работу над тем, что пока составляет только фундамент и общие контуры здания научного социализма. Не могли мы тут формулировать и нашего отношения к тенденциям развития западно-европейского социалист. движения и к разногласиям в его среде—отношения, которое, повидимому, в некоторой мере расходится со взглядами Искры и Зари (поскольку последние успели высказаться на этот счет).

Мы имеем в виду в особенности склонность И. и З. пророчить разрыв между «Горой» и «Жирондой» [72]) международной социал-демократии (Заря, заметка Плеханова о международном конгрессе, стр. 231 и передовица Искры № 2). Нам вообще разговор о Горе и Жиронде в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером **марксиста**: «Гора» и «Жиронда» представляли не разные **темпераменты** или **умственные течения**, как это может казаться историкам-идеологам, а **разные классы** или **слои**—среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом—с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, **во всех** своих разновидностях, включая и самых от'явленных бернштейнианцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение *).

Не говорили мы, наконец, и о разнице в оценке экономической борьбы как средства вовлечения массы в политическую борьбу: Искра и Заря, очевидно, недооценивают это средство ни в прошлом, ни в настоящем, или, во всяком случае, придают ему меньше значения, чем мы.

*) Впрочем, о нашем отношении к современным тенденциям развития западно-европ. социал-демократии дает некоторое понятие статья о парижском международном конгрессе 1900 г. (Раб. Дело № 8), с которой можно сопоставить заметку Плеханова в Заре о том же конгрессе.

Но нам думается, что мы наметили разногласия наиболее существенные с точки зрения задач, доступных и обязательных для заграничных с.-д. организаций. А наша попытка проследить детальные разногласия до их общего корня, делает излишним анализ каждого из них в отдельности. Правда, общий корень разногласий лежит, **быть может,** еще глубже, чем то указано нами: разногласие по вопросу об основах тактики, в свою очередь, быть может, вытекает из различного понимания марксизма вообще (выражаемся условно, потому что пока Заря и Искра не дают нам возможности сделать на этот счет определенные заключения). Но, повторяем, с точки зрения деятельности заграничных организаций наиболее существенны намеченные выше разногласия.

К тому же во всех разногласиях дело идет в сущности об **оттенках,** а не о разнородных взглядах, о различиях в **степени,** а не в **типе.** Даже по основному пункту разногласий мы нашли в самих Заре и Искре противоположные друг другу мнения.

С другой стороны, у нас с Зарей и Искрой не только общая почва марксизма и программных принципов, но мы сходимся с ними во взглядах на практические задачи русской социал-демократии в данный момент, хотя мы и пришли к этим взглядам другим путем, чем Заря и Искра—путем органического соединения принципиальных соображений и практического опыта нашего движения, подготовившего современные задачи в процессе своего роста. Среди социал-демократов не может быть теперь спора не только о главной и ближайшей практической цели, которая состоит в вовлечении рабочей массы в активную политическую борьбу с лозунгом демократической конституции, но и о ведущих к этой цели важнейших средствах.

Поэтому мы считаем об'единение заграничных соц.-дем. организаций возможным, а стало быть, и необходимым—об'единение в тех пределах, какие намечены в начале этой статьи.

Рост всякого соц.-дем. движения неизбежно сопровождается разногласиями, которые—в пределах, разумеется, общей принципиальной почвы—могут лишь способствовать дальнейшему здоровому росту партии, если только они не ведут к организационному разрыву, если идейная борьба разных мнений находит место и простор в рамках одной общей организации. Секрет беспримерного роста германской социал-демократии лежит в значительной степени именно в сохранении партийного единства при свободной борьбе мнений, при полной свободе критики. В то же время ни одна рабочая партия в мире не стоит так высоко в теоретическом отношении, как германская социал-демократия. Свобода критики таким образом идет на пользу и практическому и теоретическому росту партии. Она гарантирует ее от окостенения, неизбежного наказания за насильственное зашнуровывание мысли во имя плохо понятой принципиальности и дисциплины. Важно—**единство в действиях,** но единство не казарменное, не результат внешней муштровки, а результат свободной гармонии стремящихся к одной цели сил,—словом **единство партии, а не единство секты.** Образцом такого единства является германская социал-демократия.

Диаметрально противоположным типом партийного развития является в этом отношении французский социализм. Тут каждое мало-мальски важное разногласие вело к организационному разрыву. Каждый оттенок строил свою собственную организацию, в которую и замыкался, как улитка в скорлупу. От этого разногласия чем дальше, все расширялись и углублялись; но, раздуваемые искусственно и осложненные организационными раздорами, они вели не к облагораживающей и развивающей борьбе мнений, а к разлагающему кулачному бою полемики. Другою не менее вредною стороною этого развития является отсутствие всякой критики, догматическое окостенение внутри каждой из организаций—ведь несогласномыслящие постоянно и неизбежно разрывали с данной организацией или вынуждались к этому... Стоит только сравнить теперешнее состояние французского и германского социализма, чтобы оценить весь вред нетерпимости для развития социал-демократии.

Наша молодая партия стоит теперь, быть может, на перекрестке, от которого идут две различные дороги развития: германская и французская. Мы предпочитаем первую и ее предпочтут вместе с нами все социал-демократы, которые из-за мнимых интересов доктрины не забывают интересов борьбы. И мы уверены, что ее предпочтут вместе с нами Искра и Заря, жизненная и революционная десница которых в конце-концов должна пересилить их доктринерскую шуйцу.

Конечно, партия—это не клуб любителей дискуссии, а боевая организация, требующая дисциплины в действиях. Но, повторяем, в **социал-демократической** партии всего менее уместна дисциплина казармы или религиозное послушание секты. Обязательны для каждого члена партии только решения **большинства** и эти решения могут и должны явиться только результатом свободной борьбы мнений на общей почве партийных принципов.

«Об'единение революционеров **не составляет необходимого условия их успеха»**, пишет Плеханов в Заре (стр. 231) по поводу единодушного призыва к единению, обращенного вождями международной социал-демократии к французским социалистам (на первом заседании междунар. конгресса 1900 г.). «Необходимым условием успешной борьбы пролетариата является об'единение всех его сил», читаем мы в Искре (№ 6, письмо из Франции). Мы, конечно, согласны в этом случае с Искрой, а не с Зарей. Да, об'единение пролетариата **необходимо** для его успешной борьбы. Для прочного же об'единения необходима свобода критики, свободная и товарищеская борьба мнений в рамках общего миросозерцания и общих программно-тактических взглядов.

Об'единение социал-демократов, понимаемое в **этом** смысле, явится к тому же первым этапом к **об'единению всех русских революционеров-социалистов**—об'единению, которое станет тем возможнее, чем более усилится русская социал-демократия, чем дальше она будет от секты и чем ближе она будет к партии.

ОТВЕТ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕГО ДЕЛА» НА «ПИСЬМО» П. АКСЕЛЬРОДА [73]) и «Vademecum» [74]) Г. ПЛЕХАНОВА.

(Перепечатано с изд. 1900 г. «Союза русских соц.-дем.», 1900 г.).

Мы покончили с ответом на Ваши ясно формулированные упреки или обвинения. Но нам остается еще сказать несколько слов по поводу некоторых, рассыпанных в вашем «письме», замечаний, которые также могут в той или иной мере подать повод к ложным представлениям во вред реорганизованному Союзу.

Вы вообще сводите «бывшую оппозицию», инициативе которой Союз обязан своей реорганизацией, к принципиальным разногласиям. А между тем Вы прекрасно знаете, что оппозиция возникла и окрепла, **главным образом**, хотя и не исключительно, на почве **организационной**. До какой степени **оргарнизационные** разногласия между «молодыми» и «старыми» в действительности преобладали, видно уже из одного того, что программа «Раб. Дела», этот первый самостоятельный шаг реорганизованного Союза, не вызывает никакой критики с Вашей стороны. Кроме того, Вам, как всем, живущим за границей, более или менее активным русским социал-демократам, хорошо известно, что оппозиция против «старого» Союза, точнее говоря, против Гр. «Ос. Тр.», появилась еще тогда, когда ни о каких антиполитических течениях и вообще ни о каких серьезных принципиальных разногласиях не могло быть и речи. «Бывшая оппозиция», которую Вы имеете в виду, есть по хронологическому порядку третья или даже четвертая за последние десять лет. Она явилась счастливым возрождением оппозиции 1888 года, оппозиции на с'ездах 1893 года, которые вместо желательного об'единения привели к полному раз'единению тогдашних «молодых» от «старых» [75]), наконец, оппозиции группы, издававшей «Социал-демократическую библиотеку» (1893—95 г. г.) [76]). И, как все ее предшественницы, «бывшая оппозиция» теперешних членов «молодого Союза» возникла, главным образом, на **организационной** почве, добиваясь более активного и равноправного участия молодых сил в литературных и других делах Союза, добиваясь

реорганизации Союза на демократических началах с целью лучшего удовлетворения запросов русского рабочего движения, в особенности его **все более и более растущих запросов на популярную литературу для рабочей массы.**

Та или иная оценка важности популярной литературы, степень внимания и количество сил, которые должны быть ей уделяемы,—этот вопрос вызвал, по нашему, основанном на фактической истории Союза, мнению, важнейшее тактическое разногласие между «старыми» и всеми поколениями «молодых», всеми бывшими оппозициями. К этому присоединялись в той или иной степени разногласия, касавшиеся сравнительно второстепенных вопросов программно-тактического свойства.

Не место и не время распространяться об этого рода разногласиях.

Укажем только на то, что эти разногласия ничего общего не имеют с «антиполитическим течением», что они остаются в рамках основных, общих «старым» и «молодым», принципиальных взглядов.

Так, например, мы вместе со многими, если не со всеми «более молодыми» товарищами, в том числе и такими, которые «попали за границу» сравнительно давно, вовсе не разделяем некоторых Ваших взглядов, высказанных в брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» (Женева, 1898) [77]. Вы сами хорошо знаете, что именно эта брошюра послужила главным поводом к проявлению тактических разногласий «более молодых товарищей» с группой «Освобожд. Труда» за границей, а мы, кроме того, знаем, что и со стороны наших российских товарищей она встретила далеко не одобрительный прием.

Не разделяем мы, например Вашей **мотивировки** политической борьбы, мотивировки, которая, впрочем, вытекает из программы группы «Освобождение Труда»:

> «Политическая организация рабочих мотивируется здесь (в программе группы «Освобождение Труда») **не самодовлеющими интересами пролетариата и не отдаленными целями социализма** (курсив наш), а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших общедемократических целей русского революционного движения, для обеспечения революционерам успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса вообще, т. е. и крестьянских масс, и городских рабочих»». («К вопросу о современных задачах», стр. 9).

Ничуть не отрицая необходимости для русской социал-демократии бороться за интересы **всех** трудящихся (мы напираем на эту мысль в программе) «Раб. Дела», ничуть не отрицая также тесной связи между политическими задачами социал-демократии и «общедемократическими целями» (эта связь подчеркнута в нашей программе),—мы, однако, мотивируем необходимость политической борьбы, прежде всего, **именно** «самодовлеющими интересами пролетариата» и затем «отдаленными целями социализма».

> «Жизненные интересы рабочего класса ведут его к политической борьбе. Потребности чисто экономической борьбы принуждают рабочих выставлять политические требования и бороться за политическую свободу . . . . («Программа «Раб. Дела», стр. 3). И далее: «Рассматривая экономическую и политическую борьбу рабочих, как две формы, как два неразрывных средства одной великой освободительной борьбы рабочего класса России и других стран, мы считаем эту борьбу единственным путем к окончательной победе международного пролетариата,—к полному экономическому и политическому освобождению трудящегося народа и введению социалистического строя» (Там же, стр. 5).

Мы можем с удовольствием отметить, что наша мотивировка политической борьбы существенно совпадает с мотивировкой, изложенною в Манифесте Российской Социал-демократической Рабочей Партии. Мы читаем в Манифесте:

> «Он (русский рабочий класс) совершенно лишен того, чем свободно и спокойно пользуются его заграничные товарищи: участия в управлении государством, свободы устного и печатного слова, свободы союзов и собраний—словом, всех тех орудий и средств, которыми западно-европейский и амери-

канский пролетариат **улучшает свое положение и вместе с тем борется за свое конечное освобождение** (курсив наш)—против частной собственности, за социализм. Политическая свобода нужна русскому пролетариату, как чистый воздух нужен для здорового дыхания. Она—**основное условие его свободного развития и успешной борьбы за частичные улучшения и конечное освобождение»** (курсив наш. «Листок Работника» № 8, июль 1898 г.).

Вы видите, что в Манифесте, как и в программе «Рабоч. Дела», политическая борьба мотивируется именно «самодовлеющими интересами пролетариата и отдаленными целями социализма».

Не разделяем мы также ни Ваших надежд на оппозицию «образованных слоев представителей частного землевладения против самодержавного строя государства» («К вопросу», стр. 15), т. е. на конституционные вожделения наших доморощенных аграриев, ни Ваших представлений об «огромной революционной силе», таящейся будто бы в наших земских собраниях и городских думах,—представлений до того оптимистических, что Вы, хотя и «с известными оговорками», заявляете, что «зачаточные элементы конституционной жизни в современной России непосредственно (Ред. «Р. Д») заключают в себе больше революционного духа, чем развитые конституционные формы на Западе...» («К вопросу», стр. 22). Мы так же далеки от Ваших надежд на политическую оппозицию помещиков, как и от высказанных товарищем Плехановым (в начале 90-х годов) противоположных надежд на политическую оппозицию промышленной буржуазии.

Наконец, и это главное, перспективное, так сказать, отношение между низвержением абсолютизма и непосредственными, повседневными задачами рабочего движения представляется нам в совершенно ином виде, чем группе «Освобождение Труда». В программе этой группы, изданной в 1885 г., мы читаем:

«Поэтому, борьба против него (абсолютизма) обязательна даже для тех рабочих кружков, которые представляют собой теперь зачатки будущей русской рабочей партии. **Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей»** (курсив наш. Цитируем по приложению «К вопросу», стр. 32).

По нашему же мнению, которое мы считаем и гораздо более соответствующим действительной силе русских рабочих организаций как ныне, так и в ближайшем будущем (а тем более в 1885 г.), и вполне основанным на опыте западно-европейского и молодого русского **массового** движения,—по нашему мнению, низвержение абсолютизма не **может быть «первой** политической задачей рабочих кружков». Рабочим кружкам вообще недоступны политические задачи в действительном, **практическом** смысле этого слова, т. е. в смысле целесообразной и успешной **практической борьбы** за политические требования *). Политические задачи в этом смысле доступны только рабочему движению, принявшему более или менее **массовый** характер, переросшему стадию кружковщины. Поэтому-то, между прочим, программа «Рабочего Дела» и ставит во главу угла «возникшее за последние годы **массовое рабочее движение»**. Но и этому массовому движению, по тактическим соображениям, невозможно ставить «**первой**» политической задачей низвержение абсолютизма. Его первой политической задачей практически может быть только борьба за **ближайшие политические требования**, каковы:

«Свобода союзов, стачек, собраний, слова, печати и неприкосновенности личности. Эти полические права служат необходимым условием дальнейшего всестороннего развития рабочего движения. Они так же нужны российскому пролетариату в его освободительной борьбе, как свет и воздух. Борьба рабочего класса за эти права составляет ближайшее содержание его борьбы с царским самодержавием, которая поведет к завоеванию полной политической свободы с равноправным участием всего народа в государственном управле-

*) Смешивать же теоретическую пропаганду необходимости политической борьбы в кружковой период движения с практической борьбой за определенные политические требования «есть тьма охотников,—мы не из их числа».

нии, т. е. к завоеванию демократической конституции» (Программа «Раб. Дела», стр. 3).

Итак, низвержение абсолютизма является для нас результатом процесса непосредственной, практической борьбы за ближайшие политические требования. Низвержение абсолютизма и завоевание политической свободы есть главнейшая из ближайших **исторических** задач **классового** рабочего движения в России: «Лишь в борьбе за интересы и права **всех** трудящихся против **всех** форм экономического, политического и религиозного гнета, российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса» (Программа «Р. Д.», стр. 8).

Верные своей основной тактической точке зрения, согласно которой «возникшее за последние годы **массовое** рабочее движение» должно, «главным образом, определять задачи и характер литературной деятельности Союза»,—мы внимательно следим за всеми проявлениями этого массового движения и ставим на первый план интересы его дальнейшего роста, количественного и качественного, т. е. его расширения и его перехода в сознательное, **классовое** движение. А эти интересы и диктуют нам тактический взгляд, согласно которому **первой**, т. е. непосредственной **практической**, политической задачей русского рабочего движения в настоящее время может и должна быть борьба за ближайшие политические права, необходимые «российскому пролетариату в его освободительной борьбе, как свет и воздух». Такая постановка политического вопроса отличается большим соответствием русской действительности, непосредственной доступностью силам и пониманию вовлеченной в борьбу рабочей **массы**, а потому она несравненно лучше, чем приведенный взгляд группы «Освобождение Труда», обеспечивает дальнейшее политическое развитие пролетариата и вместе с тем **ускоряет** наступление последнего фазиса политической борьбы—низвержения абсолютизма и завоевания демократической конституции.

Впрочем, в своем «Письме» Вы, как сказано, не спорите против программы «Раб. Дела»; не спорите Вы в частности и против нашей постановки политического вопроса. Но мы все-таки не решаемся истолковать Ваше молчание в данном вопросе, как знак согласия, так как в брошюре «К вопросу», вышедшей в 1898 г., Вы целиком отстаиваете точку зрения группы «Освобождение Труда», изложенной в ее программном проекте 1885 г. Раз Вы не изменили своих взглядов на данный тактический вопрос после 13-летнего промежутка, несмотря на резкую перемену в положении русской социал-демократии, вызванную массовым рабочим движением последних лет,—мы тем не менее вправе ожидать изменения Ваших взглядов на полуторагодовой промежуток, отделяющий Вашу брошюру «К вопросу» от Вашего «Письма».

Мы ограничиваемся этими краткими замечаниями, необходимыми и вместе с тем достаточными для выяснения истинного характера бывшей оппозиции и целей реорганизованного Союза.

Наш теперешний «Ответ» является актом самозащиты. Мы были вынуждены, считали своим нравственным долгом перед российскими товарищами выяснить раз навсегда истинное положение дел, рассеять подозрения и обвинения, возбуждаемые против реорганизованного, «молодого» Союза. Но и такого рода полемику с ближайшими товарищами мы считаем глубоко печальным и вредным для успеха общего дела явлением. Поэтому в дальнейшем, если бы тяжелая необходимость снова заставила нас прибегнуть к такой самообороне, мы будем ограничиваться лишь самыми необходимыми опровержениями для восстановления истины. Издаваемая нами литература сама по себе, лучше и полнее всяких пространных комментариев, характеризует общее направление и деятельность реорганизованного Союза, его усилия выполнить, по мере наличных сил и средств, намеченные им цели: «удовлетворять своею литературною деятельностью насущным потребностям рабочего движения в России».

ПОСЛЕСЛОВИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «РАБОЧЕГО ДЕЛА» К ПРОТЕСТУ РОССИЙСКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ [78]).

(«Раб. Дело» № 4—5, 1899 г.).

Мы от души приветствуем этот решительный протест наших российских товарищей против воззрений, изложенных в «Credo», этой попытки извратить действительный характер социал-демократического движения на Западе и в России. Но мы теперь твердо убеждены, что этот «символ веры» представляет собой не больше, как мнение единоличных лиц, отражает лишь идейную путаницу в головах его авторов. Подобные взгляды свидетельствуют только об отсутствии научного понимания и революционно-политического такта у этих «молодых стариков».

Авторы «Credo» обнаруживают печальное непонимание политических задач рабочего движения, игнорируя неразрывную связь экономической и политической борьбы рабочего класса, особенно в такой стране, как Россия, и ложно оценивая соотношение между борьбой рабочих за ближайшие интересы и конечною целью социал-демократического движения.

В России, где каждая стачка, кассы, собрания и организации рабочих—всякий шаг рабочего класса на пути сознательной и организованной деятельности—является государственным или уголовным преступлением, где в силу этого борьба за ближайшие экономические требования неизбежно ведет к борьбе с правительством за политические права, во имя жизненных интересов рабочего класса, в самодержавной России говорить, что у нас «возможна» исключительно экономическая борьба, а «разговоры о самостоятельной рабочей политической партии суть ничто иное, как продукт переноса чужих задач» на русскую почву—говорить это значит впадать в коренное заблуждение относительно характера и целей русского социал-демократического движения.

Утверждать, что «конституции 1848 года были завоеваны буржуазией и мелким мещанством» и «почти всюду на Западе рабочий класс, как класс, не завоевал демократических учреждений,—он ими пользовался», можно лишь, не имея надлежащего понятия ни о роли западно-европейского пролетариата в революциях, ни о той грандиозной, непрерывной борьбе социал-демократии за политические права и свободу рабочего народа, которая велась с момента возникновения и теперь ведется рабочими партиями всех стран.

Наши российские товарищи привели целый ряд доказательств, что рабочее движение в России всегда ставило главнейшей из своих ближайших задач завоевание политической свободы и что «исход» для русских социал-демократов заключается не в «участии в либерально-оппозиционной деятельности», а в создании единой самостоятельной рабочей партии для экономической и политической борьбы. Мы напомним еще в доказательство того же положения факты самого последнего времени: программные брошюры—«Современная Россия» [79]), «Задачи русской социал-демократии» и «Рабочее дело в России», изданные Союзом в последние 2 года и написанные практиками рабочего движения в самой России. Наконец, возьмите изданные местными комитетами Российской социал-демократической партии майские прокламации нынешнего года (рассчитанные на **широкую массу** рабочих) и вы увидите целый ряд ближайших **политических** требований, начиная с установления **законом** 10-часового рабочего дня и кончая требованием гласного суда присяжных по делам о стачках, отмены административных высылок и произвольных арестов без суда, права устраивать кассы, свободы стачек, собраний и союзов.

И после этого «молодые старики» хотят уверить нас, что девиз рабочего движения есть исключительно «борьба за экономическое положение» и что борьба русской социал-демократии, как самостоятельной рабочей партии, за политическую свободу есть «перенесение чужих задач».

Поэтому опасение товарища П. Б. Аксельрода [80]), высказанное им как первая из «возможных перспектив», ни в 1897 году не имело, по нашему мнению, ни теперь не имеет серьезного основания в действительном ходе русского рабочегод вижения.

После широкого стачечного движения второй половины 90-х годов, грандиозной борьбы (1896—97 г.г.) петербургских ткачей и победы рабочих над правительством—вынужденного законодательного сокращения рабочего дня в России—трудно было думать, что «рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями и само по себе не имеет политического характера». Основательность мрачных опасений товарища Аксельрода не доказывается, по нашему мнению, и простой «возможностью появления» такой «программы», как вышенапечатанное «Credo». Такие «программы», вернее—личные фантазии политических младенцев хотя бы и солидного возраста) появлялись раньше и будут появляться впредь, пока российская социал-демократия не достигнет единства взглядов на основные задачи рабочего движения в России выработкой определенной программы и тактики партии. Тогда все будут знать настоящую цену «программам» в роде «Credo», лишь тогда сделается невозможным политическое самозванство отдельных лиц и маленьких групп, выдающих плоды своего «шатания мысли» за выражения действительного характера рабочего движения или за «символы веры» новых течений в русской социал-демократии.

Поэтому мы от всей души поддерживаем призыв наших российских товарищей ко всем социал-демократам «приложить все усилия к окончательному укреплению партии, к выработке программы партии, к возобновлению ея официального органа». Мы обещаем российским товарищам, с своей стороны, сделать все от нас зависящее для содействия возможно скорому решению этих насущнейших ближайших задач социал-демократического рабочего движения в России.

В заключение мы с удовольствием присоединяемся к важному предложению наших российских товарищей, чтобы «все группы социал-демократов и все рабочие кружки в России обсудили выше приведенное «Credo» и направленную против него резолюцию, и просим членов организаций принятые ими **решения**, а также отдельные статьи по вопросам сациал-демократической программы и тактики высылать нам для немедленного опубликования в «Рабочем Деле», органе Союза Русских социал-демократов. Всестороннее обсуждение этих вопросов в печати есть лучшее средство против разных «шатаний мысли».

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБОСНОВАНИЯ «ТЕОРИИ СТАДИЙ».

(Из брошюры В. Акимова (Махновца)—«Очерк развития соц.-дем. в России», 1906 г.).

ПРЕДИСЛОВИЕ.

... Я делаю попытку изложить события нашей революционной жизни, как процесс развития социал-демократической партии в России, потому что только с этой точки зрения, на мой взгляд, могут быть верно поняты и оценены и факты прошлого, и наше настоящее, и задачи ближайшего будущего.

По мере того как стихийно возникшее движение среди рабочих приводило передовые слои русского пролетариата к сознанию своих все более и более широких интересов, изменялись все приемы борьбы и формы организации русской социал-демократии, стремившейся, согласно своим принципам, быть лишь сознательной выразительницей этого стихийного движения.

Первоначально движение слабо проявлялось на поверхности общественной жизни, не было массовым. Сознательным идеологам пролетариата оставалось лишь самим готовиться для будущей борьбы и заниматься подготовкой отдельных рабочих, чтобы создать кадры сознательных социал-демократов для того момента, когда в них будет нуждаться массовое движение. Это был период культивирования отдельных личностей в кружках, стадия кружковщины.

Потом, когда стихийное недовольство масс их экономическим положением привело их в движение, социал-демократы быстро изменили свою тактику и сумели стать вожаками пролетариата в этой его борьбе. Это была стадия экономизма.

Далее, когда эта борьба развилась, рабочие увидели, что они лишены элементарных общественных прав, которые бы могли облегчить им их экономическую борьбу и сделать ее продуктивною. Таким образом, от сознания своих материальных интересов пролетариат—в процессе борьбы—пришел к сознанию правовых. Социал-демократия являлась передовым отрядом пролетариата и в эту стадию,—стадию общественно-правовой борьбы рабочего класса, которая получила название «так называемого экономизма».

К началу 1901 года движение в разных концах России стало принимать единообразный характер; борьба с правительством за права личной и общественной свободы поставила перед пролетариатом задачу борьбы **против** правительства, задачу борьбы за право участия во власти, политической борьбы. Эта была стадия «искризма».

Я считаю «искризм» только стадией в развитии нашего движения. Будущее нашей партии представляется мне синтезом, на котором политические и организационные задачи социал-демократии, поставленные движением в стадии искризма, будут разрешены на основе тенденций предыдущей стадии.

Материалы, которые мне удалось собрать, очень не велики и отрывочны. Думается, однако, что они могут быть полезны для товарищей, потому что наша литература в этом отношении очень бедна. Материалы эти я изложил с точки зрения «теории стадий», много раз поруганной и осмеянной «Искрою».

Три центра рабочего движения в России представляются особенно типичными, характерными и наиболее явственно прошедшими в своем развитии все стадии его: Вильна, Петербург, Киев. Последующие главы поэтому посвящены каждому из этих центров, и для каждого из них я описываю его стадии: кружковщины, экономизма и так называемого экономизма.

Каждая стадия развития социал-демократии была несомненным шагом вперед. Про нашу партию можно сказать словами одного французского историка великой революции: «колесница истории подвигается все вперед среди тысячей препятствий; здесь она опрокидывает того, кто хотел ее остановить, там—того, кто еще вчера, казалось, хорошо правил ею, но кто сегодня плохо справился со своею задачей. Она все движется вперед».

ВИЛЬНО.

В августе 1897 года в Варшаве появился первый номер газеты Arbeiterstimme [81]). Это было настолько неожиданным для варшавских еврейских социал-демократов, что они нашли нужным немедленно запросить виленских товарищей, откуда это издание и как относиться к его издателям. Оказалось, что группа рабочих на свой риск и страх предприняла издание «политического» органа, не дождавшись исполнения своих желаний от организации революционеров *).

Несправедливо винить революционную соц.-демократическую интеллигенцию, будто она шла в хвосте стихийного рабочего движения: как только появлялись первые признаки того, что рабочий класс, подготовленный предыдущим движением, способен понять призыв к борьбе за более широкие интересы, интеллигенция тотчас же расширяла свою агитацию, выставляла новые требования и таким образом все время шла впереди движения.

Но еще более несправедливо утверждать будто-бы рабочий класс сам неспособен дойти до правильного и широкого понимания своих классовых идеалов—социализма. Конечно, нельзя сказать про рабочий класс, в его целом, что он сознательно идет к социалистическим идеалам. Но еврейское рабочее движение под знаменем социал-демократии быстро, органически развивалось; в нем стихийно вы-

*) Впрочем, это не было первой попыткой издавать листки, затрагивающие новые, более широкие, чем в прокламациях, вопросы. В Вильне выходили бюллетени, в которых сообщались факты из общественной жизни России; в Минске, еще в конце 96 г., вышло несколько номеров «Минского Листка». Но очевидно, что этого типа издания не соответствовали вопросам движения в то время. Как только одна из таких попыток показала, что положение дела изменилось, она была энергично поддержана.

двигались запросы, все более и более приближающие его к идеалам сознательных социалистов. Идеологам пролетариата оставалось только сократить муки родов нового мировоззрения пропагандой, обличениями и руководством массовой борьбы. Подобно тому, как на картине «Марсельеза» мощная и вдохновенная фигура аллегорической женщины является вождем народных масс, но отдельные лица из увлекаемой ею толпы опережают ее самое, предугадывая в своем стихийном порыве тот ближайший шаг, который она сделает на сознательно ею выбранном пути—подобно этому отдельные рабочие, усвоив идеалы своих учителей, опережали их в своем нетерпеливом стремлении осуществить на деле свои мечты.

В предыдущей стадии движения—экономической агитации (92—95 г.г.)—так точно как и в первой стадии—кружковщины—тактика революционеров, сослужив движению огромную службу, однако, не вполне достигла своей цели: сделать сознательное меньшинство, идеологов рабочего класса, выразителями стихийного пролетарского движения. Что же нового в этом отношении внесла стадия, о которой идет речь в настоящей главе?

Рабочие уже не удовлетворялись ни программою, ни организацией, созданной для них революционерами.

Программа, выставляемая в это время социал-демократами перед рабочими, не обличала **всех** сторон существующего общества и не защищала всех интересов, уже начинавших проникать в сознание рабочих масс: еврейские рабочие живо возмущались своим национальным и гражданским бесправием; им стали нужны права стачек, собраний, свободы слова и неприкосновенность личности; это называлось политическими правами; революционеры должны были теперь формулировать новые, более широкие запросы массы, должны были руководить ее борьбою за эти интересы. Они поняли свои обязанности и взяли на себя издание политической газеты **Arbeiterstimme.**

Старая организация революционеров тоже не удовлетворяла массовому характеру рабочего движения своим заговорщицким типом.

Основой организации являлись тайные кассы. Кассами руководили представители их, собиравшиеся на сходки вместе с интеллигентами. Сходки носили политический характер: здесь обсуждались общие вопросы, обменивались книги из тайной библиотеки, назначались кружки для пропагандистов, приносилась нелегальная литература для распространения по кассам.

Но члены этих сходок, хотя и считались представителями касс, но не избирались кассами, а привлекались «сверху» в качестве «лучших людей».

Участники касс подмечали, что движением руководит какой-то центральный кружок, неизвестный для них. Это вызвало желание проникнуть туда, узнать его и влиять на ход дел в этой высшей инстанции. Масса оказалась достаточно подготовленной, чтобы вмешаться в решения своих дел; с другой стороны, количество самих дел стало настолько значительным, что их не могла вести группа революционеров, законспирированная от массы.

Поэтому создается выборная центральная касса; функция ее—помогать людьми и деньгами во время стачечной борьбы и руководить ею, издавать прокламации, сноситься с разными городами для предупреждения штрейкбрехерства.

Но если для «массовых людей»—членов касс—была до тех пор тайною организация пропагандистов, то и для «своих людей»—посетителей сходок—был неизвестен кружок интеллигентов, посещавших эти сходки и бывших душою всей революционной деятельности в Западном крае. Уже с 1895 г. социал-демократические организации начали распространяться на многие города, и Вильна явилась естественным центром, благодаря личным связям вилинского кружка и благодаря распространению из Вильны нелегальной литературы, главным образом, гектографированной. Хотя в этот кружок и входили рабочие, но они привлекались опять-таки «сверху», тайно от их товарищей, посетителей сходок. Эта конспиративная организация продолжала свое существование еще и позже.

Таковы черты третьего фазиса движения, протекшего между 95-м и 97-м годами. Под влиянием нескольких лет организованной экономической борьбы в сознание широких слоев раб. класса проникает мысль о необходимости общественных прав—личной и гражданской свободы. Проявление этого сознания революционеры сначала считают случайным явлением и, желая не уходить от широких слоев пролетариата, не сразу решаются выйти за пределы чисто экономической агитации, но под влиянием растущих запросов со стороны массы, выставляют требование общественных прав, не касаясь вопроса о том, осуществимы-ли они при самодержавии, или нет. Движение настолько разрастается, что старая организация должна уступить место широко демократической. Но в виду того, что рабочее движение все еще не восприняло всех задач революционеров—именно: оно еще не доросло до политических задач—революционная организация продолжает существовать на ряду, совместно с рабочей, не отождествляясь с нею.

Таким образом, общий характер этих двух учреждений Бунда [82])—центральных комитетов и местных комитетов—и их взаимные отношения рисуются в следующем виде:

1. Центральнный комитет Бунда принял форму самостоятельного органа, вооруженного всеми выработанным и всемирным опытом средствами воздействия на жизнь партии, которой он руководит.

2. Местные комитеты являются автономными организациями, ведущими совершенно самостоятельно всю партийную работу в пределах района их деятельности.

3. Взаимное отношение между центральным комитетом и местным комитетом есть кооперация, в которой ни один из этих двух органов Бунда не может подавить другой.

И действительно.

I. Центральный комитет Бунда наделен огромными правами. По уставу Бунда центральный комитет имеет право исключить из местного комитета отдельного члена по собственному свему усмотрению и точно также назначить туда нового члена; местные комитеты обязаны представлять регулярные отчеты центральному комитету об их деятельности, об их планах; члены центрального комитета могут во всякое время являться и входить во все организации местного комитета. При таких условиях центральный комитет имеет фактическую возможность быть в курсе дела местного комитета и проявлять там свое эффективное влияние. Он указывает общие цели Бунда, которым должен служить и не может противодействовать местный комитет в отдельных актах своей деятельности. Обращение центрального комитета с прокламациями к самым широким кругам Бунда обеспечивает за ним непосредственное влияние на массы, а передача в его руки центрального органа создает ему могучее средство морального воздействия на местных деятелей. По сравнению с различными учреждениями в международной социал-демократии, полномочия центрального комитета Бунда чрезвычайно велики.

II. Местные комитеты могут выпускать без всякого на то специального разрешения какие им угодно местные издания; все решения, принимаемые местным комитетом, ни в каких утверждениях не нуждаются; местный комитет сам вырабатывает устав своей организации и регламент своей деятельности; фактически, конечно, выработался единообразный тип местной организации, но он для местного комитета не обязателен, местный комитет сам кооптирует себе новых членов: если бы местный комитет заметил, что центральный комитет вводит в его состав нового члена для того, чтобы провести свои нежелательные для местного комитета тенденции, он имеет возможность принять в свой состав еще одного члена с желательными для себя взглядами и таким образом парализовать усилие центрального комитета; распускать местные комитеты центральный комитет не уполномочен и никогда такого прецедента не было.

III. Если в местных делах возникает конфликт между центральным комитетом и одним из местных комитетов,—поскольку акты местной деятельности являются проявлением партийной работы—он должен быть улажен путем взаимных

уступок, как это делается в парламентах верхнею и нижнею палатами. В делах же общепартийных центральный комитет действует совершенно самостоятельно указанными в уставе способами, и тогда местные комитеты являются простыми исполнителями его воли.

„Во время моих расспросов товарищей из Бунда мне не могли привести примеров когда-бы пререкания между центральным комитетом и местным комитетом привели к подчинению последнего первому. В Белостоке, напр., во время стачки ткачей Белостокский комитет составил прокламацию, которая очень не понравилась центральному комитету, и он отказался ее напечатать в своей типографии, но Белостокский комитет все-таки ее издал. Центральный комитет об'явил, что он ее резко раскритикует в «Arbeiterstimme», но, насколько мне известно, и этого не сделал. Лодзинский комитет передал в центральный комитет для напечатания один из №№ «Freisqlok». Центральный комитет признал его очень неудачным и рекомендовал его переделать, особенно передовицу. Лодзинский комитет не соглашался и послал номер для печатания за границу. Таким образом, и здесь центральный комитет не счел уместным своею властью заставить местный комитет уступить. Характерно, что заграничный комитет тоже нашел передовицу очень неудачной и переделал ее, хотя и не имел на это никакого права; однако, Лодзинский комитет не протестовал против этого.

«Вообще говоря—говорил мне товарищ из центрального комитета Бунда—центральный комитет «рекомендует», «предлагает» свои мнения местному комитету. Юридически ему не дано право приказывать, но фактически его слушают. Я не знаю даже, можно ли сказать, что центральный комитет не вмешивается в дело местного комитета. Мне известен такой случай, когда центральный комитет, обсудив в своей коллегии деятельность одного местного комитета, принял решение, что в этом городе следует провести ряд реформ; центральный комитет указал их местному комитету, и все они были проведены. Местные комитеты имеют право начать издавать, без особого на то согласия центрального комитета, свой орган, но они не предпринимают такого важного дела без согласия центрального комитета. Одно время очень многие местные комитеты завели свои органы. Центральный комитет был против этого и находил нужным сократить число их; он достиг своей цели: теперь нет ни одного местного органа, но ни один из них не был прекращен насильно. Характернее всего именно то, что у нас не поднимается вопроса о «правах» в отношениях между центральным комитетом и местными комитетами. **Конечно, никакой приказ со стороны центрального комитета не был бы возможен.** Центральный комитет имеет право вводить новых членов в местный комитет, но если бы местный комитет был против кандидата центрального комитета, то, **конечно,** центральный комитет не ввел бы такого нового члена в местный комитет, потому что мы знаем, что дружная работа в местном комитете возможна только при взаимном уважении всех членов его. Наш основной принцип—ведение дела по взаимному доверию и в силу морального влияния».

Последние слова товарища, мне кажется, уже являются формулой, которая, выражая фактическое положение дела, может стать и нормой организационных отношений.

Постараюсь теперь нарисовать в общих чертах тот аппарат, при помощи которого действует Бунд на местах.

Местных комитетов у Бунда четырнадцать: в Варшаве, Лодзи, Белостоке, Гродне, Вильне, Двинске, Ковне, Витебске, Минске, Гомеле, Могилеве, Бердичеве, Житомире и Риге; кроме того, на положении комитетов находятся междугородние союзы щетинщиков и кожевников [83]). Там, где еврейское рабочее движение еще не достаточно развито и не пустило ее глубоких корней, организации Бунда не носят названия комитетов и не пользуются их правами. Такие организации существуют в Пинске, Седлецах, Петрокове, Плоцке, Брест-Литовске, Вилькомире, Прилуках, Режице, Киеве, Одессе, Бобруйске и в бесчисленном ряде местечек.

В тех городах, где имеется комитет, создаются организации следующих типов: I—Фаховые сходки, II—Революционные группы, III—Пропагандистские сходки, IV—Интеллигентск. сходки, V—Интеллигентские дискуссии и VI—Агитаторские сходки

I. Фаховая сходка имеет целью вести деятельность Бунда в том или ином ремесле. В ней бывает обыкновенно от 5 до 10 человек, и таких сходок в городе существует несколько, иногда до десятка. Члены их назначаются «сверху», точно также представитель сходки, через посредство которого сходка ведет свои сношения с комитетом, не избирается ею, а назначается агитаторскою сходкой. Собрания сходки устраиваются регулярно, периодически. Сходка обсуждает и изучает все вопросы, относящиеся к ее ремеслу (напр., о посредничестве, об учениках, о положении дел на фабриках); сходке сообщает комитет о предполагаемых манифестациях, через нее созывает рабочих на массовые собрания; члены фаховой сходки подыскивают новых людей для кружков пропаганды, раздают литературу и собирают деньги; на фаховую сходку приходит представитель сходки агитаторов и пропагандист, «руководитель» сходки, который должен быть не только образованным, но и очень опытным и практичным человеком. В нескольких мелких и близких между собою ремеслах работу ведет одна фаховая сходка. В сумме в фаховых сходках Бунда повидимому участвуют около 2.000 рабочих; они входят также и в другие организации, но, как кажется, именно фаховые сходки должны быть признаны основною единицею всей сети организаций; они развились исторически из стачечных касс начала 90-х годов и постепенно взяли на себя функции социал-демократической организации, действующей среди рабочих данного ремесла. Это—будущие синдикаты, и им придется рано или поздно дать право кооптации к себе новых членов и право выбора своих представителей в «агитаторскую сходку». Бунд считает, что число рабочих, группирующихся и поддающихся его влиянию через посредство фаховых сходок, может быть принято за тридцать тысяч.

II. Революционные группы включают в себя наиболее интеллигентных рабочих и носят дискуссионный характер; здесь обсуждаются различные теоретические и программные вопросы; число членов бывает обыкновенно больше 15, иногда до 30; работами группы руководит представитель от комитета, члены же группы назначаются сходкою агитаторов; в городе таких групп может быть несколько, и состав их бывает довольно текучим. Этот тип организации был признан желательным пятой конференцией Бунда [84]), «в период ломки», когда у Бунда была тенденция—на мой взгляд, соответствовавшая периоду искризма в русском движении—перестроить базис своей организации, покоившейся на «экономических» организациях рабочих, ремесленных кассах. Интерфаховая сходка «сознательных социал-демократов» была тогда противопоставлена «профессиональной организации рабочих». Но пролетарский характер еврейского движения был уже настолько развит, что созданные вновь организации не уничтожили фаховых сходок, а явились к ним в высшей степени важным дополнением. Подобно кружкам саморазвития, эти группы состоят из рабочих приблизительно одного уровня развития, и фаховый рабочий, переходя из группы в группу, проходит как бы целый курс, целую школу.

III. Пропагандистская сходка обсуждает вопросы о ведении пропаганды. В нее входят пропагандисты и, следовательно, по преимуществу интеллигенты. Такая сходка имеется одна в каждом городе, и в ней бывает редко менее 8, чаще около 12 человек. Сходка вырабатывает программу и систему занятий в кружках, готовит рефераты по отдельным вопросам, подготовляет и посылает в кружки пропагандистов. Фаховые сходки составляют списки лиц, которых надо поместить в кружки саморазвития, и прилагают характеристику развития этих лиц. Пропагандистская сходка размещает этих лиц по своим кружкам.

IV. Интеллигентская сходка заведует работой среди интеллигенции. В некоторых крупных городах она имеет огромное значение; на ней присутствует член комитета. Сходка ведет пропаганду среди интеллигентной молодежи, распространяет литературу, собирает деньги, устраивает группы для оказания комитету конспиративных услуг.

V. Интеллигентские дискуссии содействуют изучению теоретических вопросов и целям самообразования лиц, которые желают подготовиться для работ в разных организациях.

VI. Агитаторская сходка об'единяет работу всех организаций среди рабочих. Развившись из центральной сходки представителей ремесленных касс, но подвергнувшись влиянию идеи, желавшей сгруппировать в организациях лишь профессиональных революционеров, она в настоящее время едва-ли представляет собою вполне сложившийся тип главнейшей местной организации. Еще недавно сходки эти были довольно многочисленными; в них принимали участие тридцать, сорок и более человек. По словам товарищей, в последние два года—после пятой конференции—эти сходки проявили тенденцию концентрироваться, ограничить свой состав; но тогда они потеряли бы свое прежнее значение выразителей настроения широких кругов Бунда. Поэтому комитетам приходится в вопросах особо важных созывать сходку агитаторов, которые шире «агитаторской сходки»,—фактическое положение дела начинает противоречить юридическим формам и тем обнаруживает ошибочность тенденций «периода ломки». Так было, напр., в вопросе о резолюциях по поводу выхода Бунда из партии: в «Последних Известиях» [85]) сообщалось о целом ряде сходок агитаторов в разных городах из 40, 50 и даже 60 человек *). Агитаторская сходка должна быть компетентною в делах всех фаховых сходок, этих ячеек Бунда: прежде это достигалось тем, что ее члены были представителями ремесленных касс; в настоящее время новые члены сходки принимаются путем кооптации и сама сходка заботится о том, чтобы сосредоточить в себе все лучшие революционные силы. Это не дает тех гарантий для достижения цели, как выборное представительство фаховых сходок. Новые члены принимаются простым большинством голосов, т. е. демократическим способом. Сходка выбирает местный комитет. Иногда избираются непосредственно сходкою тайной подачей голосов три члена комитета, из которых один об'является представителем; его имя сообщается сходке, и через него комитет ведет свои сношения со сходкою; иногда же сходка избирает особую комиссию для назначения комитета; но и в этом случае один из членов комитета об'является всем. Последний случай превращения местной организации Бунда в комитет был зимою 1902—1903 г. в Риге. Комитет был там не назначен центральным комитетом, а выбран местной организацией. Были случаи, напр., в Двинске, Гомеле, когда комитет, неугодный сходке, был насильственно смещен и заменен другим; это не вызвало протеста ни с чьей стороны.

Таким образом, право местных агитаторских сходок избирать свой комитет существует несомненно. Но агитаторские сходки редко пользуются этим правом потому, что комитет избирается бессрочно и, по мере ареста отдельных его членов, пополняется кооптацией **). Пока работа Бунда идет спокойно, это не вызывает никаких неудобств. Но с «усложнением жизни», с возникновением внутри Бунда новаторских течений, это даст себя почувствовать. Необходимо открыть доступ в комитет возникающим течениям; для этого необходимо, чтобы члены комитетов избирались на определенный срок.

Отношения между сходкою и комитетом не регламентированы точно. Но то обстоятельство, что комитет может проявлять свое влияние на массу лишь через посредство агитаторской сходки и ведет со сходкою свои дела чрез выбранного ею товарища, как кажется, обеспечивает сходке достаточную фактическую зависимость комитета от сходки.

Комитет поэтому является как бы ответственным министерством агитаторской сходки.

---

*) Всего в этих сходках приняли участие более 2.500 человек.

**) Примечание ко 2-му изданию. Летом нынешнего 1905 года я побывал в Лодзи, Варшаве и Гродно и убедился, что избирательное право агитаторских сходок окончательно утрачено.

* * *

ПЕТЕРБУРГ.

Девиз был найден. Начался в Петергурге период экономической агитации. И агитаторы, получавшие отклики, когда они обличали существующий политический и общественный строй, увидели, что не только рабочие, с которыми они имели дело, но и широкие слои рабочего класса, к которым не было непосредственного доступа, дружно и смело откликнулись на их призыв к борьбе экономической. Таким образом, здесь повторилось то самое, что раньше случилось и в Вильне.

«Я приехал в Петербург, рассказывал мне еще один товарищ К., в январе 95 года, вскоре после того, как там была выпущена первая прокламация по поводу стачки у Семянникова *). Все ждали с нетерпением и волнением ее результатов: агитация посредством прокламаций была делом совсем новым и трудно было предвидеть, к чему приведет этот опыт».

Опыт оказался очень удачным. Между тем брожение среди рабочих все росло. На масленице произошла стачка в Порту, затем забастовка на бумагопрядильне Воронина; осенью заволновались у Торнтона.

«Последний месяц» (ноябрь 1895 года) «был полон событиями в нашей жизни, читаем мы в прокламации «Союза Борьбы»**). Трижды поднимались в течение месяца петербургские рабочие против хозяйских притеснений, трижды пытались борьбой добиться лучших условий жизни. Первыми встали ткачи на суконной фабрике Торнтона. Все, вероятно, знают, как круто пришлось в последнее время ткачам сукна, как благодаря страшному падению заработной платы они обнищали и разорились. Долго подготовлямое недовольство вспыхнуло, и ткачи восстали против нового понижения платы. Почти в то же время произошли беспорядки на табачной фабрике Лаферм. Тут точно также долго испытывали терпение работниц, пуская вход самые мошеннические приемы, чтобы урвать несколько грошей из голодной платы... Терпению настал конец, и работницы задали таки страху товариществу Лаферм, разгромив всю фабрику и избив ненавистного приказчика. Третий случай был на фабрике товарищества механического производства обуви. Это богатейшее товарищество, не довольствуясь законным грабежом и притеснениями, пе стесняется донимать рабочих самыми противозаконными средствами; 40 рабочих в отдельной мастерской устроили стачку, требуя отмены строгой браковки, и так как они, бросив работу, вызвали остановку всей фабрики, то хозяева уступили после трехдневной стачки».

«Первые встали ткачи Торнтона». И «Союз Борьбы» тотчас же применил свою новую тактику [86]).

«После целого ряда собраний в течение нескольких месяцев»—пишет т. Петербуржец [87])—и после горячего спора представителей группы рабочих района Невской заставы с представителями от группы интеллигентов, «было решено начать применять новую тактику массовой агитации на основании насущных потребностей рабочих той или иной фабрики. Агитация должна была вестись путем печатания и разбрасывания по фабрикам листовок с изложением положения рабочих той или иной фабрики и с их требованиями определенных перемен. Листки с изложением положения дел и требований торнтоновских рабочих были разбросаны по мастерским корпусам фабрики и произвели огромное впечатление на рабочих» (стр. 19).

---

*) «На скорую руку была изготовлена агитационная брошюрка в виде тетради с изложением положения рабочих на Семянниковском заводе. Прочитанная на собрании нескольких рабочих, она была напечатана с помощью гектографа и распространена по заводу; хотя и не особенно удачно. Этот новый прием социал-демократов, хотя еще пока в виде отдельного случая, обратил на себя внимание рабочих».—Петербуржец, стр. 14.

**) Прокламация относится, повидимому, к декабрю 95 г. Даты на ней нет. Озаглавлена: «Ко всем петербургским рабочим». Подпись: «Союз Борьбы за освобождение рабочего класса»—так назвала себя в это время группа петербургских социал-демократов.

На ряду с «Союзом Борьбы» в это время работала в Петербурге группа «молодых». Она возникла отдельно не потому, чтобы у нее были принципиальные разногласия со старой группой, а единственно в силу условий работы. Рабочих кружков было мало, увеличить их число было делом нелегким, и поэтому даже старые члены первой группы не все были заняты. Некоторым приходилось ждать очереди. Между тем среди студентов было уже довольно много социал-демократов, желавших вести революционную работу, и так как «старики» не давали им ее, они ее искали сами.

«Я познакомился случайно с одним рабочим осенью 94 г.—говорил мне один из «молодых» [88]), и начал с ним ходить к другим рабочим. Я пытался устроить кружок, но это не удалось, больше трех раз никто из рабочих не приходил на беседы».

Дело «молодых» наладилось только летом 95 года, когда, вследствие от'езда на каникулы «старых», кружковые рабочие прибегли к помощи «молодых». Скоро обе группы «старых» и «молодых» встретились в рабочих кружках. Старики во всем выступали, как люди руководящиеся сложившимися правилами; «молодые», наоборот, пытались чисто опытным путем выработать новую тактику, которая позволила бы им стать выразителями и руководителями рабочих. Поэтому и прокламации «молодых»*) не нравились «старым».

Летом 95 года, по поводу стачки в Порту, «молодые» составили прокламацию ко всем петербургским рабочим, начинавшуюся словами: «Рабочие! на Галерном островке стачка». В ней развивалась мысль, что все рабочие должны поддержать сборами товарищей в Порту, потому что победа на Галерном островке будет победой рабочего класса. Указывалось на необходимость организации рабочих для борьбы с капиталистами. Обрисовав тяжелое положение рабочих и указав на организованность промышленников, прокламация оканчивалась так: «на синдикаты предпринимателей мы ответим своими синдикатами».

Рукопись была передана для напечатания на мимиографе «старикам», но те нашли ее неудачной: «Эта прокламация переведена из «Vorvärts'a—ответили они—и не применима к русским условиям. Прокламации надо писать по поводу конкретных событий и условий работы, а о синдикатах в России еще нечего говорить» **). «Молодые», однако, отпечатали ее на гектографе, переписав рукою, и она имела большой успех, хотя была изготовлена только в 70 экземплярах.

В другой прокламации на шпалерной фабрике,***) хотя и говорится только о местных делах, но указывается, что «наш фабрикант служит нам наглядным примером отношения капиталистов к рабочим». Далее говорилось «Мы должны выставить на первый раз такие требования, добиться которых мы сумеем; мы должны испытать свои силы. Стачка не принесет нам золотых гор, но она укрепит в нас чувство единодушия и теснее соединит нас для борьбы с врагом».

Эта прокламация была тоже признана «стариками» неудачной: «Вы обливаете холодной водою надежды рабочих, призывая их к стачке».

И в организационных вопросах происходили споры. В ноябре 95 г. у «молодых» составился кружок модельщиков. Модельщики являются самым интеллигентными рабочими; они все знают друг друга и рассеяны по всем механическим заводам. Поэтому, при помощи организации модельщиков можно было получить доступ на все заводы. Но «старики» находили тип профессиональной организации рабочих буржуазным.

Однако, «молодые» постепенно освоились с тактикой чисто экономической агитации, их прокламации в ноябре 95 года к рабочим Путиловского завода были уже чисто экономическими. В это время представлялось возможным об'единить обе группы, если бы не недоверие «Союза» к одному из молодых, Н. Н. Михайлову, впоследствии, действительно, оказавшемуся провокатором.

---

*) Прокламации этой группы выходили без всякой подписи.

**) Подлинника этой прокламации у меня нет; я записал все вышеприведенное со слов ее автора, товарища М.

***) Она имелась в архиве Союза.

* * *

Предполагалось издавать два органа: Рабочую Мысль для широких кругов рабочих и Рабочее Знамя с ярко политической окраской для передового слоя. Центральную организацию предполагалось составить так: 2 члена от Союза (фактически группы Б), 2 от Рабочего Знамени с группой А, 2 от Рабочей Мысли и 1 от «стариков».

Таким образом, Союз в лице своих «молодых» членов явился снова носителем идеи демократического об'единения. Формула, выработанная как раз в это время (октябрь 98 г.) заграничным союзом и гласившая, что в нашей деятельности мы должны «считаться с уровнем развития отдельных слоев пролетариата», была осенью 98 г. и в Петербурге ясно сознанным положением, вокруг которого велась об'единительная политика и работа молодого Союза.

Старики отстаивали за собою право бесконтрольного решения и заведывания всеми делами Союза. «Молодые», группы А и Б [89]) выставили в борьбе со стариками «демократические принципы организации» (именно этот термин и употреблялся), ответственность центральной группы перед всеми членами организации, подконтрольность, выборное начало, участие в центральной группе активных членов, имеющих связи с рабочими группами и, следовательно, могущих хоть с каким-нибудь правом представлять рабочее движение; ставилось целью при росте сил ввести в центральную группу самих рабочих. Со стороны рабочих борьба велась всю осень и кончилась победой молодых.

Рабочее Знамя достигло в это время своего наибольшего влияния, особенно благодаря примыкавшей к нему группы А. Под его влиянием были кружки у Паля и Максвелля на Путиловском заводе, на Обуховском. Под его влиянием была организована также и стачка у Максвелля.

Прокламации появились также у Паля (группы А), на чугунноплавильном заводе Гольдберга, у Чешера, у Воронина (гр. Б). План об'единения всех групп был окончательно намечен на собрании 10 декабря. При переговорах Союз (гр. Б) стоял за полное слияние всех групп в единую организацию Союза Борьбы—Комитет Партии, тогда как Рабочее Знамя и Рабочая Мысль тянули к полной автономии частей, к федерации. Союз рассматривал соглашение, как внутреннюю реформу ведения общего дела, как прогрессивное развитие тех же организаций, и считал, что при этих условиях излишне самостоятельное существование Рабочей Мысли и Рабочего Знамени. Та работа, которую выполняет Рабочая Мысль—газета петербургских рабочих, и та, которую выполняет Рабочее Знамя, являются лишь необходимыми функциями одной местной организации, без них она не может правильно функционировать. С другой стороны, существование самостоятельных организаций (Рабочая Мысль и Рабочее Знамя) ведет неумолимо к необходимости заняться каждой из них разнообразной местною деятельностью, и это должно привести к существованию в Петербурге трех взаимно исключающих и борющихся между собою групп, к усилению программных и тактических разногласий. Разногласия по ряду вопросов существовали, но они, как разные течения, могли и должны были ужиться в единой организации. Только при таком взгляде на свою об'единительную деятельность и демократический принцип организации Союз мог пытаться об'единить Рабочую Мысль и Рабочее Знамя. Но в ночь с 14 на 15 декабря произошел новый разгром, унесший Рабочее Знамя [90]). К концу декабря все же произошло соглашение, но уже без Рабочего Знамени. Рабочая Мысль стала издаваться, как орган комитета, к ней примкнуло много интеллигентных сил. Был составлен конспект статьи о Максвелле, но передовица № 5, написанная за границей, не имела ничего общего с конспектом, очень не понравилась, и номер целый месяц не распространялся, хотя и был доставлен в Петербург.

Рабочая Мысль, как самостоятельная группа в Петербурге, перестала существовать после соглашения. Новые члены, тяготевшие к Рабочей Мысли, входили прямо в Союз. «Союз Борьбы—Комитет Партии» сделался, таким образом, единствен-

ной организацией в Петербурге, об'единив все группы (Рабочее Знамя не вошло вследствие провала) и все социал-демократические силы: к нему присоединился ряд одиночек с прочными связями в рабочей среде, приток средств увеличился.

В январе об'единенная декабрьским соглашением организация «Союз Борьбы—Комитет Партии» выработала план майской кампании. Решено издать большие вопросные листы для агитаторов и два маленьких специальных для железоделательных рабочих и для ткачей с тем, чтобы собрав сведения, выпустить до мая целую серию листков на разные заводы; затем в апреле предполагалось издать два общих листка к механическим рабочим и к ткачам и, наконец, к первому мая общую прокламацию, которая должна была подвести итоги работы за год и, как аккорд. об'единить призывы отдельных листков и вызвать общую стачку 1-го мая.

* * *

Начало нового периода отмечено тем, что Союз нашел нужным выставить в прокламациях требование общественных прав: свободы стачек, собраний, слова, печати, неприкосновенность личности. Требованием Союз считал то, что может быть поддержано силою. Поэтому было бесполезно выставлять «требования» заведомо неосуществимые; такие требования являются только пожеланиями. Свои желания мы, конечно, должны пропагандировать; требованиями же должны выставлять те желания, вести борьбу за которые уже имеются силы и средства. Агитация есть призыв к борьбе. Прокламации—заявления требований и руководство борьбой. Поэтому можно и должно в наших изданиях пропагандировать наше желание всеобщего. равного, тайного избирательного права; не бесполезно и неуместно выставлять это желание в прокламации, как требование, когда заведомо известно, что рабочие ничего не предпримут, чтобы отстоять это требование. и когда организация сама не указывает никаких средств для достижения этого желания. Так полагал Союз.

* * *

Еще в гораздо большей степени это относится к периоду 1897—1900 годов. В целях улучшить постановку дела пропаганды Союз приступил осенью 98 г. к выработке «Программы Самообразования», которая, подобно тому как «Вопросы» в агитации, систематизировала бы и об'единила бы всю работу при пропаганде. Опыт предыдущих лет показал, что чем длиннее и подробнее составлялись курсы занятий, лекций, тем менее они достигали цели. Форма лекций вообще неудовлетворяла рабочих: полицейские условия Петербурга позволяют периодически собираться только маленьким группам, состав которых к тому же меняется; деятельность революционера слишком коротка, с провалом пропагандиста исчезает и его опыт, преемственность пропаганды нарушается. Составляя «Программу Самообразования», Союз стремился сделать пропаганду делом коллективным, собрав накопленный индивидуальный опыт в программу и разрабатывая ее. Кроме того, принимая во внимание рост достижения, постоянно обгонявший приток интеллигентных сил, и очень ограниченную область воздействия пропагандиста в маленьких кружках, Союз хотел передать дело пропаганды в руки самих рабочих, их самодеятельности. Союз надеялся при помощи программы помочь рабочим заняться самообразованием, не заставляя их ожидать решения каждого вопроса от пропагандиста, и тем дать возможность более интеллигентным рабочим систематически воздействовать на менее развитых. Это в свою очередь должно было освободить силы пропагандистов для другой насущной задачи—для устройства несистематических лекций и бесед на злобу дня и по отдельным вопросам пропаганды и тактики. Эту последнюю задачу только через несколько лет удалось осуществить петербургским товарищам: в 1901 году «Рабочая Организация», издавая серию пропагандистских листков «Вопросы русской жизни» и «Письма про наши порядки», сделала первый опыт вести печатную пропаганду систематически.

Характер программы прежде всего, и главным образом, определялся потребностью подготовлять сознательных социал-демократов. Было решено не уходить

далеко от современной жизни, не начинать с вопросов мироздания, теории Дарвина, первобытной культуры, как это было в обычае прежде, а начать прямо с общей яркой характеристики классов и социальных групп современного общества и его основных противоречий. Сразу ставился вопрос: «Кто чем живет?» Ответ давался сначала в самых общих чертах, в описаниях современной эксплоатации трудящихся и указания идеала социализма. Далее были поставлены следующие вопросы: происхождение капиталистического строя, экономическая эволюция и социальная диференциация Европы, смена политических форм со времени великой революции, соцально-политические движения в Европе, экономическое состояние России и ее политический строй, революционное движение в России, международная социал-демократия, социал-демократическая программа. Детальное изучение Эрфуртской программы при помощи книжки Каутского было указано, как итог этого краткого курса самообразования.

Текст программы составлялся в виде конспекта. По каждому вопросу в выносках указывалась литература легальная и нелегальная, расположенная в порядке от простого к сложному по форме изложения и распределенная на три части; таким образом, взяв первую часть, мы получим библиотечку и об'ясняющий, руководящий текст для мало культурных слоев рабочих, вторую—для средних, третью—для более сознательных. Эти библиотечки с программой самообразования давали возможность подойти с пропагандой ко всем слоям рабочих со всею социал-демократическою программою, изменяя лишь степень популярности, доступности изложения.

Так как имевшаяся литература легальная и нелегальная была слишком бедна, то предполагалось издать серию маленьких брошюрок по разным вопросам пропаганды. К составлению брошюр и дальнейшей разработке программы Союз старался привлечь товарищей в ссылке и за границей, а также легальных литераторов для издательства легальных брошюрок. Планы были широкие. Они были, пожалуй, слишком широкие и, во всяком случае, как они были далеки от отрицания значения теории, беззастенчиво навязанного «так называемому экономизму» социал-демократами, не помнящими родства.

Для обработки программы была поставлена особая группа, привлечено несколько лиц, не принадлежавших к Союзу, не могших своими литературными силами и опытом помочь делу. Союз обратился за содействием к нескольким комитетам... Волна студенческого движения и весенние массовые аресты оборвали эту работу. Она не исполнена и до сих пор.

Итак, вот те практические цели, которые ставил себе молодой Союз периода 98—99 года: 1) об'единение всех социал-демократических групп и сил Петербурга в единую организацию «Союз Борьбы—Комитет Партии» на почве разделения функций и демократического принципа организации. 2) Усиление и систематизация агитации: «Вопросы» и серия листков. 3) Усиление и систематизация пропаганды: «Программа Самообразования» и серия брошюр. 4) Орган для широких слоев рабочих—Рабочая Мысль. 5) Орган для передовых рабочих—Рабочее Знамя. 6) Первого мая всеобщая стачка в Петербурге.

Перехожу к краткой характеристике группы «Рабочая Мысль»; краткой—потому, что поэтому вопросу имеется в нашей литературе специальная работа тов. Петербуржца. Оригинальной характерной чертой гр. «Рабочая Мысль» было ее сознательное стремление сделать свою газету лишь отражением мысли петербургских рабочих. «Рабочая Мысль будет отражать жизнь рабочих в ее настоящем свете, будет способствовать пробуждению в них интереса к окружающему, выражая их нужды и клеймя словами презрения и насмешки нашу опричнину». Так заканчивалась передовая статья первого номера, указывавшая цель издателей газеты.

Десятки лет русские социалисты пытались разбудить мысль рабочего. Проснулась эта мысль. И со времени Халтурина [91]) она пыталась вырваться, вылиться в речь, проявиться в рабочей газете. Долго, долго не удавалось ей это в тисках самодержавного политического строя. Наконец, в двух концах России, в Вильне и в Петербурге, в один и тот же год рабочим удалось создать свои газеты: «Ра-

бочий Голос» и «Рабочую Мысль». Еврейские интеллегенты—социал-демократы—подхватили **голос рабочего**, поддержали, сделали громким, сильным и славным. Но как раз ортодоксальное течение «революционных» социал-демократов осмеяло, осудило **Петербургскую рабочую мысль!**—Да, она таки действительно была неученою, не гибкою, не тонкою мыслью! Тем более радостно, что все же нашлись в Петербурге социал-демократы, «экономисты», которые поддержали ее, отдались ей на служение! Зачтутся им за это все их невольные ошибки, которые делали они при этом на их трудном пути *).

В предыдущем, третьем периоде (1897—1900) четыре группы одна за другой занимали первенствующую роль в Петербурге: Союз Борьбы, Рабочая Мысль, Рабочая Знамя, Группа 20-ти. И если во второй период, 94—97 т., замечается тенденция об'единения социал-демократических сил в единый Союз Борьбы, то третий период 97—900 года, наоборот, характезируется дроблением организаций. Второй период так ясен и прост, он весь кажется на ладони; третий—представляет целую мозаику мелких фактов, целую сеть отдельных эпизодов, которые я старался указать, но память не удерживает всей их пестроты, мысль затрудняется уловить их взаимную связь. Поэтому, второй период представляется чем то светлым, третий—чем то запутанным, и хочется, чтобы новый период был похож на второй, а не на третий. И все же третий период был прогрессом, а не регрессом по отношению ко второму. Конечно, если бы уже в то время единая организация могла быть достаточно сильной, прочной и компентентной, чтобы ответить на разносторонние вопросы уже развитого, осложнившегося петербургского рабочего движения—это было бы лучше всего. Но частые погромы выхватывали ежегодно десятки лиц и не позволяли молодым политическим деятелям вооружиться опытом, развить разносторонний взгляд и ответить на запросы как самых неподготовительных слоев, так и тех, среди которых начал формироваться революционный навык. Эти задачи выполняли отдельные группы. Оставалось только, чтобы эти группы поняли, что они выполняют отдельные задачи социал-демократии, и проявили стремление к соединению. Этого требовала сама логика вещей. Это завещали новому периоду прошлые годы.

Но так как тенденция ни одной из существовавших в Петербурге организаций, выполнявших специальные функции социал-демократии, не могли и не должны были исчезнуть, то это об'единение могло произойти единственно лишь на основе демократичсских организационных принципов, обеспечивающих каждому течению возможность развивать свои тенденции. Эти организационные принципы, защищавшиеся в третьем периоде Союзом Борьбы, были выдвинуты и защищались в новой стадии движения «Рабочей Организацией»; но она была побеждена вновь возникшим течением «Искры».

Почему?

> «Развитие рабочего движения под знаменем социал-демократии делало для рабочих все более ощутительною потребность в политических правах. А так как эти права стоят по существу в противоречии с самодержавным режимом, то в сознании рабочей массы низвержение самодержавия становилось непосредственной конкретной задачей борьбы. Таким образом, низвержение самодержавия, которое всегда было программною задачею русской социал-демократии, выдвинутою всем ходом русской истории и завещанною прежним революционным движением, теперь перешло из области социал-демократической пропаганды в область непосредственной революционной борьбы»**).

Повсюду в России к этому времени социал-демократическое движение выдвинуло на очередь ту свою задачу, которая могла быть решена единственно лишь

*) Позже, через несколько лет воронежские рабочие написали письмо к комитетам по вопросу об организации второго с'езда. Искра высмеяла его, как «безграмотное». «Да мы действительно не имели времени достаточно учиться грамоте», ответили ей воронежские рабочие.

**) Инструкции для редакции «Рабочего Дела», сентябрь, 1901 г.

об'единенными усилиями всего пролетариата России, задачу низвержения самодержавия. Особенное влияние, поэтому, приобрела группа «Искры», подхватившая эти выдвинутые третьим периодом задачи и сделавшая своим лозунгом об'единение партии и борьбу с самодержавием.

Но рабочее движние в России хотя уже было достаточно развито для того, чтобы социал-демократия могла поставить на очередь эту свою задачу, однако, оно оказалось еще слишком мало развитым для того, чтобы эта задача могла быть без уклонения в радикализм правильно с пролетарской точки зрения разрешена. Принцип организации и тактика группы Искры были упрощенными, заговорщицкими; они годились средней интеллигентской социал-демократической группе в России, но не могли ответить на запросы развитого движения русских рабочих таких передовых центров, как Петербург или Екатеринослав, так же, как и еврейского пролетариата в Польше и Литве Поэтому, между тенденциями «Искры» и тенденциями чисто пролетарских организаций, как Бунд, Петербургская Рабочая Организация, «Старая» Екатеринославская Организация [92]) и их теоретический выразитель—Заграничный Союз, началась долгая борьба. Бунд, как самая сильная пролетарская организация в России, отстоял свои тенденции, хотя ему и пришлось для этого порвать с партией. Он дождется пятой стадии нашего развития, когда русское движение подымется до той высоты, на которой стоит теперь движение еврейских рабочих; тогда справедливые требования Бунда будут удовлетворены нашей партией. Петербургская же «Рабочая Организация», не успевшая развиться и окрепнуть, как Бунд, не выдержала этой борьбы: социал-демократическая интеллигенция, за весьма немногими исключениями, перешла на сторону воззрений Искры, близких ей в силу тех исторических условий, при которых возникла Искра и которые я отметил в предисловии; передовое петербургское рабочее движение осталось без интеллигенции. И так точно, как петербургская, были разрушены рабочие организации в Киеве, Екатеринославе и других городах, а тогда должен был пасть, как надстройка, лишенная фундамента, и выразитель их тенденций, заграничный «Союз Русских Социал-демократов».

Я не решаюсь приступить теперь же к описанию полной драматизма борьбы между искровской «организацией профессиональных революционеров» и «Рабочей Организацией» в Петербурге: время это еще слишком недавнее, документы, к нему относящиеся, еще так мало преданы гласности, еще так трудно отделаться от субъективного чувства горечи и досады, которое вызывают события нашей партийной жизни в Петербурге. Но уже можно и должно указать на тот несчастный для социал-демократии факт, что и в Петербурге не нашлось интеллигентных сил, которые могли бы стать во главе его пролетарского движения. День за днем интеллигентные служители Рабочей Организации покидали ее, не имея достаточно твердости, мужества и сознания, чтобы удержаться на той высоте, на которую их поставило высоко-развитое пролетарское движение Петербурга. Интеллигенты социал-демократы—«середняки»—не в силах были противостоять среднему интеллигентскому течению этой стадии развития социал-демократического движения в России: одни поддались влиянию радикализма, так сильно окрасившего Искру, другие сознательно отступили в борьбе за демократические тенденции ради идеи об'единения партии*).

*) «Российская социал-демократия» (периода Искры. В. А.) «является продуктом революционного движения интеллигенции искавшей во имя социализма опору в народных массах, чтобы—об'ективно говоря—разрешить буржуазно-революционную задачу». П. Аксельрод. Искра № 68. «Мы имели бы» (если бы исполнился план Искры. В. А.) «революционную политическую организацию демократической буржуазии, ведущую за собой в качестве боевой армии рабочие массы России. А для завершения своей злой иронии история, пожалуй, поставила бы нам во главе этой буржуазно-революционой организации» (т. е. искровской. В. А.) «не просто социал-демократа, а самого, что ни на есть ортодоксального (по его происхождению) марксиста». Аксельрод. Искра № 57, стр. 4, стобл. 3.

КИЕВ.

Но всего характернее отчет о Николаевском движении, написанный в 1900 г. К этому времени в Николаеве рабочее движение находилось на стадии, которую переживало оно в Киеве в конце 96 года, в Москве в начале 96 года, в Иваново-Вознесенске в конце 95 года, в Петербурге в начале 95 года и в Вильне в конце 93 года, т. е. переходило от пропаганды к агитации на почве мелких нужд и потребностей, доступных пониманию совершенно невоспитанного в политическом отношении рабочего. Но автор Николаевского отчета, повидимому, целиком поглощенный местной работой и, очевидно, совершенно незнакомый с развитым уже движением более передовых центров, возводит в теорию приемы местной работы, говорит о вреде организации и даже концентрации материальных средств стачечного фонда, о невозможности обращаться к рабочему иначе, как по поводу «злободневных интересов». Эта проповедь политической умеренности подкупает, однако, своей искренностью и наивностью и об'ясняется вполне не только молодостью хроникера, но и молодостью самого движения в Николаеве. В это время, как я покажу ниже, деятели «третьего периода» уже вели горячую агитацию за организационное об'единение партии и за выработку методов массовой политической борьбы. Но товарищи, стоявшие еще на более ранних стадиях развития, не могшие посмотреть на тактику своей деятельности лишь как на стадию развития движения, долженствующую привести к постановке на очередь иных, более широких задач партии, товарищи, бывшие бессознательными, инстинктивными сторонниками тактики третьего периода, не только не откликнулись на призыв к об'единению сил и к политической борьбе, но они даже не слышали его. Недостаточно иметь уши, чтобы слышать. Когда же развитие движения подняло их, они стали способны услышать этот призыв и даже откликнулись на него. И тогда им показалось, что группа Искры сказала новое слово. Что они присоединились к Искре, это было **для них** большим шагом вперед. Но то, что они не могли миновать стадию искризма, «четвертого периода», не могли перескочить в стадию, когда организационная и политическая задачи партии будут разрешены на основе тех пролетарских тенденций, которые характеризовали «третий период», это только подтверждает непреоборимую силу, с которою подчиняла себе каждая стадия движения даже так называемых интеллигентов. Движение развивалось стадиями; оно не могло развиваться иначе; сознательные социал-демократы, кругозор которых—благодаря индивидуальным условиям их политического воспитания—был достаточно широк, **должны** были считаться с этим и сознательно вести движение этим путем; тогда переход от одной стадии к другой был бы быстрым и безболезненным. Если бы я попал теперь в Турцию, где нет социал-демократического движения, я не примкнул бы к «младотуркам», ведущим политическую борьбу. Я стал бы устраивать «кружки» рабочих. И когда в кружках я воспитал бы хоть несколько десятков турецких товарищей, я бы стал убеждать их перейти к массовой агитации на почве экономических интересов рабочего класса... После этого «младотурки» проявили бы такую энергию, как в настоящее время русские земцы, и мы бы общими силами разделались с Абдул Гамидом [93]).

С 97 годом оканчивается в Киеве второй период развития движения, период экономической агитации, когда в агитации, т. е. «в призывах к действию», т. е. в прокламациях выставлялись исключительно одни только экономические требования. Ошибочно думать, что в это время не велась антиправительственная деятельность. Наоборот: сознательно и намеренно, планомерно воспитывалась масса рабочего класса для классовой, т. е. политической борьбы. Киевские товарищи пользовались каждым случаем, чтобы раз'яснить рабочим истинную природу самодержавия, чтобы зародить ненависть к нему, чтобы разбудить в рабочих чувство собственного достоинства и классового сознания. Как близоруки те, кто теперь, когда агитация экономистов оказалась вполне целесообразной, насмехаются над кропотливою и потому «скучною» работою первых шагов. А тогдашние работники революционного дела терпеливо сознавали эту кропотливость. «Так вот, понемногу и помаленьку киевские рабочие

научаются бороться со своими притеснителями».... говорится в одной прокламации в нолбре 96 года по поводу стачки одиннадцати рабочих в их борьбе за **тринадцатичасовой** рабочий день. И как веет от этих слов тоскливым сознанием медленности работы и прямо таки геройским терпением. «Хоть это будет и небольшая победа, продолжает прокламация, но в начале нашей борьбы мы дорожим и маленькими победами. Первый шаг всегда труден». Товарищи эти, конечно, не предчувствовали, что через несколько лет прийдет Нарцисс Тупорылов [94]) и станет издеваться над этими их словами.

Целый ряд прокламаций выпущен был по поводу специальных «экономических требований у Графа (ноябрь 96 г.), ко всем киевским рабочим по поводу стачки в мастерских о-ва пароходства по Днепру (январь 97 г.), на заводе Шиманского (29 апреля 97 г.), на табачной фабрике Эгиза (май 97 г.), на мебельной фабрике Кимаера (май 97 г.), на корсетной фабрике Дюртуа (май 97 г.), в слесарной мастерской Кримаера (20 июля 97 г.), к работницам папиросной фабрики (5 июля 97 г.). на машиностроительном заводе Греттера и Криванека (май 97 г.), к рабочим городской железной дороги (3 ноября 97 г.), на машиностроительный Днепровский завод (декабрь 97 г.), машиностроительный завод Зарембских (декабрь 97 г.) и, вероятно, другие, которых я не имею.

Это показывает, какую широкую деятельность позволила развить социал-демократам их новая тактика; но кроме этих прокламаций, выпущенных специально по поводу экономических интересов, были и другие. Однажды мастер ударил рабочего в мастерских железной дороги. 28 августа по этому поводу была выпущена прекрасная прокламация. В клубе мастер велел выйти из буфета рабочему-музыканту и, когда тот не послушался, побил его. Прокламация от 9 июля призывает рабочих защищать свое достоинство и выясняет всю гнусность этого поступка, она написана горячо и сильно.

Еще более ошибочно, будто «экономисты» не касались вопроса о правительстве. Напротив, они прямо писали о том, что оно—враг рабочих, но по смыслу всех прокламаций этого периода выходило, что надо бороться с капиталистами, несмотря на поддержку их правительством, и не говорилось о борьбе с самим правительством.

Майская прокламация кончалась общим выражением: «Да здравствует 1-е мая—всемирный праздник рабочих! Да здравствует борьба за свободу и счастье».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Я очень далек от мысли, что только один факт передачи комитетов в руки рабочих исцелит нашу партию от всех зол, но изменение организационных принципов поведет за собою неизбежно—сознают ли это люди, становящиеся на «новый путь», или не сознают—к пересмотру всего миросозерцания *). Организационные споры, которые теперь разделяют «большинство» и «меньшинство» нашей партии, будут разрешены, я в этом глубоко убежден, на основе тех организационных принципов, которые защищал Союз и его течение, но тогда не должно и не может остаться мировоззрение, которое сделало возможным события последних лет в нашей партии. Адепты этого мировоззрения считают себя «ортодоксальными» социал-демократами; они считают свое течение самым революционным в социал-демократии. Ошибка! Оно было таковым когда то, но в своем консерватизме оно все более и более становится отживщим, отсталым, а мы, чтобы оставаться впереди, всегда должны итти вперед. Критика ортодоксии и дальнейшее развитие идей научного социализма в литературе Российской Социал-Демократической Рабочей Партии являются

*) В только-что вышедшем приложении к № 86 «Искры» тов. Рабочий пишет: «...где-то, когда-то в свое время говорили то же Акимов и «Раб. Дело». Правда, «Раб. Дело» и Акимов не ставили самодеятельности рабочих тех широких задач, которые мы ей теперь ставим, правда, задачи, которые «Раб. Дело» ставило нашей партии, не обеспечивали еще самодеятельности рабочего класса по отношению к другим общественным классам..» Тов. Рабочий думал, что расходится с «Раб. Делом». Что из того? Он—наш, он делает наше дело, он повторяет наши слова, хотя и не сознает этого.

необходимыми и ложатся обязанностью на людей «третьего периода». Я принадлежал по моему мировоззрению к этому периоду и я хочу сказать здесь несколько слов тем, кто был со мною в одном течении социал-демократического движения в России.

Товарищи! Мы заявили, что у нас нет принципиальных разногласий с «Группой Освобождения Труда [95]). И действительно, тех разногласий, которые нам приписывали наши товарищи по партии, наши фракционные противники, этих разногласий у нас не было с ними. Но постепенно в области тактики, в теории и в философии обнаружились такие разногласия между нами и ими, которых не видали три года тому назад ни мы, ни они.

Говорили, что мы экономисты, что мы не признаем политики; это была неправда. Уже Союз, приступая к работе в 1898 году, заявил, что завоевание демократической конституции он считает своею задачею; с первого номера своего журнала он сделал своим девизом слова Маркса: «социальное освобождение рабочего класса невозможно без его политического освобождения»; мы первые стали призывать пролетариат к политическим действиям, к демонстрациям; мы отводили в наших изданиях скорее слишком много, чем слишком мало места вопросу о царизме. Но правда то, что к обыденной жизни пролетариата, к его повседневным интересам мы относились совершенно иначе, чем ортодоксы. Борьбу за эти интересы мы включили в задачи нашей партии.

Говорили, что мы «кустари», что мы мешали об'единению партии, созданию организации профессиональных революционеров. Это была неправда. Мы сами представляли собою организацию профессиональных революционеров, упорно, долго и сознательно работали над созданием централизованной партийной организации, над созывом с'езда. Но правда то, что мы совершенно иначе, чем ортодоксы, представляем себе роль центральной организации: в профессиональных революционерах мы видели слуг движения и потому особенным образом—на демократических началах—строили нашу партию.

Нас называли «хвостистами», плетущимися за массовым движением. Это была неправда. Мы, наоборот, были новаторами, которые упорною борьбой с авторитетными теоретиками нашей партии и со старшими товарищами проводили в жизнь свои идеи: даже и спропагандированные рабочие первоначально не были на нашей стороне; по отношению же к массовому движению мы всегда ставили себе целью итти впереди его и—как показали позднейшие события—действительно шли впереди. Но верно то, что к массовому движению рабочих мы относились не так, как ортодоксы, мы видели в нем стихийный порыв, с которым мы сознательно хотели слиться. Мы, следовательно, самую сущность общественной жизни и деятельности понимаем иначе. Мы не могли и не хотели противополагать инстинкт, стихийность сознательности, потому что в самой теории познания мы расходимся с ортодоксами.

Нас называли оппортунистами—это была неправда. Мы имеем наши принципы, принципы научного социализма, программу международной социал-демократии и ради каких бы то ни было целей не хотим поступиться ими. Но ту схоластическую, доктринерскую вульгаризацию марксизма, которую нам подносят под именем ортодоксии, под именем—зачем не перевести этого греческого термина на русский язык—православия, мы действительно не хотим признать правильным выражением научного социализма. Ортодокс рассматривает всякую работу критической мысли от Бернштейна до Богданова [96]), лишь как разновидности ревизионизма, во всех своих проявлениях одинаково ненавистного. Поэтому всем сознательным членам партии становится душно в атмосфере социал-демократического православия.

Нам необходимо абстрагировать в событиях из жизни нашей партии их общие черты и таким образом формулировать миросозерцание, их отражающее, для того, чтобы противопоставить ему миросозерцание наше, с точки зрения которого представляется вредным, ложным, дурным, нестерпимым то самое, чем довольны и горды наши фракционные противники.

Но все это после, не теперь. Дни, когда я заканчиваю эту работу, февраль 1905 года, ставят перед нами непосредственные задачи, которые приходится разрешать с теми наличными силами, с которыми застали нашу партию события в России.

И прежде всего—организационные задачи. Их нам приходится теперь разрешать в буквальном смысле слова под выстрелами врагов, но мы не можем отложить их разрешение.

Вот уже тридцать лет русские социалисты вели пропаганду своих идей в рабочем классе; десятки тысяч жизней были отданы этому делу; сотни тысяч лет тюрьмы, ссылки, каторги «искупили цену» тех исторических перемен, пред которыми теперь стоит наша родина. Вот уже двадцать лет, как русские социалисты, в лице социал-демократов, слили свое дело с делом рабочего класса. Теперь уже повсюду есть наши единомышленники, наши испытанные товарищи. Пора подвести итог.

На всех фабриках, заводах, во всех ремеслах, где только есть у нашей партии связи, необходимо немедленно сгруппировать сознательных рабочих, социал-демократов. Этим группам—как фаховым сходкам «Бунда», как заводским организациям Петербурга, как кассам Киева—мы должны поручить и доверить ведение нашего дела в их заводах, на их фабриках, в их ремеслах. Эти группы мы должны сделать базисом нашей партии.

Далее, мы должны об'единить эти ячейки, собрав их представителей на «агитаторские сходки», как у «Бунда», или в «районные организации», как было в Петербурге, или в «заводские», «ремесленные» комитеты, как было в Киеве. При этих организациях должны быть организации профессиональных революционеров, чтобы служить им своим опытом, своими знаниями, конспиративным навыком и силою интеллектуального влияния.

Далее, для об'единения и руководства деятельностью всех организаций в данной местности необходимо, чтобы соответственные полномочия были даны выбранным этими организациями лицам, комитету.

«При громадном территориальном распространении движения образование в отдельных районах об'единенных организаций настойчиво диктуется жизнью». Поэтому комитеты должны быть соединены широкою самостоятельностью в своих действиях.

Наконец, центральная организация партии должна быть перестроена, чтобы соответствовать демократическому строю всей партии. По примеру Бельгийской Рабочей Партии, необходимо, чтобы и у нас делегаты от союзов комитетов стали членами центрального комитета партии. Тогда на правах союза комитетов нашел бы себе место снова в нашей партии и неограниченный районными рамками представитель еврейского пролетариата—«Бунд»—и организации пролетариата других наций России *).

Теперешний наш Центральный Комитет построен по типу министерского кабинета. Центральный Комитет Бельгийской партии построен по типу швейцарского министерства, Союзного Совета. Здесь, в этой брошюре, не место защищать эти принципы организации; здесь уместно было лишь отметить их. Замечу только, что для защиты их можно привести все те неопровержимые доводы, которые приводит наша партия для защиты демократических принципов в деле политической организации государства, если мы признаем, что демократическая политическая организация может наилучшим образом руководить развитием нации со всеми ее классовыми противоречиями, то тем более она может явиться руководительницей политической партии. Что же касается русских полицейских условий, то опыт «третьего периода» показал, что демократическая организация является не менее конспиративной, чем заговорщицкая.

*) Примеч. ко 2-му изданию. Как уже было отмечено в предисловии, этот план уже отошел в область истории и после октябрьских событий [97]) наша партия нуждается в более широкой организации.

Во внутренней жизни нашей партии, несмотря на всю интенсивность внешней борьбы, есть своя очередная задача; это именно организационная задача.

В рассказе Андреева «Стена» разделила и небо и землю на две части и оставила по сю сторону человечеству одни лишь жестокие и ненужные страдания. Люди сходятся и расходятся в безумном танце, и отвратительные, как проказа, они отравляют друг другу существование. Они томятся этой жизнью и хотят лбом своим прошибить Стену—**придумать** способ ее разрушения; но разум бессилен пред роковою преградою, и непокорные судьбе гибнут у неподвижной Стены.

Французский скульптор, создавший символическую Стену по поводу одного определенного исторического события, дал, однако же, быть-может, только изображение конкретного проявления той же самой общей идеи.

«Отдай мне мое дитя, моего сына, моего брата, мою дочь... Убийца! отдай мне самого меня!..» кричали прокаженные люди пред Стеною Андреева, поглотившей столько жизней. И на Стене Моро-Вотье вырисовываются разорванные части тела погибших защитников коммуны.

Стена, как символ преграды к свободе, к радости, только потому не соответствует истинной природе этой преграды, что сложена она из мертвых камней; преградой же к прогрессу человечества служат эти самые люди, страдающие, несчастные, жалкие и однако неподвижные в своей косности. Эту то стену инертной людской массы мы должны разрушить.

Мы, социалисты, должны быть людьми будущего. Мы должны провидеть это будущее и руководствоваться им, как своим идеалом, в нашей настоящей жизни и деятельности!

Согласно нашему учению, есть у каждой современной цивилизованной нации слой живой, революционный, созидающий будущее. Это именно самый нижний слой, самое основание стены, пролетариат. Когда он придет в движение, тогда с силой геологических переворотов—говорит Коммунистический Манифест—разрушит он все, что над ним покоится, всю эту стену.

И вот краеугольные камни уже вопиют, пролетариат уже начал свое освободительное движение. Пусть же мы будем голосом фундамента стены! И тогда, подобно тому, как в древней легенде стены Иерихона пали от звука труб и открыли израильтянам обетованную землю, подобно этому твердыни врагов пролетариата, гнетущие его и с ним весь трудовой народ, падут от звука нашего голоса...

Так понимаю я основную идею течения «третьего периода».

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА.

(Из брошюры «К вопросу о работах второго с'езда Р. С. Д. Р. П.». 1904 г.).

Социал-демократия имеет своей целью уничтожение основ существующего строя, частной собственности путем экспроприации всех средств производства и передачи их в распоряжение всего общества.

Уже это распоряжение предполагает существование органа, который бы представлял общество в его целом и обеспечивал бы, с одной стороны, права отдельных его членов, с другой стороны, выполнение ими их обязанностей по отношению к обществу.

Для того, чтобы этот орган мог выполнить свою важную функцию, он должен обладать силой совершенно исключительной—властью. Переход от капиталистического строя к социалистическому мы рассматриваем «как исторический процесс, который может продлиться более или менее продолжительное время, и тяжелая борьба может растянуться на целые десятки лет»*). Прежде чем ее начать, надо овладеть властью. Акт перехода политической власти от класса руководящегося буржу-

*) Каутский [98]) «Соц. Рев.» Изд. Лиги Р. Р. С.-Д., стр. 96.

азными идеалами к классу руководящемуся социалистическими идеалами будет социальной революцией пролетариата *)

Акт перехода политической власти к пролетариату будет делом создания определенной формы властвования,—определенной организации власти.

Проект программы Искры говорит, что пролетариату необходимо завоевать политическую власть. Эта мысль строго соответствует одному из основных взглядов социал-демократии, и я ничего не имел против нее возразить; редакция, которую я предлагал для этого тезиса программы, была такова:

«Борьба рабочего класса против капиталистической эксплоатации должна необходимо принять форму борьбы политической. Рабочий класс не может успешно вести своей экономической борьбы и развивать свои экономические организации без политических прав. Он не может произвести перехода средств производства в общественную собственность, не достигнув предварительно обладания политическою властью».

Я нарочно формулировал эту мысль почти буквально словами Эрфуртской программы [99]), чтобы избежать споров из-за выражений. Редакция же соответственного места проекта программы мне показалась и кажется неточной и ошибочной. Она гласит:

«Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров».

Составители проекта употребили выражение «диктатура пролетариата», не встречающееся ни в одной из социал-демократических программ, и насколько мне известно, ни в одном из проектов програми.

По крайней мере, нет его в программах Готской [100]) и Эрфуртской, Гайнфельдской [101]), Венской [102]), Гедистской [103]), Бельгийской, Шведской, Итальянской, нет и в Уставе Интернационала, нет ни в одном из четырех проектов, внесенных на Эрфуртский конгресс, ни в двух проектах для Венского партейтага; в проектах программы Группы «Освобождение Труда» [104]) тоже нет слова «диктатура».

Таким образом, термин «диктатура», употребленный составителями нашей теперешней программы является совершенно новым в программах международной социал-демократии, и это новшество должно было быть обосновано; составители должны показать, что терминология всех других программ неудовлетворительна и что потому необходимо нам русским в этом случае отступить от требования парижского международного социалистического конгресса, согласно которому мы должны стараться формулировать нашу программу по возможности в общих с другими программами выражениях. Но это не было сделано ни в об'яснительной записке Плеханова, ни на с'езде. Никто из делегатов комитетов не нашел нужным спросить, зачем понадобилось это отступление от обычной терминологии, и этот пункт программы, как столькие другие, был принят без всяких рассуждений.

Посмотрим же, является ли по крайней мере новый (для программ) термин удачным. Слово «диктатура» выражает особую форму власти. Она была создана Римским правом и характеризовалась следующими признаками:

1. Диктатор был всегда выбранным. Власть его была диктаторской только по отношению к народу, его выбиравшему. Так как диктатор был избираем, то

*) «Это всеми употребляемое слово—говорит Каутский о социальной революции (стр. 7), употребляется в различном смысле не только разными людьми, не даже одним и тем же лицом в разное время». Мне, кажется, что это относится и к самому Каутскому. Я употребляю это выражение в том смысле, в котором Каутский употребляет его на стр. 10: «политическая революция есть завоевание государственной власти угнетенным до тех пор классом». Ту политическую революцию, которая произведена в целях «эмансипации социальной», Каутский называет социальной революцией.—Поэтому мне кажется неточностью выражений, когда впоследствии он называет социальной революцией весь тот период, когда вооруженный властью пролетариат будет проводить свои реформы, постепенно изменяя весь старый общественный строй.

власть его была неотчуждаема. Если предположить, что пролетариат, как коллективное целое, станет обладать абсолютною властью, то это будет не по воле, а против воли всех тех, на кого будет простираться его власть. Такую власть можно назвать самодержавием, деспотией или тиранией, но только не диктатурой, если употреблять слово не за их благозвучность, а по их значению.

Но кроме того, пролетариат, как единое целое, не может быть носителем власти. Поэтому когда говорят о власти пролетариата, имеют в виду уполномоченных на то пролетариатом лиц. Предположим, что пролетариат избирает совет своих излюбленных людей из десяти, ста или тысячи лиц и передаст ему абсолютную власть, «которая позволила бы ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров—rei opprimendi omnem resistentiam exploatatorum causa *), согласно знаменитой формуле провозглашения диктатора. Такая власть могла бы быть названа диктатурой; но кого и над кем? Это была бы диктатура революционного правительства над пролетариатом, правда, ради спасения его от эксплоататоров. Желал ли этого наш с'езд, принявший проект Искры. Я думаю, что он этого не желал, и потому считаю несознательным принятие с'ездом этого пункта проекта. Но я думаю, кроме того, что составители проекта именно в этом смысле понимали диктатуру, и потому я хотел и хочу бороться против бланкизма [105]) в нашей Партии.

2. Вторым признаком диктаторской власти являлось то, что диктатор не был ничем ограничен в проявлениях своей власти, единственно только интересами дела. Нужно ли, чтобы пролетариат стал Суллою [106]) современного общества. Я думаю, что это не нужно и что этого не будет.

Если мы считаем реакционным самодержавие, лишающее нас свободы слова, печати, собраний, организации и участия во власти, то разве только потому, что мы при этом являемся страдательными лицами. Разве мы допускаем возможным и нужным, чтобы пролетариат, низвергнув деспотизм, сам стал «просвещенным деспотом» и ради спасения человечества хотя бы на время отнял бы у народа его свободы. Это не так. Мы не ищем для пролетариата «такой» власти. Власть, которой добивается пролетариат, будет ограничена правами, которые он признает ненарушимыми. Пролетариат будет руководствоваться в своей деятельности не только пользами и нуждами дела, но и своими взглядами на права личности. Так не поступает диктатор.

Международное Товарищество Рабочих заявляло прежде всего: «Все примыкающие к нему общества и отдельные личности принимают истину, справедливость, нравственность за основу своих отношений ко всем людям... В этом духе выработан Устав». (См. Устав М. Т. Р.) [107]).

«Для осуществления своей программы Партия будет пользоваться всеми целесообразными и соответствующими естественному правовому сознанию народа средствами»—говорит Венская программа.

Так ограничивала себя сама международная социал-демократия в своей первой и в своей последней до сего дня программе. Так ограничит она и свое будущее революционное правительство и потому она не вручит ему диктаторской власти.

Раньше я отметил, что термин «диктатура» пролетариата **(для программы)** новый и что нововведение это необосновано.

Далее я сказал, что этот термин не удачен, потому что он выражает или неосуществимую мысль—непосредственного властвования целого класса на другим или чуждую социал-демократам бланкистскую мысль—передачу абсолютной, ничем не ограниченной власти, временному революционному правительству после произведенной пролетариатом революции.

Теперь я обращаюсь к комментариям Плеханова, чтобы посмотреть, как он об'ясняет этот пункт проекта программы.

*) Для подавления всякого сопротивления эксплоататоров.

«Когда буржуазия боролась с аристократией, она сознательно искала **политического** господства, понимая, что без него не могут осуществиться ее **социальные** стремления; она добилась политического господства и позаботилась о том, чтобы обезопасить свой общественный порядок от всяких посягательств со стороны пролетариата; она апеллировала к **силе**. Одним словом, она понимала, что ее **диктатура** составляет необходимое **политическое условие ее социального освобождения и ее господства**. А теперь об'является классовую диктатуру злостным измышлением узких «догматиков», нелепой выдумкой революционных **«доктринеров»**. Все сторонники **революционной социал-демократии** обязаны раз'яснять пролетариату, что ему надо стремиться к диктатуре, если он хочет устранить **капиталистические** производственные отношения и заменить их **социалистическими»**. (Курс. Плех.).

Эти комментарии мотивируют—хотя и очень слабо—только все ту же мысль, что рабочий класс необходимо должен завоевать себе политическую власть, как ее некогда завоевала себе буржуазия.

Что эта власть должна принять форму диктатуры класса, этого Плеханов не доказывает и вообще употребляет слово «диктатура» как синоним слов «политическая власть».

Но если бы Плеханов всякую политическую власть называл диктатурой, то ему незачем было бы употреблять это новое (для программы) слово вместо выражений общепринятых. На самом же деле и Плеханов и составители нашей программы вообще совершенно справедливо отличали понятия «диктатура класса» и «политическое господство класса»; а именно: под диктатурой они—с полным основанием—разумели одну из форм политического господства, которую они и считали необходимой для социальной революции.

Авторы нашей программы, написав слово «диктатура», сами сознавали, что его значение остается очень неясным, и потому нашли нужным тут же в программе раз'яснить его. Там сказано:

«...диктатура пролетариата, т. е. завоевание пролетариатом **такой** политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров».

Следовательно, авторы полагали, что есть еще **иная** политическая власть, чем диктатура, точнее говоря, иные формы власти, которые недостаточны пролетариату для подавления сопротивления. Только это и говорит их раз'яснение, потому что остается все же неизвестным, какая же эта **такая** политическая власть. На это есть только один ответ, как я уже сказал, совершенно неясный—диктатура. Следовательно, из текста программы видно только, что диктатура есть один из видов власти и что именно этот вид власти признается необходимым для пролетариата.

Плеханов лучше раз'яснил, что понимает он под «диктатурой», в предисловии к Манифесту Коммунистической Партии:

«Диктатура всякого данного класса означает **господство** (курс. Плех.) этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для прямого или косвенного подавления всех тех общественных движений, которые нарушают эти интересы» (стр. 67).

Плеханов добавляет: «Это прекрасно знал еще Минье», но из приведенных им выдержек видно только, что Минье [108]) считал «известным», что сила, достигая господства, всегда овладевает учреждениями». Это, действительно, известно. Но политическая сила, овладев учреждениями, преобразует их согласно своим принципам; для нас важен вопрос, как преобразует пролетариат политические учреждения, когда он достигнет власти. Плеханов полагает, что он их преобразует в форму диктатуры класса, и тут же замечает: это еще Минье знал Но Минье этого не говорил.

Приведенное мною определение диктатуры Плеханова все-таки не ясно; может казаться, что и тут под диктатурой Плеханов разумеет всякое господство класса и, следовательно, всякую политическую власть. Тогда слово «диктатура» было

бы просто лишним, затемняющим ту общепринятую мысль, что пролетариат должен завоевать себе политическую власть. Однако, же прибавка: «господство, позволяющее распоряжаться силой для защиты и подавления», **может** иметь тот смысл, что не всякое господство позволяет это делать и что автор желает для пролетариата ту форму его, которая это позволяет сделать, а именно диктатуру.

На следующей странице Плеханов поясняет свою мысль, и там уже видно, что первую цитату не только **можно** понять так, как я ее понял, но и нельзя понимать иначе.

Давая новое определение диктатуры, Плеханов добавляет: «как мы сказали», но при этом он говорит иначе, чем сказал раньше—яснее и определеннее.

> «Диктатура данного класса есть, как мы сказали, господство этого класса, позволяющее ему распоряжаться организованной силой общества для защиты своих интересов и для подавления всех общественных движений, прямо или косвенно угрожающих этим интересам».

Вместо прямого или косвенного подавления движений, нарушающих интересы пролетариата, теперь говорится о подавлении движений, **прямо или косвенно угрожающих** этим интересам.

Итак, революционное правительство должно будет следить за теми движениями, которые, хотя бы **косвенно**, хотя бы не нарушая непосредсвенно интересов пролетариата, **угрожали** бы этим интересам; все такие движения, должны быть подавлены.

Да, это, действительно, диктатура революционного правительства, которая может принести пролетариату только одни бедствия. Такое правительство неизбежно признало бы самыми «угрожающими» те движения, которые угрожали бы ему самому, которые боролись бы против тех или иных его тенденций, а такими движениями после революции могут, прежде всего, оказаться движения в среде самого пролетариата. Они будут названы «не настоящими пролетарскими», «стихийными» и проч., и им будет противопоставлен «просвещенный деспотизм» революционного правительства.

Такой взгляд на возможный ход событий вовсе не есть предположение. Он составляет идеал бланкизма и он был еще гораздо раньше проведен в жизнь правительством 93-го года [109]). И Плеханов, и Ленин, влияние которых, несомненно, было господствующим при составлении программы, в своих воззрениях вообще многое сохранили от бланкизма, и их представления о способах завоевания пролетариатом политической власти являются лишь отдельным проявлением их мировоззрения. «Мы—террористы в смысле террора 93-го года», заявил однажды Плеханов на своем реферате в Женеве. Но террор 93-го года возвел на гильотину не только врагов революции, но и ее лучших друзей: и Камилла Демуленa [110]), и Дантона [111]), и, наконец, самого Робеспьера [112]). Если бы, по крайней мере, этой ценою было куплено торжество их идей. Наоборот, террор 93-го г. не достиг своей цели, и мы должны приложить все усилия к тому, чтобы ошибки прошлого не повторять снова.

Но выражение «диктатура класса» было введено Марксом. Против «диктатуры» писал Бернштейн. Это дало повод защитникам проекта нашей программы назвать бернштейнианством мое нежелание принять их формулировку политических задач пролетариата . . . . . .

. . . . . .

...—Диктатура это **такая** власть, которой добивается пролетариат. Неужели достаточно здесь вместо слова «буржуазия» поставить слово «пролетариат», а вместо «пролетариат»—«буржуазия», и получится наш идеальный общественный строй.

Жестокое, безжалостное, беспощадное подавление своего побежденного противника не лишено мрачного величия, поэзии. Но «социальная революция не может черпать свою поэзию из прошлого, она должна ее черпать из будущего» (18-е Б. стр. 10) [113]).

Буржуазия открыто признается: «отныне наша диктатура будет упрочена против воли народа». По крайней мере, с этого момента диктатура буржуазии превратилась в тиранию над народом. Кто будет это отрицать. Но нам говорят, что пролетариат должен с этого начать. Разве это нужно пролетариату? Нет, пролетариату нужно как раз обратное.

«Все до сих пор возникшие движения были движениями меньшинства или совершались в интересах меньшинства. Движение пролетариата есть самопроизвольное движение большинства». (Ком. Маниф., стр. 15).

При таких условиях форма власти, необходимая для пролетариата, является антитезой форме власти буржуазии; ему нужна широко демократическая организация власти и гарантия невмешательства власти в сферу индивидуальной и общественной свободы. Это то, что охватывается одним термином—демократия.

Как я уже сказал, Маркс пользовался термином «диктатура» для обозначения форм власти как буржуазии, так и пролетариата. Я старался показать, какою была, с точки зрения Маркса, форма властвования буржуазии—диктатура буржуазии; теперь я постараюсь выяснить, какою представлялась Марксу форма властвования пролетариата—диктатура пролетариата.

Несколько мест в «Классовой Борьбе» позволяют думать, что Маркс обобщал свой взгляд и приписывал всякому побеждающему классу то, что характеризовало торжество буржуазного класса. Может быть Бернштейн прав (horr.bile dictu *) полагая, что в это время взгляд Маркса на форму политической власти пролетариата под влиянием Бланки был иным, чем впоследствии. Он говорит:

«Когда восстает класс, в котором сосредоточиваются революционные интересы общества, он не ищет материала для своей революционной деятельности: он уничтожает врагов, принимает меры, диктуемые потребностями борьбы, и последствия его собственных действий толкают его дальше Такой класс не занимается теоретическими исследованиями своих собственных задач. Французский рабочий класс не находился в таком положении, он еще не был способен осуществить свою революцию» (Кл. Б., стр. 36).

Революционный социализм—это **непрерывность революции, классовая диктатура** пролетариата, как переходная ступень **к отмене всяких классовых различий,** отмене производственных отношений, на которых покоятся эти различия, к отмене всех общественных отношений, соответствующих этим производственным отношениям, к перевороту всех идей, вытекающих из этих общественных отношений». (Кл. Б., стр. 121).

Но указания эти на задачи пролетариата. когда он станет способным осуществить свою революцию слишком недостаточны, и это об'ясняется именно тем, что во время событий, которые описывает Маркс в этой брошюре, пролетариат был слишком далек от власти.

И если Маркс имел слишком достаточно поводов, чтобы описать власть буржуазии, то выходило за рамки его исторического труда описание форм, долженствующих характеризовать власть пролетариата; он это и говорит на странице 121: «рамки нашего изложения не позволяют нам подробнее остановиться на этом предмете».

Случай же не предопределять, а описывать формы власти пролетариата пришлось ждать Марксу долго, двадцать лет. Но этот случай настал и суровый критик «диктатуры буржуазии» мог нам дать и дал описание «диктатуры пролетариата».

Хотите ли знать, милостивые государи, что такое эта диктатура. Всмотритесь в Парижскую Коммуну. Это была диктатура пролетариата,—говорит Энгельс в предисловии в «Гражданской Войне». Обратимся же к замечательному описанию Марксом коммуны.

«Умеренность коммуны в продолжение двухмесячного неоспоримого господства ее может сравниться только с геройством ее защиты.

*) Страшно сказать! (иронич.)

С 18-го марта до вторжения версальских войск в Париж, революция пролетариев была так чиста от всяких насилий, которыми изобилует революция и, в собственности, контр-революции высших классов, что враги ее не могли взвести на нее никакого другого обвинения, кроме обвинения в убийстве генералов Лекомта и Клемана Тома в стычке на Вандомской площади. Бонапартовский офицер, игравший роль в ночной экспедиции против Монмартра, генерал Леконт, четыре раза отдавал 81-му линейному полку приказание стрелять по безоружной толпе на площади Piqalle; когда же солдаты отказались исполнить его приказание, он осыпал их самыми площадными ругательствами. Вместо того, чтобы расстреливать женщин и детей, его собственные солдаты расстреляли его самого».

Они так и должны были сделать, скажет каждый читатель. Леконт был, очевидно, для французов тем, чем для нас является фон-Валь [114]) или уже убитый Богданович, если бы нам удалось сделать с ними то же. Но Маркс говорит иное:

«Солдатские привычки, привившиеся к ним в школе врагов рабочих, само собою разумеется, не могли исчезнуть в них в ту же минуту, когда они перешли под знамя рабочих. Эти же люди расстреляли и Клемана Тома (стр. 16).

Центральный комитет и парижские рабочие также ответственны за смерть Клемана Тома и Леконта, как принцесса Уэльская за раздавленных в толпе людей при въезде ее в Лондон» (стр. 17).

Невольно спрашиваешь себя, чем об'яснить такое несомненно чрезмерное желание Маркса снять с коммуны малейший упрек в жестокости. Очевидно Маркс находил, что необходимо подавлять всякое движение, хотя бы косвенно угрожающее интересам пролетариата.

«Единственным наказанием для буржуа был их испуг. Даже полицейские не только не были обезоружены и арестованы, как это бы следовало, но ворота Парижа широко раскрылись перед ними для бегства их в Версаль. «Людей порядка» не только оставили в покое, им дозволили даже укрепиться на многих сильных позициях в центре самого Парижа. Эта снисходительность центрального комитета, это великодушие вооруженных рабочих, так противоречащие обычаям «партии порядка», было сочтено этой партией признаком сознательной слабости“ (стр. 18).

Где же здесь «**такая** власть, которая позволила» и проч. Ведь была же **такая** власть у буржуазии, когда она делала свою революцию, когда она создала свою диктатуру. Маркс вспоминает об этом времени, о 48-ом годе:

«Дюфор провел в национальном собрании ряд новых репрессивных законов; произвели бездну арестов, ссылали массами; воцарился террор. Низшие классы действуют иначе. Центральный комитет 1871 года просто-напросто оставил без внимания бегство героев «мирной демонстрации», так что уже через 2 дня они могли снова предпринять под предводительством адмирала Сессе на этот раз уже вооруженную демонстрацию, которая разрешилась знаменитым бегством в Версаль. Настойчиво уклоняясь от гражданской войны, открытой Тьером его ночной экспедицией против Монмартра, центральный комитет сделал на этот раз роковую ошибку: надо было тогда же немедленно выступить на Версаль—у него не было в то время достаточных средств к защите—и тогда же раз навсегда покончить с конспирациями Тьера и его «деревенских депутатов» (стр. 19).

Ошибку Центрального Комитета Маркс видит только в том, что он уклонился от открытой Тьером гражданской войны в ту минуту, когда следовало не уклоняться:

«После декрета коммуны от 7-го апреля, она грозила возмездием, об'являя, что признает себя обязанной «защищать Париж от каннибальства версальских разбойников и требовать око за око, зуб за зуб».

«Но Тьер и его генералы узнали, что меры возмездия, декретированные коммуной, были не более не менее, как простой угрозой, оставшейся без последствий, что даже шпионы-жандармы, пойманные в Париже переодетыми в национальных гвардейцев, и полицейские, схваченные с зажигательными снарядами, были пощажены,—лишь только они узнали об этом, как снова началось расстреливание пленных массами и продолжалось уже безостановочно до конца».

Едва ли коммунары думали, что версальские разбойники даже косвенно не угрожают интересам пролетариата.

Но где же тут диктатура? Мы же ее искали.

Могут ответить, что вот потому-то и побеждена была коммуна. что не подавляла она всякое общественное движение, прямо или косвенно угрожавшее ей, что не проявила **такой** власти.

Но зачем же гогда Энгельс указывает на коммуну, как на образец «диктатуры пролетариата».

Энгельс потому указывает на коммуну, что она, несмотря на ее ошибки и недостатки, действительно является образцом той формы власти, которую должен создать пролетариат, как бы не называть эту форму, хотя бы совершенно неудачным словом диктатура. О диктатуре можно здесь говорить разве только фигурально, подобно тому, как говорят о «диктатуре сердца» *). На самом деле это был антипод диктатуры класса, это была демократия в самом широком смысле этого слова:

«Коммуна образовалась из муниципальных советников, выбранных округами Парижа посредством всеобщей подачи голосов. Члены ея были ответственны и сменяемы. Большинство их состояло, само собою разумеется, из рабочих или заведомых поборников рабочего сословия (стр. 26).

Всеобщая подача голосов, вместо того, чтобы служить народу для выбора через каждые 3 года или 6 лет какого-нибудь члена господствующего сословия, который бы представлял и давил его в парламенте, должна была служить народу, организованному в коммуны, точно так, как служит индивидуальное право голоса каждому работодателю при приискании рабочих, надзирателей и бухгалтеров для своего предприятия (стр. 26).

Коммуна по самому духу своему, была враждебна замене всеобщей подачи голосов иерархическою инвеституpою (стр. 28).

Антагонизм коммуны с государственною властью был ошибочно принят за искаженный вид старой борьбы против чрезмерной централизации (стр. 29).

Коммуна дала республике чисто демократические основы (стр. 30).

Это была «диктатура пролетариата».

Посмотрим теперь, как смотрит на этот вопрос Бернштейн. В главе о политических и экономических условиях осуществления социализма он говорит:

«Известная степень капиталистического развития есть первое условие общего осуществления социализма; вторым же условием является переход политической власти к партии рабочего класса—к социал-демократии. Формою пользования этою властью по Марксу будет в переходную эпоху диктатура пролетариата». **) (стр. 151).

Изложив свои соображения о первом условии и заявив, что нечего и рассчитывать на успехи этого развития, так они еще малы, он переходит ко второму. При этом он говорит, во-первых, вообще об идее «перехода политической власти к партии рабочего класса» и, во-вторых, о «форме пользования этою властью», о диктатуре. И к тому и к другому он относится отрицательно. О диктатуре мы у него читаем:

---

*) Министр, к которому было применено это имя, конечно, совершенно не заслуживал этого [115]).

**) Бернштейн. Исторический материализм. Издание «Знания» 1901 г. Перевод Канцель.

«Есть ли смысл повторять фразу о диктатуре пролетариата, в то время когда представители социал-демократии становятся, где только возможно, на почву парламентской работы, пропорционального народного представительства и народного законодательства—приемов, прямо противоречащих диктатуре. Фраза о диктатуре настолько теперь пережила себя, что ее только тем связывают с действительностью, что слово «диктатура» лишают действительного значения и придают ему смягченный смысл» (стр. 228).

Но Бернштейн отрицает не только данную форму власти, но и вообще самый принцип завоевания власти пролетариатом. Он говорит:

«Марксистская деятельность носит преимущественно политический характер и направлена на захват политической власти (стр. 169). Нужно совершенно оставить в стороне мысль о немедленном принятии на себя государством функций производства и распределения продуктов. Государство не могло бы взять на себя даже средних и крупных производств (стр. 167). Ни один здравомыслящий социалист не мечтает уже теперь в Англии о предстоящей победе социализма путем решительного переворота, никто не думает о захвате парламента революционным пролетариатом» (стр. 301).

Я предлагал вставить в нашу программу заявление, что для «решительного переворота» партия революционного пролетариата необходимо должна «захватить парламент», завоевать политическую власть для того, чтобы общество могло «принять на себя функции производства и распределения продуктов». Таким образом, я расхожусь в самом принципе с Бернштейном по вопросу о завоевании политической власти и ни в малейшей мере не являюсь его сторонником.

Правда, я оказываюсь солидарным с Бернштейном в моем отрицательном отношении к одной из форм власти, к диктатуре.

В декабре 1901 г. на Венском с'езде австрийская социал-демократия пересматривала свою программу. В старой Гайнфельдской программе и в новом проекте ни слова не было сказано о завоевании политической власти. Это вызвало целый ряд замечаний. Адлер [116]) говорил по этому поводу следующее *):

«... Теперь о диктатуре пролетариата, о ней в проекте ничего не сказано, но в этом может меня упрекнуть только один товарищ Брод. Напротив того, гораздо более затрагивает меня упрек, что в проекте нет ни одного слова о завоевании политической власти» (стр. 107).

Здесь Адлер уже прямо отличает вопрос о завоевании политической власти от вопроса о диктатуре. Относительно первого он старается только об'яснить, как это могло случиться, что в программе ничего о нем не сказано, и выражает готовность пополнить пробел; второй же вопрос вызывает со стороны Адлера только презрительное замечание. Он еще раз возвращается позже к этому термину—диктатура.

«... Теперь пришел Бернштейн и убил нас старым боевым словечком, теперь уже совершенно безжизненным, и улюлюкает на диктатуру пролетариата. Должны ли мы из страха, чтобы не прослыть бернштейнианцами, вставить эту диктатуру в программу».

И затем точно так, как в уже приведенных выше строках, он рядом с вопросом о вставлении слова диктатура в программу ставит вопрос о внесении в программу заявления о необходимости завоевания власти. Автор старой программы и проекта, в которых нет и такого заявления, естественно находит, что это просто само собою подразумевается, но соглашается внести дополнение в текст программы и действительно его вносит:

Должны ли мы теперь... когда наша партия скорее слишком политическая, чем мало политическая, внести в программу то, что само собою разумеется. Впрочем, если Вам это хочется—я ничего не имею против (стр. 108). Что средством достижения наших целей является завоевание политической власти, это совершенно ясно каждому социал-демократу. Никто из состави-

*) Смотри протокол Венского Партейтага.

телей проекта—и я сам меньше всего—не сомневался в этом; но так как многие товарищи находят необходимым выразить эту мысль в программе, то мы удовлетворяем это желание (стр. 191).

...«Завоевание политической власти должно быть средством борьбы за освобождение рабочего класса».

Возвращаюсь к нашей программе. Составители ее будут спорить из-за слова, если они, желая выразить лишь общепризнанную мысль, будут настаивать на выражении явно неудачном, явно избегаемом во всех программах, в речах и статьях наших лучших теоретиков и агитаторов. Но если автора проекта, ставшего нашей программой, под «такой» властью подразумевали не широко-демократическую форму политической власти, то они заслуживают упрека в двух отношениях: во-первых, за то, что хотят внести в нашу программу чуждую социал-демократии идею заговорщицкого захвата власти и, во-вторых, за то, что носят ее контрабандой, в неясной, в неопределенной форме, прячась за выражение, которое Маркс позаимствовал у бланкизма в то время, когда бланкизм был самым прогрессивным течением. Между тем, свою не новую мысль авторы могли бы передать достаточно определенно. Для образчика я привожу здесь слова одной старой программной прокламации:

«Мы твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна сохранить теперешнюю централизацию, без сомнения политическую, а не административную, чтобы при помощи ее ввести другие основания экономического и общественного быта в наивозможно скорейшем времени. Она должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только они останутся живы). К чему приводит невмешательство революционного правительства в выборы, доказывает прошлое французское собрание 48 года, погубившее республику и приведшее Францию к необходимости выбора Л. Наполеона в императоры».

Вот—просто, ясно, точно, сильно и красиво выраженная мысль. Единственный ее недостаток—она немного устарела: так писала Молодая Россия в 1862 г. [117]). (См. у Бурцева «За сто лет»).

Если **так** смотрят авторы нашей программы на завоевание политической власти, тогда понятно—и только тогда понятно—как могут они говорить, что даже за всеобщее избирательное право и за свободу печати они не всегда будут стоять, что могли они отклонить в программе пропорциональное представительство, требовать организации профессиональных революционеров, вместо революционной организации пролетариата, в которой профессиональные революционеры были бы лишь слугами, как могли называть буржуазным требование демократической организации для социал-демократической партии, заявлять о необходимости подавлять общественное движение, хотя бы косвенно угрожающее нам... Все это свойственно было буржуазии, когда она завоевывала себе власть, но «низкие классы действуют не так». Им не надо никого подавлять, им нужна политическая власть лишь для того, чтобы их не могли подавить. Освободившись от «классового деспотизма» буржуазии, пролетариат противопоставит ему не свой классовый деспотизм, а широко и истинно демократический строй.

Может быть по поводу спора о диктатуре могут возразить словами Каутского все из того же ответа его Бернштейну:

«Мы можем спокойно отложить на будущее решение проблемы о диктатуре пролетариата. Пока еще бесполезно нам связывать себе руки на этот счет».

Но нам приходится заняться решением этого вопроса, во-первых, потому, что в противоположность составителю Эрфуртской программы, авторы нашей «связали» нас, вставив слово диктатура в наше Credo; а во-вторых, потому, что вопрос этот имеет большое принципиальное значение и как и всякий принцип программы отра-

жается на всей тактике и организации партии, если нам надо готовиться к завоеванию «такой» власти, то нам надо создать «организацию революционеров» и приучить народные массы к тому, чтобы они действовали по «дирижерской палочке»; если же нам надо добиваться демократии и если наше будущее революционное правительство должно будет лишь служить пролетариату, как служит «рабочий, надзиратель и бухгалтер своему работодателю», тогда нам надо теперь же создать такой тип организации и придерживаться во всех наших действиях такой тактики, чтобы воспитать широкие круги рабочего класса и приучить их выражать через посредство своей партии свою волю. Вот почему решение вопроса о диктатуре наложит свою печать решительно на каждый шаг нашей деятельности.

Не рационально было бы об'яснить все это чертами личного характера тех из участников с'езда, которые не могут сказать в свое оправдание: «не видали, что творили». Необходимо найти тот общий принцип, из которого исходили члены с'езда, сознательно совершившие, как нечто должное, то, что мне представляется возмутительным и недопустимым.

Мне кажется, что такой принцип есть и что он в большей мере, чем все другие теоретические принципы, определял тактику старой Искры. Он должен быть формулирован для того, чтобы все члены нашей партии могли занять по отношению к нему определенную позицию. Здесь я хотел бы только высказать уверенность, что в этом вопросе будут заняты со временем русскими социалистами две резко враждебные, непримиримые позиции, которые изменят не только группировки внутри нашей партии, но и отразятся на группировке по партиям.

С'езд не занимался выяснением этого вопроса, но одна коротенькая речь т. Посадовского вызвала инцидент, который, я уверен, не будет забыт.

По поводу поправки, предложенной в комиссии т. Врукэр [118]), о внесении в программу требования пропорционального представительства, т. Посадовский [119]) сказал (стр. 168):

> «Заявления, сделанные здесь за и против поправок, представляются мне спором не из-за деталей, а серьезным разногласием; несомненно, что мы не сходимся по следующему основному вопросу: **«нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признав за ними абсолютную ценность, или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии.** Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого среди демократических принципов, чего мы не должны были бы подчинить **выгодам нашей партии»** (курсив. П).

Т. Посадовского перебили восклицания: «И неприкосновенность личности».

Да, ответил т. Посадовский, и неприкосновенность личности. Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели—социальной революции,—мы исключительно с точки зрения выгод нашей партии должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить.

Т. Плеханов тотчас же взял слово, чтобы поддержать Посадовского:

> «Вполне присоединяюсь к словам т. Посадовского... если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или иного демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии—salus populi suprema lex est *). Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права».

В ответ на эту речь раздались рукоплескания и шикание. Кто то протестовал против шиканья; т. Егоров встал и сказал: «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать».

*) Благо народа—высший закон.

Посадовский коротко формулировал спорный принцип. Плеханов еще короче выразил свои позиции по отношению к нему *). Он сказал: salus revolutiae suprema lex est. Это значит: цель оправдывает средство.

Я же думаю, что самая социальная революция есть только средство уничтожить иезуитизм современной жизни.

То, что одни ставят себе целью уничтожить, то другие считают основным принципом своим. Все остальные вопросы программы являются частными по сравнению с этим...

Из девиза «твердых» с естественной необходимостью и с логической последовательностью вытекает «нечаевщина» [120]). Теперь т. Мартов возмущается ею; жаль, что только теперь он ее заметил, но, конечно, лучше поздно, чем никогда. Только пусть т. Мартов потрудится найти принципиальные и реальные корни этой нечаевщины в нашей партии. Слишком поверхностно об'яснять ее тем, что «у Ленина медный лоб». Ленин бланкист и все бланкистское ему не чуждо.

ПРИМЕЧАНИЯ К I РАЗДЕЛУ.

1. **Зибер, Н. И.** (1844—1888)—профессор Киевского Университета, один из первых в России популяризаторов и пропагандистов экономического учения Маркса. До появления сочинений Плеханова, Ленина и др., сочинения Зибера сыграли большую роль в деле распространения идей марксизма в России и проникновения их на университетскую кафедру.

2. **Михайловский, Н. К.** (1842—1904)—виднейший теоретик народничества, «властитель дум» русской интеллигенции 70-х—80-х. г. г..

3. **В. В.**—(**Воронцов, В. П.**)—один из главных теоретиков народничества 80—90 г.

4. **Юзов** (**О. И. Каблиц—1848—1893**)—Вначале ярый бакунист и бунтарь, «прошедший через хождение в народ». Юзов скоро становится идеологом реакционно славянофильского народничества.

5. **Аттика**—в книге Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», описывается возникновние государства путем разложения родового строя в Аттике (древняя Греция). (Гл. V «Возникновение Афинского государства»).

6. **Прудон.** (1808—1865)—идеолог мелкой буржуазии, один из теоретиков анархизма. Видя причину всех зол капиталистического общества в современной товарной форме обмена, он, в целях реорганизации этого общества, выдвигал утопическую систему, строящую общество на началах мютюэлизма (взаимных услуг), путем организации дарового кредита и меновых банков, увековечивающего мелкую частную собственность.

Критика теории Прудона: К. Маркс «Нищета философии».

7. **Голод 1891 г.**—Обнищание крестьянства в результате политики царского правительства привело к оскудению сельского хозяйства и к ряду периодических неурожаев. В 1891 г. произошел полный неурожай и страшный голод, захвативший половину европейской и часть азиатской России; голоду сопутствовал голодный тиф и холерная эпидемия.

8. См. прим. 2.

9. **Бердяев, И. А.**—философствующий публицист, проделавший эволюцию от марксизма к идеализму, а затем к мистицизму. Одним из этапов этой эволюции явилась его книга «Суб'ективизм и индивидуализм в общественной философии».

10. **Кант, Э.**—знаменитый филосов-идеалист, автор известной философской системы, еще и поныне играющий очень важную роль в идеологии современной буржуазии. В конце прошлого столетия некоторые ревизионисты пытались соединить марксим с философией Канта, с т. н. неокантианством. Одна из более характерных особенностей неокантианства—стремление примирить науку с религией.

---

*) Интересы (букв. благо) революции—высший закон.

11. **«Новое Слово»**—журнал, выходивший с 1894 г., как орган правых народников. В 1897 г., начиная с апрельской книжки, журнал перешел в руки «легальных марксистов» и, несмотря на цензурные преследования, продержался до конца года.

12. **Статья П. Струве** «Свобода и историческая необходимость». В этой статье Струве целиком стал на точку зрения кантианства. Статья опубликована в сборнике П. Струве «На разные темы».

13. **П. Струве** был делегатом на международном конгрессе по вопросам законодательной охраны рабочих. Конгресс состоялся 23—28 августа 1897 г. в Цюрихе. В статье об этом конгрессе (сб. «На разные темы») Струве пишет, что на место социальных «катастроф» приходит период социальных реформ капиталистического строя и что они вовсе не представляют из себя «жалкого штопания», а, наоборот, являются звеньями одной органической цепи форм, которая ведет от одной общественно-экономической формации к другой».

14. **Бернштейн, Эд.** (р. 1850)—германский с.-д., в эпоху исключительных законов против социалистов, редактор нелегального центрального органа партии. В середине 90-х г. г. выступил со статьями, пытаясь подвергнуть пересмотру («ревизии»—отсюда: «ревизионизм») философские, экономические и политические основы революционного марксизма и заменить их теорией примирения классовых противоречий, отрицанием социалистической революции и верой в возможность достижения социализма путем его постепенного «врастания» в капиталистический строй. Более или менее связное изложение своих взглядов Бернштейн дал в книге «Предпосылки социализма и задачи с.-д-», вышедшей в январе 1899 г. Выступления Бернштейна, с резкой критикой которых немедленно выступили Р. Люксембург и Парвус, а затем Г. Плеханов и Каутский, послужили исходным пунктом широкой и острой полемики в средне-международной с.-д-. и привели к оформлению двух течений: ортодоксов и ревизионистов. В настоящее время Бернштейн—один из лидеров II Интернационала.

15. **Туган-Барановский, М. И.** (1865—1919)—видный представитель «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды «критиков марксизма» и скатившийся в лагерь либералов.

16. **Фихте** (1762—1801)—знаменитый немецкий философ, положивший начало философии суб'ективного идеализма.

17. **Брентано-Луйо**—буржуазный экономист, профессор политической экономии в Мюнхенском У-те с 1890 г., противник марксизма, проповедывающий «гармонию классов» и возможность разрешения социального вопроса путем примирения интересов капиталистов и рабочих.

18. **Родбертус** (1805—1875)—крупный прусский землевладелец, экономист, примыкавший к классической школе политэкономии, один из главных теоретиков «государственного» («прусско-юнкерского») социализма. Взгляды Родбертуса изложены и рассмотрены Г. В. Плехановым (соб. соч., т. I).

19. **Бем-Баверк, Е.** (1851—1914 г.)—австрийский экономист, наиболее выдающийся представитель «австрийской школы» в полит-экономии, пытающийся об'яснить все экономические явления с точки зрения «суб'ективных оценок» (теория «предельной полезности»). Критика теории Бем-Баверка у Н. И. Бухарина «Политическая экономия рантье» и Р. Гильфердинг «Бем-Баверк, как критик Маркса».

20. **Лассаль, Ф.** (1825—1864 г.)—один из крупнейших деятелей германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. Исходя из неверной теории «железного закона зарплаты», Лассаль не придавал значения профессиональной борьбе, все внимание уделял завоеванию для рабочих избирательных прав с целью влияния на правительство для получения кредита свободным производительным ассоциациям рабочих, через которых совершался бы постепенный переход к социализму. Вел переговоры с Бисмарком, что вызвало резкий протест у Маркса и Энгельса.

21. **«Русское Богатство»**—ежемесячный журнал, в начале 90-х годов попавший в руки народников и ставший главным их органом в борьбе против марксизма.

22. **«Начало»**—выходивший в 1899 г. под редакцией П. Струве и М. Туган-Барановского, орган «легального марксизма». «Начало» должно было служить продолжением закрытого «Нового Слова». Всего вышло 4 книжки.

23. **«Судьбы капитализма в России»**—автор ее один из главных теоретиков народничества, В. П. Воронцов (В.В.). Разбор и критика этой книги у Плеханова «Экономическое обоснование народничества в трудах г. Воронцова», Собр. Соч., т. IX

24. **Брошюра «Об агитации»**—была написана бывш. членом Ц. К. Бунда А. Кремером и Ю. О. Мартовым, в период пребывания последнего в Вильно. Написанная в 1894 году, брошюра два года ходила по России в гектографированном виде. В 1896 г. ее переиздали в Женеве с предисловием П. Аксельрода.

Брошюра сформулировала назревшую в рядах российской соц.-дем. потребность перехода от узко-кружковой пропаганды к широкой массовой агитации, сослужив в деле этого перехода крупную роль. Однако, на ряду с положительными сторонами, в ней имеется и ряд сомнительных мест, представляющих собою зародыши будущей экономистской «теории стадий», что позволило впоследствии экономистами ссылаться на нее в подтверждение своих взглядов. Критический анализ брошюры был дан В. Г. Плехановым в 1900 г. в «Еще раз социализм и политическая борьба». (См. т. XII, собр. сочинений Плеханова).

25. **«Credo»** (латин.—верую «Символ веры»). Документ, получивший распространение в 1899 году. Представляет собою теоретическое оформление экономического направления в рядах российской социал-демократии. Влияние идей западно-европейского оппортунизма (ревизионизм Э. Бернштейна) в документе сказывается чрезвычайно ярко. «Credo» написано Е. Кусковой, ныне находящейся в белой эмиграции. При посредстве А. И. Елизаровой «Credo» было переслано В. И. Ленину, находившемуся в то время в ссылке. Ссыльные социал-демократы реагировали на появление «Credo» знаменитым «протестом 17-ти», в котором оппортунизм экономистов подвергается жесточайшей критике.

26. **Бисмарк** (1815—1898) — крупнейший политический деятель.—«Железный Канцлер» Германской империи, главным делом которого было об'единение «железом и кровью» мелких, разрозненных немецких государств и создание германского национального единства под главенством юнкерской Пруссии. При помощи исключительных законов против социалистов пытался бороться со все усиливающимся ростом германской социал-демократии.

27. **Бланкизм**—от имени французского революционера **Огюста Бланки** (1805—1888). В русской политической литературе термин «бланкизм» обычно употреблялся в качестве противопоставления заговорщичества массовой политической организации. В этом же смысле Ленин характеризовал бланкизм как теорию, отрицающую классовую борьбу. Бланкизм ожидает избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы, а путем заговора небольшого интеллигентного «меньшинства» (Ленин) с целью захвата политической власти и декретирования коммунизма сверху. В полемике оппортунистов против революционной с.-д. первые неоднократно характеризовали термином «бланкизм» революционные элементы тактики пролетарского движения (диктатуру пролетариата, подготовку вооруженного восстания и пр.). В этом смысле употребляли термин «бланкизм» и Бернштейн, и русские меньшевики в борьбе с большевиками.

28. **Петербургские стачки текстилей 1896-97 г.г.**, в которых участвовало 30 тыс. человек.

29. **Витте**—крупнейший политический деятель царизма. В конце 90-х г.г. был министром финансов.

30. **Горемыкин**. В конце 90-х г.г.—министр внутренних дел.

31. **В начале 900-х г.г. «Петербургский Союз борьбы за осв. раб. класса»** находился под влиянием экономистов. Как видно из «Программы», «Союз» намеревался построить свою организацию на демократических основах. Рабочие кружки на заводах и фабриках об'единялись в районные организации, во главе которых стояли выбранные комитеты. Органом, возглавляющим всю организацию был Комитет раб.

организации», или «Раб. Комитет». Этот Комитет полностью входил в Петербургский Ком. Союза борьбы, куда кроме него входили представители от интеллигентской части Союза. Интеллигентские группы должны были нести лишь вспомогательные, подсобные функции, чтобы соблюсти «чистоту» рабочего движения.

Критическая оценка помещенного здесь типично-экономисткого устава была дана В. И. Лениным в «Что делать», глава Организация рабочих и организация революционеров , т. V, собр. сочинений.

32. **В Петербурге в декабре 1898 г.** произошли стачки у Паля и Максвеля. Забастовало около 4 тысяч человек. Стачка окончилась столкновением рабочих с полицией, арестами и избиениями как забастовщиков, так и членов их семей. Петербургский «Союз Борьбы», уже об'единявшийся с «Раб. Мыслью» и принявший экономическое направление, ограничился формулированием лишь экономических требований стачечников. Насильнические действия полиции «Раб. Мысль» склонна была об'яснить не только произволом властей, но и недостаточной выдержкой и организованностью самих стачечников, поддавшихся на провокацию...

33. **Оценку настоящего «Устава рабочей кассы»** дал В. И. Ленин в «Что делать» (Собр. сочинений, т. V., стр. 213 и дальше, изд. 1925 года).

34. **«Рабочее Дело»**—орган «Союза русских с.-д». (издавался с апреля 1889 г. по март 1902 г., вышло 12 номеров). Редакторы Б. Кричевский и А. Мартынов «Р. Д.»—выразитель оппортунистических течений в рядах русской с.-д. Тезисы «Р. Д.»: 1) пропаганда «экономистов» и «политиков», различные, но необходимые стадии одного и того-же процесса; 2) самое важное стихийное движение рабочих масс и с этим на данной ступени надо считаться; 3) переход к «политике» тогда, когда не будет возможности вести стачечную борьбу при условиях самодержавно-полицейского режима (см. статью Кричевского «Эконом. и полит. борьба в русском раб. движении»).

35. **«Союз русских социал-демократов»**—заграничная организация с.-д. возникшая по инициативе группы «Осв. Труда» в 1895 г. В начале «Союз» находился всецело под руководством «группы», и последней принадлежала редакция изданий «Союза». Вскоре перевес в «Союзе» получили оппортунистически настроенные «молодые» (Кричевский, Акимов и др.), и в ноябре 1898 г. на 1 с'езде «Союза» группа «Осв. Труда» отказалась от редактирования издания «Союза». Редакция «Раб. Дела» составилась исключительно из «молодых». С'ездом был принят в виде «резолюций и инструкций» своего рода наказ для новой редакции.

36. **Закон 2 июня 1897 г.** о продолжительности рабочего дня явился результатом забастовочного движения в 1895—1897 г. Рабочий день сокращался до $11^1/_2$ час. в сутки при дневной работе; до 10 час.—в субботу, накануне праздников и в ночное время. На практике вследствие применения сверхурочных работ закон был сведен почти к нулю.

37. **III очередной с'езд Союза русских социал-демократов** за границей состоялся в июле или августе 1901 года. По всему составу он был чисто рабочедельческим. На с'езде были рассмотрены условия возможного соглашения Союза с Группой «Освобождение Труда» и др. соц.-дем. организациями за границей. Условия были приняты с'ездом явно неприемлемые для революционного крыла соц.-демократии в виду их оппортунистичности.

38. **После III очередного с'езда Союза русских социал-демократов в августе 1901 г.** состоялся так.-нав. об'единительный с'езд. Об'единительная инициатива принадлежала группе «Борьба» во главе со Стекловым. На об'единительный с'езд с'ехались представители всех направлений—рабочедельцы (Мартынов, Кричевский) от группы «Борьба»—Стеклов, Рязанов, Смирнов, от группы «Освобождение Труда» и «Искры» Плеханов, Ленин, Мартов и др. До об'единения дело не дошло в виду нежелания представителей «Раб. Дела» и Союза русских соц.-дем. отказаться от своих оппортунистических тенденций.

39. См. примеч. 35-ое.

40. **«Новый» тред-юнионизм**—такое название получило новое направление английского профдвижения с конца 80-х и начала 90-х годов прошлого столетия. В отличие от «старого», «новый» тред-юнионизм характеризуется: более энергичной экономической борьбой, обострением стачечного движения, участием тред-юнионов в политической жизни страны. На ряду с цеховыми организациями высоко-квалифицированных рабочих, возникают союзы необученных рабочих (союз рабочих газовых заводов и союз рабочих докеров), которые уже в первые годы своего существования провели с успехом ряд крупных забастовок.

41. **Андрей Желябов** (1851—1881)—вождь партии «Народной Воли» и главный организатор ее террористических актов в 1878—1881 г.г. Примкнул к революционному движению в 1873 г., принимал участие в «хождение в народ», участник процесса 193-х; на Липецко-Воронежском с'езде «Земли и Воли» в 1879 г. организовал сторонников террора в новую партию «Народную Волю»; казнен за покушение на жизнь Александра II.

42. **Народники 70-х годов считали,** что Россия идет самостоятельным путем развития, отличным от пути развития Запада и что существование крестьянской общины даст возможность без политич. борьбы, минуя капиталист. стадию равития, непосредственного перехода к социализму. «Опыт хождения в народ» привел революционеров к выводам о необходимости длительных поселений в крестьянстве и взамен разрозненной работы отдельных кружков—создания централизованной организации, которая смогла бы стать в центре революц. движения и им руководить. Осенью 1876 г. было положено начало, а в 1878 г. создалась такая организация под именем «Земля и Воля».

43. **Народная Воля**—партия революционного народничества появилась в 1879 г., после раскола «Земли и Воли» на Липецко-Воронежском с'езде; прежнее аполитическое бунтарство народников сменилось политическим реализмом. Главая цель «Н. В.» свергнуть самодержавие путем террористической борьбы, направленной против царя и его главнейших чиновников. Исполнительный Комитет Народной Воли—строго законспирированный революционный центр—подготовлял террористические акты, вел пропаганду среди рабочих. 1 марта 1881 г. был казнен Александр II. К половине 80-х годов народовольческое движение было окончательно ликвидировано правительством.

44. **Массовое стачечное движение 1895—1897 г.** в Петербурге, вызванное тяжелыми условиями труда, господствовавшими тогда на фабриках и заводах. «Союз борьбы за освобожд. раб. класса» в большей или меньшей степени руководил этой борьбой, вел пропаганду и агитацию, выпускал листовки и брошюры, связывал борьбу ряда фабрик и держал связь с другими городами. Результатами стачечного движения был закон 2 июня 1897 г. о законодательном сокращении рабочего дня до $11^1/_2$ часов.

45. **Зубатов**—начальник Московского охранного отделения. Организатор «зубатовщины» или «полицейского социализма». В молодости (начала 80-х годов) участвовал в радикальных и революционных группах, но вскоре начал выдавать полиции. С 1889 г. развил широкую полицейскую деятельность (Минск, Вильна и др.). В 1902 г. организовал рабочие союзы: «О-во взаимопомощи рабочих механических мастерских в Москве, «О-во взаимопомощи фабр.-зав. рабочих» в Петербурге, с целью отвлечь рабочих от революционной деятельности, путем легализации экономической борьбы.

46. **Трепов, Д. П.**—ближайший помощник в. кн. Сергея Александровича и сотрудник Зубатова. После 9 января 1905 г. назначен Спб. генерал-губернатором. В октябре 1905 г. в приказе полиции бросает знаменитую фразу: «патронов не жалеть».

47. **После Морозовской стачки** в январе 1885 г. в Орехо-Зуеве, на ф-ке Саввы Морозова был издан закон 3 июня 1885 г.—«Правила о найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры» и «Особенные правила о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». («Закон о штрафах»). Был создан институт фабричных инспекторов.

48. **Лорис-Меликов**—начальник «верховной распорядительной комиссии» для борьбы с крамолой в 1880 г., пытался заигрывать с либералами, отвлечь их от рас-

тущего революц. движения. Лорис-Меликовская «конституция», которая сводилась к организации совещательных комиссий из местных людей, показалась правительству настолько опасной, что Лорис-Меликову пришлось уйти в отставку. Период министерства Лорис-Меликова получил в печати ироническое название «диктатуры сердца».

49. **«Искра»**—социал-демократическая газета, руководящий орган российской социал-демократии в период 1900—1903 г.г. Основана по инициативе Ленина, которому в газете принадлежала роль идейного руководителя и практического организатора. Редактировалась В. И. Лениным, Г. В. Плехановым, Ю. О. Мартовым, П. Б. Аксельродом, А. Н. Потресовым и В. И. Засулич. На 2 с'езде РСДРП «Искра» была признана Центральным партийным органом. При участии В. И. вышли первые 51 номер «Искры». После раскола на 2-м с'езде В. И. вышел из редакции «Искры» (1/IX 1903 г.); с тех пор и до конца своего существования (№ 112, октябрь 1905 г.) «Искра» сделалась меньшевистским органом.

50. **«О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»**—брошюра Г. В. Плеханова, вышедшая в издании «Библиотеки Современных соц.», Женева, 1892 г. (собр. сочинений, том III, стр. 355).

51. **В начале 1899 г.** в результате столкновения студентов с полицией, произошла всеобщая забастовка студенчества по всей России с требованием отмены полицейского университетского закона 1887 г. Правительство ответило на это движение массовыми арестами и насильственной отдачей студентов в солдаты. Эта мера правительства значительно усилила революц. выступления студенчества. В 1901 г. происходили бурные политические студенческие демонстрации, к которым примыкали рабочие, под лозунгами «долой самодержавия», да здравствует политическая свобода» и т. д. (Харьков, 9/II-1901 г. Москва, 23/II, Питер 4/IV 1901 г.).

52. **Карпович, П. В.**—студент, член «боевой организации» партии социалистов-революционеров, убил министра народного просвещения, Боголепова, 24 февраля 1901 г. считая его главным инициатором издания временных правил об отдаче студентов в солдаты.

53. **7 мая 1901 г.** вспыхнули волнения на Обуховском сталелитейном заводе в Петербурге. Рабочие потребовали приема обратно на работу уволенных за празднование 1 мая рабочих (70 чел.). Когда начальство ответило отказом, рабочие остановили машины и в кличестве 3600 чел. высыпали на Шлиссельбургский тракт. Полиция своим вызывающим поведением спровоцировала побоище; рабочие дважды отбивали нападение жандармов и полиции. Во время Обуховской бойни убиты 6 рабочих и 8 тяжело ранено. После расправы 37 чел. были преданы суду.

54. **Варшавские рабочие Франц Свидерский и Валентин Возняк** убили шпиона Антона Гршешака, а горнорабочий Езиоровский убил машиниста-предателя. Военный суд в Варшаве приговорил Свидерского, Возняка и Езиоровского к смертной казни, которая была заменена бессрочной каторгой. В № 1 «Искры» помещена статья Мартова «Царское правосудие и царская милость» и воззвание «ко всем рабочим и работницам России» с призывом устраивать забастовки с требованием отмены решения суда. Воззвание было распространено в ряде городов России.

55. **Статья В. И. Засулич—«По поводу современных событий»**, «Искра» № 3, апрель 1901 г. В этой статье Засулич, касаясь студенческих волнений и выстрела Карповича, пишет: «Мы глубоко убеждены, что в настоящий момент такой террор, если бы на нем стали сосредоточиваться общественные надежды, не только не усилил-бы освободительное движение, а, наоборот, ослабил-бы его». В. И. Засулич высказываясь против террора сбилась на этическую оценку террора—можно-ли для счастья человечества пожертвовать жизнью, хоть одного ребенка;—это не искровская постановка вопроса.

56. **В № 3 «Искры»** помещен обзор т. Лепешинского «Из нашей общественной жизни». Подробно описываются демонстрация и побоище на Казанской площади в С.-Петербурге 7 марта 1901 г.. в день суда над студентом Карповичем, убившего министра просвещения Боголепова. Демонстрация была назначена «Советом союза об'единенных землячеств и студенческих организаций». Безоружную толпу на пло-

щади окружили полиция и войска и организовали массовое побоище. «Искра» пишет, что если-бы социал-демократические кружки призвали к демонстрации рабочих, то это «представляло бы из себя не простое избиение народа, а сражение с народом».

57. **«Южный Рабочий»** — екатеринославская с.-д. газета, созданный к концу 1899 г. (Наумов, Лалаянц, Харченко, Розанов). В отличие от экономистов, «Южный Рабочий» в своей агитации призывал к борьбе не только с предпринимателями, но и с самодержавием. В вопросах тактики «Южный Рабочий» примкнул к «Искре». «Ю. Р.» принимал активное участие в создании О. К. по созыву II с'езда; прекратил свое существование после с'езда.

58. **14 декабря 1825 г.** произошло восстание «Северного Союза декабристов» на сенатской площади в Петербурге. «Союз» представлял собою заговорщическую организацию, состоящую преимущественно из передовой группы офицерства, стремился к цензовой конституции и отмене крепостного права. 14 декабря 1825 г. (день присяги новому царю Николаю 1) вожди заговора вывели солдат на сенатскую площадь и отказались дать присягу Николаю. На площадь была вызвана артиллерия, которая открыла огонь картечью по восставшим войскам и окружавшему народу.

59. **Рижские события** (май 1899 г.) начались с забастовки на джутовой фабрике. Владелец фабрики обещал набавить работницам заработную плату, но не выполнил этого обещания. Работницы пошли жаловаться губернатору. Вызванная полиция загнала работниц в «Псковский сад» и не выпускала оттуда. Узнав об этом, рабочие завода «Феникс» и других заводов пришли в «Псковский сад» и освободили работниц. В ответ на издевательства полиции («пусть пополнят свой заработок проституцией»,— заявление полицмейстера), рабочие разгромили публичные дома и приступили к разгрому фабрик. Около недели рижские рабочие вели ожесточенную борьбу с полицией и войсками.

60. **Статья В. И. Ленина—«Рабочий класс и крестьянство»** «(Искра» № 3—апрель 1901 г.), написанная в связи с 40-летием реформы 1861 г. В этой статье отчетливо изложена точка зрения «Искры» на крестьянский вопрос. Взгляды, высказанные здесь Лениным, позже легли в основу аграрной программы партии, принятой на II с'езде.

61. **Ауэр, Игнатий** (1846—1907 г.) в 1874 г. был секретарем партийного комитета эйзенахцев, был докладчиком на об'единительном с'езде в Готе (1875 г.) по организ. вопросам, в 90-х годах бессменный секретарь партии. К теории Ауэр относился с пренебрежением, был мастером компромиссов, много сделал для примирения большинства с ревизионистами.

62. **Статья «С чего начать»**—передовица № 4 «Искры» (май 1901 г.), написанная В. И. Лениным. В этой статье Ленин выступает против «Раб. Дела», которое в этот период под влиянием студенческих волнений заговорило о «штурме самодержавия» и проявило склонность к пересмотру социал-демократических взглядов на индивидуальный террор (т. IV, стр. 107—новое изд.).

63. **Уличные демонстрации**, поводом к которым явились репрессии правительства по отношению к студенчеству и убийство в ответ на это студентом Карповичем министра Боголепова, имели место в целом ряде городов и знаменовали собою рост политической активности в стране.

64. **Прокламация «Ко всем русским рабочим»** издана «Союзом русских с.-д.» в марте 1901 г. в связи с февральско-мартовскими выступлениями студенчества и выстрелом Карповича. В фельетоне «На злобу дня» № 4 «Искры» Л. Мартов выступает против поворота «Раб. Дела» и легкомысленного призыва к террору.

65. **Лаговский, Н. К.**—Статистик Самарской земской управы, произвел 9 марта 1901 г. покушение на обер-прокурора Синода, К. П. Победоносцева, считая последнего главным вдохновителем реакции вообще и в школьном деле в частности. Был приговорен к 6 годам каторги.

66. **4-й с'езд «Бунда»** (Всеобщий еврейский союз) происходил в мае 1900 г. в Белостоке. В резолюции с'езда «О средствах политической борьбы» говорится, что «террор, как средство политической борьбы несвоевременен», в то же время «в слу-

чае повторения террористических актов пользоваться ими для развития путем прокламаций политического сознания».

67. **Первый и второй проекты программы «Освобождение Труда»**—См. Плеханов, собр. сочин., том II, стр. 361 и 402—403.

68. **В № 5 «Искры»** помещен фельетон Г. В. Плеханова «Новое вино в старых мехах» (Собр. сочинений, т. XII, стр. 117). Разбирая манифест партии социалистов-революционеров, Плеханов заявляет, что взгляды манифеста совпадают со взглядами группы «Освоб. Труда» и призывает авторов манифеста соединиться с социал-демократами. Появление нового народничества «Искра» не встретила враждебно и делала попытки найти точки соприкосновения. Но уже через год внимательно приглядевшись к физиономии эсеров «Искра» начинает войну с ними (Плеханов, № 20 «Искры», статья «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи» и Ленин, «Искра №№ 23 и 24 статьи «Революционный авантюризм»).

69. **Г. В. Плеханов**—«Еще раз социализм и политическая борьба», отпечатанная в № 1 журнала «Заря». В статье Плеханов резко обрушивается на экономистов, заявляя, что торжество «экономического» направления привело бы к политической эксплоатации русского рабочего класса демократической и либеральной буржуазией», а нам нужно, чтобы «тактика русской социал-демократии дала бы этому передовому отряду русского рабочего класса политическую гегемонию в освободительной борьбе с царизмом» (собрание сочинений, т. XII, стр 67—102).

70. **«Доклад о русском социал-демократическом движении международному социал. конгрессу в Париже 1900 г.**—и история еврейского рабочего движения в России и Польше», издание «Союза русских с.-д.», Женева 1901 г.

На Парижском конгрессе русская делегация состояла из 2-х частей: большинство с Кричевским во главе, меньшинство во главе с Плехановым. По вопросу о вступлении Мильерана (тогда социалиста) в буржуазное правительство представители большинства («Раб. Дело») поддерживали Жореса, выступавшего за вступление социалистов в правительство. Меньшинство (Плеханов) поддержало Ж. Геда, высказывавшего противоположные взгляды. Плеханов, собр. сочинений, т. XII, стр. 103).

71. **«Искра» № 4**, передовица В. И. Ленина «С чего начать» вошла в собр. соч., т. IV.

72. **В период Конвента Великой Французской Революции** происходила ожесточенная борьба между партией революционной мелкой буржуазии **Горы** (монтаньеров) и партией умеренной буржуазии **жирондистов**, перешедшей в лагерь контр-революции. Г. В. Плеханов в статье о парижском междунар. конгрессе ссылается на то, что Э. Вандервельде в вопросе об участии социалистов в буржуазном правительстве приводил пример борьбы Горы и Жиронды (Плеханов, т. XII, стр. 103).

73. **Письмо Аксельрода** на рецензию № 1 «Раб. Дела» появилось отдельным изданием в декабре 1899 г. Рецензия «Раб. Дела» касалась предисловия Аксельрода к брошюре «Задачи русских соц.-дем.», написанной Лениным и изданной за границей. В этом предисловии Аксельродом, между прочим, говорилось, что соц.-дем. движение в России еще только стремится к тому уровню развития, который соответствует тактическим взглядам автора «Задач русских соц.-дем.». Рецензент «Раб. Дела» выразил свое несогласие с этим, заявив, что русская соц.-демократия уже на деле проводит тактические взгляды автора. Такое утверждение «Раб. Дела» по существу сводилось к замалчиванию существующих в России экономистских тенденций, что и вызвало ответное письмо со стороны Аксельрода.

74. **«Vademecum»** (Путеводитель) для редакции «Рабочего Дела». С приложением об'явления о возобновлении изд. Группы «Освобождение Труда»,—брошюра против экономистов, изданная Г. В. Плехановым в феврале 1900 г., в Женеве.

75. **Оппозиция 1888 г.** среди заграничных соц.-демократов против группы «Освобождение Труда» возникла под руководством Р. Соловейчика и Н. П. Слепцовой. Причиной конфликта, насколько можно судить, было требование оппозиции, чтобы группа занялась изданием популярной литературы для России и расширила свой состав, на что группа не шла. Вторая оппозиция возникла в начале 90-х г.г. с уча-

стием Льва Иогихеса (Тышко) и Розы Люксембург. Отношение Плеханова к более молодому поколению соц.-дем. эмиграции было весьма настороженным. «В эмиграции Плеханов хозяйничал по собственному усмотрению,—пишет т. Мархлевский в своих воспоминаниях о Р. Люксембург и Тышко (см. «Ком. Интер. № 3—1919 г.). Кто не ладил с ним лично, тот попадал в опалу, и за ним оспаривали право называть себя соц.-демократом. Тов. Иогихес был не из покладистых и не пожелал подчиниться такому режиму. К нему вскоре присоединились другие члены эмиграции и решили действовать самостоятельно». В результате «молодые» образовали особую литер.-изд. группу под фирмой «Соц.-дем. библиотека», выпустившей ряд изданий. Главной литературной силой группы был Б. Кричевский.

В тексте, однако, напрасно проводится аналогия между вышеозначенными оппозициями и оппозицией, возникшей в Союзе русских соц.-дем. позднее под руководством Кричевского, Иваньшина и др. Последняя оппозиция питала явную склонность к оппортунизму, чего нельзя сказать про более ранние, так что в последнем конфликте вся правда всецело была на стороне Плеханова и группы «Освобождение Труда».

76. **«Социал-демократическая библиотека»** издавалась в 1893—1895 г.г. под ред. будущего вождя «экономизма» и руководителя «Рабочего Дела», Б. Кричевского. Вышли труды Маркса: «Наемный труд и капитал», «18 брюмера Луи-Наполеона» и Каутского «Эрфуртская программа», а также брошюры самого Кричевского: «Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу».

77. **Брошюра П. Аксельрода «К вопросу о современных задачах и тактике русских соц. демократов»** появилась в издании «Союза русских с.-д.» в 1898 году. С небольшими сокращениями она помещена в настоящем сборнике.

78. **«Протест русских с.-д.»** явился ответом на взгляды, формулированные в «Credo.» Тов. Лепешинский сообщает, что летом 1889 г. по инициативе Вл. Ильича собралась вся колония пребывавших в Минусинском уезде ссыльных с.-д. и, обсудив документ, получивший название «Credo», вынесла протест в числе 17-ти чел. Участники протеста: 1) В. И. Ульянов; 2) Н. К. Крупская; 3) О. Энберг; 4) В. В. Старков; 5) А. М. Старкова; 6) Г. М. Кржижановский; 7) З. П. Кржижановская; 8) А. С. Шаповалов; 9) Н. П. Панин; 10) Ф. В. Ленгник; 11) Е. В. Барамзин; 12) А. А. Ванеев; 13) Д. В. Ванеева; 14) М. А. Сильвин; 15) В. К. Курпатовский; 16) О. Б. Лепешинская; 17) П. П. Лепешинский.

«Протест» отпечатан в собр. сочинений В. И. Ленина, т. I.

79. **«Современная Россия»** брошюра, вышедшая в 1897 г. в издании «Союза русских социал-демократов».

80. **В брошюре «К вопросу о тактике и задачах русской соц.-демокр.» (1897 г.)** П. Б. Аксельродом было высказано опасение о возможности утери русским рабочим классом политической самостоятельности своего движения и превращения в придаток либеральной буржуазии, если движение рабочего класса замкнется в узкие пределы только экономической борьбы.

81. **Газета «Арбейтер-Штимме»** (Голос рабочего)—руководящий орган «Бунда» 90-х г.г. Начал выходить в 1896 г. На I с'езде «Бунда» «Арбейтер-Штимме» был признан центральным органом, следил за борьбой российского и особенно еврейского пролетариата, уделяя внимание критике существующего строя и пропаганде идей политической борьбы. Видное место в газете уделялось защите специальных интересов еврейского пролетариата.

82. **«Бунд»**—«Всеобщий Еврейский Рабочий Союз в Литве, Польше и России». Основан в 1897 г. На первом с'езде РСДРП в 1898 г. вошел в ее ряды. В 1903 г. вышел из партии, не подчинившись постановлению 2-го с'езда об организационном централизме. Вторично вошел в состав РСДРП на об'единительном с'езде в 1906 г. В годы реакции «Бунд» снова стал самостоятельной организацией, поддерживая, однако, меньшевиков-ликвидаторов. Во время гражданской войны большинство бундовских организаций под напором еврейских рабочих масс вошло в состав ВКП (б).

83. **Союзы щетинщиков и кожевников**—обединяющих ремесленных рабочих западной окраины. Союзы вели экономическую борьбу с хозяевами. Входили в состав «Бунда» на правах местных комитетов.

84. **V конференция «Бунда»** состоялась в 1902 г. в Бердичеве.

85. **«Последние Известия»**—издание заграничного Комитета «Бунда»; вышло 256 номеров (1901—1906 г.г.).

86. **Стачка на суконной фабрике Торнтона** происходила 5—8 ноября 1895 г. «Союз Борьбы» во время этой стачки применил новую тактику массовой агитации. Было выпущено 2 листка к бастующим рабочим. Первый листок написан Г. М. Кржижановским и до настоящего времени не разыскан. Второй листок, написанный В. И. Лениным, отпечатан. Собр. Сочин., т. I, стр. 289.

87. **Тахтарев, К. М.** (Петербуржец)—редактор газеты экономистов «Рабочая мысль». Автор книги «Очерк петербургского рабочего движения 90-х годов».

88. **«Молодые»**—оппортунисты в соц.-дем. движении конца 90-х годов, проповедывавшие рабочим заниматься исключительно повседневной экономической борьбой, предоставив политическую борьбу либеральной буржуазии. «Молодые» заняли руководящую роль в с.-д. движении, благодаря массовым арестам «стариков» (Ленина, Мартова, Ванеева, Кржижановского и др.) в 1895—96 г.г.

89. **Организация «молодых»**, по свидетельству Акимова, распалась на две группы А и Б, которые были в оппозиции к «старикам». Группа А работала на шлиссельбургском тракту, группа Б—в порту. Прокламации обеих групп выходили за подписью Союза.

90. **Группа «Рабочего Знамени»** откололась в 1898 г. от петербургских экономистов и связавшись с белостокской группой «рабочих революционеров»—организовала газету «Рабочее Знамя». Группа «Рабочее Знамя» признавала необходимость политической борьбы с самодержавием.

91. **Халтурин, Степан** (1856—1882)—рабочий, организатор «Северо-русского рабочего Союза» (1878). В 1880 г., по поручению Исполнительного Комитета Партии «Народной Воли», произвел взрыв в зимнем дворце. В 1889 г. казнен за убийство одесского прокурора, Стрельникова.

92. **«Старая» Екатеринославская организация** была под влиянием экономистов. С 1899 г. в Екат. организации усиливается влияние противников экономизма, с какого времени она начала издавать с.-д. орган «Южный Рабочий», который в вопросах тактики примкнул к Искре».

93. **Абдул-Гамид**,—б. турецкий султан,—свергнутый национально-революционным движением.

94. **Нарцисс Тупорылов**—шутливый псевдоним Л. Мартова, которым подписан «гимн новейшего русского социализма». В этом «гимне» Л. Мартов в шутливой форме высмеивает «теорию стадии» экономистов. Отдельные строфы гимна кончались припевом: «медленным шагом, робким зигзагом, тише вперед, рабочий народ». «Гимн» приведен в «Истории РКП (б)» под ред. Ем. Ярославского, т. I, стр. 252.

95. **Группа «Освобождение Труда»** – первая заграничная соц.-дем. группа, основоположница марксизма в России. Образовалась в 1883 года. В состав ее вошли Г. В. Плеханов, П. Аксельрод, В. Засулич, Л. Дейч. и Игнатов.

96. **Богданов, А. А.** (Максимов), умер в 1928 г., деятельный участник III С'езда партии, член ЦК РСДРП в 1905—1907 г.г. В годы реакции отошел от партии. В области философии защищал точку зрения «эмпириомонизма», с которой решительно боролись В. И. Ленин и Г. В. Плеханов, противопоставляя ей диалектический материализм.

97. **Всеобщая забастовка в октябре 1905 г.**, послужившая преддверием декабрьского вооруженного восстания и заставившая царское правительство издать манифест 17 октября о созыве законодательной Думы.

98. **Каутский, К.**—крупнейший теоретик марксизма и видный деятель немецкой с.-д. Основал с Дитцем в 1883 года руководящий орган с.-д. партии «Новое Время», был близким сотрудником газеты ЦК партии, «Вперед». Его работы» Эрфурт

ская программа», где с наибольшей точностью изложена программа с.-д, «Аграрный вопрос», «Экономическое учение К. Маркса», ряд исторических трудов, освещающих крупнейшие эпохи прошлого с точки зрения классовой борьбы, приобрели международное значение. В настоящее время—крайний оппортунист и противник Сов. России.

99. **Эрфуртская программа**—программа германской соц.-демократии, принятая последней на с'езде в 1891 г.

100. **Готская программа**—программа германской социалистической партии, принятая в 1875 году на конгрессе в Готе, об'единившем две существовавшие до того отдельно социалистические фракции—лассальянскую и эйзенахскую (марксистскую). Программа вызвала критику К. Маркса (см. его брошюру: «Критика Готской программы»).

101. **Гайнфельдская программа** австрийской с.-д. партии, принятая на с'езде последней 30/XII 1888 г.—1/I 1889 г.; русский перевод ее дан Чернышевым в «Памятной книжке марксиста».

102. **Речь идет о программе, принятой на с'езде в Вене** 1901 г. в результате пересмотра старой (Гайнфельдской) программы австрийской соц.-дем.

103. **Гедистская программа**—программа французской рабочей партии, составленная Гедом,. Лафаргом и др. и принятая на с'езде в Марсели в 1879 году.

104. **Проект программы «Осв. Труда»**—см. Сочинение Г. Плеханова, т. II.

105. См. примечание 27.

106. **Сулла** (138—78 до Р. Х.)—римский военоначальник; с 82 года диктатор Риме.

107. Приведенное место было вставлено в устав I Интернационала не по инициативе Маркса, который по этому поводу впоследствии писал Энгельсу: «все мои предположения приняты были подкомиссией. Меня только обязали во введение к уставу вставить пару фраз с «обязанностями» и «правами», а также «правду, нравственность и справедливость», но все это так размещено, что не может принести никакого вреда» (см. Д. Рязанов. Маркс и Энгельс, 1923, стр. 190—191).

108. **Минье** (1796—1884)—французский буржуазный историк, в произведениях которого исторический ход событий нередко об'яснялся противоположностью классовых интересов.

109. **Правительство 1793 года**—правительство Конвента в эпоху Великой Французской Революции; представляло собою диктатуру революционной мелкой, так наз. якобинской буржуазии: Якобинский Конвент беспощадно расправлялся с контрреволюцией целым рядом террористических мероприятий и довел революцию до конца, разрешив крестьянский вопрос и т. д.

110. **Демулен, Камилл**—деятель Великой Французской революции, якобинец. Погиб на гильотине, обвиненный в стремлении восстановить монархию.

111. **Дантон, Ж.**—вождь умеренного крыла якобинцев в эпоху Великой Французской революции. Пал в результате борьбы с политикой Робеспьера.

112. **Робеспьер, М.** (1758—1794)—выдающийся деятель Французской революции, один из наиболее видных вождей якобинской диктатуры. Был казнен своими политическими противниками, одержавшими верх в Конвенте.

113. **Из «18 Брюмера Л. Бонапарта»**, К. Маркса (т. Ш, Собр. Сочинений).

114. **Фон-Валь**—Спб. градоначальник, а потом товарищ министра Плеве, прославился борьбой с рабочими, студентами и революционным движением. За зверскую расправу с виленскими рабочими подвергся террористическому покушению со стороны Леккерта (1902 г.).

115. **«Диктатурой сердца»** названа была политика начальника «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с крамолой в 1880 г. Лорис-Меликова. Эта политика была очень кратковременной попыткой русской бюрократии путем заигрывания с либералами и обывателем отвлечь их симпатии от растущего в стране рев. движения.

116. **Адлер, Виктор**(1852—1918)—один из вождей австрийской с.-д, вначале занимавший ортодоксально-марксистскую позицию, потом скатившийся до ревизионизма и оппортунизма. Был редактором центрального органа партии «Arbeiter Zeitung» («Рабочей Газеты»).

117. **«Молодая Россия»**—прокламация, выпущенная летом 1862 г. кружком московских студентов Зайчневского и Аргиропулло. В прокламации вся Россия делится на две партии: 1) угнетаемых—народная партия, во главе которой должна стать передовая молодежь; 2) угнетателей и эксплоататоров. Выход из положения один: «кровавая, неумолимая революция, которая должна изменить радикально все без исключения основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка». Имелось в виду устроить федеративный коммунистический строй, общественное землевладение, общественные фабрики и заводы, общественное воспитание детей. Проведение программы предполагалось якобинским путем; учреждалось выборное национальное собрание, выборы в него должны были происходить под контролем власти. Инициатива революции возлагалась на молодежь и на войско.

118. **Брукэр** (Лидия Махновец)—делегат на 2-м с'езде Р. С. Д. Р. П. от петербургской рабочей организации; сторонница крайних экономистских взглядов.

119. **Посадовский** (В. Мандельберг)—делегат на 2-м с'езде Р. С. Д. Р. П. от Сибирского Союза. Произнес на с'езде речь, в которой заявил об относительной и условной ценности демократических принципов.

120. **Нечаев, С, Г.**(1848—82)—революционер-заговорщик, основатель «Общества народной расправы». Один из деятельнейших и энергичнейших революционеров 60-х годов. Умер в Петропавловской крепости.

II. МАХАЕВЩИНА

ЧТО ТАКОЕ «МАХАЕВЩИНА»?

Вряд ли «махаевщину» можно рассматривать как особое течение в революционном лагере России. Даже в самый разгар революции 1905 г., когда любой лозунг, любое направление революционной мысли привлекали то или иное количество сторонников, махаевцы не пользовались положительно никаким влиянием. Правда, в некоторых Сибирских городах и на Юге, они проявили кое-какие признаки жизни путем распространения прокламаций, выступления на собраниях, издавали даже свою газету «Рабочий заговор»,—но все это не оставило никаких следов на революционном движении того времени. После революции 1905 года «махаевщина» вообще бесследно исчезла, не оставив после себя даже сколько-нибудь прочных воспоминаний.

«Махаевщина» —это своеобразное анархическое течение, в значительной степени родственное экономизму. Махаевщина—экономизм, доведенный до крайних выводов. Преклонение «экономистов» перед стихийностью, отрицание ими значения в революционном движении теории, их борьба против участия в рабочем движении интеллигенции—все эти тенденции, представляющие основу «экономизма», в значительно большей степени свойственны «махаевщине».

Основоположники «махаевщины», Махайский (Вольский) и Лозинский, в центре своих теоретических изысканий поставили проблему интеллигенции. Они разрешали эту проблему в том смысле, что интеллигенция, «умственные рабочие», в отношении своей социальной значимости ничем не отличается от буржуазии, с которой они составляют «образованное общество»,—паразитический нарост, питающийся соками рабочего класса. «Умственный рабочий» не производит ценностей, он живет за счет прибавочного труда рабочих материального производства. Поэтому пролетариат должен бороться не только против «горстки капиталистических магнатов, но против всего «образованного общества», в том числе и против «белоручек-интеллигентов». И прежде всего ему необходимо преодолеть идеалогические влияния интеллигенции, которая своими социалистическими, политическими, конституционными и всякими иными теориями лишь сбивает рабочих с правильного пути и засоряет их сознание вредными идеями. Призывая пролетариев к борьбе за социализм, интеллигенция лишь готовит предпосылку своего будущего господства, когда, получив возможность продолжать эксплоатации рабочих масс, она использует для этого свое умственное превосходство.

Сами «махаевцы» так излагают свои воззрения: «Все зло в идеологии, в идеалах. В продолжение всей истории, всегда, когда народные массы поднимались на борьбу, приходила притворно-правдивая, обманчиво-искренняя интеллигенция и совлекала их с истинного пути борьбы. Класс белоручек, интеллигенция—это

волк в овечьей шкуре, это коварное дитя буржуазии, в течение многих, долгих веков опутывала рабочий класс тонкой сетью призрачных идеалов, хитрой сказкой несбыточных утопий. Народные массы шли за ними, проливали кровь, гибли, боролись. И на место старых цепей появились новые, лишь слегка позлащенные, но еще более крепкие и прочные. И еще тяжелее и мучительнее становилось рабство, невыносимее гнет неволи»...

Рабочий класс должен бороться против всяких идеалов, против демократии, социализма, анархизма. «Лишь борьба за конкретные повседневные требования, борьба за улучшение материального положения масс, за более короткий день, более санитарные условия труда, за лишнюю копейку—отвечает интересам масс. Путем целого ряда таких требований рабочий класс добьется своего конечного, конкретного требования—**равного дохода для всех**. Он добьется того, что пролетарий, капиталист-буржуа, чиновники-правители будут получать равные доходы. Добившись этого, рабочие поставят своё последнее требование **«равного образования для всех»**.

Относясь отрицательно к интеллигенции, «махаевцы», вместе с тем, с большой подозрительностью относились к квалифицированным рабочим, считая их безнадежно развращенными интеллигенцией и буржуазной культурой. Они видели для себя опору, по преимуществу в людях, выбитых из жизненной колеи, в безработных, в босяках, в хулиганах. В программных движениях городских низов и деклассированных элементов населения, конечно, мудрено искать идеологических обоснований. Босяк-хулиган действует по-«махаевски», не мудрствуя лукаво, не разводя теоретических суемудрий,—он заставляет капиталистов раскошеливаться, берет у них то, что ему нужно и что они могут ему дать *).

Таковы принципы «махаевской» практики. С теоретическими же их принципами читатель ознакомится по приведенному здесь отрывку из книги Махайского, «Умственный рабочий», написанной им в конце 90-х г.г.

МАРКСИЗМ В РОССИИ.

(Из книги Вольского (Махайского)—«Умственный Рабочий» часть 2-я, гл. V).

Та общественная сила, скрыть которую составляет первую задачу марксизма,—классовый интерес образованного общества в момент развития крупной промышленности, интерес класса привилегированных наемников, умственных рабочих в капиталистическом государстве,—выступает со своеобразною яркостью и силою в буржуазной России.

Русское революционное движение за последнее тридцатилетие прошло через две, с виду прямо противоположные, крайности: от самых ярких надежд и самых широких планов полного общественного преобразования оно дошло до самых крайних пределов социал-демократического поссибилизма, покоящегося на том убеждении, что полному общественному преобразованию предстоит осуществиться лишь «в дали веков».

Русский национальный социализм 70 г.г. хотя и дошел до самой невероятной утопии, которую и оставил в наследство отъявленным ретроградам, позднейшим русским народникам, был, тем не менее, непосредственным выводом из той **социалистической** идеи, которая проповедывалась рабочему классу на Западе. Если русский национальный социализм сводился к делу преобразования общины в социалистическую организацию, то это свое утопическое предприятие он выводил прямо

*) См. Общественное движение в России в начале XX века, статья Б. И. Горева «Аполитические и антипарламентские группы».

той проповеди Интернационала, которая призывала деревенское население к образованию коммунистических ассоциаций, из тех резолюций марксистов, которые требовали от государства передачи общинных, церковных государственных земель в руки рабочих ассоциаций и запрещения продажи их частным лицам. (Резолюция конгресса марксистов-социал-демократов в Штутгарте 1870 г. См. Мейер в «Эмансипационной борьбе четвертого сословия»).

Наконец, научный социализм, в лице Маркса, непосредственно признал возможной и уместной попытку русского социализма преобразовать общину в социалистическую ассоциацию, попытку «русских людей найти для своего отечества отличный от западно-европейского путь развития» (в письме в редакцию «От. Зап.» и в предисловии к русскому изд. Комм. Маниф. 1882 г.) [1].

Если социалисты 70-х г.г. мечтали о достижении социалистического строя путем борьбы русского передового общества, русской интеллигенции, то опять-таки эта утопия вполне согласовалась с проповедью Интернационала, призывавшего к пролетарской борьбе всех «умственных рабочих», в том числе даже попов и офицеров («Умств. Раб.», ч. I, стр. 123, изд. 1905 г.), вполне согласовалось с идеей немецких марксистов того времени, идеей достижения общими усилиями рабочих и «бюргерства»—«социал-демократической республики», как «общей им цели». (Там же, стр. 111).

Стало-быть, грехи русского национального социализма являются, вместе с тем, и грехами научного социализма. Поэтому русская соц.-демократическая партия, не сознающая этого греха, но желающая быть верной ученицей научного социализма, заявляет в своем Манифесте 1898 г. [2], что она,

«как направление социалистическое, продолжает традиции всего предшествовавшего движения в России» (там же, стр. 78).

Если на Западе рассматриваемые утопические мечтания совсем не воплощались в жизнь, то не потому, чтобы у научных социалистов был недостаток в этих утопических стремлениях, а потому, что реальная жизнь, реальная общественная сила—интерес пролетария,—развиваясь, попросту выбрасывала за борт все эти утопические мечтания.

В России же социалистические идеи и планы воспринимались очень широко, но лишь для того, чтобы создать некую для общества фикцию, фикцию «единого русского социалистического народа», долженствующую заглушать ту реальную общественную силу, которой этой басней кормить нельзя.

Отсюда, конечно, следует тот прямой вывод, что научный социализм вовсе не опередил своим учением общественного развития до такой степени, что всем его сторонникам приходится ждать, пока последнее достигнет той высоты, до которой дошли гиганты мысли—все «ученики». Наоборот, научный социализм лишь черепашьим шагом тянется вслед за общественным развитием, соглашается на утопию там, где дело слишком сложно, а затем, простым отречением от этой утопии, **без познания ее сущности**, сразу достигает всей своей «научной безошибочности».

Русское образованное общество в 60-х г.г. мечтало о своем освобождении из-под азиатского режима таким же путем, каким это освобождение долгое время совершалось в западно-европейских передовых странах, т.-е. путем простой демократизации государства для защиты «прав человека», причем «социальный вопрос» совершенно не затрагивался. Но в эту эпоху вражда между образованным обществом и его уполномоченными, капиталистами, достигла уже в цивилизованном мире высокой степени развития. В продолжение нескольких всего лет по уничтожении крепостного права, эта вражда, это «капиталистическое противоречие» дало о себе знать и в России. Под охраной и с помощью сильной власти, здесь быстрее, чем где-либо, происходила фаза «первоначального накопления» и вырастало бесчисленное множество кулаков. С другой стороны, не медленнее капиталистического прогресса, вырастали многочисленные ряды интеллигенции, умственных рабочих. Азиатский режим и господство кулака не могли удовлетворить передовое общество: ему пре-

подносились слишком уже простые явства, а кулак наносил интеллигенту одни лишь обиды. Русская передовая интеллигенция в 70-х гг. широко начинает воспринимать западно-европейский социализм.

«Все плоды гигантского развития производительных сил присваиваются относительно небольшим числом крупных землевладельцев и капиталистов... Класс капиталистов становится в резкое противоречие с обществом».

Никто не оказался столь восприимчивым к этим положениям марксизма, являющимся еще до сих пор аксиомами в социал-демократических программах, как народники-социалисты. Русские народники так глубоко и последовательно продумали эти аксиомы, что в результате получился полнейший абсурд и известные народнические утопии «о мертворожденности капитализма в России».

«Увеличение потребления», поясняет В. В. [3]) социал-демократическую аксиому: «совершается только в среде кучки богатеющих фабрикантов и аферистов всякого рода». (Судьбы капитализма, стр. 15).

«Кучка фабрикантов и землевладельцев, командующих среди необ'ятного пространства (напр., Россия), представляет до того нелепую и безобразную картину..., что мы должны отвергнуть... необходимость для каждой страны достигнуть развитие общественной формы труда непременно капиталистическим путем» (там же, стр. 21).

Научный социализм постоянно проповедует:

«Капитал все более становится общественной силой, которая, как вещь и как власть капиталиста при помощи этой вещи, противопоставляется обществу. Противоречие становится все более вопиющим и подразумевает уничтожение этих отношений». («Кап.» III).

Это безошибочное познание Николай—он [4]) поясняет так:

«Это совершенно равносильно тому..., когда общество, видя разрушительное влияние обезлесения, сыпучих песков, оврагов и пр., не может оставаться равнодушным и относиться «об'ективно» к разрушительному проявлению стихийных сил, а стремится урегулировать проявление их настолько, чтобы они не оказывали разрушительного влияния».

Сводя господствующие классы к «горсти», которая в России оказывалась настолько меньше, насколько не развился еще класс капиталистов, западно-европейский социализм позволял об'единить все остальное население России в такую цельную массу, которая представлялась враждебной по отношению к имеющему, по теории, только наступить господству капиталистических эксплоататоров и которая являлась **«единым** русским народом», не раз'единенным никакими имущественными неравенствами, тем самым демократическим народом, борьба которого на Западе, под руководством буржуазных демократов, вручала господство передовому буржуазному обществу.

Задавшись целью свести дело пролетариата, дело **захвата им имущества** владеющих классов, к делу **преобразования способа производства,** западно-европейский социализм внушил русским социалистам мысль о том, что все беды на Западе проистекают из того, что люди там трудятся врозь, а не ассоциациями, что в этом отношении Россия счастливее вследствие своей отсталости, вследствие того, что в ней удержалось первобытное коммунистическое владение землею, что эту формулу владения остается лишь развить в социалистическое производство. И научный социализм не только не восставал против всех утопических выводов, а, напротив, ободрял их и припоминал, что Россия может «лишиться самого прекрасного случая, который когда-либо предоставляла народу история, чтобы избежать всех перипетий капиталистического строя». (Из письма Маркса в «Отеч. Зап.»).

Научному социализму никогда, до окончательного поражения народников-революционеров, и в голову не приходило призывать их к тому, чтобы поднять в России знамя пролетариата. Он так же, как и народники, был убежден в том, что в России к тому времени пролетарий еще не народился. Когда перед бунтарями-народниками, вопреки их воле и ожиданиям, вырастали рабочие баталионы в круп-

ных центрах, научный социализм и не думал об'яснять им, что это и есть та переворотная сила, которой революционер никак не мог открыть в России, что это и есть тот классовый интерес, который ведет к революции и к которому и должно свести все движение. Нет, эта сила все же должна была выступать как частица «единого социалистического народа», не смеющая разрывать его и долженствующая подчиняться воле «единого народа» до тех пор, пока он не потерпит окончательно фиаско.

Коммунизм Маркса не предохранил пролетария в эпоху Февральской революции [5]) от того, чтобы он не был обманут буржуазией. Скорее он создал возможность этого, определяя коммунистам задачу завоевания демократии и соединения демократических сил.

По отношению к прошлому движению в России научный социализм допустил и одобрил попытку образованного общества достигнуть своей свободы и господства путем борьбы «единого народа», не знающего пролетариев, благодаря существованию общины, этого, по признанию царских министров (Витте) [6]), «оплота самодержавия и противовеса против переворотных стремлений».

Русские социал-демократы начали свое дело тем, что разбили народническую утопию. Но они пришли к отрицанию ее таким же путем, как и народовольцы, народопродавцы и современная интеллигенция вообще, т.-е. они познали в народничестве его «вредные для освободительного движения предрассудки»; и только социал-демократы осудили народнические предрассудки, как таковые, как следствие недомыслия и заблуждения. Они не понимали, что такого рода предрассудки существуют не только в силу человеческого незнания, а прежде всего, в силу интересов руководящих привилегированных классов, у которых и нет другой возможности господствовать над волей масс, как только при помощи внушаемых им предрассудков. Уничтожая народнические предрассудки, как таковые, социал-демократы не вскрыли классового **интереса, создавшего их**, и потому дали возможность этому интересу, по отречении от старой народнической утопии, **создать новую**, более соответствующую видоизменившимся условиям, таким образом, марксисты сами сделались выразителями нового «учения», необходимого для непознанной ими общественной силы, выступавшей раньше под видом народничества. Эта непознанная сила—интерес привилегированных «наемников», состоящий в том, чтобы растущая национальная прибыль не оставалась в руках горсти магнатов», а «справедливее» распределялась по всем карманам образованного общества.

Стремление русского образованного общества—не давать растущей беспрерывно прибыли сосредоточиваться в руках «горсти» и охраняющего ее абсолютизма—создало народническую утопию и все ее «предрассудки», имеющие целью вывести на борьбу за интересы образованного общества «единый русский социалистический народ». Утопия состояла в том, что интерес интеллигенции, которая живет на счет эксплоатации рабочего класса и стремится установить в полном размере это свое право в классовом строе, был признан силой социалистической, желающей гибели классовому строю. И вот эту утопию марксизм исповедует до сих пор в полном ее размере, несмотря на то, что уничтожил народнические предрассудки. Хотя социал-демократия и принуждена признать, что с развитием капиталистического строя интеллигенция пытается отказаться от революции, или, как говорит Каутский, образованный пролетариат становится, «вследствие своей разрозненности, неспособным к борьбе с капитализмом», но, несмотря на это, по основному марксистскому положению (знания есть рабочая сила), интеллигенция **непричастна к эксплоатации**. Марксизм, таким образом, обеспечил интеллигенции полный простор для внушения рабочему классу своих стремлений, в виде безошибочных аксиом научного социализма.

Вот почему Манифест русской соц.-демократической партии с полным правом мог сказать о русской социал-демократии, что она продолжает прежнее **социалистическое** движение. Сила, обуздывающая социальную революцию,—непознанная,—господствует в настоящее время не менее, чем в эпоху народничества. Тогда она обуздывала переворотную, революционную силу—пролетарское движение—под пред-

логом **невозможности** в России капитализма, в настоящее время она обуздывает ее под предлогом **недоразвития** русского буржуазного строя.

Народничество раз навсегда отрезало прошлому революционному движению всякий путь к тому, чтобы оно перешло в непосредственную революционную борьбу русского **пролетариата**. В эпоху последовавшей затем реакции оно удерживало всеми силами русского революционера от всякого соприкосновения с пролетарием при помощи страшного обвинения в отречении от идеалов отцов. В настоящее время марксизм не позволяет пролетарию даже призадуматься о непосредственном своем стремлении к социальному перевороту, доказывая всею силой своего научного авторитета неосуществимость свободного стремления в современной России и необходимость предварительной парламентской выучки.

Революционная интеллигенция 70-х гг. могла призывать к революции, к всенародному восстанию, к низвержению государственной власти и установлению вместо нее свободной, не имеющей с властью существующей ничего общего,—народной воли, могла отвергать всякие либеральные паллиативы и компромиссы и отрекаться от официального общества, могла доводить свою борьбу до крайних пределов, потому что народилась она, как **отрицание пролетарской борьбы**, только потому, что **предохранила себя от пролетарской революции** всей народнической утопией. Но стоило только русским революционерам отречься от этой народнической утопии и признать движение рабочего класса в России единственной революционной силой, как весь **демократический революционизм народничества**, стремившегося к немедленному общественному перевороту, моментально, в силу интересов образованного общества, перерядился в социал-демократический **поссибилизм**.

После признания действительной переворотной силы—пролетарского интереса—интерес образованного общества, его освобождение не может быть иначе достигнуто, как только установлением **этапов пролетарской** борьбы. Рабочему нужно внушить безошибочную истину научного социализма, что для его освобождения необходима такая ступень общественного развития, которая для образованного общества означала бы достижение им своего господства.

В момент зарождения русского социал-демократизма, в русской Польше существовала партия «Пролетариата» [7]). Она, исходя из марксистского учения, пыталась выразить рабочую борьбу в революционных формах, не устанавливая переходных ступеней политического развития, она пропагандировала захват власти рабочим классом, не принимая в расчет национальных рамок.

По мнению русских социал-демократов, это направление никоим образом не могло быть союзником для русского марксизма. Плеханов нападает на партию «Пролетариата» за ее зловредный бланкизм [8]), т.-е. по тем мотивам, по которым теперь Бернштейн нападает на Плеханова. Даже то обстоятельство, что «польские бланкисты» назвали свой орган органом **международного социализма**, свидетельствовало, по мнению Плеханова, об их доктринерстве и пренебрежении к рамкам отдельных государств. Завоевание пролетариатом политической власти нельзя толковать таким образом, что рабочие своею революционною организацией, независимо от национальных рамок, достигнут господства над государственною машиною. Нет, социал-демократическое завоевание политической власти для пролетариата достигается в отдельных странах, а именно: 1) завоеванием демократии и всех переходных политических ступеней и 2) постепенным политическим воспитанием рабочих масс в парламентской школе для их господства. Партия «Пролетариата» в Польше, как незаконорожденный вид марксизма, не освободившийся от бланкистских идей, должна была погибнуть. К травле, которой подвергся «Пролетариат» за свой «космополитизм» со стороны всего шовинистского польского общества, присоединились нападки первых русских марксистов, повидимому, за тот же космополитизм.

Зато, как радостно встретили русские марксисты польских социал-демократов [9]), мечтающих о тред-юнионистском движении в русской Польше! Когда же к социал-демократическому движению польские патриоты присоединили свой лозунг:

«восстановление Польши от моря до моря» и движение стало строго соблюдать национальные рамки, тогда оно сразу было признано настоящим польским марксизмом и только тогда завоевало у Плеханова полное одобрение и благоволение.

Все учение народников о положении капитализма, хотя и было осмеяно, однако, не исчезло, а послужило в руках социал-демократии доказательством недоразвитости русского капитализма и следующей отсюда необходимости переходных ступеней экономического развития.

Социал-демократия в лице «Группы Освобождение Труда» надеялась еще, что достаточно одной проповеди в рабочих организациях необходимости конституционного строя для русского пролетариата, чтобы было продолжено революционное движение и террористическая борьба. Когда эта надежда обманула, что было для социал-демократии доказательством неспособности русского рабочего отозваться прямо на проповедуемый ему социализм и нужную для его осуществления политическую свободу, социал-демократия приступает к систематическому воспитанию рабочих в духе социализма. Но и из этой работы не получилось политического движения рабочих; в результате кропотливой работы получились отдельные рабочие, воспитанные в таких же интеллигентов, как и социал-демократические пропагандисты, т.-е. оторванные от рабочей массы и не оказывающие на нее никакого влияния. Тогда русская социал-демократия (см. брошюру «Об Агитации»), ставящая себе задачею развить сознание рабочих о необходимости политической свободы, познала необходимость предварительно «**заинтересовать рабочих в политике**», развивая борьбу за их насущные нужды, борьбу, которая тут же столкнется с полицией и правительством и покажет рабочим наглядно, насколько невозможно более значительное завоевание при существовании абсолютизма. Так как борьба за насущные нужды рабочего есть, таким образом, лишь средство для того, чтобы «заинтересовать» его в политике, но, очевидно, дело пойдет тем быстрее, чем мельче требования рабочих, чем они понятнее для массы, чем справедливее в глазах всякого человека.

Все эти фазы развития русской социал-демократии отражаются в собственной голове ее в очень интересном виде. Марксистская интеллигенция всегда, конечно, желала достигнуть для рабочего класса **всего, что было можно**. Кто мог бы в этом сомневаться? Все трудности, какие она встречает при своих усилиях овладеть рабочим движением и направить его в сторону желательную для себя, т.-е. для «умственного рабочего», представляются ей, как суровая экономическая действительность, как недоразвитость, капитализма, влекущая за собой невежество рабочих, и все более внушают ей убеждение в необходимости **постепенного** развития буржуазного строя.

Наконец, социал-демократия в России достигает цели, и Лондонский конгресс [10]), выслушав отчет о петербургской стачке, провозглашает, что русский пролетариат проснулся. Но, ведь, стачечное движение давным-давно существует в России. Почему же только Петербургская стачка 1896 г. [11]) могла засвидетельствовать факт пробуждения русского пролетария? Рабочее движение 70-х гг. могло засвидетельствовать лишь о том, что русский **народ** проснулся, ибо пролетарию не разрешалось тогда существовать в России. Хотя стачки происходили и в 80-х годах и в начале 90-х, но они не могли, однако, свидетельствовать о возникновении **классового** сознания у русских рабочих, ибо это сознание, олицетворением которого служила, конечно, тогдашняя русская социал-демократия, стачками вообще не интересовалось, а сводило в то время все к тому, что «первой задачей рабочего движения в России является борьба с абсолютизмом». (Проект программы 1885 г., цит. по Аксельроду).

Русская социал-демократия, определившая таким образом, сообразно интересам интеллигенции, момент и форму пробуждения русского пролетариата, выдает это дело своих рук за неумолимые законы капиталистического развития, создавая себе одновременно возможность выставлять все дальнейшие перспективы рабочего движения (парламентская школа), как такую же законосообразную, неумолимую неизбежность.

* * *

Поскольку русская социал-демократия встречала непреодолимые трудности в «невежестве русских рабочих», постольку она все более и более чувствовала свою победу над мыслью русской интеллигенции. Препятствием служили лишь пагубные народнические предрассудки, которые так трудно было вытравить из умов передового общества. Но социал-демократия была уверена, что раз это удалось, ее господство над мыслью радикального общества обеспечено, целые массы русской интеллигенции сделаются чисто марксистскими, а стало-быть, и сразу чисто пролетарскими. Истребление народнических предрассудков являлось первою обязанностью, и этому делу нужно было помогать всеми силами, помогать безусловно, кем и как это истребление ни производилось бы. Поэтому, когда «Критические Заметки» подали сигнал к нападению на народников, ортодоксы марксисты даже и не предполагали, что им нужно бы позаботиться об «отделении пролетарских интересов» от интересов г. Струве [12]). Таким образом, публицист, которому вскоре предстояло самым бесцеремонным образом лягнуть ногой весь «диалектический материализм», теорию трудовой стоимости и все другие «доктринерские учения ортодоксии», сделан был, по переведению его на «строго классовую точку зрения», отцом современного русского марксизма.

Русский марксизм, благополучно миновав все ошибочные формы марксизма, в роде марксистского бланкизма партии «Пролетариата», счастливо достиг своего настоящего, безошибочного выражения. И оказалось, что это безошибочное выражение— не подпольная революционная доктрина, а официальное течение передовой русской публицистики и науки, способное развить все свои основные положения на глазах царских цензоров.

Марксизм, по исследованию Струве, есть прежде всего об'ективная истина, светом которой могут и должны пользоваться, как затем сказал Novus (тот же Струве) в «Нов. Слове», различные общественные интересы.

> «Можно быть марксистом, не будучи социалистом... Прогноз Маркса для марксиста-ученого не обязателен»... Напротив, «марксизм подрезывает крылья пламенным мечтаниям социализма». (Крит. Зам.).

Вот по каким мотивам сделался Струве отцом русского марксизма. Такой марксизм с беспощадным реализмом доказывает **одно** основное положение, которым заканчивается книга, что на русской почве «обобществление труда—большая утопия, нежели крепостное право». Вывод этот скоро подтвердил и ортодокс Бельтов [13]), поучая, что в России нет никакой «фактической внутренней силы, способной сдвинуть ее с того пути, на который она вступила в 61 г.» (стр. 257). Этим поучением не столько, конечно, была поражена народническая утопия, сколько было обрадовано и успокоено все русское господствующее общество.

Из строго научного марксизма Струве следует, что все бедствия России проистекают из недоразвития в ней капитализма,—из бедности страны. Повальные голодовки являются результатом того, что русский «крестьянин производит очень мало хлеба», применяя первобытные орудия. Необходимо развитие земледельческой культуры, которая будет иметь благодетельные последствия для всего русского крестьянства. В сравнении с ресурсами страны, с емкостью ее территории», слишком недостаточною, благодаря существованию натурального хозяйства, в России слишком силен рост населения, и, как его неизбежный результат, является перенаселение, которого никоим образом нельзя признать капиталистическим перенаселением. (Основному закону Мальтуса [14]) Маркс, по исследованию Струве, вовсе не противоречит).

Так как «социальный прогресс» неизбежно следует за «экономическим», то основным указанием для «разумной политики» должно быть следующее: «Из капиталистической бедной страны Россия должна сделаться богатой капиталистической страной», и автор всею своею книгою противополагает народническим планам направления политики, сообразно самобытным основам, свою политику западничества, безусловной европеизации России.

Ортодокс Тулин [15]) в «Материалах» [16]) взялся доказать, что все недоразумения, которые вызывают «Критические Заметки», проистекают из того, что автор не договаривает своих положений, в основе своей, несомненно, марксистских. До основных выводов Струве о желательности и законности капитализма можно дойти и не сходя с консеквентной классовой точки зрения. И вот Тулин «договаривает до конца», «дополняет» мысли Струве так, чтобы в результате получилась из них уже несомненная «идеология бесхозяйного производителя». Например, требуется доказать, что безусловно нужно стремиться в прогрессу земледельческой культуры. Нельзя говорить, что она благодетельна для «крестьянства», ибо крестьянство состоит из двух классов,--из сельской буржуазии и пролетариев экспроприируемых «однолошадных». Первой нечего показывать благодетельность капиталистического прогресса; что касается вторых, то с классовой точки зрения следует сказать таким образом: этот прогресс для них желателен, ибо, делая из них «вольных как птица пролетариев», он проясняет их ум («и его идеолога-народника») и раскрывает перед ним действительные общественные отношения *). И вообще желательность и законность капитализма нужно доказать не ради его самого, а ради того, что он создает своих могильщиков и составляет предпосылку для более совершенного общественного строя.

В первой части своей статьи Тулин, процитировав народника 1878 г., который жалуется на то, что «народ» сделался либеральным паспортом, с горечью смеется над беспомощностью народников. Тулин не замечает, что всею своею статьею он создал лишь **марксистский паспорт** с подробным пояснением, как можно им пользоваться. Отныне всякий, кому желательны, по каким бы то ни было мотивам, «европеизация России» и «капитализм», свободно может заявлять, что ему это нужно только как «предпосылка коммунистического строя».

Струве, получив надежное свидетельство того, что классовая точка зрения и идеология «бесхозяйного производителя» в России состоит в том, чтобы «дополнять» его (Струве) учение, по которому мужик голодает потому, что мало производит хлеба, а сильно размножается, решил смело и консеквентно «стать на классовую точку зрения». В своем ответе: «Моим Критикам» [17]), следующем за статьей Тулина в тех же «Материалах», он принял окончательно точку зрения «бесхозяйного производителя», при чем не понадобилось исключать ни одного из основных положений «Критических Заметок». Так, в своем ответе критикам он еще раз заявляет, что «производство недостаточно по отношению к растущему населению»... что «крестьянство разоряет не капитализм, а техническая нерациональность земледелия», и прибавляет, что «об'яснять факт перенаселения классовым расчленением было бы совершенно противно духу учения Маркса».

Струве стал на классовую точку зрения, и все марксисты в России пришли к согласию в вопросе о причинах русских повальных голодовок: в них совершенно не виновен капиталистический классовый строй. Даже в отчете русских социал-демократов Лондонскому конгрессу говорилось, между прочим, что совершенно реакционно видеть причину русских голодовок в развитии капиталистического строя. Обстоятельное об'яснение голодовок «с классовой точки зрения» мы находим в сентябрьской книжке «Нового Слова» [18]).

> «Одни, как Николай—он», говорится там,—«видят причину упадка крестьянского хозяйства в развитии капиталистической формы производства вообще и в области земледелия в частности; как-будто капитализм создал те отсталые способы производства, ту рюриковскую еще соху, которая во всей неприкосновенности унаследована нами от крепостного права; как-будто капитализм был причиной

*) Не мешало бы Тулину ближе рассмотреть положение превращающихся в «вольных, как птица», пролетариев, тем более, что они чаще всего становятся таковыми в виде босяков и люмпенпролетариев, которых Тулин, как марксист, несомненно недолюбливает. Что касается «идеологов-народников», то Тулин до сих пор еще не видит в их народническом упорстве интересов и предполагает, что благородный ум русских профессоров и публицистов помрачался, к несчастью, народническими предрассудками только потому, что действительно слишком мало в России «вольных, как птица, пролетариев»,—до того мало, что многим русским идеологам совсем нет возможности заметить их существование.

этой экспроприации крестьянства, которая легла в основу освободительного акта; как-будто капитализм создал этот рост населения, который обозначается в нашей литературе—довольно евфемистически—именем малоземелия и который пробуждает население бежать из своих домов, куда глаза глядят: в город, на фабрику, в Сибирь. Мы имеем здесь частью естественные причины (рост населения), частью исторические причины—наследие крепостного права, которые предстоит осилить еще раз развитию земледельческого капитализма... Россию тогда перестанут посещать голодовки, когда она станет страной **настоящего** развитого капитализма и утратит образ и подобие «натурально-хозяйственной страны» (стр. 268—269).

Если б редакторы «Нового Слова», которые говорят о себе в той же статье, что для них решающим моментом являются интересы «представителей труда, т.-е. городского и сельского пролетариата», если бы они развивали свою неоценимую деятельность на Западе, то они, вероятно, сказали бы в духе вышеприведенного; как-будто капитализм оставляет при жизни домашнюю промышленность с ее устарелыми орудиями; как-будто капитализм создал тот рост населения, который дает излишек, не находящий себе работы и помещающийся, по необходимости, в рабочих домах, тот избыток населения, который в Италии приведен к отчаянному положению, доводящему его до бунтов. Пусть читатель не думает, что мы делаем слишком рискованные предположения. Итальянские корреспонденты «Neue Zeit» доказывают во многих статьях этого органа, что отчаянное положение итальянских рабочих масс—результат не капитализма, а его недоразвития.

Для «настоящего» марксиста «капитализм» не есть современный капиталистический строй, а нечто идеальное—«крупная капиталистическая промышленность» сама по себе, вся же остальная общественная жизнь, вне ее совершающаяся, характеризуется капиталистическими отношениями. Очевидно, народники, обособлявшие капиталистическое производство от народного производства, создали своеобразным путем предпосылку для «настоящего марксиста», и их научные труды пригодились.

Но настоящие марсисты не всегда бывают так наивны, как в вышеприведенных словах, где приходится отвечать на такой щекотливый вопрос, как: кто виновник русских повальных голодовок. В других случаях они, конечно, умеют думать реальнее. Некоторые из них, напр., г. Струве в статьях «Научного Обозрения»[19]) против Ильина, обращают внимание своих товарищей на важный вопрос, **достаточно ли рабочих рук** имеет для своего развития русский капитализм, ибо от решения этого вопроса зависит решение другой проблемы, нужны ли России внешние рынки. Струве решает последнюю в том смысле, что настоящее положение русского крестьянства вполне заменяет внешний рынок, доставляя капитализму достаточное число рабочих рук освобождением излишнего земледельческого населения.

Стало-быть, все те условия, которые статья «Нового Слова» выставляет, как причины русских голодовок: «малоземелье, чрезмерность населения, бегство в город, на фабрику, в Сибирь», составляют необходимую потребность капитализма, не недоразвившегося капитализма, а того идеального капитализма, за который стоит «Новое Слово». При отсутствии внешних рынков, эти недоразвившиеся условия—просто спасение для капиталистического прогресса. Эти условия—счастье и для г. Струве в том смысле, что не будь их, он окончательно согласился бы с Ратнером в необходимости внешнего рынка и, признавая недостаток рабочих рук в России, в согласии со всем патриотическим русским обществом, указывал бы, кому следует, на настоятельную необходимость массового привлечения трудолюбивых кули к русской промышленности. Таким образом, те народные бедствия, которые доводят до повальных голодовок, есть явление неразлучное с капиталистическим прогрессом в России.

> «Избавления от них (голодовок) можно ждать,—говорит «Новое Слово»,—только от дальнейшего развития капитализма, которое обозначает и развитие производительных сил, т.-е. рост производительности земледельческого труда, который теперь **не в состоянии прокормить** земледельца» (там же, стр. 270).

«Настоящие» марксисты с помощью формул научного социализма производят такой туман, где явления, смысл которых ясен даже для ребенка, обращаются на пользу всеспасительного капиталистического прогресса.

Если остановиться на том вопросе, в состоянии ли труд современного русского «земледельца» прокормить его самого, то прежде всего, конечно, увидишь тот факт, что Россия—это страна, вывозящая хлеб. Россия вывозит хлеб и во время повальных голодовок, т.-е. «Россия» заявляет, что если сотни тысяч русских земледельцев, не имея хлеба, умирают с голоду, то это еще не значит, что она произвела меньше хлеба, чем ей нужно; напротив, в то время когда тысячные массы русских «земледельцев», по **недостатку хлеба,** гибнут с голоду, у «России» имеется **излишек хлеба,** который она должна обменять на другой вид богатства, такой, в котором «Россия» действительно нуждается. Какое же это богатство и кто его потребитель? Вот для того, чтобы русская «мыслящая личность» не слишком беспокоилась рассмотрением смысла «народных бедствий», «настоящий марксист» создает следующую известную, успокаивающую совесть «мыслящей личности», формулу: целью капиталистического производства является не потребление, а производство, развитие производительных сил, которое только и создаст для будущего возможность более справедливого общественного строя.

«Настоящий марксизм» забывает прежде всего, что капиталистический строй есть строй **классовый,** в виду чего только призванная оправдать этот строй наука может говорить об одном **общественном,** национальном потреблении. И даже такие ужасы, как русские голодовки, не в состоянии напомнить ему о том основном законе классового господства, который прежде всего установил на все времена классового строя два вида «общественного потребления»—потребление эксплоататоров и эксплоатируемых. Этот закон состоит в следующем: **во всякой форме классового строя производство имеет целью потребление господствующих классов.** Капиталистическая форма, доводя классовое господство до его апогея, доводит этот закон до его совершенства. И там, где до апогея доходят сами «капиталистические противоречия», т.-е. в России, этот закон обнаруживается в виде таких ужасов, как повальные русские голодовки.

Согласно этому закону, раньше, чем сохранить жизнь массы рабов--рабочую силу, нужно удовлетворить все прихоти всех призванных к господству, т.-е. всего благовоспитанного общества.

Два мира, которые создавал этот закон на всем протяжении исторического развития классового господства, здесь проявляются в наиболее совершенном виде. В одном из них, в мире большинства, обреченного на рабство физического труда, человек,—как-будто и не существовало всей вековой борьбы с природой,—живет в безвыходном и более отчаянном положении, нежели дикарь на первой ступени общественной жизни.

Другой из этих двух миров—высшее интеллигентное общество—отделяет себя от первого так основательно, такою все более углубляющеюся пропастью, что иногда ему кажется, будто тот со всеми своими ужасами помещен совсем не на земном шаре. Здесь все человеческие завоевания, все человеческое знание служат для того, чтобы удовлетворять самым утонченным, самым прихотливым потребностям «мыслящей личности».

При сравнении России с Западом не трудно, конечно, констатировать недоразвитие России. Но «настоящий марксизм» вообразил, что познание этого недоразвития недоступно уму обыкновенных смертных, что оно—достояние лишь «пролетарских идеологов», марксистов. Представляя себе все руководящие классы в тисках народнических предрассудков, он воображает иногда, что его лозунг «европеизация России» есть нечто такое, о чем никто никогда в России и не думал, откуда и проистекают все бедствия его «родины». Он уверен поэтому, что этот лозунг есть самое «решение социального вопроса» в России, совершенно забыв, в чем состоит этот вопрос.

Ему совершенно в голову не приходит, что русский «социальный вопрос» заключается именно в том, почему такая прекрасная вещь, как «европеизация России», которой желают, конечно, все русские патриоты, может осуществляться лишь путем ежегодного поголовного умерщвления тысяч человеческих существ.

«От повальных голодовок Россия избавится лишь с развитием западно-европейской культуры», учит марксизм. Взглянем на «развитие капиталистической культуры» с той стороны, куда не допускают нас марксистские шаблоны. Развитие в России капиталистической культуры предполагает развитие в России отечественной науки, познание

этою наукою всех натуральных богатств страны и применение к их эксплоатации всех изобретений новейшей техники, стало-быть, приобретение русской нацией соответствующих знаний. Но распространение и приобретение знаний в классовом строе совсем не есть распространение знаний между людьми вообще. Культура составляет исключительную собственность господствующего общества, благодаря чему оно и господствует. Приобретение и распространение знаний капиталистической наукой влечет за собой поэтому нечто прямо противоположное открытию тайн природы для человека. Оно доводит лишь до высшей точки развития классовое расчленение нации, лежащее в основе современного господства, на господствующее образованное общество, с одной стороны, и на обречение на рабство физического труда большинство,—с другой. Чем развитее капиталистическая страна, тем ее расчленение ярче, резче и нагляднее. С развитием крупного капиталистического производства для рабочего, сводимого им к роли придатка к машине, самое производство, построенное теперь на научной технике, становится такою же тайною, какою всегда были для него абстрактные философские науки и все мистерии политики и управления. Эта тайна доступна лишь образованному меньшинству и его потомству.

Развитие капиталистической культуры означает рост армии умственных рабочих—привилегированных наемников государства, рост образованного общества, которое в классовом строе и немыслимо в ином виде, как только класс привилегированный, господствующий, пользующийся всеми плодами развития производительности национального труда.

Капиталистическая культура или ее носитель—образованное руководящее общество, в деле упразднения русских повальных голодовок, даже по достижении высокой степени развития, может сделать вообще лишь то, что для части своих рабов, гибнущих ныне с голоду массами, оно найдет такое производительное применение, которое удержит при жизни их рабочую силу; остальную же часть, по образцу Западной Европы, оставит в том же положении, в котором она находится в настоящее время, для создания «необходимой капиталистическому прогрессу постоянной резервной промышленной армии». Но раньше, чем сыграть даже эту столь скромную роль, капиталистическая культура предварительно создает **паразита,** ибо образованное общество и не является на свет иначе, как в образе привилегированного слоя, и первой его общественной «услугой» является потребление национальной прибыли. Привилегия образованного общества на всех ступенях национальной жизни, во всех рангах его иерархической организации должна быть безусловно удовлетворена в каждую минуту, независимо от того, сколько голодных смертей она требует.

Обеспечение этого паразитизма образованного общества—основное назначение современного государства, основная его обязанность. Очевидно, русскому абсолютизму удалось выработать достаточно удовлетворительную систему обеспечения привилегии образованного общества, и что еще важнее, он обещает в будущем еще более полное удовлетворение, ибо он, как могущественная держава, вполне основательно надеется на громаднейший рост национального дохода. Поэтому самое передовое, самое радикальное течение русской литературы, современный марксизм, желающий дальнейшего усовершенствования этой системы обеспечения, учит всех смотреть на народные бедствия, на повальные русские голодовки, как на явление, в котором никто не повинен и которое вытекает из неумолимых законов естественного развития, как на явление, упразднить которое не в состоянии никакие человеческие усилия, а стало-быть, и никакие бунты эксплоатируемых масс.

Радостное ощущение, испытываемое образованным обществом от роста национального дохода, т.-е. от роста средств для его паразитного существования, отражается в голове его передовых представителей, «настоящих марксистов», как безусловно желательное дальнейшее развитие капитализма в России, несмотря на повальные голодовки. И подобно тому как субъективистские марксисты-народники отмечают тщательнейшим образом малейшую фразу, высказанную когда-либо Марксом в пользу того взгляда, по которому образованное общество в состоянии уничтожить «противоречия капитали-

стического строя», а русское общество, в частности, может их предотвратить, подобно тому «настоящие марксисты» не прозевали у «учителя» ни одной строчки, которая может служить доказательством законности капитализма.

На ряду со Струве, другим родоначальником «настоящих марксистов» явился Туган-Барановский; ему и принадлежит честь того открытия, что учение Маркса о распределении национального продукта, рассмотренное нами в предыдущих главах, может служить прекраснейшим средством успокоения совести русской «мыслящей личности», тревожимой повальными голодовками.

Рассмотрев различные теории, стремящиеся раскрыть причину промышленных кризисов, Туган-Барановский решительно отвергает те, которые видят эту причину в недостаточном потреблении масс, и склоняется в сторону учения Сея и Рикардо, согласно которому общее перепроизводство немыслимо, а излишек одних товаров доказывает лишь, что других товаров произведено недостаточное количество. Эту верную, по убеждению Туган-Барановского, мысль Сей [20]) и Рикардо [21]) не сумели, однако, доказать.

Но если рассмотреть общественное производство по схемам Маркса, которые, по уверениям Туган-Барановского, «не заключают в себе никаких произвольных допущений», то окажется, что весь II том «Капитала» доказывает лишь то, что Сей и Рикардо хотели, но не сумели доказать.

Если Николай—он утверждает, что «вступившее на ложный путь» русское производство уменьшает национальное потребление, то в этом нет ничего удивительного, так как по законам капиталистического развития богатства страны—ее постоянный капитал—может расти, хотя национальное потребление падает.

«Числовой пример» из «Промышленных кризисов», который мы помещаем в примечании *), может служить, по мнению Туган-Барановского, иллюстрацией того своеобразного хода капиталистического развития, при котором усиленный хозяйственный прогресс в России сопровождается ужаснейшими голодовками. Этот «числовой пример» утверждает, что национальное потребление падает, потому что национальная прибавочная стоимость вместо того, чтобы быть потребляемой целиком, как раньше, обращается капиталистами,—по причине их ненасытности в накоплении богатств,—в новые орудия для нового производства. Отсюда ясно, сколь неоценимы для Туган-Барановского Марксовы схемы капиталистического развития. Если допустить, что национальное потребление в настоящее время в России падает, то вовсе не потому, что сокращается доход рабочего класса; напротив, из «незаключающих в себе никаких произвольных допущений» схем Маркса следует, что даже в такие моменты (русские голодовки) доход рабочего класса растет (см. примечание). С помощью Марксовых схем Туган-Барановский благополучно превратил русские голодовки, на которые указывал Николай—он, в страдания сберегающих русских капиталистов, которые обречены на эти страдания вследствие присущего им порока—алчности, стремления к обогащению, порока, однако, столь целесообразного с точки зрения всего исторического развития.

Открытия Туган-Барановского не ограничиваются только вышеприведенным. Помещенная на стр. 419 схема № 3 представляет «накопление капитала **при неизменном числе рабочих** и неподвижном состоянии техники». Оказывается, что при таких условиях капиталистический строй успевает, однако, произвести новую стоимость». «В конце 2-го года произведено всего продукта 800, а в конце 3-го года—834,1». Ясно, что стоимость в 34,1 производится не трудом, не реальною тратою рабочей силы, а получается в некотором смысле... «автоматически».

Читатель видит, что у Туган-Барановского не только в 1899 г., в момент его «измены марксизму», но и в 1894 г., в момент его вступления в ряды «настоящих марксис-

*) ...Все потребление рабочих и капиталистов вместе в течение первого года достигло 400 (—200+200, т.-е. 200 единиц стоимости в предметах потребления капиталистов), а в течение второго года—только 314 единиц (—214+100, т.-е. 214 единиц стоимооти в предметах потребления рабочих и 100 единиц стоимости в предметах потребления капиталистов, или 100 единиц прибавочной стоимости).—«Промышленные кризисы», стр. 415.

стов», всегда существовал такой «источник ценности», который с тратой рабочей силы ничего общего не имеет. В последнее время, когда Туган-Барановский громогласно заявил марксистскому миру о существовании такой прибавочной стоимости, которая происходит не из эксплоатации рабочих, а из простого и во всяком человеческом хозяйстве необходимого учета «производительности орудий труда», «производительности сил природы», из учета «редкости благ», ортодоксы, казалось, вступают в самую ожесточенную борьбу с еретиком. Но, несмотря на бесконечное число критических статей об «измене» Туган-Барановского, ни один ортодокс даже мельком не указал на главный козырь еретика. Этот козырь, которым он в своей известной статье «Научного Обозрения» (май 1899 г.) привел в тревожное состояние всех марксистов, состоит в том, что из **Марксова учения** о распределении общественного продукта (разобранные нами схемы капиталистического воспроизводства) совсем «автоматически» проистекает стоимость, которая не создается тратою труда, а получается «полезным его применением», «никому ничего не стоящим» (Маркс), такая стоимость, которая лишь ждет пока не народятся бернштейнианцы и не скажут о ней, что эта стоимость, созданная машинами, природою или же «редкостью благ». Этот козырь остается в руках Туган-Барановского, и еретик хорошо знает, что сами ортодоксы—его враги—позаботятся о том, чтобы козырь не был обнаружен и орудовал все так же успешно, как и до сих пор.

Заподозревать Маркса? Ни за что. Уж лучше пусть исполнятся все мечтания бернштейнианцев, чем допустить сомнение в пролетарской чистоте и безгрешности Маркса. Ибо,—не правда ли, господа ортодоксы?—что стало бы с нашей собственной пролетарской чистотой, раз последняя подвергается сомнению в самом Марксе.

Итак, другой отец настоящих марксистов, по преимуществу в экономической области, достиг этого звания не потому, что припял Марксову «натуралистическую» теорию трудовой стоимости, а лишь потому и постольку, поскольку убедился, что Марксова теория стоимости не исключает, а, напротив, оставляет место и для теории полезности, что Марксово учение о постоянном общественном капитале доказывает то, что хотели, но не сумели доказать по вопросу о народных бедствиях Сей и Рикардо.

Ортодокс Ильин [22]), не будучи в состоянии понять всех операций Туган-Барановского, провозгласил его «настоящим учеником» (в статьях «Нового Слова» об «Экономических романтиках») и так был тронут его открытиями, помещенными в «Промышленных кризисах», что с тех пор сделал задачею своей жизни популяризацию II тома «Капитала» и исследования русской действительности с развитием там точки зрения. Но так как он ортодокс, то следует ожидать, что он снабдит учение Туган-Барановского ортодоксальными фразами и перспективами.

Куда денется в России вся растущая национальная прибавочная стоимость,—спрашивают марксисты-народники. Вот недогадливый народ,—восклицает Ильин с презрением. У него, как у неомарксиста-ортодокса имеется такой—для всех классов, для всей его родины—приятный ответ на поставленный вопрос, что за него неомарксисту полагается, повидимому, гораздо большая, чем старому народническому ученику, благодарность со стороны потребителя национальной прибавочной стоимости, со стороны русского буржуазного образованного общества, все паразитное существование которого окутывается марксистским учением, как непроницаемым покрывалом. Национальная прибыль в России, как учит неомарксизм, превращается в постоянный национальный капитал, идет на приобретение новых средств производства *), на развитие пред-

*) Ильин упускает из внимания маленькую подробность, которой не об'яснит II том «Капитала». Если для отдельного капиталиста приобретать машины на накопленные деньги—вещь весьма простая, то **всему классу** капиталистов **не у кого их купить: он их производит.** Рост «общественного постоянного капитала»—это рост процесса **созидания** новых средств производства, это рост все того же процесса эксплоатации рабочей силы, это—все тот же рост **национальной прибавочной стоимости.** От привлечения на помощь постоянного общественного капитала роль общественной прибавочной стоимости ничуть не раскрывается: рассматриваемая величина лишь растет, и глубоко научная теория Маркса оказывается лишь искусным решением задачи, имеющей целью скрыть паразитизм современного привилегированного образованного общества, получше запрятать эксплоататорскую основу его существования.

посылки будущего, более справедливого строя. Ответ неомарксиста таким образом соединяет в себе вполне корректно, как и всегда, высшее беспристрастие и авторитетность об'ективной науки с негаснущей пылкостью пролетария.

В капиталистическом производстве,—повторяет до бесконечности неомарксист,—растет все более противоречие между расширяющимся производством и немного или вовсе не растущим потреблением. Но это растущее противоречие и служит доказательством и залогом преходящего характера капиталистического способа производства и залогом неизбежного его перехода в высшую общественную форму. Таким образом, благодаря ортодоксии Ильина, учение Туган-Барановского разукрашено и окрылено. В таком виде оно, в конце-концов, сводится вот к чему: повальные русские голодовки неизбежны потому, что в неразвитой России, в интересах будущего социалистического строя, необходимо строить как можно больше фабрик и заводов.

Целью капиталистического производства является развитие производительных сил до высоты, несовместимой с современными общественными отношениями. Капиталистическое производство неуклонно стремится к этой своей цели,—к переходу в высшую общественную форму. Однако, нельзя не признать, что по временам оно капризно сворачивает с надлежащей дороги.

В последней своей полемической книге против Бернштейна Каутский доводит до нашего сведения, что самая передовая капиталистическая страна—Англия, бывшая некогда мастерской крупной капиталистической промышленности, гоняющейся по всему миру за рынками, для реализации своей прибавочной стоимости и насаждающей таким образом повсюду капиталистическую культуру, эту необходимую предпосылку социалистического строя, что из такой мастерской Англия вдруг превратилась в простой торговый дом, денежное хранилище и—что еще важнее—из мастерской, не находящей у себя потребителя национальной прибыли, вдруг превратилась в своего рода Thiergartenviertel (аристократическая часть Берлина) по отношению к своим колониям, т.-е. в потребителя прибавочной стоимости, взимаемой не только с островов Великобритании, но и со всех ее колоний. Эта поправка в характеристике исторической роли капитализма ограничивается, понятно, у Каутского исключительно одной Англией, ибо она диктуется немецким патриотизмом, требующим для Германии, наравне с Англией, законного участия в промышленной гегемонии на мировом рынке. Германия, насколько возможно, избегает позорной роли паразитного потребителя прибавочной стоимости, стягиваемой со всех концов земного шара. «Все плоды» человеческой промышленности присваиваются относительно небольшим числом капиталистов и крупных земельных собственников.»

Германия далека от положения современной Англии, потому, что она к такому положению только стремится. Каутский этого признать не может. Но какой-нибудь русский марксист, хотя бы, скажем, Плеханов, подозревающий, что немецкий «пролетариат перестал быть революционным» (статья в «Neuezeit» против Бернштейна) признает, пожалуй, что с надлежащей дороги сворачивает не только Англия, но отчасти уже и Германия. И все-таки ортодоксия не погибнет: поколебленная развитием Англии, она спасается в России, ибо кто же посмеет усомниться в том, что бесчисленные русские марксисты желают капиталистического развития по каким-либо иным, несоциалистическим мотивам.

Капитализм есть законное явление, поскольку он развивает производительные силы человечества. Но именно он, не справляясь ни с чьим потреблением и имея своей единственной целью производство ради производства, является машиною par excellence для развития производительных сил человечества.

Марксисты несомненно доходят до некоторого религиозного настроения по отношению к таинственности капиталистического прогресса, который как-раз в том своем противоречии, которое оскорбляет самую мысль человека, и несет залог лучшего будущего.

Этой религии, созданной «новейшей наукой», не мешало бы принять во внимание некоторые соображения, о которых наука старается молчать.

Производительность труда растет по мере того, как перед человечеством раскрываются тайны природы и растет его господство над нею. Этим господством он обязан своему **человеческому** организму, умственной деятельности.

Как же обращается с этой стороны деятельности человека «машина для развития производительности труда»?

Капиталистический строй, несмотря на то, что он является такой таинственной машиной, не перестает быть строем классовым и проявляет лишь законы последнего в наиболее ярком и совершенном виде.

Органом **человека** призвано пользоваться только избранное наследственное меньшинство. Все остальные миллионы должны быть лишены возможности приводить в деятельность этот свой орган, обречены служить человеческому обществу только движением своих **животных** органов—физической силой своих мышц и самой элементарной стороной своей нервной системы, какая требуется для мышечного труда,—труда рабов. Именно поэтому все потомство привилегированного меньшинства. все его члены и обладают «особенными талантами и способностями», ибо человеческий ум имеет в данном случае задачей не только познать природу, но и господствовать над рабами. Господство и создает сферу приложения умственной деятельности для **всего** потомства образованного общества.

Как бы отдельные члены его ни были обижены природой насчет «особенных талантов и способностей», они, тем не менее, найдут сферу их проявления в таких областях, которые специально для этого и существуют: или в области поддержания общественной организации «порядка и спокойствия», или в сфере «защиты отечества», или в сфере создания и прививки соответственных религиозных и нравственных начал своим рабам. «Воспитание юношества» должно доставлять лиц привилегированных, которые в глазах рабов являлись бы высшими существами, с особенными талантами, присущими им с самого рождения. Целые отрасли государственных, социальных наук изобретают формулы господства. Благодаря такому «умственному труду» господствующих классов, классовый строй и продолжает здравствовать.

Большинство человечества из поколения в поколение, еще до своего рождения, признано неспособным проявлять свою умственную деятельность. Еще до рождения его мозги признаны годными лишь для исполнения рабского труда.

И вот общественный строй, осуждающий на бездействие в миллионах человеческих существ тот орган, которым человек господствует над природой, ничуть не справляясь с тем, сколько великих умов, гениев таится в этих миллионах; строй, уничтожающий в корне источник господства человека над природою, строй, проводящий этот свой основной закон путем поголовного ежегодного умерщвления сотен тысяч людей во время страшных голодовок,—этот строй слывет у «передовой науки» машиною для развития производительных сил человечества.

* * *

Мы старались бегло отметить в развитии русского марксизма те основные моменты, благодаря которым он сделался официальным передовым течением русской буржуазной публицистики, радикальным выражением стремлений образованного общества к «европеизации России» и развитию в ней всеспасительного капитализма.

В полном согласии с этой основной «теоретической» мыслью марксистская практика, как мы указали в 1-м письме, пыталась в подпольной жизни выставить целью рабочего движения—достижение того политического строя, который существует на Западе, т.-е. завоевание конституции, что по отношению к рабочему движению должно означать свободу союзов и стачек, «участие в управлении страной».

В то время как русская социал-демократия, как свидетельствует брошюра «Об Агитации», надеется, что при первом серьезном столкновении рабочего движения с правительством неизбежно должно произойти видоизменение политического режима, в то время когда она убеждена, что благодаря развиваемому ею в России рабочему движению на манер европейского, азиатский режим попадет в безвыходное противоречие,

в действительности происходит нечто для социал-демократии неожиданное, но фатально неизбежное, с чем она вынуждена примириться: экономический и культурный прогресс на ряду с политическим регрессом.

Русская социал-демократическая мысль, выставляющая образцом политического движения германскую социал-демократию, становящуюся «единственной партией порядка», или австрийскую социал-демократию, уверяющую, что среди господствующей национальной неурядицы она представляет собой единственную государственную силу, способную вдохнуть новую жизнь Австрийской империи (Дашинский, Каутский),— эта социал-демократическая мысль неспособна поколебать ни на ноту даже такого органа господства, как русское самодержавие. Социал-демократическое подпольное движение принуждает лишь абсолютизм своими толчками развивать культурный прогресс. Европеизация России, проповедуемая марксизмом, происходит бесспорно, но под крепнущими и расширяющимися крыльями абсолютизма, который становится таким образом, как и абсолютизм германский, нормальной политической формой развития буржуазного строя.

Указываемое социал-демократией «безвыходное противоречие» между развиваемым ею тред-юнионизмом и азиатским режимом во много раз покрывается полнейшей целесообразностью и необходимостью существования русского абсолютизма ради интересов **всего** образованного общества. В самом деле, какая другая власть, как не самодержавие, была бы способна так прекрасно обеспечить доход образованному обществу, при условии, что это обеспечение достигается путем ежегодных повальных голодовок.

Пока в подпольной России господствует социал-демократическая мысль, государственная власть может быть спокойна. Она не настолько наивна, чтобы видеть в современных русских революционерах тех, за кого они себя выдают, т.-е. представителей всех русских пролетариев. Она убедилась, что из головы русских революционеров-социалистов исчезла мысль о необходимости коренного социального преобразования и о непосредственном низвержении государственной власти, и не по мере того, как уменьшались народные бедствия, а по мере того, как они росли, по мере того, как развивалась русская культура, как возрастала «национальная прибыль», как она становилась все больше, шире, слаще, утонченнее. Она знает социал-демократическую формулу, по которой пролетарием считается не тот, у кого нет средств к жизни, а тот, у кого нет средств производства и кто способен понять **этот** недостаток (Каутский в «Аграрном вопросе»). Она видит, что сообразно этой формуле, революционеры выдвигают лишь минимальные претензии неимущих, «справедливость которых очевидна для всякого честного человека», которые, значит, и удовлетворить не трудно; она видит, что по этой формуле, такая степень отсутствия имущества, как хроническое голодание, вовсе не является пролетарским достоянием и что все ужасы голодовок совсем не связаны с капиталистической эксплоатацией и не могут, следовательно, повлиять на претензии русских пролетариев, на ход и характер подпольной революционной жизни. Прежде чем эти голодающие стали появляться на горизонте стачечных взрывов, в виде «босяков», социал-демократическая формула давным-давно создала для них кличку изменнического «люмпенпролетария», дабы он не нарушил перспективы приличного русского тред-юнионизма. Формула, значит, весьма тщательно позаботилась о том, чтобы у русского революционера даже мысль не появлялась о взрыве того вулкана, на котором покоится классовый строй России.

Между тем, русские рабочие поднимаются на борьбу в виде все учащающихся массовых взрывов. Социал-демократия не желает и неспособна создать сознательно организованного выражения этого стремления масс в борьбе. Ее формулы, представляющие собою выражение интересов «умственного рабочего», обуздывают эту борьбу. Они насильственно ставят ей пределы, поучая, что при нынешних политических условиях может быть речь лишь о незначительных уступках, настоящие же завоевания будут сделаны только по достижении политической свободы, путем профессиональных союзов и парламентской борьбы. Целью борьбы она насильственно выставляет политическую свободу, вследствие чего борьба за реальные интересы рабочих является чем-то второстепенным, не свидетельствующим еще о «классовом самосознании» борющейся массы.

Польские рабочие, столько раз и так широко откликавшиеся на 1-е Мая, упорно защищая выставленные ими требования, ясно говорили, что они хотят сделать из этого дня—день борьбы за свои реальные нужды. То же самое говорят в настоящее время и русские рабочие. Но социал-демократия делает из этого дня «праздник», «демонстрацию», «праздничные шествия», которые затем можно было бы истолковать в Польше в пользу «независимого государства», а в России—в пользу конституции.

Своими взрывами рабочие массы требуют от своих сознательных элементов создания **организации, которая об'единила бы разрозненные взрывы, создала бы планомерное массовое движение соединенных крупных центров за все более возрастающие реальные требования и претензии рабочих в условиях их труда.** Такой своей организацией, служащей **их** интересам, рабочие дождаться не могут, хотя за это дело сложили уж столько трупов на улицах Лодзи, Ярославля, Риги...

Сознательные силы поднимаются из рабочей массы, входят в социал-демократические организации и толкуют рабочим формулы «умственного рабочего», разрисовывая перед ними в Польше все прелести «независимой республики», а в России—благодеяния будущего парламента.

Организация, служащая реальным интересам рабочего, может быть создана лишь тогда, когда из движения будет исключена обуздывающая его сила—интерес «умственного рабочего», когда пролетарское движение будет провозглашено, не как социал-демократическая борьба против «горсти капиталистов», а как борьба с буржуазным строем, **с господствующим образованным обществом.**

ПРИМЕЧАНИЯ к II РАЗДЕЛУ.

1. **Письмо К. Маркса в редакцию «Отечественных записок»** написано было в конце 1877 г. в связи со статьей Михайловского «К. Маркс перед судом Ю. Жуковского». Письмо затрагивает вопрос о русской общине, т.-е. возможно ли на ее основе России избежать капиталистического пути развития и, минуя последний, притти к социализму. Слова письма: «если Россия будет продолжать итти по тому пути, по которому она шла с 1861 года, то она лишится самого прекрасного случая, когда-либо представляла народу история, чтобы избежать всех перипетий капиталистического строя», многими были поняты неправильно в том смысле, будто Маркс признавал возможным для России переход через общину непосредственно к социализму. Неправильное толкование выше приведенным словам Маркса придает и Вольский.

2. **Манифест РСДРП 1898 г.** был выпущен от имени I С'езда партии.

3. **В. В.—псевдоним В. Н. Воронцова** (1847—1917)—одного из главных теоретиков либерального народничества 80--90 г г.

4. **Николай-он,—псевдоним Н. Ф. Даниэльсона** (1844—1918)—экономист 80--90 г. г. Один из наиболее ярких представителей народничества.

5. **Имеется в виду революция 1848 года во Франции,** начавшаяся 24 февраля, в которой пролетариат потерпел поражение в июньские дни.

6. **Витте, С. Ю.** (1849—1915)—политический деятель и руководитель различных министерств в царствования Александра III и Николая II. Своими мероприятиями много способствовал развитию капитализма в России.

7. **Партия «Пролетариат»**—первая социалистическая организация в Польше, образовалась в 1882 г. Взгляды ее представляли смешение марксизма с бланкизмом.

8. См. прим. 27. Раздел: «Легальный марксизм и экономизм».

9. **Имеется в виду Польская Соц. партия (П. П. С.),** образовавшаяся в 1893 г. Социализм П. П. С. был окрашен в ярко националистические цвета, отражая интересы револ. мелкой буржуазии и части интеллигенции. Один из центральных пунктов программы—восстановление независимого польского государства.

10. **Лондонский Конгрес II Интернационала** происходил в 1896 г.

11. **Петербургские стачки 1896 г.**—стачки текстилей, в которых участвовало несколько десятков тысяч рабочих.

12. **Струве, П. Б.** (**р. 1870 г.**) в своих первых литературных работах подменил революционные идеи марксизма идеями сотрудничества классов, мирной эволюции социализма и т. д. Участник легально-марксистких литературных органов 90-х г г. В настоящее время—монархист.

13. **Бельтов**—псевдоним Г. В. Плеханова.

14. **Мальтус (1876—1834)**—английский экономист. Пытался установить закон народонаселения, согласно которому население увеличивается быстрее увеличения средств производства.

15. **Тулин**—литературный псевдоним В. И. Ульянова (Ленина).

16. **«Материалы к характеристике нашего хоз. развития» (1895)**—марксистский сборник со статьями Тулина (Ленина), А. Потресова, П. Струве и др. Сожжен цензурой.

17. **«Моим критикам»**—статья П. Струве в сборнике «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» (1895 г.).

18. **«Новое Слово»**—легально марксистский орган с 1897 г. В нем сотрудничали—П. Струве, М. Туган-Барановский, В. И. Ленин, Г. Плеханов и др.

19. **«Научное Обозрение»**—ежемесячный журнал, выходил с 1893 по 1902 год. Предоставлял свои страницы для статей марксистов.

20. **Сей, Ж. Б. (1767—1832)**—французский экономист, вульгарный истолкователь классической школы политической экономии.

21. **Рикардо, Д. (1772—1823)**—виднейший представитель классической школы буржуазной политической экономии.

22. **Ильин**—псевдоним В. И. Ленина.

III. МЕНЬШЕВИЗМ

КОРЕНЬ МЕНЬШЕВИЗМА.

I.

Если основными признаками меньшевизма считать недооценку значения крестьянства, как революционной силы, с одной стороны, и преувеличенное представление о роли либералов в борьбе с царизмом—с другой, то с неоспоримым правом можно утверждать, что более или менее ярко выраженные элементы меньшевистского мировоззрения содержатся уже в литературных выступлениях нашего раннего марксизма, группы «Освобождение Труда».

Не подлежит сомнению тот факт, что основоположники русского марксизма вполне ясно осознавали решающую роль пролетариата в революционной борьбе против абсолютизма. Идея гегемонии пролетариата не раз с полной отчетливостью формулировалась Г. В. Плехановым в его литературных трудах того времени. Но это обстоятельство, однако, не мешало членам группы «Освобождение Труда», в определенных случаях, проявлять готовность замалчивать эту основную идею революционного марксизма, приносить ее в жертву тем или иным комбинациям, тем или иным соображениям чисто практического характера. Возможность создания «общенациональной оппозиции», с целью единодушного натиска на абсолютизм, не раз соблазняла группу «Освобождение Труда» и толкала ее на соответствующие практические шаги и открытые заявления: «Нужно, чтобы печать, ученое сословие, городское и земское представительство, равно как и социалистические организации заявили конституционные требования и решились поддерживать его всеми зависящими от них средствами... В виду желательности и, по крайней мере, логической возможности такой единодушной борьбы против абсолютизма, весьма полезно было бы выяснить роль и приемы каждой из тех политических свобод, которые могли принять в ней участие. В качестве социалистов мы постараемся сделать это по отношению к социалистической партии. Само собою понятно, что политическая свобода не может быть конечной целью такой партии. С ее точки зрения завоевание политической свободы является лишь необходимым предварительным условием организации рабочего класса для борьбы за его экономическое освобождение, или, если угодно, одним из фазисов рабочего движения. Но мы забудем пока другие цели и будем иметь в виду только политическую свободу» *).

Так писал Плеханов в 1888 году. Указание на то, что завоевание политической свободы является лишь **необходимым предварительным условием** организации рабочего класса не раз встречается в литературных выступлениях Плеханова. Но ведь, такая точка зрения, рассматривая пролетариат, как одну из сил борьбы с царизмом, на ряду с другими равноценными и равновеликими силами, совершенно исключает возможность

*) Переписка Г. В. Плеханова с П. Б. Аксельродом т. I, стр. 41.

его руководящей роли. Отсюда готовность забыть пока «другие цели и «иметь в виду только политическую свободу». Известно, что по всему протяжению истории социал-демократии в России такая постановка вопроса о роли рабочего класса в революции являлась характерной именно для меньшевизма: меньшевики весьма часто готовы были забывать «другие цели» в интересах соглашения с либералами.

Нужно, однако, заметить, что элементы меньшевистских воззрений с наибольшей отчетливостью проявлялись в разных политических статьях П. Б. Аксельрода. В материалах, помещенных в настоящем разделе, легко найти чрезвычайно ясные формулировки, определенно указывающие, где следует искать корни меньшевизма.

Переоценка движения «образованных классов» и на ряду с этим недооценка революционного движения крестьянства являются характерными чертами взглядов Аксельрода, оформившихся в его политических брошюрах начала 90-х г.г. Напр., в статье «Задачи рабочей интелигенции в России» он выражает твердую уверенность, что «значительная часть наших образованных классов не откажется даже прямо поддерживать (конечно, тайно) русскую рабочую интелигенцию, лишь только они поднимут знамя политической свободы»... Меньшевики всегда считали, что активность рабочего класса способна толкнуть либералов на решительную схватку с самодержавием. Отсюда их **тактика давления** на либеральную буржуазию, всегда являвшаяся водоразделом между оппортунистическими и революционно марксистскими движениями в лагере российской социал-демократии. Но возлагая также радужные надежды на «Образованные классы» Аксельрод вместе с тем твердо стоит на точке зрения «невозможности возбуждения в крестьянстве при теперешних обстоятельствах сознательного революционного движения». «Разбросанность крестьянского движения по деревням, оторванность их от сношения с многолюдными центрами торговли, промышленности и образования и, наконец, чрезвычайная трудность доступа к нему правильных известий обо всем происходящем вне деревни»,—все это, по мнению Аксельрода, служит неопределенным препятствием для «возникновения в среде крестьянства вполне сознательного движения против царского деспотизма во имя конституционных порядков».. Таким образом, у рабочего класса нет точек соприкосновения с крестьянством. Крестьяне отличаются «варварским невежеством», «традиционной верностью и преданностью престолу»; они «покорно переносят все мерзости и низости свих угнетателей» и т. д., и т. д. Пессимизм Аксельрода по отношению к крестьянству беспределен. Рассчитывать на крестьян—безнадежное дело. Рабочий класс не может и не должен возлагать на деревню какие бы то ни было надежды. Иное дело либералы: «для принципиального и политического антагонизма между пролетариатом и либеральной буржуазией почва еще не подготовлена; напротив, их обоюдное историческое положение навязывает им общую цель и принуждает их к энергичной постоянной взаимопомощи» (см. статью «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России»). В данном случае, с замечательной выпуклостью вскрываются принципиальные основы меньшевизма. В крестьянских массах—ни гроша революционности. Либеральная же буржуазия—естественный союзник рабочего класса,—его опора в революционной борьбе.

Основная тактическая идея меньшевизма, идея давления на буржуазию со стороны революционного пролетариата, который, таким образом, превращается в толкача либералов, также получила свое отчетливое оформление в тактических воззрениях Аксельрода. В той же статье он совершенно определенно говорит об этом. На долю про-

летариата «выпадает историческая миссия сознательно служить рычагом, толкающим всех врагов абсолютизма на организованную атаку против него».

Но даже эта скромная роль толкача либералов, по мнению Аксельрода, не может осуществиться в настоящий момент (1898 г.). Пролетариат еще, находящийся в младенческом возрасте, еще сам нуждается в заботливом уходе. На роль няньки для рабочего класса Аксельрод прочит буржуазию. На этот счет мы имеем у Аксельрода не мало заявлений. Вот, напр., одно из них: «В России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще в массе своей, на слишком низкой культуре развития, чтобы быть в состоянии,—уже в железных тисках абсолютизма,—возвыситься до сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии» (там же).

Итак, пролетариат не может возвыситься до сознательной революционной силы при абсолютизме. Но что это, по сути дела, значит? А это значит, что в буржуазно-демократической революции, до свержения царизма, пролетариат не может играть самостоятельной роли. Он остается при буржуазии в качестве некоего недоросля, которому либералы помогают превратиться в сознательную революционную силу. В этом случае мы имеем дело с самым высокопробным меньшевизмом, доведенным до той своей естественной грани, за которой уже начинается подлинный либерализм.

II.

Но, однако, необходимо отметить, что аксельродовский меньшевизм является меньшевизмом утробного периода. В своих литературных выступлениях Аксельрод выдвигал важнейшие тактические проблемы в такой период, когда эти проблемы еще не имели актуального значения. Борьба с народничеством, затем борьба с «легальным марксизмом» и «экономизмом» ставили перед социал-демократией совершенно иные практические задачи, задачи непосредственного злободневного характера. Нужно было отстоять гегемонию революционного марксизма в освободительном движении, нужно было довести до победоносного конца борьбу за самостоятельную революционно-политическую партию пролетариата .В шуме этой борьбы оппортунистические нотки аксельродовских выступлений проходили, так сказать, мимо ушей, скользили по поверхности внимания. Разногласия внутри искровского лагеря не могли проявиться во весь свой рост, пока борьба против экономизма еще не успела завершиться победой. Разгром экономизма положил начало идейной размежевки в рядах «искровцев». Уже в процессе работы по созданию партийной программы, в редакции «Искры» выявились с большей или меньшей определенностью существенные разногласия по весьма важным вопросам теории и практики. Хотя «искровцы» двинулись на 2-й с'езд единым фронтом, но единство это было так уж не прочно. Развернувшиеся на с'езде разногласия возникли далеко не внезапно: они были подготовлены всем предшествовавшим периодом.

Резолюция Потресова—Старовера по вопросу об отношении к либералам носит на себе явные следы аксельродовского влияния. Сам Потресов, в своей статье «Наши злоключения», помещенной в настоящем разделе, устанавливает полную близость и историческую преемственность своих взглядов с воззрениями Аксельрода 90-х г.г. как формально, так и по существу. Эта статья вообще заслуживает того, чтобы остановить на ней особое внимание. Она чрезвычайно характерна как умышленно-демагогическими искажениями взглядов Ленина на движение либералов, так и яркостью типично меньшевистских подходов к трактуемому тактическому вопросу.

Статья «Наши злоключения» написана в ноябре 1904 года, т. е., уже после того как принятая на 2-ом с'езде потресовская резолюция об отношении к либералам получила практическое применение в период «Земской кампании». Известно, какой беспощадной критике подверг Ленин план использования либерального движения, предложенный новой «Искрой». В своей знаменитой статье «Земская кампания и план «Искры» Он с необычайной глубиной и последовательностью вскрывает теперь уже вполне созревший и до конца оформившийся оппортунизм меньшевиков. В статье «Наши злоключения» Потресов стремится взять реванш. Но каждая строка этой статьи еще ярче, еще откровеннее выявляет настоящую оппортунистическую природу меньшевизма.. Потресов старается убедить своих читателей в том, что ленинская нетерпимость к либералам, сказавшаяся как в критике искровского плана «Земской кампании», так и в нападках на потресовскую резолюцию об отношении к либералам, не увязывается с общими взглядами Ленина на либеральное движение вообще. Он усиленно роется в старых ленинских статьях, относящихся к 1900—1902 г. г., и на основе этого материала всемерно стремится обличить Ленина в непоследовательности, в оппортунизме, в переоценке значения либеральной оппозиции.

В данном случае мы несомненно имеем дело с явно умышленным искажением ленинских взглядов, ибо Потресов не мог не знать, какова действительная точка зрения Ленина на либералов и их движение. Он не мог этого не знать, так как сам был редактором «Искры» и, стало-быть, принимал непосредственное участие в выработке тех взглядов, которые проводились Лениным в его статьях, печатавшихся в старой «Искре». Он должен был знать, почему Ленин в 1900—1902 г. г. призывал «толкать либералов» «итти во все классы общества», почему он не упускал из виду даже вылазки «предводителей дворянства». Сам Ленин осенью 1904 г. дал исчерпывающее об'яснение различного отношения к либералам на различных стадиях движения. В первый период,—говорит он *),—мы направили, главным образом, свою атаку против узости экономистов, «наталкивали» их на незамечаемый ими факт существования буржуазной демократии в России, подчеркивали задачу всесторонней политической деятельности пролетариата, задачу воздействия его на все слои общества, задачу стать авангардом в войне за свободу»... «Со времени появления «Освобождения» начался второй период борьбы старой «Искры». Когда либералы выступили с самостоятельным органом и с особой политической программой, задача воздействия пролетариата на «общество» естественно изменилась: рабочая демократия не могла уже ограничиться «встряхиванием» либеральной демократии, расшевеливанием ее оппозиционного духа, она должна была поставить во главу угла революционную критику той половинчатости, которая ясно обнаружилась в политической позиции либералов».

Таков истинно марксистский, истинно диалектический подход Ленина к вопросу об отношении пролетариата к либеральному движению. Потресов не понимает этой диалектики, не понимает того, что нет никакой непоследовательности в том факте, что на различных этапах движения могут быть и должны быть различные формы отношения между классами. У Потресова своя «диалектика»; он упрекат Ленина в том, что последний не видел в составе либеральной оппозиции элементов различного общественного веса и значения, не видел того, что либеральная оппозиция представляет собою некий «конгламерат», в котором необходимо различать буржуазно-либеральное течение от демократического, включающее в себе то, что в то время обычно называли «третьим

*) См. «Земская кампания и план «Искры».

элементом», т.-е. буржуазно-демократическую интеллигенцию. Именно на это левое крыло либерального движения и ставил свою ставку Потресов как на 2-м с'езде, так и в последующий период, стремясь к соглашению с ним на платформе всеобщего избирательного права. В данном случае необходимо отдать дань справедливости Потресову: он отчетливо предвидел образование кадетской партии и уже наперед строил планы соглашательской политики по отношению к этой партии, чем предопределил на многие годы тактическую линию меньшевизма.

Если статья Потресова «Наши злоключения» ставит конкретный тактический вопрос об отношении к либералам, то в статье «Рабочий класс и буржуазная революция» (см. гл. III) читатель найдет обще-принципиальную точку зрения меньшевиков на роль пролетариата в буржуазной революции. Ленин не раз указывал, что в то время как большевики считали пролетариат **вождем** революции, меньшевики всемерно навязывали ему роль **толкача** буржуазии. В упомянутой статье тенденции меньшевиков именно к такому толкованию роли рабочего класса в революции сказывается с исключительной ясностью. «Программу, **которая не может не быть программой полного и последовательного развития буржуазной революции**, даст социалистический пролетариат. Во имя этой программы, он будет толкать вперед буржуазное общество в целом в его борьбе с царизмом; во имя ее он будет раскалывать это общество всякий раз, как те или иные его фракции, найдя удовлетворение своим **частным** интересам в том или ином «своевременном компромиссе», будут в своей политике итти в разрез с **общими** интересами буржуазного развития». Такова, по мнению меньшевиков, роль пролетариата в буржуазной революции. Эта формулировка чрезвычайно характерна для меньшевизма. Она до избытка насыщена подлинным меньшевистским оппортунизмом и откровенным приспособленчеством. По мнению меньшевиков, основная задача социалистического пролетариата в революции заключается в том, чтобы толкать вперед буржуазное общество в **целом** по пути осуществления полной и последовательной программы буржуазной революции. Он должен раскалывать это общество каждый раз, как только та или иная часть его в своей политике пойдет против общих интересов буржуазного развития. Что пролетариат является наиболее решающей и последовательной силой в борьбе против царизма—в этом не может быть никакого сомнения. Но почему пролетариат является такой силой? Только потому, что он в своей борьбе не ограничивает себя пределами «буржуазного развития», а как класс **социалистический** на каждом этапе революции непременно ориентируется на конечную цель борьбы, на пролетарскую революцию. Этого меньшевики никогда не понимали. В приведенной формулировке это непонимание сказывается с исключительной ясностью. Поскольку меньшевики стремились подчинить движение рабочего класса только интересам буржуазного развития, постольку они отрицали необходимость руководящей роли пролетариата в революции и превращали его в хвост буржуазии. Меньшевики неизменно придерживались этой точки зрения, прокладывая себе тем самым путь к позорному краху.

III.

Разногласия по организационному вопросу среди «искровцев» впервые ярко проявились и с достаточной полнотой оформились также на 2-м с'езде. Совершенно очевидно, что и до с'езда они существовали в скрытом состоянии. Есть ряд данных, определенно свидетельствующих о том, что централистическая тенденция Ленина уже тогда приводила в раздражение Плеханова и Аксельрода. По поводу взглядов, высказанных

Лениным в книге «Что делать»? (1902 г.) можно найти не мало протестующих замечаний в переписке Плеханова и Аксельрода. Но открытое выступление против Ленина в этот период еще не имело место. Среди социал-демократов ленинские организационные идеи были приняты безоговорочно. Об этом свидетельствуют воспоминания даже таких социал-демократов, которые впоследствии сыграли крупную роль в меньшевистском лагере *). «Что делать?» подвергалось жесточайшей критике со стороны Плеханова **) уже после 2-го с'езда, когда меньшевики, повернувшись лицом к экономистам ***), начали беспощаднубю борьбу против Ленина и его сторонников».

Споры на 2-м с'езде по организационному вопросу по сути дела сводились к вопросу о формах партийных организаций. Ленинская формулировка § 1 устава имела в виду проведение в строении партии принципы последовательного централизма, так как только централистические методы организации могли ей обеспечить роль авангарда в революционном движении пролетариата. Степень активности партии, в отношении руководства рабочими массами в их борьбе против царизма и в смысле их подготовки к дальнейшей борьбе за социализм, находится в прямой зависимости от степени ее централизованности. Но последовательный централизм, в свою очередь, всецело зависит от тщательного подбора состава партийных организаций, подбора, осуществляющегося по признаку наибольшей классовой социалистической сознательности и революционной активности будущих членов партии.

Расплывчатая формулировка Мартова, расширяющая понятие члена партии до охвата им «каждого демонстранта и забастовщика», каждого «профессора» и «студента», так или иначе примыкающих к социал-демократическому движению, такая формулировка несомнено явилась выражением организационного оппортунизма, шагом назад к организационным воззрениям экономистов. Организационный оппортунизм меньшевиков представлял собой отражение в организационных вопросах их тактического оппортунизма. Статьи Аксельрода и Мартова, помещенные в настоящем разделе, дают ясное представление об организационных идеях меньшевизма, как они оформились после 2-го с'езда.

В статье «Об'единение российской социал-демократии и ее задачи» Аксельрод всемерно старался обесценить и скомпрометировать то тяготение к последовательному централизму, которое совершенно неизбежно должно было возникнуть и укрепиться в период борьбы с кустарничеством экономистов и которое нашло себе наиболее обоснованное оформление в организационных воззрениях Ленина. Эти централистические тенденции, по мнению Аксельрода, являются прямым результатом того обстоятельства, что в России сознательно-классовое движение среди рабочих масс было подчинено «идейному и политическому влиянию и руководству социально чуждого им слоя, принадлежащего, в массе своей, к другим классам населения». В централистических тенденциях сказывается, таким образом, стремление буржуазной интеллигенции подчинить пролетариат залачам буржуазного освободительного движения и использовать его в интересах чуждых ему классов. «Получается такой результат, говорит Аксельрод,—как-будто революционный социал-демократизм, подобно кустарничеству и оппортунистическому, стихийным образом выполняет только роль заместителя буржуазной идеоло-

*) См. С. И. Цедербаум «Из эпохи «Искры», а также Л. Мартов «История российск. соц.-демократии».

**) Г. В. Плеханов. Собр. Соч., т. XIII «Рабочий класс и с.-д. интеллигенция.

***) Там же «Чего не делать».

гии в освободительном движении России против абсолютизма. И это то результат опять-таки бессознательно, стихийно отражается и фиксируется в организационных утопиях, отмеченных печатью бюрократизма на заговорщической подкладке. Верховные власти обязаны поддерживать в умах марксистское правоверие»...

Аксельрод ставит вопрос ребром. Централизм—это результат чуждого влияния на пролетариат. Бороться с централизмом—значит бороться за самовоспитание и саморазвитие рабочего класса, за его политическую самостоятельность.

Близость этих воззрений к экономизму очевидна. На это обстоятельство весьма определенно указывает Ленин. Он говорит: «Возьмите эти претенциозные фразы новой «Искры» о самовоспитании пролетариата, противопосталяемые тем, кто яко бы из-за формы способен проглядеть содержание. Разве это не акимовщина номер второй? Акимовщина номер первый оправдывала отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в постановке тактических задач ссылками на более «глубокое содержание «пролетарской борьбы», ссылками на самовоспитание пролетариата. Акимовщина номер второй оправдывает отсталость некоторой части социал-демократической интеллигенции в вопросах теории и практики организации такими же глубокомысленными ссылками на то, что организация есть лишь форма и что вся суть в самовоспитании пролетариата» (Ленин—«Шаг вперед»...).

Против утверждения Аксельрода, что в революционном движении пролетариата борются две тенденции—пролетарско-социалистическая и буржуазно-демократическая, нельзя спорить. Но именно поэтому организационный вопрос приобретает первостепенное значение. Всякая организационная расхлябанность, всякое игнорирование четких организационных форм неизбежно льют воду на мельницу буржуазно-демократического влияния.

Мартов, как это видно из его статьи «Вперед или назад» (см. гл. III) полностью присоединяется к организационным идеям Аксельрода. Он считает, что социал-демократические организации представляют собою лишь организации руководителей без массы. Массы еще должны быть завоеваны. Но как их завоевать? На этот вопрос Мартов отвечает следующим образом: «Мы знаем хорошо, что нам нужна централизованная партийная организация. Не боясь создаваемых рабочими «самовольных» организаций, мы, однако, не думаем подчинить этим организациям всецело своей боевой, сверху вниз строящейся, конспиративной организации, мы не «строим партии снизу вверх». Конспиративная организация должна подчинить своему революционному контролю деятельность этих «самовольных» рабочих организаций—в целях поддержания единства политических действий и в целях «конспиративного отбора».

Такова организационная схема Мартова. Внутренний смысл ее совершенно ясен. Он заключается в том, что так наз. «самовольные» организации рабочих, т.-е. организации, стихийно возникающие, подчиняясь контролю конспиративных организаций руководителей, превращают последние в партию. Отсюда настойчивое требование меньшевиков широкой автономии для местных организаций, отсюда их бешеные нападки на ленинский централизм, отсюда всяческие разговоры о бюрократизме, заговорщичестве, якобинстве, осадном положении и т. д. Преклонение перед стихийностью, свойственное экономистам, было унаследовано меньшевиками в более чем достаточном количестве.

Настанет время, когда это преклонение перед стихийностью, эта ориентация на «самовольные» организации заставят меньшевиков окончательно распоясаться в своем

организационном оппортунизме. Сорвавшись на аксельродовском «беспартийном рабочем с'езде», они поднимут знамя восстания против партии во имя «самовольных» организаций, во имя либеральной рабочей политики. Ликвидаторство есть до конца высказавшийся меньшевизм.

ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ.

П. Аксельрод (перепечатано с изд. 1893 г., стр. 1—5 и 1—17).

ПИСЬМО К СОЦИАЛИСТАМ-РАБОЧИМ.

(Вместо предисловия).

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Предлагаемая книжка впервые появилась в печати больше трех лет тому назад, как «письмо к русским рабочим». Мысли, высказанные в ней, в главном совпадают с теми, которые высказаны были вашими ораторами по случаю всемирного рабочего праздника на майских сходках 91 и 92 годов [1]). Вместе с вами и социал-демократический кружок русских революционеров-эмигрантов, уже около десяти лет тому назад поднявших знамя политической самодеятельности рабочего класса в России, признает главной ближайшей задачей последнего завоевания русскому народу политических прав. Подобно вам, и мы думаем, что для достижения этой цели передовым рабочим в России необходимо направить всю свою энергию на создание в народных массах такой «организованной силы», которая в состоянии была бы заставить правительство уступить ее требованиям. Моя брошюра является, стало-быть, литературным выражением ваших собственных политических стремлений; поэтому, издавая ее вновь, мы имеем в виду способствовать выяснению ваших целей рабочим, уже задумывающимся над вопросом об уничтожении несправедливостей теперешнего общественного строя, но не успевшим еще, подобно вам, дойти до учений всемирной социал-демократии.

Время, переживаемое теперь Россией, особенно благоприятно для приобретения вами сильного влияния в среде низших классов и для создания той революционной силы, во главе которой вы могли бы начать смелую войну против правительства и эксплуататоров народа. Говорят: «нет худа без добра». Эта поговорка как раз применима к постигшему нашу родину в прошлом и нынешнем году неурожаю [2]). Велики бедствия, принесенные им русскому народу. Но эти бедствия могли бы сделаться источником его избавления от угнетающего его правительственного произвола, если бы нашлись люди, способные раз'яснить ему истинные причины его страданий и возбудить его на борьбу с ними.

Правительство и поддерживаемые им эксплуататоры так долго и так бесчеловечно обирали крестьян и рабочих, что довели Россию до разорения и теперь сами не знают, как выпутаться из натворенных ими бед. Ведь с разоренного народа не соберешь податей, нужных на пышное содержание царя, его двора и начальства. Пять—десять лет тому назад только революционеры и очень образованные люди могли понимать, какое великое зло причиняет России царское и жандармско-полицейское самовластие. Но теперь печальные предсказания этих людей вполне сбылись. Когда самовластное правительство привело всю страну на край гибели и оказывается совершенно неспособным даже временно облегчить народные страдания, и самому неразвитому человеку не трудно об'яснить необходимость коренной перемены в нашем государственном строе. Разве одни только Сысойки [3]) неспособны были бы теперь сочувственно отозваться на призыв к борьбе за политическую свободу и за созвание земского собора из выборных от всего народа. И никто не мог бы у нас обратиться к трудящимся массам с этим призывом с таким успехом, как именно вы, дорогие товарищи! Вы оказали бы этим неоценимую услугу России вообще и ее рабочему классу, в особенности.

Но для того, чтобы воспользоваться переживаемыми теперь русским народом бедствиями в интересах его же освобождения, вам необходимо прежде всего самим сор-

ганизоваться и образовать из себя приблизительно такое же крепкое революционное ядро, каким лет пятнадцать тому назад была организация «Земля и Воля», а потом «Народная Воля» [4]). Подобный народный союз наверное не пропустил бы даром таких народных волнений, как астраханский и холерные бунты и беспорядки, охватившие двадцатитысячное рабочее население в Екатеринославской губернии. И до тех пор, пока революционные представители наших рабочих в главных городах империи не сплотятся в один общерусский союз неутомимых пропагандистов и агитаторов, до тех пор, говорю я, возмущение народа против произвола властей и эксплуататоров неизбежно будет прорываться в диких формах и служить только в пользу царского самовластия.

Что подобные «протесты» народа запугивают только напрасно и ту часть высших классов, которая рада была бы избавиться от царского самодержавия, что они таким образом служат именно к упрочению правительственного произвола, это само собою ясно. Правительство пользуется холерными, противоеврейскими и т. п. беспорядками, чтобы изображать угнетенные рабочие массы в виде дикого, раз'яренного зверя, которого опасно выпускать на волю. А враги правительства из высших классов начинают примиряться с ним, как с неизбежным злом. Ведь без него, пожалуй, зверя и укротить-то некому будет, думают они про себя.

Я очень хорошо знаю, что дельную организацию нельзя создать сразу. Для этого требуется время и ряд частных дел, на которых революционеры узнают друг друга и приучаются сообща действовать. В какой мере подвинулась у вас работа по части таких дел, нам, при отсутствии правильных сношений с вами, из заграницы судить, конечно, трудно. Но само отсутствие всякой связи между вами и нами указывает на то, что и подготовительно организационная работа еще не очень далеко ушла у вас вперед. Мы с вами—товарищи, как по целям и взглядам, так и по делу. Мы стараемся путем книжек и журналов, словом, посредством литературы содействовать торжеству этих целей. Между нами должна бы, следовательно, установиться самая тесная связь. Ведь социалистическая литература для вас то же, что инструменты для ремесленника или, вернее, что порох и ружье для солдата. Но разве может эта литература процветать и правильно доставляться в Россию, когда между теми, кто издает книги и теми, кто их распространяет, не существует никакой прямой связи.

Я заговорил об этом, между прочим, потому, что именно установление такой связи и превращение издательской и литературной деятельности в общее дело всех рабочих кружков России могло бы послужить первым серьезным пунктом для сближения их в одно целое. Доставка социалистической литературы в Россию, распределение ее по главным городам, собрание средств на ее издание,—все это служило бы к тому, чтобы поддерживать и упрочивать связь между разрозненными теперь и незнающими друг о друге революционерами-рабочими. Из сговора и сношений между ними по делу заграничных революционных изданий постепенно развилась бы и окрепла прочная общерусская рабочая организация, которая охватывала бы все стороны революционной деятельности: пропаганду, агитацию, печатание и распространение воззваний к народу от имени рабочего союза и т. д.

Вы выступили, товарищи, на путь революционный деятельности в такое время, когда революционное движение «интеллигенции» пришло в упадок. Это обстоятельство, конечно, сильно затрудняет ваши первые шаги. Но оно же обеспечит вам, с другой стороны, поддержку со стороны всех тех людей из высших классов, которые сочувствуют делу политической свободы. Они непременно будут поддерживать вас, как только они увидят в вас серьезную революционную силу. За это ручается их безвыходное положение.

Силы так называемой у нас «интеллигенции» далеко не достаточно для борьбы с правительством. Это вполне доказал опыт революционеров 70-х годов. Движение того времени не достигло своей цели, и поэтому в интеллигенции все более и более начинает распространяться сознание, что без помощи рабочих она никоем образом не в силах повалить многовековое здание царского самовластия.

Если наши революционеры до последнего времени обращали так мало внимания на пропаганду в рабочей среде, то причиной этому было их ложное мнение о неспособности этой среды интересоваться политическими вопросами. Вообще до недавнего вре-

мени редко кто даже из преданных народу представителей высших классов допускал, чтобы и среди русских рабочих образовался уже слой интеллигентных людей, задумывающихся над бесправным положением русского народа и над средствами к его освобождению. Обращаясь три года тому назад с письмом к «рабочей интеллигенции», я наперед мирился с тем, что оно вызовет насмешливые улыбки на устах многих представителей привилегированной интеллигенции. Но, дорогие товарищи, вы уже успели в корне подкопать предрассудки нашей интеллигенции относительно политической будто-бы неспособности русских рабочих. Для этого оказались достаточными два—три факта, доказывающие, что вы—рабочие-социалисты, рабочие—«интеллигенты»—существуете и что вы **собираетесь** взять в свои руки дело политического пробуждения угнетенных, бесправных масс России. Еще несколько серьезных проявлений вашей деятельности—и прежнее пренебрежительное отношение наших образованных слоев к русским рабочим уступит место уважению к ним. Тогда все лучшие представители «интеллигенции» поймут, что не рабочие им, а, наоборот, они рабочим должны служить поддержкой в борьбе за политическое освобождение русского народа.

Энергически помогая социалистам-рабочим вызвать самостоятельное революционное движение в трудящихся классах России, революционеры из так называемого общества окажут огромную услугу не только этим классам, но и себе самим. Но подвинуть их на эту новую деятельность может именно ваша собственная энергия. Чем неутомимее вы будете преследовать свою цель, чем больше будет **разноситься внутри и вне России весть** о ваших стремлениях и ваших усилиях проводить их в жизнь, тем быстрее будут увеличиваться ряды ваших помощников из образованных слоев. И опять-таки все это может быть достигнуто только путем постепенного сговора и сплачивания на разных делах и по разным поводам разрозненных единиц и кружков социалистических рабочих в одно организованное целое.

В заключение посылаю вам от себя и от своих товарищей по изданию социал-демократических книжек братский привет и горячее пожелание успеха на предстоящем вам пути—столь трудном и вместе с тем столь привлекательном для людей истинно развитых и отважных. Россия считается в Европе азиатской страной. Вам предстоит великая историческая задача сделать русский народ достойным членом семьи образованных наций.

Цюрих, в феврале 1893 г.

ЗАДАЧИ РАБОЧЕЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РОССИИ.

I.

Во всех образованных странах Европы и Америки рабочие ведут открыто войну за свое освобождение от гнета и эксплуатации высших классов. Германия, Англия, Франция, Бельгия и т. д. покрыты рабочими союзами, из которых многие имеют десятки тысяч членов. Даже в маленькой швейцарской республике, пространство которой меньше любой из наших губерний, есть один союз—Грютлианский,—в котором больше 15,000 членов. Эти рабочие общества в важных случаях действуют за-одно и всячески поддерживают друг друга. Мало того, в некоторых странах они установили между собой постоянную связь, в виде общего, всеми ими выбранного, управления и общей кассы взаимной помощи. Такой союз простирается на целое государство, обнимает сотни, а иногда тысячи ветвей с полумиллионом и больше членов.

Но связь между рабочими, борющимися против эксплуатации народного труда немногими капиталистами, простирается далеко за границы отдельных государств. Передовая часть пролетариата образованных стран поняла, что интересы трудящихся классов и условия их освобождения повсюду одни и те же. Мало того, теперь все более и более становится очевидным, что жизнь каждого народа находится в большой связи с жизнью других народов и что освободительные усилия рабочих в каждом отдельном государстве могут быть успешны только при поддержке со стороны рабочих других государств. Поэтому-то рабочие общества передовых стран находятся между собою в более или менее правильных спошениях и оказывают друг другу, по мере возможности,

разного рода поддержку. Они устраивают даже врямя от времени международные конгрессы, на которые с'езжаются руководители рабочих классов различнейших стран и народов. Такой всемирный рабочий конгресс состоялся, между прочим, летом 1889 г. в Париже, а в 91 г.—в Брюсселе, столице Бельгии. В августе текущего года представители от рабочих всего света с'едутся в Цюрихе, одном из городов Швейцарии.

Цель этих с'ездов двоякая: она заключается, во-первых, в том, чтобы ближе ознакомить рабочих каждой страны с положением и способами борьбы их братьев за свои права во всех других странах, а, во-вторых, в изыскании общих мер к поднятию народного благосостояния и в соглашении для совместной борьбы. Таким путем устанавливается и постоянно поддерживается братское единение между союзами пролетариата различных государств, народов и религий. Теперь, можно без преувеличения сказать, миллионы наемных работников Европы и Америки об'единены в одну всемирную армиию для борьбы за свободу и благосостояние угнетенных и эксплуатируемых классов всего человечества. К сожалению, русские рабочие остаются до сих пор вне этой армии. Да очень немногие из них и слыхали что, либо о ней и об ее неутомимой войне со всевозможными эксплуатарами народного труда.

В среде наших трудящихся классов образовался уже, однако, немногочисленный слой более или менее развитых людей, способных гораздо сознательнее относиться к общественным вопросам, чем многомиллионная масса их собратьев по работе и лишениям. Эта то народившаяся и нарождающаяся рабочая интеллигенция и должна взять на себя дело выяснения трудящимися классами России причин их угнетенного положения; на ней же лежит обязанность привлечь эти классы в ряды той международной армии, которая ведет неустанную войну за освобождение рабочих всего мира. Конечно, и социалисты из образованных классов обязаны всеми силами помогать нашим передовым рабочим в их народно-революционной деятельности. Но передовые рабочие, по своему положению, занятиям и интересам, прямо, непосредственно соприкасаются с народною массою. Они одни, стало-быть, и могут в настоящее время с большим или меньшим успехом непосредственно влиять на нее. Поэтому-то на них, как на интеллигентных представителей рабочего класса, и лежит главная обязанность возбудить его к борьбе за свои права и руководить им в ней.

Трудящиеся классы и в свободных государствах страдают одновременно под гнетом экономическим и политическим. Фабриканты, землевладельцы, богатые купцы и ростовщики—вообще буржуазия—выжимают последние соки из рабочих и разоряют всяческими путями бедную часть крестьян, ремесленников и торговцев. Присваивая себе, таким образом, плоды народного труда, буржуазия в то же время имеет в своих руках и власть правительственную. Представители высших классов издают законы и назначают министров, управляющих делами государства сообразно с выгодами этих классов,—в ущерб беднейшим. Само собою понятно, что эти классы пользуются своей политической властью для того, чтобы препятствовать рабочим бороться за свое освобождение. Поэтому-то наиболее передовые рабочие союзы Европы и Америки направляют свои главные усилия на завоевание пролетариату политических прав и возможности участвовать непосредственно в избрании людей, призванных управлять государством. Они рассчитывают таким путем обратить правительственную или политическую власть из орудия охраны интересов богатых классов в орудие освобождения трудящихся масс от подчинения этим классам. Но нет такой страны в Западной Европе, где бы рабочее население столько терпело от всяких несправедливостей, как в России. В Англии, Франции, даже в Германии оно имеет хоть некоторую возможность открыто и законно бороться за свои права и за свою свободу. У нас же строжайше запрещено рабочим добиваться каких-нибудь изменений в правительственных или общественных порядках, и всякая такая попытка наказывается тюрьмой, каторгой и виселицей. Поэтому в России власть капиталистов, полиции, чиновников над беднейшими классами населения несравненно сильнее, чем в передовых государствах. У крестьян отбирают последнюю скотину, продают их скудное имущество за недоимки но они должны покорно переносить этот грабеж. Точно также и рабочие не имеют права добиваться ограничения произвола хозяев, когда они заставляют их работать по 12—15 и больше часов в сутки,

да обирают их штрафами. Крестьяне и рабочие терпят не только от того что у них отбирают плоды их трудов. Они, сверх того, страдают еще и от невозможности сопротивляться своим мучителям, от полнейшего бесправия, в котором находится огромное большинство населения России.

Разница в положении трудящихся классов у нас и в передовых странах Западной Европы зависит главным образом от того, что в этих странах государство управляется совсем иначе, чем в России.

В Европе нет ни одного государства—кроме Турции,—где бы царская власть была так всесильна, как в России. Во Франции и Швейцарии царя совсем нет; государственными же делами управляют собрания выбранных народом депутатов и подчиненные им министры. В других странах: в Англии, Италии, Бельгии и т. д. царская власть, правда, еще не совсем уничтожена, но зато она чрезвычайно ограничена: законы издают выбранные народы или зажиточными классами представители в парламентах, да и министров царь самовластно не может назначать, а обязан руководствоваться при этом волей опять-таки парламента. Наконец, даже в Германии, где государь имеет еще слишком много силы в своих руках, власть его все же ограничена волей парламента, согласие которого необходимо для издания новых законов и отмены старых.

Благодаря этим правительственным порядкам (конституционному управлению государством), и рабочие пользуются в этих странах, если не полною, то хоть некоторою свободой открыто бороться за свои права. В некоторых из конституционных государств, в Англии, Франции и Швейцарии, например, им удалось даже добиться уже довольно больших политических прав. Но и в таких странах, как Германия и Австрия, рабочее население, хотя и с большими препятствиями и ограничениями, все же имеет возможность составлять союзы, открыто собираться большими сходками и печатать газеты для защиты своих интересов. Именно вследствие сравнительно свободного политического строя всех этих государств, рабочие могли в них сложиться в большую силу и приобресть такое значение, что правительства и парламенты считают необходимым прислушиваться к требованиям и заявлениям их союзов и их газет.

Из только-что сказанного вы сами видите, в какую сторону должны быть теперь направлены главные усилия нашей рабочей интеллигенции. Уничтожение царско-полицейского самовластия и установление на Руси конституционных порядков—такова должна быть ближайшая цель передовых людей нашего рабочего класса. Выяснение ему необходимости политической свободы, сплочение хоть некоторой части его в самостоятельную силу для борьбы за нее—таков, поэтому должен быть их первый шаг в деле организации рабочего движения в России.

На этом пути передовая часть наших рабочих не останется одинокой; она встретит себе союзников и друзей и в образованных слоях зажиточных классов. Конечно, вполне сочувствовать всем ее стремлениям и целям будут только немногие из этих слоев, именно: так называемая социалистическая интеллигенция, наиболее искренно преданная интересам народных масс. Но специально в деле борьбы против царского самовластия руководители последних встретят несомненно поддержку или, по крайней мере, сочувствие и со стороны очень многих из тех представителей имущих классов, которых обыкновенно называют либералами.

Дело в том, что деспотизм царя и произвол его слуг —чиновников, жандармов и полицейских—угнетают и душат не одних только рабочих и бедных крестьян: под их тяжелым гнетом страдают и другие классы населения, и в особенности ученые, писатели, издатели книг и газет, родители детей, обучающихся в гимназиях и университетах и, наконец, сама учащаяся молодежь. Царское самовластие есть общий враг огромного большинства населения России. При беззаконии и произволе господствующих над всей империей, не может быть в ней места не только для благосостояния народной массы, но и для вполне успешного развития торговли и промышленности вообще. Без свободы печати, сходок и составления союзов сами фабриканты и купцы не могут производить должное влияние на управление государственными делами и лишены средств для противодействия произвольным законам и мероприятиям царя и полиции, подчас крайне вредно действующим на промышленность и торговлю. Что же касается до бед-

ных классов России, то они отданы на полнейший произвол всевозможных властей, вплоть до урядников и городовых, и лишены всякого права не только открыто добиваться какихн-нбудь улучшений в своей жизни, но и заявлять громко неудовольствие своим бедственным положением. Друзья народа из образованных классов, выступавшие на защиту его интересов в газетах, книгах и земских собраниях, или отправлявшиеся в его среду для пропаганды социализма, томятся в ссылке, в каторге или заживо погребены в крепостях и тюрьмах, если уже давно не перевешаны.

Таким образом, все слои русского народа—бедные и зажиточные, образованные и необразованные, студенты и рабочие—почти одинаково бесправны перед волей и капризами самовластного и притом совершенно невежественного царя. Всем им приходится безропотно переносить произвол его опричников—жандармов, полицейских и многочисленных шпионов. Миллионы рублей, которые должны бы пойти на устройство школ и больниц для народа, вообще на улучшение его быта, тратятся на содержание бесчисленных охранителей царя против его подданных и на зверское преследование борцов за народную свободу.

Изменение современных правительственных порядков России есть, следовательно, цель, к которой должны теперь стремиться совместно все классы населения. Замена деспотического правления конституционным есть первый необходимый шаг на пути дальнейшего развития нашей родины в деле образования, свободы и благосостояния всего народа, начиная высшими слоями его и кончая самыми низшими. Для ускорения гибели царско-жандармского всевластия необходимы, поэтому, совместные нападения на него со стороны всех этих слоев. А так как наибольшую силу в предстоящей борьбе против царского деспотизма могут представить собою только огромные массы рабочего люда, скопленные в больших городах, то я и думаю, что значительная часть наших образованных классов не откажется даже прямо поддерживать (конечно, тайно) русскую рабочую интеллигенцию, лишь только она поднимет знамя политической свободы среди этих масс.

II.

Почти во всех конституционных государствах царское самовластие уничтожено было, главным образом, при помощи беднейших классов населения. Но они играли при этом большею частью роль пушечного мяса или слепого орудия в руках руководителей и представителей высших классов. Будучи крайне неразвито и не имея сколько-нибудь ясного сознания о значении совершавшихся государственных переворотов, рабочее населений передовых стран играло тогда в руках свободолюбивых буржуа только унизительную роль ожесточенного зверя, науськиваемого ими на своего врага, чтобы напугать его и добиться у него разных уступок. Следствием такого бессознательного состояния народной массы было то, что она в начале не умела извлечь для себя никакой существенной пользы из уничтожения царского самовластия. Лишь только враг их потерпел поражение, высшие классы и их интеллигенция—ученые, писатели, адвокаты и т. д.—принимались за переделку государственного строя и при этом вводили обыкновенно такие порядки, которыми обеспечивалось возможно больше политических прав за высшими классами и до последней степени суживались права рабочих. Пролив потоки своей крови в борьбе против царского самовластия, народная масса оказывалась, таким образом, почти столь же стесненной относительно свободы добиваться разных улучшений в своем быту, как и при прежних порядках. И вновь приходилось рабочим начинать отчаянную борьбу за **право** требовать разных перемен в условиях своего существования, но на этот раз против них стояли уже не царь только и его слуги, а вообще высшие классы, достигшие при помощи народной массы политического господства.

Вы видите, что поражение абсолютизма само по себе не влечет еще за собою политической **равноправности** в стране. Причина этого явления станет для нас весьма ясной, лишь только мы вспомним, что население каждого государства состоит из разных классов, с весьма различными и даже противоположными друг другу интересами. Если бы все были равно богаты и образованы, с одинаковыми интересами и выгодами, то за па-

дением царского самовластия действительно и необходимо само собою следовало бы всеобщее политическое равенство. Но при теперешнем общественном строе, основанном на эксплуатации труда огромного большинства населения меньшинством капиталистов, землевладельцев, кулаков и ростовщиков, распределение политических прав зависит прежде всего от степени сознательности и силы, которыми обладают разные классы государства. У высших классов сосредоточены огромные богатства, которые уже сами по себе составляют большую силу. Кроме того, в их рядах много людей ученых и образованных, стало-быть, они располагают большим запасом и другого могущественного источника силы, именно знания. Рабочим же классам повсюду недоставало во время падения абсолютизма не только богатства, но и ясного сознания своих интересов и важности для них политических прав. Потому-то капиталистам и крупным землевладельцам легко было воспользоваться падением или ослаблением царской власти для приобретения себе политического господства над страной в ущерб народной массе, которой предоставляли только тень политической свободы.

В борьбе против царского деспотизма наша рабочая интеллигенция должна, поэтому, ни на минуту не упускать из виду следующую задачу: создать у нас среди бедных слоев такую общественную силу, которая способна была бы воспользоваться временем переустройства России из деспотического в конституционное государство, для завоевания им возможно более широких политических прав. Наиболее важные из них суть: 1) полная свобода устраивать всякие союзы и собрания, с одной стороны, а с другой—печатать и распространять книги и газеты; 2) **всеобщее и прямое** избирательное право, в силу которого, по крайней мере, все взрослые мужчины—независимо от их происхождения, состояния и веры—могут выбирать и быть выбираемы в депутаты парламента, земств, городских дум и т. д. Обладание этими политическими правами составляет необходимейшее условие для дальнейших успехов рабочего класса на пути его освободительного движения. Но именно поэтому, дворянство и буржуазия (исключая, конечно, социалистов, принадлежащих к ним по своему происхождению) будут с самого начала всячески стараться о возможно большем ограничении упомянутых прав для народной массы.

Представим себе, в самом деле, что вследствие народного восстания в Петербурге и других больших городах, или других обстоятельств, царь, из опасения совсем потерять престол, решится сделать уступку политическим требованиям общества. Ему придется прежде всего созвать выборных от населения в Учредительное Собрание, которое должно будет выработать конституцию, или основные законы, по которым впредь будет управляться государство. И вот уже при этом возникнет вопрос об избирательном праве. Уже теперь, даже в среде людей, причисляющих себя к революционной интеллигенции, раздаются голоса в пользу составления будущего Учредительного Собрания, главным образом, из выборных от земств. Разумеется, при таком способе выборов, в это собрание не попадет не только ни один рабочий, но и ни один социалист из образованных классов. А между тем, от состава этого собрания будет, главным образом, зависеть характер той конституции, которую оно выработает.

Допустим, однако, что вследствие тех или иных обстоятельств, в наше первое законодательное собрание попадет некоторое число социалистов и радикальных демократов, т. е. людей, искренно преданных беднейшей части населения России. Они, конечно, будут всеми силами отстаивать права этой доли народа. Но усилия их тогда только окажутся более или менее успешными, когда значительная часть рабочих, по крайней мере, в больших городах, сознательно и настойчиво будет их поддерживать; в противном случае врагам политического равенства легко удастся навязать народу конституцию с большими ограничениями его свободы.

Они могут, например, внести в конституцию такой закон: избирательным правом пользуются только плательщики подоходного налога в размере ста рублей в год, или такой пункт: участвовать в выборах имеют право только лица, обладающие недвижимой собственностью, торговым или промышленным предприятием, занимающие какое-нибудь видное место на службе у государства или у крупных капиталистов и землевладельцев. Можно, наконец, предоставить всему или почти всему населению право изби-

рать депутатов, но ограничить слой **избираемых**—частью, людьми со значительным капиталом, частью людьми, окончившими гимназии и университеты. Вообще не трудно придумать и еще более хитрые способы ограничения избирательного права низших классов и особенно наемных работников.

Подобным же образом можно ограничить для них и свободу печати, сходок и составления союзов. Так, например, вслед за постановлением о свободе печатно обсуждать и разбирать дела правительства и вообще все касающееся жизни людей и общества, можно сделать такое добавление: для издания газеты нужно внести начальству залог, смотря по городу, в 5—10 или 30000 рублей, эта прибавка на деле лишила бы рабочих возможности пользоваться правом в печати отстаивать свои интересы. Точно также, закон о свободе союзов потеряет в сильной мере свое значение для рабочих, если внести в него пункт, обязывающий правление всякого союза доставлять полиции список всех его членов. Для людей зажиточных такое постановление не важно, им чего бояться, раз закон дозволяет соединяться в общества; но для рабочих и вообще бедных, находящихся в большой зависимости и от хозяев, и от начальства, сообщение их имен полиции может иметь очень печальные последствия, в роде, например, лишения работы, отказа от квартиры и всевозможных стеснений со стороны властей.

Есть еще множество других способов, которыми составители конституции почти повсюду старались суживать политические права рабочих. Но и представленные мною для примера ограничения достаточно наглядно показывают, как необходимо рабочей интеллигенции и приверженцам трудящихся масс из других классов своевременно приготовиться к энергичной защите политических прав этих масс.

Давно уже сказано и доказано, что без силы нет и права. Теперь, например, царь пользуется неограниченным правом издавать новые законы и отменять старые, он один, по своему произволу, назначает налоги, распределяет их и распоряжается доходами государства потому, что на его стороне сила: войска, чиновники, полиция и, наконец, невежество и покорность десятков миллионов населения империи. Но стоит только противникам царя приобресть силу в войсках и среди всех классов населения—и всемогущество царя превратится в бессилие; от страха совсем лишиться престола, он готов будет уступить по крайней мере часть своих прав свободно выбранным представителям населения. Точно также и размер политических прав, которые конституция предоставит беднейшей части народа, будет прежде всего и, главным образом, зависеть от степени и размера его сил во время выработки конституции. Сила же народа заключается прежде всего в понимании им своих интересов и в умении единодушно, настойчиво и смело бороться за эти интересы.

Задача обеспечения рабочим классам возможно большей доли в выгодах предстоящего в России государственного переворота сводится, стало-быть, к следующему вопросу: как подготовить эти классы к возможно более настойчивой, организованной и сознательной защите своих интересов и в особенности своих политических прав?

В своей книжке «Рабочее движение и Социальная демократия» [5]) я уже коснулся этого вопроса и мне остается только повторить здесь то, что я там уже говорил.

III.

Прежде всего я указывал там на невозможность возбуждения в крестьянстве при теперешних обстоятельствах сознательного революционного движения. Достаточно припомнить, писал я, «разбросанность крестьянского населения по деревням, оторванность его от сношений с многолюдными центрами торговли, промышленности и образования и, наконец, чрезвычайную трудность доступа к нему правильных известий обо всем происходящем вне деревни», чтобы убедиться в невозможности теперь «возникновения в его среде вполне сознательного движения» против царского деспотизма во имя конституционных порядков.

Совсем в другом положении находятся рабочие промышленно-торговых центров. Скопление их с разных концов России большими массами в немногих пунктах, на фабриках и заводах, дает им возможность узнавать друг от друга о жизни населения во

всей империи и облегчает им путь для взаимного сговора относительно общих нужд всего трудящегося люда и способов борьбы за удовлетворение этих нужд. Близкое соприкосновение (сравнительно с жителями деревень) с высшими властями и с образованными людьми, наконец, большая легкость получения газет и книжек,—все это дает городским рабочим возможность доходить до верных понятий о характере нашего правительства, о порядках, господствующих в свободных странах и о путях, ведущих к общему равенству и истинной свободе всего человечества» *). Кроме того, наиболее огромными массами рабочие промышленные сосредоточены именно в тех городах, где находится главное управление империей: в Петербурге, Москве, Киеве, Одессе и т. д. А ведь именно в столице, где живут царь и министры, и в городах, где находятся важнейшие присутственные места и может быть нанесено окончательное поражение царской власти. Тут сосредоточены главнейшие ее силы и представители, тут же, поэтому, приходится сплачивать силы для нападения на нее.

Раз только начнется политическое движение среди рабочего населения промышленных центров, оно постепенно будет переходить и в среду крестьянства. Но с особенной силой оно на нем отзовется непосредственно во время падения деспотизма и выработки конституции, когда широкая революционная агитация и в деревнях не будет встречать таких неодолимых полицейских препятствий, как теперь.

Но способна ли рабочая масса интересоваться вопросами о политической свободе? Многие из русских социалистов прежде склонны были думать, что рабочие могут понимать требования, касающиеся только пищи, одежды, вообще вещей чисто материальных. Пожалуй, что предрассудком этим заразились и некоторые из представителей рабочей интеллигенции. В передовых странах Европы мы видим однако, что политическая свобода рабочими, главным образом, и держится. Почему? Да потому, что они поняли, что без политической свободы им труднее было бы бороться с своими хозяевами и еще труднее было бы добиться таких порядков, при которых вовсе не существовало бы хозяев. Пользуйтесь же всяким случаем для выяснения и нашим рабочим невозможности каких бы то ни было серьезных улучшений в их быту, при отсутствии политической свободы.

Возьмите хоть все чаще и чаще возникающие у нас стачки рабочих. Для того, чтобы с успехом выдержать стачку, необходим ряд мер, возможных только при праве открыто составлять союзы, собираться на сходки и печатно защищать свои требования. Прежде всего необходимо заручиться денежными средствами для поддержания стачечников и их семей. А это предполагает, во-первых, принадлежность забастовавших рабочих к большему союзу, имеющему стачечную кассу, постоянно пополняемую недельными взносами, а во-вторых, сборы пожертвований рабочими других городов и занятий в пользу стачечников. Далее необходимо предпринять ряд мер, чтобы помешать хозяину или хозяевам заместить стачечников другими, нанятыми где-нибудь на стороне, рабочими. Наконец, для возбуждения сочувствия в рабочей массе других мастерских и других местностей к стачке, необходимо путем газет, воззваний и народных собраний ознакомить эту массу с положением стачечников и показать ей справедливость их требований.

Вы видите, самая простая стачка или даже просто недовольство рабочих какой-нибудь фабрики дает вам повод для наглядного об'яснения и необходимости целого ряда политических требований. Точно также всякая стачка и всякое столкновение рабочих с хозяевами может весьма легко послужить наглядным доказательством в пользу важности для рабочих права выбирать представителей на разные общественные должности, и особенно в депутаты общегосударственного собрания (парламента или земского собора), призванного издавать законы и наблюдать за действиями правительства.

Предположим, что поводом к неудовольствию среди рабочих такого то завода послужило уменьшение их заработной платы. Обстоятельство, дающее хозяевам возможность произвольно понижать заработную плату, заключается в том, что повсюду имеется огромное число людей, нуждающихся в заработке и готовых наняться за без-

*) Стр. 9—11.

ценок. Откуда такой избыток рабочих рук? Отметим здесь только две причины: первая—переполнение фабрик и заводов женщинами и детьми. Их рабочая сила значительно дешевле взрослого работника, а потому капиталисты, поскольку это возможно, заменяют ими взрослых мужчин. Вторая причина состоит в чрезмерном обременении трудом той части рабочих, которая имеет работу. Трудясь по 12—14 и 16 часов в сутки, каждый из них работает чуть не за двоих и этим самым, с одной стороны, вдвое уменьшает нужду хозяев в рабочих, а с другой—усиливает конкуренцию между последними, благодаря которой понижается и цена на их труд. Стало-быть, для сколько-нибудь прочного поднятия своей заработной платы, рабочим необходимо было бы добиться: 1) запрещения нанимать на работу детей до известного возраста, а во 2) уменьшения суточной продолжительности труда во всех фабриках и мастерских на 2—4 или 6 и даже больше часов. Но подумав немного, вы сами убедитесь, что для заявления, а тем более для **полного осуществления в жизни** *) такого рода требований, рабоч. опять-таки необходимы прежде всего свобода печати, сходок, союзов и т. п., затем необходима также и возможность **непосредственно** влиять на те общественные и политические учреждения, от которых зависит принятие таких законов и надзора за их исполнением. Другими словами, рабочие должны для этого иметь свободно выбранных ими представителей в земствах, думах, судах и, главным образом, конечно, в общенародном собрании законодателей всего государства.

Письмо мое приняло слишком большие размеры, и потому мне приходится прервать дальнейшее изложение своих мыслей по затронутым вопросам. Впрочем, все равно для надлежащего их разбора потребовалась бы не одна, а целый ряд статей или даже брошюр. Будем надеяться, что развитая часть наших рабочих энергично примется, сообща с преданной их интересам социалистической интеллигенцией, за создание собственной литературы. А пока закончу свое письмо к интеллигентным представителям нашего рабочего класса следующими словами.

IV.

Письмо мое имело целью хоть в очень беглых чертах выяснить нашей рабочей интеллигенции ее ближайшие задачи и обязанности по отношению к трудящимся классам России. Главнейшее зло, от которого теперь страдает наше отечество, заключается в том, что оно, точно вотчина какого-нибудь самодура-помещика, управляется произволом одного лица и его слуг. Работать на освобождение ее из-под ига царского самовластия составляет, поэтому, обязанность, долг всех честных и развитых людей. Но искренние друзья народа обязаны при этом позаботиться и о том, чтобы новые государственные порядки (после падения абсолютизма) обеспечивали ему возможно более прав для отстаивания его интересов. Политические права—это могущественное орудие в борьбе за экономическое благосостояние. Топор, пила, плуг, машины, фабрики,—все эти вещи сами по себе не могут служить ни пищей, ни жилищем. Но они—орудия, без которых людям почти невозможно было бы производить необходимейшие предметы для жизни. И чем совершеннее эти орудия труда, тем легче и быстрее производим мы при их помощи в изобилии не только предметы необходимости, но и удовольствия и даже роскоши. А так как машины, фабрики и т. п. составляют теперь собственность частных лиц, то они и служат им в то же время орудием для эксплуатации тех миллионов людей, которые не имеют возможности обзавестись такими же усовершенствованными средствами труда. Подобное же значение имеют и политические права. В руках богатых классов они служат орудием для еще большего увеличения их богатств и власти над народом; в руках последнего они явятся, наоборот, средством для освобождения себя от подчинения и для поднятия своего благосостояния **).

*) Говорю нарочно для «**полного осуществления в жизни**» потому что, как показывает Россия, на **бумаге** могут существовать ограничения—хотя и слабые—хозяев в пользу рабочих и в деспотических странах. Но рабочие и их приверженцы лишены права и возможности открыто настаивать на выполнении даже этих законов, а потому они обыкновенно и остаются **только на бумаге**.

**) К сожалению, не всегда и всюду народ пользовался и пользуется надлежащим образом своими политическими правами; но это уж его собственная вина.

Но размеры политических прав, которые будущая конституция России предоставит нашим трудящимся классам, определятся прежде всего размером силы и значения этих классов во время выработки конституции. В чем же может состоять их сила, как не в энергии, сплоченности и сознательности, с которыми они, или по крайней мере, значительная их часть, будут отстаивать свои политические и экономические требования. Возбуждение в народе недовольства теперешними правительственными порядками, распространение в его среде правильных понятий о значении политических прав для его материального благосостояния, развитие в нем стремления к борьбе за эти права,—такова, поэтому, должна быть главная задача наших передовых рабочих и социалистов-революционеров из интеллигенции. И так как рабочие торгово-промышленных центров являются передовым слоем народа *), то на возбуждение и развитие в них политического сознания и должны быть направлены главные усилия их собственных интеллигентных представителей, а вместе с ними, и при их посредстве, и усилия нашей революционной интеллигенции из других классов.

Но для успешной деятельности на этом новом пути, нашим передовым рабочим прежде всего необходимо организоваться в кружки и стараться о том, чтобы возможно скорее образовать из этих кружков одну рабочую партию или один общерусский рабочий союз. Рабочие Петербурга и Москвы уже пятнадцать лет тому назад проявили слабое стремление к об'единению себя в самостоятельный союз. Они послали даже за границу делегата (одного слесаря, осужденного впоследствии на 8 лет каторги) [6]) для покупки типографской машины и для переговоров с одним эмигрантом-писателем о поручении ему редактирования газеты рабочего союза. К сожалению, тогдашние революционеры из интеллигенции не сочувствовали предпринятому нашими передовыми рабочими делу, сами же последние были еще недостаточно опытны в тайной революционной деятельности, чтобы с успехом довести ее до конца. И потому, часть членов только-что народившегося союза скоро попала в тюрьму, а другие, как, например, столяр Халтурин [7]), взорвавший Зимний дворец и участвовавший в убийстве Стрельникова, увлеклись террористической деятельностью и затерялись в общей массе революционеров из студенчества и вообще так называемой интеллигенции. Следствием этого было то, что о революционных заслугах передового меньшинства наших рабочих очень немногие что-либо слыхали, и многие даже не признают за ними способности к пониманию политических вопросов, считая нелепостью самую мысль о сознательной деятельности с их стороны на пользу политической борьбы.

В последнее время наша революционная молодежь начинает сознавать, что одних только собственных сил ее далеко недостаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с правительством. Некоторые из ее представителей поняли, что для обеспечения успеха этой борьбы, необходимо заручиться деятельным сочувствием и серьезною поддержкою со стороны фабричных рабочих. Пусть же развитые представители последних спешат воспользоваться этим настроением революционной интеллигенции для создания, при ее помощи и совместно с нею, самостоятельного рабочего движения в России. И чем энергичнее и упорнее будут они преследовать свою цель, тем скорее теперешнее, далеко не лестное, мнение образованных людей о наших рабочих уступит место сочувствию и уважению к ним. Вместе с увеличением рабочих кружков и об'единением их в один союз, будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступить в них членами. Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции на указанном пути будет то, что все искренние и сознательные **социалисты-революционеры**, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна **социалистическая рабочая** партия, в состав которой будут входить «все действительные друзья трудящихся классов населения» **).

*) Через посредство той части рабочих, которые из года в год являются в город только на несколько месяцев и затем опять возвращаются на родину, в деревню, политическая пропаганда будет распространяться также и среди крестьян.—

**) Рабочее движение и социальная демократия, стр. 15.

Выступая на пути организации освободительного движения среди русских рабочих, их передовому меньшинству придется уяснить себе положение и потребности трудящихся классов России и выработать подробную программу своих целей и ближайших требований как политических так и **экономических.** Большую помощь в деле выработки этой программы, как и выбора путей для ее осуществления, окажет нашим рабочим знакомство с освободительными усилиями их братьев в передовых странах. Выступив первыми на поле борьбы за свое освобождение, рабочие этих стран должны были так сказать, ощупью отыскивать себе пути и способы для ведения ее. Неудивительно, что они при этом наделали много ошибок. Но в конце-концов, они, путем тяжелого многолетнего опыта, дошли до истинных понятий об условиях общечеловеческого благосостояния и свободы. Знакомство с этим опытом и этими понятиями поможет нашим рабочим избегнуть многих ошибок и сразу стать на надлежащую дорогу в их общественной деятельности.

Как уже в предисловии сказано было, предыдущие страницы впервые напечатаны были около четырех лет тому назад. К сожалению, дело об'единения русских рабочих в революционную партию повидимому нисколько не подвинулось вперед за это время. Только этим и можно об'яснить тот, в высшей степени печальный, факт, что наша рабочая интеллигенция до сих пор ничем не проявила своего влияния на народную массу. А между тем, почва для такого влияния как нельзя более подготовлена разорительным хозяйничанием над Россией самовластного царя и его слуг. Народные волнения и «беспорядки» последних лет показывают, что народные массы не хотят уже больше сносить произвол и грабеж, производимый над ними царскими чиновниками совместно с помещиками, кулаками и всякими эксплуататорами народного труда. Но ни в одном из этих волнений не водружено было знамя свободы, нигде среди «бунтовщиков» не была провозглашена необходимость созыва выборных от всего народа для разрушения всего нашего ветхого государственного здания и сооружения нового на фундаменте народного самоуправления. Поэтому-то кровь народная напрасно лилась, она не нанесла никакого ущерба самодержавию и еще менее способствовала распространению мыслей и целей передовых рабочих в среде народа.

Бедствия, переживаемые теперь Россией и все более и учащающиеся взрывы народного негодования против угнетателей, могут превратиться в орудия народного освобождения только при одном условии: при энергичной агитации передовых русских рабочих в массе населения против царского и полицейского произвола во имя созыва **всенародного** земского собора. Но для такой агитации им необходимо прежде всего самим сплотиться в крепкую организацию с определенной программой действия. От поведения нашей рабочей интеллигенции будет зависеть ближайшее будущее беднейших классов нашего отечества. Пусть же они это твердо помнят и сообразно этому действуют.

ИЗ ПОСЛЕСЛОВИЯ БРОШЮРЫ «ОБ АГИТАЦИИ» (1896 г.)

(П. Аксельрод—«Об агитации»).

Мне кажется, что вообще схема развития рабочего движения, рисуемая автором *), не совсем соответствует действительности. Так, напр., никак нельзя согласиться с замечанием автора, что на высшей ступени освободительного движения пролетариата самооборона капиталистов против него отличается особенной беззастенчивостью и явным насильственным характером своих средств. Фактическая история этого движения показывает, что на деле такими чертами характеризуются именно первые его стадии, тогда как дальнейший, **поступательный ход** его сопровождается большим или меньшим вытеснением грубых, варварских форм борьбы капитала против труда сравнительно цивилизованными формами и приемами. К такому заключению можно придти также и a priori.

Первые фазисы рабочего движения совпадают обыкновенно с концом эпохи первоначального накопления или с порубежным периодом между нею и эпохой полного гос-

*) Т. е. автором брошюры «Об агитации»—Ред.

подства промышленного капитализма. Бесправие народных масс и варварский характер всей системы «накопления капитала» естественно обусловливают и соответствующие методы сопротивления требованиям рабочих. Дальнейший прогресс капитализма сопровождается, между прочим, водворением элементарной «порядочности», своего рода цивилизации в сфере экономических сделок, с одной стороны, и демократизацией политических прав, с другой. И то, и другое не может не способствовать известному смягчению первоначальных форм борьбы труда и капитала. Еще больше и непосредственнее в том же направлении должна действовать сама эта борьба, раз она, по предположению автора, углубляется и расширяется до того, что капиталисты становятся уже не в силах справиться с нею своими частными средствами. Поступательный ход рабочего движения не может не сопровождаться коренным изменением взглядов и привычек господствующих классов относительно рабочих в смысле постепенного признания за ними, как за свободными гражданами, такого же права отстаивать свои интересы, каким пользуются сами эти классы.

Еще одно, по-моему, уместное замечание. Автор смешивает или недостаточно строго различает два момента в политическом развитии пролетариата и вследствие этого приходит к не совсем правильному заключению, будто в Англии «до сих пор еще большинство (рабочих) сторонится от активной политической борьбы». Заключение это справедливо, поскольку автор имеет в виду борьбу за «достижение политической власти». Но в дальнейшем изложении этот момент политической борьбы незаметным образом сливается у него с борьбой за приобретение и расширение политических прав. Но между той и другой существенная разница. Первая предполагает организацию пролетариата в самостоятельную партию, последняя же может вестись рабочими под флагом и в рядах буржуазной демократии, это и имело место в Англии, а до недавнего времени—и во Франции и Швейцарии. Только в Германии и в Австрии пролетариату удалось чуть не с первых шагов своей исторически-активной деятельности стать и в сфере политических вопросов на собственные ноги и обратить, таким образом, борьбу за политическую свободу в непосредственное орудие для борьбы за политическую власть. Этим, замечу, кстати, опровергается общее положение автора, что политическое развитие рабочего класса **всецело** совпадало и совпадает с ходом «экономической борьбы» рабочих с капиталистами.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ВЗАИМНОЕ ОТНОШЕНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОЙ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ [8]).

(Из брошюры П. Аксельрода, изд. 1898 г., стр. 2—34).

I.

Ближайшей целью русской социал-демократии, многократно формулированной и обоснованной в ее прессе, является: возможно скорее придать зарождающемуся рабочему движению характер вполне сознательной организованной борьбы против абсолютизма. Эта задача составляет фокус практических стремлений русской социал-демократии,—по крайней мере, поскольку эти стремления нашли себе выражение в теоретических и публицистических произведениях ее литературных представителей.

«Но,—возражают нам либералы и народники,—вы хотите вызвать рабочее движение для борьбы с абсолютизмом и завоевания такого государственного порядка, который сам является необходимейшим и элементарнейшим условием такого движения. Но не странно-ли и не утопично-ли стремление добиваться нового государственного строя средствами, широкое применение которых предполагает **уже существование этого** строя».

Некоторая доля скептицизма по отношению к практическим тенденциям русской социал-демократии распространена, как кажется, и в рядах западно-европейских рабочих партий. Скептицизм этот покоится отчасти на соображениях, подобных вышепри-

веденным, отцами которых являются самые что ни на есть вульгарные русские либералы. Но в основе его лежит и реальный факт русской действительности,—только факт этот неправильно истолковывается. Царское правительство всячески ласкает и приголубливает капиталистическую буржуазию. Вследствие этого ей незачем выступать против абсолютизма—и она политически совершенно индиферентна. И вот этот-то слой имущих классов отождествляется с буржуазией во всем ее целом, а затем выводится заключение, что в России вообще нет еще никакого антагонизма между имущими классами и абсолютизмом, а потому у нас и почвы для массового движения в пользу конституционной свободы быть не может. С этой точки зрения, стремления и цели русской социал-демократии должны представляться утопичными, а ее надежды—пустыми фантазиями.

В действительности, однако, дело обстоит иначе, чем оно представляется сквозь очки шаблонного исторического воззрения на русскую жизнь.

Покровительственная политика царского правительства и бесправие народа являются золотым дном, с которого капиталисты черпают свои богатства. Пока, по крайней мере, именно остатки докапиталистической эпохи гарантируют широкое поле деятельности для их склонностей и аппетитов. Но рядом и под этим слоем буржуазии имеются другие, многочисленные и не лишенные влияния слои ее, интересы которых все менее и менее совместимы как с таможенной и финансовой политикой правительства, так и с бесправием и некультурностью народных масс.

В центре и во главе этих общественных элементов стоят представители либеральных профессий—адвокаты, врачи, ученые, учителя, писатели, судьи, разного рода техники, наконец, учащаяся молодежь и т. д. Мало того, даже часть образованной бюрократии принадлежит своими симпатиями и своими стремлениями к этим прогрессивным кругам высших сословий, составляющим в совокупности значительную часть буржуазии и носящим общее название «интеллигенции». Не даром газетные лакеи реакции беспрестанно доносят на нее, как на «гидру революции».

И в самом деле, жизненные потребности интеллигенции вызывают необходимость иных условий существования, чем те, на которые обрекает ее наш режим. Абсолютизм стесняет и опекает ее в ее профессиональной деятельности; он даже производит **относительное перенаселение** в свободных профессиях, избыток «умственных работников». Затрудняя всячески развитие прессы, мешая распространению школ и основанию всяких других гуманитарных учреждений, правительство тем самым суживает поле деятельности интеллигенции в сильной степени, ограничивает спрос на ее рабочие силы и лишает ее необходимейших источников ее материального существования. Но, быть-может, еще в большей степени вредит правительство интеллигенции косвенно, угнетая непосильным бременем податей крестьян и удерживая их в крепостной зависимости по отношению к государству. Не померные государственные налоги, в связи с прикреплением к земле и к миру, всецело отдают крестьян в руки жадных и корыстолюбивых мелких деревенских властей, ростовщиков и кулаков. А так как не только сельские, но и промышленные рабочие рекрутируются все еще из этих разоренных и бесправных слоев населения, то безотрадное положение первых действует угнетающим и обессиливающим образом на последних—оно обеспечивает русским капиталистам колоссальный, подавляющий перевес сил над рабочими. Если припомнить при этом таможенную политику русского правительства, то не трудно будет понять, каким образом «социальная политика» правительства гарантирует капиталу огромные прибыли и отнимает у капиталистов **личный интерес** к техническому и культурному прогрессу. Слишком много у них грубых, первобытных способов эксплоатации и самообогащения, чтобы ощущать потребность в таком прогрессе. Между тем, в нем именно и заключается одно из необходимейших условий существования «умственных работников.»

Надо указать еще на одно обстоятельство, ярко характеризующее противоречие между абсолютизмом и экономическими и культурными потребностями нации. Отягощая крестьянство чрезмерными налогами, правительство тем самым отнимает у земства экономическую возможность разрешать свои настоятельнейшие задачи и выпол-

нять свои существеннейшие функции. Существует «избыток» врачей и в то же время их недостаточно в деревнях. Почему? Да потому, что у земства нет средств помочь горю. У нас нет средств ни для устройства училищ, ни для распространения элементарных агрономических сведений, ни для введения сколько-нибудь рациональных методов в сельское хозяйство. Потребность во всем этом крайне настоятельна и общепризнана в руководящих кругах землевладельцев, но правительство не оставляет ничего для земства в карманах крестьянства.

Нечего и говорить, что на почве этого антагонизма между экономическими интересами интеллигенции и абсолютизмом вырос и развивается антагонизм идейного и нравственного характера.

Добросовестное выполнение профессиональных функций есть на Западе нечто само собою разумеющееся и рассматривается, как простая обязанность каждого,— у нас же для этого требуется известная доля идеализма, а иногда и гражданского мужества: порядочный профессор, гуманный врач, усердный учитель—в глазах полиции и реакционеров—люди **подозрительные**. Основание общественных учреждений и предприятий, являющееся на Западе обыденным проявлением индивидуальной и общественной самодеятельности, в России считается культурным подвигом, потому что, на самом деле, надо много терпения и самоотверженности, чтобы преодолеть все препятствия со стороны правительственных органов всяким подобным учреждениям. Зато каждое дело подобного рода становится зародышем революционного брожения.

И все же всевластное правительство терпит интеллигенцию и оставляет ей относительно широкое поле общественной деятельности. Почему? Ответ на это читатель может найти в брошюре Каутского: «Антагонизм классов в 1789 г.». Но только все сказанное там об общественной роли и значении интеллигенции во Франции конца прошлого века еще гораздо более применимо к современной России,—соответственно ее значительно более высокому промышленному развитию и еще гораздо более высокой ступени интернационального капитализма, в атмосфере которого живет капитализм русский.

Интеллигенция стала необходимым фактором общественной жизни; она заполняет все поры высшего общества, она вторгается всюду и—о, ирония,—государственная власть, сама бюрократия не могут обойтись без нее. Очень важно при этом то, что официальные общественные органы и само правительство довольно часто вынуждены прибегать к услугам именно лучших, наиболее идеально настроенных элементов интеллигенции. Особенно ярко выступает наружу безусловная необходимость и значение этих элементов для общества и государства во время голода или эпидемии. Абсолютизм так же мало волен отделаться от них, как и от капитализма.

Но интеллигенция никоим образом не единственный привилегированный общественный слой, интересам которого наносит ущерб абсолютизм. Рядом с нею стоит большой экономически господствующий класс, тоже чувствующий себя далеко не вольготно в узких рамках абсолютной монархии. Это—класс крупных землевладельцев, в общем совпадающий с земельным дворянством. В то время как за нашей крупной промышленностью обеспечен огромный национальный рынок, защищенный против иностранной конкуренции высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу с мощными соперниками на международном рынке. Эти соперники гораздо лучше вооружены и опираются на гораздо более высокую национальную культуру, чем русские землевладельцы. Этим последним приходится, поэтому, изо дня в день на собственной шкуре испытывать противоречие, возникшее между новыми экономическими условиями существования России—результатом капиталистического развития—и ее отсталой культурой и устарелыми правовыми отношениями. Крупный землевладелец лично заинтересован в гораздо более быстром промышленном развитии России, чем оно совершается на самом деле, потому что только такое развитие освободит его от необходимости рыскать со своими товарами по всему белусвету. Еще более, или по меньшей мере, еще непосредственнее заинтересован он в развитии земледельческой техники и путей сообщения, которые дают такой решительный

перевес его иностранным конкурентам на арене мирового хозяйства. Но абсолютизм и полученная нами от докапиталистической эпохи в наследство некультурность, хозяйственная и финансовая политика правительства, произвол бюрократии и бесправие народных масс—все это, как китайская стена, стоит поперек дороги делу ускорения хода нашего промышленного развития и подъему сельского хозяйства. Прямо или косвенно, все эти моменты задерживают капиталистический прогресс России. Косвенно тем, что, благодаря им, нация и земля являются совершенно беззащитными объектами необузданной эксплоатации, разграбления и ростовщического вымогательства со стороны капитала. Этим именно богатые и предприимчивые представители торгово-промышленной буржуазии освобождаются от настоятельной необходимости деятельно способствовать подъему сельского хозяйства и даже прогрессу промышленности. Они скорее лично заинтересованы в дальнейшем существовании грубых, отсталых форм капитализма, в сохранении варварских, но прибыльных методов эксплоатации.

Разница в экономическом положении и интересах наших помещиков, с одной стороны, и капиталистических элементов буржуазии,—с другой, ясно отражается и в деятельности наших органов самоуправления. По сравнению с плутократическими думами, земства в своих совещаниях, мероприятиях и прениях являются прогрессивными и даже демократическими. Поэтому-то реакционеры и кричат, что земства суть легальные организации для «подкапывания основ». Действительно, земства в своих адресах и петициях неоднократно проявляли конституционные вожделения.

Таким образом, взаимное положение классов оказывается как раз обратным тому, каким оно было во Франции и в Германии в соответствующие эпохи. Там оппозиция против монархии разгорелась на почве **общего антагонизма** народных масс, интеллигенции торгово-промышленных классов против привилегированных сословий. В России же, в которой нет таких сильных сословий, почвой, на которой зарождается столкновение между капиталистическим развитием и абсолютизмом, является общая ненависть земельного дворянства, интеллигенции и пролетаризованных народных масс к экономически господствующему классу капиталистов.

Впрочем, эти замечания должны быть ограничены в том смысле, что сословный антагонизм между крестьянами и помещиками продолжает существовать и что часть последних ищет своего спасения в милостях царских. Но руководящая роль в этом сословии все же принадлежит, главным образом, наиболее дальновидным и прогрессивным его элементам, проникнутым духом современного капитализма *). Они обыкновенно руководят земствами и направляют земскую политику по отношению к правительству и народу.

Итак, при ближайшем рассмотрении, утверждение об отсутствии у нас принципиального антагонизма между высшими классами и правительством оказывается ложным. В основе его лежит, правда, тот факт, что наши промышленники и коммерсанты живут еще в мире с правительством и вообще политически индиферентны. Между тем, именно о «промышленных и торговых классах» Маркс писал, что «настоящее революционное движение в Германии началось с их переходом в оппозицию» *). Но, во-первых, противно самым элементарным представлениям о движении общества предполагать, будто теперешнее отношение господствующих слоев буржуазии к правительству навсегда останется таким и не подвержено влиянию новых условий. Именно, дальнейшие, все более и более усиливающиеся проявления потребностей и стремлений оппозиционных, враждебных капиталистической буржуазии, классов и сословий должны вызвать в недалеком будущем столкновения между нею и правительством. Можно сказать даже, что смешение в одну безразличную консервативную кучу всех капиталистических элементов и теперь уже далеко не соответствует действительности.

Но затем, сам собою навязывается вопрос: отчего бы совместному выступлению интеллигенции и влиятельных земледельческих элементов в качестве оппозиции не иметь никакого значения, в то время как оппозиция эксплоататорских слоев буржуазии имела в Германии значение решающее. В Германии торгово-промышленный класс боролся, в интересах национального развития капитала, против дворянства; в России передо-

*) «Революция и контрреволюция», стр. 16—17.

вые элементы дворянства и интеллигенции борются тоже за национальные интересы и потребности капиталистического прогресса, но именно **против** названного класса, т.-е. против заправского социального представителя капитализма. Конечно, это довольно своеобразное явление. Но оно во всяком случае не ослабляет значение того факта, что и у нас, как на Западе, движущей силой оппозиции против абсолютизма является капиталистическое развитие, а целью его—удаление всех преград с пути этого развития. Если торгово-промышленный класс экономически сильнее и играет в экономической жизни страны большую роль, то это до известной степени уравновешивается руководящей и организаторской ролью в обществе, выпадающей на долю наших либерально-оппозиционных элементов—именно благодаря капиталистическому развитию. В качестве представителей образования, выполняя при этом важнейшие общественные, а частью и государственные функции, они являются головой нации, которая, при нынешнем уровне экономического развития России, также не может обходиться без нее, как отдельный индивидуум без мозга. Такое положение нашей интеллигенции и крупных землевладельцев делает возможным для них находить средства, чтобы систематически подкапывать наш государственный строй, так сказать, изнутри.

Поднятие и усиление общественной инициативы и самоуправления на счет бюрократии, укрепление и обеспечение «законности» в ущерб административному произволу, наконец, введение всеобщего элементарного образования,—вот кардинальные пункты вокруг которых вращается деятельность нашей легальной оппозиции, на которых концентрируются ее стремления и требования и в которых они резче всего проявляются. Поводы и формы, в которых эти стремления выражаются, весьма разнообразны. А каждый успех на этом поприще равносилен, если можно так выразиться, вращению в русское национальное тело учреждений, привычек, отношений и запросов, стоящих в принципиальном противоречии к абсолютизму и практически отрицающих его право на существование.

Само собой разумеется, что либеральные стремления наших высших сословий могут проявляться лишь с чрезвычайным трудом, путем больших усилий, и что правительственные органы стараются ставить им препятствия и загораживают им путь на каждом шагу. Но если одни «государственные мужи» относятся к либерализму враждебно и недоброжелательно, то другие из них придерживаются противоположной политики. Непосредственный переход России от натурально-хозяйственной изолированности к промышленному капитализму, совершившийся под давлением несравненно более развитого Запада, поставил царскую Россию, в положение, к которому она нисколько не была подготовлена. Возникло колоссальное несоответствие между отсталыми техническими, культурными и социально-политическими средствами, унаследованными от **старой России** и новыми, непрерывно растущими национальными потребностями, интересами и задачами. Это-то и заставляет правительство делать уступки бессильному либерализму, несмотря на свою подавляющую силу.

Как ни силен страх правительства перед общественной самодеятельностью и народным образованием, оно все же капитулирует и тут перед либеральными элементами, конечно, с величайшей неохотой. Новые хозяйственные условия существования и порождаемая ими сложная борьба интересов, отношений и потребностей служат все более и более растущим источникам ослабления царско-бюрократического всемогущества и усиления политически бессильного общества по отношению к абсолютизму.

Под давлением отечественного и интернационального капитализма в русский национальный организм проникают и внедряются там некоторые социально-политические бациллы, клетки-элементы западного государственного строя. Меряя западноевропейской меркой, весь вышеуказанный прогресс кажется совершенно лишенным политического значения и далеко недостаточным, чтобы вызвать падение абсолютизма в ближайшем будущем. Действительно, при обычных условиях он не в состоянии был вы привести к такому перевороту, если бы действие его не распространялось за тесные границы высших сословий. Имея в виду лишь те сословия, можно было бы даже скорее сказать, что уступки правительства скорее ослабляют оппозицию, усыпляя недовольство одних и затрудняя или замедляя пробуждение его в среде других имущих клас-

сов. Но постепенное проникновение культурных и общественных элементов в русскую жизнь создает почву и орудия для **политического** пробуждения пролетариата и уже в тисках абсолютизма. В этом-то и лежит революционное значение и центр тяжести, с формальной, внешней стороны, политически совершенно невинных усилий нашего либерализма преобразовать русскую действительность в духе своих стремлений.

II.

По сравнению со средствами, которыми располагает западно-европейский пролетариат, элементы русской жизни, способствующие его развитию, так незначительны, что с первого взгляда они могут показаться лишенными всякого значения. В действительности, однако, дело обстоит иначе. Только не надо упускать из виду принципиального различия между Россией и Западом как в отношениях буржуазных классов к существующему социально-политическому строю, так и в обоюдных политических отношениях их с пролетариатом.

В то время как на Западе современное буржуазное общество хозяйничает на почве им самим созданного социально-политического строя, живет в собственном государственном здании, в России оно все еще носит оковы несколько подновленной, но все же докапиталистической государственной организации и даже не смеет открыто стремиться к устройству вполне соответствующей его интересам и вкусам обстановки. Западно-европейская буржуазия, даже свободомыслящая или радикальная,—антиреволюционна во всех отношениях. В лучшем случае она согласна там и сям исправить, заплатать то или другое. Но прежде всего она преисполнена заботы о предупреждении великого переворота. Этим духом вражды ко всему революционному проникнуты все общественные учреждения и все проявления социальной самодеятельности высших классов на Западе, начиная с органов самоуправления и учреждений благотворительного характера и кончая прессой и университетами с литературой и наукой во главе. В России же, где всякий шаг вперед в сфере общественной самодеятельности стоит в принципиальном противоречии с государственным порядком, имеет место обратное явление: даже самые умеренные и осторожные из представителей нашего либерализма не свободны от «превратных тенденций». А русский пролетариат, с своей стороны, не может, на настоящей ступени развития России, идти в своих **непосредственно** практических стремлениях дальше радикально-демократического либерализма. О завоевании политической власти пролетариатом для себя или о реформе буржуазного общества под знаменем социализма у нас пока не может и речи быть.

Итак, для принципиального политического антагонизма между нашим пролетариатом и либеральной буржуазией историческая почва еще не подготовлена; напротив, их обоюдное историческое положение навязывает им общую цель и принуждает их к энергичной, постоянной взаимопомощи. Таким образом, в отличие от своих старших братьев на Западе, русский пролетариат находит в кругу самих представителей буржуазного общества точку опоры и поддержку для своего революционного развития. Ведь оно само еще только нарождается на свет и по существу проникнуто революционным духом почти во всех своих жизненных проявлениях. Как ни политически невинна на первый взгляд общественная деятельность наших либералов, она все же по своим тенденциям враждебна существующему строю и подкапывает современный государственный порядок. Вот почему такая политически невинная область деятельности русских либералов, как народное образование и просвещение, служит источником разных импульсов к революционному брожению. Своей деятельностью в этой и аналогичных областях либералы наши изо дня в день иллюстрируют фактами непримиримое противоречие, существующее между абсолютизмом и народными нуждами. Знакомя народ с вопиющими фактами нашей жизни, они открывают ему глаза на несовместимость царского абсолютизма с его интересами и показывают его ему во всей его отвратительной наготе.

Таким-то образом, не политическое, вполне легальное, просветительное культурничество становится неиссякаемым источником политического брожения—сперва

в интеллигентных кругах, а потом и в народных массах. Уже встречаются факты непосредственных конфликтов народа с властями вследствие закрытия школ и библиотек или затруднений к их обоснованию.

Но прогресс элементарного образования есть ведь одно из условий и один из мостов для установления интеллектуальной связи между низшими классами и интеллигентной, идеологической буржуазией. Благодаря этому прогрессу, с каждым днем расширяется и демократизируется круг читателей свободомыслящей прессы, которая начинает проникать во все больших и больших размерах на фабрики и даже в захолустные деревни.

В прессе читатель из народа находит целый резервуар накопившегося в буржуазных оппозиционных кругах недовольства и распространенных в их среде «превратных» стремлений и желаний. Газеты приносят отчеты и сведения о жизни наций, ушедших вперед, описание их государственных и общественных учреждений, — и все это сопровождается критическими примечаниями об отечественных порядках. Словом, газеты дают грамотным читателям толчки, если не к насильственному ниспровержению режима, то, по крайней мере, к пытливому исканию средств для такого низвержения.

Но интеллигенция не может остановиться в самом начале пути своей революционной народно-просветительной деятельности. Обстоятельства не позволяют ей ограничиться лишь подготовительной работой в области революционизирования народных масс: они заставляют демократическую часть интеллигенции идти гораздо дальше простого обучения и просвещения народа. И прежде всего толкает ее в этом направлении **политическая** слабость русского либерализма.

Факт совершенной невозможности для русского либерализма добиться господства без поддержки низших классов отнюдь не представляет собою нового явления в истории. О Франции старого режима Каутский говорит: «Все яснее и яснее становилось, что конец господству двора и привилегированных классов могут положить только крестьяне и бедные горожане, т.-е. народ». Но этот «рычаг» пришел в движение лишь после того, как высшие классы уже принудили абсолютизм к капитуляции, да и выступило народ на историческую арену, не как сознательная, руководимая ясною целью сила, а как сила элементарная, толкаемая вперед извне необычайными событиями. Русский же либерализм, наоборот, лишен пока возможности найти себе достаточную поддержку в имущих **массах**, чтобы заставить правительство вступить на путь серьезных политических уступок.

Но тем более шансов на успех имеет планомерное сознательное революционное движение среди народа. Такое движение в чрезвычайной степени увеличило бы силы либерализма и притом не только прямо, но и косвенно, так как неизбежно вызвало бы к жизни дремлющий антагонизм между правительством и капиталистами, породило бы между ними разные конфликты и толкнуло бы, таким образом, «промышленные и торговые классы» в лагерь либеральной оппозиции.

Политическое бессилие русского либерализма коренится в двух, тесно между собой связанных, обстоятельствах, во-первых, в отсутствии «исторических сословий» с наследственными средствами самообороны против короны и непривилегированных классов, во-вторых, в относительной солидарности царизма с торгово-промышленной буржуазией. Как известно, во Франции здание абсолютизма выведено было из устойчивого равновесия именно упорным противодействием привилегированных сословий, и они же своей борьбой с правительством пробудили революционные страсти не только в пролетариате, но и в самой буржуазии. В России же нет такого исторического двигателя. Докапиталистическая эпоха не завещала нам никакого привилегированного сословия с исторически упроченным положением и достаточными средствами самозащиты против короны и буржуазии. А новейшая эволюция, с своей стороны, не мало способствовала еще большему ослаблению силы сопротивления дворянства, разделив его на два антагонистических лагеря: на передовой и более или менее реакционный. Но, реакционное крыло дворянства состоит из элементов, стоящих ниже в культурном отношении и идущих навстречу разорению; они стараются протянуть свое существование крохами и подачками с царского стола. Элементы эти не в состоянии проводить

последовательно реакционную политику, в общем они колеблются между противоположными полюсами сословным вожделений и либеральных влияний. Руководство классом крупных землевладельцев в общем принадлежит все-таки лицам, склоняющимся на сторону экономического, культурного и политического прогресса.

Нашей капиталистической буржуазии нечего, следовательно, бояться каких-нибудь «исторических» соперников. Отсутствие у нас исторических тормазов, подобных тем, какие на Западе капитализм встречал в начале своего жизненного пути, облегчило нашей государственной власти задачу обращения государства и его политики в орудие усиленного капиталистического развития. Русские самодержцы оказались в очень завидном, с точки зрения монархической, положении: они имели возможность проводить сравнительно широкие реформы в пользу находившегося еще в колыбели класса капиталистов, не рискуя при этом натолкнуться на упрямую оппозицию со стороны реакционных элементов и не опасаясь вызывать к жизни сложные, трудно улаживаемые конфликты между привилегированным «третьим сословием». А в результате этого получается то, что даже промышленная буржуазия чувствует себя недурно под опекой абсолютизма: извлекая огромные барыши из сохранившегося в русской жизни социально-политического варварства, она в то же время не испытывает чувствительным образом на собственной спине мерзости этого варварства. И так как правительство в своей политике угождения капиталистической буржуазии не утратило еще своей эластичности, то капиталисты могут до поры до времени спокойно пребывать в своей верноподданической преданности и по прежнему чуждаться всякого либерализма.

Итак, историческое положение высших сословий и классов препятствует выступлению у нас на сцену **энергичной**, **легальной** оппозиции—как реакционной, так и прогрессивной. Это обстоятельство служит одной из наиболее сильных двигательных пружин, толкающих свободомыслящую часть нашей буржуазии и интеллигентных помещиков на путь распространения народного образования и демократизирования органов самоуправления.

Вместо того, чтобы хвататься за устаревшие прерогативы и сословные учреждения, недействительные, даже прямо негодные, как опора и орудие борьбы с престолом, более дальновидные представители дворянства предпочитают принимать участие в развитии сил народа, работая вместе с буржуазной интеллигенцией над дальнейшим развитием органов самоуправления в демократическом смысле и над распространением образования в массах.

Не надо полагать, однако, что вся масса либералов ясно сознает политический смысл своей деятельности. Но в какой бы субъективной окраске не представлялись тому или другому из них «народолюбивые» стремления его товарищей, это не меняет объективной важности того факта, что отсутствие надежной политической опоры в имущих массах заставляет их наиболее образованных, в разнообразных сферах общественной жизни наиболее деятельных представителей искать такой точки опоры в **народных** массах.

Но путь, по которому либеральные элементы движутся к этой цели, слишком долог и, поэтому, не приходится по вкусу более молодой и радикальной части интеллигенции. Средства, употребляемые либералами и достигнутые ими непосредственные осязательные результаты содержат в себе, правда, революционную силу, но лишь в скрытом состоянии, из которого ее еще нужно превратить в живую энергию. Для этой исторической роли как бы предназначены полупролетарии и пролетарии интеллигенции, учащаяся молодежь и вообще наиболее темпераментные и наиболее демократические элементы интеллигенции.

Этим элементам высших сословий абсолютизм невыносим вдвойне: с одной стороны, он своим варварством развивает в них идеализм и доводит его до высокой степени напряжения,—но, с другой стороны, в то же время загораживает этому идеализму все пути для проявления в легальных формах. Для этих сравнительно широких кругов буржуазии путь так называемого мирного, органического прогресса прямо невозможен.

И либеральные элементы далеко не очарованы своей тихой, кротоподобной работой подкапывания и подтачивания устоев. И они чувствуют себя отвратительно под

давлением тяжелой руки бюрократии и хотели бы освободиться от нея чем скорее, тем лучше. Но либеральные помещики и хорошо оплачиваемые редакторы «уважаемых» газет склонны резонировать, что нельзя-де пробить лбом стену. На что радикально-демократическая интеллигенция им заявляет: «Мы никогда не удовлетворимся и не желаем удовлетвориться вашим черепашьим прогрессом. Ваше смирение безнравственно. Источник его—трусость и эгоистический страх за ваши личные интересы. Наш же лозунг гласит: бесстрашная, беспощадная война с властьимущими, война не на живот, а на смерть. А так как наших сил не хватает, то мы призовем угнетенные рабочие массы на революционную арену и научим их бороться с угнетающим их общественным строем и вооружим их к этой борьбе».

Голая действительность, бросающаяся в глаза, с своей стороны, указывает революционной интеллигенции на промышленный пролетариат, как на класс народа, обещающий наибольших успехов делу организации народно-революционного движения. Этот класс живет большими массами именно в центрах интеллигентной и общественной жизни, где находятся и важнейшие правительственные органы и где приходится предпринять решительную атаку против абсолютизма. В то время как крестьянство, в своем варварском невежестве и традиционной верности и преданности престолу, покорно переносит все мерзости и низости своих угнетателей, городской пролетариат смело поднимает голову против своих эксплоататоров, борется с ними и проявляет неутомимую жажду образованияи знания. Словом, революционная интеллигенция встречает в больших городах класс народа, наиболее воспримчивый к ее интеллектуальному воздействию, легко проникающийся революционными идеями и способный на революционную борьбу.

III.

Русский пролетариат еще очень молод и процесс его обособления от деревенского населения еще далеко не завершен. Наш пролетариат есть непосредственный продукт насильственного обезземеления крестьян, начатого в широких размерах их «освобождением» и продолжаемого всею социально-экономической политикой правительства.

Большая часть пролетариата принадлежит еще к крестьянскому сословию, т.-е. несет бремя податей, тяготеющее над крестьянской землей, хотя и не извлекает из нея для себя никакой пользы. Стоя в хозяйственном отношении на городской почве, эта часть нашего рабочего класса, юридически, тем не менее связана с крестьянством, далеко не свободным даже в чисто гражданском смысле, так как находится в крепостной зависимости от государства.

Кроме этих слоев, принадлежащих к крестьянскому сословию, главным образом, в силу государственной принудительности, города наши переполнены настоящими крестьянскими массами, ведущими промежуточное существование: на половину они земледельцы и вместе с тем занимаются городскими промыслами. Массы эти набираются из крестьян, разоряемых и экспроприируемых самым мучительным образом соединенными усилиями бюрократии, жадных помещиков и хищных кулаков. Из них рекрутируется наша рабочая резервная армия, более многочисленная, чем в странах, стоящих во главе капиталистического прогресса. Давление ее на положение активной рабочей армии также непосредственно сильнее, чем в этих странах. В Западной Европе масса безработных состоит преимущественно из лиц, временно или навсегда выброшенных из действующей промышленной армии. Они представляют собой непосредственный продукт поступательного движения крупной промышленности, ее технического прогресса и колебания в сбыте. Колоссальный же избыток «рабочих рук» в России является не столько результатом действия самостоятельных, внутренних сил, присущих промышленному капитализму, сколько следствием фискального гнета, условий освобождения крестьян и их бесправного положения. Само собой очевидно, что бродячие массы голодного народа, без прав, без потребностей, в гораздо большей степени должны действовать умеряющим и обессиливающим образом на занятых в производстве рабочих, чем безработные, которые, по своему прошлому, по своему духовному и культурному развитию, принадлежат к промышленному пролетариату. Значительная часть нашего

пролетариата стоит еще одной ногой в болоте, в котором задыхаются огромные крестьянские массы, да и весь наш рабочий класс испытывает на себе действие примитивных условий жизни крестьянского населения. Некультурность, хозяйственная и политическая дикость деревни, во многом превосходящая городскую, разорение и обнищание крестьян,—все это пригнетает и промышленное рабочее население и обеспечивает предпринимателям перевес сил, далеко превосходящий их собственные силы. Это вредное влияние отсталых условий существования крестьян на положение рабочего класса еще усиливается тем обстоятельством, что русская промышленность обладает почти единственной только внутренним рынком, который составляет, главным образом, крестьяне, которые быстро нищают, а на замену им не является другой класс сельских хозяев, более приспособленный к новым экономическим условиям. Процесс образования такого класса сильно замедляется абсолютистским режимом и его политикой. Правительство гонит целые миллионы крестьян на заработки во все углы империи и в то же время не дает промышленности развиться достаточно, чтобы поглотить все эти массы.

Итак, промышленный пролетариат в России жизненно заинтересован в радикальном устранении гнета и несправедливостей, тяготеющих над сельским населением. Но его непосредственным врагом и эксплоататором является все же предприниматель; интересы его и потребности концентрируются, главным образом, на его отношениях к промышленному капиталисту. Эти отношения так же антагонистичны, как и на Западе, они проявляются с такою же резкостью и ясностью, как и в старых капиталистических странах. По своей технической основе и размерам, русские крупнопромышленные предприятия стоят на высоте современной капиталистической индустрии. А в мелких предприятиях противоположность интересов рабочего и предпринимателя обостряется под влиянием конкуренции с крупными промышленными заведениями. Антагонизм этих классов не заслоняется ни общей ненавистью к привилегированным сословиям, ни унаследованными от средних веков цеховыми и другими подобными учреждениями. Если в России и существуют такие элементы докапиталистической эпохи, то они настолько жалки, что даже для городского пролетариата нечувствительны. Истинно привилегированный класс России есть именно промышленная буржуазия, ведущая не призрачное, а весьма реальное существование, наслаждаясь жизнью и получая отличные барыши.

Эти два класса стоят друг против друга, как два враждующих лагеря, разделенных социальной пропастью, через которую не перекинуть моста никакой буржуазной идеологии, даже самой красноречивой и самой радикальной. Отсюда само собою ясно, что **массовое**, революционное движение пролетариата может развиться и окрепнуть лишь непосредственно на почве этого антагонизма и стихийно порождаемых им конфликтов. Для того, чтобы революционная интеллигенция всецело выполнила свою историческую миссию в сфере революционизирования пролетариата, она должна, следовательно, построить свою программу действия на основе антагонизма рабочего класса к предпринимателям. Другого выбора нет: надо или принципиально, со всей революционной страстью и полной серьезностью стать на точку зрения классовых интересов пролетариата, или же остаться, попрежнему, в изолированном положении, а следовательно, и политически бессильными.

Часть интеллигенции, правда, небольшая, уже приняла решение, но это лишь начало. Едва ли можно сомневаться, что число лиц из демократической интеллигенции, которое вступит на указанный путь, будет постоянно расти. Не говоря уже о необходимости для нашей демократической интеллигенции заручиться поддержкой широких масс населения, ведь большая часть нашей свободомыслящей буржуазии сама настроена «антикапиталистически» и на всевозможные лады громит капитализм. Тут происходит много комического. Я сомневаюсь, чтобы в России было много либералов, которые не обиделись бы, если бы их назвали бы таковыми, а не социалистами. Во всяком случае несомненно одно: не только радикальные элементы интеллигенции, но и наше либеральное общество, т. е. большинство свободомыслящих людей враждебно настроено по отношению к капиталистической буржуазии.

По своим техническим средствам, крупная индустрия России вполне современна, по фундаментом ее служит отсталый социально-экономический строй. Социальная почва, из которой она берет питательный материал, атмосфера, которою она дышит,— варварская и ближе всего подходит к атмосфере, известной на Западе под названием эпохи первоначального накопления. Капиталистические слои чувствуют себя пока очень недурно в этой атмосфере. Но пролетариат крайне заинтересован в том, чтобы как можно скорее положить конец этому сочетанию варварства и новейшей цивилизации. С своей стороны, прогрессивная часть дворянства и люди свободных профессий относятся к «купечеству», как к воплощению привилегированной бессовестной наживы и национальному носителю восточного варварства. Поэтому, выступление революционного пролетариата против класса предпринимателей само по себе никоим образом не может вызвать враждебного отношения свободомыслящей буржуазии. На ее отношение к движению пролетариата решающим образом может повлиять только общее ее направление и характер его практической цели и тактика.

Невыгодно отразиться на отношениях образованного общества к рабочему движению могли бы только две крайности. Во-первых, если бы это движение не вышло бы из колеи частных столкновений рабочих с отдельными предпринимателями. Это лишило бы его всякого политического интереса и вызвало бы равнодушие к нему в посторонних общественных кругах. Но быть-может, еще хуже была бы другая крайность. Я имею в виду тот случай, если бы наше рабочее движение, увлеченное бакунистскими и бланкистскими течениями, поставило бы своей **непосредственной** практической целью анархическую или коммунистическую революцию. На практике оно выразилось бы тогда в беспорядочных, легкомысленно вызываемых стачках, сопровождаемых насилиями и покушениями на жизнь капиталистов и правительственных чиновников, и силы пролетариата были бы, таким образом, растрачены понапрасну, бесполезно как для освободительной борьбы с абсолютизмом, так и для интересов самого класса пролетариев в тесном смысле.

Что касается первой крайности, то от нее мы застрахованы нашим царским режимом. А предохранить наше рабочее движение от влияния бакунистов и бланкистов, есть прямая обязанность господствующих в нем социал-демократических элементов.

Исторические воззрения социал-демократии на общественные условия эмансипации пролетариата дают руководящую нить для выработки программы действия, которая принципиально целиком стояла бы на почве классовых интересов пролетариата и в то же время не выходила бы за пределы реальных условий достигнутой Россией ступени буржуазно-капиталистического развития. Наш пролетариат начинает свою историческую карьеру в незрелом, только еще образующемся буржуазном обществе, противоречия и страдания которого являются не результатом разложения, регресса, даже не результатом полного развития, а скорее, муками родов и болезнями детства. А больше всего, конечно, страдают от них рабочие и крестьяне. Поэтому, ближайшей целью революционного авангарда нашего пролетариата является не уничтожение этого общества, а наоборот, завоевание для него возможно более благоприятных условий существования и развития. Чем энергичнее и сознательнее революционеры из рабочего класса будут добиваться этой цели, тем большую службу сослужат они и специальным интересам своего класса.

Основное зло русского капитализма заключается в том, что, стоя одной ногой на высотах современного капиталистического производства, другой он увязает еще в болоте недавно умершей эпохи варварства и некультурности. Социально-политическая почва, на которой он растет, культурная атмосфера, которая его окружает, переполнены грубыми, исторически чуждыми ему элементами. Отсюда большая часть общественных бедствий, наиболее жгучие страдания русского народа, жизнь которого характеризуется прежде всего колоссальным несоответствием порождаемых в ней капитализмом потребностей, интересов и задач, с одной стороны, и средств для их удовлетворения и их решения—с другой. Главная проблема классов, наиболее от этого страдающих, состоит именно в устранении этого внутреннего противоречия нашей национальной

жизни. А первый, абсолютно необходимый шаг к разрешению ее есть низвержение абсолютизма, который не дает простора для обществ. самостоятельной инициативы и самопомощи.

Этим в общих чертах намечается ближайший этап и направление тактики нашего движения. На долю его выпадает историческая миссия сознательно служить рычагом, толкающим всех врагов абсолютизма на организованную атаку против него. Оно должно стремиться к тому, чтобы разрозненные мелкие стычки их с ним превратились в общереволюционный поход против царского самовластия. Авангард пролетариата должен при этом систематически выступить, как передовой отряд демократии вообще. Эта роль, впрочем, выпадает социал-демократии и на Западе, особенно там, где буржуазный либерализм увял преждевременно и остановился на половине пути. Но включение в программу западной социал-демократии так называемых буржуазно-демократических задач имеет совсем другое принципиальное значение и другие практические цели, чем в России с ее абсолютизмом и незрелым капитализмом. В Западной Европе требования эти потеряли свой буржуазный характер и стали фактически чисто пролетарскими, направленными против вполне сложившегося буржуазного общества. В России же они имеют целью не разрушение нараждающегося буржуазного общества, а скорее ниспровержение его врага и угнетателя. Непосредственно они стремятся не к завоеванию политической власти для пролетариата, а лишь к достижению элементарных гражданских прав. Под красной оболочкой радикально-социалистических постулатов скрывается скромное желание нации оградить личность от административного произвола и ограничить царскую власть. Словом, наша война под знаменем демократии ведет непосредственно не к господству пролетариата, а к такому строю, в котором станет только возможной борьба его за это господство.

Отсюда сама собою вытекает принципиальная разница в тактике социал-демократии по отношению к либерализму у нас и на Западе. Даже в свободных государствах отношение к буржуазии, как к сплошной, одинаково «реакционной массе» [9]), шло бы в разрез с действительностью. Но известный тактический лозунг германской социал-демократии имеет в основании своем все-таки реальную историческую подкладку, потому что, хотя и в несколько односторонней и преувеличенной форме, он все же выражает фактическую вражду всех элементов буржуазии против революционного пролетариата и приводит в сознание вытекающую отсюда тактику последнего по отношению ко всем этим элементам. В России же, где историческая почва для такого враждебного отношения всей буржуазии к пролетариату еще не созрела, такая тактика стояла бы в резком противоречии с реальным положением этих классов и вытекающим из него их взаимным отношениям. Она искусственно способствовала бы изолированию нашего рабочего движения в то время, когда оно еще нуждается в союзниках и во внешней помощи. На Западе революционный авангард пролетариата может, конечно, подвигаться вперед и один, даже наперекор соединенным силам всех буржуазных классов—впрочем, только в известных пределах. Это для него возможно потому, что он имеет дело с пролетариатом, уже поднятым до уровня высокой культурности предшествовавшим буржуазным прогрессом, который в то же время поставил его в правовые условия, дающие ему средства собственными силами идти к намеченной цели. Но в России, где пролетариат находится еще только в процессе выделения из веками жившей в рабстве и невежестве народной массы, он сам стоит еще, в массе своей, на слишком низкой ступени культурного развития, чтобы быть в состоянии—уже в железных тисках абсолютизма—возвыситься до роли сознательной революционной силы без прямой или косвенной помощи со стороны буржуазии. Тактика, имеющая историческое оправдание на Западе, у нас была бы утопичной и реакционной. Утопичной потому, что она оставляла бы без внимания один из важнейших факторов неуклонного роста этого движения; реакционной потому, что она ослабляла бы непосредственное практическое значение этого движения и препятствовала бы установлению умственного взаимодействия образованных классов и народных масс.

Между тем, такое воздействие уже само по себе имеет в современной России огромное прогрессивное значение, так как самый бледный либерализм любого интеллигента все же гораздо выше некультурного мировоззрения этих масс.

Положить в основание нашей тактики принципиально-враждебное отношение ко всем слоям буржуазии безразлично, значило бы совершить роковую ошибку в оценке современного положения пролетариата и его внутренних сил к самостоятельному политическому развитию в настоящий момент. Я очень далек от мысли ослабить классовый характер нашего движения и разбавлять его водой. Что народное движение в России может принять значительные размеры лишь на почве классовых интересов пролетариата,— это лежит вне сомнения. Но в том-то и дело, что эти интересы обнимают собою и интересы угнетенных масс крестьянства и просвещенной буржуазии и даже вообще национальные интересы капиталистического прогресса России. Раз убедившись в этом, революционные пионеры нашего рабочего класса будут в своей агитации и пропаганде подчеркивать общенациональную историческую миссию его в современной России и проводить ее в сознание как самого этого класса, так и всех тех буржуазных слоев, которые всячески страдают от варварства народных масс и господства абсолютизма. Даже чисто экономические столкновения рабочих с предпринимателями дают довольно много поводов и зацепок для такой агитации. А еще больше поводов к ней дадут непосредственные столкновения с правительством из-за стачек и на почве стремлений рабочих к образованию и организации. Раз наше рабочее движение сознательно пойдет по этому пути, оно сделается революционным носителем культурных и политических стремлений русской нации, приобретет горячие симпатии демократической интеллигенции, приобретет огромную притягательную силу по отношению к ней, словом, пролетариат станет, вместо крестьянства, средоточием ее идеальных интересов, стремлений и надежд. А это даст ему возможность приобрести влияние и на легальные органы общественной самодеятельности, на земства, думы, печать, ученые общества и на разные общества культурно-просветительного характера. Каковы бы они ни были непосредственно практические, осязательные результаты этого, важно было бы уже то, что в России эксплоатируемый, приниженный класс смог приобрести влияние и толкать вперед официальные и легальные общественные учреждения, благодаря собственной планомерной деятельности. До сих пор «крестьянский вопрос» не переставал быть предметом обсуждения этих учреждений, крестьянство имело как бы привилегию быть специальным объектом их заботливости и народолюбия. Но оно играет при этом роль пассивного, беспомощного существа, вызывающего лишь чувство сострадания. С приобретением же пролетариатом влияния в этих сферах, народолюбие оппозиционной буржуазии получит новую почву и существенно иной характер. Импульсы будут исходить из среды революционного, борющегося народного класса и станут удобной почвой для постоянного воздействия и своего рода союза между организованным авангардом этого класса и передовыми, свободомыслящими кругами буржуазии.

Подведем итог вышесказанному.

Мы имеем в России три общественных слоя, наиболее важные как элементы движения:

1) Свободомыслящие слои земледельческого сословия. Эти круги лишены политического значения оттого, что принадлежат к классу эксплоататоров, являющемуся в то же время еще и привилегированным сословием, которое, однако, никогда не имело независимого положения по отношению к короне и тем менее может иметь его теперь, когда находится в полном упадке; внушая сельским массам частью ненависть, частью страх, земельное дворянство не имеет значения серьезного противника в глазах капиталистической буржуазии.

2) Представители либеральных профессий и учащаяся молодежь, интеллигентная буржуазия, «интеллигенция» вообще. Она политически слаба, во-первых, потому, что не имеет серьезной точки опоры в экономически господствующих массах буржуазии, а во-вторых, потому, что сама распадается на разные слои, высшие из которых соприкасаются и даже сливаются с капиталистами и дворянством, низшие опускаются до уровня пролетариата и частью чуть не находятся в его рядах. Они не в силах самостоятельно бороться с абсолютизмом не только вследствие своей относительной малочисленности и оторванности от экономической жизни нации, но и потому, что не представляют из себя однородной массы и не могут выступать, как одно целое.

3) Третьим элементом движения является класс промышленных рабочих. По своей многочисленности и концентрации в городах, по роли своей в национальном производстве и элементарной силе, класс этот, конечно, способен к революционной борьбе с царским режимом. Но пока ему недостает еще политических знаний и опытности и какой-либо легальной почвы для коллективной деятельности. То и другое он может приобрести с помощью вышеназванных слоев населения, которые, в свою очередь, только в рабочем движении могут найти мощный рычаг для ведения войны с абсолютизмом в широких, национальных размерах. В то время, как более молодая и демократическая часть интеллигенции непосредственно отдает свои знания и силы на служение рабочему классу, «солидные», высшие круги образованного общества, могут действовать в том же направлении косвенно, особенно в области распространения народного образования и образовательных средств. Слабые в политическом отношении эти элементы задают, однако, тон и пользуются влиянием в сферах так называемой «общественной самодеятельности». Правда, они довольно тесны, но они все быстрее расширяются, да и в теперешних их рамках можно на пользу социально-политического развития пролетариата тем больше делать, чем сильнее будет сознательное давление снизу, чем энергичнее и планомернее будут проявляться запросы пролетариата на образование и на общественное влияние. Представители возникающего социал-демократического движения должны позаботиться, чтобы это давление было как можно сильнее и чтобы оно проявлялось наиболее разумными путями.

Лица, оспаривающие жизнеспособность этого движения, обыкновенно ссылаются на пример Западной Европы, где социал-демократия возникла лишь на почве конституционного государства. Они судят о явлениях и запросах русской жизни с точки зрения давно прошедшей эпохи. Они полагают, что если во время господства абсолютизма во Франции, Бельгии и т. д., более ста лет тому назад не было почвы для движения пролетариата, то его не может быть и в России в конце 19-го и начале 20-го в. Представители таких взглядов забывают, что в те времена для возникновения рабочего движения не доставало не одной лишь конституции, но и других, столь же существенных условий. Прежде всего не существовало новейшего промышленного рабочего, с самостоятельными интересами. Нельзя упускать из виду и того, что, хотя антагонизм между эксплоатируемыми массами и буржуазией проявлялся, он был все-таки оттеснен на второй план общим ей и им **сословным** антагонизмом, враждой к духовенству и дворянству и гнетом цеховой организации. И эксплоататоры, и эксплоатируемые принадлежали к «угнетенному сословию», чего нет в современной России. Но еще важнее следующий момент.

> «Буржуазные мыслители Франции (уже не философы, а экономисты и политики) высказывались все народолюбивее, и не только по отношению к попам и дворянству, но и к богатым вообще они становились все враждебнее и враждебнее. Даже антикапиталистические доктрины начали находить сочувствие».

Так говорит Каутский «Борьба классов в 1789 г.». Но какими средствами могли располагать представители таких доктрин в прошлом и даже в начале нашего столетия, чтобы распространить свои воззрения в народных массах. В спокойные, мирные времена, почти никакими. В современных средствах сообщения, образования и пропаганды был полный недостаток. Народные школы, библиотеки и читальни, публичные лекции, широко распространенные газеты и, чтобы не забыть самого главного, железные дороги, пароходы, телеграф и современные почтовые сообщения,—все эти рычаги умственного и политического развития масс суть явления новые и для Западной Европы. Они еще не существовали еще ко времени французской революции и в обыденное время народные массы оставались чуждые влиянию интеллигенции и не получали никаких импульсов от идейного и политического брожения в высших классах.

Еще 50 лет тому назад—читаем мы в «Революции и конт-революции» К. Маркса—«политическое знание в Австрии допустимо было лишь лицам, имевшим средства оплатить провоз контрабандной литературы в страну. Они принадлежали, главным

образом, к торговым и промышленным классам». В России же эти господа питают самый ничтожный интерес к «политическому знанию», за то тем более жаждет его рабочий класс. Около трех четвертей нелегальной литературы, ввозимой в Россию и печатаемой в ее пределах, предназначается для пролетариата и им читается.

То, что в «Коммунистическом Манифесте» говорится о Германии 40-х г. г., еще гораздо более верно для современной России. Капиталистическая организация с тех пор сделала невероятные успехи, как в смысле географического распространения, так и в степени своего развития. Даже в России капитализм стоит на несравненно высшей ступени, чем в Германии накануне последней революции. Все то, что достигнуто капитализмом на Западе путем постепенного векового развития, упало, как зрелый плод, в руки русского капитализма и служит с самого начала рычагом в его поступательном движении. А в результате этого выходит то, что и борьба с абсолютизмом может и должна вестись у нас средствами и силами, свойственными современным западным обществам.

Этим сам собою устраняется упрек, делаемой русской социал-демократии в том, что стремление ее вызвать в самодержавной России самостоятельное политическое движение пролетариата заключает в себе внутренне, неразрешимое противоречие. Противоречие это лишь кажущееся, так как капитализм, приближая общественные, экономические, культурные и технические условия существования русской нации к западно-европейским, тем самым создают уже на почве абсолютизма необходимейшие предпосылки и факторы для политического движения рабочего класса. Игнорировать этот момент, значит совершать двойную ошибку. Во-первых, таким образом сводится к нулю все значение для политического развития пролетариата всех других исторических сил движения, вызванных к жизни капитализмом. Во-вторых, упускается совершенно из виду колоссальная разница между современными задачами пролетариата у нас и на Западе. Борьба со всем буржуазным обществом требует, конечно, несравненно больше силы, политической зрелости и организованности, чем борьба за его интересы, хотя бы она велась и с специальной точки зрения пролетариата.

Как показывает заглавие статьи, цель ее—доказать право на существование социал-демократии в современной России. Но мне кажется, что она вместе с тем доказывает и историческую **необходимость** ее существования. Дело идет теперь не о том, следует ли вызывать движение пролетариата в России, или нет. На этот вопрос ответила утвердительно сама действительность. Движение возникло и будет развиваться, как под давлением элементарной силы антагонизма между рабочими и предпринимателями, так и под влиянием революционной интеллигенции, которая, с своей стороны, толкается элементарными силами к возбуждению революционного движения в пролетариате. Но само собой разумеется, что историческое значение этого движения, его непосредственное и отдаленное влияние будут тем сильнее, чем яснее представители его будут сознавать тесную связь классовых интересов нашего пролетариата с интересами буржуазно-капиталистического развития России и тем лучше они сумеют дать этой связи надлежащее выражение. Эта задача по силам только социал-демократии. Поэтому, мы можем без преувеличения сказать что ее существование в самодержавной России не только возможно, но и необходимо, как с точки зрения интересов рабочего класса, так и с более ограниченной точки зрения буржуазного прогресса.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ЗАДАЧАХ И ТАКТИКЕ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ

Первое письмо

Ноябрь 1897 г.

Дорогие товарищи!

Скоро будет 15 лет, как родилась русская социал-демократия. Но не в самой России, в пылу героической борьбы революционной партии с правительством, а среди маленькой группы эмигрантов, спасшихся волею судеб от участи, постигшей большин-

ство их друзей и товарищей. Борьбы в настоящем смысле слова уже не было, раздавалось только шумное ликование царевых слуг, розыскивающих и беспощадно добивавших попавшиеся им в руки остатки недавно еще столь грозных отрядов русской революционной партии. Новое для России революционное детище появилось на свет в самый разгар реакции,—реакции не только правительственной, но и общественной. Либеральные силы перепугались и съежились, когда увидели, что за «Народной Волей» нет никакой силы, что она представляет собою лишь авангард отважных борцов,—борцов, правда неустрашимых и полных непоколебимой энергии, но все же бессильных одолеть врага за неимением армии. Когда правительство пребывало в вечном страхе и трепете под ударами революционеров, либеральное общество втихомолку, по крайней мере, восторгалось ими и до известной степени оказывало им поддержку. Но лишь только реакция одолела партию «Народной Воли», симпатии либералов к революционному движению вдруг испарились, уступив место полнейшему индифферентизму, чтобы не сказать больше. Учащаяся молодежь, с своей стороны, была слишком ошеломлена и разочарована трагическим исходом движения, руководимого «Исполнительным Комитетом», чтобы не усомниться в самой целесообразности революционных путей, а без активной поддержки этой молодежи и непрерывного притока бойцов из ее среды движение не могло возобновиться, так как рабочая **масса** оставалась тогда совсем еще не затронутой революционной агитацией. Программа «Группы Освобождения Труда» явилась именно ответом на вопрос: как выйти из этого тяжелого положения? Откуда взять силы для возобновления борьбы с самодержавием и как вести эту борьбу с наибольшими шансами на победу?

«Возвышая голос во имя народа, они (демократические идеологи высших классов) с удивлением видят, что народ равнодушен к их призывам; отсюда—неустойчивость политических воззрений, а временами уныние и полное разочарование нашей интеллигенции» *). Вы сами знаете, какой выход из этого положения был указан «Группой Освобождения Труда». Образование революционной рабочей партии, первой задачей которой должно быть низвержение абсолютизма»—этими словами «Гр. Ос. Тр.» формулировала тот путь, на который следовало бы вступить революционной интеллигенции. В известной брошюре Плеханова «Социализм и Политическая Борьба» практические задачи русской **социал-демократии** были впервые теоретически обоснованы. Но те же обстоятельства, которые вызвали к жизни литературное социал-демократическое течение, оказались большим тормозом для возникновения живого социал-демократического движения в **самой России.** Можно сказать, что в течение целого десятилетия оно оставалось в состоянии зародыша; только в последние годы оно начинает проявлять жизнь и принимать формы, обещающие быстрый и здоровый рост.

Говоря, что движение наше до недавнего времени оставалось в зародышевом состоянии, я имею в виду не одни лишь непосредственно практические проявления его, не одну только практическую деятельность представителей его в России. Оно и в теории, и по вопросам **программным** только теперь начинает становиться на почву социал-демократии. Дело в том, что учения последней, будучи интернациональными, охватывая общий ход и всемирно-исторические условия и задачи освободительного движения пролетариата, дают только теоретическую основу и указывают общее направление его, но отнюдь не определяют еще априорным образом **национальной** программы рабочих партий в каждой отдельной стране.

Здесь, впрочем, следует сделать одну оговорку: социальная демократия возникла и окрепла в странах, уже покончивших с той эпохой развития капитализма и буржуазного общества, которую переживает современная Россия. Как ни сильно различаются они по своим политическим учреждениям, основные условия существования пролетариата в них, если не тождественны, то **однородны.** Поэтому и в практических задачах, в программе и тактике их социал-демократических партий не может быть существенной разницы. Разница тут может быть только в деталях. Совсем в другом положении находится русская социал-демократия. Россия, вступившая уже в эпоху промышленного капитализма, вместе с тем живет и на примитивных ступенях его; она далеко еще

*) Проект программы.

не покончила с эпохой первоначального накопления, и народу русскому приходится одновременно переживать страдания, вызываемые прогрессом крупной промышленности, и гнет экономического и политического варварства, соответствующего периодам капиталистической эволюции, давно уже пережитыми передовыми народами Запада. Русскому промышленному пролетариату приходится начинать свою историческую карьеру в тисках бюрократического абсолютизма и под высоким давлением **насильственной** экспроприации и дифференциации крестьянства, совершающихся совместными силами государства и торгово-ростовщического капитала. Обездоленные и некультурные сельские массы бегут в города и обесценивают и без того более чем дешевый труд уже сформированных кадров городского рабочего класса. Уже одни эти особенности исторического положения последнего требуют иной постановки вопроса о **ближайших** задачах его освободительного движения, чем на Западе. Мысль эта очень определенно и ясно выражена уже в обнародованной «Группе Освобожденного Труда» программе в следующих словах:

> «Практические задачи, а следовательно, и программы социал-демократов естественно должны иметь более сложный характер в тех странах, где современное капиталистическое производство только стремится еще стать господствующим, и где трудящиеся массы находятся под двойным игом развивающегося капитализма и отживающего патриархального хозяйства. В таких странах социал-демократам приходится добиваться, как переходных ступеней, таких форм общественного устройства, которые уже теперь существуют в передовых странах, и необходимы для дальнейшего развития рабочей партии.
>
> Россия находится именно в таком положении».

Эта точка зрения на задачи русской социал-демократии позволила представителям нового течения революционной мысли отнестись к бунтарско-террористическому периоду нашего революционного движнеия не только как к об'екту отрицания. В их представлении социал-демократизм должен был явиться лишь новой эволюцией движения, уже начатого и создавшего известные традидии,—эволюцией, имеющей не выбросить за борт, а напротив сохранить и так сказать оживотворить новой теорией положительные элементы революционного народничества. Революционеры 70-х годов принимали в расчет интересы одного лишь крестьянства и строили свою программу на положительном и отрицательном отношении к остаткам крепостной эпохи, почти-что игнорируя изменения, вносимые в русскую жизнь успехами крупной промышленности. Из новых явлений этой жизни им больше всего бросались в глаза растущий гнет рыцарей кулацко-торгового капитала и порабощение ими себе все больших и больших масс деревенского населения. Эта односторонность, об'ясняющаяся зачаточным состоянием промышленного капитализма в период возникновения и выработки народнических учений, гибельно отразилось на движении 70-х годов. Как бы то ни было, те элементы русской действительности, которыми определялись содержание и направление народничества, образуют во всей совокупности национально-исторические условия, в которых приходится выступать на историческое поприще нашему пролетариату. Они-то и обусловливают и «более сложный характер» практических задач русской социал-демократии. И поскольку народничество было революционно, т.-е. выступало против сословно-бюрократического государства и поддерживаемых им варварских форм эксплоатации и угнетения народных масс, постольку оно должно было войти с соответствующими изменениями, как составной элемент, в программу русской социал-демократии. Чтобы, ради экономии, не входить в пространные раз'яснения, приведу еще пару выдержек из программы «Группы Освобожденного Труда».

> «Старая система натурального хозяйства уступает место товарному производству и тем самым открывает огромный внутренний рынок для крупной промышленности. Патриархальные, общинные формы крестьянского землевладения быстро разлагаются, община превращается в простое средство закрепощения государству крестьянского населения, а во многих местностях она служит также орудием эксплоатации бедных общинников богатыми.

«Русское революционное движение, торжество которого послужило бы прежде всего на пользу крестьянства, почти не встречает в нем ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания. Главнейшая опора абсолютизма заключается именно в политическом бесправии и умственной отсталости крестьянства. Необходимым следствием этого является бессилие и робость тех образованных слоев высших классов, материальным, умственным и нравственным интересам которых противоречит современная политическая система.

«Такое положение дел было бы вполне безнадежно, если бы указанное движение русских экономических отношений не создавало новых шансов успеха для защитников интересов трудящегося класса. Разложение общины создает у нас новый класс промышленного пролетариата. Более восприимчивый, подвижный и развитой класс этот легче отзывается на призыв революционеров, чем отсталое крестьянское население.

«В лице этого класса народ наш впервые попадает в экономические условия, общие всем цивилизованным народам, а потому только через посредство этого класса он и может принять участие в передовых стремлениях цивилизованного человечества. На этом основании, русские социал-демократы считают первою и главнейшею своею обязанностью образование революционной рабочей партии».

В этих выдержках само собою бросается в глаза не только отрицательное, но и положительное отношение нового течения русской революционной мысли к бунтарско-террористическому периоду нашего движения. Характернее всего здесь заявление, что русская революция послужила бы «прежде всего на пользу крестьянства». Далеко не лишено значения так же то замечание, в котором косвенным образом, как нечто само собою подразумевающееся, признается огромное революционное значение за энергичной оппозицией либеральных слоев общества правительству, если бы у нас таковая имелась. В этом пункте заграничная группа русских социал-демократов выразила тенденцию партии «Народной Воли», которая в лице Желябова напр., считала необходимым союз революционеров с либерально-оппозиционными элементами «для завоевания возможно более демократической конституции». Наконец, если вникнуть в **практическую** мотивировку идеи образования «революционной рабочей партии» в современной России, то увидим, что и на ней отразилась духовная связь социал-демократического течения с предыдущим периодом нашего революционного движения. Политическая организация рабочих мотивируется здесь не самодовлеющими интересами пролетариата и не отдельными целями социализма, а настоятельной необходимостью такой организации для ближайших общедемократических целей русского революционного движения, для обеспечения революционерам успеха в борьбе против современного государства за интересы трудящегося класса,—класса вообще, т.-е. и крестьянских масс, и городских рабочих. Можно подумать, что в представлении первой русской социал-демократической группы рабочее движение рисовалось не как нечто само в себе заключающее цель и оправдание своего существования, а лишь как средство или орудие, предназначенное служить другим общественным силам. Такое заключение было бы, разумеется, неверно. Но несомненно то, что для этой группы мысль об организации рабочей партии в России теснейшим образом связывалась с политическими и социальными тенденциями и задачами, воодушевлявшими и воодушевляющими все демократические элементы нашей интеллигенции.

В самом деле, пересматривая пункты программы, о которой здесь идет речь, мы видим, что только один из них касается исключительно и всецело рабочих, именно тот, в котором содержится требование серьезного фабричного законодательства и организации фабричной инспекции «с представительством от рабочих». Большая же часть остальных пунктов направлена против сословий и общественной организации и против самодержавия; некоторые из них, по своему радикализму, идут дальше вожделений умеренно либеральных элементов, но зато охватывают интересы всей народной массы и всех слоев демократической интеллигенции. Затем, из четырех так наз. «экономических требований», только одно вышеупомянутое имеет в виду исключительно рабо-

чих («городских и сельских»), все же другие направлены, главным образом, на защиту крестьян и кустарей, и только отчасти промышленных пролетариев.

Читатель знает, с каким рвением, достойным лучшего дела, народники распространяли легенду об «узкости» русских социал-демократов и их крестьянофобии. Читателю не безынтересно будет, поэтому, сопоставить с этой легендой следующие строки, резюмирующие смысл и практические тенденции цитированной программы.

«Эти требования, содержание которых только-что передано, настолько же благоприятны интересам крестьянства, как и интересам промышленных рабочих; поэтому, добиваясь их осуществления, рабочая партия проложит себе широкий путь для сближения с земледельческим населением. Выброшенный из деревни в качестве обедневшего члена общины пролетарий вернется в нее социал-демократическим агитатором. Его появление в этой роли изменит безнадежную теперь судьбу общины. Ее разложение неотвратимо лишь до тех пор, пока самое это разложение не создаст новой народной силы, могущей положить конец царству капитализма. Такою силою явится рабочая партия и увлеченная ею беднейшая часть крестьянства».

В этой характеристике практической программы первых русских социал-демократов недостает еще только одной черты,—именно, указания на то, что «требования», перечисленные в ней, «благоприятны» и интересам прогрессивных слоев высших классов вообще, и демократической интеллигенции в особенности. Общедемократические тенденции составляют органический элемент в политической деятельности пролетариата всех стран. Но они играют или должны играть, в известном смысле, еще гораздо большую роль в России, где промышленный капитализм развивается еще в социально-политической и культурной атмосфере эпохи первоначального накопления, где буржуазия еще не принимает участия в управлении государством, а промышленный пролетариат, по своим составным элементам и условиям существования в высокой степени связан еще с деревней. К сожалению, тяжелые обстоятельства, при которых марксизм начал приобретать влияние среди нашей учащейся молодежи, помешали последней усвоить его сразу в применении к конкретным историческим условиям жизни и развития пролетариата в современной России. Истощение в интеллигенции активных революционных сил и полное разочарование в старых путях сосредоточили мысль и внимание идейной молодежи на саморазвитии и сузили круг ее интересов и стремлений сферой теоретических вопросов, главным образом, конечно, «социологических». Идейная же атмосфера народничества, из которого все революционное выветрилось и которое обратилось в либерально-реакционную смесь, давала очень односторонее направление этому «саморазвитию» и работе рвавшейся вперед революционной мысли. Те элементы учащейся молодежи, симпатии которых тяготели к социал-демократии, невольно усваивали учения последней, как «социалогическую доктрину», безусловно отрицающую все содержание народничества, ничего общего не имеющую не только с его либерально-реакционными выродками, но и с бунтарско-террористическим периодом. Но порывая таким образом всякую идейную связь с революционным народничеством и его традициями, элементы эти тем самым вычеркнули из списка реальных факторов, определяющих современное историческое положение русского пролетариата, те элементы русской жизни, которые образуют собою реакционную национально-историческую атмосферу, в которой задыхается русский народ, а вместе с тем и рабочий класс. В результате такой логической операции получилась абстрактная доктрина, об'ясняющая историческую неизбежность капиталистического прогресса и его революционные тенденции в более или менее далекой перспективе, но оставлявшая в тени жгучие вопросы революционной борьбы в современной России. Политический индифферентизм и безразличное отношение к страданиям и бедствиям народных масс, не непосредственно обусловливаемых эксплоатацией рабочего промышленным капиталистом, являлись характернейшей отличительной чертой чуть не большинства марксистской молодежи в прошлом десятилетии. Но рассматривая экономический антагонизм наемных рабочих и капиталистов изолированно от окружающей их социально-политической и культурной

среды, мы прямолинейным образом приходим—в теории—к абстрактному понятию об отношении труда и капитала, генезис и особенности которого об'ясняет нам учение Маркса о стоимости и прибавочной стоимости, а на практике—к так называемой экономической борьбе, проще говоря, к стачкам, как к единственному, или по крайней мере, главному освободительному средству пролетариата. В 80-х годах вследствие крайнего истощения революционных сил и необходимости усвоить основные положения марксизма, молодые адепты его не могли еще вступить на этот путь. Зато тем усерднее ломали они свои головы над теорией стоимости. Многие из них попадали при этом в схоластические дебри, серьезно воображая, однако, что они всетаки работают на пользу революции.

Впрочем, в известном смысле, они были правы. Если не все, то лучшие из представителей молодежи, упивавшиеся учениями Маркса, понесли эти последние в рабочую среду, с твердым намерением подготовить там элементы «для будущей русской рабочей партии».

Как ни абстрактно пропагандировались эти учения, их революционное влияние на передовых рабочих начало проявляться уже в первые годы нашего десятилетия. А в середине его в кругу марксистской молодежи и спропагандированных рабочих накопилось уже столько активных сил, что сама собой назрела потребность в переходе к живой, непосредственной революционной деятельности. На первых порах она приняла односторонюю форму организации и поддержки почти одних только стачек. Эта эволюция в нашем социал-демократическом движении была в значительной мере исторически необходима и (что особенно важно), несмотря на свою односторонность, несомненно, очень плодотворна с точки зрения политического развития русского пролетариата и его друзей в интеллигенции. Стачечное движение в какие-нибудь два года поставило зашевелившиеся рабочие слои и их организационный авангард лицом к лицу с абсолютизмом и успело уже выдвинуть перед ними на очередь вопрос о завоевании политической свободы. Этим самым социал-демократическое движение вступает на такую почву, которая должна привлечь к нему симпатии всех истинных друзей прогресса в России, как бы отрицательно они не относились к теориям и окончательным целям социальной демократии. Далее, агитация на почве экономических интересов-неизбежно приведет социал-демократические кружки в непосредственное столкновение с фактами, наглядно показывающими теснейшую солидарность интересов нашего промышленного пролетариата с крестьянскими массами. С другой стороны, с успехом и расширением поля агитации, прогрессивно будут расти и потребности социал-демократии в увеличении своих сил и средств. Уже теперь массовая агитация поглощает тех и других такое количество, что должна ощущаться нужда в обеспечении и расширении источника для их непрерывного пополнения и обновления. Еще настоятельнее она, конечно, станет тогда, когда русские социал-демократы раздвинут рамки своей деятельности в указанном направлении и поведут атаку против абсолютизма, хотя и под классовым знаменем пролетариата, но во имя и в защиту всех угнетенных и обездоленных. Но это же расширение сферы классовой борьбы русского пролетариата и послужит верным источником для обеспечения ей постоянного притока необходимых сил и средств.

Господствовавший в среде марксистов в 80-х годах индифферентизм ко всем явлениям русской жизни, выходящим за сферу непосредственного антагонизма труда и капитала, представлял собою своеобразное отражение того тактического взгляда западной социал-демократии, по которому все классы и партии составляют по отношению к пролетариату «одну сплошную реакционную массу». Этот тактический лозунг находится в логической связи с практическими стремлениями революционного пролетариата на Западе к «политической экспроприации» высших классов и выражает в несколько гиперболической форме тот факт, что в силу своего господствующего положения в государстве классы эти не могут не выступать принципиальными антагонистами социал-демократов. Вообще, тактика резко враждебного противопоставления политической организации рабочих всем буржуазным партиям не есть плод социал-демократического или иного доктринерства. Она органически выросла на исторической почве, характеризующейся, с одной стороны, резким, окончательным выделением город-

ских рабочих из общей народной массы в экономически и культурно особый класс, а с другой стороны, полным господством крупного капиталистического производства и отсутствием монархического абсолютизма в управлении государством. Особенно важно при этом то, что историческое движение, создавшее эту почву, подняло вместе с тем пролетариат и на интеллектуальную высоту, делающую его **способным** к организованной защите своих интересов, и создало политические условия, дозволяющие ему, если не одерживать решительных побед над **соединенными** силами других классов, то, по крайней мере, бороться против них и крепнуть в этой борьбе.

В России нет еще самого главного усилия для политической борьбы с буржуазией нет политически господствующих классов, а за то имеется царь с чиновниками, самодержавно властвующими над всей нацией. Промышленные рабочие находятся в непримиримом антагонизме с предпринимателями, т.-е. с одним слоем капиталистической буржуазии. Но так как буржуазия вообще не стоит у кормила государственного корабля, то и антагонизм пролетариата с нею непосредственно имеет лишь экономический характер. И если он содержит в себе неиссякаемый источник импульсов для развития политического сознания и политических страстей в нашем рабочем классе, то не в силу политического господства капиталистических слоев буржуазии, а потому, что они находятся под особым покровительством царской бюрократии. Но это относительно привилегированное положение торгово-промышленной буржуазии является одним из главных источников для антагонизма и разночинской интеллигенции и образованных слоев представителей частного земледелия, против самодержавного строя государства. Наконец, в лицах своих кулацко-ростовщических слоев наша капиталистическая буржуазия является специальным угнетателем и врагом беднейших масс крестьянства—врагом, опять-таки поддерживаемым и покровительствуемым «социальной политикой» абсолютизма и его прислужников. Одним словом, реальное изложение вещей отнюдь не обрекает наш промышленный пролетариат на социально-политическую изолированность. И слава богу, что не обрекает. Начавши недавно только выделяться из закрепощенного государства, мало-культурного крестьянства, он и теперь еще, в массе, слишком глубоко тонет в общенародном варварстве и невежестве, чтобы быть в состоянии—в тисках абсолютизма—совершенно самостоятельно, без всякой посторонней поддержки, подняться на высоту сознательной революционной силы. Еще меньше шансов имела бы наша «революционная рабочая партия» расти и энергично проявлять себя в жизни, если бы ей пришлось уже на современной низкой ступени интеллектуального и культурного развития народных масс в России, на почве самодержавно-полицейского государства, вести борьбу против в с е х буржуазных и мелкобуржуазных классов, как против «одной сплошной реакционной массы». А между тем, марксистская молодежь 80-х годов как бы совершенно не сознавала значение этих моментов и видела единственную гарантию успеха нашего социал-демократического движения в численном росте фабрично-заводского пролетариата. Эта точка зрения могла уживаться кое-как с чисто пропагандистской деятельностью в маленьких кружках из отборных единиц рабочего класса. Но она становится несовместимой с организационной и агитационной деятельностью в массах. Боевой характер ее обусловливает огромные потери сил и вместе с тем требует значительного контингента инициативных элементов и организаторов, имеющих в своем распоряжении крупные литературные силы и материальные средства. Для непрерывной революционной борьбы необходима, наконец, и сочувственная внешняя атмосфера, т.-е. если не явное, то хоть скрытное благоволение широких общественных слоев, не стоящих целиком на точке зрения идеологов революционного пролетариата.

Таким образом, помимо даже широких политических соображений, одни повседневные нужды нашего движения в новом его фазисе выдвигают на очередь вопрос о возможно широком воздействии русской социал-демократии на те слои населения, которые хотя и не принадлежат рабочему классу, тем не менее, страдают от современных порядков. Но для воздействия на эти слои отнюдь нет необходимости, чтобы социал-демократы отправились действовать в их среде. Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди

непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером агитационно-пропагандистской деятельности в среде **самого пролетариата**. До сих пор деятельность эта вращалась почти целиком вокруг непосредственно экономической эксплоатации рабочих нанимателями. Указанная же задача требует расширения об'ема агитации и пропаганды вопросами, представляющими собою узловые пункты, в которых сходятся и переплетаются интересы как пролетариата, так и других классов, угнетаемых или теснимых абсолютизмом и покровительствуемой им капиталистической буржуазией. Но эти вопросы оказываются, при ближайшем рассмотрении дела, самыми важными и существенными в настоящее время для нашего пролетариата. Следовательно, подчеркивая и выдвигая их, наша пропаганда и агитация будут наиболее целесообразны и с точки зрения, имеющей в виду исключительно развитие политического сознания рабочих.

Принимая во внимание социальную беспомощность крестьянских масс и политическое бессилие наших образованных классов, можно наперед сказать, что социал-демократическая тактика, построенная на только-что указанных соображениях, будет на каждом шагу обнаруживать общенациональное значение нашего рабочего движения, как фактора, наиболее сильного и наиболее решительно действующего в борьбе против отсталого общественно-политического строя России. А это, в свою очередь, явится источником воздействия социал-демократии в крестьянстве и среди высших классов, которым приходится терпеть от этого строя. По мере же роста ее значения и популярности, как наиболее решительного и передового борца за общенародные интересы и за прогресс, либеральным слоям придется в своей легальной деятельности все более и более считаться с потребностями и стремлениями пролетариата. Это значит, что легальные усилия и средства, которыми прогрессивные элементы высших классовых стараются упрочить и усилить свое влияние на общество и государство, будут непосредственно служить и на пользу создания условий благоприятствующих политическому развитию и организации рабочих в оковах деспотического государства.

Время и место не позволяют мне дольше останавливаться на высказанных здесь положениях. Они лишь намечают, но далеко не исчерпывают тактических вопросов русской социал-демократии. Намеченную выше тактическую точку зрения я отчасти применял в области литературной пропаганды среди рабочих—в статьях своих, помещенных в двух вышедших книжках соц.-демократического сборника «**Работник**»[10]). Надеюсь, в скором времени буду иметь случай подробнее поговорить о современных тактических задачах русской социал-демократии. Теперь же позвольте мне ограничиться вышеизложенными общими замечаниями.

Не могу не воспользоваться случаем, чтобы не выразить вам *) и всему вашему обществу искренней признательности за ту нравственную и материальную поддержку, которую русско-американские товарищи не переставали оказывать русской социал-демократии почти с первого момента ее зарождения вплоть до настоящей минуты. Крепко жму вам руки и шлю социал-демократический привет всем товарищам.

Второе письмо.

Декабрь 1897 г.

Дорогие товарищи!

Русская социал-демократия переживает теперь в высшей степени важный момент. Стачечное движение последних двух лет, охватившее промышленные центры России и целые области, показало, что русские социал-демократы пустили уже корни в рабочую массу и являются организаторами и руководителями в ее повседневных столкновениях с эксплоататорами. Таким образом, они в какие-нибудь два года из мирных пропагандистов-просветителей и саморазвивающихся приверженцев Маркса превратились в живую активную революционную силу. Но эта сила находится в еще первых стадиях своего развития, и дальнейший рост ее далеко еще не обозначен.

*) Редакторам проектировавшегося сборника.

Что наше рабочее движение не остановится и не замрет под гнетом царско-полицейского самовластия—в этом нечего сомневаться, за это ручается все экономическое развитие России. Но будет ли оно вперед расти и крепнуть под знаменем социал-демократии,—это другой вопрос. А между тем, от положительного или отрицательного его решения зависят историческое значение борьбы рабочих с предпринимателями и их политическая роль в современной России. Да не только классовые интересы пролетариата, весь ход внутреннего политического развития России зависит в значительной мере от того или иного характера и направления нашего рабочего движения. В настоящую минуту, быть может, подготовляется это решение, и потому-то я считаю ее весьма важным моментом в жизни русской социал-демократии.

Две перспективы рисуются мне в недалеком будущем.

Рабочее движение не выходит из тесного русла чисто экономических столкновений рабочих с предпринимателями, и само по себе, в целом, лишено политического характера. В борьбе же за политическую свободу передовые слои пролетариата идут за революционными кружками или фракциями из так-называемой интеллигенции. Словом, освободительное движение идет, если не совсем, то в одном, очень важном отношении тем же путем, как и на Западе в давно-прошедшие времена, когда и там еще господствовал монархически-чиновничий произвол: рабочие массы не играют в нем самостоятельной революционной роли, они идут за буржуазной интеллигенцией и сражаются за свободу не под собственным знаменем, а под чужим.

Другая перспектива: социал-демократия организует русский пролетариат в самостоятельную политическую партию, борющуюся за свободу, **частью рядом и в союзе** с буржуазными революционными фракциями (поскольку таковые будут в наличности), а частью же привлекая прямо в свои ряды или увлекая за собою наиболее народолюбивые и революционные элементы из интеллигенции. Очевидно, эта последняя перспектива требует от рабочих гораздо более высокого уровня политического сознания и самосознания, чем первая, при которой руководителями революционного движения были бы представители буржуазных классов, а пролетариат являлся бы лишь руководимой, слепо идущей за ними массой.

Имеются ли в русской жизни средства, необходимые для развития в русских рабочих такой политической сознательности и самодеятельности, которые сделали бы их способными организовываться в самостоятельную и отчасти руководящую революционную партию. Таков, например, первый, можно сказать, основной вопрос, от решения которого зависит дальнейшая судьба русской социал-демократии. Если таковых средств не имеется, другими словами, если нет возможности доставить русскому пролетариату самостоятельную, передовую роль в борьбе против царско-полицейского самовластия и самоуправства, то русская социал-демократия не имеет исторического права на существование. Она в таком случае лишена всякой жизнеспособности и своим существованием скорее тормозила бы рост революционного движения, чем способствовали бы ему.

К счастью для нашего пролетариата, русская жизнь отвечает на поставленный выше вопрос вполне утвердительно. Одним из основных условий для развития рабочих служит широкое распространение элементарного образования в их среде, дающего возможность, при посредстве газет и книг, расширять свой умственный кругозор, находиться в умственном общении с мировым историческим движением и получать толчки и возбуждение для мысли от идей и событий, наполняющих жизнь образованного, мыслящего и действующего человечества. Народное образование стоит у нас еще на низкой ступени; даже простая грамота далеко еще не всему населению доступна. Но все же Россия сделала уже значительные успехи в этом отношении и за дальнейшие, еще более быстрые успехи ручаются настоятельные нужды высших классов и самого правительства. Благодаря этим нуждам, у нас уже получили значительное распространение и развитие такие образовательные средства, как народные школы, народные читальни и библиотеки, общедоступные популярные чтения, дешевая народная литература и периодическая печать. Конечно, все это далеко еще не соответствует потребностям населения, но движение в пользу общенародного просвещения не может остановиться,

наоборот, оно будет дальше итти ускоренным шагом, расширяя и укрепляя умственную почву для деятельности социал-демократов в рабочей массе.

Но грамотность и даже образование становятся орудием для пробуждения народных масс к политической самодеятельности лишь там, где общественная жизнь бьет живым ключом, где происходит борьба между различными классами населения в органах общественного самоуправления, в собраниях и печати, где, наконец, существует и проявляется под разными формами и разными путями недовольство правительством и всем государственным строем. В конституционных странах всех этих двигателей и орудий политического развития рабочих масс имеется вдоволь, и государственный порядок сам благоприятствует кипучей общественно-политической жизни. У нас, разумеется, пока и речи быть не может о такой кипучей жизни. Наши земские собрания и городские думы, их прения и ходатайства перед правительством, наши разнообразные с'езды и общественные собрания, наша либеральная печать и другие либеральные органы общественной самодеятельности представляют собою лишь частички конституционной жизни, и притом частички, разведенные бочками воды, наполненными враждебными микробами. Однако, как они ни слабы, и эти зародыши общественного самоуправления и свободы могут послужить опорными точками и двигателями для пробуждения и воспитания русского пролетариата к политической жизни. Несмотря на свою телесную слабость, они заключают в себе огромную революционную силу, находящуюся теперь еще в скрытом, неразвитом состоянии, но легко могущую превратиться в живую, действующую, под влиянием энергичной работы социал-демократов среди рабочих. Можно даже сказать (с известными оговорками), что **зачаточные** элементы конституционной жизни в современной России непосредственно заключают в себе больше революционного духа, чем развитые конституционные формы на Западе. Больше потому, что на Западе высшие классы, начиная с эксплоататорских и кончая теми слоями, которые у нас называются «интеллигенцией», склонны к консерватизму и пользуются находящеюся в их руках законодательною властью, даже наукой и печатью, для борьбы **против** революционных стремлений пролетариата. В России же значительная часть этих классов, и в особенности наиболее политически развитые их слои сами заражены «разрушительными стремлениями» и не могут не пользоваться всеми доступными им путями и средствами для скрытой или явной борьбы против царско-полицейского всевластия и против бесправия народных масс, служащего фундаментом для этого всевластия. Это, разумеется, кладет соответствующий отпечаток как на либеральную прессу, так и на всю общественную деятельность наших образованных кругов.

При таких условиях, и такие, сами по себе невинные, учреждения, как наши органы общественного самоуправления и наша печать, должны стать орудиями для революционизирования народных масс. Но, разумеется, без энергического воздействия социал-демократов, условия эти могут, по отношению к политическому развитию нашего пролетариата, остаться в состоянии вяло действующей, дремлющей силы. Они могут, пожалуй, и послужить в руках революционеров из либерально-демократической интеллигенции на пользу его революционизирования, но далеко не в том смысле, как этого требуют настоящие и будущие его классовые интересы; интересы эти требуют, чтобы русский рабочий класс уже теперь начал организовываться в самостоятельную революционную партию и выступать как самостоятельная политическая сила.

К сожалению, наши социал-демократические кружки чрезвычайно далеки еще от тактики, имеющей целью всесторонним образом пользоваться прогрессивными элементами русской жизни в интересах только-что указанной задачи. Помимо внешних, не зависящих от них обстоятельств, главной помехой к выработке такой тактики служит господствующая среди них точка зрения, суживающая сферу деятельности русской социал-демократии организацией рабочих для борьбы с предпринимателями и активным участием в стачках. Конечно, отнюдь не все из вас, дорогие товарищи, так узко смотрят на дело, да и большинство на практике отклоняется несколько от этой точки зрения. Но в общем она, несомненно, гораздо больше господствует в русской социал-демократии, чем бунтарские воззвания господствовали среди революционной интеллигенции 70-х годов.

Она, можно сказать, является своего рода возрождением бунтарства, только на новой социальной почве и на другом теоретическом фундаменте. Бунтарство революционного народничества представляло собою утопию в практическом отношении, но было вместе с тем революционно по своим теоретическим и логическим предпосылкам. Оно исходило из того предположения, что крестьяне имеют уже в головах **готовый** «социалистический идеал» и что борьба «на почве местных нужд и интересов» поможет им сплотиться и направить свои силы против **всего существующего строя**, во имя этого назревшего в народной среде идеала. И к чему могла и должна была сводиться мелкая подготовительная борьба крестьянства. К частным, но организованным стычкам с угнетателями народа, начиная с помещиков и провинциальных властей и кончая кулаками и ростовщиками. Практика революционного народничества была построена на узком фундаменте, узком уже потому, что оно не брало в расчет таких новых первостепенных сил действительности, как промышленный пролетариат и промышленная буржуазия. Но бакунизм прямо толка революционные элементы на борьбу с отсталыми общественными и политическими условиями русской жизни; поэтому, практика его отличалась непосредственно революционным характером. Воззрения же, по которым стачки должны служить единственной или главной формой освободительного движения пролетариата, ставят гораздо более узкие рамки самодеятельности последнего и **непосредственно** далеко не так революционно, как бунтарство.

Пролетариат, по сознанию самих социал-демократов, не обладает готовым, исторически выработанным, социальным идеалом. «Экономическая борьба» с предпринимателями должна еще медленным путем выработать в его сознании такой «идеал», проще говоря,—подготовить рабочих к пониманию окончательных целей социализма. Но даже на Западе, где буржуазия имеет в руках своих законодательную власть и управление государством, даже в таких странах стачки являются лишь одним из главных двигателей революционного развития пролетариата. Даже там, где буржуазия господствует непосредственно во всех сферах общественной и политической жизни, столкновения рабочих с их эксплоататорами иногда в течение довольно продолжительного периода не развивали в пролетариате классового политического самосознания. И если в нем проявлялись политические страсти и стремления, то обыкновенно под влиянием буржуазных партий и их междоусобий. Только в Германии и Австрии рабочее движение почти с самого начала приняло характер **классового политического** движения пролетариата. Но здесь социал-демократия почти с первых же шагов своей жизни сумела гармонически и органически сочетать энергическое и неустанное участие в частных столкновениях рабочих и предпринимателей с систематической борьбой против современного государства и многообразных проявлений его гнета над всеми трудящимися массами. Германская и австрийская социал-демократия, можно сказать, ознаменовали свое появление на свет тем, что сразу начали производить атаку против буржуазного строя с разных сторон.

Этим я отнюдь не хочу сказать, что мы во всем должны подражать нашим старшим сестрам в передовых странах. Мы уже потому не можем им подражать, что наш общественный строй еще **несовсем** буржуазный, что он еще покоится на социально-политическом фундаменте, завещанном дворянско-крепостнической эпохой. Но это-то обстоятельство и делает опасным одностороннее увлечение стачками, как главным орудием революционного воспитания и как единственным способом проявления революционной самодеятельности пролетариата. Опасным я его считаю именно потому, что, будучи плодом недостаточного внимания, низшего, так сказать, порядка, к отношениям в русской действительности, увлечение это, с своей стороны, способствует упрочению и укоренению индифферентизма среди русских социал-демократов ко многим фактам и явлениям русской жизни, обусловливающим историческое положение нашего пролетариата, а следовательно, и современные задачи его социал-демократического авангарда. Оно вредно уже тем, что, суживая умственный кругозор передовых рабочих узко-классовыми интересами в том грубом смысле, какой вкладывают буржуа всех цветов и оттенков в учения социальной демократии, замедляет собственное политическое развитие этих рабочих и мешает им выйти из стадии политического младенче-

ства. А это, в свою очередь, становится тормозом для приобретения нашим пролетариатом того центрального и передового политического значения, которое он мог бы приобрести в современной России, благодаря политическому бессилию **всех других классов.**

Несмотря на свою социальную беспомощность и полную некультурность, крестьянство наше являлось до сих пор средоточием забот и симпатий прогрессивных и революционных слоев интеллигенции. Почему? Между прочим и потому, что они лишь в нем видели и видят как бы социальное воплощение своих прогрессивных стремлений и рычаг для избавления от сковывающего русскую жизнь государственного строя.

Односторонняя же практика русских социал-демократов замедляет развитие в интеллигенции такого же отношения к рабочему классу, несмотря на то, что последний исторически действительно призван к роли главной революционной силы в освободительном движении против устарелых политических порядков.

Во избежание недоразумений замечу, что я далек от мысли умалить значение так-называемой «экономической борьбы». Наоборот, она составляет для меня аксиому, истину, не требующую доказательств, распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя. Предыдущие замечания исходят, поэтому, из того предположения, что первостепенная важность стачек и вообще частных столкновений рабочих с капиталистами для освободительного движения пролетариата признается всеми русскими социал-демократами, как уже нечто само собой подразумевающееся, вошедшее в их общее сознание. Но у нас при этом не замечают обратной стороны медали. Многие совершенно упускают из виду, что нигде в цивилизованном мире стачки не связаны с такими препятствиями и с такими жертвами, как в России. И в то же время нет такой страны на Западе, где бы рабочий класс был так беден интеллектуальными, организационными и материальными средствами, как у нас. Следовательно, есть полное основание опасаться, что дальнейшее одностороннее развитие стачечного движения может отразиться временным истощением наших сил и повлечь за собой период разочарования и реакции в рядах наших и в самой народной массе. Только постоянно возрастающий приток новых сил из интеллигенции и сочувствие нашему движению со стороны прогрессивных слоев высших классов вообще могли бы обеспечить нас против такой тягостной перспективы. А для создания себе такой опоры в этих классах мы должны всею своею практической деятельностью, включая и сферу чисто экономической борьбы, наглядно и неустанно обнаруживать общедемократические задачи нашего движения и таким путем популяризировать общенациональное и революционное его значение для современной России.

Кроме того, необходимо иметь в виду и перспективу затишья в стачечных волнениях. Как уже справедливо заметил Петербуржец в своей прекрасной статье «По поводу с.-петербургской стачки» (№№ 3—4 сборника «**Работник**»),—«такие события, как петербургская стачка, не могут ни долго тянуться, ни часто повторяться».Куда же денется, на что будет затрачена энергия уцелевших живых революционеров сил пролетариата? В конце 70-х годов такие силы уходили в террористическое движение и затеривались в общей массе революционной интеллигенции, ни на волос не способствовав ни под'ему политического сознания в рабочей массе, ни усилению тяготения в прогрессивных слоях общества к пролетариату, как к новой народно-революционной общественной силе. Отчего бы еще раз не повториться такому явлению, раз наиболее энергичные и интеллигентные представители нашего пролетариата не найдут применения своим силам и исхода своим политическим стремлениям—под флагом социал-демократии.

Пора, однако, остановиться. Я взялся за перо совсем не с намерением подробно разобрать недостатки нашей тактики и излагать свои положительные взгляды на нее. Для этого рамки газетного письма слишком тесны. Затем, многое из того, что относится к области тактических вопросов, может быть должным образом обсуждено только путем коллективных совещаний действующих товарищей на местных и общих с'ездах.

Быть может, обсуждение тактических вопросов и выработка **общей программы действия** положит начало или даст, по крайней мере, решительный толчок делу об'единения революционных рабочих кружков и союзов в «русскую рабочую революционную партию». До тех пор, пока не состоится такое об'единение на почве общей тактики, русская социал-демократия будет все еще представлять собою только зародыш, а отнюдь не живой, полный сил организм, по праву носящий это название.

Резюмируя свои крайне беглые и очень отрывочные замечания, я скажу, что наиболее насущные вопросы и задачи нашего движения группируются теперь вокруг одного вопроса или одной задачи, которая может быть формулирована следующим образом: раздвинуть рамки и расширить содержание нашей пропагандистско-агитационной и организаторской деятельности.

В заключение прошу вас, дорогие товарищи, принять мой братский привет и искреннее пожелание успеха предпринятому вами изданию. От всей души желаю, чтобы «**Рабочая Газета**» достойно выполнила свое назначение—служить органом для всех наших социал-демократических групп—и способствовала бы скорейшему переходу нашего движения в период возмужалости.

ОБ'ЕДИНЕНИЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ И ЕЕ ЗАДАЧИ [11]).

(П. Б. Аксельрод «Искра» №№ 55, 57 за 1903—1904 гг.).

I.

Итоги ликвидации кустарничества.

Пятьдесят слишком лет тому Маркс, в своей брошюре «Восемнадцатое Брюмера Луи-Бонапарта», характеризовал ход освободительного движения рабочего класса, в противоположность «буржуазным революциям», следующим образом: «Революции пролетариата, каковы революции девятнадцатого века, постоянно критикуют сами себя, то-и-дело останавливаются на ходу, возвращаются к, повидимому, уже сделанному, чтобы еще раз начать сначала, жестоко, основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток» *)....

Российская социал-демократия, партия пролетарская по своей теоретической основе и программе, но далеко еще не таковая по социальному составу и **характеру** своей организации, также почти не перестает подвергать себя строгой критике, «то-и-дело останавливается на ходу» и «жестоко, основательно осмеивает слабые стороны» своей деятельности. Но она поступает так не только стихийно, непроизвольно, она обязана сознательно, систематически следить за каждым своим шагом и подвергать строжайшей критике всякую обнаруживающуюся односторонность или ошибку в своей тактике. Обязана потому, что она только стремится стать политической организацией рабочих масс, в действительности же, по составу своих руководящих элементов, она, пока, является еще преимущественно организацией лишь принципиальных сторонников пролетариата среди революционной интеллигенции. Кроме того, в России дело идет еще не о «революции пролетариата» в смысле завоевания им диктатуры, а только об освобождении всего населения империи от политического рабства, т.-е. о революции буржуазной. И самое тяготение радикальной интеллигенции к социализму и к пролетариату об'ективно, исторически, в конечном счете, вызывается и обусловливается не классовой борьбой последнего, а общедемократической потребностью последнего всех наций и классов избавиться от гнета пережитков крепостнической эпохи. Влияние пролетарского или социал-демократического элемента в современном революционном движении России может выразиться лишь в том, что подготовительный процесс буржуазной революции явится в то же время процессом политического воспитания и об'единения рабочих масс в партию революционного социализма. Задача и долг российской социал-

*) Русский перевод Б Кричевского, стр. 11.

демократиии заключаются именно в том, чтобы обратить таким путем предстоящую ликвидацию сословного и самодержавно-бюрократического строя в непосредственный пролог классовой борьбы пролетариата уже с непосредственной целью политической экспроприации буржуазии, для совершения революции социалистической. Но в то время как элементы, благоприятные для осуществления этой, специально социал-демократической, задачи должны быть еще отысканы и во всех своих проявлениях изучены, в то время как уменье или искусство пользоваться ими может быть приобретено только путем значительных усилий мысли и воли, историческая стихия некоторыми своими сторонами сама толкает наше движение в сторону буржуазного революционизма-наперекор нашим желаниям и нашему сознанию. Этот двусторонний, исторически противоречивый характер положения и задач нашей партии прямо налагает на нее обязанность «то-и-дело останавливаться на ходу», чтобы отдать себе ясный отчет в «половинчатости, слабых сторонах и негодности своих первых попыток». В современных условиях развития нашей партии каждая ее ошибка, каждый ложный или односторонний шаг может повести к тому, что вместо того, чтобы подготовительный процесс нашей буржуазной революции послужил орудием и рычагом для «революции пролетариата», наоборот наше рабочее движение само низведено будет до роли простого орудия в этом процессе. Для предупреждения такого неприятного сюрприза со стороны слепых сил истории, у социал-демократии одно только средство и есть: постоянная самокритика, под углом зрения своих принципов и классовых интересов пролетариата.

Такой процедуре мы впервые подвергали себя накануне перехода на путь массовой агитации на почве непосредственных столкновений рабочих с их хозяевами. В течение этого периода наше движение приобрело глубокие корни в пролетариате, революционизировало настроение и даже сознание значительных кругов его и подняло их революционную активность. Политический итог периода экономической агитации, ограниченной узкими рамками профессиональных или групповых интересов, выступил наружу в революционных событиях, ознаменовавших у нас первый год нового века. Рабочие тысячами рвались в бой с опричниками, но социал-демократия оказалась совершенно неподготовленной для руководства массами в такие бурные моменты. Рабочие пошли бы за кем угодно. Но другой революционной партии, кроме—социал-демократической, совсем не оказывалось налицо. Это обстоятельство и спасло ее. Если бы в этот период на арене политической борьбы оказалась сколько-нибудь организованная буржуазно-революционная фракция, способная стать во главе революционно-настроенных рабочих масс, наша партия сразу оттеснена была бы на задний план и, быть может, надолго лишилась бы всякого серьезного общественного значения.

Крупные факты наглядно и ярко оправдали, таким образом, критику теории и практики так называемого экономизма, начавшуюся еще в изданиях группы «Освобождения Труда» и продолжавшуюся «Искрой». Несоответствие между идейным и организационным разбродом партии, с одной стороны, и запросами, предъявляемыми к ней стихийно разрешившимися событиями—с другой,—было так велико, так сильно бросалось в глаза, что и самые недальновидные из практиков должны были увидеть наиболее явные недочеты истекавшего периода и понять необходимость программного и организационного об'единения социал-демократии.

Критика и даже «нетоварищеские» полемические приемы революционных социал-демократов или «ортодоксальных» марксистов нашли для себя восприимчивую почву,— и скоро лозунг «долой организационную анархию и да здравствует сплочение всех сил социал-демократии в одну строго централизованную организацию.» стал общим кличем большинства членов нашей партии.

В настоящий момент этот лозунг стал реальным фактом. Недавно состоявшийся второй с'езд Российской Социал-демократической Рабочей Партии осуществил об'единительное стремление огромного большинства наших товарищей. Теперь, казалось бы, можно нам, если и не успокоиться на лаврах, то, по крайней мере, хоть отдохнуть от самокритики и всецело предаться «положительной работе». К сожалению, дело не совсем так обстоит. С'езд должен был радикально ликвидировать пассивы, оставленные предшествующими периодами. Для этого ему необходимо было бы ясно определить те задачи,

которые об'единенная партия должна будет преследовать, и наметить те пути, которыми она должна их осуществлять. Дело с'езда было также выработать директиву или указания центральным учреждениям насчет предварительных работ, необходимых для подготовления партии к расширению круга ее задач и арены деятельности. Но ничего подобного сделано не было. С'езд удовлетворился обсуждением и утверждением программы, выработкой устава и выбором членов в Ц. О. и Ц. К. Затем, большинство делегатов раз'ехалось, в наивной уверенности, что они радикально покончили с ликвидацией периода младенчества нашего движения, не подозревая даже, что теперь-то именно, после формального об'единения партии, перед нами во всей своей исторической конкретности и сложности выдвигается на очередь вопрос: «Что делать?» Делегаты проявили чрезвычайно много страстности, когда речь шла о деталях устава, о составе, иерархии и взаимных отношениях наших партийных учреждений, но большинство из них, повидимому, и не догадывалось, что жизнеспособность новой организации будет прямо пропорциональна об'ему и значению того содержания, которое она внесет в движение. Торжество централизма в нашем организационном механизме кажется им, очевидно, само по себе равносильным устранению всех изъянов и недочетов в российской социал-демократии; в централизме они видят нечто самодовлеющее. род всеспасающего, чудеса творящего талисмана.

Это идолопоклонство перед формальным, механическим централизмом приходится также поставить на счет недавнему прошлому нашей партии, оно есть также наследие, хотя и косвенное, этого прошлого.

II.

В период «экономизма» борьба рабочих с предпринимателями признавалась классической формой пролетарской борьбы или «чисто» рабочим движением. Агитация политическая представлялась тогда большинству товарищей, как антипод этого движения, и откладывалась ими до того времени, когда профессиональная борьба поставит рабочие массы лицом к лицу с самодержавием, как с их непримиримым врагом. Содержание предстоящей пролетарской политической борьбы в самодержавной России исчерпывалось для них задачей борьбы с абсолютизмом, точно так же, как содержание экономической борьбы ограничено было фактами и вопросами, не выходящими из конкретных рамок повседневного антагонизма отдельных групп и профессий с непосредственными эксплоататорами. Но история не ждала того момента, когда пролетариат, под непосредственным давлением своего антагонизма с «хозяевами», сам вступит в борьбу с самодержавием; наоборот, она совершенно неожиданно толкнула в эту борьбу и пролетариат, и самих социал-демократов, и притом воспользовалась для этого не рабочим движением, а студенческим. Прямой импульс для первых взрывов массового политического недовольства дан был студенческими волнениями [12]), и студенчество же явилось застрельщиком и знаменосцем в них. Социал-демократы оказались, таким образом, **стихийно вовлеченными** в политическую борьбу, а не инициаторами ее. Это обстоятельство наложило особый отпечаток на последующий период нашего движения.

Благодаря ему, мы оказались вынужденными выступить политическими руководителями рабочих масс при полной дезорганизации наших сил и идейном разброде, имея в запасе одну только положительную, но абстрактную формулу: «социал-демократия должна руководить пролетариатом в борьбе с абсолютизмом». В применении на практике формула эта означала: «необходимо вовлекать все более и более широкие массы» в эту борьбу. Но «вовлекать» их в политическую борьбу можно различным образом. Социал-демократическая практика должна, очевидно, и в данном случае принципиально отличаться от практики буржуазных партий. Но эта сторона вопроса о политическом руководстве пролетариатом как бы и не существовала для массы наших практиков. С перемещением центра нашей партийной деятельности в сферу агитации на почве общедемократического антагонизма пролетариата с самодержавием, всякое революционизирование рабочих масс, с целью «вовлечения их в борьбу» с ним, приобрело в кругу многих социал-демократов такое же значение универсального средства классового воспитания этих масс, каким прежде для них была агитация узко экономическая.

Между **нашими** политическими задачами в современной России и общедемократической злободневной задачей борьбы с абсолютистским режимом—лишь бы во главе масс в этой борьбе шла социал-демократия—поставлен был знак равенства. Но если последним словом социал-демократического трэд-юнионизма была пропаганда политической опеки либеральной интеллигенции над пролетариатом, то последним словом увлечения «политикой» в указанном одностороннем смысле была бы отдача рабочих масс под команду революционных элементов буржуазии, хотя бы по обстоятельствам места и времени элементам этим и приходилось бы осуществлять свою миссию под флагом социал-демократии.

Эта «конечная» тенденция увлечения «политикой» в том упрощенном смысле, в каком ее понимали «экономисты», довольно отчетливо проявлялась наружу в 1901 г., когда под впечатлением бурных событий этого года отовсюду в нашем лагере и в лагере наших демократических противников начал раздаваться клич: «долой всякие разногласия и междоусобия среди революционеров из-за теорий, доктрины, разных догм, и да здравствует об'единение всех революционных сил для борьбы за свободу». Социал-демократ Нестяжатель наивно спрашивал на страницах «Вестника Русск. Революции» [13]), «что же нас раз'единяет?» «Нас»—т.-е. социал-демократов разных оттенков между собою и их всех в совокупности, с одной стороны, с социалистами-революционерами,—с другой. Явное сочувствие террору, увлечение которым грозило ослаблением агитационной и организационной деятельности в рабочих массах, призывы к коренному изменению «в 24 часа» нашей обычной тактики [14]), рассчитанной на медленный эволюционный рост сознательности рабочей массы, на систематическое воспитание ее, и к такому же скоропалительному созданию боевой организации, «способной повести массу на **немедленную** атаку против самодержавия», атаку, осуществимую—при тогдашних условиях—только путем быстрого подбора и сплочения чисто боевых, т.-е. военных сил революции,—все равно, к какой бы партии они ни принадлежали, на почве каких бы принципов они ни стояли—в особую, т.-е. сверхпартийную, организацию,—наконец, в логической или психологической связи со всем этим ослабление принципиальной противоположности между воззрениями социал-демократии и других революционных элементов—таковы симптомы и проявления того крупного поворота в настроении товарищей, которое вызвано было стихийным вовлечением нашей партии на арену непосредственной борьбы с абсолютизмом. Этот поворот грозил нам не более, не менее, как принципиальным и политическим обезличиванием социал-демократического и всего рабочего движения в России.

Революционная социал-демократия резко выступила против этих тенденций, опираясь при этом на такие реальные факты, как громадный рост массового рабочего движения и тесная связь—практическая и идеальная,—создавшаяся между ними и нашей партией в период экономизма. Немало благоприятствовали ей и несостоятельность так называемых «социалистов революционеров», и пропасть, разделявшая их от тех принципо пролетарского социализма, которые, худо ли, хорошо ли, вошли в предыдущий период в плоть и кровь большинства практиков-социал-демократов. Наконец,—и это очень существенное обстоятельство—провозвестником крутого поворота к «политике», в духе буржуазного революционизма, явились представители того же самого лагеря, который еще накануне нового революционного под'ема стоял на почве крайней постепеновщины.

События, которыми ознаменовался новый революционный период, наглядно подтвердили основательность опасений, высказывавшихся в изданиях революционных марксистов по поводу тяготения наших практиков к трэд-юнионской тактике уже в то время, когда она еще не была возведена в систему, известную под названием «экономизма». Как-раз накануне этого периода революционная социал-демократия выступила с самостоятельным органом, с газетой «Искра», в которой она об'явила войну на-жизнь и на-смерть экономизму, идейным шатаниям и организационной анархии, как элементам, несовместимым с историческими задачами нашего движения. А стремительный поворот оппортунистических элементов в сторону «политики», с готовностью пожертвовать настроению минуты основными интересами пролетарского движения, явился

прямым оправданием для этой войны, так как самые события, вызвавшие его, наглядно иллюстрировали справедливость того, что уже прежде говорила «Искра» о полном несоответствии между идейным и организационным разбродом партии, с одной стороны, и революционностью рабочих масс,—с другой. Борьба не могла не окончиться победой революционной социал-демократии над ее сознательными и полусознательными противниками в партии. Бернштейнианство, оппортунизм, экономизм и организационная анархия хронологически и фактически так ассоциировались друг с другом, что ни один из этих элементов не мог быть компрометирован, не компрометируя остальных, и банкротство одного из них не могло не сопровождаться или не совпадать с банкротством других. И в то время как слова «оппортунизм», «ревизионизм» и «экономизм» стали синонимами всех недочетов нашего движения и названиями для первоисточника всех его бед, с именем революционной социал-демократии все более и более неразрывно сливалось представление об якоре спасения, чуть не о мессии, явившемся для того, чтобы избавить движение от всех его грехов и вывести его на широкую арену открытой борьбы с абсолютизмом. Полная победа революционной социал-демократии над другими течениями в нашей партии официально, так сказать, закреплена и провозглашена на ее втором с'езде; но если мы теперь спросим себя, какими же собственно положительными результатами **принципиального** социалистического характера победа эта сопровождалась, то должны будем ответить, что они ограничиваются почти исключительно областью стремлений, симпатий и идей, между тем как **практика** нашего движения подвинулась вперед только в общереволюционном, а не специально социал-демократическом смысле. Под влиянием литературной пропаганды «Зари» [15]) и «Искры» в партии восторжествовало убеждение, что «только принципы революционного марксизма определяют насущные задачи российского пролетариата в его классовой борьбе со всем буржуазным строем и русским самодержавием в частности» *). «Внести эти принципы в сознание российского рабочего класса»—вот стремление, воодушевляющее массу товарищей. Но, в действительности, в практике нашего движения оно находит себе очень слабое выражение. Классовую борьбу «со всем буржуазным строем» эта практика почти-что игнорирует и фактически исчерпывается одной только «борьбой с самодержавием», связанной с «пролетарским учением» лишь социал-демократической фразеологией, в «идеале», вообще—суб'ективными стремлениями платонического свойства. Об'ективную же тенденцию нашей практики с классической наивностью формулировал в своем уставе, как **суб'ективную** цель, один комитет следующими словами: «Признавая, что при настоящих условиях насильственный переворот в России можно провести, лишь опираясь на готовую к **повиновению** **) и к открытому восстанию рабочую массу крупных промышленных центров, мы главным центром нашей работы ставим организацию рабочего класса».

II.

Между теоретическими или идейными завоеваниями революционного социал-демократизма в нашем движении и фактическим содержанием и об'ективной тенденцией нашей практики оказывается, таким образом, резкий контраст, чтобы не сказать прямо принципиальное противоречие Но тот же период, в течение которого оно создано было, подготовил элементы и для его устранения, то-есть для вступления партии на путь политического воспитания и об'единения пролетариата на почве не одной только борьбы с самодержавием, но и принципиального антагонизма рабочего класса со всем буржуазным обществом. Прежде всего, нужно отметить прогрессивное усиление революционной активности все более и более широких масс, рост и распространение в них политической сознательности, а следовательно, и способности к политической самодеятельности на почве классовых интересов пролетариата. В то же время образовался довольно многочисленный штаб распространившихся со своей легальностью и со своими профессиональными занятиями революционеров-социал-демократов, столь

*) «К вопросу о наших партийных задачах»,—письмо ссыльных соц.-дем. в «Искру» (№ 50).

**) Курсив мой.

необходимый, при современных русских условиях, для образования политической партии. Вместе с тем, в рядах наших практиков имеется и контингент людей с революционным опытом, с инициативой и с организационным смыслом. Наконец, что особенно важно—это предрасположение массы товарищей к марксизму, или, если можно так выразиться, их психологическая подготовленность к признанию и применению на практике истинно пролетарской политики в борьбе с абсолютизмом.

Но **le mort saisit viv**—мертвые хватают живых, прошлое стоит поперек дороги и мешает нам двигаться вперед. Воспоминание об экономизме, оппортунизме и их неизменных спутниках—кустарничестве, организационной анархии и т. п. еще так живо в умах, война с ними так недавно еще была в полном разгаре, что неудивительно, если в кругу социал-демократов накануне с'езда и во время его гораздо больше были заняты мыслью о том, как бы на-веки вечные оградить наше движение от таких зловредных элементов, нежели вопросом о приведении нашей практики в гармонию с принципами, во имя и под знаменем которых «Искра» и «Заря» вели борьбу с антимарксистскими тенденциями. Это настроение и диктуемая им логика очень ясно отразились в цитированном уже письме товарищей из Дальней Сибири. Для широкой, систематической борьбы с абсолютизмом необходима централизованная организация, но такая социал-демократическая организация может быть вызвана к жизни только «на почве строгого принципиального единства»,—под этим лишь условием она будет жизнеспособна. А потому, пишут упомянутые товарищи, «одним из самых важных—вернее **главнейшим**—способом (курсив мой) для подготовления «фактического восстановления партии» мы считаем неустанную, все более и более энергичную, борьбу с оппортунистическими, кустарническими и «демократическими» тенденциями, продолжающими жить среди некоторой части действующих в России «социал-демократов». Большинство «искровцев», явившихся на с'езд, и проникнуто было убеждением, что главной их задачей является создание организации для выполнения этой специальной миссии—«вести неустанную, все более и более энергичную борьбу» с только-что на-голову разбитыми внутренними врагами. Перед этой миссией совершенно стушевывалась предстоящая положительная задача организации—углубить и расширить содержание деятельности партии в духе революционного марксизма.

«Принцип централизации, —читаем мы в том же письме,—строго проведенный при **постройке** партийной организации, обеспечит за нею и силу, и крепость, и **принципиальную устойчивость** (курсив мой) и, без сомнения, наилучшим образом отзовется на той будущей громадной и сложной работе, которую предстоит выполнить сорганизовавшейся Р. С.-Д. Р. П.». Но перспектива «громадной и сложной», т.-е. положительной, работы отодвигается в туманную даль неопределенного будущего, а теперь не до нее, потому что перед партией стоит более неотложная, военная задача усмирения внутренних врагов и ограждения ее механическими средствами против вторжения в нее «ненадежных» элементов. Раз дело так стоит, то самое лучшее, конечно, отдать ее во власть возможно более самодержавного центра и под строжайший надзор его бдительных агентов.

Такова психологическая подкладка того централистического фетишизма, который проявился на с'езде и, повидимому, довольно сильно владеет умами в нашей партии.

Но что будет, если в самый центр проникнет зараза оппортунизма, экономизма и т. п. скверны? Нужно, стало быть, уже при «**постройке**» партийной организации принять меры предосторожности против такого неожиданного сюрприза. Для этого, при данном понимании дела, нет другого средства, кроме учреждения какой-нибудь надежной опеки—над самым центром, т.-е. организации другого, еще выше стоящего центра, состав которого давал бы безусловные гарантии твердости и недоступности влиянию «ненадежных», а тем более, прямо оппортунистических элементов. Условия для создания такого сверх-центра подготовлены были всем ходом и исходом борьбы революционной социал-демократии против антимарксистских тенденций в социал-демократическом, как и вообще в революционном движении в России. Поход этот предпринят был по собственной инициативе, на свой страх и риск, редакцией «Искры» и «Зари». Она же довела его до конца и при помощи своих «агентов» [16]) сыграла большую роль в подготовке и организации с'езда. В течение всей этой военной кампании «Искры» названия «ре-

волюционный социал-демократ» и «искровец» стали у нас синонимами, понятиями совершенно тождественными, так что тот, кто в чем-нибудь расходился с тем или другим мнением, высказываемым от имени редакции названного органа, и сам не всегда смел считать себя настоящим революционным социал-демократом. Истинная революционная социал-демократия в России, это—редакция «Искры». Значит, вопрос о закреплении побед революционного социал-демократизма и об ограждении нашей партии на вечные времена против оппортунистического или «экономического» атавизма решается сам собою. Верховная власть над партией должна быть предоставлена в руки редакции «Искры», а Центральный Комитет должен быть только коллективным агентом этой власти, находиться под её строгой опекой и бдительным контролем.

Период борьбы с наследием эпохи экономизма подготовил нам таким образом организационную утопию теократического характера: светское общество отдается во власть маленького духовного органа, который, к тому же, и по географическим, и по иным условиям, не может даже находиться на территории управляемых им подданных. За недостатком места, а также в виду логических рамок настоящей статьи, я не могу останавливаться здесь на конкретных попытках осуществить эту утопию на практике и на тех изменениях, которые она при этом претерпела. Отмечу только, что дебютировала она на своем жизненном поприще внесением взаимного недоверия и раскола в ряды «искровцев». Для людей с политическим смыслом этого дебюта вполне достаточно, чтобы бесповоротно осудить эту своеобразную систему управления нашей партией.

Итак, торжество бюрократического централизма в партийной организации—таков итог партийной борьбы революционной социал-демократии с «кустарничеством». Но этот централизм по своей внутренней тенденции—родной брат кустарничеству. Последнее резюмировало собою период сближения социал-демократии с рабочими массами на почве их экономического недовольства и стихийных его проявлений. Практика периода кустарничества революционизировала рабочие массы, но не воспитывала и не об'единяла их для самостоятельной политической роли. Общественную тенденцию или «конечную цель» этой практики формулировали авторы «Credo»,—она подготовляла политическую опеку буржуазной демократии над рабочими массами. Механический централизм резюмирует период «вовлечения» этих масс в борьбу с абсолютизмом,—масс, начавших уже стихийно проявлять накопившееся в них раздражение против полицейского произвола. Период этот завершился (еще, впрочем, не окончательно завершился) созданием почти принципиального противоречия в нашей партии,—противоречия между ее идейным, теоретическим знаменем и ее практикой, которая, хотя непосредственно будит политическую мысль рабочих масс, но все же, в общем, мало развивает в них пролетарское классовое сознание и еще меньше развивает в них классовую политическую самодеятельность. Словом, идейная оболочка—революционно-социал-демократическая, а реальное содержание, по существу, в **принципиальном** смысле, едва ли выходит за рамки буржуазного революционизма. Получается такой результат, как будто революционный социал-демократизм, подобно кустарническому и оппортунистическому, стихийным образом выполняет только роль заместителя буржуазной идеологии в освободительном движении России против абсолютизма. И этот-то результат, опять-таки бессознательно, стихийно, отражается и фиксируется в организационных утопиях, отмеченных печатью бюрократизма на заговорщической подкладке. Верховные власти обязаны поддерживать в умах марксистское правоверие путем издания и распространения «принципиально-выдержанной литературы» и строгого контроля за листками и пропагандистской деятельностью комитетов. Но как и в чем проявляется эта принципиальная выдержанность на почве агитации, в области политического воспитания и об'единения рабочих масс, как, одним словом, воплощаются принципы «революционного марксизма» в методах и содержании партийной практики? Этот вопрос решается для фетишистов централизации сам собою, разными усовершенствованиями чисто технического свойства в организационном аппарате: необычайным усилением специализации членов на мелких и мельчайших функциях, внесением строгого порядка в распределении и иерархию этих функций, учреждением бесчисленного множества всевозможных ведомств, департаментов, отделений, канцелярий, мастерских, между которыми в иерархическом

порядке распределяются профессиональные и полупрофессиональные революционеры, в массе своей превращающиеся в столоначальников, канцеляристов, фельдфебелей, унтер-офицеров, рядовых, стражников, мастеровых—или даже частицы мастера. Вся эта многочисленная армия штатских, военных и ремесленников разбита на целые ряды рассеянных, изолированных друг от друга муравейников, копошащихся, каждый в своем углу, без связи с другими. Политической работы в социалистически-пролетарском смысле не видать и не слыхать. Да и кому ее выполнять, когда члены партии превращены в винтики, колесики, которыми, по личному усмотрению, распоряжается всеведующий центр?

Борьба с абсолютизмом, при все том, будет вестись, по меньшей мере, с прежней энергией, тем более, что и по этой части предусмотрена особая категория специалистов. В конце-концов, с одной стороны—формулы, лозунги, слова революционно-социал-демократические, а с другой—самая что ни на есть буржуазно-революционная работа «вовлечения» масс в движение, конечным результатом которого в самом лучшем, самом идеально благоприятном случае было бы кратковременное господство радикальной демократии, опирающейся на пролетариат. Странно как-то, по поводу таких, отмеченных печатью, канцелярских измышлений, организационных утопий обращаться за историческими аналогиями к эпохе Великой французской революции. Но все же для характеристики исторической **тенденции** этой утопии приходится рискнуть на это. В конце пути, на который она увлекает наше движение, светится, как блестящая точка, якобинский клуб [17], т.-е. организация революционно-демократических элементов буржуазии, ведущая за собою, при посредстве societes populaires, то бишь, децентрализованных периферийных народных обществ, наиболее активные слои пролетариата *). И если,—как говорит Маркс по поводу Великой французской революции,—«в классически строгих преданиях римской республики борцы за буржуазное общество нашли идеалы и искусственные формы иллюзий, необходимые для того, чтобы скрыть от самих себя буржуазно ограниченное содержание своей борьбы», то отчего бы истории не сыграть с нами злую шутку, облачив нас в идейный костюм классически-революционной социал-демократии, чтобы скрыть от нас «буржуазно-ограниченное содержание» нашего движения?

Но мы постараемся перехитрить историю. Да это и не так уже трудно. Период политической агитации и восходящего движения революционной социал-демократии не мало положительного создал и для дальнейшей работы в смысле принципиально-пролетарской политики. Выше уже указано было на элементы такого рода, подготовленные этим периодом. Само собою ясно, что устранение того противоречия в нашем движении, которое развилось в последнее время, не может быть делом одних только индивидуальных усилий нескольких лиц. Оно потребует коллективных усилий всей партии, сознательной инициативы массы **практиков,** которым придется от специализированных кустарей—техников подняться на уровень политических деятелей. Это, разумеется, несовместимо с бюрократическим режимом в партии, которому придется сдаться при первых же шагах наиболее самостоятельных элементов партии на новом пути—или же превратиться в оплот и орудие для новых оппортунистических тенденций, но уже не экономического, а **политического** характера **). Но чем систематичнее и энергичнее мы пойдем по пути реформирования нашей практики в принципиально-пролетарском смысле, тем быстрее исчезнет почва из-под ног у сторонников системы централизма, уродующей и компрометирующей самый принцип централизма. На Западе, где рабо-

*) Это, конечно, утопическая перспектива, но зато она, по крайней мере, гораздо более соблазнительна, чем трезвенно-либеральная перспектива, о которой мечтали авторы Credo, и больше гармонирует с общим революционным под'емом и размахом нашего движения в настоящий момент.

) Когда хранители заветов кустарничества боролись или защищались против революционных марксистов, они только **задерживали успехи последних и мешали делу партийного об'единения, которого еще **не было,** к которому еще только стремились. Если же теперь наши партийные учреждения, вместо того, чтобы стать во главе передовых элементов партии, начнут теснить их и третировать, как крамольников, то они будут играть роль **дезорганизаторов партии** во имя формального, бессодержательного централизма и—сознательно или бессознательно—в интересах оппортунизма политического.

чие массы политически сознательны и принципиальная пролетарская политика на теоретическом базисе марксизма является не абстрактным идеалом, а реальным фактом, где рабочая партия сама, как коллективный организм, воплощает в себе принципиально-социалистическое сознание, организационные проекты, основанные на идее **административного** подчинения целой партии одному или нескольким хранителям или олицетворениям доктрины, немыслимы не только как факты, но и как глубоко затаенная мечта какого-нибудь честолюбивого фантазера, вдохновляемого преданиями о диктатуре Швейцера. У нас абсолютизм является, конечно, благодарной почвой для произрастания таких плодов. Тем не менее, и этот источник централистических излишеств окажется бессильным обеспечить им жизнеспособность, когда практика социал-демократическая поставит наше рабочее движение на такую почву, которая сделает невозможным или, по крайней мере, затруднит противопоставление горсти избранных носителей социал-демократической сознательности массе рабочих и массе практиков, как представителям «стихийности», «бессознательности».

II.

Общереволюционные и пролетарские тенденции в нашем движении.

(15 января 1904 г., № 57).

> «Всякое политическое дело состоит в заявлении того, что есть, и с этого начинается. Мелочность, ничтожество в политике состоит в умолчании об истинном положении дел, скрывании его.
>
> **Лассаль.**

Если скрывание истинного положения дел «в политике» вообще равносильно «мелочности, ничтожеству», то в политике социал-демократов в России оно еще равносильно было бы измене классовым интересам пролетариата, т.-е. основным историческим задачам, провозглашенным в нашей партийной программе. Мы живем накануне периода сведения счетов новой буржуазной, капиталистической России с самодержавно-бюрократическим режимом и остатками сословной общественной организации России дворянской, крепостнической. Как велика будет доля, которая достанется эксплоатируемым народным массам при ликвидации отжившего социально-политического строя,— это будет зависеть прежде всего от той степени политической зрелости и силы, которой достигнет пролетариат ко времени этой ликвидации, от того влияния и значения, которые он приобретет к этому времени, как самостоятельная революционная сила. Но прежде чем история подведет итог нашей работы на пользу пролетариата, мы обязаны сами попытаться подвести итог результатам этой работы. Только таким путем мы можем еще в большей или меньшей степени наверстать потерянное, пополнить недочеты и направить равнодействующую общественных сил в сторону представляемого нами класса.

Этим именно я руководствовался, принимаясь за предлагаемую статью. В предыдущей главе я, как характерную черту новейшего, искровского фазиса нашего движения, отметил и подчеркнул образование глубокого, принципиального противоречия между его теорией и практикой, между идейно-восторжествовавшим в нашей партии революционным марксизмом и далеко не принципиально пролетарским содержанием ее деятельности. Некоторые товарищи усмотрели в этом противопоставлении теории практике своего рода возвеличение «теоретиков» или литераторов», как живого источника всяческой премудрости, на счет «практиков», как представителей узости и как виновников всех грехов, падений и отклонений партии в сторону от требуемого ее принципами пути. Но на самом деле речь у меня шла не о субъективных добродетелях одних и пороках других. Я противопоставлял друг другу не лиц, а две стороны нашего движения: субъективную и объективную; идеи, принципы, симпатии, настроение *), господствующие в среде большинства его представителей, с одной стороны, и действительность, фактическое содержание их деятельности,—с другой. В первый период массовой агитации такого противоречия не было, по той простой причине, что в течение этого периода

*) Я употребляю здесь такие слова, как «симпатия», «настроение» и т. п. потому, что, не впадая в самообман, нельзя не признать, что теоретически вполне сознательных марксистов или революционных социал-демократов у нас все-таки немного.

подавляющее большинство товарищей не только бессознательно, в своей практике, но и в своем субъективном сознании удалялось от первоначального, строго марксистского теоретического базиса нашей партии, заложенного в работах Плеханова по самым разнообразным вопросам современной жизни, истории, литературы, философии, и все больше и больше тяготело к эклектическим и антимарксистским тенденциям. Практика движения, конечно, не совпадала с требованиями принципиальной пролетарской борьбы, но и теория, объясняющая и формулирующая их, подвергалась критике и не пользовалась, в целом, безраздельной симпатией массы товарищей—и притом не только практиков, но и литераторов. «Искра» и «Заря» побили ревизионизм и экономизм и воскресили в среде русских социал-демократов при новых условиях прежние симпатии к «ортодоксальному» марксизму. И именно поэтому теперь только так резко выступает контраст между идейной оболочкой движения и его реальным содержанием. Меньше, чем когда и где либо, в данном случае уместен вопрос: «виноваты ли практики или теоретики?» Явление, о котором здесь идет речь, порождено стихийным историческим процессом, вызвавшим к жизни социал-демократическое движение в России и определившим на довольно продолжительный период его характер и общественное содержание. Выяснение этого процесса одно только и имеет для нас насущный практический интерес.

Русские марксисты с самого начала ставили себе ту же самую принципиальную задачу, какую преследует интернациональная социал-демократия и которая является для нее верховным критерием при оценке методов, средств и результатов своей деятельности. Развитие классового самосознания и политической самодеятельности рабочих масс, объединение их в самостоятельную революционную силу, под знаменем социал-демократиии—такова, как известно, эта задача. Но в то время, когда возникло наше движение, в русской действительности не было еще самых элементарных условий для прямого и **непосредственного** выполнения именно его принципиальной задачи. Я не хочу этим сказать, что нами или кем-либо из нас заранее преднамеренно составлен был такой план: «Сначала мы достигнем этого, а потом примемся за свое настоящее, уже чисто пролетарское дело». Ничего подобного. Наоборот, для нас это «чисто пролетарское» дело обнимало и покрывало собою все насущные задачи современной русской жизни и нам казалось, что в действительности работа над **подготовлением** и расширением **почвы** для широкой организации принципиальной пролетарской борьбы и **непосредственная** работа над классовым воспитанием рабочих сольются в одно неразрывное целое, в одно социал-революционное дело. Но история распорядилась далеко не так, как нам хотелось. Она, за нашей спиной, доставила преобладающую роль в нашем движении не цели, а средству, не нашей основной, принципиальной задаче, а тем исторически более элементарным задачам, без, по крайней мере, частичного осуществления которых не было **объективной** возможности последовательно и всесторонне преследовать первую. Этим самым в развитие русской социал-демократии внесено было противоречие, которое проходит красною нитью через все его фазисы.

Ее основная задача, которая всюду определяет собою содержание и направление социал-демократической практики заключалась и заключается в развитии классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата. Что такое высоко развитое пролетарское самосознание? Это—во-первых, сознание пролетариатом своего принципиального антагонизма со всем буржуазным обществом, и, во-вторых,—сознание им всемирно-исторического значения своей освободительной борьбы. Неразрывно с тем и другим связано и понимание исторических условий выполнения рабочим классом своей освободительной миссии *). А что подразумевается под политической само-

*) «Ничто,—говорит Лассаль немецким рабочим,—до такой степени не придает **сословию** достойного и глубоко нравственного отпечатка, как сознание, что оно... призвано возвысить свой принцип в принцип своего века, сделать свою идею руководящей идеей всего общества». И он старался, чтобы германский пролетариат проникся сознанием, что рабочий класс—в современном обществе—«камень, на котором созиждется церковь настоящего. На языке Маркса и Энгельса слова эти означают, что высоко развитое пролетарское самосознание неразрывно связано с ясным представлением рабочих об исторической роли своего класса, как революционного носителя и представителя интересов всего общества, часть которого они составляют, и всего человечества.

стоятельностью этого класса? Планомерное, систематическое вмешательство рабочих масс, организованных в классовую партию или руководимых ею, во все сферы общественно-политической жизни. На этой арене борьбы они сталкиваются лицом к лицу, как с враждебным лагерем, не только с своими непосредственно эксплоататорами, как с частными лицами, преследующими лишь свои собственные, корыстные интересы, но и с теми элементами высших классов, которые выступают в роли представителей и выразителей так называемого общественного мнения и интересов «всего народа», «всей страны», а в действительности являются не более, как идеологами, вождями, руководителями и просто политическими дельцами эксплоататорских классов. Активное вмешательство в общественную и политическую жизнь является, поэтому, и лучшей, чтобы не сказать единственной, школой и для развития классового самосознания пролетариата. Развивая политическую самостоятельность пролетариата, западная социал-демократия этим самым развивает и его классовое самосознание. Систематически вовлекая рабочие массы в непосредственные столкновения и прямую борьбу со всей совокупностью буржуазных идеологов и политиков, социал-демократия конкретно вскрывает перед ним непримиримый антагонизм интересов пролетариата с господством буржуазии. Вынося на обсуждение его активных слоев все вопросы общественной жизни, возбуждаемые представителями других классов, организуя эти слои для предъявления принятых ими решений, как по этим вопросам, так и по тем, которые они самостоятельно вносят, социал-демократы наглядно обнаруживают перед рабочим классом, с одной стороны, неспособность даже передовых элементов буржуазии последовательно отстаивать интересы прогресса, а с другой—его собственную роль единственного серьезного борца за эти интересы. Одним словом, процесс всестороннего классового воспитания и об'единения рабочих в самостоятельную пролетарскую партию совершается и может только совершаться, главным образом, на почве и посредством их активного участия в тех сферах общественной жизни, в которых на Западе еще в недавнем прошлом единственными хозяевами были представители высших классов.

Все это вещи общеизвестные, но они почти или совсем не принимаются в расчет при оценке «положения дел» нашей партии. В противном случае, мы не проявили бы такого самоудовлетворения по части достигнутых ею результатов в деле классового воспитания рабочих масс.

В капиталистических странах Запада социал-демократы *), как только появились на свет, так и начали свою пролетарскую работу с привлечением рабочих масс к активному и самостоятельному участию в политической борьбе. Это само собою подсказывалось уже тем обстоятельством, что социал-демократия выступила на сцену в этих странах в то время, как буржуазия там уже политически господствовала или, по крайней мере, участвовала в государственной власти. Широкая политическая агитация облегчалась, вместе с тем, наличностью хоть какой-нибудь легальной почвы в «правовом государстве». Но что особенно важно помнить, так это то, что пролетариат и в культурном и в политическом отношении уже был до известной степени подготовлен воздействием на него демократической и вообще свободолюбивой интеллигенции в эпоху революционных бурь буржуазии и в следующий за ними период. В большинстве случаев социал-демократия с самого начала представляла собою передовой отряд уже социально активных слоев пролетариата (плюс несколько единиц из «интеллигенции») и выражала новый фазис в развитии уже начатой им классовой борьбы.

Ни одного из этих необходимейших условий для развития строго принципиального пролетарского движения у нас не было налицо в тот момент, когда в России возникло социал-демократическое течение. Решающее и предопределяющее значение для развития нового движения имели два обстоятельства: во-первых, то, что пролетариат в России—если не считать немногих спропагандированных рабочих, тонувших в общей

*) Чтобы не усложнять занимающего меня вопроса, я здесь, как и вообще в статье, совершенно игнорирую факт кратковременного, так сказать, минутного существования коммунистического союза в промежутке между выступлением его с манифестом Маркса и Энгельса и революции 1848 г.

массе своих собратьев, да редкие, изолированные стачки—погружен был тогда еще в глубокий исторический сон и находился в совершенно бескультурном состоянии. В нем самом не было элемента, способного взять на себя дело пробуждения его от этого сна и выведения его на арену исторической активности. Эту задачу должен был взять на себя посторонний ему социальный элемент—радикальная интеллигенция. В этом заключалось второе из двух вышеупомянутых обстоятельств. Исторический или общественный смысл его таков: для того, чтобы вызвать к жизни в России самостоятельное, сознательно-классовое движение среди рабочих масс, предварительно необходимо было подчинить их идейному и политическому влиянию и руководству социально чуждого им слоя, принадлежащего в массе своей к другим классам населения. На Западе одной из первых задач социал-демократии было освобождение пролетариата от влияния и опеки свободолюбивой, демократической интеллигенции. У нас марксисты должны были, наоборот, в интересах социально-политического развития рабочих, взять на себя инициативу сближения радикальной интеллигенции с пролетариатом и систематически помогать ей в деле подчинения его ее революционному руководству. Как бы то ни было, здесь скрывалось крупное противоречие между субъективной целью инициаторов нашего движения и объективным характером того средства, которое им предоставила история.

Чем, однако, оправдывалась, на чем основана была их вера в призвание и готовность радикальной интеллигенции взять на себя и выполнить предлагаемую ей историческую миссию? Вера эта опиралась на фактическое настроение революционной интеллигенции. На Западе вышеуказанный антагонизм социал-демократии с левым крылом свободомыслящей буржуазии обусловился тем обстоятельством, что ко времени появления первой и наиболее радикальные элементы интеллигенции уже распростились с своим революционно-демократическим идеализмом и настолько тесно политически ассоциировались с демократическим, полудемократическим, а даже отчасти совсем не демократическими слоями не-пролетарских классов, что фактически являлись выразителями и представителями интересов именно буржуазии, играли роль ее идейного и политического авангарда. У нас политический индифферентизм эксплоататорских классов и политическая пассивность «общества» отдаляли от них наиболее революционные элементы интеллигенции, обрекали эти последние на изолированность и общественное бессилие и поддерживали в них стремление не только бороться «за народ», но и вовлечь его самого в эту борьбу. Но на Западе народные массы очутились вначале на революционной арене, как стихийная, можно сказать, физическая сила, увлекаемая и толкаемая внешними импульсами, исходившими в особенности во Франции и Англии преимущественно из внутренних междуусобий на верхних этажах социального здания... В России недоставало элементов и сил для того, чтобы вовлекать народные массы стихийным путем в борьбу с абсолютизмом. Для того, чтобы пробудить их из исторического сна и вывести на общественно-политическую арену, необходимо было начать **систематически** развивать в них революционное настроение и революционную активность, и прежде всего **сознательное** отношение к своему тяжелому положению и к его причинам. Эту историческую задачу пыталось, по-своему, решать народничество семидесятых годов. Но оно не способно было решить ее, потому что не могло понять и оценить историческое значение нового еще тогда в России класса промышленных рабочих. Только марксизм мог дать ключ и указать пути и средства к решению основного, общедемократического вопроса революционного движения в России. В этом, замечу мимоходом, коренится главный источник силы нашей партии, причина ее решительного торжества над другими революционными фракциями, прочности этого торжества, **несмотря** на ее собственные крупные дефекты и ошибки, и трудности для ревизионизма и других фальсификаций марксизма освободить ее от влияния «ортодоксии». Марксисты апеллировали и должны, обязаны были апеллировать к революционному идеализму и народолюбию той же интеллигенции, к которой обращались народники-революционеры; они обязаны были выяснить ей историческую миссию рабочего класса, указывать ей на необходимость— в интересах воодушевлявших ее идеалов—отдать все свои силы делу политического пробуждения, развития и объединения этого класса под знаменем учений научного социализма.

Для всякого, кто твердо помнит и ясно понимает, что общественное содержание социально-политических движений определяется не столько теориями, под флагом которых они развиваются, сколько историческими условиями, вызывающими их к жизни, и в частности, социальным характером их представителей, должно быть ясно, как божий день, что наше движение с самого начала скрывало в себе две противоположные тенденции, взаимный антагонизм которых не мог не развиваться и не отражаться на нем параллельно с его собственным развитием. Принципиально, пролетарская цель движения—та же, что и у западной социал-демократии. Но окольный путь, предоставленный нам историей, **непосредственно** не вел к этой цели, а скорее, в противоположную сторону. На Западе социал-демократия составляет и с самого начала составляла не что иное, как часть **самого пролетариата**, плоть от плоти его и кость от кости его. Он в одно и то же время—суб'ект и об'ект своего собственного классового воспитания и об'единения. Планомерное воздействие западной социал-демократии на рабочие массы, это—воздействие их наиболее передовых, наиболее принципиально-сознательных и организованных слоев на еще сравнительно отсталые слои тех же рабочих масс. Развитие классового самосознания и самодеятельности пролетариата является, поэтому, на Западе процессом **саморазвития, самовоспитания** рабочего класса. У нас же планомерное воздействие социал-демократии на эти массы означало воздействие на них **извне**, со стороны чуждого им социального элемента; воспитание их ею было равносильно подчинению их руководству радикальной интеллигенции. Процесс же социал-демократического **саморазвития и самовоспитания**, об'единение и развитие революционной **самодеятельности** концентрировались, главным образом (я говорю не об индивидуумах, а о массе), в этой самой интеллигенции, миссия которой состояла в подготовлении российского пролетариата к самостоятельной политической роли (в социал-демократическом смысле). Успехи нашего движения должны были, в течение известного периода, в действительности, сводиться, если не целиком, то преимущественно, к расширению круга адептов научного социализма среди интеллигенции, к углублению социалистического сознания этих адептов, к прогрессивному увеличению притока из их среды социал-демократических пропагандистов и агитаторов, к усовершенствованию организаций этих последних, к накоплению ими революционного опыта и увеличению размаха их деятельности и, наконец,— самое важное—к вовлечению все более широких слоев пролетариата в сферу влияния этой организации. Вообразим теперь на минуту, что движение наше во всех этих отношениях достигло идеальных результатов. Все радикальные элементы интеллигенции стали под знамя социал-демократии, группируются вокруг ее центральной организации, поддерживают последнюю всячески и доставляют ей непрерывно увеличивающийся контингент профессиональных революционеров, которые одни только и могут входить в состав этой организации. Это—с одной стороны. А с другой—рабочие массы, в еще большем масштабе, чем теперь, следуют ее указаниям и готовы повиноваться ей, как того требует цитированный в предыдущей главе устав одного из наших провинциальных комитетов. Что это означало бы? Какой социально-политический смысл скрывался бы под этим гипотетическим случаем? Товарищи, не опасающиеся называть вещи настоящим их именем, сами ответят на этот вопрос. Мы имели бы в данном случае революционную политическую организацию демократической буржуазии, ведущую за собою, в качестве боевой армии, рабочие массы России. А для довершения своей злой иронии, история, пожалуй, поставила бы нам еще во главе этой буржуазно-революционной организации не просто социал-демократа, а самого что ни на есть «ортодоксального» (по его происхождению) марксиста.

Предположенный нами случай только резко и наглядно вскрывает и иллюстрирует ту тенденцию российского социал-демократического движения, которая присуща ему благодаря относительной отсталости общественных условий, при которых оно возникло и развивалось. В то время, как суб'ективное стремление социал-демократов вызвать действительно самостоятельное движение в нашем пролетариате идейно питалось

*) Ведь дал же легальный или полумарксизм литературного вождя нашим либералам. Почему бы проказнице-истории не доставить революционной буржуазной демократии вождя—из школы ортодоксального, революционного марксизма.

и поддерживалось теорией и, богатой крупными событиями, пролетарской борьбой на Западе, другая об'ективная тенденция коренилась в самой русской действительности и поддерживалась тем реальным фактом, что эта действительность давала материал и средства лишь для такого подъема революционного настроения и революционной активности рабочих масс, который обеспечивал бы радикальной интеллигенции возможность, опираясь на них, вступить в решительный бой с отживающим общественно-политическим строем. Поэтому, антагонизм между суб'ективной и об'ективной тенденцией движения неизбежно должен был выразиться в антагонизме между теорией и практикой. Но об этом еще речь будет в следующей главе. Здесь же ограничусь только еще парой замечаний. Забегая вперед, я скажу, что, выдвинув марксизм в роли необходимого идейного вдохновителя и руководителя интеллигенции в области выполнения ею общедемократической задачи революционизирования пролетариата, история тем самым доставила и суб'ективным стремлениям социал-демократов точку опоры на русской почве. Но только теперь, после того как интеллигенция социал-демократическая довольно далеко подвинулась вперед в выполнении указанной задачи, является об'ективная возможность дать этим стремлениям полное практическое выражение в повседневной практике партии. И только когда она вступит в этот новый фазис своего развития, ее политическое руководство рабочими массами постепенно станет синонимом политической самостоятельности пролетариата. А пока—оно означает, главным образом, только то, что, в лице социал-демократической части интеллигенции, рабочими руководит непролетарский элемент. Разумеется, для России и это представляет прогрессивное явление первостепенной важности.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(Р. Люксембург «Искра», № 69 за 1904 г.).

На долю русской социал-демократии выпала своеобразная, беспримерная в истории социализма задача: в самодержавном государстве выработать тактику социал-демократическую, т.-е. соответствующую классовой борьбе пролетариата. Обычное сравнение современного положения дел в России с эпохой господства законов против социалистов в Германии неудачно, поскольку имеется в виду оценка России с точки зрения полицейских, а не политических условий. **Препятствия,** которые ставит массовому движению отсутствие демократических свобод, имеют, сравнительно, второстепенное значение: массовое движение и в России сумело прорваться через преграды самодержавного порядка и создать себе свою собственную, хотя и хромую «конституцию» «уличных беспорядков». Оно сумеет делать это и впредь, вплоть до своей окончательной победы над самодержавием. Главное затруднение для социал-демократической борьбы в России заключается в том, что классовое господство буржуазии затемняется господством самодержавного насилия; это господство самодержавия неизбежно придает социалистической проповеди классовой борьбы абстрактно-пропагандистский, а непосредственной политической агитации—по преимуществу революционно-демократический характер. Закон против социалистов [19]) пытался только поставить вне конституции рабочий класс—и это в высоко развитом буржуазном обществе, с вполне обнаженными и развернувшимися в парламентской борьбе классовыми противоречиями; в этом то и состояло безумие, нелепость бисмарковской затеи. В России же, наоборот, приходится совершить обратный эксперимент: создать социал-демократию при отсутствии непосредственного политического господства буржуазии.

Это своеобразно видоизменяет не только вопрос о перенесении социалистического учения на русскую почву, не только вопрос об **агитации,** но и вопрос об **организации.**

В социал-демократическом движении, в отличие от прежних опытов утопического социализма, и **организация** не представляет собой искусственного продукта пропаганды, но является продуктом классовой борьбы, в которую социал-демократия только вносит

политическое сознание. При нормальных условиях, т.-е. там, где развитое политическое классовое господство буржуазии предшествует социал-демократическому движению, дело первоначального политического сплочения рабочих в значительной мере выпадает на долю самой буржуазии. «На этой ступени»,—говорится в «Коммунистическом Манифесте»,—массовое сплочение рабочих является еще не следствием их собственного об'единения, но следствием об'единения буржуазии». В России социал-демократии выпала задача сознательным вмешательством заменить целый период исторического процесса и повести пролетариат, как сознающий свои цели и борющийся за них класс, прямо от политической атомизированности, составляющей основу самодержавного режима, к высшей форме организации. Вследствие этого, организационный вопрос для русской социал-демократии особенно труден, не столько потому, что ей приходится создавать организацию при отсутствии всех тех формальных гарантий, которые дает буржуазная демократия, сколько прежде всего потому, что эту организацию приходится создавать, так сказать, подобно господу богу, «из ничего», в пустом пространстве, без того политического сырья, которое обычно подготовляется буржуазным обществом.

Задача, над которой российская социал-демократия трудится вот уже несколько лет, состоит в переходе от типа раздробленных, совершенно друг от друга независимых кружковых и местных организаций, соответствовавших подготовительной, преимущественно пропагандистской фазе движения, к такой организации, какая требуется для об'единения политической деятельности масс во всем государстве. Но так как отличительными чертами чувствовавшихся, как тормоз, и политически отживших, старых организационных форм были раздробленность и полнейшая автономия самодовлеющих местных организаций, то естественно, что лозунгом нового фазиса, идеей вновь воздвигаемой крупной организационной постройки был: **централизм.** Подчеркивание централистической идеи проходило красной нитью через всю блестящую трехлетнюю кампанию «Искры», подготовлявшую последний, de facto учредительный с'езд; и та же самая идея владела умами и всего цвета социал-демократической молодежи в России. Вскоре, однако, на с'езде и еще больше **после** с'езда, обнаружилось, что централизм есть боевой лозунг, далеко не исчерпывающий исторического содержания и своеобразия социал-демократического типа организации; здесь еще раз обнаружилось, что марксистское понимание социализма ни в одной области, даже в области организационных вопросов, не укладывается в застывшие формулы.

Лежащая перед нами книга тов. **Ленина,** одного из выдающихся руководителей и борцов «Искры» в ее подготовительной кампании к с'езду *), представляет собой систематическое изложение взглядов **ультра-централистического** направления в российской партии. Точка зрения, нашедшая в ней сильное и исчерпывающее выражение, есть точка зрения беспощадного централизма, основной принцип которого состоит с одной стороны, в резком выделении и обособлении организованных выдающихся и деятельных революционеров из окружающей их, хотя и неорганизованной, но революционно-активной среды; с другой—в строгой дисциплине и прямом решительном и определенном вмешательстве центральных учреждений во все проявления жизни местных организаций партии. Достаточно отметить, что, по этому взгляду, Ц. К., напр., имеет право организовать все местные комитеты партии и, след., определять личный состав каждой отдельной местной организации, от Женевы до Льежа, от Томска до Иркутска, давать им готовый устав, безапелляционно распускать их и вновь создавать, и в результате таким образом косвенно влиять на состав самой высшей партийной инстанции—с'езда. Таким образом, Ц. К. является единственным, действительно активным ядром партии, все же остальные организации—только его исполнительными органами.

Именно в этом соединении строжайшего организационного централизма с социал-демократическим массовым движением Ленин видит специфический революционно-марксистский принцип и выдвигает множество фактов в защиту своей точки зрения. Посмотрим, однако, на дело поближе.

Не подлежит никакому сомнению, что социал-демократии вообще присуще сильное тяготение к централизму. Выросшая на экономической почве капитализма,

*) Ленин «Шаг вперед, два шага назад».

централистического по своим тенденциям, и сосредоточивающая свою борьбу в политических рамках централизованного буржуазного крупного города, социал-демократия по самой сущности своей является решительной противницей всякого партикуляризма и национального федерализма. Призванная в рамках данного государства представлять общие интересы пролетариата, как класса, в противовес всем его частным и групповым интересам, она имеет везде естественное стремление об'единять все национальные, религиозные, профессиональные группы рабочего класса в единую, общую партию; из этого она делает, по необходимости, исключения в пользу федералистического принципа только при исключительно ненормальных отношениях, как, напр., в Австрии.

В этом отношении и для российской социал-демократии не было и нет сомнения, что она должна составлять не федеративно связанный конгломерат бесчисленного количества национальных и местных особых организаций, но единую сплоченную партию российского государства. Однако, совсем другое значение имеет вопрос о большей или меньшей степени централизации и об ее ближайшем характере в рамках об'единенной и единой российской социал-демократии.

С точки зрения формальных задач социал-демократии, как боевой партии, централизм в ее организации на первый взгляд кажется условием, от выполнения которого непосредственно зависит боевая способность и энергия партии. Однако, тут гораздо важнее точки зрения формальных требований всякой боевой организации, специфические исторические условия пролетарской борьбы.

Социал-демократическое движение есть первое в истории классовых обществ, рассчитанное всеми своими сторонами и общим своим ходом на организацию и непосредственную самодеятельность масс.

В этом отношении социал-демократия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, напр., якобинско-бланкистского типа.

Ленин, кажется, недооценивает этого, когда в своей книге (стр. 140) думает, что революционный социал-демократ есть не что иное, как «якобинец», неразрывно связанный с **организацией** пролетариата, **сознавшего** свои классовые интересы». Отличия социал-демократии от бланкизма исчерпываются для Ленина организованностью и классовым сознанием пролетариата в противоположность заговору небольшого меньшинства. Он забывает, что отсюда вытекает полная переоценка организационных понятий, совершенно новое содержание, вкладываемое в понятие централизма, совершенно новое понимание взаимоотношения между организацией и борьбой.

Бланкизм не опирался на непосредственную классовую деятельность рабочих масс и не нуждался поэтому в организации масс. Напротив, так как широкие народные массы должны были появиться впервые на поле борьбы лишь в момент революции, а предварительная деятельность состояла в подготовлении революционного удара небольшим меньшинством, то резкое ограничение предназначенных для этой определенной деятельности личностей от народной массы было прямо необходимо для удачного выполнения их задачи. Но в то же время это было возможно и исполнимо потому, что между конспираторской деятельностью бланкистской организации и повседневной жизнью народных масс не было никакой внутренней связи.

Вместе с тем и тактика и ближайшие задачи деятельности, импровизируемые свободно и по вдохновению без связи с почвой элементарной классовой борьбы, вырабатываемые наперед до мельчайших подробностей отливались в форму заранее намеченного плана. Поэтому, действующие члены организации естественно превращались в чисто исполнительные органы вне их поля деятельности существующей и заранее определяемой воли, в **орудия** Ц. К. Отсюда вытекает и вторая особенность заговорщического централизма: абсолютное, слепое подчинение отдельных органов партии ее центральному учреждению, распространяющему свою безапелляционную власть вплоть до самой периферии партийной организации.

В корне отличны условия социал-демократической деятельности. Последняя исторически вырастает из элементарной классовой борьбы. При этом ей свойственно то диалектическое противоречие, что пролетарская армия впервые рекрутируется в самом процессе борьбы и в борьбе же впервые сознает задачи этой борьбы. Организация, рост

сознания и борьба являются здесь не особыми механическими и во времени разделенными моментами, как в бланкистском движении, это—только различные стороны того же самого процесса. С одной стороны, кроме общих основных принципов борьбы не существует готовой, заранее определенной и до мелочей разработанной боевой тактики, к которой Ц. К. муштровкой может подготовить членов социал-демократической партии. С другой стороны, процесс борьбы, создающий организацию, обусловливает постоянные колебания сферы влияния социал-демократии. Уже отсюда следует, что социал-демократическая централизация не может основываться ни на слепом повиновении, ни на механическом подчинении борцов партии ее центральной власти, и что, с другой стороны, между уже организованным в прочные партийные кадры ядром сознавшего свои классовые интересы пролетариата, и уже захваченным классовой борьбой, находящимся в процессе классового развития прилегающим слоем пролетариата никогда не может быть воздвигнуто непроходимой стены. Построение централизации в социал-демократии на этих двух основаниях—на слепом подчинении в самых мелочах всех партийных организаций и их деятельности центральной власти, которая одна думает, творит и решает за всех, а также на строгом отграничении организованного ядра партии от окружающей его революционной среды, как на этом настаивает Ленин,—кажется нам поэтому механическим перенесением организационных принципов бланкистского движения заговорщических кружков на социал-демократическое движение рабочих масс. И Ленин, быть может, еще остроумнее, чем это мог бы сделать кто-либо из его оппонентов характеризует свою точку зрения определяя своего «революционного социал-демократа» как «якобинца, **связанного** с организацией пролетариата сознавшего свои классовые интересы». Но фактически социал-демократия не **связана** с организацией рабочего класса,—она и есть **подлинное движение** рабочего класса. Следовательно социал-демократический централизм должен быть по существу другого характера чем бланкистский. Он не может не чем иным как властным выражением об'единенной воли сознательного и борющегося авангарда рабочих по отношению к отдельным группам и индивидуумам; это так сказать «самоцентрализм» («selbstzentralismus») руководящего слоя пролетариата, господство его большинства внутри его собственной партийной организации.

Уже из анализа действительного содержания социал-демократического централизма становится очевидным, что для него в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий; а именно—наличности значительного уже воспитанного в политической борьбе слоя пролетариата и возможности проявления его самодеятельности (Dispositionsfahigkeit) путем прямого влияния на дела (на публичных с'ездах, в партийной прессе и т. д.).

Последнее условие очевидно может быть осуществлено только при политической свободе первое же—выделение пролетарского авангарда, сознающего свои классовые интересы и умеющего политически ориентироваться,—находится лишь в процессе возникновения и должно служить руководящей нитью во всей агитационной и организационной работе.

Тем поразительнее кажется обратное убеждение Ленина, будто все предварительные условия для создания большой и крайне централизованной рабочей партии имеются в России уже налицо. И если он оптимистически восклицает, что теперь уж «не пролетариату, а **некоторым интеллигентам** в нашей партии недостает **самовоспитания** в духе организации и дисциплины» (стр. 145), и прославляет воспитательное значение фабрики для пролетариата, которая уже сама по себе подготовляет его к «дисциплине и организации» (стр. 147), то это лишний раз свидетельствует об его слишком механическом представлении о социал-демократической организации.

«Дисциплина», которую Ленин имеет в виду, внушается пролетариату не одной только фабрикой, но и **казармой** и современным бюрократизмом,—словом всем механизмом централизованного буржуазного государства.

Одновременно обозначать словом «дисциплина» два столь противоположных понятия как отсутствие воли и мысли в тысяченогом и тысячеруком теле, по указке делающем механические движения, и добровольное координирование сознательных

политических действий общественного слоя,—такие понятия как беспрекословное повиновение угнетенного класса и организованное возмущение класса борющегося за свое освобождение—значит, просто злоупотреблять ходячим словечком. Не исходя из внушаемой пролетариату капиталистическим государством дисциплины—с простой передачей указки из рук буржуазии в руки соц.-дем. Ц. К., но только сломив и вырвав с корнем этот дух рабской дисциплины, может рабочий класс воспитать себя для новой дисциплины—свободной самодисциплины социалдемократии. Далее, из того же соображения явствует, что централизм в социал-демократическом смысле не есть вообще абсолютное понятие, осуществимое в равной мере на любой ступени в развитии рабочего движения; скорее его следует рассматривать как тенденцию, все более и более переходящую в действительность по мере развития и политического воспитания рабочих масс в процессе их борьбы.

Конечно недостаточная наличность важнейших предпосылок для осуществления в полной мере централизма в русском движении может явиться огромной помехой.

Однако, нам кажется, было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательных рабочих внутри их партийной организации может быть «пока-что» заменено «по доверию» единовластием центрального учреждения партии и что отсутствие публичного контроля рабочих масс над тем, что делают и что не делают партийные органы может быть так же хорошо возмещено обратным контролем Ц. К. над деятельностью революционного пролетариата.

Сама история русского движения дает много доказательств проблематической ценности централизма в этом последнем смысле слова. Всемогущее центральное учреждение со своим почти неограниченным правом вмешательства и контроля по ленинскому идеалу было бы явной бессмыслицей, если б оно ограничивало свою власть исключительно чисто **технической** стороной социал-демократической деятельности, регулированием всяких вспомогательных средств агитации—в роде доставки партийной литературы и планомерного распределения агитаторских сил и денежных сумм. Политическая цель такого учреждения была бы понятна лишь в том случае, если бы оно могло свои силы обратить на создание единой боевой тактики, взять на себя инициативу крупного политического действия. Но что мы, однако, видим в тех перипетиях, которые до сих пор переживало русское движение? Важнейшие и наиболее плодотворные повороты тактики за последние десять лет движения не были выдуманы какими-нибудь руководителями движения, не говоря уже о руководящих организациях, но всякий раз были самопроизвольным продуктом разгоравшегося движения. Такое был первый этап действительно пролетарского массового движения в России начавшийся стихийной вспышкой колоссальной петербургской стачки 1896 г. [20]) и впервые открывший эру массовой экономической борьбы русского пролетариата. Такой же был и второй фазис движения—период уличных политических демонстраций, начавшийся совершенно стихийно с петербургских студенческих беспорядков в марте 1901 г.[21]). Следующим крупным поворотным пунктом в тактике, развернувшим новые горизонты —была возникшая «сама собой» массовая стачка в Ростове на-Дону [22]) с ее импровизированной ad hoc уличной агитацией, народными собраниями под открытым небом, публичными речами, которые показались бы фантазией и не могли бы притти в голову и самому смелому энтузиасту среди социал-демократов всего несколько лет тому назад. Во всех этих случаях «дело» шло впереди. **Инициатива** и сознательное руководство социал-демократических организаций играли крайне незначительную роль. Это, однако, происходило не столько от недостаточной подготовленности к своей роли этих специальных организаций,—хотя и этот момент в значительной степени также мог оказывать влияние,—еще менее, конечно, от отсутствия в то время в российской социал-демократии всемогущей центральной власти в духе развиваемого Лениным плана. Наоборот очень вероятно, что ее наличность привела бы только к еще большей растерянности отдельных комитетов партии и к противоречию между бурным натиском массы и выжидательной позицией социал-демократии. Можно даже сказать, что то же самое явление—незначительная роль сознательной инициативы партийных центров в выработке тактики—наблюдается как в Германии, так и повсюду. Боевая тактика соц.-дем. в своих главных чертах вообще не

«изобретается»,—она есть следствие непрерывного ряда крупных творческих актов ищущей своего пути часто стихийной классовой борьбы. И здесь бессознательное предшествует сознательному, логика об'ективного исторического процесса—суб'ективной логике его носителей. Роль социал-демократических руководящих учреждений при этом имеет в значительной мере **консервативный** характер; как показывает опыт, раз завоевав новую почву для борьбы, они разрабатывают ее до крайних пределов, но в то же время скоро обращают ее в оплот против дальнейших новшеств более крупного масштаба.

Все удивляются замечательному многообразию, гибкости и в то же время уверенности современной тактики немецкой социал-демократии. Но это означает только, что наша партия в своей повседневной борьбе до самых мелочей удивительно приспособилась к современной парламентской почве, что она сумела использовать целиком все то поле борьбы, которое дает ей парламентаризм, стала хозяином этого поля, оставаясь верной своим принципам. И однако это специфическое приспособление тактики уже настолько закрывает более широкие горизонты, что явно выступает склонность рассматривать парламентскую тактику, как тактику неизменную, как тактику присущую именно социал-демократической борьбе вообще. Для подобного настроения характерна, напр., безрезультатность многолетних усилий **Парвуса** *) вызвать в партийной прессе обсуждение вопроса о соответствующем изменении тактики на случай отмены всеобщего избирательного права, хотя с возможностью такой отмены серьезно считаются вожди партии. Эта инертность в значительной степени об'ясняется тем, что очень трудно в пустом пространстве абстрактных построений представить себе контуры и конкретные формы еще не существующей и следовательно воображаемой политической кон'юнктуры, ч то для соц.-дем. всегда важно так это—не предугадывание и приготовление готового рецепта для будущей тактики, а то, чтобы в партии живо сохранялась правильная историческая оценка господствующих в каждый данный момент форм борьбы, живое понимание относительности данной фазы борьбы и необходимости наростания революционных моментов с точки зрения конечной цели классовой пролетарской борьбы.

Но наделять руководящее партийное учреждение такими абсолютными полномочиями **отрицательного** характера, как это делает Ленин, значит искусственно усиливать в очень опасной степени и без того неизбежно ему присущий консерватизм. Если социал-демократическая тактика создается не Центр. Комит. а всей партией в целом или — что еще вернее—всем движением, то отдельным партийным организациям, очевидно, необходима та свобода действий, которая только и дает возможность как использовать целиком предоставляемые данным положением средства для развития борьбы, так и развернуть революционную инициативу. Отстаиваемый же Лениным ультрацентрализм по всей сущности своей проникнут, на наш взгляд, не положительным творческим, но бесплодным будочничеством (Nachtwächter) духом. Ход его мыслей приурочен главным образом к **контролю** над партийной деятельностью, а не к ее **оплодотворению**, к **сужению**, а не к **развитию**, к зашнурованию (Schnürregelung), а не к об'единению движения.

Но вдвойне рискованным является подобный эксперимент для русской социал-демократии именно в данный момент. Она находится накануне крупных революционных схваток за низвержение самодержавия; ей предстоит войти, или вернее, она уже вошла в полосу самой интенсивной творческой деятельности в области тактики и—что само собой разумеется для революционной эпохи—в полосу лихорадочного и скачкообразного расширения и перемещения сферы своего влияния. В такое именно время пытаться сковать инициативу партийной мысли и воздвигать колючий частокол против стремления партии к внезапным расширениям—значит, тем самым делать социал-демократию совершенно неспособной к выполнению великих задач данного момента.

Из развитых выше общих соображений о своеобразном содержании социал-демократического централизма нельзя еще, конечно, вывести конкретного проекта организационного устава для российской партии. Такой устав, разумеется, определяется в последнем счете теми конкретными условиями, в которых протекает деятельность партии в данный период, и так как в России дело идет всего лишь о первой попытке

построения крупной пролетарской партийной организации—то едва ли такой устав может наперед претендовать на непогрешимость, и он во всяком случае должен прежде всего выдержать огненное испытание практики.

Но что может быть выведено из общего представления о типе социал-демократической организации, это—крупные основные черты ее, **дух** организации, а он-то именно и обусловливает, особенно на первых шагах массового движения, преимущественно координирующие, сплачивающие, а не регламентирующие не исключительные тенденции социал-демократического централизма. И если партия будет проникнута этим духом политической подвижности, соединенной с строгим отношением к принципиальной устойчивости движения и его единству, тогда очень скоро сама практика должным образом исправит угловатости любого, хотя бы и неудачно составленного организационного устава. Ибо не буква устава, но смысл и дух, вкладываемый активными борцами в него, решают вопрос о ценности той или иной организационной формы.

II.

До сих пор мы рассматривали вопрос о централизме с точки зрения общих основных положений социал-демократии и отчасти русских условий. Но будочнический дух ультрацентрализма, защищаемого Лениным и его друзьями, является у него не каким-либо случайным результатом заблуждений, а связан с проведенной у него до мельчайших деталей организационного вопроса борьбой против **оппортунизма**».

Дело «в том,—полагает Ленин (стр. 52),—чтобы сковать при помощи их более или менее острое оружие против оппортунизма. Чем глубже его причины, тем острее должно быть это оружие».

Равным образом Ленин видит в абсолютной власти Центрального Комитета и в строгом уставном ограждении партии надежную плотину против оппортунистического течения, специфическим признаком которого он считает врожденное пристрастие интеллигента к автономизму и дезорганизации - и его отвращение к суровой партийной дисциплине, ко всякому «бюрократизму» в жизни партии.

По мнению Ленина, только социалиста-интеллигента, благодаря врожденной шаткости и индивидуализму, могут коробить столь неограниченная власть Централ. Комитета; настоящий же пролетарий, напротив того, уже в силу своего революционного классового инстинкта, должен испытывать некоторое упоение всей этой строгостью, твердостью и удальством (schneidigkeit) своего высшего партийного начальства и, с зажмуренными от удовольствия глазами, подвергать себя всяческим суровым операциям «партийной дисциплины». «Бюрократизм versus демократизм»,—говорит Ленин;—«это и есть организационный принцип революционной социал-демократии по отношению к организационному принципу оппортунистов» (стр. 151). Он настойчиво ссылается на то, что та же самая противоположность централистических и автономистических взглядов обнаруживается в социал-демократии всех стран, где только противостоят друг другу революционное и реформистское или ревизионистское направление. В частности он оперирует с примером недавних событий в немецкой партии и тех дебатов, которые разыгрались по вопросу об автономии избирательного округа. Уже по одному этому небезинтересно и не бесполезно проверить ленинские параллели.

Прежде всего следует заметить, что усиленное подчеркивание природных способностей пролетариев к социал-демократической организации и заподозривание «интеллигентских» элементов социал-демократического движения, сами по себе еще не являются выражением «революционного марксизма»; наоборот, столь же легко можно показать родство этих взглядов с оппортунизмом.

Антагонизм между чисто пролетарским элементом и непролетарской интеллигенцией—это именно тот общий идеологический щит, под сенью которого протягивают друг другу руки: французский полуанархизм чистых профессионалистов, с их старым лозунгом «Mefiez vous de politiciens (остерегайтесь политиков!)—английский трэд-юнионизм с его недоверием к социалистическим «фантазерам» и, наконец,—если верны наши сведения,—и чистый «экономизм» бывшей петербургской «Рабочей Мысли» [24]) с ее перенесением трэд-юнионистской узости в самодержавную Россию.

Правда, до сих пор в практике западно-европейской социал-демократии можно заметить несомненную связь между оппортунизмом и интеллигентскими элементами, равно как, между оппортунизмом и децентралистическими стремлениями в организационном вопросе.

Но отрывать явления от той конкретной исторической почвы, на которой они возникают, и вычеканивать из них абстрактные шаблоны, претендующие на всеобщее абсолютное значение,—значит, совершать величайший грех против «Святого духа» марксизма, именно против его историко-диалектического метода мышления.

Абстрактно рассуждая, можно только признать, что «интеллигент», как элемент, по своему происхождению чуждый пролетариату и вышедший из буржуазии, приходит к социализму не в силу своего классового настроения, а лишь вопреки ему, идеологическим путем; поэтому он более предрасположен к оппортунистическим шатаниям, чем сознательный пролетарий, которому его непосредственный классовый инстинкт дает надежную революционную опору, если только он не утратил живой связи со своей родной социальной почвой, пролетарской массой. Однако, в какой конкретной форме проявляется эта наклонность «интеллигента» к оппортунизму, и в частности как именно осязательно выражается она в организационных тенденциях—это во всяком случае зависит от конкретной социальной среды данного общества.

Те явления в жизни немецкой, французской и итальянской социал-демократии, на которые ссылается Ленин, выросли на вполне определенной социальной почве, именно на почве буржуазного парламентаризма. И как вообще этот парламентаризм является специфической питательной средой для современных оппортунистических течений в западно-европейском социализме, так в частности из него же вырастают дезорганизаторские тенденции оппортунизма.

Парламентаризм не только лишь поддерживает все известные иллюзии теперешнего оппортунизма: переоценку значения реформаторской работы, сотрудничества классов и партий, мирного развития и т. д., как мы это видели во Франции, Италии, Германии. Одновременно обособляя в социал-демократии интеллигентов в роли парламентских деятелей от пролетарской массы и некоторым образом возвышая их над ней, он создает почву, на которой эти иллюзии могут практически проявляться. Наконец, с ростом рабочего движения, парламентаризм превращает его в орудие политической карьеры, делая его таким образом прибежищем для буржуазных честолюбцев и неудачников.

Всеми этими моментами определяется и известная склонность интеллигента-оппортуниста западно-европейской социал-демократии к дезорганизации и недисциплинированности.

Второй вполне определенной предпосылкой современного оппортунистического течения является наличность уже высокоразвитого социал-демократического движения и, следовательно, влиятельной социал-демократической партийной организации. Последняя служит, при таких условиях, тем оплотом революционного классового движения против буржуазно-парламентарных тенденций, который необходимо разрушить, расстроить, чтобы плотное, активное ядро пролетариата снова растворить в аморфной массе избирателей.

Так возникают исторически выросшие и отлично приспособленные к известным политическим целям «автономистические» и децентралистические тенденции современного оппортунизма; и потому эти тенденции должны быть об'ясняемы не врожденной распущенностью и «хлюпкостью» «интеллигента», как полагает Ленин, а потребностями буржуазного парламентского деятеля, не психологией «интеллигента», а политикой оппортуниста.

В существенно ином виде представляется дело в самодержавной России, где оппортунизм в рабочем движении является вообще продуктом не сильного роста социал-демократии и разложения буржуазного общества, как на Западе, а, наоборот, политической отсталости этого общества.

Та среда, из которой в России вербуются социалисты-интеллигенты, имеет, разумеется, гораздо менее определенный классовый характер, гораздо более деклассирована

в точном смысле этого слова, чем западно-европейская интеллигенция. Правда,—в связи с юностью пролетарского движения в России—этого, вообще говоря, дает значительно больший простор теоретической неустойчивости и оппортунистическим шатаниям, которые приводят то к полному отрицанию политической стороны рабочего движения, то, наоборот, к обратной вере во всеспасительность террора,—и, наконец, к политическому успокоению в болотах либерализма и к «философскому»—в тине кантовского идеализма.

Однако, для возникновения специфической активной склонности к дезорганизации отсутствует, по нашему мнению, у «интеллигента»-социал-демократа не только положительная точка опоры в виде буржуазного парламентаризма, но и подходящая социально-психическая среда. Современной западно-европейский интеллигент, который отдается культу своего пресловутого «я» и эту «мораль господ» тащит за собой в мир социалистической борьбы и мысли, это тип не буржуазной интеллигенции вообще, а лишь одной определенной фазы ее развития,—это продукт буржуазии, клонящейся к упадку, гниющей, застывшей уже в порочном кругу своего классового господства. Напротив того, утопические и оппортунистические фантазии русских «интеллигентов»-социалистов обнаруживают скорее склонность принимать противоположные теоретические формы: самоотречения, самобичевания. Ведь было же «хождение в народ», т.-е. обязательное преображение интеллигента в крестьянина, для старых «народников» таким же продуктом беззаветной интеллигентской решимости, как недавний грубый культ «мозолистого кулака» для последователей чистого «экономизма».

Совершенно иной результат получается, если решать вопрос о формах организации не путем механического перенесения готовых шаблонов из Западной Европы в Россию, а исследованием данных конкретных русских условий. Приписывать оппортунизму, как это делает Ленин, постоянную привязанность к какой-нибудь определенной форме оргапизации—скажем децентрализации,—значит, во всяком случае, не знать его внутренней природы.

Оппортунизм, в качестве такового, и в организационном вопросе знает единственный принцип—беспринципность. Свои средства он всегда выбирает, сообразуясь с обстоятельствами, лишь бы они соответствовали преследуемым им целям.

И если мы, заодно с Лениным, формулируем оппортунизм, как стремление парализовать самостоятельное, революционное классовое движение пролетариата и сделать его орудием властолюбия буржуазной интеллигенции, то в **начальных стадиях** рабочего движения эта цель скорее всего достигается не децентрализацией, а именно строгой **централизацией**, которая малосознательное еще пролетарское движение выдает с головой кучке вождей-интеллигентов. Характерно то, что и в Германии в **начале** социал-демократического движения, когда не выработалось еще ни сильного ядра сознательных пролетариев, ни испытанной социал-демократической тактики, обе организационные тенденции имели своих представителей: крайний централизм—в лице Лассальянского всеобщего немецкого рабочего союза и, наоборот, автономизм— в лице эйзенахцев. При всей признанной принципиальной расплывчатости тактики эйзенахцев [25]), она вызвала значительно большее активное участие пролетарских элементов в духовной жизни партии, большую инициативность самих рабочих—доказательством может служить, между прочим, быстрый рост провинциальной прессы у этой фракции—вообще гораздо больше развила здоровое стремление к росту **вширь**, чем это удавалось сделать лассальянцам, которые, несмотря на все свои опыты с «диктаторами», приходили неизбежно к все более плачевным результатам.

Вообще нетрудно показать, что при условиях, когда революционная часть рабочей массы еще не сплочена, само движение ее шатко,—словом, при условиях, подобных современным русским, как раз строгий, деспотический централизм и является специфической организационной тенденцией, характерной для интеллигентского оппортунизма. Точно так же, как в позднейшей стадии—при наличности парламентской среды и перед лицом сильной, крепко сплоченной рабочей партии—соответственная тенденция интеллигентского оппортунизма выражается, наоборот, в **децентрализации**.

Именно с точки зрения ленинской боязни пагубного влияния интеллигенции на пролетарское движение его собственные организационные взгляды крайне опасны для русской социал-демократии.

На самом деле, ничто так легко и верно не порабощает еще юного рабочего движения властолюбивой интеллигенции, как сковывание его панцырем бюрократического централизма *), принижающего борющийся пролетариат до роли послушного орудия в руках «комитета».

И, наоборот, почто так не застраховывает рабочего движения от всяких оппортунистических злоупотреблений со стороны честолюбивой интеллигенции, как революционная самодеятельность пролетариата, как повышение в нем чувства политической ответственности.

И, в самом деле, призрак, который сегодня лишь грезился Ленину, завтра легко может стать реальной действительностью.

Не будем забывать, что революция, канун которой мы переживаем в России,—не пролетарская, а буржуазная революция, которая сильно изменит всю обстановку социал-демократической борьбы. Тогда и русская интеллигенция очень быстро пропитается ясно выраженным буржуазно-классовым содержанием. Если сегодня социал-демократия является единственной руководительницей русской рабочей массы, то на другой день после революции буржуазия, и прежде всего ее интеллигенция, естественно будет стремиться превратить массу в пьедестал своего парламентского владычества.

Чем менее в переживаемый период борьбы будет развиваться самодеятельность, свободная инициатива, политический смысл наиболее зашевелившегося слоя рабочих, чем более их будет водить на помочах и муштровать социал-демократический Ц. К., тем легче будет игра буржуазных демагогов в обновленной России, тем вернее жатва сегодняшних трудов социал-демократии попадает завтра в амбары буржуазии. И, прежде всего, в корне ошибочна самая основная мысль ультрацентрализма--преградить оппортунизму доступ в рабочее движение при помощи организационного устава.

Под непосредственным впечатлением последних событий во французской, итальянской и германской социал-демократии, и русские социал-демократы, очевидно, стали склонны смотреть на оппортунизм вообще, как на примесь, чуждую самому пролетарскому движению и приносимую в рабочее движение лишь извне буржуазно-демократическими элементами. Если бы это было и так, уставные организационные рамки сами по себе были бы совершенно бессильны против вторжения элементов оппортунизма. Раз массовый приток не-пролетарских элементов в социал-демократию является следствием таких глубоких социальных причин, как быстрое экономическое крушение мелкой буржуазии и еще более быстрое политическое крушение буржуазного либерализма, отмирание буржуазной демократии, то—наивная иллюзия воображать, будто той или иной формулировкой партийного устава можно создать плотину против бурного напора этой волны. Параграфами можно подчинить себе жизнь лишь небольших сект и частных обществ, исторические же течения всегда умели пробиваться сквозь самые хитрые параграфы. Кроме того, весьма ошибочна и самая мысль, будто в интересах рабочего класса преграждать массовый приток элементов, выделяемых прогрессивно-разлагающимся буржуазным обществом. Положение, что социал-демократия, классовая представительница пролетариата, является вместе с тем представительницей всей совокупности прогрессивных интересов общества и интересов всех страдающих и угнетенных буржуазным общественным строем,—не должно понимать лишь в таком смысле, что все эти интересы идейно обнимаются программой социал-демократии. Это положение воплощается в действительность в форме исторического развития, в силу которого социал-демократия, как **политическая партия**, становится все более и более прибежищем самых разнообразных недовольных элементов и вместе с тем—действительной партией всего народа против ничтожного меньшинства господствующей буржуазии. Нужно только, чтобы социал-демократия умела все непосредственные печали и надежды этой пестрой, бегущей за нею

*) Прим. ред. Neue Zeit. В Англии именно фабианцы [28], особенно Веббы, являются самыми рьяными сторонниками бюрократической централизации и противниками демократических форм организации.

толпы неизменно подчинять конечным целям рабочего класса, дух непролетарской оппозиции ввести в рамки революционного пролетарского действия, словом, чтобы она умела ассимилировать притекающие к ней элементы, переварить их. Последнее же возможно только там, где, как доныне в Германии, тон в социал-демократии уже задает сильное, политически воспитанное пролетарское ядро, достаточно сознательное для того, чтобы взять на революционный буксир притекающие к партии деклассированные и мелкобуржуазные элементы. В этом случае и более строгое проведение централистического принципа в организационном уставе и более суровая формулировка партийной дисциплины в его параграфах весьма целесообразны в качестве плотины против оппортунистических течений. При этих условиях организационный устав, несомненно, может служить орудием в борьбе с оппортунизмом, как он послужил на самом деле французской революционной социал-демократии орудием против натиска жоресистской[27]) мещанины; в этом же смысле стал теперь необходим пересмотр немецкого партийного устава в этом направлении. Но и в этом случае партийный устав должен быть не каким-то самодовлеющим оружием для борьбы с оппортунизмом, а лишь последним принудительным средством для приведения в исполнение руководящей воли фактически налицо имеющегося революционного пролетарского большинства партии. Если такого большинства еще нет, никакие самые суровые бумажные параграфы не заменят его.

Однако, это наплыв буржуазных элементов, как сказано, далеко не является единственным источником оппортунистических течений в социал-демократии. Напротив того, другой источник заключается в сущности самой социал-демократической борьбы, в ее внутренних противоречиях. Всемирно-историческое движение пролетариата к победе есть процесс, особенность которого заключается в том, что здесь впервые в истории народные массы, сами и вопреки всем господствующим классам, выполняют свою волю, но осуществление этой воли должны перенести по ту сторону современного общества, за его пределы. Но с другой стороны, выработать в себе эту **волю** массы могут лишь в повседневной борьбе с существующим порядком, т. е. только в его рамках. Широкая народная масса, с одной стороны, и цель, выходящая за пределы всего существующего порядка,—с другой, повседневная борьба и революционный переворот,—таково диалектическое противоречие социал-демократического движения; и отсюда вытекает для него необходимость на протяжении своего развития пробиваться вперед меж двух подводных кампей: между утратой массового характера и отказом от конечной цели, между возвращением к состоянию секты и превращением в буржуазное реформистское движение.

Поэтому совершенно неисторической иллюзией является мысль, будто раз-навсегда может быть обеспечено революционное направление социал-демократической тактики, что раз-навсегда рабочее движение может быть застраховано от оппортунистических шатаний. Правда, учение Маркса дает непреоборимое оружие против всех основных типов оппортунистической мысли. Но так как социал-демократическое движение есть массовое движение, и угрожающие ему подобные камни порождаются не людскими измышлениями, а общественными условиями, то нельзя заранее предотвратить возможность оппортунистических шатаний; лишь само движение может преодолеть их—конечно, с помощью оружия, даваемого марксизмом—после того, как они приняли на практике осязательную форму. Рассматриваемый под этим углом зрения оппортунизм представляется продуктом и самого рабочего движения, неизбежным моментом его исторического развития. Именно в России, где социал-демократия еще молода, а политические условия рабочего движения так ненормальны, оппортунизм пока должен возникать в значительной мере из этого источника, из неизбежного развития тактики ощупью и путем экспериментов, из необходимости вести текущую борьбу в таких своеобразных беспримерных условиях и в то же время в согласии с основными принципами социализма.

Если же это так, то тем более удивительной кажется мысль—в самом начале рабочего движения устранить возможность возникновения оппортунистических течений той или иной формулировкой организационного устава. Попытки поразить оппортунизм такими бумажными средствами на самом деле могут нанести глубокий удар не

ему, а лишь самой социал-демократии; прекращая в ней биение здоровой жизни, они ослабляют ее стойкость в борьбе не только против оппортунистических течений, но и—что ведь также должно бы иметь некоторое значение—против существующего общественного строя. Средство обращается против цели.

В этом боязливом стремлении части русских социал-демократов опекой всеведующего и вездесущего Ц.К. предохранить от ложных шагов столь многообещающее и жизнерадостно развивающееся русское рабочее движение, нам слышится впрочем, отголосок того самого **суб'ективизма**, который уже не одну шутку сыграл с русской социалистической мыслью. Поистине забавны прыжки, которые бывает подчас угодно проделывать почтенному человеческом суб'екту истории в его собственном историческом процессе. Раздавленное и стертое в порошок русским абсолютизмом «я» берет реванш тем, что в своей революционной мысли сажает самого себя на трон и об'является себя всемогущим—в образе заговорщического комитета именем несуществующей «Народной Воли». Но «об'ект» оказывается сильнее, и кнут скоро празднует победу, ибо он представляет собою «законное» выражение данной стадии исторического процесса. Наконец, на сцену появляется еще более законное дитя исторического процесса—русское рабочее движение; впервые в русской истории, оно с величайшим успехом кладет начало созданию действительной народной воли. Но тут «я» русского революционера поспешно становится на-голову и снова об'является себя всемогущим вершителем истории, —на этот раз в собственной персоне его величества центрального комитета социалдемократического рабочего движения. При этом ловкий акробат не замечает, что единственным суб'ектом, к которому теперь перешла роль вершителя судеб, является **массовое «я»** рабочего класса, упорно требующего себе по всей линии права самому делать ошибки и самому учиться исторической диалектике. И в конце-концов скажем, между нами, открыто: ошибки, совершаемые действительным революционным рабочим движением, исторически неизмеримо плодотворнее и ценнее непогрешимости наилучшего «центрального комитета».

НАШИ ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ.

(«Искра», № 78 за 1904 г.).

I.

О либерализме и гегемонии.

В нашей социал-демократической литературе нет, кажется, более заезженной фигуры, чем фигура либерала, и нет более избитого вопроса, чем вопрос об отношении социал-демократии к освободительному движению передовых элементов современного русского общества. Давно прошли времена, когда практик, с головой погружаясь в перипетии повседневной борьбы, безразлично выглядывал оттуда, из отмежеванного им себе угла, на остальной божий мир, неведомый и чуждый, зиявший перед ним огромным темным пятном, в темноте которого исчезали отдельные очертания. Забыто недавнее прошлое, когда П. Аксельрод являлся девственному уму социал-демократа-неофита чем-то в роде буржуазного искусителя, стремящегося вовлечь молодой пролетариат в предосудительную связь с другими общественными группами.

Жизнь с начала текущего десятилетия—и что дальше, то больше,—своим шумом и своей пестротой врывалась в узкий круг сектантских понятий и разрушала цельность кружковой психологии. Легко было сохранять эту ограниченную цельность, пока вокруг было мертвенно тихо, и трудно невозможно, когда российское сонное царство стало, наконец, приходить в движение под напором пролетарской стихии.

Демонстрирующие студенты, вовлекаемые в круговорот борьбы все более широко, непочатые до тех пор слои демократии, земцы, кристаллизующиеся в своего рода оппозиционное средостение; крестьяне, волнующиеся то здесь, то там... с этими новыми факторами общественного развития приходилось считаться, хочешь того или нет. События говорили властным языком, на улице залагались, еще неясными контурами,

основы того боевого сотрудничества, которое должно было, в конечном счете, сокрушить гидру самодержавия. И в тон этим знамениям времени совершался коренной перелом в представлениях русской социал-демократии. Прежняя абстракция, мечта отдельных социал-демократов—писателей и немногих кружков, идея так называемой гегемонии, идея пролетариата, руководящего освободительной борьбой, делала с каждым днем как-будто все более заметные успехи, пытаясь если не облечься в плоть и кровь, то во всяком случае стать «общим местом» в нашей тактике.

Было слишком очевидно, что партии сознательного пролетариата предстоит борьба с самодержавным врагом не один на один, а в сложной комбинации различных общественных групп, преследующих различные цели и пред'являющих каждая свою долю в наследстве к умирающему самодержавию. И очевидным представлялось также, что только она, эта организованная сила рабочих масс, может взять на себя решительный удар в свержении ненавистного колосса. Формула партийной программы, гласящая, что «социал-демократия поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка»,—эта формула еще задолго до своего официального признания кочевала из уст в уста, из одного литературного произведения в другое. Неудивительно, если социал-демократы с удвоенной энергией принялись теперь наверстывать то, что ранее было ими упущено: с головы до ног осматривали они всякого политического дебютанта и расценивали каждый шаг, каждый жест своих возможных союзников. Литература о либерализме росла, формуляр либеральных грехов был исписан до краев, но странное дело: ясности, определенности, отчетливости в отношении к либерально-демократическому конгломерату в литературе было, пожалуй, менее в настоящей разгар политической агитации, чем в то сравнительно глухое время, когда П. Аксельрод писал свое «взаимное отношение либеральной и социалистической демократии» [28]). Партии, не на словах, а на деле полагавшей возможным занять господствующее положение в комбинации сил, направленных против царизма, казалось бы, на первых же порах ее политической ориентировки обязательно дать отчет себе в том, от каких моментов зависит, чем определяется ее отношение к отдельным элементам конгломерата; а затем, как думает эта партия реализовать свое политическое значение в процессе борьбы и группировки, как думает она осуществлять в окружающей ее общественной среде—свое революционизирующее влияние.

А между тем, оглядываясь на истекшие годы, невольно приходишь к тому невеселому выводу, что мысль социал-демократии почему-то обычно застревала в предверии этих задач и что, например, не кто другой, как тот из социал-демократических писателей, который нарочито всегда усердствовал в борьбе со скверной расплывчатостью, в данном вопросе проявил—о ирония судьбы!—максимальную сумму этого непохвального свойства.

II.

Попытайтесь, в самом деле, читатель, произвести над многочисленными статьями Ленина об отечественном либерализме операцию, подобную той, которую чорт у Горького произвел—с неожиданным результатом—над русским обывательским сердцем: освободите писания его от привходящих, хотя в данном случае и почтенных наслоений—публицистического жара, цветов грубоватого красноречия, той стремительности, с которой дубина его аргументации разила политически невоспитанных людей и «половинчатых», «политиканов», и у вас останется в руках вылущенная та куцая маленькая идейка, что либеральная среда до сих пор видит путь к свободе лежащим не через арену нелегальной борьбы, и что «предрасудок» ее заключается в готовности удовлетвориться суррогатом в виде земств с расширенными полномочиями, вместо того, чтобы ставить целью своей —неподдельный конституционный режим. И отсюда резюме: ах отчего они оппортунисты! ах зачем они политиканы! В **этом** беда, и **этим** определяется наше настоящее отношение к ним. Стоит, однако, либералам распроститься с своим скверным «предрассудком», и «мы» ухватимся за них со столь большим восторгом, что даже не спросим, из чьих же вы будете, и к какой, собственно говоря, конституции

приписаны, не спросим потому, что расплывчатому понятию либерала у нас соответствует такое же расплывчатое понятие политической свободы *).

«Мы», социал-демократы, заверяет нас Ленин, направляя парфянскую стрелку в одного из «Аннибалов либерализма», будем «приветствовать» их, либералов, «об'единение», «мы будем поддерживать их требования», «мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно пополняла друг друга» **).

Я рекомендую вниманию читателя эти знаменательные строки: они так чудовищны под пером известного своей непримиримостью правоверного социал-демократа, что, вероятно, у многих возникает сомнение, да так ли это, неужели эти строки напечатаны черным по белому, неужели это не lapsus, не простая обмолвка; потому что, ведь, к азбуке социал-демократической тактики должно бы относиться, что одно дело поддержать либеральное **движение**, направленное против царизма, другое—поддерживать **требования**, которые этому движению вздумалось бы выставить на своем знамени. Так социал-демократия, разумеется по мере своих сил и в форме, отвечающей моменту, поддержит умеренных земцев, если им случится напороться на рогатки полицейского произвола, но ей и в голову не придет—вторить земским пожеланиям созыва собрания из представителей земств и дум. У социал-демократии, как у демократического авангарда для настоящего исторического периода есть свое и совершенно определенное требование, от которого ей нет возможности отступаться ни по каким соображениям компромисса. Это требование учредительного собрания, избранного народом на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. И еще менее может социал-демократия утешать себя иллюзией, что при данной разнородности ближайших задач ее деятельность и деятельность людей с вышеназванным политическим Credo в состоянии при каких бы то ни было условиях взаимно пополнять друг друга.

И, однако, то, что казалось бы иллюзией с точки зрения этой азбуки, становится более или менее понятным, если принять за реальность фантастические представления Ленина о русском либерализме. Либеральная среда В. Ленина есть среда, характеризующаяся, прежде всего, половинчатостью, мягкотелостью и прочими **моральными** особенностями, столь же лестными, сколь отвлеченными от **социального** содержания, которому в данной среде, как и во всякой другой, конечно, быть полагается—о чем в **теории** небезызвестно, разумеется, и Ленину. Морально-ничтожная среда бессильна бороться с гнетущим ее врагом. Значит, заключает Ленин, она отдастся на волю тому, кто поведет эту борьбу во главе наилучше организованной партии, значит, она потащится в хвосте революционной социал-демократии, ковыляя вслед демократическим требованиям (хотя бы эти требования били прямо по щекам ее грушовую физиономию); значит, в направлении последовательного демократизма у нас с ней один путь, и нам надлежит только, считаясь с ее моральными дефектами, **толкать** эту среду к одной общей, нами поставленной цели...

А потому, еще не потрудившись раскрыть общих скобок «либеральной буржуазии», за которыми укрылись разнородные элементы оппозиционного конгломерата, мы «ловим всякого либерала», в надежде подвинуть его на аршин, «когда он собрался подвинуться на вершок»...***) быть может, в сторону от линии нашего собственного передвижения. Непоколебимо веря, что «они» (либералы) «бедны» и «слабы»****), когда мы соц.-демократы богаты и сильны мы приходим вумиление, как от первых колеблющихся

*) См. его статью в № 2—3 «Искры» «Гонители земства и Аннибалы либерализма» [29] стр 93—100. «Об'единение либералов,—пишет он (страница 97),—дело безусловно полезное и желательное, но только такое об'единение, которое ставит своей целью борьбу с застарелыми предрассудками, а не заигрывание с ними, повышение среднего уровня нашей политической развитости (вернее, неразвитости), а не санкционирование его, одним словом, об'единение для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунического фразерства о крупном значении легальной деятельности». См. также его ст. «Политическая борьба и политиканство» в № 26 «Искры» [30].

**) Там же стр. 99.

***) См. его статью в № 16 «Искры» «Политическая агитация и классовая точка зрения» [31]: «Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как-раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин».

****) Когда мы соц.-демократы «богаты и сильны».

шагов начинающего ходить ребенка, от сомнительной программы либеральных реформ и собираемся пустить эту «программу» «в народ», дабы эти «бедные» и «слабые» люди у которых «так мало» в настоящее время там связей, могли побольше таковых завязать *).

Мы суверенно презираем «либеральную буржуазию» и, потому что презираем, избавляем себя, пока-что, от сведения счетов с ее классовой и групповой подоплекою, прекраснодушно полагая, что либеральная буржуазия позволит революционному пролетариату сорганизовать себя, даст продиктовать ему себе «положительную программу действий» и что «все и всякие оппозиционные слои» сгруппируются единственно для того, чтобы оказывать «посильную помощь» освободительному движению социал-демократии **). Мы убеждены в покладистости либерального бессилия и по этому самому, не смущаясь, протягиваем руку—предводителям российского дворянства ***), суля им на «завтра» «союз» с самой неподражаемой наивностью. Мы не прочь поддержать и либеральные «требования»: ведь они нами же будут продиктованы, а на худой конец—окажутся только «половинчатыми» и в таком случае, стало быть, будут знаменовать собой тот «вершок» движения, который приблизит нас к желательному нами «аршину»...

С этой мещаниной взглядов Ленина на среду либерализма тесно сплетена и пресловутая теория хождения социал-демократов «во все классы» и та примитивная, с позволения сказать, гегемония, на слегка аракчеевский лад, при которой подведомственные оной элементы оппозиции, с вытянутыми руками по швам, неукоснительно выполняют предписания идущей церемониальным маршем к своей цели, командующей социал-демократии. С ними связано и еще кое-что, о чем речь будет ниже. Сейчас лишь отметим, что вышеизложенная точка зрения—монстр прошла достаточно-таки неоцененной

*) См. его стетью в № 18 «Искры» «Письмо к земцам» [32]: «Пошлем же привет новым протестантам, а следовательно, и новым нашим союзникам. Поможем им, вы видите, они бедны, они выступают только с маленьким листком, изданным хуже рабочих и студенческих листков. Мы богаты. Опубликуем их печатно. Огласим новую пощечину царям—Обмановым. Эта пощечина тем интереснее, чем «солиднее» люди, ее дающие. Вы видите: они слабы; у них **так мало связей в народе**, что их письмо ходит по рукам, точно и в самом деле копия с частного письма. Мы сильны, мы можем и должны **пустить** это письмо **«в народ»** и прежде всего в среду пролетариата, готового к борьбе и начащего уже борьбу за свободу всего народа».

Заметим, что весь этот шум был поднят Лениным по поводу письма «старых земцев», предлагающих гласным обсудить в предстоящую земскую сессию, и принять ряд постановлений по вопросам, из которых первый гласил: «О пересмотре Положения земских учреждений и об изменении его в смысле: а) предоставления одинаковых избирательных прав всем группам населения без всяких сословных различий при условии значительного положения имущественного избирательного ценза»..., другими словами: при условии сохранении ценза вообще. Комментарии излишни.

) См. «Что делать» (стр. 4): «О том, чтобы наши студенты, наши либералы и пр. сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом, позаботятся не только они сами,—об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы **наталкивать людей, недовольных собственно только университетскими или только **земскими** и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством **нашей** партии, чтобы **посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои** (курс. мой) Мы должны выработать из практиков, социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой, всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и **недовольным земцам**, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и пр., и пр. См. также статью «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (стр. 97): «об'единение либералов возможно в двух формах: посредством образования самостоятельной либеральной (нелегальной, разумеется) партии и посредством **организации и содействия революционерам** (курс. мой).

***) В своем «внутреннем обозрении» в № 2—3 «Зари» он заканчивает характеристику двух предварительских речей (одна из них принадлежала Стаховичу [33]) словами: «А предводителями дворянства мы скажем, прощаясь с ними: до свидания. господа, завтрашние наши союзники» (стр. 403).

социал-демократической критикой,—и это характерным симптомом пережитой, но нами еще до сих пор неизжитой эпохи,—неоцененной во всем ее значении и об'еме, а не в отдельных, более или менее кричащих эксцессах, неоцененной потому, между прочим, что и критика исходила из некоторых основных положений, общих у критики с самим разбираемым монстром. Так, Рязанов [34]) не мало потрудился в свое время для того, чтобы перечислить многочисленные ошибки Ленина. Он сделал много верных замечаний о ленинской тактике в отношении к либеральной буржуазии, но эти замечания фатально заводили его самого в тупой переулок отрицания за социал-демократией вообще руководящей, верховенствующей роли в предстоящей схватке с самодержавным режимом, заводили по той простой причине, что в его собственной концепции русского либерализма—как и у Ленина—не было места таким общественным элементам, на которые социал-демократия могла бы оказать когда бы то ни было свое воздействие в качестве авангарда демократии. Между ним и Лениным разница лишь та, что в то время, как один делал логически правильные выводы из неправильных предпосылок, другой на ошибку своего исходного положения нагромождал еще ошибки никчемных своих заключений. Если либерализм, действительно, таков, каким он рисуется у Ленина, если для того, чтобы оперировать с ним, приходится обращаться ни к кому другому, как к господам предводителям дворянства или к земцам, стоящим за ценз, то в таком случае, конечно, лучше и разумнее выбросить за борт партийной программы, как негодный баласт, самую идею гегемонии и отправить гулять либералов на все четыре стороны, вместо того, чтобы с горя заниматься измышлением прекраснодушно-аракчеевской утопии. Потому что российский либерализм, от которого отнята его исторически-необходимая часть, его движущий нерв, его буржуазно-демократическая половина, годен разве на то, чтобы его бичевали скорпионами.

III.

Но в том-то и дело, что либерализм наших дней далеко уже не то, чем был его одноименный предшественник, блаженной памяти «эпохи великих реформ» [35]) или даже «диктатуры сердца» [36]). Если либерализм 60-х 70-х или начала 80-х годов был par excellence либерализмом землевладельческих групп и отдельных элементов бюрократии, то в настоящее время под старое и лишь слегка реставрированное знамя его собралась уже значительная часть современной буржуазной демократии. Всякий тот, кому за последние годы приходилось следить за общественной жизнью России, не мог, без сомнения, не заметить усиленной демократической **тяги** к обнаженной от всех идеологических наслоений, от всяких пережитков исторического прошлого, к неподкрашенной идее конституционной свободы. Эта тяга была в своем роде реализацией долгого процесса молекулярных изменений в среде демократии, ее овидиевых превращений, заполнявших своей калейдоскопической пестротой внимание и интерес целого ряда сменившихся поколений на протяжении двух десятилетий. Как сколько-нибудь заметная общественная категория, буржуазная демократия дебютировала впервые примерно двадцать лет тому назад, в эпоху интеллигентского разгрома и крепчавшей ежечасно реакции: она дебютировала, выходя из своего доисторического, а отчасти и революционного «подполья», и взор ее, в противоположность традиционным навыкам русской интеллигенции, был обращен не к народу непосредственно, а к достопочтенным «представителям» русской земли. Это был первый акт отмеченного еще Драгомановым [37]) «хождения демократии «в общество и земство».

Скромный и вначале совершенно неполитический акт в тон скромному и совершенно неполитическому времени с культом малых дел, с исканием отрадных явлений в виде лозунгов. И однако, за смиреномудрой внешностью скрывался момент большого потенциально-политического содержания; в этой уродливой форме буржуазная демократия отразила первый луч своего самосознания, в эту форму она отлила свою уверенность в том, что ей найдется и находится место в процессе общественного созидания, что она не отщепенец современности, что, наоборот, ее деятельность, профессиональная деятельность растущих слоев интеллигентной демократии, довлеет себе и обще-

признана, как ценность. Но если такова была **суб'ективная** сторона этого акта, то **об'ективная** гласила, что усложнившаяся потребность времени, тот огромный стихийный процесс, который исподволь и незаметно перекраивал патриархальную Россию на капиталистический лад, создавали непрестанно увеличивающийся спрос на труд интеллигентной демократии, умножали ряды ее, вызывали к жизни несуществовавшие до того элементы и неуклонно вели их к сближению с передовыми слоями имущего и «созидающего» общества. Закреплялось это сближение общностью тех, в своем существе, элементарных задач—удовлетворения запросов культурного развития, которые приходилось отстаивать от врагов обеим сторонам, как демократии, оседавшей во всех наличных общественных организациях (или вокруг них группировавшейся), так и самим организациям, приобретавшим известный налет демократичности и расширявшим размах своей деятельности под напором этих новых элементов. Но более десятилетия понадобилось на то, чтобы невидная вначале деловая кооперация постепенно пропиталась общественно-политическим содержанием и стала кристаллизационным ядром либерально-демократического движения. Культурник начала 90-х годов, деятельный член безвременно погибших комитетов грамотности, оратор (нередко «марксист») ученых заседаний тех обществ, где даже в вопросах агрономии и техники звучали нотки общественной оппозиции, земский «третий элемент», не дающий покоя губернаторам, это лишь вехи на одном и том же политическом пути, и в то же время это только наиболее рельефные фигуры из единого либерального пролога. К началу настоящего столетия пролог истории кончается и начинается как будто-бы что-то в роде либеральной истории.

С небольшим через год после мартовских дней 1901 года [38]) впервые заявила о себе так назвавшая себя «конституционная партия», и либерализм новейшей формации получил, наконец, свое организованное литературное выражение. Правда, до «партии» еще было далеко, но уже не подлежало сомнению, что консолидация земских либеральных кругов и буржуазной демократии подвинулась намного вперед: об этом красноречиво говорил самый факт появления литературного органа и еще более красноречиво говорило его содержание.

«Освобождение» [39]), заявившее себя «регистратором земской политической мысли», рождено, оборудовано, вспоено и вскормлено той самой демократией, которая пошла в «либералы», как некогда ходили в народ и как еще вчера известная ее часть гуляла в «марксистах». Но в этом заключалась и причина той двойственности, печать которой лежит на всех номерах этого органа от первой и до последней страницы. Многолетний процесс сближения не в силах был стереть существенного различия в общественных воззрениях сближающихся групп, продиктованного различием их социального положения.

Как должно совершиться политическое освобождение России, с народом или без его участия, таков был проклятый вопрос, разделявший союзников и всплывавший то-и-дело наружу, несмотря на эквилибристическое таланты бывшего марксистского писателя. Буржуазная демократия решила его иначе чем земцы, земцы иначе чем буржуазная демократия.

Хотя и повернутая лицом к представителям имущего общества, демократия не могла ограничиваться тем, чтобы показывать спину народу: слишком близка была ее связь с ее собственными революционными побегами, слишком свежи воспоминания о недавнем еще культе народа. Она была достаточно «учена» и научена—и прошлым своим и своим настоящим,—чтобы не знать, что сознательная или еще лучше полустихийная волна народного протеста есть незаменимое оружие либерального движения. Она была, сверх того, достаточный скептик, чтобы не бояться перспектив революционных идеологий и понимать, что буржуазному миру не грозит отсюда никакой внезапной опасности. Она была частью буржуазного общества, но—как я уже имел случай говорить (см. № 35 «Искры» «О двуликой демократии»),—она была той его частью, которая «не принимала непосредственного участия в эксплоатации труда капиталом и крестьянина помещиком», и, как таковая, была нарочито восприимчива, как для реформаторства в сфере экономических отношений, так и для политических требований демократизма. Конечно, в своем оппортунизме (а непременно оппортунистичен тот общественный слой,

который никогда не сознавал за собой исторической силы), она стократ была готова променять демократическую последовательность на минутный успех сегодняшнего дня конечно, она пассовала до сих пор всякий раз, когда выступала на сцену классовая «умеренность» тех, кто шел с нею в союзе и был хозяином большинства облюбованных ею организаций, но—«интеллигентный» авангард идущий за нею вслед «неинтеллигентной» большой демократии—она не чувствовала того органического антагонизма между собою и народными массами, который так отчетливо ощущали ее союзники, и, сомнительный, ненадежный приверженец идеи всенародного представительства, не была во всяком случае этой идее принципиально враждебна.

Зато иную картину представляла собою имущая и, в частности, земская половина союза. Крепко засевшая в своих организациях, она казалась заманчивой архимедовой точкой, опираясь на которую, рычаг демократической агитации мог бы сдвинуть громаду самодержавия. И она подлинно была опорой демократии и дружно работала с нею вместе до тех пор, пока дело касалось общекультурных задач развития. Но она обнаруживала поразительно ничтожную подвижность во всем, что выходило за эти пределы, и становилась абсолютно инертной и неподатливой всякий раз, когда на поверхность всплывал вопрос неприкрытый, откровенной политикой: здесь она чувствовала себя между молотом и наковальней, здесь она сознавала себя в тисках промежуточного своего положения. У нее было недостаточно веры в свои собственные силы, чтобы рисковать на самостоятельную политику, хотя бы и пользуясь услугами демократического союзника, и слишком много классового недоверия и классовой неприязни к народу, чтобы захотеть, хотя бы и малую долю пути, итти с ним вместе, нога в ногу. Народ для нее был в лучшем случае подходящим об'ектом культурной попечительности, но никогда суб'ектом осмысленного политического действия, и растущее брожение масс рефлектировалось в ее голове, как та «общая почва классовых и эгоистических интересов», которая не менее опасна, чем самая «близорукая и неумелая» самодержавная бюрократия. Инстинкт привилегированного собственника заботливо переводил неприглядную прозу классовых противоречий на поэтический язык идеалов и общего блага, он смело подсказывал ей тезисы в роде тех, что дать народу политические права равносильно скачку в неизвестное, или что слишком решительная демократизация земской избирательной системы означала бы господство толпы, оскверняющей все своим невежеством. И подобные речи раздавались не в среде тех земцев, которые едва еще успели прикрыть в себе «дикого помещика» фиговым листком вольномыслия. Нет, мы слышали эту музыку и от московского г. Шипова [40]), и от саратовского г. Львова,и от тверского г. Кузьмина-Караева, мы слышали целый оркестр «конституционной партии»и «группы земских деятелей», мы слышали и слышим до сих пор, как «рекут» на «внутреннего врага» «всяк зол глагол» разные именитые столпы либерального отечества...

Антинародные черты «умеренной», правой половины либерального единения не подлежали какому бы то ни было сомнению.

Понятны отсюда те трудности, которые предстояло разрешить литературному выражению этого союза, тому органу, который с первых же шагов своих задавался сомнительной похвальности целью—притупить внутренние противоречия союза, усердно ловя равнодействующую неоднородного общественного мнения. И понятно также, что в погоне за этой равнодействующей— при наличном соотношении сил, он постоянно делал реверансы своей Дульцинее—«умеренности»,—и что за этими реверансами периодически следовали на его столбцах вспышки плохо скрытого чувства накопившегося недовольства демократии. Изумляться приходится разве только долготерпению демократии, ее политической невзыскательности, тому, наконец, что, нах«дясь в сфере ее постоянного внимания, орган г. Струве не проделал еще больше зигзагов в своем курсе, чем он их совершил в действительности.

III.

Но раз все это так, раз подлинно таков был оппозиционный конгломерат, с которым приходилось иметь дело российской социал-демократии, раз подлинно под кровом и флагом либерализма в течение целого ряда лет происходило нарастание демократических

элементов страны и медленная, правда, но идущая неуклонно вперед их кристаллизация, то совершенно ясна была миссия, которая возлагалась историческим ходом вещей на партию, не без некоторого права носящую гордое название авангарда демократии.

Что значило, в самом деле, это имя? Оно значило, что социал-демократия—для данного исторического момента—претендует на роль демократического собирательного центра, что все группы, организации, неоформленные даже течения, в которых есть хотя зерно демократизма, тяготеют к сближению с ней во имя очередной задачи и внимательно прислушиваются к ее лозунгам. Оно значило, что социал-демократия действительно имеет животворящий демократический лозунг, который, как маяк, светит в ночи абсолютизма всем маленьким людям России. Оно значило, что под гегемонией сильнейшей и единственно последовательной демократической организации народная Россия мобилизуется против России антинародной, хотя бы и одетой в мундир конституционализма. Оно значило бы, это гордое имя, если бы ему отвечало реальное содержание в действительности, **разделение** в оппозиционном конгломерате, разделение—если можно так выразиться—**по линии демократизма** и соответствующее этому разделению **новое сочетание** общественных сил.

Вся история слагающихся и слагавшихся многие годы общественных отношений России, казалось, вопияла о той силе, о том классе, которые пришли бы «володеть и княжить» пробуждающийся к политической жизни демократией, «володеть и княжить», не в феодальном—ленинском смысле этого слова, разумеется, согласно которому гегемонию осуществляют агенты разных степеней, организующие и приводящие к присяге вассальных земцев, студентов, статистиков и прочих всякого звания людишек, а в том единственно-реалистическом, по которому партия сознательного и борющегося пролетариата втягивает в сферу своего влияния демократию—как самым фактом своей собственной усложняющейся и развертывающейся деятельности, так и отвечающими этой деятельности тактическими приемами и лозунгами. Втягивать—не значит еще ассимилировать, не значит сливаться; даже такой могучий, единственный в мире, организм, как германская социал-демократия, оказывался способным до сих пор усваивать лишь сравнительно незначительные обломки непролетарских и непролетаризирующихся общественных слоев; тем более было бы опрометчиво думать о такой ассимиляции en masse *) нашему молодому движению. Но тем более нужна была определенная связь—как в действии, так и в цели,—которая держала бы буржуазно-демократические элементы в постоянной фактической зависимости от организации par excellence долженствующей собою представлять интересы демократического развития.

И эта связь, эта спайка естественно давались тем...‘minimum‘ом демократизма, который зовется всеобщим, равным, прямым и тайным избирательным правом. Естественно, казалось, провозгласить этот минимум своим и общедемократическим лозунгом и понести его в широкие пролетарские массы, которых вместо этого пробавляли либеральной, расплывчато-конституционной формулой—«долой самодержавие», бережно храня в «кармане» программы всю серию партийных демократических требований, с демократической республикой во главе. И если бы понесла, тогда, конечно, ответный массовый клич мог бы прозвучать призывным набатом, обращенным ко всей народной России.

И, однако, мысль социал-демократии была в такой степени далека от чего бы то ни было подобного, что когда моя резолюция на прошлогоднем партийном с‘езде [41]) сделала первый шаг к признанию этого требования лозунгом партии, тем, что включила всеобщее избирательное право в число ультимативных условий, от выполнения которых либералами зависит возможность совместных с ними действий социал-демократии, то такой типичный представитель целой полосы нашей партийной истории, как Ленин, нашел пред‘явление подобного требования мелочным и неправильным.

* Революционная (соц.-дем.) разновидность разночинной интеллигенции—особенно в настоящее время—только небольшая струйка по сравнению с общедемократическим буржуазным потоком.

Мелочно, изволите ли видеть, всякий раз, когда представляется возможность оказать реальное давление на оппозиционные группы, заставлять их, как немцы говорят, показывать окраску (Farbe bekennen), преподносить им неотразимый реактив своего требования, лакмусовую бумажку демократизма, и класть на весы их политического расчета всю ценность пролетарского содействия. Мелочно пользоваться в сношениях с ними... тем испытанным орудием, при посредстве которого когда-то Лассаль [42]) вывел из прогрессистского плена германских рабочих и заложил фундамент великой партии. А неправильно, де, потому, что «неразумно было бы» временные соглашения «об'являть ни в каком случае недопустимыми с такими либерально-демократическими течениями, которые выставляли бы лозунг цензовой конституции, куцой конституции вообще. В сущности, именно сюда подошло бы «течение» г. г. «освобожденцев», но связывать себе руки, запрещая наперед «временные соглашения» хотя бы и самыми робкими либералами, было бы политической близорукостью, несовместимой с принципами марксизма» *).

Так писал—лета 1904 г.—тот самый человек, обычно козыряющий своей непримиримостью, который до сих пор не устает с упорством маниака, изловлять повсеместно бациллу оппортунизма. Так писал он как-раз в то время, когда идея всенародного представительства уже начинала принимать конкретные очертания. Но ошибся бы тот, кто нашел бы этот ленинский взгляд неожиданным, не вытекающим с логической неизбежностью из всего его прошлого. Он был роковым, если угодно—трагическим последствием той позиции, которую Ленин занимал в отношении к либеральному движению с тех пор, как жизнь заставила его прежнюю алгебру абстрактных положений (и пока абстрактных, довольно верных—см. его «Задачи русских социал-демократов»[43]) заменить арифметическими величинами современных общественных отношений и связанных с ними тактических вопросов. Как серьезного общественного процесса, для него не существовало того демократического под'ема, который очерчен был выше. Все более и более определяющийся облик буржуазной демократии заслонялся от него цензовыми фигурами, а отдельные интеллигентные слои и прослойки представлялись простым резервуаром, без самостоятельного общественно-политического содержания,—резервуаром, из которого почерпали свои силы самые разнообразные направления. Вот почему, хотя и либеральная демократия и значилась иногда в его литературном лексиконе **), но она проваливалась в тартарары всякий раз, когда на сцену выступал вопрос партийной политики, когда необходимо было определить свою тактическую позицию. Вот почему для него либерализм был всегда либерализмом цензовых групп, и в числе его низменных «союзников» обязательно фигурировали умеренный земец и предводитель российского дворянства, т.-е. как-раз такие общественные элементы, которые процессом роста социал-демократического движения должны были все сильнее отталкиваться от социал-демократии—даже и в настоящий период борьбы с абсолютизмом (а он, мудрец, стоял все на том, что их можно подталкивать). Что же удивительного, что он не пошел на мою резолюцию: ведь она ставила крест над его «бессмысленными мечтаниями», ведь она упразднила его давнюю idee fix о «взаимном пополнении» умеренными земцами и социал-демократами своей политической деятельности. И совершенно понятно, совершенно в порядке вещей, что ему не было дано уразуметь и принять той концепции социал-демократической гегемонии, которая легла в основание этой резолюции.

Для меня вопрос о гегемонии и ее осуществлении в борьбе за политическое освобождение России принимал конкретные формы в вопросе о всеобщем избирательном праве, как собирательном лозунге и ультимативном требовании; для меня этот ультиматум социал-демократии, обращенный ко всем, хотя бы в минимальной степени демократическим элементам страны, был тем передаточным механизмом, при посредстве которого—в каждый данный момент—социал-демократия могла бы на всякую желающую войти с ней в сношения организацию или группу произвести надлежащее давление всей тяжестью своей положительной работы, всем весом своих пролетарских легионов;

*) См. Ленин «Шаг вперед, два шага назад», стр. 97 и 98.
**) См., напр., поверхностностные строки, посвященные ей в предисловии ко 2-му изданию его «Задач».

при посредстве которого, верша свое пролетарское дело, она в то же время творила бы работу радикализации, демократизации стремящейся к свободе России.

Иным представлялся вопрос для Ленина. «По Ленину», гегемония осуществляется «хождением» социал-демократов «во все классы» и приобщением к социал-демократической армии либеральных буржуазных элементов (вплоть до земцев), «организуемых партией борющегося пролетариата в какие-то специальные подсобные отряды или вернее—«общества для содействия» социал-демократии. Звеном же между всей этой разномастной толпой служила—по тому же Ленину—«организация действительно всенародных обличений правительства» (см. «Что делать»), мыслимая им, как монопольное владение социал-демократии—жизнь, увы, показала с тех пор, что именно в данной области либерализму легче и удобнее всего эмансипироваться от влияния этой партии.

Если с моей точки зрения идея всеобщего избирательного права или идея всенародного представительства должна была стать центральной идеей всей эпохи освобождения России от ярма абсолютизма и практическим фокусом воздействия социал-демократии на все вне ее стоящие общественные группировки,—то для Ленина она была той технической подробностью, той конкретной деталью, о которой не место толковать на партийном с'езде и относительно которой «во сто раз рациональнее было бы предоставить «сговориться» центральным учреждениям партии» (см. «Шаг вперед», стр. 99). Партийные центры ведут переговоры с своими «контрагентами», торгуются с ними и затем представляют результат своей сделки, как fait accomplè верноподанному партийному народу. Принимая же во внимание аутентичное признание самого Ленина, что «неразумно было бы об'являть ни в каком случае недопустимыми» временные соглашения с адептами «куцой конституции» («Шаг вперед», стр. 98), можно легко себе представить, во что обратилась эта торгово-политическая сделка—если бы она производилась по Ленину—и при каком, с позволения сказать, «пиковом интересе» остался бы одураченный, идущий за социал-демократией и в рядах ее, российский пролетариат. Ведь одна маленькая уступка, одна ничтожная подробность в системе избирательного права—и миллионы людей выброшены дельцами освободительного движения за борт той России, которая ждет наделения себя правами политического гражданства.

Все одно к одному. Одна ленинская ошибка тянула за собой другую и большую: обычные рационалистические приемы его мышления помогли неправильной оценке российского либерального конгломерата лишить реального содержания концепцию гегемонии; пустоутробная идея «ассимиляционной» гегемонии свела на-нет идею всеобщего избирательного права; и, наконец, отсутствие какого бы то ни было лозунга привело прямиком к заветным берегам оппортунизма. Такова была трагикомедия этой в своем роде логичной нелогичности. Ленин очутился, в конце-концов, в положении мольеровского героя-нимало не подозревающего о том, что все время упражняется в прозе...

IV.

Чтобы, наконец, покончить с Лениным, еще два слова об его замечаниях на мою резолюцию.

Как и следовало ожидать, и оба прочих ее условий кажутся ему неприемлимыми: либералы на них не пойдут. Почему?— Потому, что «не бывало и быть не может таких либерально демократических течений, которые не выставляли бы в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и не затемнили его (пролетариата) сознание». Потому, что «быть либералом и становиться решительно на сторону социал-демократии (в борьбе с самодержавием)—одно исключает другое». («Шаг вперед», стр. 98).

Это заявление весьма характерное, но и столь же неверное. Я попросил бы, напр., почтенного Ленина указать мне на **антидемократические или антипролетарские требования** (а только о таковых и шла речь в моей резолюции) в программах, ну, скажем, французских радикалов (Клемансо [44]) и компания) или итальянских республиканцев. Я попросил бы его раз'яснить мне, почему отдельным фракциям бельгийских либералов дозволительно было становиться на сторону социал-демократии в борьбе за избирательную реформу начала 90-х годов, а российским сего не полагается делать—в великом

освободительном движении *). Но, разумеется, резолюция имела в виду не «все и всякие оппозиционные слои», она, конечно, метила не в тех предводителей дворянства, которые обретаются искони в монопольном владении сурового Ленина (см. его внутр. обозр. в «Заре»), а лишь в небольшое, либеральное земское меньшинство, находящееся в сфере непосредственного влияния передовых элементов буржуазной демократии. И, конечно, last, but not least **) она прежде всего исходила из того предположения, что российская социал-демократия представляет собой, как **партия рабочих масс,** ту реальную, гигантскую силу, с которой одной приходится серьезно считаться царизму и которую одну приходится принимать в расчет «всем и всяким» организациям и группам. И только в **этом** последнем случае, если справедливо **это** исходное положение, если **действительно** социал-демократия являет собою правильно функционирующий партийный организм, найдется достаточное число охотников из среды оппозиционного конгломерата стать «на сторону» социал-демократии.

На этом мы можем расстаться, пока-что, с злоключениями Ленина. Но расставаясь, мы оказываемся опять стоящими перед тем же проклятым вопросом, что и в начале нашей статьи. Не был же Ленин в самом деле каким -то уродом в среде российской революционной социал-демократии. Ведь то, что он писал, покрывала в значительной мере собой как малая коллективность—редакция, так и большая—социал-демократическая партия. Если одна, игнорируя, молчала, то другая подымала на щит его «несосветимые глупости».

И, несомненно, ленинские «глупости» не индивидуального только происхождения, а и характерный симптом того недуга, которым болела и болеет до сих пор российская социал-демократия. Этот недуг поражает ее волю и помрачает сознание.

Но об этом мы скажем особо.

БОРЬБА С „ОСАДНЫМ ПОЛОЖЕНИЕМ“ В РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [45]).

(Ответ на письмо Н. Ленина). Перепечатано сокращенно с изд. 1904 г. из брошюры Л. Мартова.

Pro Domo sua. ***)

Товарищи знают, что здание «осадного положения», против которого мы теперь боремся, должно было—по мысли его архитекторов—покоиться на твердом основании небольшой группы лиц, облеченных доверием «большинства». В «состав» этого фундамента должен был входить и пишущий эти строки, на него «рассчитывали». Смею думать, что не в качестве «незыблемой гранитной скалы», а скорее в качестве некоего цемента. Я не знаю, сильно ли меня скомпрометировал в глазах массы товарищей этот факт, но меня лично он заставил «вникнуть» в очень многое и рассмотреть в какой мере я повинен в том, что «ввел в соблазн» архитекторов. В результате этой работы я и пришел к выводу, что настоящую брошюру должен написать я.

Дело вот в чем. Картина «осадного положения», как установленного «волей партии» нормального состояния ее жизни, не только никогда не носилась перед моими глазами, но я совершенно определенно боролся внутри организации «Искры» против тенденций, которые могли бы сделать это положение неизбежным. Проектированный мною устав партии [46]), с которым я месяца за два до с'езда познакомил тов. Ленина и нескольких товарищей-практиков, достаточно ясно выражал это мое отрицательное отношение к «гипертрофии централизма» (за вычетом некоторых

*) Даже в Германии, где вырождение либерализма достигло наибольших размеров, свободомыслящая группа Барта оказалась вынужденной, два года тому назад, во время парламентской борьбы из-за таможенных пошлин, стать «на сторону» немецкой социал-демократии и следовать лозунгам Зингера.

**) Последнее по счету, но не по важности.

***) Про себя.

второстепенных частностей, неудовлетворительность которых мне выяснил наш опыт с ныне действующим уставом, я мог бы и теперь подписаться под этим проектом). Если я отказался от внесения этого проекта на с'езд, то лишь в силу своего «искровского» воспитания, которое, во-первых, внушило мне—как и большинству «искровцев»—пренебрежительное отношение к уставам вообще и их значению для преследуемых партией задач; а во-вторых, заставляло меня **прежде всего избегать** внесения какого бы то ни было диссонанса в тактику того основного организационного ядра, каким была «Искра». *) Так как, ознакомившись с моим проектом, тов. Ленин составил свой контр-проект и заявил желание представить его на **с'езд от своего имени**, а не через редакционную комиссию, и так как автор «Что делать?» и «Письмо к товарищам» мог претендовать считаться «специалистом» по организационным вопросам, то я счел более удобным ретироваться с своим особым проектом, чтобы на с'езде выступить только против тех частностей проекта Ленина, которые мне казались **абсолютно-несогласимыми** с интересами партии (опека Ц.О. над Ц.К., контроль Ц.О. над составом последнего и т. д.). Повторяю, тут играла немалую роль уверенность, что дело не в уставе, а в «фактической конституции», которая, как мне и многим из нас казалось, определяется сплочением всей партии около ядра завоевавших своей работой доверие профессиональных революционеров, об'единенных общим идейным знаменем и умеющих исправлять на деле недочеты и недостатки устава, который нам приходилось писать, не имея никакого опыта **оформленных** организационных отношений между отдельными частями партии.

События на с'езде показали, что основная посылка этого построения—уверенность в том, что известное организационное ядро будет «естественно» поглощать все наиболее влиятельные партийные силы—оказалась несостоятельной. Разные **оттенки** выступили перед лицом представителей партии, и более «последовательным» должен был, естественно, показаться тот из них, который раньше других **освободился от уз, связывавших до тех пор** членов обособленных организационно партийных групп. Выступивший с самого начала отдельно от редакции и от орг. «Искры» **с своим** проектом устава тов. Ленин с первых же шагов нашего расхождения на с'езде апеллировал «ко всем», а не к одним лишь членам фактического «ядра». Это было его право, и наша—«меньшинства»—**ошибка** состояла в том, что мы не заметили своевременно наступившей, благодаря этому «повороту» Ленина и его сторонников, необходимости тотчас же подчеркнуть возможно **резче** свое несогласие с «твердым» крылом «искровцев». Вместо того, чтобы представить свой проект устава партии и вызвать принципиальные дебаты **по всей линии** организационного вопроса в целом, мы—держась тактики, подсказанной положением дел, как оно определялось до с'езда,—ограничились внесением поправок, сосредоточили «атаку» на наиболее «зловредных» пунктах и не только таким образом содействовали «безданному» прохождению некоторых достаточно-таки «твердых» пунктов, но в отдельных случаях, как уже замечено было в № 53 «Искры» (см. «Наш с'езд» [47]), мы **проглядели** совершенно здоровое зерно в критике, исходившей от «анти-искровских» элементов с'езда. Во имя охранения **сплоченности** «**искровского**» **ядра** мы (и я более других) ослабляли, таким образом, силу своего противодействия известным тенденциям, нами заранее осужденным, и ослабили иной раз именно в тех случаях, когда более энергичное наше противодействие могло бы оказаться очень полезным. Я думаю, что эта ошибка всецело об'ясняется резкостью перехода **для всех нас** от политической жизни тесного кружка к обстановке события партийного, так сказать, масштаба (вероятно, той же причиной могут быть об'яснены и некоторые «эксцессы» в противном лагере). Этот именно резкий переход сделал возможной самую, кажется, крупную из совершенных мною лично частных ошибок—я имею в виду свою роль в небольшом столкновении, происшедшем на 3-м заседании с'езда между большинством «искровцев» и

*) Это же соображение, насколько я знаю, побудило и некоторых членов Организационного Комитета, несогласных с проектом устава тов. Ленина, отказаться от мысли представить контр-проект, чтобы ограничиться предложением частных поправок к проекту Ленина.

Орг. Комит [48]). Небольшому столкновению по ничтожному вопросу суждено было наложить печать на весь ход дальнейших работ с'езда. Выступая в числе других против внесенного О.К. предложения, я думал, что борюсь против этого частного предложения и только. На деле вышло так, что я принял активное участие в событии, которое Ленин позднее назвал «разгром Орг. Комитета», разгромом единственного фактического центра, бывшего в состоянии, по своему влиянию, парализовать вредные тенденции, которые впоследствии должны были проявиться на с'езде со стороны центра «искровского». И притом это был единственный центр, организованный хотя и при помощи «Искры», но на гораздо более широких, более **партийных** началах, чем те, на которых могла создаться «кружковая» организация «Искры». Позднейшие события показали, что упомянутый «разгром» проложил дорогу провозглашению «осадного положения», будучи использован для возбуждения недоверия массы делегатов сначала к О.К., в частности, а затем, ко **всякому независимому «практическому» центру**, вообще. Не заметив во-время, как **может быть** использовано столкновение с О.К. теми, кто в основу своих организационных планов более или менее сознательно ставил «закрепление» путем гегемонии Ц.О. над Ц.К. «осадного положения», я, сначала, bona fide, выступил против определенного шага Орг. Ком., показавшегося мне ошибочным, а после **того, как заметил**, не оказал достаточно энергичного противодействия натиску, о последствиях которого упомянул выше. Если бы «Искра» осталась сплоченной, дело легко было бы поправить. Но именно инцидент с Орг. Ком. внес разделение в среду «искровцев», так как различная оценка политического смысла только-что происшедшего столкновения ярко осветила различные позиции двух частей организации. Увидев, что он почти одинок среди бывших на с'езде сколько-нибудь влиятельных членов «Искры», тов. Ленин апеллировал к большинству местных деятелей, чтобы на нем воздвигнуть свою систему *).

Я не могу судить, насколько умело и решительно действовал я на с'езде после того, как смысл всего вышеизложенного был нами—«меньшинством»—понят и мы увидели перед собой быстро воздвигавшееся на наших глазах здание «осадного положения», которое, повторяю, никогда прежде не рисовалось ни мне, ни большинству деятелей «Искры». Не берусь судить также, насколько нашу ошибку «оправдывает» обусловленная успехом **прежней работы** «Искры» уверенность в том, что сплоченность «искровского» ядра должна быть сохранена во что бы то ни стало. В известном смысле «виноват» всегда тот, кто оказался побежденным, потому что не принял во внимание в своих расчетах какого-нибудь фактора. Но сознание сделанной, если хотите, тактической ошибки, а следовательно, и падающей на нас доли ответственности за неудачную часть результатов с'езда заставило и меня, и все «меньшинство» **умерить** сознательно формы нашей собственной борьбы против провозглашенного на с'езде режима. Сознавая, что мы могли бы—при большей, что ли проницательности—предотвратить кое-что из совершенного зла, мы психологически, быть может, **и не могли** об'явить сразу решительную и беспощадную войну принципам «осадного положения».

Я лично думаю, что «меньшинство» **в этом отношении** было право. Нужно было дать партии время освоиться с результатами с'езда—положительными и отрицательными. Нужно было дать «большинству» время проверить свои принципы на практике,—быть может, эта практика «смягчила» бы некоторые из этих принципов.

К сожалению, последнего не случилось. Избежать открытого—по всей линии—столкновения двух систем организационных взглядов оказалось невозможным. А в таком случае, по всей справедливости, весь odium восстания против осадного

*) Значит, правы те, кто утверждает, что именно Ленин—в отличие от «меньшинства»—вел не кружковую, а партийную политику. Нисколько. Освободивши себя от «контроля и руководства» того ядра, которое до тех пор шло во главе партийной работы, Ленин апеллировал ко всей партии для того, чтобы увековечить **господство над партией** еще более тесного и уже совершенно «искусственно» подобранного кружка.

положения должен взять на себя пищущий эти строки в качестве того члена «меньшинства», который не дооценил во-время некоторых опасностей и который, быть может, за это именно был причислен архитекторами «осадного положения» к числу лиц «менее вредных», и сравнительно «пощажен» в первое время «торжества победителей».

* * *

1. Нечто о попытках «перерешения» некоторых решений.

Если тов. Ленин утверждает, что он с нами разошелся в вопросе о допустимости «переделки решений партийного с'езда в угоду заграничному кружку»[49]), то он, без сомнения, думает этим обвинить кого-то в тяжком нарушении партийного долга. Но, предпринимая эту попытку, он, сам того не замечая, обвиняет не кого другого, а с'езд, принявший якобы такие решения которые **могут быть перерешены** заграничным кружком. Если бы решения с'езда висели в воздухе настолько, что могли бы быть «перерешенными» каким бы то ни было кружком, это значило бы, что за этими решениями не стоит **воля партии**, что они носят случайный характер. Ни кружок, ни отдельный член партии не могут быть обвиняемы в том, что стремятся «перерешить решение с'езда». Каждый член партии, каждая группа всегда старается «перерешить» то, что, на ее взгляд, представляется идущим в разрез с партийными интересами или недостаточно отвечающим этим интересам. Не старался ли тов. Ленин на с'езде после того, как § 1 устава партии, по его мнению, положив в основу организации ложный принцип, при обсуждении следующих пунктов устава «взять реванш», чтобы тем самым «перерешить» состоявшееся уже решение с'езда—в том смысле, чтобы ослабить возможность вредных, на его взгляд, последствий, которые могли вытекать из принятия **партией** этих пунктов? После того как с'езд, вопреки мнению тов. Ленина, постановил, что Совет Партии не выбирается на с'езде, а назначается (кроме одного члена) Ц.О. и Ц.К., не поставил ли себе тов. Ленин задачей уменьшить число членов редакции, избираемых с'ездом, чтобы тем самым **предрешить**» состав части Совета и, следовательно, «перерешить» решенное § 5 устава. Очевидно, что только такими «перерешениями» могут исправляться фактически-неизбежные в партийной работе ошибки и отклонения, и тот, кто в том или другом акте видит ошибку, не может не стремиться к «перерешению» сделанного.

Но одно дело, думает тов. Ленин, когда перерешает сама партия, и другое дело, когда перерешает кружок, да еще заграничный! Но тут-то и возникает вопрос: где же, на самом деле, перерешение партийных решений кружком? О каком решении идет речь, тов. Ленин? Повидимому, о решении выбрать в редакцию Ц. О. трех человек. «Перерешать» это решение было бы фактически невозможно. С'езд выбрал, правда, не 3-х, а двух человек, наделив их по § 12 устава [50]) правом **ничем неограниченного изменения своей коллегии**. Если эти избранные затем решили ввести в свою коллегию тех самых лиц, которые с'ездом не были выбраны, то они воспользовались своим несомненным правом, ибо, повторяем, никакого ограничения в этом праве устав партии не устанавливает. Но кооптировать тех самых лиц, которые не были утверждены с'ездом, спросит нас тов. Ленин, как спрашивала нас «Рев. Росс.»(Les beaux espritsse rencontrent), как спрашивали уже некоторые товарищи из «большинства»? Значит, невыбор старой редакции, спросим мы, означал именно **нежелание** иметь в редакции Засулич, Аксельрода и Старовера? Но, в таком случае, тов. Ленин, как об'ясните вы тот факт, что и вы, и ваши наиболеее видные сподвижники на партийном с'езде **категорически** отрицали возможность такого именно толкования вотума с'езда о неутверждении редакции «Искры»? Как об'ясните вы категорические заявления о том, что замена «шестерки» «тройкой» была вызвана исключительно техническими соображениями—интересами упрощения редакционной работы? Как об'ясните вы речь в этом смысле несомненного лидера большинства, тов. Глебова[52])?

Как об'ясните вы слова другого, еще более видного лидера, пресловутого тов. Павловича [53]), который, отвечая на упрек, что постановление о выборе «тройки» означает ничем не мотивированное уничтожение старой редакции, заявил: «напоминаю вам о праве кооптации», т.-е. кооптации тремя избранными остальных—неизбранных—членов коллегии, если это окажется нужным? Как об'ясните вы **свой собственный** категорический протест против моего заявления, что неутверждение старой редакции являлось «существенным ограничением того вотума доверия «Искре», который принял с'езд после принятия программы? И если верно, что решение с'езда, состоявшее в **неутверждении старой редакции,** надо понимать, как **нежелание партии видеть в редакции трех определенных лиц,** то как вы об'ясните, тов. Ленин, тот факт, что еще на с'езде—в последний день его заседаний—вы делегировали ко мне тов. Глебова с предложением кооптировать этих самых лиц, если я соглашусь войти в коллегию и если мы четверо дадим вам одно определенное обязательство. Как об'ясните вы, что в течение трех, по крайней мере, недель после того вы многим товарищам говорили о возможности такого акта при условии выполнения этого именно обязательства? Как об'яснит все это тов. Ленин, если «перерешать данное решение с'езда» составляет политическое преступление? Быть может, все это об'ясняется тем обстоятельством, что упомянутое выше **обязательство гласило**: «мы обязуемся избрать в число двух делегатов от Ц.О. в совете партии»... тов. Ленина?

Само собой разумеется, что для того, кто решительно отрицает наличность глубоких разногласий между «большинством» и «меньшинством» (а это делает Ленин), [54]) для того, кто к понятию «вождя партии» относится с серьезностью политического деятеля, а не с оппортунистическим легкомыслием **демагога** (а последнее именно характеризует манеру тов. Ленина),—для того немыслима самая постановка вопроса, как ее пытается дать тов. Ленин. Партия, выбирая в определенную коллегию определенных лиц, **тем самым «не выбирает»** всех остальных возможных и невозможных кандидатов. Всякое расширение состава избранной коллегии путем кооптации вводит в нее лиц, в этом смысле «невыбранных», и приглашение этих последних теми, кто выбран на с'езде, тем самым переносит на них «благодать избрания», хотя бы это и были лица, в первоначально избираемый состав не попавшие. От с'езда до с'езда «естественным» путем самопополняющийся Ц.К. может совершенно изменить свой состав, сравнительно с первоначально избранным, а вместе с коренным изменением личного состава может измениться—совершенно незаметно и постепенно—политическая физиономия этого учреждения. Предположим, что первоначально выбранные на с'езде три члена Ц.К. кооптируют, скажем, новых членов и по какому-нибудь важному вопросу (напр., в вопросе о тактике по отношению к «оппозиции») окажутся в расширенной коллегии в меньшинстве. Можно ли и в этом случае говорить о «перерешении» решений с'езда вотумом коллегии? Нельзя—если только помнить, что социал-демократическая партия свою политику формулирует не в **составе** своих ответственных учреждений, а в решениях программного, тактического и организационного характера, ставящих тесные рамки **всякому составу;** если помнить, что на с'езде мы выбираем своих **ответственных представителей,** а не **«вождей»,** в том смысле, в каком Швейцер [55]) был вождем лассальянцев. Только понимая в таком **швейцерианском** смысле акт избрания, можно в самопополнении избранной коллегии в известную сторону видеть «перерешение» партийной воли. И такое понимание значения наших партийных учреждений стоит в самой тесной связи с тем упрощением задач социал-демократической организации, о котором говорит П. Аксельрод в своей замечательной статье (№ 55 «Искры») [56]). Только подменяя вопрос о социалистическим сознании членов партии и социалистическом содержании их работы вопросом о «надежности» облеченных сильной властью «центров», можно договориться до того, чтобы видеть в акте выборов специфическое выражение «воли партии par exellence. Такой плебисцитарно-наполеонистский смысл организации центральных учреждений вполне об'ясняет, конечно, тот фанатизм или «бешенство» (употребляя его собственное выражение), с

которым тов. Ленин сосредоточил на с'езде всю борьбу на этом вопросе, но он же и об'ясняет в достаточной мере, почему все **наиболее сознательные** (в соц.-дем. смысле слова) члены партии не могут не видеть в соответствующем режиме громадной опасности для нашего дела.

Итак, говорить с негодованием о «перерешении» по поводу изменения выбранной на с'езде коллегии не приходится, и за каждым членом партии надо признать право и вне и после сезда пытаться воздействовать на состав и политику той или иной коллегии. Если такие воздействия исходят от ничтожного «кружка» и в основе их лежат мотивы личного характера, организация, опирающаяся на сознательную волю большинства, сумеет всегда справиться с этим противодействием и ей не придется выкликать жалкие слова о «дезорганизации и т. п. Если такой воли за ней не стоит, а, напротив, «воздействующие» представляют собой политически-влиятельную часть партии, сильную более широким пониманием партийных задач, то никакие громкие слова не помешают этой группе учесть свою силу—если это требуется и на изменения состава той или иной коллегии. Такие слова могут только на время отравить атмосферу партийной жизни.

* * *

Через шесть недель.

Понять разноязычие тов. Ленина, значит, понять **всю его** политическую позицию.

«Принципиальный вопрос»,—принципиально-важная борьба за господство Ц.О. над Ц.К.—такова формула упрощенного централизма для известного момента. Фактическая, неизбежная предпосылка этой формулы: **ред. Ц. О. есть личное воплощение режима «осадного положения».** И когда тов. Ленин сознавал себя генерал-губернатором этого режима, он прямо и честно говорил о значении сделанного им «политического шага», как о последнем акте «закрепления влияния» редакции над партией—через Ц. К. Но эта фактическая предпосылка рухнула, вследствие **восстания половины партии**, начавшегося еще на партийном с'езде. Первое же генеральное сражение на с'езде Лиги [57]) выбило режим «осадного положения» из главного укрепления, созданного тов. Лениным. Тов. Ленин avec les armes et les begages перебирается в другое укрепление—в Ц К. и его избирает центром той же политики, на знамени которой тем самым значится уже не господство органа «идейного руководства» (газеты), а господство **идейного руководителя** (определенного лица). Сущность осталась та же, но прежде, чем эта сущность будет «осознана» и со всей откровенностью высказана, по необходимости должны меняться лозунги дня. Вчера—гегемония Ц. О. над Ц. К., сегодня—«дружная работа всех **под руководством** Ц. К.» (ни слова о пресловутом «идейном руководстве»! бедный ленинский устав). Вчера—вышецитированные слова Павловича; сегодня—довольно с нас «заграничного Liferatengzank». Меняется «язык речей», но «язык чувств» остается тот же. Но самая эта эволюция свидетельствует, что здесь что-то неладно, что дело идет **о разложении** данной системы. Направление, идущее в гору, усиливаемое развитием классового движения, **фактически не может** привести человека в лабиринт таких противоречий, оно не знает этой беспринципной смены лозунгов. Его язык—«да—да, нет—нет»—в отношении категоричности и прямоты принципиальных заявлений.

Мы увидим, как различные стадии этого разложения идеи «осадного положения» проявляются в отдельных резолюциях и заявлениях отдельных, соблазненных идеей товарищей. Мы увидим всю гамму—от требования опеки Ц. О. над Ц. К. до требования отдачи партии под опеку Н. Ленина. От «твердого искровца» к швейцерианству—через «централистический бюрократизм».

* * *

III. «Недовольное меньшинство переходит к бойкоту».

Во имя «осадного положения» упразднена старая редакция «Искры» и избран специально подобранный Ц. К. из товарищей, которые, по французскому выражению, признаны ministrables с точки зрения «честного искровского министерства».

«Меньшинство»,—составившее вместе с участниками, имевшими только совещательные голоса—к концу с'езда половину его, стоит перед задачей: как действовать, чтобы **воспрепятствовать полному и последовательному проведению в жизнь того «осадного положения»**, которое с'езд, по несчастному стечению обстоятельств, поручил осуществить «честному искровскому министерству» и которое,—мы в этом были убеждены—должно было привести, в конечном счете, **к упразднению партии.**

Ещё на с'езде мы заявили, что не будем оспаривать законности решений с'езда, не вступим на путь расколов. Мы будем воздействовать на партийное общественное мнение, чтобы убедить его в **дезорганизаторском** характере практики «осадного положения». Перед этим общественным мнением должен будет спасовать «сам» Ленин. Следовательно, агитация в партийных организациях и в печати на почве вопросов, выдвигавшихся на с'езде и разделивших «компактное большинство» партии.

Но, ведь, в практику «осадного положения» входит, между прочим, и не может не входить искусственное подавление всякой оппозиции, всякой агитации, добивающейся изменения этой политики. При централистическом характере партийной организации, при значительной власти, которою наделены «центры», это должно означать систематическое **давление сверху** на все элементы, проявляющие самостоятельность и «оппозиционное» настроение. Пропаганда действительно-революционного централизма и критика политики «осадного положения» должна будет, следовательно, привести к хроническому конфликту между центральными учреждениями и отдельными частями партии. За это нам ручался не столько состав Ц. К., сколько условия, при которых произошли его выборы, и мандат, который он получил от тов. Ленина, формулировавшего в своей знаменитой речи об «осадном положении» миссию новой «власти». Прежде, чем избранный на с'езде Ц. К. проявил бы **на деле** стремление освободиться от этого мандата, направленного против «меньшинства», последнее имело полное основание питать недоверие к этому учреждению. Насколько было право оно в своих предположениях, показали слова тов. Ленина, сказанные им на с'езде Лиги, в виде резюме политики «осадного положения». «Чтобы сделать работу успешнее, надо было удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не могли бы портить партии; только в том случае на следующем с'езде нам удастся работать плодотворно. Вот почему нужно было установить полное единство между центральными учреждениями партии». Стало быть, a priori устанавливалось в партийной организации деление на «благонамеренных» и неблагонамеренных (alias **«тормозящих»**), для которых в партии, как с похвальной откровенностью заявил Ленин, создается особое «положение» неполноправных членов, положение «заезжаемых», выражаясь словами одного «подпольного» документа. Эти вечно «заезжаемые» члены должны быть «поставлены в такое положение», при котором «на следующем с'езде удастся нам работать плодотворно». Выше же сказано: «общее впечатление о с'езде получилось такое, что у нас велась борьба с подсиживанием. Мы были поставлены в невозможность работать». Итак, для успешной работы необходимо, чтобы на следующем с'езде «заезжаемые» не были представлены в качестве политической силы. Для этого же они должны быть «поставлены» в соответствующее «положение» (более или менее близкое к лежачему). *) Предвкушая всю прелесть такого положения, сознавая весь **развратэтого**

*) Другое место из реферата Ленина не менее ярко оттеняет это своеобразное представление об отношениях внутри партии. Сообщив о готовности одного тов. из «Южного Раб. [58]) фигурировать в том списке кандидатов в Ц. К., который составило «меньшинство» и об его отказе войти в «министерство» Ленина или «большинства», тов. Ленин продолжает буквально: «Южн. Раб.—**посторонний элемент**—решал вопрос о Ц. К.» Итак, в партии, как она мыслится тов. Ленину, будут члены, которым a

построения партии на началах систематического механического подавления каких бы то ни было частей партии, подавления не нравственным и политическим авторитетом, подавления не силой общественного мнения, не влиянием лучше выполняемой работы, а исключительно «по уставу», **силой власти**,– сознавая этот разврат, члены «меньшинства» с'езда и солидарные с ними товарищи должны были поставить себе задачей добиваться **таких изменений в составе центральных учреждений**, которые для громадного большинства партии—для всех, могущих оказаться «заезжаемыми» и прежде всего для попавших уже в эту категорию означали бы гарантию от худших методов этого «бюрократического» подавления их революционной работы. И, вместе с тем, члены «меньшинства» должны были наметить для себя такого рода работу в партии, при которой они не попадали бы в ложную и двусмысленную позицию **невольных проводников** провозглашенной тов. Лениным системы «осадного положения»,—позицию, прямо неизбежную для всех, согласившихся работать **непосредственно** около центральных учреждений партии. Иначе как самоустранением «меньшинства» **от такой** работы, нельзя было бы достичь ясных отношений между двумя частями партии, на которые, по принципу, решено было ее поделить во славу «осадного положения», иначе нельзя было, особенно для «искровцев», спасать при неизбежном крушении такого типа централизма самую централистическую идею и свою собственную политическую репутацию. Вот почему еще на с'езде я и Кольцов [59]) отказались от предложенного нам места в редакции, а тов. Попов [60]), упомянутый выше делегат «Ю. Р.»,—от предложенного ему места в Ц. К. Только такие изменения в составе «центров», которые означали бы **принципиальный** разрыв с системой «осадного положения», могли прекратить этот «бойкот».

* * *

VI. Что же теперь?

Политика осадного положения потерпела очевидное крушение. Переход «Искры» в руки старой редакции показал всю ее жизнеспособность; поход на Лигу доставил носителям системы неизлечимые раны. Система в сущности уже убита, ее следует только похоронить, чтобы, по возможности, скорее забыть о ней. Чем скорее будет это сделано, чем решительнее к этому будет приступлено, тем больше надежды, что весь пассив при этой ликвидации будет измеряться не более, чем несколькими месяцами пропавшей для партии работы, да парой-другой разбитых репутаций.

Разумеется, идейная борьба от этого не прекратится. Напротив, она только начинается. Течение мысли, подсказавшее политику осадного положения, не явилось результатом «гениального безумия» одного сильного человека, не создано злой волей определенной котерии, это течение мысли тесно связано со всем предшествующим развитием нашей партии, оно—законное, в своем роде, детище той самой «Искры», которая совершила несомненную положительную работу по сплочению партии.

Я не хочу сказать, чтобы тов. Ленин в настоящее время представлял собою «искровство» par excellence. Я думаю, напротив, что не напрасно уличают Ленина и «ленинцев» в прямом противоречии с многими «заветами Искры». Но я думаю также, что иной раз прав и Ленин, когда утверждает, что мы в том или другом вопросе отклонились от «искровства» в специфическом смысле. И в то же время я не перестаю думать, что «Искра» не была механическим соединением разнородных элементов, что она представляла собой, напротив, нечто очень цельное, «из одного куска вылитое».

---

priori «полагается» решать вопрос о Ц. К.», т.-е., принимать участие в определении его состава, и такие, которым это заведомо «не полагается»: Т.-е. «заезжатели» и «заезжаемые». Почтительно просим тов. Ленина прямо ответить на вопрос: «посторонним» кому являлся на с'езде «Южный Рабочий?».

Дело в том, что «искровство» представляло свбой определенную форму применения основных и, в этом смысле, «неизменных» принципов революционной социал демократии к меняющимся задачам практической политики непрерывно развивающейся партии. Поскольку это направление для борьбы с мешавшими развитию партии течениями применяло вытекавший из этих основных принципов **метод критики** партийной действительности, постольку оно было всегда право и остается правым и теперь (в общем и целом, конечно). Но конкретные ответы, даваемые при помощи этого метода, на конкретные вопросы, выдвигавшиеся партийным развитием,—эти ответы, по необходимости, уже a priori имели только относительную ценность и становились неверными или, в лучшем случае, односторонними с того момента, как партийное развитие делало хотя бы один шаг вперед. Между тем, складывавшееся по мере победы революционного направления в нашей партии особое направление—«искровство», включавшее в себя не только определенные «неизменные» посылки, не только определенные еще более абсолютно-ценные методы, но и застывшие конкретные ответы по практическим вопросам партийной жизни,—это особое направление, чем дальше, тем все более, становилось **шаблонным**, тем все более оставалось позади непрерывно развивавшейся действительности... К моменту партийного с'езда «искровство» положительно стало задерживать дальнейшее развитие партии. Раскол внутри «искровцев» неожиданно для них самих обнаружил, что «искровство», как особая форма революционного социал-демократизма, пережило себя *). В рамках нормальной партийной работы, созданных, худо ли, хорошо ли, с'ездом, этот факт очень скоро был подтвержден разгромом политики осадного положения.

Надо при этом помнить, что «искровство», как особое **направление практической деятельности**, не могло не отразить на себе всех последствий того несоответствия между нашими наличными силами и об'ективно стоящими перед нами, как социал-демократами, и при помощи теоритического исследования открывающимися нам задачами, которое наложило свою печать на все предшествовавшие ему направления мысли русской социал-демократии. Вульгаризация и упрощение «искровской» идеи, являвшиеся результатом такого вынужденного приспособления к убожеству нашей действительности, много содействовали наступлению переживаемого ныне кризиса, много способствовали нашему, если хотите, «просветлению». Естественно, что первый отпор должен был быть дан именно этим вульгализаторским попыткам, и постольку и сама борьба первоначально должна была вестись в плоскости «искровства», в сфере, значительно суженной вышеотмеченным специфическим, исторически обусловленным характером этого направления. В этой плоскости велась борьба на партийном с'езде и на с'езде Лиги, в этой плоскости вращается и та, по изящной терминологии Ленина, «подпольная» литература, которая порождена с'ездом. Первыми попытками поставить самый вопрос шире и дать более глубокую критику нашей партийной действительности являются—статья Г. В. Плеханова «Нечто об экономистах» (№ 53 «Искры») и особенно статья Аксельрода в №№ 55 и 57. Дальнейшей «пересмотр» результатов «ликвидации третьего периода» весь еще впереди, и заняться им вплотную необходимо всем партийным работникам, ибо нельзя далее ждать, если практика обнаружила, что в этой ликвидации не все обстояло благополучно. Ведь не может же считаться признаком благополучия то

*) Меня спросят: понимал ли я в момент пышного расцвета «искровства» эту «относительность» его в указанном выше смысле? Да, понимал, и как прочие «искровцы», не пошедшие за Лениным, ожидал, что об'единение партии, достигнутое **при помощи «Искры»**, сделает возможным **безболезненный** переход от конкретно-воплотившегося «искровства» к освобожденному от всякой кружковщины революционному социал-демократизму. Наши расчеты не оправдались, следовательно, мы сделали ошибку в самом расчете, не «учли» некоторых факторов. В этой ошибке расчета—и «оправдание» тактики «искровского» меньшинства на с'езде, и об'яснение ее, если хотите, невыдержанности и, во всяком случае, нерешительности. Если-бы «восстание» против «ленинизма» началось среди нас полугодом раньше, надежда на безболезненный под'ем партии на высшую ступень не оказалась бы тщетной. Не нам судить, конечно, сколько тут нашей собственной вины (вины нашей недальновидности) и насколько нас оправдывают «независящие обстоятельства».

состояние партийных дел, которое наблюдается сейчас. Не этого, ведь, мы ожидали, как результата II с'езда! И, ведь только самые безнадежные упростители или самые беспринципные политиканы могут надолго об'яснить себе и другим эти неожиданные результаты таким крошечным фактом, как то, что Мартов «свихнулся» с линии «твердого искровства», или что главный деятель бывшего «Орг. Ком.»—тов. Штейн [61]) выработал и пытался провести какой-то адский план погибели «Искры» и при проведении этого плана деморализовал «мягкие» элементы этой несчастной группы! **Надолго** даже тов. Ленину не удастся питать своих читателей такими «бабушкиными сказками», и вопрос о действительных причинах неблагополучия станет перед нами во всей серьезности.

Его надо поставить, и его надо решить, пользуясь теми положительными результатами, которые нам оставила эпоха «ликвидации третьего периода»—прежде всего методы революционного марксизма в применении к вопросам практической деятельности. Мы должны поставить этот вопрос **практически**, то-есть, направить всю свою работу на пополнение пробелов «искровства» на устранение его несомненных отрицательных сторон, на дальнейшее развитие положительных, если не хотим, чтобы эта критическая работа была предпринята людьми, не вполне проникнутыми принципами «ортодоксии», если не хотим, чтобы ее стала **бессистемно**, **эмпирически** выполнять масса практиков, толкаемая к тому потребностями повседневной борьбы. Если мы не возьмем на себя этой работы, она будет сделана без нас, вопреки нам и вопреки «вечным», абсолютно-ценным элементам «искровства», то-есть, будет произведена в духе и в интересах **оппортунизма**. Ни шагу назад!—должен быть лозунг этой критической работы. Но для того, чтобы он оказал свое действие, мы должны **пойти вперед.**

Эта работа потребует дружных усилий всех серьезных партийных деятелей. Рамки созданной II с'ездом партии достаточно широки, чтобы сделать возможным это «сотрудничество», несмотря на обнаружившееся различие исходных точек отдельных товарищей. Чтобы в этих рамках настоятельная и неотложная задача начала действительно выполняться,—для этого требуется, прежде всего, устранение всех препятствий, созданных первыми шагами по пути политики осадного положения,—политики, **абсолютно несовместимой с нормальным функционированием партии.**

* * *

Письмо Ф. Дана [62]).

Излагая свой взгляд на причины и значение раскола, разделившего бывшую редакцию «Искры» на 2 обособленные группы, я устраню из рассмотрения все, имеющее лишь побочное, второстепенное значение, и остановлюсь лишь на самой сути, сводящейся к обнаружившемуся—и притом совершенно неожиданно—на с'езде коренному расхождению взглядов обоих групп на организационные вопросы. Побуждает меня к тому, прежде всего, необходимость не слишком затягивать свое изложение и, кроме того, невозможность представить все разногласия более или менее ясно раньше, чем будут опубликованы протоколы с'езда.

Чтобы понять основное разногласие групп, нужно прежде всего ясно восстановить в памяти своей те организационные принципы, которые «искровская» организация проповедывала в своей литературе и проводила в своей практической деятельности; подходя с этим мерилом к воззрениям, проводимым в жизнь каждою из обеих групп в настоящее время, мы без труда определим, воззрения которой из сторон отличаются от тех, которые мы привыкли считать «искровскими», и на какую из сторон следует стать нам самим, предполагая, конечно, что наши собственные взгляды на этот вопрос не изменились.

Попытаюсь в кратких чертах наметить эти организационные принципы. Все мы держались того взгляда, что созыв с'езда и формальное об'единение партии желательны и полезны лишь тогда, когда создадутся реальные элементы для действительного,

а не бумажного только об'единения; когда будет достигнута достаточная степень идейного единства русских социал-демократов, созданы крепкие местные организации с прочными связями в рабочей массе и т. п. Вне этих условий, созыв с'езда, образование Ц.К. и т. д. представлялись нам нежелательными, потому что таким путем только обеспечивалось бы прежнее преобладание фикции над действительностью, узаконялось бы прежнее довольство чисто словесными формулами и громкими названиями, не имевшими фактически никакой реальной подкладки, поддерживался бы прежний идейный разброд, прежние шатания и колебания в зависимости от всех случайных колебаний экономической и политической атмосферы. Разумеется, и идейное единство. и прочность местных организаций, и широкий, политический характер их деятельности, создающий реальную основу и условия фактического об'единения, не могли и не могут достичь степени абсолютного совершенства; но предполагалась необходимость достижения известной ступени на пути к этому недосягаемому совершенству, чтобы сделать желательным и созыв с'езда,—и формальное об'единение. И наоборот: созыв с'езда по инициативе и при непосредственном участии «Искры» должен рассматриваться как показатель того, что, по мнению редакции «Искры» и действовавших в тесном соглашении с нею товарищей, необходимая степень идейного единства, организованности, политической воспитанности была уже достигнута, та степень, которая делает уже возможным и желательным формальное закрепление единства партии и нормальное функционирование ее.

Но исходя из такого положения, мы должны признать и необходимость полного применения к организации партии всех остальных принципов наших. Сюда относится прежде всего строгая централизация; все местные организации должны быть крепкими нитями связаны с Ц.К., являющимся действительным, а не на бумаге только верховным руководителем партии. В нашем представлении, и это неоднократно подчеркивалось,—Ц.К. должен быть не только технической конторой партии, об'единяющей все партийные функции по транспорту, печатанию и распространению литературы, сношениям и т. п., но и действительным политическим вождем партии, способным самостоятельно, за своею ответственностью взять на себя колоссальную задачу об'единения и направления всей ведущейся под непосредственным руководством местных организаций классовой борьбы всероссийского пролетариата, способным развить революционную энергию партии до высшего, доступного ей в данный момент максимума. Такая постановка вопроса о Ц.К. имеет две стороны: с одной стороны она включает в себя необходимость составить Ц.К. из самых сознательных, политически воспитанных, энергичных революционеров, которые с своей стороны сделают все возможное, чтобы придать всем действиям партии, всей борьбе руководимого ею и тесно связанного с нею пролетариата наиболее социал-демократический характер; с другой же стороны, она заключает в себе и признание того факта, что степень революционности и действительно соц.-дем. характера руководимого Ц.К. движения неизбежно будет ограничиваться сравнительно невысокою еще (хотя и признанною уже достаточною для об'единения партии) степенью политического воспитания и соц.-дем. сознательности действующих в России товарищей-практиков и еще более невысокою степенью развития классового сознания русского пролетариата. Это различие между тем, к чему **должен стремиться Ц.К.** с точки зрения строгих социал-демократических требований, и тем, чего еще **можно будет достигнуть** в силу об'ективных, не от него зависящих условий действительности партии, нельзя ни на минуту терять из виду. Несомненно, Ц.К. должен, обязан **стараться** всякое проявление партийной жизни облечь в форму строго социал-демократическую: мы этого должны требовать от него; но так же несомненно, что Ц.К. в силу необходимости придется считаться с наличным уровнем понимания комитетов, со степенью их соц.-дем. сознательности; никто, и Ц.К. в том числе, не в силах **заставить** партию быть выше того, что она есть в действительности; чтобы не виселъ в воздухе, не обратиться в фикцию, не свести свою руководящую и об'единяющую роль к одним словесным формулам, Ц.К. неизбежно придется прибегать к ряду политических компромиссов, вызванных фактическим

состоянием партии, при чем задача его сведется к достижению **возможного при данном состоянии максимума** революционности и с.-дем. характера движения *). И чем ниже уровень политического воспитания и соц.-дем. сознательности практиков-революционеров (а на этот счет мы, вчера еще только пережившие оргию экономизма и кустарничества, не должны делать себе никаких иллюзий, хотя бы теперь и были «все—искровцы»), чем ниже уровень классового самосознания пролетариата, тем неизбежнее, чаще и крупнее будут эти практические компромиссы, тем неизбежнее будет расхождение между тем, что **должно быть** с нашей точки зрения и к чему **мы всеми силами должны стремиться**, и тем, что есть. Но при таких условиях тем необходимее становится существование руководимого лицами с твердо установившимися социал-демократическими воззрениями органа: органа, независимого от всех случайных колебаний настроения и взглядов партии, свободно и открыто критикующего все уклонения партии от строгой социал-демократической «линии», обличающего «компромиссный» характер фактического хода движения и тем способствующего непрерывному росту политического воспитания и классового сознания пролетариата и его вождей, а следовательно все растущему приближению партийной политики к строго социал-демократическому направлению; органа, не **вынужденного** рассчитывать в каждый данный момент на одобрение большинства членов партии, как бы с его точки зрения это большинство ни заблуждалось, способного в случае надобности противопоставить политической невоспитанности, узости понимания революционных задач, случайному колебанию в настроении этого большинства свою твердую и неуклонную социал-демократическую точку зрения и социал-демократическую критику.

Отсюда ясно, какова должна была быть с «искровской» точки зрения организация высших учреждений партии: властный, никому не подчиненный, но тесно связанный с местными организациями Ц.К. и независимый, поставленный в условия, вполне обеспечивающие (и не только формально, но и нравственно) полную свободу выражения своего мнения и критики, но и с своей стороны претендующий лишь на идейное влияние партийный Ц.О., партийный лишь в том смысле что партия в общем признала его взгляды своими, и что в органе открывается, так сказать, «официальный» отдел для всех публикаций Ц.К. Вот какой формой организации должно было с «искровской» точки зрения кончиться «осадное положение» в партии и начаться нормальное функционирование ее.

*) Для тех слабонервных людей, у которых слово «компромисс» вызывает такие судорожные припадки, какие не вызывались еще столь недавно практиковавшимися этими самыми людьми компромиссами в **области принципов**, считаем нужным сделать примечание, которое раньше, в виду всех предшествующих указаний наших, казалось нам излишним. «Искровец», вступавший в рабочедельский комитет с целью «завоевания» его—явление, как известно, практиковавшееся в самых широких размерах—несомненно должен был часто, пока он оставался в меньшинстве, прибегать к практическим компромиссам в том смысле, что участвовал за своей ответственностью в таких действиях комитета, которые не вполне соответствовали его «искровским» принципам, но не шли с ними в разрез, а были, так сказать, этапом на пути от «рабочедельства» к «искровству». Это, разумеется, отнюдь не избавляло его от обязанности самому исповедовать «искровские» принципы во всей их чистоте и не давало повода слабонервным людям падать в обморок, как не падают они, читая программу—минимум Р.С.-Д.Р.П., представляющую ведь тоже своего рода «компромисс» с текущей действительностью, но «компромисс», не только идущий в разрез с конечными целями и основными принципами партии, но наоборот составляющий также «этап» на пути от печальной действительности к светлому царству наших идеалов. Разумеется, всякому непредубежденному читателю ясно, что только о такого рода «компромиссах» Ц.К., компромиссах, вызываемых «об'ективными, не от него (Ц.К.) зависящими условиями деятельности партии», и идет речь в тексте. А именно, весь смысл данного места тот, что Ц.К., вступая (подобно нашему «искровцу») в среду организаций, далеко не вполне «искровских», должен стараться «завоевать» их и подчинить своему «строго-искровскому» направлению постепенно, «по хорошему», а не всякими «казнями египетскими»—запрещениями, исключениями, закрытиями и т. п., и не должен предписывать таких действий, которые—в силу данного «уровня» комитетов останутся невыполненными, что, разумеется, может только компрометировать Ц.К., породить кучу конфликтов и подорвать доверие к самой идее централизации.

Посмотрим же теперь, насколько соответствует этой «искровской» точке зрения положение, созданное большинством с'езда, по инициативе и под руководством Ленина,—большинством, противопоставлявшим себя в качестве «твердых» искровцев «мягкими» искровцам, руководимым Мартовым и его товарищами и сохраняющим свои прежние организационные взгляды.

Если взглянуть на принцип, систему организации, как она выразилась в уставе, то мы увидим полное крушение «искровской» точки зрения. Ц.К. по уставу не есть верховный руководитель практической политической деятельности партии, потому что подчинен инстанции, стоящей выше его. И инстанция эта—не большинство комитетов, выражающих свою волю посредством референдума, что было бы еще понятно и, быть может, даже, в целях укрепления действительной связи Ц.К. с комитетами полезно, а Совет из пяти человек, могущий отменять решения Ц.К. С другой стороны Ц.О., поставленный в принципе в полную зависимость от всех колебаний настроения и взглядов большинства партии, потому что редакция выборная, и притом выборная не как коллегия с определившимися взглядами, а из отдельных лиц, и следовательно каждый с'езд может не только менять ее, руководясь **своими** взглядами, которые, как мы это еще так недавно видели в период рабочедельства, могут и не быть строго-социал-демократическими, но и составлять из лиц, расходящихся между собою по самым основным вопросам и потому не могущих вообще придать органу какую бы то ни было определенную физиономию. Мало того, редакция, как и Ц.К., подчинена тому же Совету, который может накладывать свое вето не только на форму выражения мнений или на форму критики, но и на самые мнения и самую критику. Таким образом, все значение органа, как твердого и неуклонного руководителя в строго-социал-демократическом духе подорвано, **и в принципе** партийный орган сведен до положения «Рабочего Дела», считавшего своей задачей лишь выражать «уже достигнутый уровень сознания», только не «уровень сознания» рабочей массы, а товарищей-практиков, вынужденного «угождать» мнению случайного большинства.

Таково положение дел, созданное «твердыми» искровцами, в принципе. На практике же, для данного момента, благодаря ряду дипломатических шахматных ходов, подбору подходящих лиц и вытеснения с руководящих мест товарищей, обнаруживших способность к самостоятельной и последовательной политической деятельности, создалось диктаторское положение для редакции «Искры», или, вернее, для одного Ленина. Повторяю, это достигнуто не организационным, а **дипломатическим** путем, и при первом же с'езде, а быть может, еще и гораздо раньше, в силу требований жизни, все карточное здание ленинского самодержавия разлетится прахом и выступит во всей красе **принцип**, закрепленный в организационном уставе.

Но можем ли мы поддерживать и то, противоречащее принципам, положенным в основу организационного устава, фактическое положение дел, которое создано дипломатическими ухищрениями? Нет, мы продолжаем настаивать на том, что Ц.К. в своей деятельности верховного руководителя партии должен быть действительно независим. Зависимость его от Ц.О., поскольку она выходит из рамок идейной (не принудительной) зависимости, будет мешать его деятельности, мешая тем необходимым и неизбежным компромиссам, к которым Ц.К. вынужден прибегать: необходимым, потому что, утеряв действительную связь с комитетами, Ц.К. превратится в фикцию; неизбежным, потому что мы не можем не сознавать, что еще много и много нужно поработать, чтобы политическое воспитание всех или хотя бы подавляющего большинства соц.-дем. требованиям, и чтобы классовое развитие русского пролетариата достигло той ступени, которая даст возможность придать вполне соц.-демократический характер всем практическим действиям партии. С другой-же стороны, организационная связанность Ц.О. неизбежно помешает «непримиримости» его позиции, заставит его ограничивать глубину, решительность и резкость критики. Ц.О. будет толкать (и толкать не идейно, а насильно) Ц.К. к непримиримости и

мешать необходимым практическим компромиссам, а Ц. К., в свою очередь, будет толкать Ц.О. к компромиссам и мешать необходимой для развития партии непримиримости его.

А, кроме того, можем ли мы поддерживать такое положение дел, которое связывает всю судьбу партии и, следовательно, судьбу русского пролетариата и русской свободы с судьбой одного лица, как бы мы ни верили в его ум, талант и энергию? Можем ли мы поддерживать такое положение, когда достаточно этому лицу заболеть, утратить свою популярность, изменить свои взгляды и т. п., чтобы все, возведенное с таким трудом здание российской соц.-демократии рухнуло в прах, потому что, можно ли сомневаться, что положение дел, основанное целиком на вере в личные качества одного лица, мешает политическому воспитанию уже не только рабочей массы, но и самых руководителей ее, революционеров? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы ответить на него: нет, мы обязаны добиваться того, чтобы способность партии проявлять высшую степень революционной активности и неуклонность социал-демократического направления идейного руководителя ее—партийного органа были закреплены **организационным путем**, а не обеспечивались бы лишь случайно удавшимся в данный момент подбором тех или иных лиц, подбором, который в одну минуту может быть разрушен решением с'езда, поддавшегося в силу каких-либо временных, случайных причин той или иной перемене настроения.

И если принятый большинством с'езда устав, **который все мы признаем для себя обязательным**, противоречит тем принципам, которые мы считаем верными, то наша обязанность **в рамках этого устава** использовать все доступные нам средства для того, чтобы обеспечить себе возможность свободно, открыто и недвусмысленно критиковать те стороны этого устава, которые мы считаем вредными, привлекать внимание товарищей к тем организационным вопросам, которые имеют огромную важность для всей дальнейшей судьбы российского социал-демократического движения, подготовлять умы к изменению устава на следующем с'езде в действительно «искровском» духе. И прежде всего это—обязанность той группы редакторов Искры», которая не пошла по стопам «твердого» искровства, «твердого» лишь—в сокрушении всех прежних организационных заветов «Искры».

Борьба за независимость Ц.К. и за независимость партийной литературы,—вот к чему сводится оппозиция «меньшинства».

* * *

Резолюция Лиги [63]).

Лига выслушала своего делегата на партийном с'езде и приняла резолюции:

I. «Принимая во внимание:

1) что задача развития классового самосознания и политической самодеятельности пролетариата должна определять собою не только тактику, но и организацию социал-демократической партии;

2) что на той ступени развития, которой достигло рабочее движение в России, указанная задача всесторонним образом может быть выполнена российской социал-демократией только в рамках и на почве строго централизованной организации;

3) что настоятельная потребность в такой организации породила в среде российской социал-демократии, как реакцию против недавно царившей в ней анархии, тенденцию к централизму бюрократическому, по самой сущности своей неспособному органически об'единять составные элементы общества, ставящему на первый план не внутреннее об'единение, а внешнее, формальное единство, осуществляемое и охраняемое чисто механическими средствами, путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности;

4) что торжество такого централизма в нашей партийной организации вызвало бы сильнейшую рознь между ее наиболее самостоятельными, наиболее политически

зрелыми элементами, с одной стороны, и проводниками системы самодержавно-бюрократического управления партией,—с другой, рознь, которая неизбежно толкала бы охранителей этой системы в мнимых интересах дисциплины к применению приемов и методов самообороны, несовместимых с историческими задачами социал-демократии, способных развратить мысль и волю этих представителей, внести путаницу в умы массы товарищей, принизить их политическое сознание, дискредитировать самую идею социал-демократического централизма и, в конце-концов, привести к внутренней и внешней дезорганизации российской социал-демократии;

5) что такое положение дел внутри ее отразилось бы самым гибельным образом на политическом развитии пролетариата и лишило бы ее возможности выполнить свою ближайшую историческую миссию—подготовить российский пролетариат к самостоятельной политической роли в период революционного разрушения самодержавного государственного строя России;

принимая все это во внимание.

Лига обращается ко всем сознательным товарищам с призывом повести в рамках партийного устава систематическую борьбу против тенденций к бюрократическому централизму во имя централизма истинно социал-демократического, необходимого для об'единения российского пролетариата в самостоятельную политическую партию.

ВПЕРЕД, ИЛИ НАЗАД.

Вместо надгробного слова.

(Л. Мартов, «Искра» №№ 67, 69 за 1904 г.).

Всякий слышал о том знаменитом оружии австралийских туземцев, которое называется бумерангом и которое, будучи брошено умелой рукой, возвращается назад и падает к ногам охотника.

В противоположность искусству австралийского охотника, искусство публициста обыкновенно заключается в том, чтобы брошенный им снаряд **не вернулся** к нему обратно. Особенно это надо сказать о таком оружии, как **стрелы остроумия**. Неумолимой иронией звучит такая стрела, когда она, отскочив от противника, летит обратно к неумелому стрелку... И чем ядовитее была задумана острота, тем больнее она царапает неосторожного воина.

«Шаг вперед—два назад» гласит книга Ленина, ставящая себе целью окончательно пришпилить «оппортунистический» ярлык к нынешнему партийному меньшинству. Шаг вперед, сделанный «Аксельродами», когда подававший большие надежды русский «практик» Ленин предложил своим учителям союз для борьбы с оппортунизмом. «Два шага назад», когда «Аксельроды», увидав, что расправивший под их попечением свои крылья «орленок» оказался, по внимательном рассмотрении, довольно вульгарной породы политической птицей,—отреклись, за себя и за более зрелую часть партии, от дальнейшей солидарности с некогда подававшим надежды...

В своей новой книге тов. Ленин не сумел показать, почему те и другие частные воззрения ред. «Искры» по вопросам тактики и организации кажутся ему несовместимыми с той партийной **программой**, которую эта редакция выработала и которая была санкционирована партийным с'ездом, как **выражение основ политического мировоззрения партии**, как резюме политической работы, совершенной «Искрой». Не сумев показать **этого**, тов. Ленин запутался в самых смешных, недостойных его репутации, противоречиях, не мог поставить своего обвинения в оппортунизме на сколько нибудь прочное основание, не сумел об'яснить, с своей точки зрения (если у него есть еще какие нибудь), **исторических корней того нового оппортунизма**, которые он взялся обличить, не сумел, следовательно об'яснить так, как подобает марксисту, самого кризиса в нашей партии. И потому, что он не сумел сделать этого, выброшенная из его лука стрела с жалобным стоном возвращается обратно.

и в этом ее стоне слышится песня: «шаг вперед»—от об'яснения появления «меньшинства» «дрязгами» к попытке об'яснить его принципиальной противоположностью между интеллигенцией и пролетариатом; два шага назад—от неудавшегося принципиального об'яснения к двойной дозе инсинуации относительно «карьеризма», погони за местами и проч., и проч. Любитель пикантных «болотных» аналогий сделал героическое усилие, чтобы вытащить себя за собственные волосы из того болота политической грязи, в котором он пытался заложить основания «своей» ленинской партии: попытка не удалась, и книга, начатая обещанием показать «основной политический характер» (см. предисловие) нашей «междуусобной» войны, **должна** была закончиться... реабилитацией... Гусева [64]).

Шаг вперед—два назад. как похоронный мотив, звучат эти слова, когда читаешь книгу Ленина и тщетно вопрошаешь: где же автор скажет нам—какова глубокая, историческая подпочва того кризиса, о котором он взялся писать, где же виды на будущее, где указание—что же делать. Увы, растерянным взором смотрит автор на ту партию, в которой ему привелось занять «сверх-центральное» место, смотрит—и не видит всей трудности ее **политического** положения перед задачами, которые **уже** возложила на нее история, не вложив **еще** в ее руки орудий для их осуществления; смотрит—и не видит колоссальной работы, обязанность выполнения которой возложена на партию неожиданной войной, промышленным кризисом, быстро движущимся вперед процессом разложения всех еще уцелевших подпорок нынешнего государственного режима, быстрым формированием тех общественных сил, которые своей совокупностью образуют политическую среду, долженствующую собой определять и **осложнять** работу пролетарской партии. Он видит только... «кооптационые дрязги», «ошибку по первому параграфу», «тройку», «шестерку» и т. д. И когда отовсюду слышится уже гул голосов, которые завтра же громко и с плебейскою резкостью поставят нам вопрос: «что же делать?», этот «вождь», словно в забытьи, бормочет: «две тройки, две тройки, две тройки».

Это почти трагедия. Жаль только, что выступление тов. Ленина совершается при таком бенгальском освещении, которое способно заранее убивать «чувство трагического», слишком грубо задевая в нас чувство **смешного.**

Реклама, которою обставил выход своей книги тов. Ленин и которая представляет собой совершенно необычное в нашей партии явление *), заставляет невольно вспомнить о другой книге другого «бывшего»... вождя, Эдуарда Бернштейна, которого известные «труды», чем более становились они «бесценными», тем с большей помпой «вылетели» в свет. Еслиб я был одарен некоторыми основными приемами мышления, характеризующими Ленина, я бы поспешил из этого сопоставления сделать вывод: склонность к рекламированию «создающих эпоху» произведений характеризовала Бернштейна; ее же ныне проявил Ленин; **стало быть**, Ленин совершил поворот к бернштейнианству. Но, как ни соблазнительно сделать подобное умозаключение, я не могу на это решиться, хотя бы и знал, что подобное «остроумие» привлечет ко мне сердца всех «принципиально-выдержанных»... упростителей. И, тем не менее, сопоставление между Лениным и Бернштейном (по вопросу о рекламе) имеет значение.

Когда-то тов. Ленин выразился о Бернштейне: «герострaтовски известный» Бернштейн. Геростратом Бернштейну не удалось стать: фейрверк его критики оказался бессилен сжечь чудный образец истинно человеческого творчества—систему научного социализма. Но геростратовской была и осталась **попытка** Бернштейна, в результате которой он так больно обжег свои пальцы. И вот невольно вспоминаешь об этой попытке, когда подводишь итог предприятию автора «Что делать?». Что-то геростратовское видится в его, с лучшими, конечно, намерениями предпринятом, деле—быстрого, беспощадного разрушения той самой партии, которую, камень за камень, в упорном труде складывали деятели последних лет... Стоит читать эти

*) Зри изданные партийной экспедицией красные прокламации, в которых мир оповещается о выходе книги Ленина, а заодно и о продаже, по сходным ценам, „типов Горького" (не ирония ли—этот намек на «бывших людей»).

строки, дышащие мелкой, подчас бесмысленной, личной злобой, этой поразительной самовлюбленностью, этой слепой, глухой и, вообще, какой-то бесчувственностью, яростью, это бесчисленное повторение одних и тех же бессодержательных «бойких» и «хлестких» словечек,—чтобы убедиться, что перед нами человек, фатально **вынужденный** катиться дальше по той плоскости, на которую он «стихийно встал, и которая прямехонько ведет его к полному политическому развращению и раздроблению социал-демократии... Геростратов подвиг!—скажут потомки, если сильные руки товарища Ленина потащат за собой в этом бешеном галопе нашу партию и они же утешат товарища Ленина указанием на Бернштейна, если от этой геростратовой попытки останется только жгучая боль в его пальцах. Да будет. . .

I. Метод мышления и манера спора.

Попробуем своими словами изложить «суть» брошюры Ленина. Если оголить ее от всех полемических инкрустаций и мелочных пустяков, столь характерных ныне для нашего лидера, то мы получим следующую «схему».

Трехлетней упорной борьбой с оппортунизмом «искровство» подчинило себе партию в такой мере, что при всей осторожности «искровцев» (см. стр. 1), можно было рискнуть созвать с'езд для официального об'единения партии. Но. когда с'езд был созван, оказалось, что только $^3/_5$ партии (33 из 51, см. диаграмму), могут считаться «искровскими». Когда же остальные $^2/_5$ стали на с'езде бороться против «искровства», то оказалось, что и из этих трех пятых многие ненадежны и склонны к оппортунизму (в том числе половина организации «Искры», $^2/_3$ редакции «Искры» и $^2/_3$ группы «Освобождения Труда). Благодаря этому с'езд, явившийся плодом трехлетней «нашей» работы и созванный только после того, как «мы» семь раз «отмерили» (стр. 1), рисковал привести к **официальному торжеству оппортунизма**. К «нашему» счасстью, уход «Бунда» и «Союза» перевернул все отношения—«мы» оказались в большинстве, благодаря ортодоксальной бдительности тов. Муравьева [65]). Дедова [66]), Ланге [67]) и др. «Мы» победили, и видя, как живуч «оппортунизм» и как падки до него некоторые основатели «Искры» и русской социал-демократии, решили провести такие две «тройки», которые бы позволили ввести «осадное положение» и тем создать «организационный базис для борьбы при помощи устава с тем, что это большинство считало шаткостью, неустойчивостью, расплывчатостью» (стр. 91). Так как большинство понимали, что время «кружковщины» миновало и что настала пора (стр. 112) «партийной точки зрения», то «мы» предложили, чтобы проведение «осадного положения» против «расплывчатого меньшинства» совершалось при участии членов этого самого меньшинства—Мартова в Ц. О. и Попова в Ц. К. Пропитанные «обывательской точкой зрения», Мартов и Попов не захотели выполнить этой роли. Тем самым, «победа» твердого большинства превратилась в источник всяких неурядиц. («Отказ Мартова и Попова от выборов внес сразу атмосферу **дрязги** в партийную работу партийных оттенков»). В виду этого, пришлось принять «исключительные меры» против «меньшинства», засевшего в Лиге. Но Г. В. Плеханов, тоже оказавшийся «непоследовательным искровцем», отказался санкционировать эту новую «победу» над многажды побежденным «оппортунизмом». Товарищ Ленин, в беспредельных заботах о партийном мире, решил «перебраться в Ц. К.», чтобы оттуда поражать «своей маленькой артиллерией» столько раз уже побежденного супротивника. Этот последний развернул свой «оппортунизм» самым циничным образом, показав всем и каждому (стр. 134. «**Все и каждый** видят поворот к оппортунизму»), как прав был тов. Ленин, когда настаивал на необходимости беспощадно преследовать этот «интеллигентский индивидуализм», восставший против «пролетарской дисциплины». Откликнувшись на этот зов, «все и каждый», в лице большинства комитетов, об'явили войну «дезорганизаторам» и в ряде резолюций еще раз победили их. В результате—«отсталые элементы партии взяли верх» в ней. Выяснилось, таким образом, что в социал-демократии отсталые элементы обладают удивительным свойством брать верх в партии, оставаясь в

ничтожном меньшинстве. Против интеллигентского индивидуализма оказалась бессильна пролетарская дисциплина—и все потому, что новоявленные оппортунисты пустили в ход дезорганизацию, сплетни и «нечестные» приемы в борьбе. Иначе говоря:

Тов. Ленин после трех лет борьбы с оппортунизмом с большим трудом «закрепил влияние» в партии для систематического проведения осадного положения против побежденных. Пролетарская дисциплина, партийная точка зрения, революционный якобинизм раздавили интеллигентский индивидуализм, кружковщину, обывательщину и «хлюпкий» жирондизм. **Но так как** побежденные отказались прекратить борьбу, **так как** они отказались пользоваться в борьбе только теми средствами, которые им рекомендовали победители, **так как** они продолжали быть индивидуалистами «обывателями» и жирондистами, **так как** они не захотели «молчаливо признать свою ошибку на с'езде» (см. стр. 113), **так как** Аксельрод и Мартов оправдали худшие опасения, вызванные в «большинстве» их «ошибкой по § 1» и вызвавшие необходимость «двух троек» и «осадного положения», а Плеханов поддался ноябрьским веяниям «женевской погоды» (см. стр. 132), **и так как** оппортунисты были в жалком меньшинстве, а «твердые»—в значительном большинстве, **так как** «новая» «Искра» в роли партийного органа «не выражает интересов и воли партии» (стр. 119) и представляет ее **отсталые** элементы в борьбе против **передовых** то, **в силу этого**, «отсталые элементы взяли верх», и наш воспитальный статег, совершивший в короткое время столько больших и малых походов, очутился в положении, близком к положению пушкинской старухи, которая побывала было в царицах, но вернулась в первобытное состояние. . .

. . . И перед нею разбитое корыто.

И когда теперь тов. Ленин горячо призывает своих верных на борьбу с «жирондизмом», когда он мобилизует силы «пролетарской дисциплины» против «хлюбкой» интеллигенции,—не рискует ли он услышать коварный вопрос: сколько же еще побед нужно вам одержать, чтобы остаться вовсе без войска. Если ни формальное большинство голосов с'езда, если ни фактическая «воля партии», ни маральное превосходство (см. дрязги, карьеризм) не могут спасти «передовые» элементы от перспективы быть подавленными элементами «отсталыми», то где же, вообще, залог победы, скажите нам, о тов. Ленин!

Пустопорожний характер ленинской концепции нашего партийного развития прямо поразителен. Ленин ныне неспособен даже сам понять (не то что другим об'яснять) историческое происхождение и историческое значение партийного кризиса; он неспособен **об'яснить** своего политического противника. А, ведь, такое об'яснение—**первый долг** политика-марксиста, который желает выразить «передовые элементы» своей партии и помочь ему одержать победу над элементами отсталыми. Социал-демократический теоретик не может двигать вперед развитие своей партии, не может побороть своего «внутреннего» противника, не показав исторической **необходимости его появления,** не раскрыв тех **об'ективных тенденций** исторического развития, которые его породили и которые его же приведут к гибели. Когда мы боролись с русским бернштенианством и с русским экономизмом, мы до тех пор не имели под ногами твердой почвы, пока не дали такого **материалистического** об'яснения и необходимости возникновения и дальнейшей необходимости гибели того и другого общественного «зла». Только дав такой материалистический, следовательно, и исторический анализ идейной борьбы внутри партии, мы можем с каким-нибудь правом фиксировать тот или другой наличный антагонизм в таких идеологических категориях, как «индивидуализм» и «дисциплина», «пролетарская» и «мещанская» идеология. Только при наличии такого анализа, эти «абстрактные» категории получают историческое содержание и могут что-нибудь, действительно, об'яснить.

Но что такое представляет собой подобный материалистический анализ. Исходя из определенных основных положений о «сущности исторического процесса», марксист, приступая к анализу идейной борьбы, получившей сколько-нибудь общественное значение, старается вскрыть в ней рефлекс об'ективно развивающейся

борьбы классов. Жюль Гэд,[68]) возражая однажды Жорэсу,[69]) сказал, что борьба классов, это—не «принцип», а реальный факт. Эти слова следовало бы понять и хорошо запомнить многим нашим марксистам. Не «принцип»,—т.-е. не какое-нибудь отвлеченное начало, не голая логическая или психологическая категория мыслится нами, когда мы говорим о «мелкобуржуазном», «буржуазном» или «пролетарском» течении в общественной жизни. Являясь рефлексом об'ективного процесса общественного развития, такая категория должна иметь «под собой» реальный субстрат **социальной борьбы**, совершается ли последняя в сфере сознательной политической жизни, или же таится в недрах бессознательных общественных инстинктов и несознанных интересов. Чтобы, поэтому доказать «буржуазность» какого-нибудь политического течения, нам надо найти те реально проявляющиеся в жизни социальные интересы, которые получили в нем свое выражение. Но найти их—не значит произвольно отыскать «подходящую» группу современного общества и связать ее с данной идеологией мостом чисто логических выводов из какого-нибудь общего положения, долженствующего суммировать «сущность» идеологической физиономии данной группы (например: интеллигент склонен к индивидуализму, ergo, кто, когда, где и как бы то ни было, протестует против подавления личности, тем самым выражает собой «интеллигентский индивидуализм», или: пролетарий склонен к об'единению, дисциплине, сплоченности, ergo, кто, где, когда и как бы то ни было, толкует о дисциплине, тем самым выражает собою «пролетарскую струю»). Хотя бы,—как это и имеется налицо в приведенных мною примерах,—хотя бы основное общее положение было истинно, резюмируя социально-психологические результаты определенной классовой группировки в современном обществе,—тем не менее, дедукции, подобные приведенным выше, являются ничем не оправданными с точки зрения того диалектического метода, к которому обязывает марксизм. По существу дела, мы имеем перед собою совершенно метафизическое сведение того или другого общественного течения к определенному «началу», к абстрактной психологической категории, отвлеченной от реального исторического процесса. Дело, следовательно, не в том, чтобы «свести», путем цепи более или менее дешевых силлогизмов, ту или другую фразу «Аксельродов», тот или другой политический шаг Мартовых к «основному первоисточнику», «интеллигентской хлюпкости». Дешевой ценой на этом пути мы добьемся совершенно ничтожных результатов, не выдерживающих самого легкого прикосновения критики здравого смысла. В самом деле: поверьте на минуту Ленину, что нынешний «оппортунизм», впервые наглядно проявившийся в «ошибке по § 1», есть результат «интеллигентского индивидуализма». Подойдите с этим «философским» багажом к действительному ходу событий, и вы сразу очутитесь лицом к лицу с самыми невероятными несообразностями. «Ошибки по § 1»,—проявление интеллигентского индивидуализма; **поэтому**, ее разделял Акимов, raison d'etré существование которого—защита интересов «широких **рабочих** организаций» старого «демократического» типа; Акимов, который обвиняет партийную программу в том, что в ней пролетариат «ни разу не упоминается в именительном падеже»; **поэтому**, эту же ошибку разделяют и кавказские «твердые» диллетанты, которые говорят, что ленинский § 1 вычеркнет из партии сотни сознательных кавказских пролетариев. Спор из за § 1 велся против «интеллигентского индивидуализма», желающего провести в партию всяких «профессоров», **поэтому** за § 1 стояли бундовцы, которым, видимо, для полного благополучия недостает только профессоров *) в своей организации. «Твердые» отстаивая ленинскую формулу, по против мартовской, выражали точку зрения сознательного пролетариата против точки зрения революционной интеллигенции; **поэтому**, твердые считают признаком худшей ереси критику того положения Ленина, согласно которому социализм входит в рабочее движение «извне», из буржуазной интеллигенции; **поэтому**, твердые уральцы [70]) отождествляют оппортунизм с «борьбой против интеллегенции, **то-есть** революционной социал-демократии», и т. д., и т.д. Примирить эти противоречия никак нельзя с той метафизической

*) За неимением в современной России профессоров-евреев, бундовцам пришлось бы выписывать их из-за границы.

и чисто формалистической точки зрения, которая подсказала Ленину его противопоставление. А, между тем, диалектика вовсе не означает отрицания здравого смысла: столкновение ее положений с «очевидностями» здравого смысла находит такое разрешение, которое должно, в конце-концов, подчинить себе и логику здравого смысла.

Иначе говоря: на обязанности Ленина лежало показать, какая именно эволюция нашей социал-демократии подготовляда и сделала неизбежным взрыв конфликта между двумя историческими стихиями,—между демократией и пролетариатом. Если бы он мог показать это, он должен был бы в самом предыдущем «благополучии» той искровской «победы», которую суждено было закрепить II с'езду, отыскать элементы будущего «зла», с которым он теперь борется, он должен был бы показать нам, как борьба революционной социал-демократии с «экономизмом», совершавшаяся в определенной общественной обстановке, сопровождалась проникновением в **революционное** крыло партии элементов демократии и тем самым, разрешая завещанный прошлым конфликт, насаждала семена нового; как и почему, по мере «очищения« социал-демократической партии от элементов профессионалистического «чисто рабочего» оппортунизма, в нее вводились элементы оппортунизма, выражающего **более непосредственно** интересы радикальной буржуазной ителлигенции, давно уже тесно связанной у нас с пролетарской борьбой. Только показав нам это, тов. Ленин имел бы **критерий** для распределения нынешних антагонических сил между «отсталыми» и «передовыми» элементами, для отнесения того или другого течения в тактике и организации к проявлению «интеллигентского индивидуализма» и «пролетарской дисциплины» или к проявлению интересов буржуазной демократии,—с одной, пролетариэта,—с другой стороны. Но тов. Ленин **не может** дать **такого** анализа. Не может потому, что та критика, которой требует этот анализ, для него должна быть самой беспощадной самокритикой: ибо Ленин является представителем **консервативной** тенденции в нашей партии, боящейся всякого критического отношения к «искровскому наследству». Поэтому он так недоволен указаниями Плеханова и других на те односторонности, которые характеризуют период победы над «экономизмом»; поэтому, он так грубо отворачивается от действительного марксистского анализа, который дал партийному нашему развитию П. Б. Аксельрод [71]). А между тем именно этот анализ, данный Аксельродом, предлагает **марксистское об'яснение переживаемого кризиса,** а тем самым, и возможности его благотворительного разрешения. И потому, что Аксельрод в своем анализе держался диалектического метода и материалистического понимания истории, самые отрицательные стороны нынешнего положения дел, и бичуемые им, не дают нам повода отчаиваться в судьбах нашей партии, которую несет на себе и вынесет в конце-концов волна исторического движения пролетариата; тогда как ленинский «анализ», наводит на самые безотрадные заключения о поступательном ходе развития нашей партии. Проникнитесь в самом деле ленинским пониманием истории нынешнего кризиса: началось с того, что значительное «компактное большинство» шло по верному пути, затем девять «верных» совершили «ошибку по первому пункту» (при чем, однако, тов. Ленин (см. стр. 111, прим.) в этот самый момент восклипал: «какая прекрасная вещь наш с'езд!»), далее, 24 оставшихся верными «связали разбитую посудину двойным узлом», и все кончилось тем, что «отсталые элементы взяли верх». Проникнитесь таким пониманием, и вам останется пессимистически воскликнуть вместе с Шекспиром:

Прекрасное погибло в пышном цвете.—
Таков удел прекрасного на свете.

Диалектика совершенно чужда Ленину, и он имеет о ней самое смутное пред ставление. На стр. 164 читаем: «но великую гегелевскую диалектику. . . никогда не следует смешивать с вульгарным приемом оправдания зигзагов политических деятелей, переметывающихся с революционного на оппортунистическое крыло партии, с вульгарной манерой смешивать в кучку отдельные заявления, отдельные моменты развития разных стадий единого процесса». Четыре правила арифметики не сле-

дует смешивать с оправданием писания фальшивых счетов,—вот что, приблизительно, в переводе на житейский язык, сказал тов. Ленин в этой фразе, которая достойна занять место рядом с знаменитым изречением его уральских учеников о свободе воли, находящей наилучшее выражение в параграфе устава, дающем ЦК право «раскассировать» пролетариат. Диалектический метод мышления тов. Ленина, не следует (на что люди бывают очень падки) смешивать **с казуистическим** «методом» рассуждения. Положение о том, что абсолютной истины нет, не надо сводить к воистину-вульгарной мысли Балалайкина: «истина есть результат судоговорения», что цель полемики, следовательно, «переговорить» противника. Но «смешивать диалектику» с «вульгарной манерой смешивать в кучу отдельные моменты развития разных стадий единого процесса»—премию тому, кто поймет смысл этой донельзя неуклюжей фразы! Есть лучшее сопоставление «великой гегелевской диалектики» с «оправданием зигзагов» оппортунистов. «Хозяйственный» человек тов. Ленин и его «теоретическая мысль не может пойти дальше опасности применения таких больших вещей, как гегелевская диалектика, к «требованию о кооптации». И он просит—не смешивать диалектику с оправданием «зигзагов» «Аксельродов». Тов. Ленин знает хорошо своих твердых «почитателей» и, видимо, очень боится, чтобы они и вправду не «смешали» диалектику с критикой своего начальства и не стали брыкаться против диалектики, яко вводящей в соблазн. А тов. Ленин хорошо помнит, что в «ортодоксальном» хозяйстве без диалектики неловко.

«Истинная диалектика не оправдывает личные ошибки, а изучает неизбежные повороты, доказывая их неизбежность на основании детальнейшего изучения развития во всей его конкретности». Но тов. Ленин именно неизбежности нынешнего поворота нам не показал. Пытаясь на последних трех страницах своей книги показать нам «итог диалектического (!) развития нашей партийной борьбы», тов. Ленин терпит позорное фиаско. Этот итог он сводит к двум переворотам». Первый заключается в том, что второй с'езд «смел все и всяческие остатки всех без исключения кружковщинских (sic!) интересов, чувства и традиций, создав впервые действительно партийные должностные коллегии» (стр. 165). Но «умерщвленные организации» «обиделись» и «взяли реванш». «Разбитое на-голову оппортунистическое крыло одержало—временно, конечно, верх над революционным, завладело «Искрой» и... **«Какой позор, как они осрамили нашу «Искру».**

Вот вам и вся диалектика наших партийных «переворотов». При ближайшем рассмотрении, они оказываются **переворотами в редакции «Искры». Тезис:** господство кружковщины—«расплывчатая шестерка». **Антитезис:** кружковщина сметена—«партийная должностная коллегия». **Синтезис:** кружковщина обиделась—та же расплывчатая старая «Искра», но обогащенная (по мнению Ленина, оппортунистически-обогащенная) всем положительным содержанием обиды за умерщвление организации. Если бы «кружковщину» не только убили, но и догадались бы получше зарыть, все было бы в порядке—такова очевидная мораль. Не начать ли сначала,—вероятный вывод нашего «диалектика».

Незаметно для себя тов. Ленин подменил «диалектическое развитие партии» **прозаической** историей «развития» состава редакции «Искры». Забыл тов. Ленин, что если не след трогать Гегеля для «оправдания» индивидуальных «зигзагов», то едва ли уместно тревожить старика и для того, чтобы в «философских» терминах снова рассказать о том, как хорошо было, когда тов. Ленин добился «очищения» старой редакционной коллегии, и как стало скверно, когда самому удалось удалиться.

Читатель, конечно, не забыл, что основа нашего кризиса—борьба интеллигенции против пролетариата. Он помнит, что исходный его пункт—«ошибка по § 1». Теперь уместно будет спросить тов. Ленина: в какой причинной связи стоит указанный им «итог партийной борьбы» к этой основе кризиса и к последствиям принятия § 1. И тут-то мы узнаем, что никакой реальной, то-есть жизненной связи между «итогами» и посылками нет. Интеллигенция навязала пролетарской партии § 1 устава, весь вред которого в том, что он дает возможность всяким «проходим-

цам» «самозачислять себя в партию», всяким «профессорам» быть в партии, ускользая из-под ее контроля, а у рабочих отнимать стимул к организации. Казалось бы, если верно, что в итоге «отсталые элементы», т.-е. выразители этой самой интеллигенции эксаматировали все победы нашего фельдмаршала, то нам покажут как в открытую § 1-м «щель», действительно, проник оппортунизм в виде нового наплыва в партию буржуазной интеллигенции, как проявилось среди рабочих ослабление импульса к организации. Увы, никто и не пытался нам даже показать это. Никаких намеков на то, чтобы опасность, ожидавшаяся в результате вота с'езда по § 1 устава (допуская даже, что она есть), сколько нибудь оправдалась за почти годичный срок, протекший со времени с'езда. Очевидно, самая опасность может (по мнению противников § 1) наступить только в будущем. А, между тем, «отсталые элементы» уже взяли верх. Далее. Если единственную свою победу—по § 1—интеллигенция еще не сумела использовать против пролетариата, то надо ожидать, что по крайней мере окончательная победа «отсталых элементов» была достигнута путем систематического развращения пролетариата пропагандой апостолов «интеллигентского индивидуализма». Но и этого нет: Панин [72]) не успел еще высказать сомнения в «божественности» с'езда, Аксельрод—в спасительности ленинского «централистического фетишизма» и, вообще, никто из меньшинства еще не успели ничего сказать, а «отсталые элементы» уже взяли верх—получили «Искру». Никакой связи этой победы **с ростом влияния интеллигенции** в нашей партии и с результатами неправильной постановки партийной организации (§ 1)—тов. Ленин не мог показать.

Я сказал, что диалектический метод мышления не следует смешивать с казуистическим (формалистическим) методом спора. Можно сказать, что последний встречается именно у тех, кто чужд первого. Сущность его заключается в том, что логические построения, оторванные от того реального содержания, которое они должны выражать, рассматриваются совершенно отвлеченно с чисто формальной стороны и опровергаются чисто формальными же дедукциями. С известным правом эту манеру спора можно назвать адвокатской в худшем смысле этого слова. Метафизическая со стороны метода мышления, она всегда недобросовестна с точки зрения искания истины. Для нее «истина есть результат судоговорения».

Именно с этой манерой мы имеем дело во всей книге тов. Ленина.

Меньшинство утверждает, что борется против «бюрократизма» в организации, а бюрократизм, вообще, им определяется (резолюция Лиги) так: «он ставит на первый план не внутреннее об'единение, а внешнее формальное единство, осуществляемое и сохраняемое чисто механическими средствами путем систематического подавления индивидуальной инициативы и общественной самодеятельности». В этих словах дается достаточно полное определение того специфического зла, с проявлением которого **во всяком организованном целом** должна бороться социал-демократия. И резолюция Аксельрода говорит далее: по самой сущности своей бюрократизм не способен органически об'единить составные элементы общества». Что возражает на это Ленин? Все его «доводы» очень для него характерны.

Во-первых, Аксельрод противопоставляет бюрократию «обществу», управляющих—управляемым. Тов. Ленин хорошо знает, что управляющие и управляемые имеются в каждом организованном целом. Без большого напряжения мысли, тов. Ленин может сообразить что методы управления, «систематически подавляющие инициативу и самодеятельность» управляемых и поддерживающие единство целого «чисто механическими средствами»—ведут к тому, что управляющие вырождаются в бюрократию, противостоящую «обществу». Станет ли тов. Ленин отрицать, что такое бюрократическое вырождение постигает порой и такие общественные организации, которые ничего общего, по своим задачам, не имеют с полицейским и классовым государством. Не помнит ли он статьи одного легального марксиста об Южаковской «просветительной утопии», [73]) обличавшейся в бюрократическом характере. Не помнит ли он о народнических проектах «организации труда» наших кустарей, обличавшихся тем же марксистом в бюрократизме. Не станет ли тов. Ленин отри-

цать, что этот бюрократизм целиком покрывается определением, данным в резолюции Аксельрода. И не попробует ли тов. Ленин доказать нам, что основанная на началах добровольного союза политическая партия застрахована в своей организации от бюрократического вырождения отношений управляющих к управляемым.

Обо всем этом в своем возражении не думает тов. Ленин. Он знает только одно—что слово «общество» часто и с полным правом противополагается пролетариату. И он изрекает: «О каком это «обществе» говорит здесь тов. Аксельрод с НК⁰, один Аллах ведает. Тов. Аксельрод, видимо, и сам хорошенько не знал, пишет ли он земский адрес о желательных реформах в управлении, или изливает жалобы меньшинства». «Галерка», [74]) на невежестве которой спекулирует автор, начинает хихикать и негодовать против оппортуниста Аксельрода, изменяющего пролетариату и заботящегося об «обществе». Истина есть результат судоговорения, не правда ли, о, несравненный тов. Ленин.?!

И это весь ответ Ленина «по существу» резолюции. Немедленно за приведенными постыдными строками он, переходя от «бюрократизма»—к «самодержавию», спрашивает: что может **означать** самодержавие в партии, о чем кричат недовольные «редакторы»,—и отвечает: «самодержавие есть верховная бесконтрольная, безответственная, **невыборная** (курс. мой) власть одного лица», и так как в «самодержавии» подозревается он, Ленин, то ставится вопрос: значит, Плеханов и все члены ЦК были «пешками»? Галерка громко хохочет, и тов. Ленин восклицает: «неужели это «принципиальное разногласие» почтеннейшего тов. Аксельрода.?»

Но уральские товарищи—прямодушные и не любящие экивоков—не разделяют веселого настроения галерки. Они помнят хорошо, что самодержавие не непременно должно быть невыборным, ибо сами еще недавно рекомендовали выборную **диктатуру** над партией. Отчего Ленин ни словом не оговаривает своего несогласия с уральцами, которые, излагая свои мнения, считали себя солидарными с ним? **От не смеет, ибо уральцы—его гвардия,** наиболее рьяные сторонники его «системы». И эта гвардия знает хорошо, что самодержавие, о котором он мечтает, будучи «выборным», в то же время, «бесконтрольно», безответственно», ибо контроль и ответственность только тогда действительны, когда контролирующие в известных пределах независимы от контролируемого. Когда же, **как хочет не скрывающий этого Ленин,** (контролирующие комитеты) назначаются, перетасовываются и «раскассировываются» ЦК., то контроль превращается в **фикцию**, мы имеем бонапартистское самодержавие со всеми его признаками. Ответил ли Ленин на эти, уже давно сделанные ему возражения. Нет— он их обошел, предпочитая «убить» противника ехидным вопросом: если я самодержец, значит, все прочие—пешки. Тов. Ленин забыл, что самодержавны могут быть не отдельные лица, а целые коллегии.

Но тов. Ленин еще не кончил с «бюрократизмом». Твердо решившись тешить галерку, он (стр. 125) изрекает: «Толкует о бюрократизме. Бюрократизм можно перевести на русский язык словом: «местничество». Бюрократизм означает подчинение интересов **дела** интересам **карьеры,** обращения сугубого внимания на местечки и игнорирование работы, свалку за **кооптацию** вместо борьбы за **идеи**. Такой бюрократизм безусловно нежелателен и вреден для партии, и я спокойно предоставляю читателю судить, которая из двух борющихся теперь в нашей партии сторон повинна в таком бюрократизме». Хохочет, заливается галерка, горят пламенем морального негодования против «карьеристов» Засулич и Аксельрод все Павловичи и Гусевы. Истина есть результат судоговорения.

Бюрократизм—местничество; местничество—карьеризм; карьеризм—свалка за кооптацию. Вот три уравнения, которые делают честь познаниям, диалектической ловкости и уму нашего «вождя». В России господствует бюрократизм, потому что чиновники-карьеристы и заботятся о своих местечках, а не об интересах «дела». Не поручить ли ЦК своему представителю написать популярную брошюру на эту тему. Если бы чиновники заботились об «интересах дела», не было бы и бюрократизма. Истина № 1. Борьба за карьеру—местничество, и родовитый боярин, который шел на плаху за то, чтобы не сесть ниже царского фаворита, делал свою

«карьеру»: истина № 2. Местничество—бюрократизму. Русские самодержцы, уничтожив после долгой борьбы местничество, то-есть **родовые привилегии, препятствовавшие введению бюрократической иерархии**, русские самодержцы тем самым уничтожили бюрократизм: истина № 3. Я знаю, что товарищ Ленин ныне отдался «практике», и что это знание, по искони русским воззрениям, требует некоторой «свежести» и свободы от излишних познаний; но мне все-таки кажется, что злоупотреблять правом «практика» не следует.

Так обстоит дело с бюрократизмом. Не лучше—с бонапартизмом. «Я нахожу, что тов. Мартов выдвинул эту категорию весьма кстати. Давайте посмотрим хладнокровно (?), что означает это понятие? По-моему, оно означает приобретение власти путем **формально** законным, но, **по существу дела,** вопреки воле народа (или партии). Не так ли, товарищ Мартов? А если так, то я предоставляю публике судить, с чьей стороны был этот «бонапартизм худшего сорта» и т. д. (стр. 135). Истина есть результат судоговорения.

Замещение тверских выборных управцев назначенными (формально-законно, но вопреки воле «народа») от министерства лицами есть «бонапартизм»; Л. Наполеон, [75]) как и Наполеон I, [76]) прибрели власть «формально законно»; Боден, павший на баррикаде второго декабря, хотя и выражал в своем протесте «волю народа», но действовал формально незаконно; слово «coups d'etat» не должно применяться к 18 брюмера и 2 декабря. Вот сколько истин узнали вы от нашего мастера адвокатских дел!

Суть вопроса Ленин извращает, конечно, намеренно: бонапартизм—исторически и принципиально—есть личная диктатура, освещаемая post factum, после завоевания власти «волей народа» при том условии, что субъект этой воли подлежит—в промежуток между актами ее проявления—всем операциям «лишения прав», «раскассирования» и упразднения со стороны диктатора (см. об этом в уральском документе), благодаря чему устанавливается—до первой революции—должная гармония между Бонапартом и «народной волей».

Если тов. Ленин хорошо знаком с реакционными категориями бюрократизма, бонапартизма и местничества, то не менее того он обнаруживает понимания категории революционных. Аксельрод говорит, что определенное одностороннее развитие партийной нашей практики должно привести к установлению такого отношения между партией и руководимыми ею массами, которое характеризовало собою якобинизм, принципиально чуждый социал-демократии. Ленин (стр. 139) отвечает:... «ссылка Аксельрода на «якобинцев» еще более поучительна. Тов. Аксельроду неизвестно, вероятно, что деление современной социал-демократии на революционную и оппортунистическую давно уже, и не в одной только России, подало повод к историческим аналогиям эпохи великой французской революции». Тов. Аксельроду не безызвестно, вероятно, что **жирондисты современной социал-демократии** везде и всегда прибегают к терминам «якобинство», «бланкизм» и т. п. для характеристики своих противников». И тов. Ленин показывает, что на втором с'езде партии в речах тт. Акимова [77]), Либера [78]), Егорова [79]) и др. проскальзывали эти нотки **жирондистского** протеста против революционного «якобонизма» ортодоксов. **А так как** тов. Егоров по § 1 голосовал с Лениным, а Либер и Акимов—с Аксельродом, то не ясно ли, что «бернштейнианская мелодия о якобинстве» нужна Аксельроду, «чтобы заглушить свои собственные речи на партийном с'езде, дышащие заботой о радикальной интеллигенции». Читатель помнит, что эта мелодия нужна Аксельроду, сверх того, «в интересах карьеры».

Все это иудошкино пустословие весьма характерно и для метода мышления, и для манеры спора. Услыхав слово «якобинцы», наш упроститель вспоминает, что последим противостояли жирондисты, что это противопоставление cum grano salis *) переносилось в спор левого и правого крыла социл-демократии. Готово. Тов. Ленин имеет перед собою тощую «идею», оперируя с которой, он «докажет» все, что нужно,—вплоть до «карьеризма» товарищей А, В, С и т. д. Что якобинизм в истории про-

*) С соответствующими изменениями.

тивостоял не одному только жирондизму, что в самой великой революции **слева** от якобинцев стояли эбертисты [80]) парижской коммуны, что в бабувистском [81]) движении вскрывался уже антагонизм между якобинцами и коммунистами; что этот антагонизм, развиваясь далее, проявился и в тайных обществах 40-х гг. и клубах 48-го, что он перенесен был в интернационал и коммуну 71 года и что нынешние «якобинцы социал-демократии»—ортодоксальные марксисты,—прежде чем столкнуться с новыми «жирондистами», **прошли через фазис борьбы с антимарксистскими эпигонами старого якобинизма,**—столь «пространного» знания не может вместить нынче наш самый знаменитый из советников Ивановых. Если два течения в пролетарской партии могут быть без особой натяжки уподоблены двум течениям буржуазной демократии XVШ века, то делать отсюда вывод, что, вообще, марксизм есть, **современный якобинизм,** значит обнаруживать самую прискорбную путаницу понятий и отсутствие всякого понимания как сущности якобинизма, так и сущности социал-демократии.

Только при наличии этой путаницы, можно «ляпнуть» (стр. 100): «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Увы, тов. Ленин: якобинец, установивший неразрывную связь с пролетариатом, есть просто буржуазный демократ, подчинивший себе идейно и политически пролетариат, а «неразрывная связь» между «якобинцем» — исторически конкретной политической фигурой—и сознательным пролетариатом—есть nonsens, выдающий **все убожество политического мышления нашего автора**. Это почти то же, что сказать: христианский идеал, неразрывно связанный с историческими задачами классовой борьбы пролетариата, это и есть революционный социализм.

Любопытные рассуждения Ленина о «заговорщической опасности» мы рассмотрим ниже, а здесь только еще раз отметим, как дурные приемы мышления ведут неизбежно к адвокатским, в специфическом смысле, приемам спора и к привольному обращению с истиной.

«Жирондист» Акимов против диктатуры пролетариата, «якобинцы» ортодоксии за нее. Акимов неправильно утверждал, что эта диктатура в нашей программе (писанной не Лениным) понимается «народовольчески», как диктатура **партии**, а не класса*). С тех пор как Акимов жирондистский говорил это, появились Акимовы «якобинские»—сиречь, уральские, и, не шутя, заговорили о диктатуре диктатора над партией, а партии над рабочим классом. «Аксельроды» указывают на новое, реакционное извращение марксизма и отстаивают **диктатуру** класса против диктатуры **над классом**. Правдолюбивый Ленин кричит: «Аксельрод оказался в компании жирондистов».

Довольно. Кого Юпитер хочет погубить, того лишает он разума. Представитель пережитой стадии нашего партийного развития, упрямо стремившийся задержать партию на том пунтке перелома в этом развитии, когда он сам был «вознесен» высоко над всей партией,—тов. Ленин закрыл себе глаза на все окрест происходящее, и все понимание его поглощено теми карточными постройками, которые он возвел в лето 1903-е на втором с'езде и которыми он теперь так детски любуется, излагая их в четвертый раз на новый лад и переходя уже к графическому методу изображения этого «чудного» момента его политической карьеры. Поглощенный этим занятием, он постепенно, незаметно освобождается от всех уз, которые наложила на него усвоенная им марксистская «культура», и в своей **практической** позиции все больше приближается к той свободе от «теории», которая уж так выгодно отличает некоторых из его смелых учеников. Сегодня он уже третирует всемирную историю, словно девицу легкого поведения, и за панибрата хлопает по плечу «великую гегелеву диалектику», завтра он—для ради пострамления «карьеристов»—даст хорошего «раза» оппортунистам—Каутским и Парвусам. Можно себе представить, куда заведет по этому пути нашего воина его неукротимый нрав. В конце-концов, пелена начнет спадать и с глаз пока еще «немеющих» в своем

*) Ответ на этот упрек см. в речи Троцкого [82]). Протоколы стр. 132.

восхищении «твердых» и кому же, о уральские и иные «почитатели», кому же из вас, товарищи, судьба сулит ту роль, которую в известной милой сказке сыграл самый догадливый из придворной среды, окружавшей некоего короля, ходившего в весьма причудливом костюме?. Кто первый освободится от **веры в собственную ограниченность и**, взглянув на «короля», решится сказать во всеуслышание то, что ему подскажет очевидность: да, ведь, и костюма-то никакого нет, а просто совсем голым наш король ходит.

II. Пролетарии и интеллигенты в Русской социал-демократии.

Организация, которая на втором с'езде составила себе устав, в определенном смысле толкуемый «большинством», есть, на европейский масштаб, всего только организация **руководителей** пролетарской борьбы, а не организация борющихся пролетариев. Рабочей партией наша партия пока еще является только идейно, а не по преимущественному составу ее организации (комитетов), в числе членов которых процент рабочих весьма незначителен. С самого своего зарождения эти организации принимали различные меры, направленные к тому, чтобы изменить отношение между пролетарскими и интеллигентскими элементами в более благоприятную для первых сторону. Но до сих пор им это не удавалось и не удавалось потому, что процесс классового развития русского пролетариата, выделяющий из него новые и новые пригодные для введения в партию элементы, постоянно «опережался процессом революционизирования демократической интеллигенции, выделявшим из нее новых рекрутов социал-демократии. Со времени «экономизма» характер нашей партийной организации, со стороны ее личного состава, стал—относительно—более «интеллигентским», хотя влияние ее на массу усилилось. И особенно резко этот преимущественно интеллигентский характер стал вырисовываться в «искровскую» эпоху, когда в борьбе за революционно-пролетарские **принципы** движения и соответствующие им формы организации этого движения мы вступили в столкновение с естественно-выросшими «чисто рабочими» организациями, противостоящими нашим комитетам и ставшими тормозом для развития движения в направлении революционной классовой борьбы. Отсталые, сравнительно с комитетами, по своим организационным методам и по содержанию своей работы, эти «широкие рабочие организации» должны были уступить комитетам и—сойти со сцены *). **По мысли** большинства тогдашних «искровцев», это устранение «широких рабочих организаций» отнюдь не означало усиления преимущественно-интеллигентского характера партийной организации, и только когда этот результат был «стихийно» достигнут, нашлись, как всегда. по ленинской несуразной терминологии, «хвостисты», которые санкционировали этот отрицательный результат и со всем жаром наивного недомыслия стали чуть ли не гордиться тем, что в организациях пролетарской партии пролетарии фигурируют в роли rara alvis, редкой птицы. Напротив, в период борьбы с «демократическими» организациями предполагалось, что распущение этих последних снимет все искусственные перегородки между «интеллигентскими» комитетами и безответственными агитаторскими и пропагандистскими кружками рабочих и тем самым позволит первым построить «сверху вниз» такую прочную и достаточно широкую организацию, в которой найдут свое место все сознательные и революционные элементы пролетариата и в которой автоматически будет совершаться «снизу вверх» процесс «завоевания» пролетариями того положения в партии, которое определяется ее пролетарской программой. Предполагалось, одним словом, что реформированная местная организация будет **политически воспитывать** охваченные ею пролетарские элементы и вырабатывать из них «будущих Бебелей [83]) и Ауэров», которые постепенно и овладеют нашими комитетами. В «Что делать», как и в «Письме к товарищу [84]), тов. Ленин указывает на такие именно перспективы.

*) Попытка—в противовес об'единению комитетов—создать об'единение этих организаций в «действительно рабочую» партию, делавшаяся около времени второго с'езда, должна была потерпеть фиаско, в силу политической отсталости ее инициаторов.

Вот эта именно организация **руководителей** движения, только-что разрушившая стихийно-выросшие «широкие рабочие организации» и только еще собиравшаяся возместить их систематическим «отбором» передовых пролетарских элементов, вот эта-то именно организация и создала те нормы, которые были формулированы в уставе, принятом вторым с'ездом, и которые защищаются нынешним «большинством». Эта организация руководителей движения, как нельзя менее, похожа на организацию пролетариата, ибо последний не составляет ее ядра, а целиком находится **вне ее**. Если из нашего устава вычесть так резко дисгармонирующий с ним § 1, то получится устав организации руководителей рабочего движения, состоящий из ЦО+ЦК+Комитеты и Союзы. Но комитеты и союзы не суть простые составные части организации пролетариата, выполняющие лишь определенные функции руководства. Комитеты и союзы суть составившиеся путем добровольного соединения единомыслящих коллективности «профессиональных революционеров», берущие на себя инициативу **внести порядок** в хаос местного движения и об'единять деятельность многочисленных кружков, групп и единиц, выделяемых этим движением. Так возникли наши комитеты и такую роль играли они ко времени с'езда. Организационной задачей последнего было регулировать взаимоотношения между отдельными комитетами и равносильными им организациями для того, чтобы внести планомерность и единство в систему воздействия их на рабочее движение и на всю массу более или менее оформленных кружков и групп, рассеянных в нем. Если мы не имели основания назвать совокупность норм, определяющих эти взаимоотношения, уставом **партии**,—то лишь потому, что предпосылкой нашего строительства являлся завоеванный предыдущей нашей работой значительный авторитет комитетов в глазах всей массы русских социал-демократов и сознательных рабочих. Но эта-то предпосылка, скажу мимоходом, требовала, от нас величайшей осторожности в деле регулирования наших собственных отношений внутри того целого, которое я называю—в отличие от партии—**партийной организацией** или, если хотите, организацией **руководителей**: всякое **ненужное** раскалывание этой организации, не оправдываемое существенными непримиримыми разногласиями, означало бы необходимо и неизбежно апелляцию от нее **к партии в целом** и подрыв авторитета этой организации в глазах массы социал-демократов. А это, в свою очередь, поставило бы с такой же неизбежностью, вновь на очереди вопрос об остающихся до сих пор не регулированными никаким общим уставом организационных отношений комитетов в совокупности сознательных пролетариев каждой местности. Отсюда уже видно, какую медвежью услугу оказал делу централизма наш великий стратег, когда во имя своего бесшабашного «интеллигентского индивидуализма», не признающего подчинения своей воле коллективности, **заменил** решение важнейших организационных вопросов на с'езде решением их на «процеженном» собрании «24-х»[85]), которое он систематически терроризировал угрозой «сделать партию несчастной» своим выходом в отставку. Это значило—расколоть **партийную организацию** и тем самым **устранить всякую возможность** опираться на ее авторитет в деле регулирования «сверху вниз» всех организационных отношений внутри партии в широком смысле слова. И у него хватает все еще наивности вопрошать меня (стр. 91): «не попробует ли он (Мартов) показать нам, что был на свете такой партийный с'езд, что мыслим, вообще, такой партийный с'езд, в котором бы большинство не закрепляло завоеванного влияния 1) проведением большинства же в центры, 2) вручением им власти для парализования шаткости, неустойчивости и расплывчатости». Тов. Ленину за меня уже ответил Каутский, и из его простых слов о невозможности строить нелегальную (да и одну ли только нелегальную?) социалистическую партию на «принципе» подавления числом голосов—вытекает ясно, каким в сущности «русским дикарем» является автор «Шага» в вопросах политической организации.

Из сказанного мною уже видно, что мы—«меньшинство»—не так уже чужды, как это кажется тов. Ленину, идее «построения партии сверху вниз, исходя от с'езда», если только под «построением партии» понимать не канцелярскую мечту творения «из ничего», а реальное революционное дело **оформления фактически**

слагающейся рабочей партии. Но именно, чтобы можно было строить «сверху вниз», надо с'ездом партийных организаций воспользоваться для того, чтобы усилить в высшей степени то **начало доверия**, на котором—при нелегальных наших условиях, при отсутствии гласности и демократического контроля—держится влияние комитетов на всех социал-демократов и—через них—на рабочую массу. И, конечно, об'единение руководящих организаций нужно было **не для того**, чтобы совместными усилиями накинуть и затянуть на шее сознательного пролетариата «мертвую петлю» какого-нибудь ультра-централистического «плана». Значительное влияние, которое воплощала бы в себе такая об'единенная и крепкая своим единством партийная организация, позволило бы ей без всякого «кровопролития», без лишних трений, выполнить трудную работу проведения сложной организационной сети от «центров» к массе действительных социал-демократов, группирующихся около наших комитетов. Без всякой «игры в демократизм» и в «выборное начало» могла бы быть совершена эта реформа, в результате которой бы мы имели развившуюся из нынешнего зародыша **пролетарскую** партию, начинающуюся от «всех сознательных пролетариев» и кончающуюся «конспиративным ядром профессиональных революционеров». Этой стороны «организационного вопроса» для тов. Ленина, очевидно, не существовало, **и намеком** на эту сторону дела явился злосчастный § 1 устава, смысл которого заключался в напоминании партийным организациям, что они—пока еще—являются только теми кадрами, из которых путем повторной мобилизации должна еще образоваться партийная армия.

Большинство с'езда смутно, по крайней мере, чувствовало, что прошлое позволяет нам учесть силы только этого организованного ядра и лишь **внутри** его оформить юридически организационные отношения. Вопроса о типе местной организации, об отношениях между комитетами и подчиненными им группами, **наш устав вовсе не касается**, и тов. Ленин клевещет на с'езд, когда приписывает ему санкционирование тех канцелярских планов местной организации, которые содержатся в «Письме к товарищу».

Как же должна была итти постройка партии «сверху вниз», исходя из партийного с'езда и им созданных учреждений»? «Меньшинство» ответило на этот вопрос **после с'езда**, когда показало, что стоящие перед ним задачи **организации** не могут быть разрешены иначе, как по мере разрешения выдвинутых развитием нашей партии вопросов **тактики**. Это значит следующее. Работа недавнего прошлого была, по существу своему, работой вовлечения широких масс пролетариата в борьбу с самодержавием, как «общенациональным» врагом России. Для выполнения этой работы нам достаточно было иметь единомыслящие комитеты, пользующиеся в глазах массы достаточным революционным авторитетом, чтобы периодически мобилизовать ее для всякого рода политических «доказательств», и связанные с массой через посредство разных групп и кружков, служащих техническими помощниками комитетов в деле руководства массовым проявлением борьбы. Ведущаяся комитетами в этих кружках пропаганда и попадающие в массу, через посредство газет, брошюр и прокламаций, обрывки социал-демократических идей являются гомеопатически малой дозой социал-демократического содержания, вносимого в «чисто политическую» революционно-демократическую агитацию против царизма.

Такого рода политическое руководство пролетариатом не может считаться действительным социал-демократическим руководством. Чтобы оно стало таковым, наша работа должна существенно реформироваться в том направлении, чтобы дальнейшему расширению и революционизированию массового движения соответствовали и развитие и рост самостоятельной **классовой партии пролетариата,** в которой «комитеты» являлись бы признанными ею ее **политическими представителями.** Самая агитация наша должна стать разносторонне и глубже, чтобы вместить все составные элементы нашей классовой программы; политика Российской Социал-Демократической Рабочей Партии должна не «идеально» лишь, не со стороны чистоты руководящих ее «вождями» принципов, а реально, на деле, стать активной политикой сознательного слоя российского пролетариата, уполномоченными которого являлись

бы эти «вожди» (какой «хвостизм не правда ли, тов. Ленин?); этот сознательный слой пролетариата должен принимать, следовательно, активное участие во всех проявлениях партийной жизни, в процессе выработки партией ее программы, принципов ее тактики и методов ее организации. Когда это будет налицо, тогда мы сможем с полным правом назвать себя **авангардом** российского пролетариата, тогда и только тогда мы сможем надеяться, что неминуемо-предстоящий момент ликвидации царизма будет одновременно моментом вторжения русского пролетариата, **как сознательного класса**, в те сферы открытой политической жизни, которые попытается захватить в свое монопольное владение российская буржуазия.

Вот какая громадная политическая задача стояла непосредственно перед нами в момент «ликвидации третьего периода» [86]) на втором с'езде; вот какую задачу нам придется решать в тот, надеемся, близкий уже момент, когда мы исправим ошибки второго с'езда и восстановим единство внутри своей «организации руководителей» для того, чтобы приступить, непосредственно и не покладая рук, к работе по превращению этой организации в остов **самостоятельной классовой пролетарской партии.**

Если бы второй с'езд не совершил указанной ошибки, если бы он не закончился новым расколом «организации руководителей»,—первым делом созданным им учреждений было бы: принятые с'ездом политических представителей решения **сделать достоянием всего сознательного пролетариата.** Вернувшиеся со с'езда делегаты, выбранный ими ЦК не должны были бы ознакомлять местные комитеты рассказами о вновь об'явившемся неуловимом течении «мягкого искровства», а тем паче, о внезапном впадении Засуличи Аксельрода в «оппортунизм», да еще такой, о котором ни делегаты, ни члены ЦК не могли сообщить «комитетчикам» ничего вразумительного, впредь до того, как тов. Ленин «покажет», что это за новый оппортунизм. Но зато они должны были бы, через посредство местных комитетов, ознакомить передовые слои пролетариата с принятой на с'езде **программой**, с решениями с'езда о принципах политической деятельности партии и с конкретными вопросами организации, рассмотренными на с'езде. Обсуждение во всевозможных группах и собраниях результатов с'езда сделало бы самый с'езд, в котором участвовали только представители комитетов, действительным с'ездом **партии**, рамки которой сами собой определялись бы в ходе этого обсуждения. Планомерная пропаганда решений с'езда очертила бы, таким образом, около комитетов круг действительных **членов партии**, разделяющих ее программу и готовых работать под руководством комитетов. Эта пропаганда связала бы с комитетами и их с'ездом, а следовательно, и с ЦК, самыми прочными узами многие тысячи передовых рабочих. И это же обсуждение позволило бы «проверить» решения с'езда в вопросах тактики и организации, как проверил поведение своей делегации «Бунд», проведший через многие десятки агитаторских собраний вопрос о федерации и автономии. И только по совершении такой «проверки», мы имели бы нравственное право говорить, что решения нашего с'езда были не только приняты с точки зрения пролетариата, но и исходили, по существу, **от пролетариата.**

Да что вопрос о «Бунде». Мы приняли одно определенное решение по очень конкретному вопросу тактики—по вопросу об отношении пролетариата к закону о «фабричных старостах». Как могло случиться, что теперь, через год после с'езда мы не имеем голоса сознательного пролетариата по этому практическому вопросу, что мы **не знаем**, где и как была принята пролетариями наша резолюция, встретившая столь различную оценку среди нас—«профессиональных революционеров». Не означает ли этот факт, что у нас нет еще партийной жизни за пределами «интеллигентских» комитетов. *)

Но партия развивается не одним обсуждением принципов своей политической деятельности, а больше всего самым процессом этой деятельности. И если бы мы

*) Судя по некоторым сообщениям из Баку, Екатеринослава, Одессы, вопрос этот занимал сознательных рабочих. Орган московских типографов («Вестник № 5)» выступил против тактики, предписанной с'ездом.

ушли со с'езда, как единая партийная организация, перед нами встала бы задача такой работы на местах, в которой могла бы проявиться, как живой организм, пролетарская партия.

Сделать отдельные проявления нашей агитации отдельными актами политической самодеятельности сознательных рабочих; ввести их в круг вопросов общественной жизни, монополизированных до сих пор реакционной, либеральной и радикальной буржуазией; добиться коллективного вмешательства их в сферу этих вопросов, как самостоятельной политической силы: использовать, следовательно, организуемые нами и независимо от нас организующиеся рабочие собрания для выработки **коллективного мнения** по вопросам политической жизни; приурочить к проявлениям этого коллективного мнения наши манифестации и протесты—и во всей этой работе действительного **политического руководства** вести одну, определяемую нашей программой, линию самостоятельной классовой политики пролетариата, вне которой немыслимо существование классовой пролетарской партии.

Эта громадная и новая работа не может быть осуществлена разрозненными силами слабых местных комитетов. В ней нам необходим центральный комитет. И наш ЦК (продолжим свою «утопию») берет в свои руки дело качественного под'ема уровня нашей работы, в целях выработки в процессе политической борьбы, действительно-пролетарской партии. ЦК непосредственным влиянием и рассылкой своих агитаторов и пропагандистов помогает местным комитетам справиться с работой ознакомления сознательных рабочих с результатами с'езда. Он пропагандирует в комитетах **методы** систематического воздействия на рабочую массу в целях выработки в ней элементов классового самосознания. Наступает японская война. ЦК берет в свои руки дело мобилизации российского пролетариата для систематического протеста против войны во имя его классовых интересов. Небольшая группа толковых агитаторов об'езжает все центры движения, с помощью местных комитетов собирает ряд сходок, проводит определенные резолюции, знакомит возможно-широкие круги рабочих с перипетиями авантюристской политики самодержавия, с конкретным соотношением выступающих на политической сцене общественных сил, с поведением, буржуазии, с зигзагами либералов. Время-от-времени, из подполья нелегальных собраний волна пролетарского протеста выливается в открытую уличную демонстрацию. Политическая деятельность социал-демократии выражается уже не в разрозненных прокламациях комитетов и статьях ЦО, она становится политической деятельностью **класса**. И на почве только этой слагающейся политической борьбы класса может итти успешно дело **«формальной организации»** его передовых элементов.

В деле этой организации мы идем «сверху вниз», исходя от с'езда. Но мы «идем» не в пустое место, не в царство теней, а в такую среду, в которой «снизу вверх» совершается процесс «самовольного» об'единения пролетариев, их «стихийной» организации. Мы приветствуем этот «самовольный» процесс, потому что он является прямым результатом нашей агитации, потому что при условии, что содержание этой агитации действительно социал-демократическое, и сама организация «стихийно» стремится служить не ограниченным каким-нибудь целям «самопомощи» на профессиональной почве, а целям классовой борьбы. Но мы знаем хорошо, что нам нужна централизованная партийная организация. Не боясь создаваемых рабочими «самовольных» организаций, мы, однако, не думаем подчинять **этим** организациям всецело своей боевой, сверху вниз строящейся, конспиративной организации, мы не «строим партии снизу вверх». Мы заявляем право нашей конспиративной организации, санкционированной с'ездом и «общественным мнением» сознательного пролетариата, подчинять своему революционному контролю деятельность этих «самовольных» рабочих организаций—в целях поддержания единства политического действия и в целях «конспиративного отбора». И чем содержательнее в социал-демократическом смысле слова будет наша агитация, чем более развита будет политическая жизнь всех этих рабочих организаций, тем меньше опасности, что центра-

лизующая руководство их деятельностью «организация профессиональных революционеров» идейно и материально «оторвется от массы», тем меньше опасности, что она превратится **в заговорщический кружок.**

Вот тот «оппортунизм» нынешнего «меньшинства», который, по Ленину, является результатом психологии «интеллигентского индивидуализма», восставшего против «пролетарской дисциплины». Страшное слово, нечего сказать; но, если посмотреть «вглубь вещей», то появление этого страшного слова найдет свое достаточное об'яснение.

В самом деле, если поставить вопрос: в каком отношении стоит «пролетарская дисциплина» к той организационной утопии Ленина, которую мы подвергаем критике, то ответ будет один: то, что Ленин идеализирует в своей системе, как высшее проявление прирожденной пролетарской дисциплины, есть не что иное, как политическая пассивность и сравнительная партийная незрелость большинства сознательных пролетариев: пассивность и незрелость, на которых держится нехитрое здание «доселешней» нашей партийной организации.

Группы социал-демократов интеллигентов,—среди которых в ничтожном количестве теряются отдельные пролетарии,—руководят очень еще неразвитым рабочим движением на местах. Основные кадры этого движения—сознательные рабочие—плохо организованы, плохо воспитаны политически, не проявляют достаточной степени активности в вопросах **общего** направления движения, в вопросах партийной тактики. Отдельные попытки проявить свою активность («бунты» рабочих организаций против комитетов) терпят жалкое фиаско, потому что **содержание** их протеста чересчур узко, слишком примитивно, чтобы оказать влияние на общее направление работы партии, которая давлением внешних условий **вынуждена** ставить себе широкие цели, в масштабе, определяемом громадностью исторической задачи, в решении которой мы,—социал-демократы,—должны принять участие. Но—в массе своей—сознательные рабочие слишком еще политически неопытны; не имея ни нашего (интеллигентов) опыта предыдущих революционных поколений, ни достаточно теоретических знаний и знакомства с рабочим движением передовых стран, они слишком далеко отстают от «сливок» социал-демократической интеллигенции, чтобы, как равные с равными, соучаствовать с ними в решении вопросов партийной политики. И те вопросы, которые на «высотах» партии ставились в широком об'еме крупных проблем программы и тактики—ортодоксия или бернштейниазм, самостоятельная революционная политика или политика Credo,—эти вопросы для массы «рядовых» принимали «упрощенный» вид—стачка или демонстрация, экономическое улучшение или «долой самодержавие» профессиональная касса или революционная организация. При таких условиях, как только наступила должная «гармония настроений» между «управляющими» и управляемыми», как только сознательные рабочие вошли целиком в интересы непосредственной борьбы за свержение самодержавия, а комитеты поставили сколько-нибудь сносно агитацию в интересах этой борьбы,—между теми и другими установились организационные отношения, исключающие прежние мучительные трения и основанные на более или менее полном доверии рабочих к комитетам и к их, недоступной контролю рабочих политике. Опираясь на такую гармонию, комитеты на втором с'езде выработали свою «внутреннюю конституцию». И вот теперь тов. Ленин принимая за данное **абсолютизм** комитетов в местном движении, как результат партийной незрелости широких кругов рабочих, хочет сделать этот абсолютизм организационным принципом всей партии, при чем наивно выводит этот свой принцип из исторически-переходящего момента пролетарской пассивности, которую он возводит в сан прирожденной «пролетарской дисциплины».

Рабочие спокойно присутствовали при том, как их комитеты из «бернштейнианских» становились «ортодоксальными», в то время как убогая местная практика, в сфере которой они только и жили, была равно далека и от бернштейнианских и от рев.-соц.-дем. принципов. Рабочие спокойно терпят, как комитеты выносят резолюции против «меньшинства» и в пользу «меньшинства», оставаясь при самом смутном понимании «большинства и меньшинства» и при полном неве-

дении того отношения, какое имеют споры между ними к вопросам местной практики. Такова печальная действительность, кричащая о том, сколько нам еще нужно работать, чтобы сделать партию нашу пролетарской не по субъективным только настроениям, ее одушевляющим, а и по характеру ее внутреннего строения. И эту печальную действительность тов. Ленин идеализирует, как высшее выражение присущей пролетарию дисциплины. «Клевещут на пролетариат по вопросу о неподготовленности (его) к организации»,—демагогически восклицает он (стр. 145). «Не пролетариату, а некоторым интеллигентам из нашей партии недостает самовоспитания в духе организации и дисциплины...» «Пролетариат не боится организации и дисциплины, господа» (Ibid). И все это по тому случаю, что пролетариат **еще не** поднялся на такую высоту политического понимания, которая позволила бы ему **взять под свой контроль** всю работу руководства «некоторых интеллигентов, возмнивших, что они, помощью ежовых рукавиц и «уставчика», спасут пролетариат от его собственной «стихийности», влекущей его в сторону «буржуазной идеологии»... Тов. Ленин глубоко убежден в том, что как карась «любит», чтобы его жарили в сметане, так и пролетарий «предпочитает», чтобы политика **рабочей** партии велась комитетами из интеллигентов (из тех, которые получат от ЦК свидетельство в самоосвобождении от «индивидуализма»), чтобы вопросы партийной тактики оставались вечно достоянием интеллигентских «верхов» партии. А кто не разделяет этой «любви» пролетариата, кто не верит в спасительность такой—вытекающей из политической неопытности—дисциплины, кто желает влить новую струю в эту партийную жизнь, тот—«буржуазный индивидуалист».

Да, карась любит, чтобы его жарили в сметане. До такой степени любит, что готов воспевать ту сковородку, на которой он жарится. Вы не верите? «Попытки эти (попытки «меньшинства» систематизировать свои взгляды Л. М.) замечательно подтверждают высказанное уже на с'езде партии соображение о различии точек зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии, и пролетария, сознавшего свои классовые интересы. Наприм., тот же «Практик» [87]) новой Искры»... изобличает меня в том, что партия представляется мне, как «огромная фабрика» с директором, в виде ЦК, во главе ее. «Практик» и не догадывается, что выдвинутое им страшное слово сразу **выдает психологию буржуазного интеллигента, незнакомого ни с практикой, ни с теорией пролетарской организации**». (стр. 147).

Остановимся пока на этих словах. Тов. Ленин, когда писал их, должен был знать досконально, что тов. «Практик»—**пролетарий**, которому фабрика знакома не по исследованию Туган-Барановского [88]), а на собственной шкуре, тов. Ленин не мог не знать этого, но так как для него «истина есть результат судоговорения», то он считает себя в праве говорить, по поводу Практика, о «точке зрения буржуазного интеллигента, присоединяющегося к социал-демократии», о «психологи буржуазного интеллигента», незнакомого... даже с «практикой пролетарской организации».

По существу вопроса Ленину отвечает тов. Р. Люксембург [89]). Нужна удивительная примитивность мысли, чтобы, как это делает Ленин, сказать: «дисциплина и организация, которые с таким трудом даются буржуазному интеллигенту, особенно легко усваиваются пролетариатом, именно благодаря этой фабричной «школе». Ленин заявляет, что фабрика «научила пролетариат организации» и упускает при этом из виду, что фабрика организует только **техническую деятельность** людей, тогда как в развитии их **политической** деятельности фабричная дисциплина является тем первым **препятствием**, которое пролетариям приходится преодолевать борьбой. Воображать, поэтому, что пролетарская партийная организация так и должна быть **копией с организации фабрики,**—это значит подтвердить худшие из обвинений, какие доселе были предъявлены нашему дезорганизатору.

«Смертельная боязнь перед этой (фабричной) школой, непонимание ее организующего значения, характерны именно для приемов мысли, отражающих мелкобуржуазные условия существования». Сильно сказано, тов. Ленин. Только не ка-

жется ли вам, что представление рабочей партии в виде большой «политической фабрики», очень типично отражает взгляды весьма «индивидуалистичного» **для себя** просвещенного русского администратора, который для «подлой черни» не может и представить себе другой «организующей школы как школы» пассивного механического повиновения, а политическое «руководство» над этой «чернью» отождествляет с руководством» **фабричного надсмотрщика.**

В разговорах об «интеллигентском индивидуализме» и в ссылках на пример зап.-европейских рабочих партий автор «Шага вперед» снова проявляет поразительное отсутствие **исторической перспективы.** Послушать его, так «массовый» интеллигент-революционер **при всяких условиях и везде,** сообразно своей «природе», является в политической организации индивидуалистом-автопомистом. Но как же быть с «интеллигентскими» организациями старых бланкистов, как быть с нечаевцами [90]), как быть с Народной Волей, как быть с П. П. С., [91]) как быть, наконец, с нашим нынешним «большинством», строящим ультра-централистически свою чисто «интеллигентскую» организацию. Впрочем, о «большинстве» или по крайней мере, о тов. Ленине еще не сказано здесь последнее слово. Мы по крайней мере не теряем надежды увидеть со временем, **когда** тов. **Ленин разойдется с нынешним «большинством»,** восстание «индивидуальности» тов. Ленина против им же созданной организации. И тогда, быть может, все члены партии будут иметь материал для того, чтобы судить, насколько тов. Ленин **в своей индивидуальной политической деятельности данного момента считается с дисциплиной той коллегии, в которую он входит.**

Клевещут на пролетариат,—плачется Ленин,—говоря об его неспособности к организации. Тов. Ленин, напротив, благоговейно верит в способность русского пролетариата к организации. Он только хорошо помнит, что «организовать, это—прежде всего—написать устав». При таком определении способность пролетариата к организации означает способность принимать «уставную грамоту», как «принимали» ее в свое время «освобождаемые» крестьяне. А пролетарская склонность к организации означает жгучую любовь к управлению помощью присланных «сверху» уставов. Не скверная ли это насмешка тов. Ленина над нынешней далеко не идеальной степенью политического развития наших пролетариев, над их политической пассивностью, благодаря которой они не умеют, подобно немецким, наприм., рабочим, сами **организоваться** в политические союзы, самоуправляющиеся, воспитывающие своих членов и самостоятельно «переваривающие» всю сложность социал-демократической программы. То положение дел, при котором, пока не появилось «интеллигентского» комитета, передовые рабочие, большей частью, не могут сами пойти дальше образования кружка саморазвития, цеховой кассы или разрозненной (lose) организации, распространения литературы,—это положение, свидетельствующее о громадности работы организационного самовоспитания, предстоящей пролетариату, тов. Ленин идеализирует, как полную готовность пролетариев к тому, чтобы их «заезжали»—виноват, организовали «сверху», строя всю организацию на базисе пассивности. И этот человек до мозга костей пропитанный психологией заговорщика, для которого политическая пассивность широких слоев пролетариата является необходимым базисом для развития их активной революционности в роли пушечного мяса, идущего в бой под командой «крепкой организации профессиональных революционеров»,—и этот человек утверждает, что «он дает рабочим стимул к организации»! Он «защищает» рабочих, уверяя, что они «склонны» к той специфической организации, которую он проповедует, которая считается с рабочими не как с субъектами всесторонней политической деятельности, а как с объектами упрощенного политического воздействия «профессионально-революционных» комитетов, как с пассивными орудиями в руках этих комитетов. Еще раз—не скверная ли это насмешка так «защищать» русских рабочих от «клеветы» «меньшинства»? Не означают ли, следовательно, слова о «пролетарской дисциплине» перефразировки того положения, что карась любит, чтобы его жарили в сметане.

Сознательные рабочие должны обратить самое серьезное внимание на этот вопрос. Дальнейшая их политическая пассивность в делах партии является серьезной опасностью для всего пролетарского дела. Дальнейшее **безусловное** доверие к политическому руководительству нынешних интеллигентских организаций, руководимых, в свою очередь, «ленинцами», может привести к вытравлению из нашей партии и тех черт пролетарской партии, которые она уже себе привила. Пусть знают сознательные пролетарии, что жупел «оппортунизма в организационных вопросах» есть просто вздор, придуманный для гипноза «несознательных интеллигентов», ибо оппортунизм не может ограничиваться вопросами организации и оппортунистическое решение последних должно быть связано с оппортунистическим пониманием самых задач партии. А оппортунистическое понимание этих задач бывает весьма разнообразно, но все виды его могут быть сведены к одному источнику. Этот источник—отрицание (сознательное или бессознательное) задачи самостоятельной классовой политики пролетариата, а, следовательно, в области организационной—отрицание работы над выработкой самостоятельной **пролетарской** политической партии. Кто, словом или делом, отрицает **такую** организационную задачу, кто, во имя ли интересов борьбы с самодержавием, во имя ли превратных представлений о сущности организации, т.-е. во имя идеализации «организации сверху», покоящейся на полной пассивности механически организуемых масс, во имя ли недоверия к «стихийности масс»,—кто, по каким бы то ни было причинам ставит препятствия процессу политического **самовоспитания** пролетариата, путем его активного участия в выработке политики его партии; кто, по каким бы то ни было побуждениям, противодействует такому углублению нашей политической работы, при которой пролетарии в самой повседневной борьбе получали бы импульсы к политическому самовоспитанию в ходе постоянного их вмешательства, как сознательной силы, в общественную жизнь современной России; кто пытается (см. «Шаг вперед») отвлечь их внимание от этих тактических задач к чисто механической работе организации сверху на предмет выработки из массы социал-демократии простого технического аппарата **управления** пролетарскими массами,—тот оппортунистически приспособляет задачи социал-демократии к убожеству той политической обстановки, в которой пролетариат делает свои первые шаги, к потребностям «общенациональной» революции, нуждающейся в рабочих, только как в революционно-настроенной массе. Тот—несмотря на революционность своего настроения—является оппортунистом постольку, поскольку он отказывается **теперь же** работать над формированием из пролетариата самостоятельной классовой силы. И против этого оппортунизма сознательные рабочие должны повести самую решительную борьбу. И этот оппортунизм, в отличие от выдуманного Лениным, никогда не сможет ограничиться областью организованных вопросов,—он непременно проявится и в области тактики, и в области программы, и в области текущей **политики.**

Действительные принципиальные сторонники пролетариата из «интеллигенции» должны, в свою очередь, освободиться от гипноза **этого** вида оппортунизма, проводящего, под флагом «пролетарской дисциплины», самое «хвостистское» санкционирование таких тенденций нашего движения, которые означают временную неспособность пролетариата играть иную роль, чем роль пассивного орудия буржуазной революции.

Пролетарская партия, или организация интеллигентских руководителей несознательных пролетарских масс—так стоит теперь вопрос, который тов. Ленин пытается окутать туманом абстрактно-метафизических противопоставлений. Разносторонняя социал-демократическая тактика, развивающая элемент **такой** партии, или упрощенная тактика «вовлечения масс» в общереволюционную борьбу с самодержавием, на неизменном базисе политической пассивности передового слоя пролетариата. Политическая самодеятельность пролетариев, или вечная опека над ними непролетарской организации.—Так стоит вопрос, на который каждый член партии должен дать себе отчетливый и ясный ответ.

И если сознательные рабочие, действительно, «оклеветаны» Лениным, пытающимся уверить своих интеллигентных читателей, что карась любит, чтобы его жарили в сметане,—то они приложат все свои усилия к тому, чтобы ответ партии на этот вопрос гласил:

«Росс. Соц.-Дем. Раб. Партия сознательно хочет быть и остаться классовым движением организованных рабочих масс» (Маниф. Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии 1898 г.)

ПРОБУЖДЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ И НАШИ ЗАДАЧИ.

(Л. Мартов—«Искра», № 58 за 1904 год).

...Мы докажем им, что сознательный пролетариат не намерен за чечевичную похлебку экономических и культурных реформ продавать право политического первородства, им приобретенного в качестве первого, главного и наиболее умелого могильщика старого порядка. И мы скажем радикальной буржуазной демократии: мы пойдем рука об-руку с вами только в том случае, если вы без недомолвок и без оговорок подпишите выдвинутые нами основные политические требования.

Как, однако, скажем мы демократии все это, диктуемое нам нашей программой и принципами нашей тактики.

Неужели мы ограничимся тем, что к моменту того или иного выступления демократов подобного тому, какое имело место на техническом с'езде, [98]) мы пошлем им прокламацию от нашего комитета и заявим в ней о своем социал-демократическом отношении к выставляемым демократией лозунгам, к применяемым ею методам. Неужели мы удовлетворимся только такой демонстрацией **во имя** пролетариата. Не слишком ли мало будет этого для того, чтобы оказать заметное воздействие на соотношение общественных сил, определяющих политическое направление пути, которым идет наша родина.

Этот вопрос вполне уместно поставить в наше время, когда понимание сложных практических задач нашей об'единенной партии упрощается порою самым непростительным образом. Слишком часто в представлении товарищей вся наша агитационная работа сводится к интенсивному выпуску прокламаций, к широкому распространению произведений печати.

Если бы нам удалось сколько-нибудь хорошо приспособить свою организацию **к этой** цели, то мы—при прочих равных условиях—были бы, вероятно, способны время-от-времени организовать политические демонстрации того типа, который установился практикой последних лет, то-есть, могли бы время-от-времени выводить для протеста против самодержавия в его наиболее основных и наиболее всеобщих проявлениях более или менее густые толпы проснувшихся к политической жизни рабочих.

Эту ли задачу должны мы преследовать в своей агитации? Таким ли путем мы, «подготовляя революцию» подготовлением рабочего класса к ней, выполним свою обязанность политического воспитания пролетариата, как самостоятельной и всегда готовой к борьбе за эту самостоятельность политической силы? Не трудно видеть, что выполняя **такую** работу, мы еще не выходим из рамок того, что на нашем месте выполняла бы революционно-демократическая партия, имеющая известное соприкосновение с массой городского пролетариата.

Но, ведь, мы, выполняя эту работу, «наполняем ее классовым содержанием», поскольку в этих самых листках разоблачаем буржуазную ограниченность и либеральную половинчатость политических действий других классов, поскольку связываем свою агитацию по данному вопросу с основами нашей программы.

Все это, скажем мы, очень нужно, хотя, к сожалению, далеко не всегда и далеко не всегда умело выполняется при нашей агитации, но всего этого недостаточно для удовлетворительного решения стоящих перед нами практических задач.

Революционное классовое воспитание пролетариата не достигается одним только воздействием печатного и устного слова, а участие более или менее широких слоев пролетариата в общеполитических, общенародных манифестациях против

основ самодержавного режима **само по себе** дает им только самое элементарное политическое воспитание, подобно тому как участие их в организованных стачках само по себе вырабатывает только **зачатки** классового самосознания.

Необходимо живое, активное участие самого пролетариата, в лице хотя бы непосредственно руководимой нашей партией его сознательной части, во всех актах политической и общественной жизни. Необходимо, чтобы социал-демократия выступала не только **во имя**, но и во главе пролетариата; необходимо, чтобы в ее выступлениях пролетариат не только «стоял» за нею, но и **шел** за нею.

Маленький, мимеографом напечатанный листок Петербургского Комитета нашей партии, обращенный «к членам с'езда деятелей по техническому образованию», является хорошим свидетельством того, каковой характер принимает на практике наше «участие в политической жизни» России. В событии, в котором активно участвуют **тысячи** рядов буржуазной демократии, демократия пролетарская фигурирует в лице одной лишь своей руководящей группы, и не невозможно, что этот акт «хождения партии пролетариата во все классы» совершился при полном даже неведении сознательных и способных к политической активности слоев пролетариата о том, что его представителями совершен «по Искре» этот акт...

Мы не думаем, чтобы большинство действующих в России товарищей надеялось этой, по истине, «отпиской» от настоящего дела заменить самое дело, необходимость которого теперь признана всеми; но мы знаем, что дальше такой отписки в большинстве случаев дело не идет. И мы думаем, что наши разговоры о лучшей форме организации партийного дела рискуют оказаться праздными разговорами, если по главнейшим функциям этого дела мы будем отписываться листком печатной бумаги.

Передовые, пробужденные нами к политической мысли, слои рабочего класса должны активно участвовать в каждом крупном акте общественной жизни, достойном привлечь их внимание. Они—а не только их сидящие в комитетах руководители—должны «разговаривать» с теми или другими организованными группами других социальных классов; они—эти передовые слои пролетариата—должны—открытой ли демонстрацией, принятием ли на тайных собраниях резолюций—пытаться оказать **политическое давление** на ту или другую общественную группу, столкнувшуюся с самодержавием, для того ли, чтобы побудить ее к более энергичному отстаиванию прогрессивных требований, или для того, чтобы толкнуть ее на путь более радикального, более демократического протеста. Только сталкиваясь **на практике** с различными общественными группами, только практически и непосредственно «сотрудничая» с ними в деле отстаивания общих интересов против общего врага, передовые—все более широкие слои—слои пролетариата научатся понимать то реальное отношение общественных сил, которым должна определяться тактика их собственных партий, научатся отличать своих возможных союзников от своих ложных друзей, начнут воспитывать в себе и во все более и более широких массах своего класса конкретное представление **о своей классовой политике,** отличной от политики всех остальных, борющихся рядом с пролетариатом, общественных групп. Только путем такого живого участия пролетариата в общественной жизни может выработаться у нас действительно рабочая партия, достойная этого имени. И только содействуя каждым актом своей повседневной работы образованию этой партии, наши организации выполнят на деле задачи, диктуемые нам нашей программой.

НА ВЕРНОМ ПУТИ [93].

(Л. Мартов «Искра», № 83, за январь 1905 г.).

Манифестации [94]) организованных пролетариев на собраниях либерально-демократической опозиции, говорят нам,—недостаточно революционны для настоящего революционного времени.

Почему собственно? Потому что они не направлены непосредственно против абсолютизма? Неверно. Ибо, манифестируя, пролетарии покрывают своим могучим

голосом слабые голоса общественного протеста либеральной демократии и тем самым усиливают политический эффект более или менее легальных выступлений земцев и тому подобных элементов.

— Но эти выступления не заменяют вооруженных столкновений руководимой пролетариатом народной массы с силами реакции?

Разумеется, но не в этом и цель таких манифестаций, как не в этом заключалась—для социал-демократии!—и цель обычных в нашей борьбе уличных демонстраций. Основная их цель была агитационная, и обычные демонстрации сравнительно ограниченного круга сознательных рабочих и не могли ставить себе иной цели. Лишь такие, в строгом смысле слова, массовые демонстрации, которые непосредственно вырастают из стихийного под'ема широких слоев народа, в обычное время слабо реагирующих на нашу агитацию,—лишь такие демонстрации могут нами оцениваться с точки зрения их возможного превращения в частные выступления, с точки зрения их обобщения в одно всероссийское выступление народа. Но для того, чтобы иметь перед собой такие демонстрации как хроническое явление, надо усиленно и систематически вести агитацию в самых широких массах всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами. А чтобы вести такую агитацию, надо прежде всего концентрировать ее на определенных, ясных и принципиально-правильных политических требованиях, и эти требования сделать массе понятными во всей их конкретности путем постоянного наглядного **демонстрирования** того реального соотношения общественных сил в «общенациональной» борьбе наших дней, которое мы для себя констатируем теоретическим анализом и публицистическим освещением. Разнообразные политические уроки, данные имевшими уже место случаями «соприкосновения» революционных пролетариев и оппозиционных буржуа на арене общей борьбы с режимом бюрократии в Харькове и Одессе, в Киеве и Саратове, Петербурге и Чернигове [95]), не останутся достоянием тех только тысяч передовых пролетариев, которые явились непосредственными участниками этих событий. Втягиваемые нашей агитацией в сферу активной борьбы новые и новые слои народа воспримут в свое пробудившееся сознание совершенно определенные картины политической действительности, которые будут ассоциироваться с общими идеями, являющимися предметом нашей «повседневной» пропаганды и агитации. Наивно воображать, будто революционное развитие массы может итти иным путем. Наивно представлять себе, будто крепкая организация «профессиональных революционеров», сильная только своей конспиративностью, гибкостью и **революционным престижем**, завоеванным в течение известного периода,—будто она сможет «овладеть» поднимающимися в момент острого революционного под'ема новыми широкими слоями народной массы, и повести ее по тому пути, который диктуется **нашим** пониманием **ее** интересов. Увы! Политический капитал, приобретенный в условиях подпольной работы, быстро обесценивается в яркие дни действительной революции, и политический кредит, завоеванный при отсутствии конкурентов на него, может быть скоро и безвозвратно утерян. Для того, чтобы народная масса шла за нами в дни революции, необходимо, чтобы процесс приближения этой революции был одновременно процессом политического сплочения в ходе активной и планомерной борьбы всех уже теперь сознательных атомов этой массы, чтобы каждый временный под'ем нового слоя этой массы «естественно» крепко связывал возможно большую часть его с уже сплоченным ядром сознательного пролетариата Совершенно очевидно, что эта великая задача не достижима средствами одного лишь «накачивания» народной массы прокламациями, изготовленными партийными типографиями, да по неволе редкими политическими «смотрами», которые партия может делать этой массе в виде уличных демонстраций и стачек. Совершенно очевидно, что эта полезная и необходимая работа должна непременно дополняться и политически осмысливаться интенсивным участием в «повседневной» политической жизни уже об'единенных нами пролетарских элементов. Тут же заметим, что **только этим путем** решается, в конечном счете, тот вопрос об «укреплении связи партии с массой» и о «демократизации» нашей организации, который так живо интересует теперь большинство членов нашей партии.

Как это ни странно, но наша точка зрения вызывает в умах некоторых романтиков игриное представление о желании «добиваться осязательных результатов» в смысле Бернштейна [94]). Не понимая, что в качестве социал-демократов мы не можем в деле приобретения революционного влияния на массы рассчитывать ни на что иное, кроме развития классового самосознания и классовой организации передовой части пролетариата, эти романтики воображают, будто отстаиваемая нами тактика жертвует целью—народной революцией—для «обязательного» результата в виде... приобретенного пролетариями политического опыта. Недавно один политический младенец на этом основании зачислил нас в бенрштейнианцы. Но ему удалось это сделать, и ему подобным будет удаваться это только в той мере, поскольку он из числа ближайших целей социал-демократии вычеркнул задачу формирования классовой партии пролетариата, как «мелочь», которою следует поступиться, когда речь идет о подготовке выступления. Сознательные русские пролетарии, разумеется, по достоинству оценят подобные попытки затуманить их сознание и не променяют на чечевичную похлебку бескорыстных аплодисментов либеральных «друзей народа» и псевдо-революционных его льстецов своего права на первородство, на гордое сознание, что **нечто более не приближает, нечто вернее не обеспечивает наступления русской революции, как каждый новый шаг, делаемый русским пролетариатом по пути развития его классового сплочения.**

Социал-демократия не желает уподобляться Помпею [96]), который питал иллюзию, что ему стоит топнуть ногой, чтобы из земли выросли новые легионы. Она предоставляет повторение плачевного опыта Помпея тем авантюристским партиям, которые—подобно антисемитским партиям многих западно-европийских стран—внезапно становятся общественной силой и столь же внезапно видят свои массы возвращающимися в небытие политического сна. Она говорит: «то, что жизнью взято раз, не в силах рок отнять у нас», и стремится своей «повседневной» тактикой обеспечить себя от тех сюрпризов, которые неминуемо ждут демагогические партии.

Партия взяла верный «курс», когда—хотя с некоторым опозданием и не всегда достаточно быстрым темпом—повела свою нынешнюю кампанию, не смущаясь криками из партера и из галерки русского освободительного движения. Она пойдет и далее по избранному ею пути, тем самым вернейшим образом подготовляя себя и руководимые ею слои пролетариата к тому близкому уже моменту, когда результаты ее агитации смогут быть учтены в открытом активном выступлении самых широких масс народа. Этот момент не за горами,—бакинские события являются симптомом его наступления. И наша теперешняя «кампания» по поводу войны и по поводу либеральной «весны» должна иметь результатом—выработать хорошо обученные кадры офицеров и унтер-офицеров той громадной армии, которая в этот момент будет вновь требовать от нас политического руководства.

РАБОЧИЙ КЛАСС И БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

(Л. Мартов «Искра», № 79 за 1904 год).

Главный двигатель и центральная фигура надвигающейся буржуазной революции русский пролетариат не может, если бы даже «захотел», если бы даже его убедили недальновидные вожди,—остановиться на полдороге в деле исторического разрушения «добуржуазных» форм общежития. Он не может допустить никакого «своевременного компромисса» между историческим прошлым и вылупляющимся будущим, потому что всякий такой компромисс будет оплачен им, потому что всякий такой компромисс будет совершен на счет его политических прав или сверхсметных материальных лишений. Гонимый вперед развитием исторического процесса, он не может остановиться в ломке существующего на том пункте, где того бы хотела та или другая фракция оппозиционной буржуазии: потому что всякая такая остановка для него, несущего главное бремя разрушительной работы, означает шаг назад по направлению к полному бесправию и материальному вырождению. Силой вещей пролетариат толкается к противодействию всяким попыткам остановить ре-

волюционное развитие, и когда это стихийное противодействие не озаряется отчетливым сознанием своих исторических задач, оно неизбежно выливается в **революционную утопию,** в попытку **обойти** путь исторического движения, в попытку предъявить **буржуазной** революции невыполнимые для нее требования. Но если развитие классовой борьбы русского пролетариата сделало возможной в России буржуазную революцию, то развитие его классового **самосознания** и его организации вокруг социал-демократического знамени сделали маловероятным для него этот трагический исход его борьбы против изменнических попыток буржуазии предать дело своей собственной революции. Под руководством социал-демократии, русский пролетариат отстоит дело буржуазной революции от всяких попыток погубить его «своевременными компромиссами». Воздействуя на буржуазную оппозицию силой своего влияния на **народные массы**, силою своей сплоченности и **самостоятельностью** своей политической позиции, сознательный пролетариат, группируя вокруг себя в своих политических выступлениях все в данный момент **еще не** удовлетворенные социальные элементы и подчиняя их своему руководству, тем самым двигает вперед развитие буржуазной «реформы» за пределы, которые ей ставятся и будут еще ставиться вкусившими от древа познания ранними провозвестниками будущих измен либеральной демократии. Социальные силы, которым предстоит сыграть активную роль в предстоящем преобразовании, еще только начинают выходить на политическую арену, драма буржуазной революции еще только начинает развертываться; почти не слышно крестьянства, молчат миллионы сектантов, слабы голоса задавленных царизмом национальностей. Только действительно-революционная программа внесет единство и планомерность в процесс пробуждения этих стихий. И эту программу, которая не может не быть программой **полного, всестороннего и последовательного развития буржуазной революции**, даст социалистический пролетариат. Во имя этой программы, он будет толкать вперед буржуазное общество в целом в его борьбе с царизмом; во имя ее, он будет раскалывать это общество всякий раз, как те или иные его фракции, найдя удовлетворение своим **частным** интересам в том или ином «своевременном компромиссе», будут в своей политике итти в разрез с общими интересами буржуазного развития.

Во имя этой революционной программы, пролетариат **сегодня** выдвигает требование прекращения войны и созыва всенародного учредительного собрания. Подхватываемые широкой оппозиционной массой, навязываемые ею ее умеренным вождям, эти требования уже сыграли видную роль в деле **обобщения** революционной борьбы против царизма, в деле углубления пропасти между ним и его врагами. Мы уже добились того, что **против** всенародного характера учредительного собрания никто из буржуазной оппозиции не решается открыто выступить; мы постараемся добиться и того, чтобы вся она сочла необходимым поддержать его. И в дальнейшем развитии событий пролетариат сумеет провести свою революционную линию. Прекращение войны и созыв учредительного собрания закончат **пролог** революции. Последовательная, сверху донизу, **демократизация** государственного строя, осуществляющая самодержавие народа и полноту гражданских свобод индивидуума, коренная ломка аграрных отношений, наносящая смертельный удар кабальным порядкам и «первенствующему сословию», революционно-демократическое решение «национальных вопросов»,—по **этой** линии будет направлять общественное преобразование сознательный пролетариат. И на этом пути он сметет, как бутафорскую ветошь, жалкие постройки «своевременных компромиссов».

ИТОГИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ВЕСНЫ.

(Ф. Дан «Искра», № 81 за 1904 г.).

Но та гражданская война, которую, с беззастенчивостью испытанного авантюриста, провоцирует самодержавие, должна заставить широкие круги либерально-демократического общества не остановиться в самом начале этого пути. История австрийской контрреволюции [97]), история Муравьевского крестового похода в

Польше [98]) показывают, куда пойдет затравленное царское правительство. Сегодня, по его почину, тамбовские хулиганы избивают земцев, завтра оно будет натравлять крестьянина на помещика, серого рабочего—на либерального фабриканта, и в этой гражданской войне оно не остановится перед эксплоатацией всех тех иллюзий, которые, в первобытно-наивной форме, сливаясь с архаическими идеалами варварской эпохи—православием и самодержавием, смутно бродят в непросветленной светом политического сознания душе народных низов. Отклоняя мысль народа от политического переворота и, ради этой цели, разжигая все грубые инстинкты и страсти, эта гражданская война зальет пожаром и кровью деревни и города. Всероссийский Кишинев [99]) вот что сулит России самодержавие. А когда напуганные «высшие» классы покорно припадут к стопам самодержца, тогда придет черед и народу кровью расплачиваться за разбивающиеся о суровую действительность иллюзии, и освещенное демагогическим крещением самодержавие вознесется над побежденной Россией.

Все это будет, если удадутся планы сторонников самодержавия. Или, вернее, все это могло бы быть, если бы эти планы могли удаться. Но они не могут удаться, потому что в лице сознательного пролетариата выступает на сцену исторической драмы тот народ, которому чужды утопии и иллюзии, который не может пойти на удочку самодержавных демагогов, который знает, что только через развалины царского трона он может выйти на путь борьбы за социальное освобождение. И эту твердую, уверенную поступь в борьбе мог дать пролетариату только рост его **классового** сознания, только его классовая организация. В той мере, в какой социал-демократии удастся стать во главе освободительного движения и подчинить своему влиянию все освободительные силы, ровно в той мере становятся неосуществимыми кровожадные замыслы разбойников самодержавия, и те попытки разжигания гражданской войны, к которым они прибегнут, падут на их же голову.

Гражданская война под знаменем демагогии и во имя цезаристского возрождения самодержавия, или демократическая революция—на этом распутье стоит теперь страна.

Рабочий класс не заставит себя долго ждать; чуткое ухо уже слышит приближающийся мерный шаг рабочей армии, идущей на беспощадный бой с царизмом. Самодержавие тоже напрягает все свои силы, чтобы отстоять свои позиции, и без боя не сдается. А посреди этих двух непримиримых сил мечется до сих пор в нерешительности либерально-демократическое общество. Чем ближе час грозной битвы, тем настоятельнее для русской демократии примкнуть определенно к той или другой стороне. Самостоятельная роль либерализма, с его легальными методами действия, сыграна. Он высказал все, что мог сказать, и последний политический шаг его земской организации может, как это показал пример Московского, Смоленского и Черниговского земств, состоять лишь в самоупразднении. Надвигающаяся реакция с ее беспощадною местью, с одной стороны, надвигающаяся революция с ее «крайними» демократическими лозунгами—с другой, как два жернова, перемалывают промежуточные формы общественного движения. За гражданскую войну, организованную самодержавием, со всем ее варварством и со всеми ее реакционными результатами, или за революцию, стремящуюся воплотить в жизнь наиболее совершенные формы государственной демократии—вот вопрос, который надо решить. Отказ от всех политических прав в пользу самодержавия, или отказ от политических привилегий в пользу народа—вот между чем надо выбирать.

Преисполненный сознания величия своей исторической миссии может смотреть рабочий класс в лицо грядущим событиям. Несокрушимый оплот прогресса и культуры,—он воздвигает утес, о который разобьются волны реакции. Насилию самодержавных громил он противопоставит силу бордов революции, демагогическим натравливаниям—свет классового сознания. И каждая капля той крови, которая прольется во имя революции, будет живительной росой для ростков народной свободы. Теперь, когда правительственный ответ на конституционное движение бросил луч света на перспективы будущего, теперь пролетариат с полным правом

может сказать, обращаясь ко всем, кто хочет свободы: пора бросить всякую двусмысленность, пора открыто и бесповоротно признать демократические лозунги народа! Всякое колебание, всякая попытка уклоняться от последовательного демократизма может только облегчить замыслы самодержавных демагогов, отдать им всю страну на «поток и разграбление». Кто хочет последовательной борьбы с самодержавием, тот уже не может не быть за демократические требования народа!

ПРИМЕЧАНИЯ К III РАЗДЕЛУ.

1. **Майские сходки 1891—1892. гг.**, были созваны в Петербурге по инициативе Брусневской организации. На первой из них выступили с речами рабочие соц.-демократы—Афанасьев, Климанов, Прошин и Богданов. Упомянутые речи впоследствие неоднократно перепечатывались и служили в руках соц.-демократических работников прекрасным агитационным материалом.

2. **Имеется в виду голод 1891—1892 гг.**, который охватил 30 губерний с 40 миллионами населения. Вызванный разорительной для крестьянства политикой самодержавия, он способствовал оживлению политической борьбы в России. Голод, сопровождавшийся эпидемиями (холера, тиф), вызвал ряд стихийных, так наз. холерных бунтов, направленных, главным образом, против медицинского персонала.

3. **Сысойка**—тип одичалого мужика в повести Решетникова «Подлиповцы».

4. **См. примеч. 43**, раздел: «Легальный марксизм и экономизм».

5. **«Рабочее движение и соц.-демократия»**—популярная брошюра, написанная П. Аксельродом и изданная с группой «Освоб. Труда» в 1884 г.

6. **Здесь имеется в виду Виктор Обнорский,** организовавший вместе с Халтуриным «Северный союз русских рабочих» в 1878 году. Обнорский был за границей несколько раз, там встречался с П. Б. Аксельродом. За границей Обнорский ознакомился с западно-европейским соц.-дем. движением, что не осталось без влияния на взгляды основателей Северного союза, судя по программе последнего.

7. **См. прим. 91**, раздел: «Легальный марксизм и экономизм».

8. **Брошюра Аксельрода** на ряду с верными положениями имеет не мало таких мест, которые своим содержанием являются прямыми зародышами оппортунизма. Так, например, Аксельрод, несомненно переоценивает роль либерального дворянства в революционном движении, совершенно не отмечает революционных возможностей, кроящихся в крестьянстве и проч.

По выражению В. И. Ленина в его письме к Потресову от 26/I 1899 г. (см. IV ленинский сборник), Аксельрод «перегнул палку», воюя против пренебрежительного отношения к умеренно-прогрессивным элементам и «как-бы затушевывал... самостоятельное и более решительное положение, занимаемое представляемым им (т.-е. Аксельродом) движением.

9. Положение, что по отношению к рабочему классу все другие классы «составляют одну реакционную массу» было выдвинуто Лассалем. Марксом это положение было подвергнуто критике (см. К. Маркс «Критика Готской программы»).

10. **«Работник»**—непериодический сборник «Союза русских социал-демократов», выходивший в 1896—1899 гг. за границей под редакцией «Группы Освобождение Труда».

Всего вышло 6 номеров «Работника» в трех книгах. Кроме него, выходили еще Листки «Работника», из которых №№ 1—8 (1896—1898 гг.) выходили под той же редакцией, последний же № 9—10 вышел в ноябре 1898 году под временной редакцией, после того как «Группа Освобождение Труда» отказалась от редактирования изданий «Союза русских социал-демократов».

11. Перепечатанные здесь статьи П. Аксельрода под общим заголовком «Об'единение российской соц.-дем. и ее задачи», появившиеся после раскола на II с'езде Р. С. Д. Р. П., пытаются дать принципиальную оценку организационным разногласиям в партии, исходя из того, что за централистическими тенденциями большевиков

об'ективно скрывается борьба демократической (якобинской) интеллигенции против классовой самостоятельности пролетариата.

Точка зрения П. Аксельрода была воспринята в общем и целом всеми сторонниками меньшевизма.

Критику Аксельродовских статей см. у В. И. Ленина в «Шаг вперед, два назад», Глава «Новая «Искра». «Оппортунизм в организационных вопросах», том V, Собр. сочинений.

12. **Речь идет о широких студенческих волнениях 1901 года**, на которые живо откликнулись рабочие во многих городах. Кое-где выступления рабочих масс прошли неорганизованно по вине экономистски настроенных с.-дем. комитетов, что приводило к лишним жертвам, а главное—грозило потерей соц.-дем. руководства в общедемократическом движении. В других же случаях соц.-демократия принимала самое активное участие в руководстве выступлениями как рабочих, так и самих студентов.

13. **«Вестник русской революции»**—Эсеровский журнал, выходил с 1901—1905 гг. Ближайшее участие в журнале принимали М. Р. Гоц, К. Тарасов, Ю. Гарденин (В. Чернов) и пр.

14. **«Призыв к коренному изменению тактики в 24 часа»**—имеется в виду «Раб. Дело» (орган левого крыла экономистов), которое в связи с начавшейся в 1901 году волной политических демонстраций, студенч. волнений и т. д. круто повернуло от агитации за частичные требования к тактике «штурма самодержавия», ссылаясь на слова В. Либкнехта, «если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа». Об этом см. В. И. Ленин «С чего начать», том IV.

15. **«Заря»**—Соц.-демократический, научно-полит. журнал под ред. тт. Плеханова, В. И. Ленина, П. Аксельрода, Л. Мартова, В. Засулич и Потресова. Выходил с 1/IV 1901—август 1902 г.

16. **«Агенты»** «Искры»—это уполномоченные представители от редакции «Искры», выполнявшие в России ответственную работу организаторов и идейных руководителей местных соц.-дем. групп и комитетов, переходивших на точку зрения «Искры» и признававших «Искру» своим органом.

17. **Клубы в эпоху Великой Французской Революции**, когда не было строго оформленных партий в современном смысле этого слова, играли большую роль. По существу они заменяли собой парт. организации. Особое значение приобрел клуб—«Общество якобинцев», который образовался 8 февраля 1790 года. Уже в 1791 г. он насчитывал 406 отделений в провинции. Эти отделения проводили директивы и влияние центрального клуба «Общество якобинцев» на местах.

18. **Р. Люксембург (1870—1919)**—выдающаяся представительница польского и германского рабочего движения, крупнейший теоретик марксизма, принимала участие в основании Коммунистического Интернационала. После II с'езда РСДРП Р. Люксембург в организационных вопросах солидаризировалась с меньшевиками, но в революции 1905 г., на V с'езде РСДРП и Штутгардском международном конгрессе (1907 г.) близко подошла к большевикам. Находясь на левом крыле германской С.-Д., Роза Люксембург вместе с Кл. Цеткин, К. Либкнехтом, Ф. Рингом, занимает интернационалистическую позицию, основывает „Союз спартака". Убита офицерами Шейдемана после поражения январского востания 1919 г. в Германии.

19. **В 1878 г. Бисмарк** внес проект закона «против общеопасных стремлений социал-демократии» Закон был принят на двухлетний срок и потом систематически возобновлялся вплоть до 1890 г. Согласно этому закону, социал-демократическая партия и распространение с.-д. литературы было запрещено.

20. **Петербургские стачки 1896 г.**—см. примечание 44, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

21. **Студенческие беспорядки в марте 1901 г.**—см. примечание 51, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

22. **Массовая стачка в Ростове-на-Дону**, происходившая в ноябре 1902 г., отличалась от питерской забастовки 1896 г. тем, что, начавшись на экономической почве, переросла в крупнейшую политическую забастовку. Происходили ежедневные

большие митинги рабочих за городом, руководимые ростовским комитетом РСДРП. Ростовские события знаменуют собой новый этап рабочего движения, период политических стачек и демонстраций

23. **Парвус—псевдоним А. Л. Гельфанда** (1869—1924)—русский эмигрант, в 90-х и начало 900 годов работавший в Германии, примыкавший к левому крылу с.-д., рядом с Р. Люксембург вел решительную борьбу против бернштейнианства. Сотрудничал в «Искре» и «Заре». После раскола поддерживал меньшевиков, хотя и расходился с ними в тактических вопросах. Выдвинул в применении к русской революции 1905 г. теорию «перманентной революции». В эпоху войны—крайний социал-шовинист и прямой агент германского империализма.

24. **«Рабочая Мысль»**—литературный орган самых крайних экономистов, выходил с 1897—1902 г. г.

25. **«Лассальянцы» и «Эйзенахцы»**—два течения в германском рабочем движении 60-х и первой половины 70-х годов. В 1863 г. Лассаль основал самостоятельную политическую партию рабочего класса под названием «Всеобщий германский рабочий союз» После смерти Лассаля (1864 г.) во главе Союза стал облеченный диктаторскими полномочиями И. Швейцер, который поддерживал политику Бисмарка, стремившегося осуществить национальное об'единение Германии и подчинить ее прусскому юнкерству. На почве недовольства этой политикой лассальянцев, саксонские рабочие организации (во главе с В. Либкнехтом и А. Бебелем) на с'езде в Эйзенахе конструировались как с.-д. партия. Об'единение обоих направлений «лассальянцев» и «эйзенахоцев» произошло в 1875 г. на конгрессе в Готе.

26. **«Общество фабианцев»**—основано в 1884 г. Имя «фабианцы» произошло от имени римского полковника Фабия Кунтатора («медлителя»), прославившегося выжидательной, уклоняющейся от решительных боев, тактикой. Общество, состоящее из представителей английской интеллигенции, ставит своей задачей отвлекать рабочих от идей марксизма. Во главе общества стоят Сидней и Беатриса Веббы, Бернар Шоу, Г. Уэльс. «Фабианцы» входят в английскую рабочую партию в качестве составной части.

27. **Жорес Жан—(1858—1914)**—один из вождей французского социал. движения, не был чистым марксистом, стоял на правом крыле социал. партии, старался примирить Маркса с идеалистической философией, поддерживал Мильерана (тогда социалиста), принявшего министерский портфель в радикальном буржуазном правительстве. Убит за день до об'явления империалистической войны в 1914 г.

28. **Имеется в виду брошюра П. Б. Аксельрода**, «Взаимное отношение либеральной и социальной демократии» (1898 г).

29. **«Гонители земства и Аннибалы либерализма».** См. т. V. Собр. сочинений В. И. Ленина.

30. **«Политическая борьба и политиканство»**—статья В. И. Ленина, направленная против политиканства земских деятелей, идущих на переговоры и соглашения с правительством. Собр. сочин., т. IV, стр. 181—188 (изд. 1923 г.).

31. **«Политическая агитация и классовая точка зрения»**—статья В. И. Ленина по поводу доклада орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, содержавшего в себе требование—свободы совести. «Наш прямой долг раз'яснять пролетариату, расширять и путем активного участия рабочих поддерживать всякий либеральный протест, будет ли он происходить от столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадурами, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч., и проч. „Наш прямой долг вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое социал-демократическое отношение к нему». (Ленин. «Искра» № 16 от 1 февраля 1902 г. Собр. сочин., т. IV, стр. 84).

32. **Письмо «старых земцев» и статья В. И.** по этому поводу—см. Ленин, Собр. сочин., т. IV, стр. 99—109.

33. **Стахович, М. А.**—видный представитель умеренно-либеральных земских кругов. В 1901 г. на миссионерском с'езде в Орле выступил с защитой свободы совести

против гнета тогдашнего полицейского православия. В период Февральской революции 1917 г. был финляндским генерал-губернатором.

34. **Рязанов, Д. Б**—социал-демократ с 1883 г. С 1901 г. возглавлял группу «Борьба», которая до II с'езда РСДРП стремилась примирить «Искру» с «Рабочим Делом». В области программно-теоретической «Борьба», стоя в общем на позиции ортодоксального марксизма, истолковывала его в ряде случаев в доктринерско-схоластическом духе. В тактических вопросах «Борьба» выступала против «Искры», оценивая гегемонию пролетариата, как «оппортунизм в мундире ортодоксии» (Рязанов Проект программы «Искры» и задачи русских с.-д. 1903 г.). С 1917 г. Д. Б. Рязанов вместе с организацией «межрайонцев» вошел в большевистскую партию. Ныне руководит институтом Маркса и Энгельса.

35. **«Эпоха великих реформ»**—«Освобождение» крестьян от крепостной зависимости, проведенная в 1861 г. «сверху» помещиками. Реформа 1861 г. усилила рост капитализма в России.

36. **«Диктатура сердца»**—так названа была политика начальника «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с крамолой в 1880 г. Лорис-Меликова. Эта политика была очень кратковременной попыткой русской бюрократии путем заигрывания с либералами отвлечь их от растущего в стране революционного развития.

37. **Драгоманов, М. П.** (1841—1895)—публицист и историк. В эмигрантской литературе Драгоманов представлял последовательный буржуазный либерализм. Находясь в решительной оппозиции к царизму, он в то же время категорически высказывался против социализма и классовой борьбы. Выступая против народничества и с.-д., Драгоманов искал опоры в земском движении, но его программа была последовательной и шире программы земской оппозиции 70-х и 80-х годов и либералов эпохи «Освобождения».

38. **Мартовские дни в 1901 г.**—см. примечание 51, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

39. **«Освобождение»**—двухнедельник, орган либеральной оппозиционной буржуазии, редактировавшийся П. Струве, издавался нелегально в Штутгардте с 1 июля 1908 г. и в Париже с 15 октября 1904 г. по 18 октября 1905 г.

«Освобождение» пользовалось большим влиянием среди либеральной интеллигенции и либеральных земцев, оно подготовило почву для образования конституционно-демократической партии (кадетов) в 1905 г.

40. **Шипов, Д. И.**—видный земский деятель, умеренный либерал, председатель московской губернской земской управы (1893—1904), один из организаторов с'езда земских деятелей (XI—1904 г.), возглавлял правое крыло земцев. Шипов вел политику соглашения с царизмом и тем самым помогал последнему ослаблять земское движение.

41. **Резолюция Потресова—Мартова о либералах**, принятая II с'ездом, гласила, что с.-д. поддерживает либералов если: а) они ясно и недвусмысленно заявят, что в своей борьбе с самодержавным правительством становятся решительно на сторону российской социал-демократии; б) что они не выставят в своих программах требований, идущих в разрез с интересами рабочего класса и демократии вообще или затемняющих их сознание и в) что своим лозунгом борьбы они сделают всеобщее, равное, тайное, и прямое избирательное право». Критика этой резолюции у Ленина «Шаг вперед, два шага назад» (Собр. сочин., т. V).

42. **Лассаль**—см. примечание 20, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм»

43. **Брошюра «Задачи русских социал-демократов» В. И. Ленина** написана в ссылке в конце 1897 г. и отпечатана впервые с предисловием П. Б. Аксельрода за границей осенью 1898 г. (Собр. Сочин., т. I, стр. 341—360).

44. **Клемансо, Ж.**—французский политический деятель. Вначале своей общественной деятельности примыкал к крайнему левому лагерю, потом радикал. С 1906 г. в разное время занимал пост премьер-министра.

45. **Брошюра написана Л. Мартовым,** согласно решения редакции новой «Искры» (меньшевистской), в ответ на письмо В. И. Ленина «Почему я вышел из редак-

ции «Искры» (т. IV, стр. 318, изд. 1923 г.).) Письмо было послано в редакцию «Искры», но последняя отказалась его напечатать; тогда В. И. выступил с отдельным листком.

46. **Устав Л. Мартова,** который не был внесен на с'езд. Устав опубликован В. И. Лениным в брошюре «Шаг вперед, два шага назад» (т. V, стр. 340—343). По поводу Мартовского устава В. И. пишет: «Первый вывод: устав страдает трудно излечимой водянкой. Второй вывод: особого оттенка организационных взглядов в смысле отрицательного отношения к гипертрофии централизма открыть в сем уставе не представляется возможности. Третий вывод: тов. Мартов поступил в высокой степени благоразумно, когда скрыл от глаз света (и от обсуждения на с'езде) свыше 38/39 своего устава» (т. V, стр. 343).

47. **С № 53 «Искра»** выходит в меньшевистской редакции. Статья «Наш с'езд» принадлежит Л. Мартову. В этой статье Мартов принципиальный спор на II с'езде по вопросу о построении партии (§ 1 устава) сводит к спору «исключительно по вопросу об организации центр. учреждений партии».

48. **Инцидент с организационным комитетом по вопросу** о приглашении на с'езд представителя группы «Борьба» Рязанова (см. Протоколы II с'езда, стр. 38). Комиссия по определению состава с'езда высказалась против приглашения группы «Борьба», согласно двукратному решению Организац. Комитета и доклада его представителей в комиссии. После обсуждения вопроса с'ездом и закрытия списка ораторов представитель О.К. внес снова на обсуждение перерешенное постановление О.К. о приглашении Рязанова. Мартов вместе с большинством «искровцев» выступал против последнего предложения (см. у Ленина т. V, стр. 308—310 и 313).

49. **Из статьи В. И. Ленина** «Почему я вышел из редакции Искры», т. IV, стр. 322 (изд. 1923 г.).

50. **§ 12 устава, принятый на II с'езде, гласит:** «Все партийные организации и все коллегиальные учреждения партии решают дела простым большинством голосов и имеют право кооптации. Для кооптации новых членов и исключения их требуется $^2/_3$ голосов при отсутствии мотивированного протеста... Кооптация новых членов в центральный комитет и в редакции Центрального Органа производится единогласно...».

51. **«Революционная Россия»**—орган партии С.-Р., № 1 вышел в 1901 г. в Финляндии по инициативе руководителей Северной группы С.-Р.

52. **Глебов (В. А. Носков)**—член Организ. Комитета по созыву с'езда. Избран членом ЦК. После первой революции отошел от партии, умер в 1913 г.

53. **Павлович (П. А. Красиков)**—член ОК по созыву II с'езда. На с'езде был в «большинстве». Работает в Наркомюсте.

54. **В брошюре «Шаг вперед, два шага назад»** В. И. Ленин позицию «меньшинства» на II с'езде назвал «оппортунизмом в организационных вопросах». Очень скоро в «Плане земской кампании» новой «Искры» оппортунизм «меньшинства» выявился и в тактических вопросах.

55. **Швейцер, И (1833-1875)**—лидер лассальянцев в германском рабочем движении 60-х годов. После смерти Лассаля редактировал «Социал-Демократ, поддерживал политику Бисмарка,—об'единение Германии под верховенством прусского юнкерства, что вызвало разрыв Маркса и Энгельса со Швейцером. В 1867 г. стал во главе организованного Лассалем «Всеобщего германского рабочего союза», получив от членов союза диктаторские полномочия.

56. **№ 55 «Искры» ст. П. Аксельрода: «Об'единение российской социал-демократии и ее задачи.** Итоги ликвидации кустарничества». В этой статье Аксельрод пишет, что «торжество бюрократического централизма в партийной организации—итог борьбы с кустарничеством».

57. **«Заграничная лига русской революционной социал-демократии»** основана осенью 1901 г. В Лигу вошли революц. организация «Социал-Демократ» и заграничное отделение «Искры»—«Зари». Лига была вспомогательной организацией при

редакции «Искры». Задачами Лиги—являлись распространение идей революц. с.-д. и вербовка сторонников «искровства» среди революционно-настроенной учащейся молодежи за границей.

«Меньшинство», потерпев поражение на II с'езде, решило взять реванш на II очередном с'езде Лиги. В ноябре 1903 г. В. И. Ленин отчитывался о работах II с'езда РСДРП на с'езде заграничной Лиги, и меньшевистское большинство Лиги осудило позицию В. И. Ленина на II с'езде РСДРП.

58. **«Южный Рабочий»—С.-Д. орган Екатеринославского комитета».** «Южный Рабочий» не стоял в резкой оппозиции к экономизму, но более рельефно подчеркивал политические задачи раб. движения. Группа «Южного Рабочего» входила в Орг. Комитет по созыву II с'езда. На с'езде отличалась неустойчивостью в принципиальном отношении, входила в так наз. «болото». После с'езда группа прекратила свое существование.

59. **Кольцов (Гинзбург)**,—активный работник «Искры». На II с'езде примкнул к «меньшинству».

60. **Попов (В. Розанов)**—Делегат от группы «Южный Рабочий», примкнул к «меньшинству».

61. **Штейн (Е. Александрова)**—присутствовала на с'езде от Орг. Комитета

62. **Письмо Ф. Дана**, написанное после II с'езда, является одним из документов подпольной литературы, распространяемой «меньшинством» Ф. Дан послал письмо одному иногороднему товарищу, который его размножил и пустил по рукам. Вместе с предисловием письмо перепечатано в брошюре Мартова «Борьба с осадным положением».

63. **Резолюция II с'езда «Заграничной лиги»** по докладу о работах II с'езда РСДРП была принята по предложению П. Аксельрода, Староверова и В. Засулич.

64. **Гусев-Драбкин, С. И.**—делегат на II с'езде РСДРП от Донского комитета, сторонник большинства. О реабилитации Гусева—см. Ленин, т. V, «Шаг вперед, два шага назад»—приложение.

65. **Муравьев**—делегат на II с'езде РСДРП от Уфимского Комитета, сторонник большинства.

66. **Дедов—Лидия Книпович**, делегатка на II с'езде РСДРП от СеверногоСоюза, сторонница большинства.

67. **Ланге—А. М. Стопани**—делегат на II с'езде РСДРП от Северного Союза, сторонник большинства.

68. **Ж. Гэд (1845—1922)**—один из основоположников и вождей ортодоксального крыла французской социал-демократии. С начала империалистической войны превратился в социал-патриота.

69. **Жорэс**—один из вождей оппортунистического крыла французской социал-демократии и II Инцернационала.

70. **Уральцы—Уфимский, Средне-Уральский и Пермские Комитеты РСДРП**, после II с'езда РСДРП примкнувшие к большинству.

На приглашение новой «Искры» местным комитетам высказаться по вопросу о происшедших в партии разногласиях, они отозвались письмом в редакцию ЦО., дав резкую отповедь меньшевистским вождям. Письмо уральцев было помещено в приложении к № 63 «Искры».

71. **Имеется в виду помещенная в №№ 55 и 57 «Искры»** статья **Аксельрода** «Об'единение Российской соц.-демокр. и ее задачи», перепечатанная в настоящем сборнике.

72. **Панин—(М. С. Макадзюб)**—делегат на II с'езде РСДРП от Крымского Союза, сторонник меньшинства.

73. **«Южаковская утопия»**—имеется в виду нелепая идея одного из виднейших представителей либерального народничества 90-х гг. Южакова, который с целью «обмирщения» производства рекомендовал создать т. наз. «гимназии-фермы». Эту бюрократически-утопическую идею высмеял В. И. Ленин в статье «Гимназические хозяйства и исправительные гимназии» (см. т. I, Собр. соч. Ленина).

74. **Галерка**—литературный псевдоним большевика М. Ольминского, принявшего самое активное участие в борьбе с меньшевиками

В своей брошюре «Наши недоразумения», написанной в самый разгар после-с'ездовской борьбы, Галерка остроумно высмеял потуги меньшевиков представить себя истинными выразителями пролетариата, большевиков же—мелкобуржуазными интеллигентами.

Мартовым в данном месте его статьи «Галерка» иронически употребляется в нарицательном смысле для обозначения неспособных якобы разобраться в существе споров сторонников Ленина.

75. **Луи Наполеон (1803—1873)**. После революции 1848 г. был избран в Учред. Собрание, а затем президентом республики 2 декабря 1852 г. Произвел государственный переворот и провозгласил себя императором.

76. **Наполеон I (1769—1821)**—офицер французской армии, выдвинулся при защите республики и в революционных войнах. 18 брюмера (9 ноября) 1799 совершил государственный переворот, давший ему власть в качестве первого консула республики. В 1804 году был провозглашен императором.

Своему захвату власти Наполеон придал вид законности, устроив для избрания себя первым консулом плебисцит.

77. **Акимов (Махновец)**—крайний экономист, делегат на II с'езде от Загран. Союза русских соц.-дем.

78. **Либер (Гольдман)**—делегат на II с'езде РСДРП от ЦК Бунда.

79. **Егоров (Е. Л. Левин)**—делегат на II с'езде РСДРП от «Южного Рабочего», сторонник меньшинства.

80. **Эбертисты**—представители крайнего левого крыла якобинцев в эпоху Великой Французской Революции. Пользовались влиянием среди бедноты парижских предместий.

81. **Бабевисты**—сторонники французского революционера Бабефа; в конце Великой Французской Революции Бабеф пытался устроить заговор, опираясь на народные низы с целью ниспровержения существующего строя и организации коммунизма. Коммунистическое учение Бабефа носило утопический, но революционно-действенный характер.

82. В ответ на возражение Акимова против вставки в программу партии формулировки диктатуры пролетариата, Л. Д. Троцкий произнес речь, в которой сказал: «Его (Акимова *ред.*) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда соц.-дем. партия и рабочий класс,—противопоставление которых его так смущает,—будут наиболее близки к своему отождествлению...»

83. **Бебель**—один из основателей и вождей герм. соц.-демократии, рабочий-токарь.

84. **«Письмо к товарищу о наших организ. задачах»** вошло в IV том Собр. соч. В. И. Ленина.

85. Частное собрание 24-х сторонников большинства на II с'езде РСДРП перед выборами в ЦК и ЦО. На собрании рассматривались и обсуждались списки намеченных в ЦК и ЦО кандидатов.

86. **В. И. в «Что делать»**, т. V, делит историю русской социал-демократии на 3 периода: первый период—1884—1894 гг.,—период возникновения и упрочения теории с.-д.; второй период—1894—1898—период детства и отрочества с.-д.; третий период—1898 г.—период разброда, шатания и упадка.

87. Имеется в виду статья. «К вопросу о наших организац. задачах», помещенная в приложении к № 57 «Искры» за подписью «Практик» и направленная против Ленина.

88. **Туган-Барановский (1865—1919)**—один из видных представителей «легального марксизма», вскоре перешедший в ряды критиков Маркса. В 1894 г. выпустил книгу «Промышленные кризисы в современной Англии». Его своеобразная «теория кризисов» одно время пользовалась большим влиянием среди «критиков Маркса». Во время

революции 1905 г. и после нее примыкал к партии кадетов, а во время гражданской войны принимал участие в правительстве центральной рады на Украине.

89. См. примечание 18.

90. **Нечаевцы**—заговорщическая организация в России конца 70-х гг. прошлого века, построенная на централистических началах. Во главе ее стоял С. Г. Нечаев.

91. См. примечание 9, к разделу: «Махаевщина».

92. **С'езд деятелей по техническому образованию происходил** в Петербурге в конце 1904 года. Число участников простиралось до 2 с лишним тысяч человек. В числе прочих постановлений с'езд принял решения о светской школе, об отмене телесных наказаний, об уравнении евреев в правах и т. п. С'езд был закрыт правительством до окончания работ.

93. **После убийства Плеве** и назначения вместо него Святополк-Мирского, с началом т. наз. «Правительственной весны», в конце 1904 года, началось оживление оппозиционно-либеральных и буржуазно-интеллигентских слоев, вылившееся, главным образом, в т. наз. «Земскую кампанию». Представители земств, либеральных профессий и т. д. стали устраивать с'езды и собирать банкеты с произнесением политических речей и выражением более или менее скромных конституционных требований. Меньшевистская «Искра» в особом письме к соц.-дем. организациям выдвинула специальный план систематической деятельности партии на почве «Земской кампании», сводившийся по существу к передоверию пролетариатом руководства борьбой с самодержавием буржуазной демократии. По вышеупомянутому плану соц.-демократическим организациям предлагалось для поддержания либералов устраивать рабочие манифестации, каковые и произошли в некоторых городах (Екатеринодар, Саратов и др.)

Новоискровский план «Земской кампании» встретил ожесточенную критику со стороны В. И. Ленина (См. V том Собр. соч., особенно «Земская кампания» и план «Искры»). На страницах партийной печати возгорелась ожесточенная полемика между большевиками и меньшевиками по вопросу об отношении к либералам, в которой меньшевики уже успели совершенно ясно выявить свой тактический оппортунизм, приведший их в революции 1905 г. к фактическому отказу от идеи гегемонии пролетариата.

«На верном пути», помещенная в настоящем сборнике, как-раз относится к серии такого рода меньшевистских произведений.

«План» земской кампании новой «Искры» перепечатан в хрестоматии «Революция и ВКП(б)», т. II, изд. 1927 г.

94. Имеются в виду манифестации, устраиваемые с целью поддержки движения оппозиционно-либеральных слоев во время «Земской кампании» конца 1904 г.

95. Города, в которых соц.-дем. организациями были устроены манифестации в связи с «Земской кампанией».

96. **Помпей**—римский военачальник, род. в 106 г. до Р. Х.

97. **В октябре 1848 г.** восстал пролетариат Вены и совместно со студенчеством и частью мелкой буржуазии захватил власть в городе. Восставшие передали власть в руки рейхстага, который стремился к соглашению с королем. Революционная Вена упорно защищалась, но со стороны соседней Венгрии помощь не пришла, и правительственные войска разгромили восставших.

98. **Муравьев**— прозванный «Вешатель». Руководил подавлением польского восстания 1863 г. и кровавой расправой над повстанцами. Было повешено и расстреляно несколько сот человек; десять тысяч было выслано в Сибирь.

99. **Кишеневская бойня (апрель 1903 г.)** начинает новую полосу погромной политики царского правительства; как и 80-х годах, погромы должны были стать отдушинами для накопившегося недовольства масс. Еврейский погром в Кишеневе был подготовлен монархической организацией при поддержке царских властей. Убито 45 человек и ранено свыше 600 человек. Вслед за Кишеневом погромы прокатились по всей черте оседлости.

IV. СОЦИАЛ.-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1905 г.

Партия социалистов-революционеров, сложившаяся в 1901 году, продолжала народническую традицию, характерную для миросозерцания русской демократической интеллигенции 70-х, 80-х и первой половины 90-х годов XIX века. Эта партия удержала в своей программе и тактике все основные положения народничества: субъективный метод в философии и социологии, веру в самобытный путь развития России к социализму, минуя фазу капитализма, веру в крестьянство, как основную силу в борьбе за социализм и в общину, как исходную точку социалистического развития, признание индивидуального террора, как метода политической борьбы,—удержала все то, что делало народничество разновидностью утопического, мелкобуржуазного социализма. Однако, изменившаяся к началу XX в., по сравнению с 70—80 гг., обстановка: дальнейшее развитие капитализма, рост пролетарской классовой борьбы, гегемония марксизма в международном социализме, жестокая критика марксистами твердынь народнического мировоззрения, одним словом, уроки жизни—не прошли бесследно и для народничества. Оно дало трещину, и новая партия с.-р. отразила эту трещину тем, что внесла ряд поправок в старое народничество и волей-неволей приняла кое что от марксизма и социал-демократии. Но и в этом своем последнем шаге она осталась верна своей мелкобуржуазной природе, воспринимая марксизм в его мелкобуржуазном реформистском извращении (бернштейнианство, жоресизм, «аграрный социализм»). В результате получилась еще более, чем ранее, беспринципная и эклектическая идеология, которая, однако, выдавалась ее носителями за последнее слово революционного социализма.

В этом отношении особенно характерен 1-й документ из помещаемых в сборнике материалов—программа партии с.-р., принятая на 1 съезде партии в декабре 1905 года.

Первый абзац этой программы очень созвучен такому же абзацу с.-д. программы, констатирующему вовлечение России в сферу мирового капиталистического хозяйства.

Однако, с.-р. не были бы самими собой, если бы не сопроводили этого чисто марксистского признания оговорочками в духе российской самобытности. Следующий абзац об историческом прогрессе, долженствовавший особенно выпукло выявить специфическое философско-историческое лицо эсеров продолжает ту же путаницу идей, «смесь французского с нижегородским», что и первый абзац. На ряду с такими «идеалистическими», «этическими» и пр. факторами прогресса, составляющими душу народничества, как борьба за общественную солидарность, истину

и справедливость, роль «критически-мыслящих» личностей, делается признание в духе марксистского учения о производительных силах и классовой борьбе. Конечно, с ужимками и оговорочками, без которых не могут обойтись наши самобытники. Учение о производительных силах, как движущей силе исторического развития, замаскировано термином «роста власти человека над естественными силами природы», и сдобрено «естественной» отсебятиной о росте населения и его потребностей, а классовая борьба получила признание под именем «безличных классовых антагонизмов», роль которых ограничивается «сознательным вмешательством борцов за истину и справедливость». Это нежелание продумать вещи до конца, нежелание понять, что и «рост населения» и роль «сознательных борцов» **целиком** покрываются этими самыми производительными силами и классовыми антагонизмами—крайне характерно для мелкобуржуазной беспринципности и ограниченности.

Эсеры вынуждены признать факт буржуазно-капиталистического развития России, но так, что почти стирают всякую грань между странами победившего капитализма и Россией, где буржуазно-капиталистические отношения развиваются в оболочке крепостничества и самодержавия, а из этого смешения получается смешение двух этапов в борьбе за социализм: революции буржуазно-демократической и социалистической. С одной стороны, мы стояли в 1905 г. как-будто перед демократической революцией, свергающей помещиков и самодержавие силами пролетариата и крестьянства при нейтрализации буржуазии. Признания в этом смысле в программе имеются. Однако, с другой стороны, раз буржуазия при самодержавии уже участвует в разделе власти, раз «все трудящиеся» (крестьяне, рабочие, интеллигенция) легко могут быть подняты на борьбу под социалистическим знаменем и исход борьбы решается не степенью об'ективных предпосылок, зрелостью капитализма и пр., а лишь суб'ективными настроениями эксплоатируемых масс, толкаемых извечной ненавистью на борьбу с угнетателями, то этап демократической революции почти целиком смазывается, и получается, что Россия, как и всякая капиталистически развитая страна, стоит на пороге социалистической революции.

Поэтому, хотя программа и различает программу-minimum и программу-maximum, она не может провести между ними четкого различия и установить правильную связь между ними. Программа-minimum получает наименование «политики частичных завоеваний», осуществляемых трудящимися в процессе их революционной борьбы. Получается какое-то частичное завоевание самой программы-minimum, вне связи с общим буржуазно-демократическим переворотом, что при логическом развитии ведет к либеральному лозунгу борьбы за реформы вместо революции; к этому эсеры и скатились в свое время.

Более последовательные и революционно-настроенные делегаты I-с'езда партии так и заявляли, что никакой программы—minimum не нужно. Они говорили: «программа-minimum у нас, эсеров, должна быть не подробным взвешиванием и перечислением реформ, какие мы думаем выторговать у буржуазии, так как мы не думаем приспособляться к последней; нет, в ней надо лишь в общих чертах наметить те этапы, которыми мы пойдем в нашей революционной борьбе к социализму. Этим ближайшим этапом является передача политической власти, орудий труда и средств производства, культурных приобретений трудящимся массам, не имея пока в виду общественного ими пользования за неподготовленностью к тому масс. Итак, **федеративная демократическая республика, коммунализация и**

муниципализация фабрик и заводов и социализация земли—вот те общие пункты, которые могут быть приняты нами вместо детальной программы-minimum. («Протоколы», стр. 75).

Делегат Порошин заявил еще более решительно: «Нам остается одно—распространить принцип революции и на город и на ряду с революционной экспроприацией земли... поставить **революционную экспроприацию фабрик и заводов** с заменой частной собственности на них собственностью коллективно-общественною». (Там же, стр. 79).

«Максималисты» делают шаг к старому ортодоксальному народничеству или к анархизму.

Большинство, находясь под влиянием марксистской прививки, признает необходимость для социалистической партии «использовать... все положительные стороны хозяйственного развития» (читай: высокий уровень развития производительных сил, капиталистическую концентрацию производства, классовую дифференциацию и т. п.), признает, что и Россия, в своем развитии по пути капитализма, движется тем самым к социализму. Но... снова оговорочки. Изобретается теория о том, что в то время как капиталистическое развитие на Западе характеризуется преобладанием «творческих, исторически-прогрессивных тенденций», у нас в России оно характеризуется «темными, хищнически-разрушительными тенденциями». Так сказать, два типа капитализма, хороший—на Западе и совсем нехороший—в России. Как-будто капитализм всегда и всюду не шел одной дорогой: ценой беспощадного истребления примитивных форм хозяйства, пролетаризации и обнищания масс, истребления сотен и миллионов жизней, капитализм создавал высокую технику производства, крупное общественное производство, а вместе с тем и классовую борьбу, развитие которой с необходимостью приводит к победе пролетариата и уничтожению капитализма. Вот эта диалектика исторического процесса осталась для эсеров книгой за семью печатями. Они, как и старые народники, не видят, или почти не видят, высоко-развитых форм русского капитализма и миллионных масс пролетариата, и все свои взоры и надежды продолжают обращать на «общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства».

Претендуя на участие в социалистическом Интернационале, требующем от вступающих в него партий признания принципа классовой борьбы, эсеры, скрепя сердце, вынуждены признать эту марксистскую материалистическую «ересь». Но эсеровская теория классов совсем особая теория. Есть два класса—паразиты (помещики, капиталисты и т. п.) и трудящиеся—эксплоатируемые (рабочие, крестьяне, трудовая интеллигенция). Крайне убогая теория! Эсеры не могут не признать, что промышленный наемный рабочий, средний крестьянин и земский служащий или студент,—не одно и то же, так как слишком различно их положение в процессе общественного производства, и для устранения этого жизненного факта создают теорию, в которой топят реальное классовое различие между рабочим, крестьянином и интеллигентом. Оказывается, что классы не есть об'ективно данные, общественно-экономические категории, а есть явление суб'ективного порядка. Когда рабочий, крестьянин, интеллигент под влиянием социалистической партии сознают единство своих интересов, вот тогда они становятся единым классом, а до этого момента они просто-на-просто есть только элементы класса и «людская пыль», как комментировал

на с'езде докладчик по программе Тучкин, ссылаясь при этом в свою пользу на известное различение у Маркса «класса в себе» и «класса для себя». Исходя из такого «суб'ективного» понимания класса, эсеры провозгласили крестьянство «столь же социалистичным, как и индустриальный пролетариат» (слова делегата Фирсова на с'езде).

Программа считает необходимой предпосылкой осуществления социализма победу «рабочего класса, организованного в социально-революционную партию», т.-е. такое состояние, которое в марксистской терминологии всегда формулировалось «диктатурой пролетариата». Не так получается у эсеров. Они только на случай особой надобности допускают возможность временной революционной диктатуры, без которой, очевидно, также можно обойтись. В этом особенно вскрывается мелкобуржуазное реформистское лицо эсеров. Фразы о непосредственной революционной борьбе с буржуазией остаются пустыми фразами, поскольку на деле признается возможность мирного завоевания власти в рамках обычного буржуазно-демократического государства, да и это последнее мыслится в очень расширительном понимании. Так делегат с'езда Рождественский, заявил, что «для социализма вопрос о форме правления не представляется решающим: важно лишь воплощение народовластия (!!), что всецело может быть дано Учредительным Собранием. **Требование демократической республики в русских условиях отдаляет партию от жизненной работы.** На учительском с'езде со всех сторон утверждали, что в деревне трудно пропагандировать уничтожение царской власти или династии. Но свободно можно сводить роль царя к роли старшего писаря». Вот до какого демократизма и народовластия договорился этот почтенный революционер, социалист и, конечно, горячий противник классовой теории, очевидно, будущий энесовец. А другой делегат, Турский, рисует с'езду такую демократическую Аркадию, в которой он будет бороться за социализм: «Учредительное Собрание, созванное при всех гарантиях на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права, есть для меня верховная инстанция, и бунтом против **такого** собрания я не пойду. Единственная форма борьбы против него для меня — это воздействие на него непосредственно и через народное собрание».

Будущие контр-революционеры, под флагом Учр. Собр. в 1918 г. одной ногой уже вступали на этот путь в 1905 г. («Протоколы». стр. 69 и 71).

Следующие три статьи документов обосновывают аграрную программу эсеров и дают критику соц.-демократических взглядов на аграрно-крестьянский вопрос. В нашу задачу не входит критика принципиальных взглядов эсеров в этой области, и мы считаем возможным немного остановиться лишь на 2 вопросах, на которых особенно любили останавливаться эсеры в полемике против соц.-демократии, явно не желая понимать вполне понятные заявления с.-д.

Первый вопрос о пролетаризации крестьянства. Эсеры всегда были склонны изображать дело таким образом, будто бы, по мнению с.-д., крестьянству предстоит пережить в период господства капитализма процесс полной пролетаризации, в результате которой чистый пролетариат в городе и деревне составит подавляющую массу населения и что только в этом случае социал-демократия, опираясь исключительно на этот пролетариат, поставит своей задачей завоевание политической власти для перехода к социализму. А из этого у соц.-дем. проистекает и ее боязнь крестьянства, недоверие к нему и нежелание совместных с ним действий и борьбы.

На деле же с.-д. констатировали лишь неизбежность при наличии товарно-капиталистического общества разорения, обнищания и пролетаризации широких масс крестьянства, что не может быть ни ослаблено, ни искусственно предотвращено при сохранении капитализма, хотя бы уже по одному тому, что при политическом господстве буржуазии некому будет такую меру осуществлять. Поэтому спасение беднейших, эксплоатируемых капиталом масс крестьянства, возможно лишь в результате перехода их на точку зрения пролетариата и в совместной борьбе с ним за свержение капитализма. Массы городского и деревенского пролетариата, присоединяя к себе широкие слои деревенской бедноты и составляя вместе с нею подавляющую массу населения страны, нейтрализуя средние слои крестьянства, произведут под руководством пролетарской партии социалистический переворот, отнюдь не ожидая поголовной пролетаризации всего крестьянства.

Другой вопрос о недооценке роли крестьянства в демократической революции. Если так обстоит дело с ролью крестьянства в социалистической революции, как мы только-что обрисовали, то тем большее внимание к крестьянству пролетариат и его партия должны проявить в деле подготовки и проведения буржуазно-демократической революции. В этой революции все крестьянство, противостоящее как угнетенный класс крепостникам-помещикам и самодержавию, должно сыграть решающую роль. Стоит вспомнить ленинское учение 1905 г. о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, чтобы перестать разговаривать о всяких недооценках крестьянства. А этой формулировке предшествовали заявления Ленина же в «Друзьях города» (1894) и в комментарии к проекту аграрной программы для II с'езда (1902 г.) о национализации земли, как мероприятии победоносной демократической революции, совершаемой массами городского пролетариата и всего крестьянства. О том же говорят заявления Плеханова в 90-х годах и Плеханова и Ленина на II с'езде, что соц.-дем. поддержит крестьянское движение, направленное на захват помещичьих земель. Все эти эсеровские заявления имеют в свою пользу лишь одно подтверждение,—это неполнота и недоговоренность взглядов на крестьянский вопрос в работах «группы Осв. Труда», которую законно связать с позднейшей недооценкой меньшевиками крестьянского движения в 1905 г. *) Другая же ссылка в пользу недооценки на программу «отрезков»—явно несостоятельна, если принять во внимание сказанное выше о комментариях Ленина и Плеханова к программе отрезков, тем более, что и осуществление программы отрезков предполагало факт крестьянского восстания и образования революционных крестьянских комитетов. С.-д. периода 1900—1903 г.г. недоучитывали лишь сроки и темп революционного крестьянского движения, но не отрицали самого факта его возможности и необходимости.

Последняя статья материалов «террористический элемент в нашей программе» содержит в себе сводку всех доводов в пользу террора, как метода политической борьбы. Блестящий разбор этих взглядов дан Лениным в его статьях в IV т. «Сочинений». Здесь стоит лишь указать на то, что жизнь непререкаемо подтвердила тот довод соц.-дем. против индивидуального террора, что последний с неизбежностью ведет к отодвиганию на второй план задач массовой борьбы, ослабляет

*) Рассуждая таким методом, эсеры должны бы прежде всего посмотреть и на свое недавнее прошлое, когда они, пребывая в стадии либерального народничества 90-х годов, делали в оценке крестьянства и в своей аграрной программе куда более сильные грехи, чем «группа Осв. Труда».

ее и делается ненужным и вредным в обстановке развертывающейся массовой борьбы. В период под'ема революции 1905 г. террор или сошел на-нет, или, если и практиковался эсерами, не играл никакой заметной роли, в период же разгрома революции он усилился, оттянул к себе остатки активных сил партии С.-Р. и еще более способствовал ее окончательному отрыву от массового движения, предоставленного самому себе. Азефовщина поставила крест над террором. Урок был настолько убедителен, что несколько оправившиеся в 1912—1914 гг. эсеры уже не сделали не одной попытки возобновления террора, без которого, однако, массовое революционное движение шло бурным темпом к под'ему и к новой революции.

Философия, историческая теория, стратегия и тактика партии С.-Р., как они оформились перед революцией 1905 г., показывают, что в лице этой партии мы имели партию мелкобуржуазных демократов с туманной социалистической фразеологией,—партию, которая, являясь по преимуществу интеллигентской, была частично связана со средним крестьянством и выражала в значительной степени его интересы и настроения.

ПРОТОКОЛЫ ПЕРВОГО С'ЕЗДА ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ.

Программа партии социалистов-революционеров

(утвержденная с'ездом партии в 1905 г.)

Современная Россия, в своем историческом развитии, входит во все более и более тесную связь с передовыми странами цивилизованного мира, сохраняя при этом ряд особенностей, обусловленных своеобразием ее предыдущей истории, ее местных условий и международного положения.

Социальный прогресс человечества, выражающийся в борьбе за установление общественной солидарности и за всестороннее, гармоническое развитие человеческой личности, предполагает не только развитие безличных классовых антагонизмов, но и вмешательство сознательных борцов за истину и справедливость. Его необходимым условием является рост власти человека над естественными силами природы, в соответствии с ростом населения и его потребностей.

Но в современном буржуазном обществе рост этот совершается не на началах планомерно организованного общественного хозяйства, а на началах разрозненности и конкуренции индивидуальных хозяйств частной собственности на средства производства, превращения их в капитал и отлучения от них непосредственных производителей.

Поскольку эти буржуазно-капиталистические формы ограничивают и извращают развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах, постольку современному хозяйственному развитию присущи отрицательные, разрушительные стороны: анархия производства, достигающая крайних проявлений в кризисах; бесплодные расточения хозяйственных сил; материальная невыгодность высших хозяйственных форм при дешевизне рабочих рук или легкости косвенной эксплоатации самостоятельных производителей; бедствия и необеспеченность рабочих масс; своекорыстная борьба всех против всех за существование и привилегированное положение; разлагающая все моральные основы власть денег.

Поскольку же в тесных рамках буржуазно-капиталистических отношений, тем не менее, происходит, хотя односторонне и неполно, развитие коллективных форм труда и производства в крупных общественных размерах, постольку же хозяйственное развитие обнаруживает свои положительные творческие стороны, подготовляя некоторые материальные элементы для будущего социалистического строя

и содействуя об'единению в сплоченную социальную силу промышленных армий наемных рабочих.

Взаимное соотношение между этими положительными и отрицательными сторонами, более благоприятное в высших отраслях индустрии и в странах классического капитализма, становится все менее и менее благоприятным при переходе к различным отраслям промышленности добывающей, в особенности же к земледелию и к целым странам, хуже поставленным в международной экономической борьбе.

Чем благоприятнее это соотношение, тем более развит современный индустриальный пролетариат и тем больше его значение сравнительно с остальной массой трудящегося и эксплоатируемого населения. Чем всестороннее и последовательнее развиваются в обществе начала буржуазной собственности и хозяйства, тем резче оно распадается на класс эксплоатируемых тружеников, получающих все меньшую и меньшую долю созидаемых их трудом благ, и классы эксплоататоров, сосредоточивающих в своих руках владение естественными силами природы, средствами производства и обмена.

По мере того, как этот классовый антагонизм проникает в общественное сознание и освещается им, он превращается в организованную политическую борьбу классов, которая, сталкиваясь с пережитками старой междусословной, расовой, религиозной и национальной борьбы, все более и более вносит в стихийный ход событий планомерное коллективное вмешательство сознательных социальных сил.

Союзы эксплоататоров стремятся упрочить свое положение, овладевая посредством синдикатов и трестов условиями производства и сбыта, превращая органы государственного управления в орудия своего классового господства и подчиняя себе духовно и материально и науку, и искусство, и литературу.

При бессилии победить другими средствами, они прибегают к союзам с клерикальными, сословными и монархическими пережитками прошлого к разжиганию инстинктов расовой, религиозной и национальной вражды.

Изживая все свое былое прогрессивное содержание, буржуазный строй ведет к полному вырождению господствующих в нем классов, все более отталкивая от себя лучшие умственные и моральные силы страны и заставляя их тяготеть к противоположному лагерю угнетенных и эксплоатируемых.

Классы эксплоатируемых в естественном стремлении к самозащите, по мере роста сознательности, все более об'единяют свою борьбу и направляют ее против самых основ гнета и эксплоатации во имя своей полной экономической, политической и духовной эмансипации.

Наиболее последовательным выражением, научным освещением и обобщением этого движения является международный революционный социализм.

Являясь первоначально мировоззрением сознательного революционного меньшинства, он все более проникает в массы, ведя к тому, чтобы все слои трудового эксплоатируемого населения, от промышленного пролетариата до трудового крестьянства, сознали себя единым рабочим классом, видели в своем классовом единстве залог своего освобождения, подчиняли все свои частные, местные и временные интересы одной великой задаче социально-революционного переворота.

Программой этого переворота является обобществление труда, собственности и хозяйства, уничтожение вместе с частной собственностью самого деления общества на классы; уничтожение классового, принудительного, репрессивного характера общественных учреждений, при сохранении и развитии их нормальных культурных функций, т.-е. планомерной организации всеобщего труда на всеобщую пользу.

Только осуществление этой программы превратит рост общественного богатства из источника зависимости и угнетения рабочего класса в источник его благосостояния и свободы; только оно даст возможность непрерывного развития всех духовных и материальных сил человечества, прекратив вырождение одних его слоев

от праздности и пресыщенности, других—от чрезмерного, грубого физического труда и неудовлетворения элементарных потребностей; только оно гарантирует, на основе социальной солидарности, всестороннее и гармоническое развитие человеческой индивидуальности.

В этом смысле дело революционного социализма есть дело освобождения всего человечества, устранения всех форм междоусобной борьбы между людьми, всех форм насилия и эксплоатации человека человеком. Для осуществления этой задачи, революционный социализм стремится использовать как все положительные стороны хозяйственного развития, совершающегося в капиталистических формах, так и способность к самостоятельному творчеству рабочих масс как пролетаризированных, так и не пролетаризированных.

Партия Соц.-Рев. в России рассматривает себя, как один из отрядов армии международного социализма, и ведет свою деятельность в духе общих интересов ее борьбы, в формах, соответствующих конкретным условиям русской действительности.

Развитие капитализма в России характеризуется наименее благоприятным соотношением между творческими, исторически-прогрессивными и темными, хищнически-разрушительными тенденциями. Все связанные с этим развитием кризисы переживаются Россией в концентрированном виде в сокращенный период времени, при низком культурном уровне страны. Но в то же время при наличности социалистической интеллигенции, богатой опытом социалистических партий других стран, взаимоприспособление наиболее примитивных форм эксплоатации народного труда и медленно изменяющихся форм патриархального дворянско-чиновничьего царизма обостряет постановку социального вопроса.

Колоссально развившийся механизм бюрократического государства в связи с условиями освобождения крестьян и развитием кулачества во всех его формах и видах все более и более парализует производительные силы деревни. Трудовое крестьянство вынуждается в растущей мере прибегать к подсобным промыслам и труду по найму, получая от всех видов своего заработка доход, едва соответствующий нищенской заработной плате пролетария. Тем самым сокращается и подрывается внутренний рынок промышленности, страдающей от недостатка внешних рынков. Прогрессивно возрастают избыточное население и капиталистически излишняя резервная рабочая армия, понижающая своей конкуренцией уровень жизни городского пролетариата. Рабочее движение выступает с современными задачами в обстановке патриархально-полицейского строя, основанного на систематическом подавлении личной и общественной инициативы; более реакционный, чем где-либо, класс крупных промышленников и торговцев все сильнее нуждается в союзе с монархией против пролетариата. Поместное дворянство и деревенское кулачество все сильнее нуждаются в таком же союзе против трудовых масс деревни, поднимающихся за землю и волю. В интересах самозащиты монархия и ее защитники прибегают к усиленному угнетению покоренных императорской Россией национальностей, насаждая национальный, расовый и религиозный антагонизм и затемняя им рост самосознания рабочих масс. Существование такого режима становится в непримиримое и прогрессивно-обостряющееся противоречие со всем хозяйственным, общественно-политическим и культурным ростом страны. Являясь наиболее надежной опорой паразитических классов внутри России, за ее пределами русский царизм представляет в моменты своей силы главный оплот европейской реакции и сильнейшую угрозу освободительной борьбе рабочих партий других стран, почему уничтожение его является крайне важным фактором международного прогресса.

Вся тяжесть борьбы с царизмом, несмотря на наличность либерально-демократической оппозиции, охватывающей преимущественно промежуточные, в классовом отношении, элементы «образованного общества», падает на пролетариат, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию. Вследствие такого соотношения сил, а также неразрывной связи политического кризиса с экономическим, необходимой задачей партии является расширение и углубление в ре-

волюционный момент тех социальных, имущественных перемен, с которыми должно быть связано низвержение самодержавия.

Осуществление полностью партийной программы, т.-е. экспроприация капиталистической собственности и реорганизация производства и всего общественного строя на социалистических началах, предполагает полную победу рабочего класса, организованного в социально-революционную партию и, в случае надобности, установление его временной революционной диктатуры.

До тех же пор, пока в качестве революционного меньшинства организованный таким образом рабочий класс может оказывать лишь частичное влияние на изменение общественного строя и ход законодательства,—партия Соц.-Рев. будет стремиться к тому, чтобы политика частичных завоеваний не заслоняла от рабочего класса его конечной основной цели, чтобы своей революционной борьбой он добивался и в этот период лишь таких перемен, которые будут развивать и усиливать его сплоченность и способность к освободительной борьбе, способствуя повышению уровня его интеллектуального развития и культурных потребностей, укрепляя его боевые позиции и устраняя препятствия, стоящие на пути к его организации.

Исходя из развитых выше соображений, партия С.-Р. в этот период будет отстаивать, поддерживать или вырывать своей революционной борьбой следующие меры:

А. В политической и правовой области.

Признание неотъемлемыми следующих прав человека и гражданина: полная свобода совести, слова, печати, собраний и союзов; свобода передвижения, выбора рода занятий и коллективных отказов от работ (свобода стачек); неприкосновенность личности и жилища; всеобщее и равное избирательное право для всякого гражданина не моложе 20 лет без различия пола, религии и национальности, при условии прямой системы выборов и закрытой подачи голосов; установленная на этих началах демократическая республика с широкой автономией областей и общин как городских, так и сельских; возможно более широкое применение федеративных отношений между отдельными национальностями, признание за ними безусловного права на самоопределение; пропорциональное представительство; прямое народное законодательство (референдум и инициатива); выборность, сменяемость во всякое время и подсудность всех должностных лиц, включая депутатов и судей; бесплатность судопроизводства; введение родного языка во все местные, общественные и государственные учреждения; установление обязательного, равного для всех, общего светского образования на государственный счет; в областях со смешанным населением право каждой национальности на пропорциональную своей численности долю в бюджете, предназначенном на культурно-просветительные цели, и распоряжение этими средствами на началах самоуправления; полное отделение церкви от государства и об'явление религии частным делом каждого; уничтожение постоянной армии и замена ее народным ополчением.

Б. В народно-хозяйственной области.

I. В вопросах государственного хозяйства и финансовой политики партия будет агитировать за введение прогрессивного налога на доходы и наследства, при совершенном освобождении от налога мелких доходов, ниже известной нормы; за уничтожение косвенных налогов (исключая обложение предметов роскоши), покровительственных пошлин и всех вообще налогов, падающих на труд.

II. В вопросах рабочего законодательства партия С.-Р. ставит своею целью охрану духовных и физических сил рабочего класса в городе и деревне и увеличение его способности к дальнейшей борьбе за социализм, общим интересам которой должны быть подчинены все узко-практические, непосредственные, местные и профессиональные интересы отдельных рабочих слоев. В этих видах партия будет отстаивать: возможно большее сокращение рабочего времени, сообразно нормам, указанным научною гигиеною (в ближайшее время 8-часовая норма для

большинства отраслей производства и соответственно меньшая в более опасных и вредных для здоровья); установление минимальных заработных плат по соглашению между органами самоуправления и профессиональными союзами рабочих; государственное страхование во всех его видах (от несчастных случаев, от безработицы, на случай старости и болезней и т. д) на счет государства и хозяев и на началах самоуправления страхуемых; законодательная охрана труда во всех отраслях производства и торговли, сообразно требованиям научной гигиены, под наблюдением фабричной инспекции, избираемой рабочими (нормальная обстановка труда, гигиеничность устройства помещений; запрещение сверхурочных работ, работы малолетних до 16 лет, ограничение работы несовершеннолетних, запрещение женского и детского труда в известных отраслях производства и в известные периоды; достаточный непрерывный еженедельный отдых и т. д.); профессиональные организации рабочих и их прогрессивно-расширяющееся участие в установлении внутренней организации труда в промышленных заведениях.

III. В вопросах переустройства поземельных отношений партии С.-Р. стремится опереться, в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал, на общинные и трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, в особенности на распространенное среди них убеждение, что земля ничья и что право на пользование ею дает лишь труд. В согласии со своими общими воззрениями на задачи революции в деревне, партия будет стоять за социализацию земли, т.-е. за из'ятие ее из товарного оборота и обращение из частной собственности отдельных лиц или групп в общенародное достояние на следующих началах: все земли поступают в заведывание центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских и городских общин и кончая областными и центральными учреждениями (расселение и переселение, заведывание земляным фондом и т. п.); пользование землей должно быть уравнительно-трудовым, т.-е. обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда, единоличного или в товариществе; рента, путем специального обложения, должна быть обращена на общественные нужды: пользование землями, имеющими не узко местное значение (обширные леса, рыбная ловля и т. д.), регулируется соответственно более широкими органами самоуправления; недра земли остаются за государством; земля обращается в общенародное достояние без выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования.

IV. В вопросах общинного, муниципального и земского хозяйства партия будет стоять за развитие взякого рода общественных служб и предприятий (бесплатная врачебная помощь, земско-агрономическая и продовольственная организация; организация земскими и областными органами самоуправления, при помощи общегосударственных средств, широкого кредита для развития трудового хозяйства, преимущественно на кооперативных началах; коммунализация водоснабжения, освещения, путей и средств сообщения и т. п.); за предоставление городским и сельским общинам самых широких прав по обложению недвижимых имуществ и по принудительному отчуждению их, особенно в интересах удовлетворения жилищной нужды рабочего населения, за коммунальную, земскую, а равно и государственную политику, благоприятствующую развитию кооперации на строго демократических трудовых началах.

V. Вообще ко всем мероприятиям, имеющим целью обобществление еще в пределах буржуазного государства тех или иных отраслей народного хозяйства, партия С.-Р. усвоит положительное отношение постольку, поскольку демократизация политического строя и соотношение общественных сил, равно и самый характер соответствующих мероприятий будут давать достаточно гарантий против увеличения таким путем зависимости рабочего класса от правящей бюрократии. Тем самым партия С.-Р. предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, от-

части же своеобразным государственным капитализмом, сосредоточивая различные отрасли производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей.

Партия С.-Р., ведя непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Учредительного Собрания на указанных выше демократических началах для ликвидации самодержавного режима и переустройства всех современных порядков в духе установления свободного народного правления, необходимых личных свобод и защиты интересов труда. Свою программу этого переустройства она будет как отстаивать в Учредительном Собрании, так и стремиться непосредственно проводить в революционный период.

СОЦИАЛИСТЫ-ДЕМОКРАТЫ И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

(Послесловие С. Григоровича к брошюре «Наши Задачи». Изд. 1900 г.)

Предлагаемая читателям брошюра была издана нашими товарищами в России еще в 1898 г. Они просили нас переиздать ее вновь за границей и в случае нашего согласия с ее основными положениями, выразить печатно это согласие. Мы тем охотнее исполняем эту просьбу товарищей, что взгляды, излагаемые в их брошюре, почти целиком совпадают с теми воззрениями, которые мы защищали в первом выпуске «Социально-революционной библиотеки» *). Некоторое расхождение во мнениях не может нам служить помехой тому, чтобы примкнуть к глубоко продуманной программе наших товарищей, отвечающей всем запросам современной социально-революционной деятельности в России. Это расхождение во мнениях касается, главным образом, оценки современного положения крестьянства. Сведения, полученные нами за последние два года, о крестьянских бунтах и отношении «бунтарей» к местным властям, и факт возникновения «крестьянских братств [2]) для защиты народных прав» достаточно, на наш взгляд, свидетельствуют, что социально-политическое сознание нашего крестьянства начинает проясняться, что мысль его, так упорно и так бесплодно томившаяся в тисках верноподданнического миросозерцания, начинает порываться на волю. «Возникновение в крестьянстве различных форм протеста на почве местных нужд и интересов и выделение личностей и кружков революционно-социалистического характера», рассматриваемые программой лишь как возможность, которую нельзя отрицать, уже сделалась несомненной действительностью и уже вызвала к себе самое серьезное внимание социалистов всевозможных оттенков. Образование «Аграрно-Социалистической Лиги» [3]) есть первая попытка проводить на деле те пункты нашей программы, к которым она сводит деятельность партии в среде крестьянства. Мы поэтому думаем, что и для наших товарищей в России настал момент перейти от теории к практике и взяться за исполнение этой неотложной деятельности. Сочтут ли они удобным примкнуть для этого к «Аграрно-Социалистической Лиге», как это сделали некоторые товарищи из нашей заграничной организации, или найдут более для себя целесообразным, независимо от каких-либо других организаций, рационально поставить дело социально-революционной пропаганды и агитации в деревне,—в том и другом случае они должны будут теперь же посвятить часть своих сил на выполнение этого чрезвычайно важного пункта «подготовительной деятельности партии».

Заговорив об аграрном социализме и о наших задачах в деревне, мы считаем полезным остановиться на выяснении тех разногласий, которые господствуют между нами и социал-демократами по этому вопросу. Мы даже думаем, что центр наших разногласий лежит именно в нем и что по другим вопросам социал-демократы гораздо скорее согласятся с нами, чем по вопросам аграрного социализма. Это утверждение может показаться голословным, но если ближе всмотреться в ту

*) О них см. изданный нами: Устав «Братства для защиты народных прав». Женева 1899 г.

эволюцию, которую русская социал-демократия проделала, то не трудно убедиться в справедливости сказанного.

Прежде всего несомненно, что социал-демократы сделали в последнее время гигантские шаги по направлению к нашей программе; в особенности по вопросу о политической борьбе. Долгое время эта борьба, как известно, отождествлялась социал-демократами с экономической борьбою городского пролетариата против хозяев фабрик и заводов. Ведя эту борьбу, они серьезно думали, будто являются продолжателями традиции «Народной Воли» [4]) и исполняют ту главную обязанность, которая завещана нам всей историей русского оппозиционного и революционного движения,—обязанность непосредственной активной борьбы с русским самодержавием. Теперь подобного рода мнения заменяются более трезвым взглядом на предмет. Автор брошюры «Рабочее Дело в России» [5]), изданной заграничным отделом «Российской Социал-Демократической Партии», прямо сознается, что политическая борьба их партией до сих пор еще не велась и что эта борьба теперь должна быть поставлена на очередь. Тот же автор при оценке деятельности «Народной Воли» видит единственную причину ее неуспеха не в ее террористической деятельности, а в том обстоятельстве, что она не позаботилась привлечь к себе симпатии обширных масс. Логический вывод из этого, конечно, должен быть тот, что теперь, при все большем и большем привлечении масс к социально-революционному знамени, террористическая борьба получает все больше и больше шансов на успех. А если припомнить, что до сих пор еще никому не удалось указать на другие способы непосредственной, активной борьбы с правительством, которые могли бы заменить систематический террор, то шансы этого последнего еще больше возрастут, чуть только революционеры очутятся лицом к лицу с задачей политической борьбы. К сожалению, автор упомянутой брошюры не делает этого логического вывода, но этот вывод делается за него другими.

Понятно, что социал-демократия, сделавшая эти уступки, не только ничего не потеряла, но, наоборот, многое от этого выиграла. Ибо делать в области программных вопросов какую-нибудь уступку не всегда значит терять и отступать. Если эта уступка диктуется жизнью, то, делая ее, мы отнимаем у противника один из его резонов d'etre, вытесняем его из сильно укрепленной позиции и занимаем ее сами. В этом случае уступки значат завоевания. И таких завоеваний русская социал-демократия сделала много. Напомню лишь об ее изменившемся отношении к роли интеллигенции и к работе среди сельских батраков.

В виду этих уступок со стороны социал-демократии, многие из наших товарищей, сочувствующих ее несомненно плодотворной деятельности и радующихся по поводу очищения ее программы от узко-сектантских взглядов того периода ее развития, который может быть назван «плехановским», серьезно питают надежду, что и по аграрно-социалистическим вопросам между нами и социал-демократами возможно полное теоретическое и практическое соглашение. Этих-то товарищей мы и просим обратить внимание на ту пограничную черту, которая отделяет социал-демократов от социалистов-революционеров,—ту черту, которая является «естественной границей» ее «завоеваний», которую она до сих пор не переступила и перейдя которую, она перестает быть тем, что она по существу своему представляет.

Черта эта—отношение к труду не наемных работников, к труду, не отделенному от права собственности на орудия и средства производства. Если борьба труда с капиталом есть базис всякого современного научного социализма, то борьба **наемного** труда с капиталом представляет собою характеристическую особенность **марксистского** социализма, легшего в основу германской и русской социал-демократии. Для марксизма не важен весь рабочий класс, т.-е. вся совокупность слоев населения, живущая исключительно своим собственным трудом, но лишь определенная часть этого рабочего класса, т.-е. **пролетариат.** Пролетариат, это—по Марксу—«тот класс современных рабочих, который живет лишь постольку, поскольку находит заработок и, который находит заработок лишь постольку, поскольку его труд увеличивает капитал» *).

*) Das Kommunistische Manifest. Funfte Auflage. Berlin 1891, Seite 14.

Только **этот** класс—революционен, по мнению Маркса. Все остальные слои трудящегося люда, как бы ни были противоположны их интересы интересам буржуазии, скорее реакционны, чем революционны. «Из всех классов, которые ныне стоят против буржуазии, только пролетариат,—говорит Маркс,—есть действительно революционный класс. Остальные классы вырождаются и гибнут при крупной промышленности, пролетариат есть ее собственный продукт. Средние сословия: мелкие промышленники, мелкий торговец, ремесленник, крестьянин,—все они борются с буржуазией, чтобы сохранить свое существование, как средние сословия, от гибели. Все они не революционны, но консервативны. Более того, они реакционны, стремясь повернуть назад колесо истории».*)

Марксистская классификация современного общества сводится поэтому к трем группам: 1) крупной буржуазии, живущей эксплоатацией наемного труда, 2) пролетариату, живущему исключительно продажей своей рабочей силы и 3) средним сословиям. К этим средним сословиям безразлично отнесены и крестьянин, живущий исключительно собственным трудом, прилагая его к своему наделу, и крестьянин, эксплоатирующий труд батраков, и ремесленник, не пользующийся ни каплей чужой рабочей силы, и мастерок, высасывающий последние соки из своих подмастерьев, и кулак, и мелкий лавочник. Представители труда раз'единены в классификации Маркса. «Работник» и «пролетарий» могут оказаться в двух враждебных лагерях, тогда как классификация общества, которая характеризует **русский** социализм и составляет основу **его** теории классовой борьбы, разделяет общество лишь на два противоположных лагеря: трудящихся, с одной стороны, и живущих чужим трудом,—с другой. Эта классификация коренным образом, как видим, расходится с марксистской.**)

То же раз'единение «работника» и «пролетария» лежит в основе «Эрфуртской программы» [7]), по крайней мере, к нему направлены все комментарии Каутского [8]). Этот же основной взгляд проходит красной нитью во всех теоретических работах русских социал-демократов. К сожалению, и молодая русская социал-демократия не представляет в своих программных заявлениях исключения из общего марксистского правила. Орган «Союза русских социал-демократов» [9]) «Рабочее Дело» [10]) стремится по этому вопросу дойти вплотную до той линии, которая служит пограничной чертой для марксистской социал-демократии, но переступить эту границу не решается. В доказательство этого мы приводим целиком в высшей степени характерное заявление редакции «Рабочего Дела», посвященное занимающему нас вопросу: «Союз»—говорится там,—будет проводить в литературе взгляд, что Российская социал-демократическая партия является борцом за экономические интересы и права **всех** слоев рабочего класса....» (идет нижеследующее перечисление «всех» этих слоев»: Напечатанное крупным шрифтом, слово: «всех»

*) Там же, стр. 16.

) С марксистской классификацией общественных групп любопытно сравнить ту, которую предложил Лассаль [6]) По мнению Лассаля, все так называемое «третье сословие» распадается на два подкласса: на тех, «которые получают свой доход исключительно или главным образом от труда»,—рабочие, мелкие мещане, ремесленники и крестьяне,—и на тех, которые вкладывают свои большие капиталы в производство и получают с них ренту. Но и эти последние не составляют еще—по мнению Лассаля—класса буржуазии, покуда они не стремятся к тому, чтобы сделать **капитал правовым условием для политического господства в государстве. (F. Lassal ueber den Bessonderen zusammen hang etc. Zurih—Hottingen 1886, стр. 15—16). И здесь, как в марксистской классификации, тот же основной недостаток: **труд и капитал, свой** труд и присвоенный **чужой**, в ней недостаточно раз'единены. Маркс отводит наемному труду особое место и смешивает представителей всех других видов труда с мелкими капиталистами. Лассаль отводит особое место **крупному** капиталу и смешивает все другие его виды со всеми видами труда. То преимущество лассальской классификации, по которой все представители труда об'единены в одну категорию, аннулируется у него чрезвычайно вредным пристегиванием к ним представителей мелкой эксплоатации, от которой рабочему люду гораздо горьше живется, чем на крупных фабриках и заводах. Это же пристегивание открывает настежь дверь всем «оппортунистам», добивающимся слития рабочей партии с мелко-мещанской демократией.

должно свидетельствовать о том, что С.Р.С.Д. не намерен ограничиваться одним только городским пролетариатом.—С. Г.). «... фабрично-заводских железнодорожных торговых, ремесленных, кустарных и сельскохозяйственных рабочих...» (Пока дело идет, очевидно, исключительно о представителях всех видов чисто наемного труда. Здесь начинается перечень тех тружеников, которые еще не окончательно лишились права собственности на средства или орудия производства.—С. Г.).

«... а также той многомиллионной массы мелкого крестьянства (безлошадного, безнадельного, бездомного, сдающего наделы и проч.), хозяйственная самостоятельность которой есть простая фикция и **которая зарабатывает себе средства к существованию наемным трудом в форме батрачества, отхожих промыслов, кабальной работы, испольной за долги на помещиков и деревенских кулаков и т. д.».**

Последние слова подчеркнуты нами. Они показывают, с какой скрупулезной точностью редакция «Рабочего Дела» вычеркивает ту пограничную линию, которая диктуется ей основными теоретическими воззрениями ее партии. По мнению редакции, социал-демократия должна отстаивать интересы всех слоев рабочего класса, но она не ограничивается этим простым и ясным заявлением, само собою разумеющимся в устах социалиста. Она начинает определять; критерием для этого определения оказывается отсутствие экономической самостоятельности и наемный труд. Но «всякое определение есть отрицание». Это правило диалектического мышления здесь оправдалось, как нельзя лучше. «Отрицается» на основании этого заявления вся та многомиллионная масса, которая еще не потеряла ни своей лошади, ни своего надела, ни своего дома, и даже кое-где ухитрилась не только не сдать в наем свой крошечный надел, но и приняться земли у помещика. «Отрицается» далее еще более многомиллионная масса крестьянства, самостоятельность которой хотя и висит на волоске, но которая все-таки умудряется прожить без продажи своей рабочей силы. Всем этим трудовым элементам, которым нет места в перечислении всех слоев рабочего класса, отводится особый отрывок, непосредственно следующий за первым:

«Признавая огромное значение в России **аграрного вопроса**, т.-е. вопросов о поземельных отношениях, о правовом и экономическом положениях ста миллионов сельского населения, о взаимных отношениях между **крестьянством,** дворянством и **сельскими рабочими**,—Союз **обратит серьезное внимание** на эти вопросы, выясняя в литературе влияние аграрных отношений на условия борьбы и положение рабочего класса в России.

Не предрешая политической роли крестьянства в будущем, редакция будет **выяснять** существующие в его среде экономическое неравенство и противоречие интересов, различные виды эксплоатации дворянством и кулаками деревенской бедноты (бренд, ростовщичество, система отработков и проч.), а также вопиющие формы правового неравенства крестьянства («податное сословие», телесные наказания, земские начальники, кабала недоимщиков и т. д.); **будет обращать серьезное внимание** на все проявления стихийного недовольства и сознательного протеста в крестьянской среде, в особенности на крестьянские «бунты» и на различные формы сектантского движения, как самого крупного доселе проявления умственного пробуждения и оппозиционного настроения в массе крестьянства«.

Этот отрывок, в котором впервые выступают и земледелец и землевладелец, отличается от предыдущего, в котором говорилось о «всех слоях рабочего класса», тем, что в то время как там редакция определенно знает, на чью сторону ей надо становиться и чьи интересы отстаивать, она здесь говорит лишь о том, что будет «обращать серьезное внимание на вопросы» и «выяснять». К сожалению, она нигде не выясняет, какой точки зрения она будет держаться при разборке этих чрезвычайно важных вопросов: будет ли она защищать интересы представителей земледельческого труда в их борьбе против грозящей им пролетаризации или, наоборот, не замедлит «выяснить» нам, что эта пролетаризация—неизбежное явление

«естественного хода вещей». явление против которого всякая борьба бесполезна и даже не желательна, так как все таки может на время задержать численное нарастание пролетариата.

Цитируемое нами место оканчивается следующим отрывком:

«Выясняя особенности форм и условий труда, различия видов экономического гнета и бесправия, присущих каждому из названных слоев эксплоатируемой массы, редакция будет на ряду с этим особенно подчеркивать **общность экономических, правовых и политических интересов всего рабочего народа России.** Лишь в борьбе за интересы и права **всех** трудящихся против **всех** форм экономического, политического, национального и религиозного гнета, российская социал-демократия выполнит свою историческую задачу: **низвержение самодержавия и полное экономическое и политическое освобождение рабочего класса».**

На этот раз курсив принадлежит не нам, а самой редакции «Р. Д.» И подчеркнуты на самом деле очень хорошие слова, значение которых, однако, сильно теряет от того, что предыдущие заявления поневоле должны были вселить следующую мысль: редакция социл-демократического «Р. Д.», для которой «кто продолжает видеть в марксизме лишь «гипотезу» или »мнимые философские посылки», тот столь же основательно отрезывает себя от русского рабочего движения, как и от западно-европейского» *), в идейном согласии с творцом «Коммунистического Манифеста», с комментариями к «Эрфуртской программе» Каутского, со всей социал-демократической литературою «плехановского периода» и в еще большем идейном согласии с автором «Задач русских социал-демократов» [11]), где крестьянство, как представители мелкой собственности, еще противопоставляется рабочему классу,—эта редакция, говорю я, вряд ли может под термином «**все** трудящиеся», «весь рабочий народ» понимать и тех работников, которые не лишены права собственности на орудия и средства производства, т.-е., главным образом, крестьян. Бороться за **их** интересы, отстаивать **их** повседневные нужды, вести **их** классовую борьбу против помещиков и кулаков, вести среди **них** социально-революционную агитацию и пропаганду на почве местных нужд и интересов ни редакция «Рабочего Дела», в частности, ни социал-демократическая программа вообще обещать не могут.

Мы видим, таким образом, что редакция «Рабочего Дела» честно и добросовестно сделала все, что могла сделать в этом отношении. Она вплотную дошла до той границы, до которой социал-демократия воообще может дойти: она обещалась работать для непролетарских слоев рабочего класса лишь постольку, поскольку их интересы вполне совпадают с интересами пролетариата. Переступить в этом пункте круг марксистских идей она не может, если хочет остаться верной основным принципам социал-демократии.

Само собою разумеется, что мы ей из этого не делаем никакого упрека. Круг марксистских идей слишком обширен и все элементы его (по крайней мере, на первый взгляд) настолько прекрасно согласованы между собою, что критически разобраться в нем не так то легко. Русская социал-демократия признает марксизм своей теоретической основой. Было бы недобросовестно с нашей стороны, если бы мы упрекали наших товарищей в том, что они остаются верны своим основным убеждениям...

В отличие от утопического социализма, научный социализм доказывает, что социальное освобождение народа может быть делом лишь самого народа, т.-е. его громадного трудящегося большинства, непосредственно заинтересованного в уничтожении эксплоатации и в разумной организации общественного труда.

Карл Маркс не отводил бы в деле осуществления социализма такой роли пролетариату, если бы не был убежден, что класс наемных работников составляет, или. по законам общественного развития, обязательно **должен** составить громадное большинство всего общества.

*) Из рецензии г. Б. К. на нашу «брошюру: Социализм и борьба за политическую свободу». «Рабочее Дело», № 1, стр. 138.

«Все движения, совершавшиеся до сих пор»,—говорит он в «Манифесте»,—«были движением меньшинства, или в интересах меньшинства, **Движение пролетариата есть самостоятельное движение подавляющего** (ungeheuern) **большинства в интересах этого же большинства»** *),

Это положение мне кажется центральным пунктом всего научного социализма Карла Маркса. Это—краеугольный камень всего здания, с устранением которого оно теряет свое равновесие. Все части его согласованы так, чтобы покоиться на утверждении, что пролетариат неминуемо сделается «подавляющим большинством» всего народа и притом таким большинством, для которого все социальные и нравственные основы старого общества, служащие помехой осуществления коммунистического идеала: собственность, семья, религия, отечество, потеряют всякое значение. Коммунистический строй неизбежно осуществится именно потому, что подавляющее большинство народа при процессе «вываривания в котле капитализма» освободится от власти этих враждебных коммунизму сил и привыкнет на больших фабриках и других грандиозных предприятиях к солидарности и необходимой дисциплине. Таков центральный пункт марксистского научного социализма, его внутренняя идея, душа, оживляющая его. Имея **эту** идею в виду, Маркс вырабатывал свою теорию общественной и исторической жизни и анализировал экономические основы капиталистического строя. Теория «концентрации капиталов» должна была, между прочим, показать, как создаются фабрики-университеты, в которых пролетариат обучается социальному уму-разуму. Теория кризисов должна была познакомить нас с теми силами, которые преимущественно содействуют численному нарастанию пролетариата. Теория все большего и большего обнищания масс рисовала нам тот процесс «выварки», в котором пролетариат освобождается от основных понятий старого мира, от социальных и нравственных устоев буржуазного общества. Понятно, что все эти три теории тесно связаны между собою, друг другу помогают и часто перенимают функции одна другой, и само собою разумеется, что не на одних этих трех китах марксистский мир стоит. Вокруг этих трех основных пунктов научного социализма Маркса и Энгельса разрослась в их теоретических взглядах целая система философских, социологических и научно-исторических учений, которые частью были восприняты ими из окружающей умственной атмосферы, частью найдены путем наблюдения и анализа действительности и частью скомбинированы—преимущественно гениальной мыслью Маркса—из этих двух элементов. Но основные линии этих отдельных учений были проведены так, чтобы их естественным продолжением являлась теория концентрации капитала и чтобы их логическим завершением, точкою их скрещения явилась идея о пролетариате, как о «подавляющем большинстве» народа, освобожденном от всех буржуазных понятий, дисциплинированном и солидаризированном процессом капиталистического производства, а поэтому и совершающем социальную революцию в своих собственных интересах, т.-е. в «интересах подавляющего большинства» **).

Пусть не возразят нам, что мы перевернули вверх дном отношение отдельных частей в системе марксизма, что мы приняли за его исходный пункт учение о качественной и количественной роли пролетариата, к которому бессознательный суб'ективизм филоеофского творчества подогнал, как к своему логическому завершению, все остальное, тогда как в действитеельности дело, дескать, было как раз наоборот: исходным пунктом было беспристрастное, об'ективное изучение действительности, а взгляд Маркса на пролетариат и его историческую роль явился непредвиденным результатом методически верного научного исследования.

В ответ на это было бы не трудно привести массу данных из истории умственнного развития Карла Маркса, свидетельствующих о том, что путь выработки

*) «Manifest» стр. 17.

**) Едва ли необходимо добавить, что, несмотря на бессознательный суб'ективизм, руководивший теоретическими построениями Маркса, мы в них находим массу ценных об'ективных истин, значение которых для общественной науки будет велико еще и тогда, когда от так называемого научного социализма останется одно лишь поучительное воспоминание.

его научного социализма был именно такой, каким мы его характеризовали выше. Мы ограничимся лишь напоминанием следующих фактов. Когда Маркс в Париже в 1843 и 1844 гг. примкнул к французскому социализму и, вместе с так называемым «истинным социализмом» [12]), трудился над его философским обоснованием помощью фейербаховских доктрин, об его изучении экономической действительности еще не могло быть речи. Между тем в работах представителей «истинного» социализма мы уже находим все важнейшие элементы «научности»: и естественный ход вещей, и революционная роль капитализма, и историческая миссия пролетериата нашли себе в Гессе и Грюне убежденных приверженцев. Затем, анализ экономической действительности, поскольку его результаты были важны для «Манифеста Коммунистической Партии», сделан был до Маркса той школой, которую он в «Манифесте» окрестил именем «мелкобуржуазной».

«Социализм этот»,—говорится в «Манифесте»,—«**в высшей степени глубоко** проанализировал противоречие современных условий производства, разоблачил лицемерные прикрашивания политико-экономов, **неопровержимо** доказал разрушительное действие машинного производства и разделения труда, концентрацию капиталов и поземельной собственности, чрезмерное производство, кризисы, неизбежную гибель мелкого мещанства и крестьянства, нищету пролетариата, анархию в производстве. вопиющие несправедливости в распределении богатства, истребительную промышленную войну наций между собою, разложение старых нравов, старых семейных отношений, старых национальностей» *).

Маркс нисколько не сомневался в абсолютной верности этих результатов. Расходился он тогда с мелкобуржуазным социализмом лишь в тех социально-политических выводах, которые мелкобуржуазные социалисты делали из своего анализа действительности. «По своему положительному содержанию»,—говорит он,—этот социализм хочет, однако, либо восстановить старые средства производства и сообщения, а с ними и все отношения собственности, и само старое общество, либо же насильно втиснуть современные средства производства и сообщения в рамки старых отношений собственности, которые были и должны были быть разрушены ими. В обоих случаях он равно реакционен и утопичен. Цеховой строй в мануфактуре и патриархальное хозяйство в деревне,—вот его последние слова».

Понятно, что **если** для спасения трудящегося крестьянства от пролетаризации нет других путей, кроме патриархального хозяйства и цехового строя, тогда эта пролетаризация неминуема и класс наемных работников неизбежно должен сделаться «подавляющим большинством».

Задумываться над приисканием других средств спасения для разоряющегося крестьянства Маркс не мог. Этому мешало, во-первых, перенятое от Гегеля [13]) учение о «естественном ходе вещей», исключающее всякую попытку установить, путем социологического и этико-экономического анализа, те переходные формы организации сельского труда, при которых интересы крестьян могли бы быть хоть отчасти удовлетворены, даже и при господствующем строе, и которые избавили бы их от необходимости превратиться в неимущих пролетариев. Серьезно относиться к вопросу о деревенских ассоциациях, напр., подобно тому, как это делается теперь и в теории, и на практике нашими товарищами в Бельгии, значило бы для Маркса эпохи «Манифеста» впасть в «прудонизм» [14]), это олицетворение «социализма мелкого меньшинства». Еще в 1872 году теория и практика бельгийской партии казались Энгельсу мелкобуржуазной и утопичной. «Единственная страна,—писал он,—в которой рабочее движение находится под непосредственным влиянием прудонистских «принципов», это—Бельгия и бельгийское движение именно поэтому и идет, как Гегель выразился «von nichts durch nichts zu nichts» **). **Теперь** подобного рода осуждение «прудонистских принципов» вызвали бы всеобщий смех, но в 1872 году, а еще раньше, в конце 40-х годов, мысль об экономической организации крестьян для общей борьбы с капитализмом противоречила бы тому, как

*) «Manifest», стр. 26.
**) «От ничего через ничего к ничему»: См. ср. Энгельс. Жилищный вопрос.

казалось, несомненно установленному «ходу вещей», по которому **все средние** слои населения должны были исчезнуть и очистить поле для борьбы двух главных классов современного общества: буржуазии и пролетариата.

Заботам о судьбе крестьянства, составлявшего тогда во всяком случае большинство трудящихся классов, мешал, во-вторых, тот воодушевлявший Маркса идеал полнейшего переворота общественной жизни, с точки зрения которого только неимущий и выброшенный за борт общества пролетарий мог быть его носителем. Революционно-коммунистический идеал Маркса не ограничивался требованием уничтожения частной собственности на орудия и средства производства. Уму его рисовалось полное разрушение современного ему общества, сдача в архив всех политических, нравственных, философских, правовых и религиозных основ общественного развития. Само существование нравственности, философии, права, политики и религии, как бы ни было различно их содержание в разные эпохи исторического развития, Маркс рассматривал как следствие того общества, факта истории прошлого, что одна часть общества эксплоатировалась другою *). Совершенно избавиться от власти этих «идеологических надстроек» мог, по его мнению, лишь пролетарий, разорвавший со всем обществом в силу своего экономического положения.

Затем, психика пролетариата, освобожденная экономическим процессом от фурий собственности; фантастических представлений религии, нравов и воззрений филистера, привлекала и продолжает привлекать сердца марксистов. В сравнении с нею психика крестьянина, находящегося под сильной властью бесчисленных жизненных мелочей, связанных ведением его микроскопического многосложного хозяйства, его беспрестанная забота о своей лиллипутской собственности, ежеминутно грозящей уплыть из под его ног, должна была казаться непреоборимой преградой для всякой социалистической пропаганды. «Анти-коллективистический череп», «твердыня реакции» («Bollwerk der Reaction»), вот те эпитеты, которыми марксизм наделяет крестьянство. С этой точки зрения, превращение крестьянина в пролетария является процессом не только неизбежным, но и в высшей степени **желательным**. Пролетариат делается «неимоверным большинством народа», и хорошо, что он им делается. Это значит, что весь народ, или, по крайней мере, неимоверное большинство его, освободится от всех тех преград, которые мешали ему примкнуть к социализму.

Точка зрения марксизма, опирающегося лишь **на городской пролетариат**, давала массу преимуществ и для теоретической борьбы с буржуазными и феодальными противниками социализма, и для пропаганды его среди интеллигенции, и для ведения самого революционного дела, т.-е. для политической организации городских рабочих масс, в особенности для последнего. Марксистов часто упрекают в том, что они мало считаются с конкретной действительностью, к которой подходят с заученными абстрактными формулами. Это и верно, и неверно. Марксизм считается с действительным конкретным положением пролетариата, только его интересами он серьезно заинтересован, потому что, по его мнению, они должны стать интересами «подавляющего большинства» народа. Вот почему он конкретной действительностью, угнетающей всех других представителей труда, мог до самого последнего времени интересоваться меньше. Цену для него имели в этой действительности лишь те отрицательные стороны, которые подтачивали и разрушали те или другие «устои» и ускоренным шагом приводили к отделению производителя от его орудий и средств производства. Революционная задача, таким образом, значительно упрощалась. Вместо чрезвычайно запутанной сети интересов **всех** трудящихся, которые должна была бы отстаивать социалистическая партия, она могла ограничиваться лишь организацией классовой борьбы пролетариата против буржуазии, т.-е. такой деятельностью, которая лежит как-раз по линии наименьшего сопротивления...,

Мы поэтому вполне понимаем психологию марксистов, цепко держащихся за свои принципы. Чуть только мы оставляем «точку зрения пролетариата», т.-е., проще говоря, тот взгляд, по которому пролетариат неминуемо сделается подав-

*) Ср. «Manifest», стр. 23.

ляющим большинством народа; чуть только мы должны приспособлять нашу деятельность к многочисленным и чрезвычайно запутанным интересам всех других непролетарских слоев труда, как сейчас же ясность и простота социал-демократической программы теряется. Возникают затруднения, о которых городской общественный деятель и понятия не имеет. Появляются вопросы, над которыми господствующая на Западе социалистическая мысль только в самое последнее время стала серьезно задумываться. Немудрено, что у нас в России некоторые марксисты готовы à la Плеханов, Волгин [15]) и НК-о замечтаться на тему, как хорошо бы, дескать, было, если бы, в пору освобождения крестьян, их совсем без земли пустили на волю. Неудивительно также, что наиболее убежденные марксисты должны радоваться тому процессу, который камень по камню разнимает «крепость реакции» и из ее материала складывает ту скалу, на которой, по словам Лассаля, должна быть построена церковь будущего. Признаемся, если бы мы, подобно марксистам, были убеждены, что пролетаризация крестьянства ничем не отвратимый процесс, мы, подобно марксистам же, с насмешливым презрением относились бы ко всем упрекам в «бессердечии», «бесчувственной холодности к интересам народа» и т. д., и т. д.,—упрекам, которые наши товарищи часто расточают по адресу марксистов, меряя их чувство своим собственным чувством и не выполняя того главного требования при нравственном осуждении товарищей, которое состоит в том, чтобы становиться на их точку зрения, но большинство марксистов держится за свою «пролетарскую» точку зрения отнюдь не потому, что оно, изучив досконально историю и открыв законы, управляющие с «естественным ходом», приложило эти открытые законы к столь же досконально изученной русской действительности. Далеко нет. Многие у нас вообще очень либерально относятся к требованиям научной добросовестности и риторичным запросам научного убеждения. Вера в авторитеты у нас слишком часто занимает место добросовестного исследования. А у наших марксистов это либеральное отношение к науке и эта безграничная вера в авторитеты усугубляются еще тем обстоятельством, что они в «точке зрения пролетариата» видят революционную тактику, которая обеспечивает за ними выгоды «линии наименьшего сопротивления».

Однако, как ни заманчивы удобства, доставляемые «точкой зрения пролетариата», не надобно забывать, что «линия наименьшего сопротивления» не всегда совпадает с линией наибольшего успеха. Эта истина становится все более и более ясной для социалистических партий Европы. Пятьдесят лет деятельности по «линии наименьшего сопротивления» привел к тому, что они теперь очутились почти на границе своих успехов. Оказалось необходимым взглянуть трезвыми глазами на революционные шансы чисто пролетарской партии и еще раз критически пересмотреть весь научный арсенал марксизма, приспособленный исключительно для защиты точки зрения пролетариата. Начался так называемый «кризис марксизма», который, по существу своему, главным образом, и вертится вокруг вопроса, оставаться ли социалистическим партиям исключительно партиями городского пролетариата, или им необходимо включить в сферу отстаиваемых ими интересов и нужды всех других представителей труда.

Этот пересмотр основоположений марксизма находится еще в первых стадиях своего развития. Многим из «критиков» еще самим не ясен весь смысл совершаемой им революции в воззрениях современной социал-демократии. Многие вопросы еще только намечены и еще не поставлены серьезным образом на дискуссию. Но уже из первых стадий спора видно, что центральное положение так называемого «научного социализма», его предсказание о том, что пролетариат неминуемо должен сделаться «подавляющим большинством» народа, не только пока еще не оправдалось, но делается все более и более проблематичным. Статистические выкладки, на основании последней германской переписи, приводимые в доказательство этого центрального положения, показывают, напр., что **если** к сельскому пролетариату отнести и всех тех сыновей, дочерей, жен и прочих родственников, которые участвуют в экономической деятельности крестьянской семьи, то тогда, и только тогда, общее

количество рабочего населения, живущего наемным трудом, достигнет во всяком случае крупного большинства, участвующего в производстве, населения Германии. Но если высчитать эти рабочие силы крестьянской семьи из общего числа пролетариата, тогда окажется, что не только организованный в городской промышленности пролетариат, но и все количество населения, живущего наемным трудом, **все еще составляет меньшинство народа.**

Поэтому одной из любимых позиций «ортодоксов» в их борьбе с «поваторами» состоит теперь в том, чтобы доказать, до какой степени плохо живется тем самостоятельным производителям, которые еще не развязались со своими орудиями производства и не перешли на положение наемников. Аргумент этот уже приводился Каутским в его комментариях к «Эрфутской программе», где он проводил мысль, что существование такого крупного числа самостоятельных работников доказывает не их жизнеспособность, но их «способность к голоданию» («Hungerfähigkeit»). Тот же аргумент повторяется и в его позднейших работах. И на этом же доводе, главным образом, выезжает и Бебель [16]) в своей громовой речи против Бернштейна на ганноверском с'езде партии [17]). Несомненно, что в борьбе с буржуазными публицистами подобные аргументы, почерпнутые из самой действительности, чрезвычайно важны. Они показывают, что не только пролетариат, но и весь рабочий класс, все трудящиеся слои населения, и не пролетарские слои еще больше, чем сам городской пролетариат, страдают от современного капиталистического строя, из которого выход открыт только в сторону социализма. Но в споре с антимарксистскими социалистами о численном росте и революционной роли пролетариата аргументы эти могут играть лишь роль пломбы для пустого зуба, которого уже не излечить, который раньше или позже придется выдернуть совсем.

«Способность к голоданию». Но где гарантия, что эта способность прекратится? Людям так или иначе жить хочется, и они всеми силами стараются держаться за те крохи собственности, которые, хоть и выматывают все силы, но дают, по крайней мере, возможность как-нибудь перебиваться. Что и говорить, горькое это житье! Но для огромного числа крестьян и мелких ремесленников-одиночек другого выхода фактически нет, и социалистическим партиям остается либо серьезно задуматься над их судьбою и найти для них те формы экономической борьбы, которые принесла бы им хоть такое же улучшение, какое она принесла городским рабочим, либо же окончательно махнуть на них рукой и философски дожидаться, когда у них истощится эта феноменальная «Hungerfähigkeit».

Очевидно, что махнуть на них рукой не приходится. Как бы ни была незначительна их роль в производстве «национального богатства»—они сами себя едва прокармливают—их **политическая** роль громадна. Идя за теми, кто хоть кое-как и с едва скрытыми корыстными целями входят в их нужды, они на самом деле служат твердыней для реакции и могут парализовать все успехи, добытые в городе организованным меньшинством «по линии наименьшего сопротивления». Волей-неволей приходится распроститься с простотою и ясностью марксистской тактики и заняться распутыванием той мелко-сплетенной сети безысходной нужды и хозяйственных мелочей, из которых повсюду соткана многопечальная крестьянская жизнь. Честь первого решительного шага в этом направлении принадлежит в Европе той стране, которая издавна славилась своей ересью по части марксизма. **Бельгии**,—той самой Бельгии, над которой так зло подтрунивал Энгельс. Бельгийская социалистическая партия, может-быть, потому, что в ней никогда не глохли «мелкобуржуазные принципы прудонизма», первая переступила городскую черту и понесла идеи **аграрного** социализма в деревни и села. А познакомившись поближе с крестьянством, она относительно его психики. казавшейся социалистам чем-то в роде «чудища обла, огромна и стозевна», начинает приходить к тем взглядам, которые у нас в конце 80-х годов развивал Н. Г. Чернышевский [18]) в своей статье о «мужиковствующем пессимизме», помещенной в «Северном Вестнике» старой ре-

дакции*), т.-е., что мужик из такого же теста создан, как и мы все, грешные, что и он, как человек, ищет, где лучше, и готов итти за теми, которые ему это лучшее покажут не за горами, за долами, а в доступной для его близи. Тогда у него явится и вера в это лучшее, и силы для борьбы за него.

Приводим несколько выписок из статьи Е. Лазарева о «Земледельческом Конгрессе в Бельгии», имевших место в этом году, подтверждающих только—что сказанное **).

Один из членов конгресса, **Гамбюрсен,** полагает, что «многие неудачи пропагандистов явились простым результатом их незнания крестьянской жизни». Он знает много случаев, когда, вследствие тех же причин, вопрос простого крестьянина ставил втупик очень ученым пропагандистов. «Нечего закрывать глаза,—продолжал оратор,—крестьянин готов слушать нас и следовать за нами—только в том случае, если мы сумеем рассеять все его сомнения, если он ясно поймет наши предложения и найдет их практичными и применимыми; он готов на всякую реформу, если видит, что она ведет к благу сельского населения и к поднятию земледелия. Без основательного знакомства с наличными интересами пропагандист будет стрелять в пустое пространство, вращаясь по необходимости в области теоретических вопросов». Чтобы лучше помочь делу, делегат предлагает устроить как можно больше «школ взаимного обучения ораторов пропагандистов» для сельского населения, при участии и под руководством опытных теоретиков и практиков аграрного социализма».

Другой оратор, Тердер, констатирует, что «всякий раз, когда мы являемся в деревню для пропаганды,—газету берут нарасхват, так как крестьяне убедились, что там даются верные и полезные сведения по сельскому хозяйству, и вследствие этого они доверчиво относятся и ко всему, что говорится в газете о политике и других общественных вопросах».

«Трокле отмечает необыкновенный рост самосознания среди сельского населения и считает для партии необходимым выдвигать всюду крестьянские интересы».

Наконец, Дебарси, докладчик Конгресса, так формулирует свое отношение к крестьянскому вопросу: «Мелкая культура безнадежно осуждена, как отсталая, и не имеет будущего. Это нужно вписать неизгладимыми буквами в нашу программу. Но раз говорят о борьбе классов в деревне, не следует упускать из виду, что в Бельгии мы имеем всего только 187.000 наемных сельских рабочих,—в том числе 54.000 женщин, т.-е. 15,5% всего сельского населения; тогда как, рядом, мы имеем 644.000 мелких крестьян, обрабатывающих от 2 и менее гектаров. Разве это не тот же, но лишь своеобразный пролетариат. Их спасение—в кооперации, в коллективизме. Пропагандисты не должны забывать это положение, когда им приходится излагать социалистические требования перед сельским населением. Еще раз настаиваю: пропагандисты должны основательно ознакомиться с аграрным вопросом».

Аграрный социализм в Бельгии уже заражает своим успехом социалистические партии других европейских стран, и мы присутствуем теперь при зарождении в Европе течения, которое с полным правом можно назвать **народническим,** которое в основу своей классовой борьбы положит, как и русское народничество, противоположность между интересами **всех** трудящихся и интересами всех эксплоататоров, но которое в то же время одинаково будет далеко как от смиренномудрия наших **легальных** народников, так и от фантастической переоценки народа, характеризовавшей наших **революционных** народников семидесятых годов.

Как бы, однако, ни обстояло дело в Европе, одно несомненно, что у нас в России, где городской пролетариат составляет теперь незначительный процент всего населения, марксистский тезис о пролетариате, как о «подавляющем большин-

*) Статьи Чернышевского подписаны псевдонимом **Андреева.** К сожалению, у нас нет этого журнала под руками, и мы не знаем, за какой год помещена статья, упомянутая в тексте.

**) См. «Накануне». Социально-революционное обозрение. № 13, 1900, стр. 149—150.

стве обществ», является прямо-таки **иллюзорным**, и руководствоваться им при определении социально-революционной тактики—значит с самого начала отказаться от какого бы то ни было серьезного влияния на ход русской действительности.

Тем не менее, прелести работы «по линии наименьшего сопротивления» еще долго будут носиться перед глазами наших марксистов и заставлять их per fas et nefas *) отстаивать «точку зрения пролетариата». На **нашей** обязанности будет поэтому лежать—путем критики основных положений марксизма, служащих опорою для этой точки зрения, путем теоретического обоснования аграрного социализма и практической работы в деревне заставить русскую социал-демократию, по крайней мере, нейтрально относиться к нашим попыткам «заразить» и городской пролетариат «народническим духом», доказать ему все его бессилие окончательно рассчитаться с врагом без помощи широких масс деревенских работников, повлечь те его элементы, которые все равно должны пойти в деревню, на работу в духе аграрно-социалистической программы.

В заключение еще пара слов «**pro domo sua**».

Выходя из того положения, что действительность необходимо взять неприкрашенной, что «ход вещей» лучше не дооценить, чем переоценить, чтобы иметь право ожидать от истории приятных сюрпризов и быть гарантированным от неприятных, я в своей брошюре «Социализм и борьба за политическую свободу» говорил о «стачкизме», как о «финале программы русской социал-демократии». Редакция «Рабочего Дела», в лице г. Б. К., обрушила на меня громы и молнии за эти мои предерзкие слова, как-будто ничего подобного тому, в чем я упрекал ее, никогда с русской социал-демократией и не бывало. Я скоро утешился от всесокрушающих нападок г. Б. К., ибо история побаловала меня сюрпризом: то, что я принял за финал всей программы социал-демократии, было только финалом в высшей степени печального первого акта ее программного развития.

Осмеливаюсь теперь уверить товарищей социал-демократов: ничто так не обрадует меня, как если и мое настоящее уверение об «естественных границах» социал-дамократии окажется верным лишь по отношению ко **второму** акту ее программного развития. Пусть тогда громы, которыми, быть-может, удостоит меня редакция «Рабочего Дела», будут еще более незаслужены, чем в первый раз, я приму их с тем большим удовольствием, чем искреннее и решительнее социал-демократия перешагнет ту пограничную черту, которая, боюсь, еще долго будет служить причиною разъединения наших социально-революционных сил.

ХАРАКТЕР СОВРЕМЕННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ.

(«Рев. Россия» № 13, за 1902 г.).

Существует двоякий взгляд на смысл крестьянского брожения, охватившего в последнее время несколько губерний. Согласно одному из этих взглядов, которого придерживаемся мы, это—зародыш того будущего движения рабочих слоев деревни, которое даст твердую опорную точку социалистической партии в крестьянстве. Согласно другому взгляду разделяемому, наприм., «Искрой», «Зарей» и «Жизнью» [19]), это—отголосок прошлого, последняя вспышка крестьянских мятежей, которые направлялись и направляются всюду против феодально-крепостнических уз и роль которых сыграна, как только эти узы разрушены и на их место водворена буржуазная «свобода».

«Зарево пылающих крестьянских усадеб,—напоминает «Искра»,—всегда предшествовало и сопутствовало буржуазной революции, наносившей последний удар крепостнически-самодержавному порядку, и «красный петух» крестьянского мятежа **должен был сыграть в последний раз свою революционную роль**, прежде чем смогло на просторе развернуться красное знамя революции пролетариата». С точки

*) Перевод: всеми правдами и неправдами.

зрения сторонников этого взгляда, социалисты-революционеры «не поняли самого крестьянского движения» последнего времени. Они будто бы не поняли, «что одно дело—демократическое движение против остатков крепостничества, другое дело—социалистическое движение,—движение против буржуазии»... «Но современное крестьянское движение вовсе не является социалистическим, направленным против буржуазии и капитализма движением. Наоборот, оно **об'единяет буржуазные и пролетарские элементы крестьянства,** которые действительно едины в борьбе с остатками крепостничества. Современное крестьянское движение ведет—и приведет—к установлению не социалистического и не полусоциалистического, а буржуазного сельского уклада, очистив созревшие уже буржуазные устои нашей деревни от крепостнических пут».

Что современное крестьянское движение, как целое, отнюдь не является **социалистическим**, в истинном смысле этого слова,—в том нет для нас ни малейшего сомнения. Но никакие социалисты-революционеры ничего подобного и не заявляли. Для социалистов-революционеров несомненно лишь то, что в крестьянских умах бродят **полусоциалистические** идеи, что для умелого пропагандиста в настоящее время возможно, **исходя из собственных крестьянских мыслей и логически развивая некоторые из них,** притти к **чисто социалистическим выводам.** И это возможно потому, что современное крестьянское движение знаменует собою вовсе не любовное единение пролетарских и буржуазных элементов крестьянства, как это кажется сторонникам «Искры», а наоборот, начало острого конфликта между ними.

В самом деле, пересмотрим несколько относящихся сюда данных. В настоящее время особенно острое возбуждение господствует в Озургетском уезде [20]), где буря была вызвана проповедью какой-то сектантки. По сообщению нашего корреспондента, движение носит, положительно, резко выраженный **анархический** характер: иначе трудно определить его. «Настроение и мысли крестьян вращаются вокруг полного отрицания властей, какой бы то ни было зависимости от крупных землевладельцев: заявляется право всех трудящихся на пользование землею и полная свобода труда. Проводятся в жизнь необычайные, своеобразные взгляды путем целого ряда убийств и покушений на помещиков». Другой корреспондент («Из революц. практики в деревне» в № 11) свидетельствует, что в местности, служившей полем его наблюдений, партизанская борьба крестьян против богачей превратилась в систему, в ней сказывается «принципиальное отрицание помещичьей и **вообще частной** собственности,—это классовая борьба крестьянства с богатыми землевладельцами-кулаками». В Екатеринославской губ. приходится слышать разговоры со стороны крестьян в духе идеи национализации земли,—идеи, конечно, своеобразно преломившейся сквозь призму мужицкого понимания. «Земля **вся** отойдет в казну, и панская, и крестьянская»,—говорят эти самобытные социал-политики,—«надо разверстать ее так, чтобы всякий имел столько земли, сколько под силу ему с семьей ее обработать». Любопытно, что и пропаганда губернаторов о святости частной собственности различно встречается разными слоями деревенского населения. «Крестьяне которые **барышуют**, т.-е. занимаются скупкой яиц, кур и т. п., а также успевшие приобрести через крестьянский банк в личную, подворную собственность большие участки с 150—200 дес., охотно соглашаются с тем, что **всякая собственность должна быть священна и неприкосновенна.** Наоборот, другие, которые **победнее**, относятся к делу **иначе».** И неудивительно. Эти зажиточные, чисто буржуазные элементы деревни первые страдают от «беспорядков». В Полтавской и Харьковской губ. это им уже доказал горький опыт. «Характерно и то»,—писал наш харьковский корреспондент,—«что припасы отбирались не только у помещиков дворян, но и у многих богатеев и кулаков **из своих же крестьян**, казаков, купцов». То же и в Воронежской губ. Один из таких кулаков пробовал усовещевать крестьян, что земля его приобретена им на свои «кровные денежки». Крестьяне ему возражали, «что де купить то ты ее купил, да **нет таких правов**, чтобы ее, мать-кормилицу, покупать и продавать». К помещикам и кулакам пред'являли крестьяне требование выдачи припасов на том основании, что «их руками взрощен и убран хлеб на

помещчьих полях». Иногда, как в одном крестьянском рукописном стихотворном воззвании, эта идея облекается в религиозную форму: «В поте лица твоего будешь есть хлеб»,—бог сказал, а не в поте тебе подобных людей, как ты теперь видишь в жизни своей. Павел, апостол Христов, так учил: кто не работает, тому он есть запретил».

О чем-то другом, а не о любовном об'единении «пролетарских и буржуазных элементов деревни» свидетельствуют эти данные. Но нам могут не дать веры. Показания корреспондентов «Революционной России» иным социал-демократам могут показаться слишком «суб'ективными». Для убеждения таких «неверующих» мы не можем найти лучшего довода, как процитировать показания... корреспондентов самой «Искры».

В первой же корреспонденции этой газеты с мест волнений (см. № 20) мы читаем: «Крестьяне об'ясняют, что «царству панов наступил конец»... хлеб «забирается **не только у помещиков-дворян, но и у односельчан-богачей**, особенно у тех, которых народ не долюбливает. Так, у казака Кивы и Божка забрали не только весь хлеб и корм для скота, но и всю домашнюю утварь». В следующем номере мы читаем, что крестьяне «разбирают панское добро, как бы возвращая этим себе **отнятую у них прибавочную стоимость**». И дальше приводится перечисление «пострадавших», где, на ряду с дворянскими имениями, мы встречаем и паровую мельницу Кузьминова, и имущество богатого мужика Корсуна, и т. д. В другой корреспонденции того же номера излагается, как некоторые крестьяне об'ясняют причину беспорядков: «В прокламациях,—говорят они,—у нас было сказано: земля должна принадлежать всему **трудящемуся** населению, т.-е. мужикам; **которые трудятся**. Вывод отсюда тот, что нужно отнять землю у панов и поделить между трудящимся населением». В следующем номере (22) говорится об открытом заявлении крестьян, что «платить подати они больше не будут». Положение крестьян бедственное: «с другой стороны, на Руси много **богатых людей**—помещиков, купцов. С них нужно требовать больше податей, чем с **бедняков-крестьян**». В следующем 23-м номере опять известия того же рода: мужики заявляют в одном месте, «что теперь, дескать, в России все **бедные крестьяне**, не имеющие хлеба для пропитания, забирают, по приказанию царя, **у богачей** все, что они имеют, и делят поровну между собой»; а в другом месте так крестьяне даже прямо заявили: «нам нужны порядки такие, о которых пишут в книжках».

Любопытный пример обмана зрения. В каждом номере корреспонденты самой «Искры» аккуратно характеризуют крестьянское движение именно как движение бедных против богатых, трудящихся против нетрудящихся, эксплоатируемых против выжимающих «прибавочную стоимость». А теоретики «Искры», читая это, умозаключают: это движение не только не направлено против буржуазии и капитализма, но наоборот: оно об'единяет сельскую буржуазию и сельский пролетариат против остатков крепостничества!

Так всегда происходит с людьми, которые не из жизни черпают обобщение, а из дедукции строят особую жизнь, с действительной жизнью имеющую мало общего.

* * *

Источник этой ошибки понятен. Мы уже видели, что в современной русской деревне есть почва для классовой борьбы **всего** рабочего, трудящегося класса против **всего** класса эксплоататоров. Что же касается шансов обособленного движения одного только сельско-хоз. пролетариата, то даже «Искра» (см. № 3) находит, что «общенационального значения движение сельских рабочих не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем». Ошибочно считая этот факт следствием недостаточного развития капитализма в России, сводя понятие «рабочего класса» на более узкое понятие «пролетариата» *) и не замечая, что в промышленно-развитых стра-

*) «Социал-демократия—непосредственно и всецело представляет интересы только одного пролетариата». «Заря» № 4, стр. 106.

нах социализм находит в трудовом крестьянстве не менее благоприятную почву для пропаганды, чем в среде сельских батраков,—некоторая часть русской социал-демократии приняла смелое и, можно сказать, буквально **самоотверженное** для социалистов решение. С завидной откровенностью она формулировала так основную идею своей «аграрной программы»: «Мы,—заявляет «Заря»,—требуем введения деревни в такие условия жизни, какие свойственны **буржуазному** обществу». Буржуазное общество предполагает, что земля есть такой же товар, как и все другие, а потому индивидуальная собственность и полная свобода индивидуального распоряжения землею есть священнейшее из «прав человека и гражданина». И наши «социалисты» так проникаются своей новой священной миссией—быть проводниками в деревню «свойственных буржуазному обществу условий», что искренно негодуют на социалистов-революционеров за то, что они, видите ли, «во имя народнического предрассудка об общинном начале и уравнительном принципе отказывают крестьянству в таком **элементарнейшем гражданском праве**,как право распоряжаться своей землей». А отказываем мы крестьянину в этом священном праве человека и гражданина тем, что не выставляем, вслед за «Искрой» и «Зарей», требования «отмены всех законов, стесняющих крестьянина в распоряжении его землей». Действительно, на эту почву мы встать не хотим и не можем. Мы не признаем частной собственности на средства производства и потому, напротив, будем предлагать—когда по условиям политической жизни получим на это право—проекты законов, **стесняющих** свободу распоряжения землей отдельного индивида—хотя бы то был и крестьянин—в пользу **коллективности**. И мы будем иметь за себя всех тех крестьян, которые уже и теперь, читая наши пропагандистские и агитационные брошюры, говорят: «мужики ропщут, что у них земли нету; они говорят, что мы-де этому непричинны, а между тем все дело, вся сила в нас самих. Мы сами должны уничтожить собственность на землю и сделать все общим владением»*).

Новые «проводники в деревню свойственных буржуазному обществу условий» не дают решительного ответа даже на такой вопрос, получит ли каждый отдельный крестьянин (в силу отмены всяких стеснений свободного распоряжения землей) право, вопреки воле большинства, выдела его земли в особый участок. Они уклончиво отвечают, что «это будет зависеть от общих гражданских законов и от их (крестьян) специальных договоров между собою». Это не ответ, а бегство от ответа. Всякий знает, что подобные акты регулируются общими гражданскими законами, но потому-то и важно знать, хотят ли и если да, то какими законами, как хотят нормировать наши «проводники» выдел отдельным крестьянином из общинной собственности своего надела? «Проводники» хранят благоразумное молчание. А, между тем, это—кардинальный пункт, на этом еще яснее было бы видно, что они стремятся не **к социализации, а к индивидуализации** земельной собственности. Социалисты, взявшие на себя проведение в деревне начал буржуазного строя, однако, помнят, что нужно «расширение прав коллективности по отношению к индивидууму», поскольку оно «в интересах технического и социального прогресса». И вот, в качестве фигового листочка для прикрытия своего буржуазного грехопадения, они допускают туманную оговорку в характерной форме условного предложения: «В такой форме, разумеется, и мы защищали бы всякий **соответственный** (как это ясно!) закон, лишь бы он относился не к одним только мелким собственникам, не к одним только крестьянам, **а ко всем** землевладельцам вообще». К сожалению, никакого такого «соответственного» закона в числе пунктов аграрной программы «Искры» и «Зари» мы не находим. А налицо остается лишь вполне определенное требование полной свободы «элементарнейшего гражданского права распоряжаться своей землей» да своеобразный прожект выделения из помещичьих земель некоторой части—кусочков, лоскутков и обрезков—и передачи их в мелкую, подворную, личную собственность отдельных крестьян. При этом опять-таки

*) Из письма крестьянского кружка по поводу брошюр Партии Соц. Рев. и Агр.-Соц. Лиги.

с завидной откровенностью наши прожектеры сознаются, что это будет, «в сущности, подарком мелкой буржуазии». Они сознаются, что, «**вообще говоря**, развивать, поддерживать, укреплять, а кольми паче умножать мелкое хозяйство и мелкую собственность вовсе уже не задача социал-демократии». **А в частности** оказывается обратное, так как, видите ли, здесь мы имеем не **общий**, **а исключительный** случай—поддержки мелкой собственности не против капитализма, а против остатков крепостничества.

Всем этим «подаркам мелкой буржуазии» и защите «элементарнейшего гражданского права распоряжаться своей землей» мы решительно противопоставляем наши требования расширения прав коллективности на счет прав индивида в деле распоряжения землей и—как вершина этого процесса—полной социализации земли.

Вопросу о социализации земли и разбору возражений против этого пункта нашей программы мы и посвятим следующую статью.

СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЛИ И КООПЕРАЦИЯ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ.

(«Рев. Россия», № 14—15, за 1902 г.).

В аграрной программе-минимум партии социалистов-революционеров особенно видное место занимают 2 пункта: требование социализации земли и стремление к развитию сельскохозяйственных трудовых товариществ или кооперацией. Можно сказать без преувеличений, что эти 2 пункта являются наиболее характерными для данной программы: в связи с этими именно пунктами приобретают особенный смысл и значение все другие частные требования аграрной программы; именно 2 эти пункта отличают данную программу, как социалистическую, от реформаторских программ, не выходящих, по своему духу и тенденциям, из рамок буржуазного мира.

Оба названные пункта суть пункты нашей **программы-минимум**. Наша программа-максимум излагает те мероприятия, которые провели бы мы, если бы власть была в наших руках, для воплощения в жизнь нашего идеала—социалистического строя. В настоящее время социалисты всех стран, не желая впадать в утопизм, категорически отказываются нарисовать план «государства будущего» в деталях. Идеал социалистического строя в их программах играет роль путеводной звезды, маяка, определяющего направление пути, а не конкретного «прожекта» по образцу и подобию обычных министерских и канцелярских прожектов. Более, чем кто-либо, социалисты понимают, что не только в самосознании народа, а в технических, материальных условиях производства в настоящее время недостает еще многих данных для полного осуществления социалистического идеала—общественного регулирования всего производства сообразно общественным потребностям—одним наитием революционного вдохновения.

Это не означает, однако, чтобы современный социализм не обладал в настоящее время никакой **осуществимой** программой. У современных социалистических партий есть всегда достаточно требований, которые вполне осуществимы, лишь бы для осуществления их была налицо достаточная численная сила. Огосударствление (национализация) земли и тех отраслей производства, которые подготовлены к этому процессом концентрации еще в буржуазном строе и имеют общенациональное значение; муниципализация других предприятий, имеющих местное значение для совокупности жителей общины (городской и сельской); передача, под контролем социал. государства, в руки ассоциаций равноправных производителей, предприятий, могущих быть поставленными в непосредственную связь с организованным потреблением достаточных общественных групп,—эти мероприятия, в своей совокупности, подорвали бы самые основы буржуазного общества и заложили бы фундамент социалистического строя. Правда на ряду с реорганизованными на социалистических началах формами при этих условиях еще находились бы отдельные частные пред-

приятия; в порах нарождающегося социалистического общества еще гнездились бы самостоятельные хозяйственные единицы, независимые мелкие производители, которых социализму, кстати сказать, нет никакой надобности силком загонять в социалистический рай. Мы убеждены, что внутренняя притягательная сила коллективистских порядков окажется достаточно велика, чтобы постепенно привлечь и ассимилировать эти остатки досоциалистического строя. Таким образом, осуществление нашей программы-максимум равносильно проведению в жизнь тех начал социалистического строя, для которых ко времени перехода общественной власти в руки рабочего класса созреют необходимые предварительные условия, технические и культурные.

Но одной программы-максимум для социалистической партии недостаточно. Эта программа, как уже сказано выше, предполагает, что у власти стоит социалистическая партия и действует с совершенно развязанными руками. Но завоевание политической власти предполагает упорную борьбу, предполагает переходный период—долгий или короткий—в течение которого партия, правда, может в растущей мере влиять на ход законодательства, но вынуждена считаться с тем фактом, что государственная власть находится в руках тех или иных фракций буржуазии. Проведение в этот период тех или иных органических мер для осуществления социализма невозможно, ибо это означало бы социализм изуродованный, приспособленный к интересам буржуазно-капиталистического строя, т.-е. пресловутый государственный социализм, или, как удачно выразился однажды Либкнехт, вернее сказать, государственный **капитализм**... С этим жалким ублюдком революционный социализм ничего общего не имеет и иметь не может.

Но, не проводя и не имея возможности проводить под флагом государственной буржуазии никаких органических мер для непосредственного воплощения социализма, рабочий класс, организованный в политическую партию, должен в этот переходный момент использовать все свое влияние на законодательство в интересах борющихся за свое освобождение трудящихся масс. Для этого вырабатывается система требований, чуждых всяких сделок с основными началами буржуазного режима, согласных с революционно-социалистическими принципами и ускоряющих процесс развития сил, разрушающих старый порядок.

Эти-то требования и входят в состав социалистической программы-минимум. Вся сумма этих требований, правда, не создает **социалистического порядка** и в этом смысле она не выступает из рамок существующего строя, не означает окончательного подведения всяких счетов с этим строем. Но общий смысл этих требований представляет прямое покушение подорвать основы этого строя, создать в его пределах, на его почве силы работающие для его разрушения, создать, наконец, и об'ективные условия, возможно более благоприятствующие работе этих сил. Здесь, в этом пункте, и лежит коренное отличие минимальных требований социалистических партий от проектов «социал-реформаторских» партий. Эти последние преследуют цели восстановления нарушенного социального мира и равновесия, тогда как первые стремятся только усилить, только увеличить боевую способность и шансы на победу сил, несущих знамя будущего. Для первых критерий плодотворности реформы—ее способность **успокоить** общественное недовольство; для вторых—ее способность укрепить позиции недовольных элементов для дальнейшей борьбы за их социально-политические идеалы.

Итак, требования, входящие в программу-минимум социалистической партии, во-первых, должны обладать технической, об'ективной осуществимостью, а во вторых, должны приближать нас к осуществлению нашей конечной цели, облегчая организацию, рост самосознания и боевой готовности рабочего класса (в городе и деревне) и создавая, в пределах возможного, политические, правовые и материальные условия, благоприятные для классовой борьбы армии труда против армии эксплоататоров труда.

В области политической эти требования, поэтому, направлены к полной демократизации всего государственного и юридического строя на началах свободы и

равноправности. Что касается хозяйственной области, то здесь, с одной стороны, стоят требования законодательной защиты материальных и духовных интересов наемных рабочих, занятых как в индустрии, так и в сельском хозяйстве, с другой же стороны—требования, имеющие целью привлечь к социалистическому движению самостоятельных тружеников-производителей, увеличивая их солидарность и препятствуя насаждению и распространению в их среде «собственнического фанатизма». Эта часть экономических требований социалистической программы-минимум имеет особенное значение в области аграрных отношений.

* * *

В деревне нам прежде всего приходится считаться с тем фактом, что и самостоятельное трудовое крестьянство, и сельский пролетариат обнаруживают сильнейшее тяготение к земле. Есть фракция социалистов, которая считает это стремление по самому существу своему стремлением реакционным. Для нее клич малоземельных крестьян и безземельных батраков: «земли!», «земли!» кажется не более, как пережитком старого времени, слепой традицией, с которой крестьянство, а особенно сельский пролетариат,—должны бесповоротно разделаться; и чем скорее они с ней разделяются, тем лучше. Увеличение числа сельских батраков на счет числа самостоятелгных крестьян—вот то явление, которое, с этой точки зрения, будучи законом развития сельскохозяйственного производства, раньше или позже положит конец всем утопиям и иллюзиям этого рода и заставит не только пролетариат, а и пролетаризирующееся крестьянство выработать в себе чисто пролетарскую психологию, свободную от старомужицкой «тяги к земле».

Взгляд этот выработан по «аналогическому методу» путем механического перенесения на деревню воззрений, правильных для совершенно иных условий—условий городского, индустриального развития. Факты, действительность во многих пунктах резко противоречат этому взгляду. Достаточно указать на то, что в большинстве культурных стран последние статистические исследования обнаружили не **рост**, а, наоборот, **абсолютное уменьшение** численности сельскохозяйственного пролетариата. Сезонный характер сельскохозяйственных работ заставляет безземельного батрака существовать целый год на продукт труда части года; создается огромное количество наемных рабочих, не имеющих постоянного, регулярного заработка, то вбираемых процессом производства, то выбрасываемых; это текучий, бродячий элемент, с трудом поддающийся организации и, говоря словами Маркса, —всегда стоящий одной ногой в болоте пауперизма. С другой стороны, рабочие годовые слишком малочисленны, раздроблены, разбросаны и слишком зависимы. Жизнь для них становится ярмом. Лучшие элементы бегут в город, и сельскохозяйственный пролетариат, благодаря этому лишается как-раз тех энергичных людей, которые при других условиях могли бы быть ферментами революционного брожения в его среде и организаторами его освободительного движения.

> «Капиталистическое развитие,—сознается даже такой правоверный марксист, как Каутский,—влияет в деревне иначе, чем в городах. Здесь оно не соединяет людей, а разъединяет их. Оно ведет не только к относительному, но на известной ступени развития и к абсолютному обезлюдению деревни. Оно уводит оттуда как-раз самые способные, самые интеллигентные элементы. Слабейшие и беззащитнейшие—вот кто остается. Рука об-руку с этим обезлюдением идет и умственное запустение деревни»...

При таких условиях понятно, что остающиеся в деревне всеми силами стремятся завладеть клочком земли, представляющим, как бы то ни было, некоторый минимум относительной независимости и обеспеченности. Даже среди **городских** рабочих некоторых типичных капиталистических стран обнаруживается тенденция к обзаведению небольшой земельной собственностью, которая могла бы послужить «тихою пристанью» на склоне лет рабочему, уставшему бороться за существование в водовороте конкуренции, кризисов, безработицы. Некоторые экономисты усматривают в лихорадочной погоне за землей—ведущих к ненормальному, бешеному возвышению арендных и покупных цен на землю—все ту же,

замаскированную, прикрытую ложной оболочкой форму **вопроса о безработице**. В России, где связь фабричных рабочих с земледелием существует еще в огромных размерах, обратное перекочевывание рабочих после известного промежутка времени с фабрики в деревню совершается и с большей легкостью, и в еще более крупных размерах.

Итак, «тяга к земле» со стороны сельскохозяйственных батраков и малоземельных крестьян имеет под собою гораздо более прочную и реальную основу, чем простая «слепая традиция» или закоренелый «собственнический фанатизм». Коренясь в целом ряде особенностей земледельческого производства, эта «тяга к земле» вынудила большинство западно-европейских социалистов обратить на нее более серьезное внимание, считаться с нею и соответственно усложнить свою деревенскую тактику. На этом пути сделаны были и кое-какие существенные ошибки как заграничными, так и русскими *) социал-демократами. Но это, конечно, не значит, что самый путь был не верен.

* * *

Перемена тактики по отношению к деревне и крестьянству с его привязанностью к земле в известных пределах была узаконена даже одним из отцов научного социализма Фр. Энгельсом. Вопреки догме, согласно которой только пролетаризация приведет к социализму,—догме, особенно распространенной в России,—Энгельс признал в статье «Die Bauernfrage in Frankreich und Deutschland»**), возможность для крестьян врасти в государство будущего другим путем. «Мы можем,—говорит Энгельс,—предложить крестьянам возможность **самим** вводить крупное производство, но не за счет капитала, а за их собственный, **общественный** счет». Как на пример, он указывал на практику датских социалистов, пропагандировавших в деревне соединение частных крестьянских участков и хозяйств воедино, при чем имеется в виду впоследствие, при общественном контроле, «постепенно перевести крестьянское товарищество в высшую форму (um die Bauerngenossenschaft allmälig in eine höhere Form uberzufüren)». «Мы решительно стоим на стороне мелкого крестьянина,—говорит Энгельс,—мы будем делать все возможное, чтобы сделать его участь более сносной, чтобы облегчить ему переход к товариществу, если он на это решится, и даже—если он еще не может принять такого решения—дать ему на его парцелле срок поразмыслить об этом». «Чем больше количество тех крестьян, которых мы избавляем от действительного падения на ступень пролетариата (denen vir den wirklichen Abzturg ins Proletariat ersparen), которых мы выиграем для своих целей уже как крестьян,—тем скорее и легче совершится социальное преобразование».

Эти руководящие указания Энгельса были подхвачены и развиты особенно Э. Вандервельде [22]) в Бельгии и Джероламо Гатти в Италии *). **Не враждебно противостать** крестьянской «тяге к земле», **а направить** ее на единственно-правильный путь—путь об'единения, социализирования собственности и производства,—таков современный лозунг социализма в деревне. В духе этого лозунга и выработано большинство «аграрных программ» западно-европейских социалистических партий.

Так, на Марсельском и Нантском конгрессах французская рабочая партия («гэдисты»—наиболее ортодоксальная марксистская фракция французского социализма) приняла программу [23]), видное место в которой занимают след. меры (см. особ. §§ 3, 5 и 8): преимущественное право сельских общин на аренду государственных земель; увеличение сельской общинной собственности и употребление на это излишков бюджета общин; запрещение общинам отчуждать их общинную землю

*) Характерно, что именно ортодоксальнейшие марксисты (гэдисты [21]) во Франции, «Искра» в России) допустили здесь особенно резкие погрешности против революционного принципа.

**) «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

***) Vand rvelde «Le socialisme en Belgique». Catti «Agricoltura e socialismo». Сюда же склоняются—но с излишними уступками индивидуализму—бернштейнианцы Герц и Давид.

посредничество общин для передачи государственных земель и непосредственная деятельность общин по передаче общинных земель в пользование трудовых земледельческих товариществ, при конторолe общины за тем, чтобы эти товарищества были действительно трудовыми, принимая членов на равных правах, а не эксплоатируя наемный труд; покупка или наем общинами при государственной помощи) машин для общего пользования тружеников-земледельцев, учреждение земледельческих товариществ для покупки удобрений, семян, для продажи продуктов и т. п. *). Аналогичные программы приняты и другими фракциями: на Дижонском конгрессе—аллеманистами [24]), на Турском—поссибилистами [25]); в самое последнее время на конгрессе, происходившем тоже в Туре (март 1902 года), «Французская социалистистическая партия» (Жорес, Бриан, Вивиани и их единомышленники) выработала программу, также включающую аналогичные требования: субсидирование сельских общин для помощи им в деле закупки сельскохозяйственных орудий для общего, коллективного пользования; приобретения в общинную собственность земель, передачи их в распоряжение ассоциациям, синдикатам сельскохозяйственных рабочих, под контролем общины, и т. п. Таким образом, вместо прогрессивного **национализирования** земель—передачи их в распоряжение центральной государственной власти, пока еще слишком далекой от трудящихся масс деревни—французские социалисты предпочитают пока другие пути постепенного обращения земли в общественную собственность—ее **социализации**—исходя из более мелких единиц—общины и сельскохозяйственного трудового товарищества.

В аграрной программе бельгийской социалистической партии (выработана рядом конгрессов—Брюссельским, Гентским, Нивелльским) мы встречаем те же требования относительно земледельческих кооперацій плюс требование «национализации лесов, восстановления или развития общинных имуществ, прогрессивного выкупа земли государством или общинами».

То же требование—прогрессивной социализации земли—красною нитью проходит через программу голландской социал-демократии (Утрехтский и Арнгеймский конгрессы). Кроме общих предыдущим программам требований, здесь мы находим: предоставление общине преимущественного права при аукционной продаже земель, расширения права общины обладать и экспроприировать земли; особенно лежащие впусте, право общины требовать законной оценки земель и выкупать их по этой оценке; «в будущем применение рекомендуемых мер должно привести к приобретению прав собственности на все земли общинами». (Fliegen «Agrarprogramm d. nid. Soz-Dem»).

Аграрная программа австрийской социал-демократии (Грацкий партейтаг) выдвигает «обобоществление лесов, лугов и водных сил посредством государства, села или общины, расширение общественной поземельной собственности при содействии благоприятствующей народу политики государства, развитие товариществ на совершенно демократических началах и т. п.», «основание кооперацій сельских работников», мелиорационные работы, предпринимаемые государством и сельской общиной», «передача общинам лесных и рыболовных прав» и т. д., и т. д.

Аграрная программа румынской социал-демократии (Бухарестский партейтаг) требует также «постепенного выкупа государством земель крупных собственников», «учреждение общинных выгонов» и т. п.; преимущественной сдачи перешедших в общественную собственность земель «в аренду для артельного пользования общинам».

Итальянская социалистическая партия, хотя еще не выработала подробной аграрной программы, но приняла уже (Римский партейтаг) резолюцию, согласно которой членам партии «вменяется в обязанность сообразно местным условиям помогать распространению идей кооперации», ибо товарищества имеют для крестьянского пролетариата и мелких собственников очень важное значение, особенно

*) Крайности сходятся. Отчасти в мотивировке, отчасти в некоторых других пунктах программы эти ортодоксальнейшие французские марксисты сделали уступки крестьянскому индивидуализму не хуже бернштейнианцев. (См. превосходную критику этих уступков в цит. соч. Фр. Энгельса и Дж. Гатти).

«благодаря их воспитательному влиянию и подготовлению к коллективному управлению производством», при условии руководства ими в духе принципов и тактики социалистической партии.

В той или иной степени аналогичные требования входят и в программу венгерской социал-демократии (согласно взгляду которой «община, село представляет собою естественную ассоциацию»), датской, баварской, гессенской, баденской, виртембергской. Для германской социал-демократии в целом вопрос об аграрной программе остается еще открытым. На Бреславльском партейтаге [26]) один проект был отвергнут и решено предварительное «изучение» вопроса. На одном из следующих партейтагов аграрный вопрос будет, однако, вновь поставлен на очередь и нет сомнения, что стремление привить крестьянскому хозяйству, так сказать, снизу коллективистские тенденции найдет себе яркое выражение в будущей аграрной программе немецкой социал-демократии. Со времени Бреславльского конгресса многие догматики проделали крупную эволюцию в своих взглядах. Знамением времени является, напр., статья Эрнеста Эбгарта «Крестьянин и социал-демократия», помещенная в «Neue Zeit» без малейших оговорок со стороны редактора Каутского. Указывая на удивительную, упорную живучесть крестьянства и освещая этот факт в духе известного сочинения Каутского об аграрном вопросе, автор статьи обращает большое внимание на стремление крестьян в целом ряде местностей обратиться к рациональным способам хозяйства, прибегая к кооперации. Несмотря на «антиколлективистский череп крестьянства»,—говорит он,—мы наблюдаем, что частная собственность в этих хозяйствах отступает все более на задний план, а на передний план все более выдвигается кооперативная, коллективная собственность. По мере развития и расширения хозяйственных функций коллективности, кооперации, она стала превращаться в главный источник доходов; значение и ценность обособленных, индивидуализированных функций хозяйства, напротив, стали убывать. Не трудно видеть, насколько факт этот содействует вытеснению в психике крестьянина индивидуалистических тенденций тяготениями к коллективизму, и чего можно ждать в этом отношении дальше. «Тогда не подлежит никакому сомнению, от какого крестьянина мы можем ожидать большего понимания наших требований,—от обнищавшего ли, который в конце-концов становится сельским или промышленным пролетарием и уж только, как таковой, приходит к нам,—или от крестьянина, который уже имел возможность познакомиться с выгодами коллективистического хозяйства, и стремлением которого является усилить коллективные предприятия, главный источник его дохода, за счет своего частного хозяйства». Автор заканчивает свое перечисление мероприятий, которые могут быть выставлены социал-демократией в аграрном вопросе, особенно подчеркивая один пункт: «главным же образом—поддержка всех стремлений, которые направлены к устройству кооперативных предприятий, приближая таким образом хозяйство крестьян к нашим целям и делая для крестьян более понятными наши цели».

Этот ход мыслей заставит, конечно, многих доктринеров марксизма отнестись иначе, чем прежде, к бреславльской речи Бебеля, который говорил: «общинная собственность уже не личная собственность; и если доставляемые ею выгоды часто не велики, то причина этого лежит не в ней самой, как форме землевладения, но в дурном распоряжении ею. Мы должны радоваться каждому гектару земли, который мы превращаем в общинную собственность, потому что он позднее даст нам известную экономию сил при разрешении вопроса об экспроприации. Поддержка общинной собственности и расширение ее всеми подходящими средствами лежит, таким образом, в нашем интересе».

Вопрос о мужицкой «тяге к земле» имеет, конечно, особенно жгучее значение для нас, русских социалистов. Вопль крестьянства «земли!, земли!» в последнее время становится все громче и громче и, что еще важнее, из стона жалобы он уже превращается местами в клич борьбы. Этот факт имеет громадное значение для судеб будущей русской революции. В самом деле, если уж даже в обычное, тихое время, в двух губерниях крестьянство попыталось наложить руки натряжды

священную земельную собственность помещиков; если, несмотря на исправное функционирование правительственного механизма, движение, начавшись в одном селе, так быстро успело разлиться в целом обширном районе; если стоустая молва разнесла весть о начале в Харьковской губернии «поравнения земли» буквально «от Перми до Тавриды, от Финских хладных скал до пламенной Колхиды», всюду взбудоражив крестьянство и усилив в нем острое брожение, то трудно себе представить, чтобы подобные же события не разыгрались и в момент приближающегося политического кризиса, только в размерах еще более грандиозных. Более чем вероятно, что в момент ликвидации самодержавного строя, в момент брожения и неустройства, общей заворухи и приостановки правильного функционирования государственной машины, крестьянские массы воспользуются благоприятным моментом, чтобы осуществить, наконец, свою заветную мечту—добыть землю. И раз восстание крестьян с целью захвата в революционный период земель представляет собою известную вероятность, нужно, чтобы социалистическая партия заранее считалась с этой вероятностью, чтобы никакой поворот в ходе дел не застал ее врасплох, чтобы она заранее была готова к нему, заранее обладала выработанной системой деятельности на этот случай.

Современную Россию не раз сравнивали с дореволюционной Францией. И действительно, во многих отношениях аналогия между двумя странами напрашивается сама собой. Господство придворной олигархии, управлявшей именем неспособного и слабохарактерного короля и успевшей довести страну до полного экономического расстройства, во Франции, как и в России, делало неизбежным одновременно ликвидировать старый политический строй и произвести ряд органических мероприятий для того, чтобы вывести страну из состояния всеобщего расстройства, освободить скованные производительные силы народа, восстановить тот минимум соцпального равновесия, без которого невозможно никакое дальнейшее здоровое развитие. Кроме того, и в тогдашней Франции, как и в теперешней России потребность в таком переустройстве назрела и обострилась до последней крайности прежде, чем было сделано что-нибудь серьезное для ее удовлетворения. Народные массы не могли даже ждать, пока национальному собранию заблагорассудится поставить на очередь вопрос об отмене помещичьих прав на крестьянский труд, о выкупе феодальных повинностей и тому подобное. Едва только до деревень донеслась весть о взятии Бастилии, как крестьяне стали собираться толпами, вооружаясь чем попало, чтобы взять приступом свои, деревенские, феодальные бастилии [27]). Весть об этом неожиданном восстании захватила врасплох национальное собрание, которому все еще некогда было подумать о бедствиях страдавших под игом феодолизма крестьян. «Оно вполне отдалось высокой и благородной работе декларации прав, когда до него дошли первые известия о восстании в деревнях. В последние дни июля и первые дни августа оно узнало со всех сторон, что крестьяне, перегоняя решения законодательной власти и даже выходя за их пределы своим стихийным движением, отказывались платить наиболее ненавистные налоги и исполнять также феодольные повинности. Они являлись вооруженными в замки и, воздерживаясь от всяких насилий против личностей, захватывали и сжигали старые пергаменты, старые и новые документы феодальной эксплоатации. Это было насильственное освобождение от всей феодальной системы. Это была великая крестьянская революция, совершавшаяся вне всяких легальных форм, помимо воли законодательной власти»*).

Национальному собранию оставалось «или организовать на всем протяжении деревенской Франции весьма трудное и опасное подавление восстания, или уступить напору взбунтовавшихся крестьян». Первые, сделанные в нем предложения были в духе репрессий. «Оно даже думало принять меры для подавления частичных восстаний, которые, как доносили ему, вспыхивали там и сям, когда узнало затем, что эти восстания оказались всюду победоносными и что феодольный строй был низвергнут»**). А тогда...о тогда произошло то знаменитое заседание в ночь на

*) «Histoiresocialisté» I, «Constituanté» parfean Faures. p. 278.
**) А. Олар. «Политическая история Французской революции» стр. 47.

4 августа, которое буржуазные историки представляют, как акт благороднейшего отречения со стороны дворянства и духовенства, охваченных революционным энтузиазмом и порывом нравственного воодушевления... Современные исследования социалистических авторов—в особенности цитированный труд Жореса—представляют все дело немного прозаичнее... Подавить крестьянское восстание значило об'явить крестьянам «вечную войну», вызвать с их стороны непрерывную партизанскую борьбу против помещиков, значило поставить все дворянские усадьбы в осадное положение, сделать жизнь в них для их владельцев совершенно невозможною. Это значило также вступить в борьбу со всей страной в то самое время, когда национальному собранию было необходимо иметь точку опоры в стране для борьбы с еще сильной королевско-придворной партией; поставить себя под защиту королевских войск, т.-е. отдать себя в руки своему врагу, ища в нем заступника и покровителя. Это значило рисковать слишком многим, когда можно было избрать более легкий и удобный путь: легализировать движение, забежать вперед его и об'явить законодательным порядком освобождение крестьян от феодальных повинностей... конечно, не даром, а за хороший выкуп. Получить кругленькие суммы взамен того, что, как ясно было видно, нельзя удержать в своих руках надолго—тут было от чего проникнуться неожиданно «революционным энтузиазмом», после того как только-что обсуждались меры насильственного подавления восстания! И 4-го августа [28]), опьяненное неистовой любовью «к мужичку—меньшому брату», собрание отдалось ночной оргии самопожертвования и решило отдать ему свои феодальные права—«за умеренную плату»...

Нечто аналогичное этому движению может произойти и в России, но с тем различием, что главным лозунгом движения у нас может явиться лишь «поравнение земли», а не уничтожение феодальных повиностей, давно уничтоженных и замененных различными формами экономических (а не юридических), кабальных отношений *). Какую же позицию должна будет занять в этом вопросе социалистическая партия? Если в «Земском Соборе» зайдет речь о легализации крестьянских земельных завоеваний, какую форму этой легализации сможет она отстаивать сохраняя верности своим принципам?

Но для постановки этого вопроса нам нет необходимости предполагать непременно крестьянское восстание с захватом земель. Для нас это лишь одна из возможностей. Мы можем допустить и другую возможность: крестьяне терпеливо ждут решений Земского Собора. Земскому Собору необходимо предпринять что-нибудь для поправления расстроенного в конец крестьянского хозяйства. Ведь крестьянство—большинство страны; это платежная сила, упадок которой чувствительно затрогивает интересы государственного казначейства; для русской индустрии это—внутренний рынок, сокращение которого чувствительно отзывается на карманах капиталистов. Новый политический режим, чтобы приобрести устойчивость, **должен будет** найти рациональные меры для немедленного экономического оздоровления деревни. Меры для содействия техническому прогрессу, для распространения сельскохозяйственного образования здесь недостаточны. Не говоря уже о трудности прививки технического прогресса к мелкому, разрозненному хозяйству, подобные мероприятия могут давать положительные результаты отнюдь не сразу, а лишь в отдаленном будущем. Вопрос о новом наделении крестьян землей явится необходимым условием немедленной помощи обнищавшей деревни, и для социалистов снова встанет вопрос—как отнестись к этой мере? Защищать ее или оспаривать? В каких размерах и в каких формах ее предлагать?

* * *

Эта земельная реформа, прежде всего, возможна в двух основных формах: 1) наделение крестьян землею на началах частной собственности и 2) организация

*) В следующий раз мы еще вернемся к другой стороне дела. Как мы тогда увидим, и в революционной Франции в 1789 г. в зародышевой форме существовало движение такого поравнения; но оно совершенно заслонялось движением против феодальных повинностей и отцвело, не успев расцвесть.

уравнительного крестьянского землепользования на основе увеличения общественной поземельной собственности.

Два этих основных типа возможной поземельной реформы по своему направлению и общественному значению прямо противоположны. В первом случае мы действуем в духе **индивидуализации** поземельной собственности, во втором случае—в духе **социализации ее.**

Нет сомнения, что социалистическая партия может пойти только вторым путем. Первый путь для нее совершенно закрыт. Насаждать в деревне, в крестьянстве частную собственность—это может кто-угодно, только не социалист. Непримиримое отрицание частной собственности для него обязательно. Никакое софизмы оппортунистов, рядятся ли они в модное одеяние бернштейнианства [29]) или в старозаветную тогу марксистской ортодоксии, не могут оправдать обход этого принципа. Правда, социалистам в демократически-организованных государствах приходится не только бороться против основных устоев буржуазного общества, но и защищать интересы трудящихся слоев населения в пределах этого самого буржуазного общества. Но сама по себе эта необходимость еще не создает оппортунизма. Социалистическая партия отстаивает в пределах буржуазного общества лишь те реформы, которые расшатывают устои этого общества, которые содействуют росту солидарности, организованности общественных сил, работающих над его пересозданием. Частная собственность на землю—один из устоев буржуазного общества, и поддерживать этот устой могут лишь буржуазные партии. Наиболее дальновидные защитники буржуазного режима всегда мечтали и мечтают о создании широкого слоя «экономически-крепкого крестьянства», «хозяйственных мужичков», насквозь проникнутых традициями частной собственности на землю и духом индивидуализма. Такого рода «крестьянство» рисуется им наилучшим оплотом против проникновения заразы социализма в деревню. Для образования такого зажиточного, буржуазного крестьянства они были бы не прочь, с одной стороны, обратить изрядную долю «излишних» крестьян безземельных батраков-пролетариев, а с другой стороны—урезать немного и крупное старо-помещичье землевладение, живущее в значительной степени «чужаком» новобуржуазному миру и сохранившее на себе явную печать «доброго старого времени» феодализма. Для многих теоретиков буржуазного строя, поэтому, уничтожение общинного землевладения, тормозящего отслаивание «экономически крепкого», буржуазного крестьянства за счет выбывающих из строя трудовых, полупролетарских слоев, не менее желательно, чем уничтожение заповедных имений, майоратов и т. п. учреждений, искусственно удерживающих поземельную собственность в руках неспособных отпрысков старо-дворянских родов, совершенно непригодных для перестройки сельского хозяйства на современный лад. Право каждого человека свободно распоряжаться своим участком земли, облегчение процесса мобилизации земель, перехода их из рук в руки, купли-продажи — таков один из боевых лозунгов буржуазного лагеря. Увеличение прав коллективности за счет прав отдельного лица, хотя бы оно совершилось на чисто демократической основе, для буржуазного экономиста кажется таким же деспотизмом, таким же нарушением свободы, как и феодальные узы.

Само собой разумеется, что спуститься до такой точки зрения социалист никогда не может. Он не может при построении своей программы-минимум просто-па-просто обокрасть буржуазную программу и превратить ее в один из предварительных фазисов развития собственных—хотя бы и минимальных-программных требований. Среди различных законодательных и правовых норм, ограничивающих права отдельной личности над землею, социалистическая партия всегда будет делать различение, борясь против одних,—увеличивающих бюрократическую опеку и феодальне-дворянские позиции, отстаивая и стремясь развивать другие — служащие основой охраны общих интересов труда против притязаний кулачества. Для социалиста в деревне нет ничего опаснее, как именно насаждение частной собственности, приучение мужика, еще считающего, что земля «ничья», «вольная» (или «божья», как выражают ту же идею в архаической формулировке старики), к мысли

о праве торговать, барышничать землей, как об одном из само-собой разумеющихся «элементарнейших гражданских прав» человека. Именно здесь и лежит опасность насаждения и укрепления того «собственнического фанатизма», который потом способен наделать социалистам много хлопот.

В общем виде, конечно, никто из социалистов не решится опровергать наше положение, что социалист не может, не изменяя себе, способствовать поддержанию, насаждению, укреплению частной собственности в деревне. Это—одно из основных положений социализма, слишком самоочевидных, чтобы об'явить ему прямую войну. В таких случаях принято выискивать обходный путь, найти лазейку, уловку, и признать общее правило лишь для того, чтобы тотчас же найти для себя исключение. Например, можно сказать (как это делает «Заря» [30]): «Вообще говоря, поддержка мелкой собственности реакционна, ибо она направляется против крупного капиталистического хозяйства», но так как «мы хотим поддержать частную собственность именно не против капитализма, а против крепостничества», то это «случай исключительный», и, поддерживая частную собственность, мы ни мало не изменяем, напротив, служим принципу классовой борьбы. Но ведь дело-то не в том, против чего именно вы «хотите» поддерживать частную собственность. Против чего бы вы ни хотели ее поддерживать, вы не можете это делать, не усиливая ее, а усиливая ее, вы даете ей возможность упорнее сопротивляться всему, чему она захочет сопротивляться, а не только тому, против чего в вашей голове была предназначена эта поддержка. Частная крестьянская собственность вообще чрезвычайно живуча, а усиливая ее живучесть, вы, конечно, даете ей лишние шансы в борьбе не только против крепостничества и против капитализма—это еще не беда—а, главное, против социализма. Ибо, насаждая частную собственность среди крестьянства, в психике которого еще живут общинные навыки и воззрения, живет даже представление о земле, как общем достоянии всех людей, вы затрудняете себе в будущем (и даже в настоящем!) пропаганду обобществления земли, как и других орудий производства.

Итак, социалистическая партия не может внести буржуазного духа даже в свою программу-минимум аграрных требований. И здесь не может она служить принципу индивидуализации земельной собственности,—принцип диаметрами противоположному ее конечной цели. И если она признала необходимость пойти навстречу потребности трудовой массы крестьянства в земле, то она может сделать это лишь путем увеличения крестьянского землепользования на основе не личной, а социализированной собственности.

Но этим вопрос еще не решается, или, лучше сказать, он решается только в самом общем и отвлеченном виде. Возникает новый вопрос—о тех конкретных формах, в которых социалистическая партия может отстаивать—даже в пределах классового буржуазного государства,—т.-е. государства, в сущности, лишь полусвободного, полудемократического—социализацию земли.

Здесь прежде всего нам приходится считаться с целым рядом вполне конкретных проектов «национализации земли». Каждый из этих проектов есть частный случай по отношению к общему понятию—превращения земли из личной собственности в общественную; совершенно так же, как, например, подобным же частным случаям социализации тех или других областей народного хозяйства будет их переход в руки городов, общин, находящихся под общественным контролем кооперацій и т. п. Сущность реформы одна и та же: из частной собственности лица изымается известная совокупость прав и передается коллективности или распределяется между коллективностями. Но коллективности эти могут быть различны: государство, самоуправляющаяся область, городской муниципалитет, сельская коммуна, демократически организованная кооперация или товарищество. В зависимости от тех или иных условий места и времени, социалисты могут различным образом комбинировать в своих требованиях социализации земли распределение между этими коллективностями прав, отходящих к обществу от индивидуума. При одном политическом устройстве, на их взгляд, интересы трудового, рабочего

класса лучше всего могут быть гарантированы сосредоточением распорядительных и собственнических прав в руках центральной государственной власти, при другом—в руках коммуны и т. д. Сообразно этому основное требование социализации земли может изменяться и действительно изменяется в аграрных программах социалистических партий различных европейских государств. Так, например, **государственный** элемент шире всего представлен в аграрных требованиях английской «Социал-демократической Федерации» (ортодоксально-марксистская фракция английских социалистов), которая выставляет как один из пунктов своей программы—минимум национализацеи земли. Бельгийцы уравновешивают в своей программе оба момента—государственный и коммунальный, требуя, с одной стороны, восстановление и развития общинных имуществ, с другой—прогрессивного выкупа земли государством **или** общинами. Голландцы становятся на исключительную коммунальную, общинную точку зрения и от государства требуют лишь законодательного акта, расширяющего права общины по обложению, выкупу и экспроприации земли. Таковы два крайних и один средний тип, по которым и распределяются наличные аграрные программы социалистических партий, при чем большинство тяготеет к среднему типу.

При выборе конкретных форм социализации земли особенно выступает на первый план следующий момент. Есть некоторые государства, в которых организация центральной власти далеко еще не демократична. Так, в Германии рядом с народным представительством стоит императорская власть с очень широкими прерогативами. Между ними возможна борьба, возможны конфликты. В руках народного представительства есть очень сильное оружие для этой борьбы: разрешение или не разрешение тех или иных налогов. Представим теперь, что при таком порядке осуществлена нацаонализациия земли. Национализирована рента, как предлагает это Генри Джорж [31]), или же перешло в руки государства самое заведывание землей и сдача ее в аренду—на основах хотя бы проекта Альфреда Росселя Уоллэса (вдохновитель германского «национализаторского» движения, Флюршейм, соединает, с некоторыми особенностями, черты того и другого проекта). Что получилось бы отсюда? А то, что даже в случае конфликта в руках прусско-германского полуабсолютизма оказались бы огромные денежные средства в виде дохода от земли, превращенной в «государственные имущества». Это раз. Во-вторых, сильнейшим образом увеличилось бы число арендаторов государственных имуществ, стоящих в самой непосредственной зависимости от той же полуабсолютической власти. Это могло бы дать ей возможность оказывать такое громадное влияние и давление на значительную часть избирателей, что немецкие социал-демократы, естественно, считают при данных политических условиях «огосударствление» (Verstaát lichung) земли слишком опасной мерой *). Поэтому же они высказывались против проекта Канница, против Бисмарковского проекта табачной монополии, против превращения «Reichsbank» в государственный банк, против, наконец, даже предложения Бебеля, [32]) Либкнехта, [33]) Фольмара, [34]) и др. на Бреславльском партейтаге аграрной программы с огосударствлением ипотек **). И Вандервельд, в своем последнем труде, также признает, что если власть в государстве слишком в большой мере сосредоточивается в руках «монарха или правящей олигархии», то в таком классовом, полу-абсолютистском и милитаристском государстве социалисты всегда первые будут восставать против «огосударствления» некоторых важнейших народнохозяйственных отраслей, так как оно «может быть использовано в исключительных интересах суверена или господствующего класса» ***).

Неудивительно, поэтому, что и в современной России проекты национализации земли могут подвергаться переделке на реакционный лад. Так, напр., известный проект обращения всей земли крестьянских общин в государственную собственность, с тем, чтобы крестьяне, подобно прежним государственным, уплачивали известную арендную плату, а выкупные платежи были уничтожены, представляет

*) См. Каутского «Die Agrarfrage» s. 321 u. f.
**) См. Verhandlungen a. Parteitages zu Breslau.
***) Le Collectivifme et l'Evolution industrielle, 1900, p. 171.

огромную опасность усиления бюрократической опеки над крестьянами и уничтожения последней тени самостоятельности крестьянской общины, И если дальнейшее политическое развитие России пойдет не путем крутых переломов, а путем медленного перерождения монархической олигархии в конституционную, то, может быть, еще долго русским социалистам придется отстаивать самостоятельность общины от регулирующего влияния государства, хотя в принципе, конечно, самым рациональным представлялся бы контроль высших органов народного самоуправления над низшими,—контроль, цель которого уравновешивать естественные имущества и неравенство между отдельными местными группами населения.

Теперь будет понятно, почему в программе Крестьянского Союза партии социалистов-революционеров стоит не популярное слово «национализация земли», а более общее—«социализация», не предрешающее передачи всех собственнических и распорядительных прав в руки именно центральной власти. Возможно, что центральная власть еще долго будет слишком далекой от народа, чтобы гарантировать интересы трудящихся и борющихся крестьянских масс лучше, чем это могут сделать мелкие органы самоуправления—общины и территориальные союзы общин, в роде преобразованной волости или земства.

Русские социалисты по отношению к выработке программы-минимум находятся в своеобразном положении сравнительно с западно-европейскими. Те вырабатывают и детально определяют свои требования на основе вполне определившихся политических условий. Мы же пока совершенно исключены из влияния на ход законодательства; и государственный строй, который сменит самодержавие и даст нам возможность влияния, есть для нас **x**, величина совершенно неизвестная. Поэтому нам еще рано более детально выяснять будущий характер наших положительных государственных работ, чтобы не впадать в совершенно беспочвенное прожектерство. Такого прожектерства и без нас слишком много; стоит посмотреть хотя бы проекты минимальных программ «Искры» и «Жизни». В земельном вопросе наша позиция может быть только одна. Мы стоим и всегда будем стоять за **наибольшее** сближение земледельца с землею, но непременно на основе **коллективной** собственности, не дающей развиться собственническому фанатизму; за переход **в наибольших размерах** земли в руки демократически организованных коллективностей—товарищеских и соседских союзов—общих, как и других наиболее близких к народу органов его самоуправления; за коллективную организацию самого земледельческого труда, развивающую среди земледельцев солидарность и понимание выгод обобществления труда. К требованию огосударствления земли мы будем относиться очень осторожно. В нашей программе-максимум оно у нас значится, ибо, предполагая власть в руках рабочего класса, организованного в политическую партию, огосударствление *) или национализация земли есть огромная революционная мера: переход земельной ренты в руки государства дает ему сразу огромные средства, которые необходимы для гигантского дела общего социального переустройства. Но, пока власть находится в руках буржуазных партий, мы долго не сможем выступать практически с этим требованием и от центрального законодательства будем добиваться лишь одного: расширения прав местного самоуправления, в особенности общинного и волостного, как в смысле общего высвобождения от бюрократической опеки, так особенно расширения их прав по обложению (с целью конфискации поземельной ренты) и по прямой экспроприации земель. Итак, из трех типов земельно-социализаторской политики к нашим условиям всего более будет подходить голландский тип, при котором, как мы уже видели, на первый план выдвигается коммунализация земли. Существование в России общинного землевладения и широкое распространение общинных традиций и воззрений среди крестьянства делают еще более практичным для нас именно

*) Германские социал-демократы (см. напр. Conrad Scmidt Soziale Frage und Boden ocrstadtlichung). Термину «национализация» предпочитают термин—огосударствление, ибо здесь существен, конечно, не национальный, а государственный момент.

этот тип социалистической аграрной политики. Что касается развития сельскохозяйственных кооперацій, то требования в этом духе составляют естественное логическое дополнение к земельно-социализаторским требованиям. История аграрных программ и аграрной тактики социалистических партій доказывает, что в свободном государстве кооперативное движение, руководимое и вдохновляемое социалистической партией, действительно способно служить интересам освободительной борьбы рабочего класса, вносящего в это движение свежую идейную струю и выступающего против всяких попыток заразить его буржуазным духом индивидуализма и барышничества. Итак, социалисты при этом вовсе не исходят из **идеализации** современного кооперативного движения. Напротив, тактика эта принята даже в Италии, где среди социал-демократов особенно господствовали предубеждения против кооперации. «Мы, итальянцы,—свидетельствует Клавдио Тревес.—до последнего времени всегда питали некоторую антипатию к кооперациям. Мы не считали их способными выдержать борьбу против капиталистической конкуренции. Думалось, что посредством кооперации только происходит взращивание мелких собственников, которые будут держаться вдали от великих целей экономического и политического движения. Но против этих доктринерских возражений говорят фактические завоевания и успехи, увенчавшие деятельность наших товарищей в деревне: они приводили мелких крестьян к нашим идеалам именно посредством сельскохозяйственных товариществ. Вся область Монферрато и Ланге сделалась нашей и доставила нам воодушевленнейших приверженцев, и ораторы из этих мест говорили конгрессу: именно благодаря всевозможным товариществам для целей страхования, коллективного пользования машинами, удобрением, зерном и т. п. мы завоевали деревню*)».

Кроме об'единяющей роли кооперацій, самая борьба, в пределах сельской общины, за расширение и ее прав, и ее фактической деятельности по обложению и конфискации поземельной ренты крупных собственников, по экспроприации в собственность общины земель помещиков и кулаков, способна более чего бы то ни было раздуть и обострить классовую борьбу трудового крестьянства против его эксплоататоров, сблизить его с сельским и городским пролетариатом, содействовать его проникновению идеями социализма. Вот почему требования и деятельность в духе социализирования земельной собственности и развития сельскохозяйственных кооперацій занимают такое видное место в аграрных программах западно-европейских социалистических партій; вот почему, в полном согласии с интернациональным социализмом, то же основное требование выставляет в своей аграрной программе и партия социалистов-революционеров и вот почему, после всего сказанного, для «всякого, даже не учившегося в семинарии» встанет во весь свой рост колоссальнейшая несообразность утверждений „Искры“, будто поставить рядом в программе-минимум социализации земли и кооперацию» значит соединять, проявляя «редкое гражданское мужество»,—Бабефа с Левитским, «беспомощно подхватывать модные средствьица вместо участия в классовой борьбе», обманывая и себя и крестьянина («ибо это обман, будто всевозможные кооперации играют революционную роль в современном обществе и подготовляют коллективизм, а не укрепление сельской буржуазии»).

Итак, Вандервельде, состоящий, кстати сказать, президентом бельгийского союза социалистических сельскохозяйственных товариществ, не кто иной, как бельгийский Левитский. Энрико Ферри, ездивший для изучения этого движения в Бельгию и перенесший его в Ломбардию, тоже итальянский Левитский! Все они, обманывая крестьян, занимаются лишь укреплением сельской буржуазии!.. До этого, кажется, еще никто до сих пор не договаривался. «Искра» забыла, что в издании Лиги революционной социал-демократии вышла брошюра о кооперациях, из которой, между прочим, она сможет познакомиться с мнением по этому вопросу Каутского, который принадлежит к числу крайних скептиков по отношению

*) Clavdio Treves: «Der neue Kurs in italienischen sozialdemokratie» zozialistische Monatsheffe № 11, 1900.

к кооперациям и который, при всех своих оговорках, однако, признает, что «все же раньше или позже в каждой стране кооперативному движению суждено сыграть немаловажную роль в освободительной борьбе рабочего класса рядом с борьбой пролетариата за власть в общине и государстве рядом со стремлением общины и государства к расширению и увеличению отраслей промышленности, находящихся в их руках и под их управлением». После этих слов Каутского «Искра» должна и сама почувствовать, что утверждать то, что она утверждала, можно только людям, безнадежно отставшим от современного движения научно-социалистической мысли, застывшим на преувеличениях и искажениях вульгаризированного марксизма и выдающим себе самим свидетельство о полнейшей неосведомленности относительно позиции, занятой современным интернациональным социализмом в аграрном и кооперативном вопросах.

АГРАРНАЯ ПРОГРАММА РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ.

(«Рев. Россия» № 38 за 1903 г.

Воззрения русских с.-д. на крестьянский вопрос эволюционируют очень быстро. Еще в 1896 г. значение крестьян в соц.-демократическом движении сводилось к нулю в авторитетном заявлении русской с.-д. делегации на Лондонском социал. конгрессе. [35]) В 1898 г. в «Манифесте Росс. С. Д. Р. П. [36]) о крестьянах почти не упоминалось. Но уже в 1899 г. «Рабочее Дело» [37]) в своем программном заявлении делает резкий поворот в этом отношении: ничто же сумняшеся, оно все «100-миллионное крестьянство» зачисляет в ряды возможных ратников великой соц. армии, так как-де оно почти сплошь состоит из безземельных, безнадельных, беспаствичных, бездомовых, безлошадных и т. д. Это был поворот на целые 180°/₀, но нельзя сказать, чтобы он был достаточно продуман и мотивирован.

Мы нарочно остановились только на программных заявлениях соц.-дем. групп и организаций, авторитетных и характерных для того или другого времени. Мы не затронули совершенно легального марксизма, явившегося, по раз'яснению г. Ленина, своеобразным продуктом своеобразно понятой и примененной теории договорных отношений с буржуазными партиями. Как явствует из слов г. Ленина, русские социал-демократы, чтобы вернее сокрушить остатки старого революционного народничества, вступили в союз с передовыми буржуазными элементами, но не на почве каких-нибудь определенных действий, как это делают и считают возможным делать их западно-европейские собратья, а на почве идейной, принципиальной, теоретической.

Не старясь заботливо отграничиться друг от друга, союзники дружно ударили на общего врага... Натурально, из такого договора буржуазных и социал-демократических идей получился только хаос идей, которого лучше в настоящее время не касаться. Но приведенные нами свидетельства все чисто социал-демокр. происхождения и знаменуют собой колебания чисто соц.-демократической, а не какой-то союзной, договорной мысли.

Как известно, с.-д. лучше всех понимают общественные отношения, а в «диалектическом материализме» обладают безошибочным орудием социологического и исторического анализа и потому непогрешимы. Славу своей непогрешимости они оберегают пуще всего и с этой целью свой «об'ективный» диалектический материализм делают орудием самой пристрастной апологии. Шедевры такой апологии мы находим в предисловии г. Аксельрода к брошюре «Красное Знамя в России» [38]) и в книге г. Ленина: «Что делать?» Вместо того, чтобы признать, что русская социал-демократия один характер носила в начале 80-х годов, в момент своего первого рождения на берегах Женевского озера, в разгар борьбы «Народной Воли» [39]), и совсем другой характер—в момент своего расцвета на русской почве в начале 90-х годов, под могущественными влияниями еще не изжитой реакции.—

вместо всего этого г. Л. старается уверить, что и в это время социал-демократия была мудра, как змий, и чиста, как голубица. Правда,в числе вождей движения, идолов марксистской молодежи, оказались люди, от которых очень скоро, в более активную революционную эпоху, пришлось открещиваться. Но это не была ошибка, это был сознательный политический расчет, первый опыт договорных отношений. Правда, в эту же более активную эпоху пришлось бороться с экономизмом, но этот экономизм не есть плод того сумбура, который был порожден «союзом идей», не есть печать реакционной эпохи, в которую расцвела социал-демократия,—вовсе нет!.. Социал-демократия с самого начала была партией самой настоящей «политической, что доказывает № 1 газеты, [40]) никогда не увидевшей света. Экономисты явились уже потом и просто потому, что жандармы выловили всех «политиков», а экономистов оставили... Дико, очень дико читать такое об'яснение истории серьезного общественного движения в книге «диалектического материалиста». Удачи жандармов, как причина смены направлений! И не в тысячу ли раз хуже сознательный расчет, договор в сфере идейного содержания движения, чем допущение влияния реакционной эпохи, невольной ошибки, весьма естественной в молодом, несложившемся, невыработавшемся еще движении? Ведь, договор в сфере идей вводит компромисс в самое сердце, в самую душу движения и представляет явление неслыханное и недопустимое в партийной политике.

Эти колебания, как мы увидим, не прекратились и с появлением группы «Искры» и «Зари». Правда, «Искра» уже в № 3 выступила с аграрной программой, [41]) вошедшей впоследствие целиком в проект программы, опубликованный «Искрой» и «Зарей», а теперь в официальную программу Р. С. Д. Р. П. Но нам кажется, что сам автор этой программы, г. Ленин *), в настоящее время значительно уклонился от той позиции в аграрном вопросе, какую занял в статье «Рабочая партия и крестьянство» (№ 3 «Искры»). Но об этом позже. А теперь остановимся несколько на только-что упомянутой статье. Она заслуживает большого внимания, так как в ней очень ясно обнаруживаются основные мотивы аграрной программы наших с.-д.

В конце статьи автор, г. Ленин, развивает ту мысль, что рабочая партия должна вырасти в силу, способную «не только устраивать мимолетные вспышки, не только наносить врагу случайные, разрозненные (и потому не опасные) удары», а преследовать свои цели «упорной, неуклонной и выдержанной борьбой по всей линии». «А разве возможно, победоносно спрашивает Ленин,—достигнуть этой цели, не занося в многомиллионную массу крестьянства семена классовой борьбы и политического сознания?

Когда лет 10 тому назад, при появлении марксизма на русской почве, люди, не очень спешившие в погоне за новым словом «отказываться от наследства» 70-х годов, [42]) указывали представителям пролетарской точки зрения, что те хотят строить революционное движение на очень узком фундаменте; что, ограничивая свою деятельность одним пролетариатом, они сами и без нужды вынуждают себя на относительную слабость,—марксисты осмеивали этих людей за их якобы «народнические предрассудки». Теперь через 10 лет усиленного промышленного развития, г. Ленин приходит к тому же выводу, что и бывшие оппоненты его единомышленников, не освобожденные еще тогда от «народнических предрассудков». Да, пролетариат слишком узкий фундамент. Он еще слишком малочислен, чтобы опирающаяся на него политическая партия могла играть определяющую роль в политике страны. Надо итти к крестьянам, надо их вовлечь в борьбу. Мы были очень рады этому признанию г. Ленина. Лучше поздно, чем никогда.

Это признание со стороны влиятельных социал-демократов было необходимо и неизбежно. Пока велись чисто теоретические споры о развитии капитализма в России, о пролетариате, крестьянстве; пока призрак революции витал где-то далеко-далеко, в туманном будущем, а вся практическая работа социалистов сводилась к

*) Что он—автор аграрной программы, это явствует из его собственных слов в статье (№ 4 «Зари». В ней он называет себя автором статьи № 3 «Искры»—«Рабочей партии и крестьянства», а о выраженных в ней выподах на аграрную программу говорит, что в то время они были только его личными взглядами.

организации рабочих кружков и к чтению в них лекций,—до тех пор можно было совершенно спокойно возлагать все надежды на неизбежность развития в деревне сельскохозяйственного капитализма и пролетаризации крестьянских масс; можно было ожидать решения всех проклятых вопросов русской жизни от этих стихийных процессов экономической эволюции, можно было во всех своих расчетах и выкладках считаться не с реальными, а с ожидаемыми, будущими условиями жизни. Когда, мол, дело дойдет до серьезной борьбы, тогда будут и силы. А пока нечего загадывать: для кружков да для стачек пролетария достаточно. Но вот условия резко изменились. В самых различных слоях населения проявляется брожение и резкое недовольство самодержавным режимом. Революция из туманной дали неожиданно придвинулась и стала принимать более определенные очертания. Свержение самодержавия стало реальной задачей; условий решения ее надо искать в общественных отношениях сегодняшнего дня, а не ожидаемого будущего. При таких обстоятельствах нельзя было не вспомнить о крестьянстве.

Итак, надо итти к крестьянам, надо их вовлекать в борьбу с самодержавием. Но что такое крестьянство? По мнению г. Ленина, в современной деревне мы сталкиваемся с двоякого рода классовыми антагонизмами: во-первых, с антагонизмом **всех** крестьян всему классу помещиков и, во-вторых, с антагонизмом нарождающегося класса сельских пролетариев, батраков, классу сельскохозяйственных предпринимателей. Первый из этих антагонизмов идет на убыль, второй растет и развивается. На какой же из этих классовых противоположностей основать соц.-дем. свою деятельность в деревне?

Конечно,—спешит заявить г. Ленин,—социал-демократия никогда не забудет своего долга организовать сельский пролетариат для борьбы за социализм. Но на этой классовой противоположности сельских батраков и сельской буржуазии, хотя и развивающейся, еще нельзя, по мнению г. Ленина, основать движения, имеющего серьезное политическое влияние. «Общественного значения движение сельских рабочих никак не может получить ни теперь, ни в ближайшем будущем». Очевидно, и сельский пролетариат пока еще слишком узкий фундамент, чтобы, опираясь, кроме городского пролетариата, еще на него, можно было сыграть решающую роль в судьбах русской революции. А социал-демократия не без честолюбия: она хочет «встать во главе всего народа» (sic), в борьбе его с самодержавием. Отсюда вывод: значит, надо основать свою агитацию, главным образом, на первой классовой противоположности всего крестьянства всему классу помещиков. Для современных русских социал-демократов именно эта противоположность «имеет наиболее существенное и наиболее практически важное значение». Только опираясь на **все** крестьянство, вовлекая **всех** крестьян в борьбу с самодержавием, социал-демократияможет приобрести **национальное** значение, стать не сектой, а серьезной партией. Только так действуя, она может завязать борьбу по всей линии. Иначе она осуждена наносить только случайные, разрозненные удары. И к такому образу действия социал-демократию вынуждает слабое развитие капитализма в России, ее отсталость в этом движении.

Итак выбор решен: социал-демократия должна стремиться прежде всего и более всего сплотить **все** крестьянство, без различия пралетарских, полупролетарских, средне-зажиточных его слоев, для борьбы против класса помещиков и против самодержавия. И эту цель сплочения **всего** крестьянства и должна преследовать аграрная программа. Этим предрешен ее характер. Раз хотят об'единить одной программой разнообразные слои населения, то такой общей программой неизбежно будет программа самого умеренного слоя привлекаемого в коалицию. А раз в данном случае этот самый умеренный слой в то же время буржуазный, то и вся программа неизбежно примет буржуазный характер. Такова логика жизни. Да и самое стремление программы сплачивать рабочие и буржуазные слои глубоко буржуазно и противно принципу классовой борьбы.

Прежде чем вскрыть этот неизбежно буржуазный характер аграрной программы социал-демократов, мы еще раз вернемся назад. Когда лет 10 тому назад в нашей публицистике впервые выступили марксисты, их оппоненты говорили им:

господа! Ваши взгляды на ход общественной эволюции и, в частности, на крестьянство неизбежно приведут вас к одному из двух: или вы, желая сохранить в чистоте свои принципы, замкнетесь в сравнительно узкие рамки чисто рабочего движения, бессильного определять судьбы родной страны, или если вы пожелаете во чтобы то ни стало играть активную роль, то вы принуждены будете служить буржуазии. Вам придется самим содействовать скорейшему развитию тех условий, при наличности которых с вашей точки зрения только и возможна широкая социал-демократическая деятельность и победа социализма». В то время одно предположение, что при русских условиях социал-демократия вынуждена будет делать дело буржуазии, вызывало у социал-демократов страшное негодование против такназываемых «народников», делавших этот неизбежный логический вывод из некоторых посылок русского неомарксизма. Теперь мы видим, что социал-демократы поняли сами указанную дилемму и сознательно выбрали второй из представляющихся им путей. Вполне понятное желание играть определяющую роль в русском революционном движении, с одной стороны, и слабое развитие капиталистических отношений, с другой, неизбежно привели социал-демократию к построению буржуазной аграрной программы.

В чем же проявился буржуазный характер аграрной программы русской с.-д.? Да прежде всего в самой постановке вопроса о классовых противоречиях в деревне. Разве для социализма может существовать вопрос, на каком из этих противоречий основать свою деятельность? Казалось бы этот вопрос решен им еще тогда, когда он вырабатывал свои социалистические убеждения, и решен одинаково и для города и для деревни. Для социалиста вообще это есть противоположность интересов труда и капитала, включая и землевладение, для социал-демократа-ортодокса—пролетариата и буржуазии. Свою программу он может строить только на мотивах этой борьбы труда с капиталом или частнее—пролетариата с буржуазией. Он может и должен изучать все классовые противоречия, существующие в современном обществе; он может и должен сообразоваться с ними в своей практической деятельности, пользоваться ими, опираться на них в тех или других политических комбинациях. Но строить свою программу, на одну половину—на мотивах борьбы пролетариата с буржуазией, на другую же половину— на мотивах борьбы каких-нибудь других классов или сословий,—это значит создавать не социалистическую программу, а какое-то **двуединое** существо, какую-то птице-мышь. «Je suis l'oiseau, voyez mes ailes!— Je zuis la souris, vivent les rats!» *).

Или, может-быть, на это надо смотреть, как на новый пример договорных отношений между пролетарской партией и буржуазией. Если так, то нельзя не признать, что и этот второй пример в высокой степени самобытен, не менее, чем и первый. Там буржуазные и пролетарские идеологи соединились на время, чтобы сокрушить старое революционное миросозерцание; здесь «договор», обсужденный только одной стороной—социал-демократией, для «крепости» внесен ею в свою программу. Не сомневайтесь же, г-да буржуи. Мы практически хлопочем прежде всего о том, чтобы «ввести деревню в такие условия жизни, какие свойственны буржуазному обществу» (слова г. Ленина). Вы, конечно, хотите, чтобы можно было совершенно свободно вести коммерцию с землицей. Но неужели вы думаете, что мы в ближайшем будущем станем покушаться на права частной поземельной собственности? Ничего подобного! Наша программа-минимум, напротив, устранить всякие ограничения—для крестьян, как для купцов и помещиков—«в таком элементарнейшем гражданском праве, как право **распоряжаться своей землей**» (Ibidem). А чтобы вы не сомневались, так и в программе запишем, так и **агитацию** поведем. Мы, ведь, не фантазеры, не утописты какие-нибудь!

И социал-демократы ничуть не обманываются относительно значения своей аграрной программы. Г. Ленин в статье № 4 «Зари, [43]) посвященной этой программе, так и определяет ее цель—«ввести деревню в условия жизни, свойственные буржуазному обществу». Деревня, мол, еще завязла в остатках крепостничества; ближайшая революция должна смести эти остатки и дать полный простор разви-

*) «Я птица,—видите мои крылья! Я мышь, да здравствуют крысы!»

тию буржуазных отношений, т.-е. пролетаризации крестьянства, и наша программа указывает наиболее подходящие к тому меры.

Социал-демократы ставят целью своей аграрной программы «внесение классовой борьбы в деревню». На деле, если только они останутся верными ей в своей деятельности в деревне, эта программа приведет к затушевыванию, к затемнению уже существующих и сознанных классовых противоречий. Две классовые противоположности наблюдаются в настоящее время в деревне: одна из них развивающаяся—пролетария и сельского буржуа, другая—отживающая свой век—крестьянина вообще и помещика. И из этих двух противоположностей социал-демократы **принимаются оживлять** последнюю. Но, ведь, чувства и мысли, связанные с этими классовыми противоречиями, живут в одних и тех же умах и сердцах. В одних и тех же умах и сердцах эти мысли и чувства—одни тускнеют и отмирают, другие растут и проясняются. Это те же две души, живущие в груди крестьянина, о которых говорит Каутский, только намечены они у г. Ленина совсем иначе. И если социал-демократы, в согласии с г. Лениным и программой, примутся оживлять в крестьянстве умирающие мысли и чувства,—это может удастся только на счет силы и ясности новых, зарождающихся мыслей и чувств. «Ветхая», дряхлеющая душа может вновь оживать в груди крестьянина только на счет новой. Ибо, повторяю, и та и другая живут в **одной** груди. И этот результат получится, сколько бы социал-демократы ни твердили о том, что они не позабудут своего долга перед сельским пролетариатом. **Но только останутся ли они верными своей программе, когда столкнутся в жизни с реальными отношениями деревни?** Мы думаем, что нет.

Какую же программу построил г. Ленин на этой отживающей свой век противоположности всего крестьянства помещичьему классу,—программу, долженствующую об'единить **все** крестьянство против пережитков крепостного права и царизма?—Это всесторонний пересмотр реформ 1861 года, исправление всех несправедливостей, совершенных при освобождении крестьян. Это возвращение крестьянам всех отрезков, отошедших от них при выходе на волю; взыскание обратно с помещиков всех выкупных платежей, взысканных с крестьян за 40 лет, с 1861 года, и обращение их на составление благотворительных капиталов крестьянских обществ и т. д. Мы не будем подробно разбирать этой программы. Мы остановимся только на тех ее пунктах, которые мы считаем несогласными с принципами социализма,

Но прежде сделаем одно замечание. Достигают ли земельные требования программы той цели, ради которой они редактированы? Об'единяют ли они все крестьянство? Правда, они способны об'единить все слои крестьянства и самостоятельно-трудовые, пролетарские и кулацкие, но только в одном разряде крестьян бывших помещичьих; бывших государственных крестьян, составляющих добрую половину всех крестьян, они совершенно не в состоянии заинтересовать. Они должны довольствоваться общими требованиями программы: отменой косвенных налогов, воинской повинности и т. д. А главные приманки собственно аграрной программы: возвращение отрезков и выкупных платежей не про них писаны; хотя государственные крестьяне могут с полным правом недоумевать, почему это помещичьи крестьяне должны получить свои земли без выкупа, а они, государственные, обязаны свои выкупать. Но ни в программе, ни в комментариях ответа на свои недоумения не найдут,

Если самый факт аграрной программы, имеющий целью об'единить **все** крестьянство, является вопиющим нарушением социалистических принципов, то введение в нее пункта о возвращении отрезков стоит в коренном противоречии, если не с социалистическими, то с основами ортодоксальной социал-демократии. Эта последняя ждет торжества социализма от разрушения мелкого производства и от организации на его развалинах крупного капиталистического. Разорение мелких производителей, с ее точки зрения, есть процесс неизбежный и необходимый; чем быстрее он совершится, тем лучше. Всякая попытка **его** задержать, укрепить положение

мелких производителей в их борьбе с капиталистами, только затягивает этот болезненный процесс, увеличивает муки переходного времени. И это относится не только к промышленности, но и к земледелию. Поэтому расширение крестьянского землевладения есть мера вредная и бессмысленная, которая никак не может найти себе место в социал-демократической программе. И, однако, она нашла себе место в программе русской социал-демократии. Как это могло случиться?

Мы уже видели, как г. Ленин в стремлении найти базис для широкого **национального** революционного движения, находя этот базис, на который указывала ему социал-демократическая теория, слишком узким, пришел к мысли—об'единить **все** крестьянство на программе борьбы с классом помещиков (именно помещиков, а не сельских предпринимателей), с остатками крепостничества и **попутно** с царизмом. Отсюда пересмотр реформы 1861 г. Но почему нельзя было обойтись без отрезков, без этого расширения мелкого крестьянского землевладения, которое, как ни назови, никак нельзя примирить с социал-демократическими принципами. Ясно почему: г. Ленин очень хорошо знает, что главной нуждой крестьянина является земля, что программа, которая не сулит ему расширения его надела, не может рассчитывать ни на какой успех, не может приобрести ни малейшего сочувствия. Значит, приходится поступиться принципом и подумать о том, как бы поблаговиднее обставить эту измену.

Этой последней цели служат: во 1-х, исправление исторической несправедливости; ведь, мы-де хлопочем только о возвращении ограбленным крестьянам того, что у них было несправедливо отнято, а вовсе не о расширении крестьянского землевладения; во 2-х, теория о том, что будто бы на отрезных землях держится кабала в сельском хозяйстве; что, ратуя за возвращение их крестьянам, социал-демократия борется с остатками крепостнических отношений в деревне и расчищает почву для классовой борьбы в ней.

Что касается первого пункта, то слишком ясно, зачем понадобился щеголяющему своею трезвенностью и практичностью г. Ленину этот сентиментальный костюм, эти доспехи Дон-Кихота, занятого исправлением исторических несправедливостей. Слишком уже не подходит эта роль к его фигуре, да и ко **всей** его партии. И почему в деле исправления исторических несправедливостей останавливается на 61 г.? Почему ограничиваться 40—50-летней давностью? Ведь помещики грабили крестьян и до 1861 г. Они совсем обезземеливали некоторых, переводили их во двор, на фабрику; переводили с оброка на барщину и т. д., и т. д. Почему игнорировать эти грабежи, эти насилия и несправедливости? А после освобождения крестьян разве не было того же? Разве не было вакханалии расхищения уфимских земель? Разве не было грабежа земель у крымских татар? Разве специальными распоряжениями и узаконениями не отнимались и не раздавались помещикам земли в Сибири? С другой стороны, неужели последние 40 лет, отделяющие нас от 1861 г., прошли над русской деревней бесследно? Неужели они не породили новых потребностей, не расширили старых, не вызвали на свет новых понятий? Неужели можно современную деревню удовлетворить восстановлением наделов, бывших до 1861 г.? Ведь, если крестьянство всколыхнется, оно придет в движение не во имя потребностей 1861 г., а во имя своих теперешних нужд и страданий. Оно будет искать удовлетворения **современных** потребностей, избавления **от современных** бедствий и зол. Если марксистам для перемены позиции можно забавляться историческим дон-кихотством, то крестьянству-то, вырождающемуся от постоянных голодовок, не до того. Ему наплевать на историческую несправедливость, а дай в настоящее-то время как-нибудь прожить без голодовки. И если оно примет вашу программу с отрезками, если вам удастся оживить в нем горечь обид, перенесенных 40 лет тому назад от помещика, на счет его современных обид от всей сельской буржуазии,—вы **обманете** его. Вы отвлечете его мысль от современных потребностей к давно прошедшим обидам, от серьезного простого дела к историческому сутяжничеству, от реального—к сентиментальному. Вы заволочете его мысль сентиментальным туманом, вместо современных нужд подставите исторические фикции,

яйца выеденного не стоящие, вместо хлеба дадите камень. Программа, построенная на идее пересмотра реформы 1861 г., если кому на-руку, то только помещикам. Когда им придется туго, они с восторгом ухватятся за разыскание наделов 1861 г.,—лишь бы отвлечь народ от настоящего, современного дела. Не даром один помещичий уездный комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности уже в прошлом году пришел к мысли о возвращении крестьянам отрезных земель!

Курьезно, что «Искра» даже в этом факте увидала повод для самодовольной похвальбы; вот, дескать, как мы практичны! А еще говорят, что наша программа неосуществима. Не подумает «Искра» об одном, что если уж дворянский комитет вводит и свою программу отрезки, то, должно-быть, они не очень подходящи для крестьян и не очень уместны в социалистической программе. Простой расчет показывает, что в настоящее время восстановленные наделы 1861 г. были бы относительно населения меньше, чем полученные в 1861 г. В самом деле, сокращение надельной площади, произведенное реформой 1861 г., составляло, как показывают данные г. Семенова по 5 губерниям, 20—25 проц.; между тем, население с тех пор увеличилось по крайней мере на 50 процентов. Если по уставным грамотам крестьяне получали, скажем, по 3 десятины на душу, то теперь возвращение отрезных земель крестьянам довело бы их наделы до $2^1/_2$ дес. на душу.

Как ни назвать возвращение отрезков крестьянам: исправление ли исторической несправедливости, возвращение ли награбленного или как-нибудь иначе,—оно все-таки останется расширением мелкой крестьянской собственности,—той самой, которая, по теории социал-демократов, должна быть экспроприпирована и монополизирована в немногих руках, чтобы стал возможным переход к социалистическому строю. Где же этот процесс экспроприации крестьянства происходил »справедливо», без грабежа, обмана и насилия? Если ставить современным программам задачу исправления исторических несправедливостей, то все социалистические партии Западной Европы должны были бы ввести в свои программы требования возвращения крестьянству отобранных у него в прошлом веке, при освобождении от феодальных повинностей, земель.

В об'яснение введения в программу пункта об отрезках г. Ленин приводит еще то соображение, что на отрезках держится кабала в деревне и что возвращение их крестьянам подорвет эту кабалу, уничтожит остатки крепостнических отношений и расчистит почву для пролетарской классовой борьбы в деревне. Но действительно ли кабала держится на отрезках? Несомненно, одной из главных причин сохранения в деревне кабальных отношений является нужда крестьян в земле, малоземелье, но малоземелье вообще, а не только то, которое произведено сокращением крестьянского надела в 1861 г. Г. Ленин часто выражается так, как-будто он, имеет в виду, хочет уничтожить только те случаи кабалы,—правда в некоторых губерниях очень распространенные,—которые обязаны своим возникновением **особой форме** надела, способу проведения границ, теми ловушками и западнями, которыми окружили некоторые догадливые помещики деревню, с целью держать ее в своих руках и после выхода на волю, благодаря которым крестьянам «курицу некуда выпустить». Эти западни и ловушки являются в таких имениях главным источником дохода, так что о правильном сельском хозяйстве в них речи быть не может. Если г. Ленин хотел уничтожить только эти внехозяйственные источники доходов, эти ловушки, то он мог найти для этого меры и не противные социал-демократической совести, напр., исправление границ, обмен угодий, не связанные с расширением мелкой собственности. Если же он имел в виду кабалу вообще, то несомненно и возвращения отрезок мало для ее искоренения. Кабала—явление гораздо более широкое, чем западни и ловушки, чем даже отрезные земли. Она коренится в крайней нужде крестьянства, в его полной беспомощности, в отсутствии всяких культурных видов кредита, взаимопомощи и пр. Кабала существует не только в отношениях **крестьян** к помещику-дворянину, к которому почему-то особенно неблагосклонен г. Ленин, но, **пожалуй**, порой еще более к «сельскому **предпринимателю**» нового типа, к которому г. Ленин, наоборот, чересчур благосклонен:

она существует даже при найме на промысловые работы: на сахарные заводы, на постройку железной дороги и т. п. Уничтожить все эти виды кабального найма возвращением отрезков совершенно немыслимо.

Это—с одной стороны, а с другой стороны—может ли социал-демократия рекомендовать расширение крестьянского землевладения, как средство для уничтожения или ослабления кабальных отношений? Ведь, если оставить в стороне те западни и ловушки, о которых речь была выше и уничтожить которые можно и без расширения крестьянских наделов, то отрезные земли не обладают никакими таинственными, мистическими свойствами порождать кабалу, которыми не обладала бы вообще земля. И если их возвращение ослабит кабальную зависимость крестьян от рыцарей капитала, то постольку, поскольку это может произвести всякое расширение крестьянского землевладения. Рекомендуя возвращение отрезков, г. Ленин рекомендует не что иное, как расширение мелкого землевладения, т.-е. укрепление положения крестьян, как мелких собственников. А это стоит в вопиющем противоречии с принципами ортодоксального марксизма.

ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ В НАШЕЙ ПРОГРАММЕ.

(«Рев. Россия» № 7, за 1902 г.).

Вопрос о своевременности или несвоевременности, вреде или пользе террористических действий вновь возродился в революционной литературе. Выстрел Балмашева [44]) вызвал несколько попыток вновь воскресить прежние дебаты на ту же тему.

Теперь без колебаний можно сказать, что это—«давнишний, старый спор, уж взвешенный судьбою»... Сколько ни высказывали сомнений, сколько возражений ни выставляли против этого способа борьбы партийные догматики, жизнь каждый раз оказывалась сильнее их теоретических предубеждений. Террористические действия оказывались не то, что просто «нужными» и «целесообразными», **а необходимыми, неизбежными**. Прежде, чем перейти к ним, революционеры всегда—перед эпохой народовольчества не менее, чем перед последними событиями—пытались воздерживаться от них, и только неумолимой логикой событий неизбежно приводились к иному практическому выводу. Самый характер террористической борьбы, связянной прежде всего с пролитием крови, таков, что все мы рады ухватиться за всякий аргумент, который избавил бы нас от проклятой обязанности менять оружие животворящего слова на смертельное оружие битв. Но мы не всегда вольны в выборе средств.

И теперь, в то время как «книжники» вели чернильную баталию по вопросу о том, можно ли терроризму придавать только «экспитативное», т.-е., попросту говоря, агитационное, возбуждающее значение, или же надо допустить также значение устрашающее и дезорганизующее,—жизнь выдвинула на первый план такого рода потребность в террористических средствах, перед которою должны были умолкнуть все прежние возражения. Террористические акты сделались необходимыми в качестве самозащиты, в качестве оружия необходимой самообороны, без которой разгул ничем не сдерживаемого самодержавного произвола переходит всякие границы и становится нестерпимым. Тактика правительства понятна и проста. Оно было застигнуто врасплох неожиданно сильным ростом революционного настроения масс; оно спохватилось, оно надеется, что еще не поздно, что рядом экстраординарных мер еще можно задушить в стране ростки протеста. Судорожными усилиями оно пытается это сделать. И правительственный террор имеет свою логику. Если на демонстрантов перестают действовать грозные окрики городовых, то в ход пускаются палки и пинки; перестают действовать они,—пускается в ход натиск лошадьми; привыкают и к этому,—на сцене появляются нагайки; привыкают к нагайкам,—начинают гулять по головам демонстрантов ружейные приклады, обнаженные шашки и, наконец, раздаются ружейные залпы. Дальше, казалось, итти некуда. Но и ружейные пули не останавливают демонстраций. Что делать? Русское прави-

тельство изобретательно... Оно знает, как всего больнее уязвить протестантов; оно знает, что для них есть нечто такое, чем они дорожат больше самой жизни: это их человеческое достоинство. И вот по данному свыше знаку возводится в систему самое наглое издевательство над личностью протестантов, надругательство над их честью. Связанного врага истязают в участках и тюрьмах; на женщин и девушек обрушиваются сугубые унижения, нечистые руки жандармов грубо касаются их тела, с подчеркнутым намерением надругаться над женской честью, над девичьей стыдливостью; наконец, порка, позорная порка, от которой даже уголовные обитатели «мира отверженных» все чаще и чаще начинают спасаться самоубийством, грозит сделаться обычным средством усмирения бунтов, стачек и демонстраций...

> «Мы не знаем, какими ужасами еще наполнят страну наши правители, но мы знаем, что нет ужасов, нет зверств, которых они с легким сердцем не сеяли бы вокруг себя»*).

Правительство, видимо, надеется, что под грудой неслыханных оскорблений оно раздавит всякий дух протеста, наполнит смертельным ужасом сердца и загонит робкую толпу на единственный, оставшийся свободным путь, ведущий к западням и ловушкам зубатовщины и правительственного «сердечного попечения». Оно рассчитывает, что позорный клич «независимых»: «мы не хотим вести рабочих путем, ведущим в Сибирь и тюрьму», получит еще больше силы, если к Сибири и тюрьме присоединятся позорная розга и ужасная виселица. При таких условиях нет иногда выхода, как доказать правительству обратное.

> «В стране, где при выражении мирного протеста министры намереваются залить кровью столицу и имеют полную возможность осуществить это на деле, в стране, где они ставят себе целью принудить к молчанию одних, в тот момент, когда это им удается, неизбежно должны заговорить другие, на языке ином»*)...

Вспомним времена Народной Воли [46]). Тогда еще более грозное и сильное правительство стояло лицом к лицу с гораздо более слабым врагом. Взаимная ненависть, взаимное ожесточение достигали крайних пределов. Но и тогда правительство не осмеливалось на такую наглость, как порка десятками своих политических противников. Правительство их ненавидело всеми силами души,—но оно в то же время втайне боялось и уважало их. Нас не боятся... Наше молчание в ответ на самые возмутительные меры придает смелости врагу, расчитывающему на полную безнаказанность...

Значение террористической борьбы, как средства самообороны, слишком очевидно и понятно. Оно не может отрицаться даже самыми крайними противниками террористических средств. Даже «Искра» выставившая в последнее время (см., напр., № 20, от 1-го мая [47]) положения, что «терроризм изолирует революционную партию и тем осуждает ее на поражение», «террор мешает организации, а следовательно и вообще политическому воспитанию рабочих», даже «Искра» не может закрывать глаза на действительность, и все ею же сообщаемые фактические известия идут решительно вразрез с принципиальной анти-террористической тенденцией газеты. Сообщая данные о голодовке политических заключенных в Екатеринославской тюрьме, где их всячески оскорбляли, ругали площадной руганью, заключенным женщинам делали позорные и унизительные предложения и т. под.,—«Искра» не может не признать, что **«делом чести** всех недовольных существующим строем является энергическими протестами **заставить** самодержавие обуздать разнузданное рвение своих холопов». Да, делом чести! Да, **заставить**! Но как? «Искра» отвечает: «энергическими протестами». Надеемся, однако, что не словами и не бумажными? Мы сами не прочь бы хорошими словами усовестить Сипягиных [48]) и их присных, и не наша вина, если «свист пули—вот единственно возможный теперь разговор с нашими министрами; пока они не научатся понимать общечеловеческую речь и прислушиваться к голосу страны» *). Но

*) Прокламация «Боев. организ. партии социалистов-революционеров» [45]).

«Искра» против террора. Ей кажется почему-то, что «такой поворот в современном революционном движении... означал бы его сужение и грозил бы ему неудачей». «Искра» хочет «сделать все возможное, чтобы не допустить такого поворота». Но и она соглашается, что эти ее усилия «могут увенчаться успехом лишь в том случае, если рабочие и интеллигенция будут внимать призывам подобно тому, который сделан екатеринославскими товарищами, и покажут правительству, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах бойцов». Екатеринославские товарищи призывали к демонстрации протеста перед зданием тюрьмы. 5-го мая она состоялась и кончилась... **поркой** демонстрантов! Может ли мирная демонстрация «заставить» правительство «обуздать разнузданное рвение своих холопов», если оно **безнаказанно** может употреблять все средства расправы с демонстрантами? Мы знаем батумскую демонстрацию перед стенами тюрьмы, окончившуюся тем, что «рвение» царских слуг было еще более «разнузданно»: тринадцать убитых и множество раненых были итогом попытки «доказать, что, и не прибегая к террору, революционная Россия может отстоять томящихся в тюрьмах бойцов». Сомневаемся, чтобы после этого опыта батумские рабочие согласились с моралью «Искры». И в этом нам порукой тот факт, что, несмотря на все свои теоретические споры и разногласия по вопросу о терроре, кавказские рабочие, в значительном большинстве идущие за социал-демократами, тем не менее жизнью вынуждаются к ответам насилием на насилие. Не та же ли самая «Искра» устами своего корреспондента «тифлисского рабочего» (в № 15) по поводу убийства Веденеева («ярого противника раб. движ. и одного из умных бичей социал-демократии») говорит, что виновник покушения «верно подхватил настроение рабочих, и тысячи уст матерей, жен и сестер рабочих, оставшихся без заработка, будут благословлять стрелка и меткую пулю». Сомневаемся, чтобы согласились с моралью «Искры» и виленские рабочие, демонстрация которых кончилась массовой поркой и которые уже выдвинули из своей среды героя-мстителя в лице благородного и смелого товарища, рабочего Гирша Лекерта. [49]) Сомневаемся, чтобы согласились с ней и многие другие.. В том же самом номере «Искры» мы находим описание ужасного положения арестованных гомельских рабочих. «Особенно ужасно, когда мы просыпаемся ночью,—пишут заключенные—о, ужаснее нельзя себе ничего представить! Воздух тогда так удушлив, что мы еле дышем. Мы мечемся во сне во все стороны, мы не находим себе места. Один стонет, другой кашляет, у третьего—кровотечение из горла и т. д. Сердце разрывается на части от таких страданий...» И гомельские рабочие должны были вступить также на тот **единственный** путь, который им оставался, чтобы выполнить «дело чести». «22 марта,—пишет «Искра»,—ночью на одной из главных улиц выстрелом из револьвера был ранен местный провокатор, виновник страданий вышеупомянутых заключенных... Виновник покушения скрылся». В Туле, в Чулковской части, по свидетельству той же «Искры», «мастеровые **со стыдом** спрашивают: неужели среди нас не найдется никого, кто бы избавил нас от Лаврова (один из местных маленьких самодержцев)?»

Устами этих рабочих говорит сама жизнь... Настроение широких слоев рабочих доказывает неопровержимо, что, выдвигая террористические способы борьбы, партия социалистов-революционеров шла навстречу уже назревшей и наполовину сознанной потребности рабочего люда—не только получать удары от врага и расписываться в получении, но и отвечать на эти удары ударами же.

* * *

Значение террористических действий, как средства самообороны, слишком очевидно и понятно. К ним обстоятельства все чаще и чаще вынуждают даже бывших противников этого средства борьбы, и не нужно быть пророком, чтобы предсказать близость почти всеобщего признания его неотвратимости. И мы, верные партизаны этой идеи, даже во время ее всеобщей непопулярности, можем теперь сказать, что не напрасно пытались плыть против течения, не напрасно под-

готовляли почву для расширения нашей программы включением в нее оружия, поражающего врага, ободряющего друзей и потрясающего всю страну.

Один из крупнейших наших социал-демократических писателей как-то очень недурно определил отличие **агитации** от обычной **пропаганды**. «Агитация,—выразился он,—это та же пропаганда, но пропаганда, имеющая место при особых условиях, именно при условиях, заставляющих прислушиваться к словам пропагандиста даже таких людей, которые не обратили бы на них внимание в обычное время». И в этой особенности лежит **агитационное** значение террористических актов. Они приковывают к себе всеобщее внимание, будоражат всех, будят самых сонных, самых индиферентных обывателей, возбуждают всеобщие толки, разговоры, заставляют людей **политически мыслить**, хотя бы и против их воли. Если обвинительный акт Сипягину в обычное время был бы прочитан тысячами людей, то после террористического акта он будет прочитан десятками тысяч, а стоустая молва распространит его влияние на сто тысяч, на миллионы. И если террористический акт поражает человека, от которого пострадали тысячи людей, то он вернее, чем месяцы словесной пропаганды, способен переменить взгляд этих тысяч людей на революционеров и на смысл их деятельности.

Устрашает ли, дезорганизует ли террористическая борьба правящие круги, и если да, то в какой мере? Это зависит от многих обстоятельств. Нет сомнений, если вся революционная борьба исчерпывается террористическими поступками кучки лиц, то надежда раздавить эту последнюю будет настолько велика, что для страха и растерянности, естественно, не останется места. Но когда правительству и без того становится все труднее и труднее сдерживать общее недовольство, когда его окружает огненное кольцо волнений, демонстраций, сопротивлений властям, бунтов—тогда метко направленные удары, неожиданно сваливающие с ног наиболее ревностных и энергичных столпов реакции, безусловно способны внести в ряды правительственных слуг расстройство и смятение. Если героическая борьба Народной Воли, разыгрывавшаяся в эпоху меньшей культурной и политической зрелости России, при отсутствии сколько-нибудь активной поддержки со стороны масс, смогла пошатнуть трон и поставить на очередь вопрос о конституции,—то теперь, при наличности относительно сильного рабочего движения, при общем оппозиционном настроении в широких культурных слоях, при подъеме революционного духа в молодежи, при все более и более сильных взрывах крестьянского недовольства, при общем экономическом и финансовом расстройстве страны, повторение такой же борьбы, несомненно, дало бы гораздо большие результаты. Она еще сильнее, чем прежде, подорвала бы веру в правительственное всемогущество, внушила бы обывателям еще большее уважение к силе революционеров. Она вдохнула бы новые силы в колеблющихся, обескураженных, пораженных печальным исходом многих демонстраций. Она удовлетворила бы психологической потребности в отпоре, которой полны сердца избитых и опозоренных, и тем восстановила бы их душевное равновесие. Громом героических подвигов, примером самоотвержения борцов она зажгла бы сердца лучших людей, наполняя их той же жаждой пожертвовать всем, чем можешь, сделать все, что в силах, для того же великого дела. Наконец, эта борьба подняла бы высоко престиж революционной партии в глазах всех окружающих, доказав на деле, что революционный социализм есть единственная нравственная сила, способная наполнять сердца таким беззаветным энтузиазмом, такой жаждой подвигов самоотречения и выдвигать таких истинных великомучеников правды, радостно отдающих жизнь за ее торжество!

И вот почему мы, далекие от всяких односторонних увлечений, иллюзий и чрезмерно-оптимистических надежд, взялись за оружие террористических средств, чтобы подкрепить ими нашу борьбу, в которой найдется достаточно места для всех сил и способностей, для всех видов революционной энергии, для всех людей с живым революционным чувством и готовностью бороться до конца!

Мы—за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы,

которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции. Террористические действия вовсе не должны быть каким-то замкнутым внутри себя рядом актов, воплощающим собою всю непосредственную борьбу с врагом. Напротив—для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями; в этой-то живой, органической связи они и почерпают всю свою силу, все свое значение... И, как всякая часть, они должны быть сообразованы с целым, должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и массового стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор—лишь один из родов оружия, находящийся в руках одной из частей нашей революционной армии. В нашей борьбе мы стараемся привести в движение самые разнообразные общественные силы, и каждой из этих сил свойствен свой особый способ проявления. Это не мешает им действовать по единому плану. Так и террористическая борьба не будет чем-то витающим вне прочих видов революционной работы и господствующим над ними. Это—только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодействии с другими приемами может проявить все то действие, на котовое мы рассчитываем. Он усиливает влияние других параллельных форм борьбы, и его собственное влияние усиливается действием этих последних. Совершенно так же, как сила ассоциации людей не сводится к арифметической сумме сил отдельных индивидумов, так и сила одновременного напора на правительство всеми средствами увеличивает силу каждого отдельного из этих средств.

Таким образом, мы первые будем протестовать против всякого однобокого, исключительного терроризма. Отнюдь **не заменить**, а лишь **дополнить и усилить** хотим мы массовую борьбу смелыми ударами боевого авангарда, попадающими в самое сердце вражеского лагеря. Борьба террористическими средствами, поэтому, для нас вовсе не является тем поединком или единоборством вождей, которым в стародавние времена нередко решались войны; не является для нас террор и тем солнцем, вокруг которого, как подчиненные планеты, вращаются все другие способы действия и отраженным светом которого они светят... Для партии социалистов-революционеров, как целого, террор не является таким центральным пунктом, из которого бы исходило и к которому бы сводилось все. Конечно, в ее рядах могут быть лица и группы, имеющие по этому пункту свое «особое мнение» в ту или другую сторону. Это—их право. Партия никогда не будет покушаться на свободу их мнений, никогда не будет и лишать их возможности открыто эти мнения высказывать. Но она всегда будет проводить определенную грань между индивидуальными мнениями своих отдельных членов и тем, что служит общей почвой партийного соглашения.

Партия социалистов-революционеров, как целое, отнюдь не думает искать в террористической борьбе какого-то мистического, единоспасающего и всеразрешающего средства, какой то панацеи, какой-то разрыв-травы, перед которой размыкаются все замки и запоры. Но это для нее—одно из самых крайних и энергичных средств борьбы с самодержавной бюрократией, сдерживания правительственного произвола, дезорганизации правительственного механизма, агитации и возбуждения общества, пробуждения энтузиазма и боевого духа в самой революционной среде. И этого достаточно, чтобы занять по отношению к вопросу о терроре ту позицию, которую партия социалистов-революционеров заняла в настоящее время.

* * *

Вопрос о роли террористического элемента в революционной программе настолько серьезен и важен, что здесь не должно быть места никаким недомолвкам и никакой неопределенности. Его нельзя обойти, его необходимо решить. Мы совершенно не понимаем позиции, занятой по отношению к этому вопросу соц.-дем. органами, в частности, наприм., «Искрой». Одно из двух: или в настоящее время террористические факты нужны и необходимы, или нет. Если мнение о пользе и не

избежности террора не верно, то нужно приложить все усилия, чтобы террористических поступков не повторялось. Нужно об'явить вредной ошибкой выстрел Карповича [50]), вредной ошибкой выстрел Балмашева, вредной ошибкой выстрел Лекерта и т. д. и т. д. Или же террористические акты в настоящее время могут быть полезными и даже необходимыми,—и тогда революционная партия не может сказать: «Моя хата с краю», не может отойти в сторону и умыть руки, подобно Понтию Пилату; она должна ввести террористические акты в свою программу и поставить их под свой сознательный контроль, потому что только партийным контролем могут быть гарантированы и успехи, и своевременность удара, и, наконец, удачный выбор той цели, в которую бьет удар. Террористические акты — средство слишком сильное, слишком чреватое всякими последствиями, чтобы их употребление можно было с легким сердцем всецело предоставить индивидуальному произволу отдельных лиц, подверженных случайным влияниям и настроениям. Гирш Лекерт явился в тот самый момент, когда был необходим акт возмездия. Но Гирш Лекерт мог и не явиться, что было бы тогда? Если об'явить террористические акты исключительно делом иррегулярной, партизанской борьбы, то где ручательства, что они будут приходить во-время и что их не будет не во-время? Где ручательства, что цель будет выбрана удачно, что удар не обрушится на неподходящее лицо, случайно возбудившее негодование сравнительно небольшой кучки лиц, и не минует насильника, обуздание которого составляет затаеннейшую мечту самых широких слоев населения?

Только партия, т. е. совокупность практических работников, действующих на самых разнообразных поприщах, знающих потребности и запросы революционного дела во всех его разветвлениях—только партия достаточно компетентна для решения подобных вопросов и только партия достаточно сильна, чтобы обеспечить не случайно приходящий со стороны, а заранее подготовленный отпор врагу.

Мало того. Террористические акты требуют жертв. Если вы предоставите отдельным лицам всецело решать вопрос о нанесении ответных ударов врагам, если вы оставите их разрозненными, неорганизованными—где ручательство, что на террор не уйдет слишком много сил? Где ручательства, что на него не пойдут те самые лица, которые могли бы сделать гораздо больше на другом поприще? Где ручательства, что на него пойдут лица, способные с честью выдержать все испытания, связанные с такого рода попытками, лица, которые сумеют и перед лицом жестоких палачей, и перед лицом казни высоко держать знамя революции? Все эти вопросы слишком важны для партии, чтобы можно было предоставлять их на решение случайности...

Но и это еще не все. Не только интерес партии может страдать от ухода на террор сил, которые важно приберечь для другого дела, не только честь революции может страдать от выступления в ответственной роли исполнителей приговора революционной Немезиды,—людей, не обладающих для этого необходимыми данными;—может еще страдать престиж революционной партии, вера в ее силы, если разрозненные, не организованные, не поддержанные партией бойцы окажутся просто слишком слабыми для достижения поставленной ими себе цели. Террористические акты могут произвести определенное положительное действие только тогда, когда за ними чувствуется сила, когда в них звучит серьезная, роковая угроза на будущее время. Случайные же покушения отдельных лиц, неорганизованные, неподготовленные, часто являющиеся только «покушениями с негодными средствами», способны только раздразнить врага и внушить ему пренебрежение к силам революционеров, т.-е. достигнуть результата, диаметрально противоположного тому, который имелся в виду. Жертв же будет, конечно, не меньше, а даже больше, и что всего ужаснее—жертв бесплодных...

Вот перед нами Лаговский [51]) человек, решившийся на подвиг самоотвержения—и вынужденный стрелять, вместо Победоносцева [52]), в стекло окна квартиры Победоносцева,—а почему? Потому, что он один, предоставленный исключительно своим личным силам, изнемогший под тяжестью громадного дела, которое он взвалил на свои плечи, потому, что в бесплодных попытках выследить Победоносцева

он остается без гроша в кармане, мучимый голодом и бессонницей, измотавшийся, нервно уставший, доведенный почти до отчаяния... Вот Алларт, револьвер которого в роковой, критический момент отказывается служить; вот Михалевич, вынужденный на безнадежную попытку с финским ножем в руках пробивать себе дорогу к Трепову; [53]) вот, наконец, Гирш Лекерт, который и при сравнительно благоприятных обстоятельствах достигает лишь частичного успеха. Все эти факты тем ярче оттеняют казнь Сипягина, так тщательно оберегаемого, казнь на том самом месте, где он совершал свои преступления против народа, казнь, которая своей организованностью, продуманностью своего плана и блестящим успехом производит глубочайшее впечатление на всех...

Нет, довольно этих бесплодных человеческих жертвоприношений! Если подвиги Лекертов—не вредные ошибки, если эти подвиги действительно нужны, если мы горячо приветствуем их, как необходимое дело для отпора и обуздания насильников, то было бы позорным и нечестным с нашей стороны отстраниться и взвалить всецело на их плечи всю тягость рокового дела. Оскорбление чести и достоинства членов партии есть оскорбление ее собственного достоинства и чести, и отстаивание того и другого она не может взвалить, как чужое для нее дело, всецело на плечи отдельных смельчаков-партизанов. Они в праве требовать от нас поддержки и моральной, и материальной. Они умирают за нас, и мы нравственно обязаны дать им возможность по крайней мере умереть с радостным сознанием, что не напрасно пожертвовали жизнью...

Террористические удары должны быть делом **организованным**. Они должны быть поддержаны партией, регулирующей их применение и берущей на себя нравственную ответственность за них. Это сообщит и самим героям-борцам то необходимое моральное спокойствие, которое невозможно при действиях на свой личный риск и страх, без уверенности в моральной санкции и поддержке партии. Партийный контроль и партийное регулирование предотвратят опасность—как бы террористическая борьба не оторвалась от всей остальной революционной борьбы, не превратилась бы во что-то самодовлеющее, не перестала считаться с ее меняющимися потребностями и интересами; как бы размерами сил террористической дружины не остались единственным решающим мотивом в вопросе о начале, продолжении, приостановке борьбы; как бы из средства эта борьба не превратилась в цель; как бы она не заняла несоответствующего (в ту или другую сторону) места в революционной программе и практике; как бы, наконец, тактика террористов не разошлась с общей тактикой революционной армии и не вошла в конфликт с ней...

Но если таким образом **в тактическом** отношении необходимо **координирование** борьбы террористическими средствами со всеми прочими формами революционной деятельности и борьбы, **то в техническом** отношении не менее необходимо **отделение ее** от прочих функций партии. Строгое **идейное** единство и не менее строгое **организационное** разделение!—Вот требование, которому вполне отвечает современная постановка этого дела в партии социалистов-революционеров. Согласно решению партии из нее выделилась специальная боевая организация, принимающая на себя—на началах строгой конспирации и разделения труда—исключительно деятельность дезорганизационную и террористическую. Эта боевая организация получает от партии—через посредство ее центра—общие директивы относительно выбора времени для начала и приостановки военных действий и относительно круга лиц, против которых эти действия направляются. Во всем остальном она наделена самыми широкими полномочиями и полной самостоятельностью. Она связана с партией только через посредство центра и совершенно отделена от местных комитетов. Она имеет вполне обособленную организацию, особый личный состав (по условиям самой работы, конечно, крайне немногочисленный), отдельную кассу, отдельные источники средств. Эта боевая организация берет всецело на себя роль охранительного отряда, освобождая местные комитеты партии от проклятой обязанности отвлекаться от своего главного дела для самозащиты и обуздания насильников. При существо-

вании такой боевой дружины не могут оказать деморализующего влияния самые возмутительные акты произвола и надругательства над человеческой личностью, ибо всегда есть кому призвать к ответу виновных, есть надежное ручательство, что наиболее возмутительные безобразия не останутся безнаказанными. И поэтому местные комитеты более, чем кто-либо, получают полную возможность посвятить все свои силы, отдаться всецело творческой работе—пропаганде, агитации, подготовлению и устройству демонстраций, организации рабочих масс в городе и деревне, вербовке той великой социалистической армии труда, непрерывный рост которой служит для нас вернейшим залогом победы.

Ибо революционизирование масс—вот наше постоянное, основное дело, как партии социально-революционной; оно неотделимо от нас по самой своей сущности, это—тот необходимый общий фон, на котором уже дальше текущая жизнь с ее меняющимися запросами вырисовывает те или другие узоры. Террор же—одно из временных, преходящих технических средств, за которое мы беремся отнюдь не ради его самого, а лишь исполняя тяжелый долг, вытекающий из трижды тяжелых условий современной русской жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ.

1. **«Соц.-рев. библиотека»**—под этим названием «Загр. Союзом эсеров», сооргнизованным Житловским в 1894 г., издавался ряд брошюр по преимуществу программного характера.

2. **Крестьянские братства**—подпольные эсеровские кружки среди крестьянства. Начали организоваться кое-где еще в 90-х гг. прошлого столетия.

3. **Аграрно-соц. лига**—организация соц. революционеров, возникшая за границей в 900-х гг. Первенствующее значение придавала крестьянскому движению, пропагандируя своеобразный социализм, представлявший смесь старого народничества с зап.-европейским оппортунизмом.

4. **«Народная Воля»**—см. примечание 43, к разделу «Легальный марксизм и экономизм».

5. **«Рабочее Дело в России»**—брошюра Л. Мартова, вышедшая за границей в конце 90-х гг.

6. **Лассаль, Фердинанд (1825—1864)**—крупнейший деятель германского рабочего движения, выдающийся оратор и публицист. Исходя из неверной теории «железного закона заработной платы», не придавал значения экономической борьбе и профессиональной организации пролетариата и главное внимание обращал на завоевание всеобщего избирательного права, которое дало бы рабочим влияние на правительство для получения государственного кредита свободным производительным ассоциациям рабочих, через которые совершился бы постепенный переход к социалистическому строю. В 1863 г. Лассаль основал «Всеобщий Германский Рабочий Союз», долго враждовавший с основанной А. Бебелем и В. Либкнехтом «соц.-дем. рабочей партией», с которою он, наконец, слился в 1875 г. в единую «социалистическую рабочую партию Германии», впоследствие переименованную в «соц.-дем. партию Германии».

7. **Эрфуртская программа**—см. примечание 99, к разделу «Легальный марксизм и экономизм».

8. **Каутский**—см. примечание 98, к разделу «Легальный марксизм и экономизм».

9. **Союз русских соц.-демократов**—см. примечание 35, к разделу «Легальный марксизм и экономизм».

10. **«Рабочее Дело»**—см. примечание 34, к разделу «Легальный марксизм и экономизм».

11. **«Задачи русских соц.-дем.»**—брошюра В. И. Ленина, изданная в первый раз за границей в 1898 году с предисловием П. Аксельрода.

12. **Истинный социализм**—направление утопического социализма в Германии 40-х гг. прошлого века. Положительная сторона истинного социализма, выражающаяся в критике существующего строя, сопровождалась рядом утопически-реакционных черт—

стремлением «перескочить» через этап капиталистического развития, отрицанием политической борьбы и т. п. Главнейшие представители—Карл Грюн и М. Гесс.

13. **Гегель (1770—1831)**—виднейший представитель немецкой идеалистической философии, имевший огромное влияние на германскую, а также и на русскую (Белинский) интеллигенцию. Маркс взял у Гегеля его диалектический метод, «поставив его на-ноги», т.-е. преобразовав в материалистическую диалектику.

14. **Прудонизм**—мелкобуржуазно-утопическая система французского писателя Прудона, выставлявшего панацеей от всех зол капиталистического общества «взаимопомощь» в форме меновых банков, товариществ-производителей и т. д. К политической борьбе рабочего класса Прудон относился отрицательно.

15. **Волгин, А.**—псевдоним Г. В. Плеханова, под которым он выпустил в 1896 г. свою книгу: «Обоснование народничества в трудах г-на Воронцова (В. В.)».

16. **Бебель, А (1840—1913)**—один из основателей и вождей герм. соц.-демократии эпохи 2 Интернационала, рабочий-токарь.

17. **Ганноверский с'езд германской социал-демократии, произошел в 1899 году.** На с'езде разгорелись горячие прения о ревизионизме, в результате которых с'езд осудил ревизионистскую тактику. Бебелю принадлежало одно из наиболее ярких выступлений против ревизионизма.

18. **Н. Г. Чернышевский (1828—1889 гг.)**—выдающийся русский материалист и социалист-утопист. Выступал в качестве критика и публициста в «Отечественных Записках» и «Современнике». 12 июня 1862 г. Ч. был арестован и заключен в Петропавловскую крепость; откуда был отправлен в Сибирь на каторгу; был возвращен в Россию только в 1883 г. Ч. дал философское обоснование последующему **народническому** движению, считая крестьянскую общину ядром будущего социалистического общества см. его «Критику философских предупреждений против общинного землевладения» и др.).

19. **«Жизнь»**—легальный марксистский журнал, издававшийся с 1899 г. по 1901 г., редактировался В. А. Поссе. Журнал «Жизнь» имел явно выраженный бернштейнианский отпечаток.

20. **Революционное движение в Озургетском уезде** на Кавказе, направленное против землевладельцев-дворян. В «Искре» № 28, за ноябрь 1902 г., в заметке «Из Озургетского уезда» писалось: «Чтобы понять положение вещей, нужно обратить внимание на земельные отношения, существующие в Озургетском уезде. Более трех четвертей всей площади земли находится в руках крупных и мелких землевладельцев-дворян».

21. **Гедисты**—сторонники марксиста Ж. Геда, левое течение во французском социалистическом движении.

22. **Э. Вандервальде**—один из вождей 2 Интернационала, всегда стоявший на правом крыле рабочего движения.

23. **На Марсельском и Нантском конгрессах** французской социалистической партии в 1892 и 1893 гг. принята первая аграрная программа. Критику этой программы см. у Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии».

24. **В 1890 г. от поссибилистов отделились** аллеманисты (во главе с Аллеманом)—синдикалистское течение, недовольное слишком явной умеренностью поссибилистов и в то же время отрицательно относящееся к гедистам.

25. **В 1882 г. французская социалистическая партия** раскололась на две фракции: **гедистов**, ставивших во главу угла самостоятельную революционную политику рабочего класса и завоевание диктатуры пролетариата, и **поссибилистов** (Брусс),—умеренно реформистское крыло, пытавшееся соединить марксизм с прудонизмом, затушевывавшее коммунистические цели пролетариата, рекомендовавшее пролетариату требовать «возможного» (possibille), откуда название «поссибилисты».

26. **Бреславльский партейтаг** состоялся в 1875 г. На этом партейтаге происходили дебаты по аграрному вопросу. В 1898 г. Штутгартский партейтаг принял аграрную программу, разработанную К. Каутским (Каутский «Аграрный вопрос»).

27. **14 июля 1789 г. пала крепость Бастилия.** 14-е июля развязало крестьянское движение в провинции и крестьяне начали уничтожать свои «бастилии» (помещичьи усадьбы).

28. **4 августа 1789 г.** Национальное собрание Великой Французской Революции под напором крестьянских волнений сделало ряд уступок крестьянству, согласившись отменить ряд феодальных повинностей.

29. **Бернштейнианство**—См. примечание 14-е к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

30. **«Заря»**—социал-демократический научно-политический журнал, издавался в Штутгарте под ред. Г. Плеханова, Н. Ленина, П. Аксельрода, Ю. Мартова, В. Засулич и А. Потресова. Всего вышло 3 книги (апрель 1901 г.—август 1902 г.).

31. **Генри Джордж (1833—1897)**—американский экономист. Автор книги «Прогресс и бедность». Сторонник и пропагандист национализации земли.

32. **Август Бебель (1840—1913)**—один из выдающихся вождей германской социал-демократии и 2 Интернационала, рабочий-токарь.

33. **Вильгельм Либкнехт (1826—1900)**—один из вождей германской социал-демократии и 2 Интернационала, отец Карла Либкнехта. Принимал активное участие в революции 1848 г. Вместе с Бебелем являлся организатором немецкой соц.-дем. партии. Был в близких отношениях с Марксом и Энгельсом.

34. **Фольмар (1850—1922)**—немецкий социал-демократ, оппортунист, один из лидеров правого крыла партии.

35. **Международный социалистический конгресс в Лондоне** (июль 1896 г.). Доклад конгрессу написан Г. В. Плехановым и отпечатан на русском языке «Союзом русских социал-демократов» (1896 г.). Собр. сочин. Плеханова, т. IX, стр. 352.

36. **Манифест I с'езда РСДРП (март 1898 г.)**, выпущен после с'езда; автор манифеста П. Б. Струве.

37. **«Рабочее Дело»**—см. примечание 34, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

38. **«Красное Знамя в России»**—брошюра Л. Мартова. Вышла в 1904 году в редакции новой «Искры» (меньшевистской).

39. **«Народная Воля»**—см. примечание 43, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

40. **«Рабочее Дело»**—так думали назвать газету «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в 1895 г. В ночь с 8-е на 9 декабря 1895 г. были арестованы главные силы Союза (Ленин, Кржижановский, Старков, Ванеев и др.). С ними были захвачены и рукописи «Рабочего Дела».

41. **«Искра» № 3, апрель 1901 года. Статья В. И. Ленина** «Рабочий класс и крестьянство». Собр. сочин., т. IV.

42. **Народники 90-х годов** обвиняли марксистов в том, что последние будто бы отказываются от наследства 60—70-х годов. Ленин в статье «От какого наследства мы отказываемся» пишет, что революционные марксисты являются продолжателями и носителями лучших традиций народничества 60—70-х годов. (Собр. сочин., т. II).

43. **«Аграрная программа русской социал-демократии».**—Статья В. И. Ленина, развивающая и комментирующая аграрную программу РСДРП, предложенную и принятую II с'ездом. «Заря» № 4, август 1902 г. (Ленин, собр. сочин., т. IX, стр. 287).

44. **Балмашев (1882—1902)**—эсер, убивший 2 апреля 1902 г. мин. внутр. дел Сипягина.

45. **Один из основных методов борьбы** эсеры видели в терроре. Для проведения террора была создана самостоятельная «боевая организация», во главе которой стоял сначала Гершуни, затем Е. Азеф (известный провокатор).

46. **«Народная Воля»**—см. примечание 43, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

47. **«Искра» № 20, в статье Г. В. Плеханова.** «Смерть Сипягина и наши агитационные задачи». Собр. сочин., т. XII.

48. **Сипягин, Д. С.**—министр внутренних дел. Один из самых реакционных царских бюрократов. Вел беспощадную борьбу с рабочими (обуховское дело), студентами, крестьянством и с земством. Убит студентом Балмашевым 2 апреля 1902 г.

49. **Лекерт, Г.**—рабочий-бундовец, произвел покушение на виленского губернатора фон-Валя 5 мая 1902 г. Казнен по приговору военно-полевого суда в ночь на 28 мая 1902 г.

50. **Карпович, П. В.**—соц.-револ. убивший в 1901 г. министра народного просвещения Боголепова за проводившуюся политику жестоких репрессий по отношению к участникам студенческого движения.

51. **Лаговский**—произвел покушение на обер-прокурора синода Победоносцева.

52. **Победоносцев, К.П. (1827—1907)**—обер-прокурор синода, вдохновитель дворянской реакции 80—90 гг., фактический глава правительства Александра III, продолжавший играть крупную роль при Николае II.

53. **Трепов**—см. примечание 46, к разделу: «Легальный марксизм и экономизм».

V. ЛИБЕРАЛИЗМ.

ЛИБЕРАЛИЗМ НАКАНУНЕ 1905 г.

I.

„Народное Право“.

Партия «Народного Права», воззвание которой приводится в начале настоящего раздела, является типичным продуктом переломного периода в истории освободительного движения России,—того периода, который характеризуется пробуждением общественной активности, с одной стороны, и отсутствием четких разграничений между различными политическими течениями,—с другой. Голод 1891 г. и бурно развивавшееся рабочее движение послужили мощными стимулами к быстрому изживанию реакционных настроений предшествовавшего десятилетия, к критике и пересмотру тех идеологических форм, которыми прикрывались мертвая пассивность и политическое безразличие «размагниченной» интеллигенции 80-х гг. «Народное Право» стремится, прежде всего, резко размежеваться с идеями либерального народничества, давно уже отказавшегося от революционных традиций 70-х годов и замкнувшего размах своей деятельности скромными пределами «малых дел» и крохоборческого культуртрегерства.

В своей программной брошюре «Насущный вопрос» «народоправцы» горячо призывают «стряхнуть с себя гнет обветшалого народничества, культурничества, проповеди малых дел. Пора также отрешиться от благоговейного преклонения перед мифическим „богоносительным“ народом, с его какой-то никому невиданной особливой правдой, якобы отличной от общечеловеческой». Этот призыв к отречению от преклонения перед народом чрезвычайно знаменателен в устах старых народовольцев, которые составляли основное ядро партии «Народного Права». Такое скептическое отношение к „богоносительному“ народу в данном случае означал крутой поворот определенной части народников к либерализму. Разочаровавшись в народе, «народоправцы» искали сближения с либералами, стремясь об'единиться с ними на платформе борьбы за политические свободы при условии полного отказа от постановки социалистических целей борьбы. «Народоправцы», конечно, считали себя убежденными социалистами. Теоретически они от социализма не отказывались. Но в интересах реальной политики, в интересах воздействия на либералов, с целью вовлечения их в борьбу против царизма, они считали необходимым и целесообразным принести свои социалистические воззрения в жертву практическим целям борьбы. Партия «Народного Права» видела задачи своей деятельности в том, чтобы «соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добивалась бы при помощи всех нравственных и материальных средств какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому права гражданина и человека». Другими словами, «народоправцы» питали надежду увлечь либералов на путь

революционной борьбы за политические свободы. Эти надежды, конечно были несбыточны. Опыт «Народной Воли» не послужил им уроком, хотя они отлично понимали, что «причиною поражения народовольчества» были не ошибки революционеров и не косность народных масс, а «холопство, отсутствие гражданского мужества и политическая незрелость тогдашнего русского общества».

На деле оказалось, что в течение десятилетия, протекшего с момента гибели народовольчества, холопства у либералов отнюдь не убавилось: «народоправцы» обратились не по адресу. Либералы не вступили на путь революционной борьбы. Окрыленные конституционными надеждами, в связи с переменой царствования, они предпочли верноподданнически припасть к стопам «возлюбленного монарха» для того, чтобы получить от него лишний удар пинка и фельдфебельский окрик, заставивший их на время отказаться от «бессмысленных мечтаний».

II.

«Освобождение»

Но несколько лет спустя идеи партии «Народного Права» все же были восприняты либералами в той их части, которая трактовала о желательности об'единения всех оппозиционных элементов для борьбы за конституцию. Что же касается революционных методов, предлагавшихся «народоправцами», то они, само собою разумеется, категорически отверглись либералами.

Журнал «Освобождение», орган земских конституционалистов и буржуазной интеллигенции, издававшийся за границей с 1902 г., стремился осуществить цели «Народного Права», стремился об'единить все оппозиционные течения для борьбы с самодержавным режимом. «Освобождение» ставило себе задачу отражать «исключительно бессословное общественное мнение», стремясь об'единить под своим знаменем все «те группы русского общества, которые не имеют возможности найти исход своему возмущенному чувству ни в классовой, ни в революционной борьбе».

Инициаторы партии «Народного Права» выступили в такой период, когда социал-демократия еще не успела превратиться в сколько-нибудь заметную общественную силу, когда об открытой революционной борьбе не могло быть и речи. Поэтому почин «народоправцев» имел свое политическое значение, как более или менее яркая попытка активного волеиз'явления буржуазной демократии. Ленин *) считал, что «Народное Право» может принести не малую пользу освободительному движению, если оно выступит, как партия не социалистическая, а чисто демократическая, не претендующая на слияние различных классовых элементов и открыто, «без ложного стыда», становящаяся на точку зрения буржуазной демократии. В начале 90-х г г. такая чисто демократическая партия могла бы сыграть положительную роль.

Иное дело «Освобождение». Оно выступило против классовой и революционной борьбы в такое время, когда общественная жизнь России уже потряслась ударами надвигающейся революции «Надклассовая» бессословная точка зрения «Освобождения», по сути дела, была направлена против классовой и революционной линии социал-демократии. Иначе и быть не могло. «Освобожденчество», пройдя через этапы легального марксизма и бернштейниады, политически самоопределялось под ударами социал-демократической критики, поэтому оно не могло не бороться

*) См. «Задачи русских социал-демократов»

против социал-демократов и против революционного рабочего движения. На антиреволюционной и противопролетарский характер «Освобождения» II с'езд РСДРП обращает специальное внимание рабочего класса,*) так как стремление «освобожденцев» совлечь демократические массы с революционного пути ясно сказывалось уже с первых дней их существования. «Освобождение» признавало только «лойяльные» средства борьбы. Оно надеялось мирным путем склонить правительство к реформам и таким образом предупредить революцию. «Призывая власть предупредить революцию своевременными и коренными реформами, мы повинуемся нашей морально-политической совести, возмущающейся царящей неправдой. Стремясь об'единить на мысли о необходимости таких реформ возможно большее число людей, мы преследуем—по нашему крайнему разумению—задачу приблизить час торжества права и правды». Отвлечь народные массы от революционной борьбы и «об'единить их на мысли о необходимости реформ»—таковы цели либералов из Освобождения». Малейший признак, указывающий на осуществление в тех или иных формах этой цели, вызывает у них величайшее ликование. «Освобождение» бьет в победные барабаны по поводу крутого поворота новой «Искры» в сторону примирительной тактики по отношению к экономистам **). Вполне резонно усмотрев в оппортунистической терпимости новой «Искры» желательные для либералов умонастроения, «Освобождение» щедро расточает хвалу Плеханову, всемерно уверяя читателей, что последний, по сути дела, говорит «освободженческим языком»... точку зрения, столь убедительно доказываемую ныне на страницах «Искры», постоянно и настойчиво развивало «Освобождение»; именно ею оно обосновывает свою позицию. Для успешности, широты и об'единенности движения нужны, как говорит автор статьи, «не только смелость, решительность и настойчивость, но и огромная осмотрительность». Нужно «умение сообразоваться с требованиями политической погоды», нужно и убеждение, что в политике все, кроме цены, может и должно быть изменчиво и потому... имеет лишь относительную ценность. Кто хочет победить, тот должен уметь не только бороться, но и собирать людей под свое знамя, а для этого нужна **уступчивость...** по отношению к тем, кто мог бы стать нашими товарищами» («Знаменательный поворот»).

Так либерал Струве нашел родственную душу в социал-демократе Плеханове В этом есть что-то пророческое.

В статье «Политика либеральной партии», читатель имеет возможность ознакомиться как с целями борьбы либералов-освобожденцев, так и тактикой этой борьбы в более конкретном и развернутом виде. «Освобождение» призывает к борьбе с самодержавием во имя монархического принципа. Оно заявляет: «Как бы кто из нас ни оценивал монархического начала, мы все безусловно отвергаем смешение этого начала с самодержавием. Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет, если не злейшего врага, то опаснейшего союзника». Для того, чтобы спасти монархию, нужно бороться против самодержавия. Здесь русский либерализм сказывается в своем чистом виде. Не менее ярко он сказывается также в тех тактических методах, с помощью которых «Освобожденцы» мыслили перекроить самодержавный режим на монархический. «Прогрессивное развитие русского земства—говорит «Освобождение»— давно уже наметило...

*) См. резолюцию об отношении к либералам.
**) См. статью Г. В. Плеханова «Чего не делать».

путь, по которому следует итти: это путь, чуждый классовых ограничений и предрассудков и определяющийся бессословным общественным мнением. Но во всяком случае задача того либерализма, который мы исповедуем, состоит в том, чтобы защищать и проводить в жизнь идею истинно либеральной, а не якобинской демократии...».

Монархический принцип, надклассовая политика, отвращение к якобинской демократии—все это означает не что иное, как смертельный ужас либерала перед грядущей революцией. Подгоняемый этим ужасом он взывает к «правящим классам», настойчиво убеждая их пойти на уступки, согласиться на реформы. «Можно с полной уверенностью сказать, что только демократическая реформа сразу введет и рабочий класс, и крестьянство в нормальное русло отстаивания своих интересов **мирными средствами законной борьбы за право**». Именно в этом «Освобождение» видело свою основную цель. Обуздать революционную стихию реформами, сбить с толку рабочих и крестьян уступочками со стороны «правящих классов»—в этом и только в этом политическая программа освобожденческого либерализма. Отсюда тоска либералов по «крупном и дальновидном реформаторе», который смело и открыто пошел бы по «примирительному пути», по пути своевременного и открытого компромисса с демократическим конституционализмом. Для русской монархии необходимость такого компромисса «есть прямо-таки вопрос существования». («Организация и платформа демократической партии»).

Совершенно очевидно, что «Освобождение» направляло свои удары не столько против царизма, сколько против революции. И нет ничего неожиданного в том, что, после революции 1905 г. в период реакции, П. Струве, тогда уже признанный столп либерализма, почуяв в Столыпине вожделенного «дальновидного реформатора», стал рупором его контрреволюционной политики, идеологически обосновывая и морально оправдывая основоположника и вдохновителя погромно-палаческих деяний третьеиюньского режима.

ВОЗЗВАНИЕ ПАРТИИ «НАРОДНОГО ПРАВА» [1]).

(Издано в начале 1894 г. Перепечатано из книги Вл. Бурцева «За сто лет». 1897 г.).

Есть момент в жизни государств, когда один вопрос занимает первенствующее место, отодвигая на задний план все другие интересы, как бы существенны они ни были сами по себе,—один вопрос, от разрешения которого в ту или другую сторону зависит будущность народа. Такой момент Россия переживает в настоящее время и такой вопрос, определяющий ее судьбы, есть вопрос политической свободы. Самодержавие, получив самое яркое выражение и олицетворение в царствование Александра III, доказало с неоспоримою ясностью свою полную неспособность создать такой порядок вещей, который обеспечил бы стране наиболее полное и правильное развитие всех ее духовных и материальных сил. Направление настоящего царствования, выраженное с особенною резкостью в «реформах» последних лет, в учреждении земских начальников, в ограничении прав органов самоуправления, а также в систематической поддержке капиталистического производства, показывает ясно, что правительство продолжает непреклонно следовать политике административного произвола и сословных интересов, не обращая никакого внимания на назревшие вопросы народной и общественной жизни. Результатом такой политики явилась общественная деморализация и общий упадок страны, последствия и развитие которых правительство уже не в силах

предотвратить. Люди, сознающие всю опасность положения, не видят иного исхода из него, кроме решительного поворота в направлении интересов масс, что возможно лишь при немедленном участии страны в управлении, т.-е. при замене самодержавия представительными учреждениями.

Так как нет и не может быть надежды, чтобы правительство добровольно вступило на указанный путь, то народу остается одно: противопоставить силу организованного общественного мнения неподвижности правительства и узким династическим интересам самодержавия. Партия **«Народного Права»** имеет в виду создание такой силы.

По мнению партии, народное право равно заключает в себе как понятие о праве народа на политическую свободу, так и понятие о его праве на удовлетворение его материальных нужд на основании народного производства. Гарантиями этого права партия считает:

Представительное правление на основании всеобщей подачи голосов.

Свободу вероисповедания.

Независимость суда.

Свободу печати.

Свободу сходок и обществ (ассоциаций).

Неприкосновенность личности и ее человеческих прав.

Принимая во внимание, что Россия не есть однородное целое, но весьма сложное политическое тело, признание права политического самоопределения за всеми национальностями, входящими в ее состав, есть необходимое условие политической свободы.

Понимая таким образом **народное право**, партия ставит себе задачею: соединить все оппозиционные элементы страны и организовать деятельную силу, которая добилась бы при помощи всех нравственных и материальных средств, какими она располагает, уничтожения самодержавия и обеспечения каждому права гражданина и человека.

Будучи убеждена, что ее стремления отвечают требованиям исторического момента, партия надеется, что ее зов найдет горячий отголосок в умах тех, кто еще не потерял чувства человеческого достоинства, в ком самодержавие еще не вытравило сознания их гражданских прав, кому стало непереносимо ярмо насилия и произвола и кому дороги общественное благо и высокие идеалы истины и справедливости.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЛАТФОРМА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ.

(«Освобождение» № 58, за 1904 г.)

Неоднократно на страницах «Освобождения» мы указывали, что необходимо упрочить и оформить существующее освободительное движение стройной организацией партии со строго обдуманной широкой и в то же время принципиально выдержанной программой. Формы партийной организации и тактики не могут быть намечаемы и устанавливаемы без наличности образовательных элементов партии, об'единенной одной **руководящей идеей**.

Такой идеей, или задачей, должна быть широкая **демократическая реформа русского государства.** Существует мнение,—и оно очень распространено в наших правительствующих кругах как реакционных, так и либеральных,—что наша страна не созрела для радикальной и широкой политической реформы. Таково также мнение о России многих иностранцев, вообще до сих пор еще часто склонных видеть в русском народе некультурную толпу, которую опасно разнуздать. На самом деле, только радикальная и широкая политическая реформа может дать прочный внутренний мир России. Скупо отмеренные и трусливо проведенные преобразования никого не удовлетворят и ни в чьих душах не зажгут того энтузиазма, который

жен для обновления застоявшейся и глубоко извращенной общественной жизни нашей страны. Ведь, конституционное преобразование приходит не слишком рано, а очень поздно.

В начале XIX в. в России можно было ввести барскую конституцию, т.-е. дав народу гражданскую, а верхам общества политическую свободу и политическую власть, в течение долгого времени управлять социальными низами, как более или менее покорной в политическом отношении массой. Теперь это невозможно. И мы будем постоянно говорить о том, что когда русскому обществу внушают принцип постепенности политического развития, то забывают, что не кто иной, как само правительство действовало наперекор этому принципу, и если теперь уже невозможны, т.-е. не осуществимы постепенные освободительные реформы, а нужно все политическое освобождение целиком, то это положение вещей является результатом реакционного упорства правительства. Чем раньше была бы проведена в России политическая реформа, тем больше ход и характер ее могли бы зависеть от правительства и правительствующих классов, тем постепеннее мог бы быть **переход от самодержавия к демократии. Теперь выбор может быть только между ними.** Не нужно при этом забывать, что происшедшее за XIX столетие резкое изменение в характере, составе и социальной окраске русской интеллигенции еще более усложняет положение. И когда русская интеллигенция была дворянской по составу, по бытовым условиям, по историческим традициям — ее совесть все-таки не мирилась ни с крепостным правом, ни с сословными привилегиями, Теперь, когда бытовые и сословные грани между интеллигенцией и народом поизгладились, когда интеллигенция идет всякими путями к народу, а народ из себя выделяет интеллигенцию— совесть русской интеллигенции никогда не примирится с политическими привилегиями. Это значит, что если политический строй конституционной России не будет утвержден на демократическом фундаменте, то управлять Россией неизбежно придется против интеллигенции, в постоянной борьбе с ней, т.-е. с огромной растратой национальных сил. В то же время всякая конституция, как бы она ни была недемократична, сама по себе создаст такие условия для борьбы **радикальных** элементов, при которых с этими элементами придется считаться все более и более, как с **непосредственными представителями народных масс.**

В конституционной России социал-демократия перестанет быть тем, чем она является теперь—интеллигентской организацией, выражающей интересы и формулирующей потребности пролетариата, а станет **подлинной** пролетарской, или **рабочей** партией. В конституционной России заговорит **от себя** и крестьянство. И то, и другое произойдет очень быстро. И можно с полной уверенностью сказать, что только демократическая реформа сразу введет и рабочий класс, и крестьянство в нормальное русло отстаивания своих интересов **мирными средствами законной борьбы за право.**

При самодержавии Россия находится в состоянии скрытой или, вернее, вогнанной внутрь народного организма, но разрастающейся вглубь и вширь хронической революции, которая неизбежно перейдет в острую форму, если не будет предпринята крупная реформа. **Маленькая конституция** может или, вернее, должна сейчас же породить дальнейшее политическое движение, которое, в случае упорства правящих классов, **неизбежно приведет к большой революции.** Если бы в современной русской монархии выдвинулся крупный, дальновидный реформатор, он смело и твердо пошел бы по единственному верному в государственном отношении, единственно примирительному пути открытого разрыва с самодержавием во имя демократического преобразования государства. Для русской монархии своевременный и открытый компромисс с демократическим конституционализмом есть прямо-таки вопрос существования...

В среде ближайших единомышленников «Освобождения» необходимость энергической борьбы за демократический характер политической реформы России не составляет предмета спора: не сомневаются они также в том, что уже настало время для образования и сплочения кадров демократической партии. Поскольку автор

«Открытого письма[2])» перед нашими друзьями и нами настаивает на этих пунктах,— он ломится в открытую дверь. Мнение его, что статьи в «Освобождении» о всеобщем избирательном праве и вообще о необходимости демократической реформы исчезли «бесследно», свидетельствует только о том, насколько он не в курсе дела. Наши друзья уже вышли из периода подготовительного обсуждения этих двух кардинальных вопросов и поглощены заботой о том, как свою политическую мысль и свою решимость действовать практически-целесообразно воплотить в реальных политических актах. Они ушли гораздо дальше автора «Открытого письма». Но если попытка последнего возбудить **подготовленное обсуждение** принципиальных вопросов и внести организационные **предложения**, к счастью для дела, является post factum, так как вопросы уже решены и предложения уже приняты, то, с другой стороны, этот голос кстати напоминает о том, что **необходимо нашей политической платформе и нашим организационным действиям придать самую широкую гласность.** Молчать в настоящее время значит терять в силе. Наша сила действительно увеличится во много раз, когда движение открыто, и перед друзьями и перед недругами, предстанет как организованное действование, одухотворенное ясной программой. Необходимо, пользуясь удивительно благоприятным во всех отношениях моментом, энергично **собирать умы вокруг широкой демократической программы** и в повышенной общественной температуре **ковать крепкую организацию.**

ПОЛИТИКА ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПАРТИИ *)

(«Освобождение» № 20/44, за 1904 г.)

Наступает время, когда нам приходится думать уже не об одних общих принципах нашей программы, но и об их детальной практической разработке. События русской жизни принимают такой быстрый и угрожающий ход, что мы можем оказаться внезапно перед перспективой общего кризиса, когда будет поздно обдумывать нашу программу и организовать средства для ее исполнения. Момент будет упущен, и русская либеральная партия, прежде чем докажет свою способность к созидательной работе, будет оттеснена в самый важный и критический момент другими элементами, более крайними и решительными.

Теперь, или никогда нам надо приступить к более обдуманному и планомерному участию в освободительном движении страны. Теперь, или никогда нам необходимо занять самостоятельную и твердую позицию, которая дала бы нам возможность в развертывающемся ходе событий сказать свое обдуманное и определенное слово и сомкнутой колонной стать на защиту тех начал, которые мы исповедуем, как священные основы либерализма.

Для того, чтобы занять такую позицию, мы должны освободить ее от всяких принципиальных колебаний и сомнений; мы должны ясно и твердо сознать наши собственные начала и отмежеваться от других направлений, которые этих начал не принимают. И, прежде всего, нам необходимо определить себя и резко отмежеваться от того мечтательного славянофильского либерализма, который считает возможным осуществить реформу русской жизни в союзе с самодержавием.

Как бы кто из нас ни оценивал монархическое начало, мы все безусловно отвергаем смешение этого начала с самодержавием. Мы признаем, что в современном русском самодержавии монархический принцип имеет если не злейшего врага, то опаснейшего союзника, что русское самодержавие, делая монархический режим игрушкой в руках бюрократической олигархии, превращая его в тормоз свободного

*) В среде лиц, стоящих практически на почве стремлений и задач, выдвинутых «Освобождением», теперь происходит усиленная работа по выяснению общих принципов и приемов либерально-демократического движения. Плодом такой работы является статья «Либеральная партия и внешняя политика» и настоящая статья. В таких статьях, в особенности в мотивировке программных принципов, сказываются всегда черты индивидуальных воззрений и симпатий авторов, хотя в данном случае это ничуть не умаляет программного значения прилагаемой статьи. **Ред.**

развития России, дискредитирует и подкапывает самую идею монархии. С самодержавием следовало бы бороться даже во имя монархии, не говоря о других принципиальных и практических основаниях.

Вот почему мы должны решительно отвергнуть всякие следы славянофильских иллюзий о возможности дальнейшего развития России на почве союза самодержавного царя с народом. Самодержавие, если оно не фикция и не патриархальное учреждение раннего государственного строя, а реальное явление, имеющее место в развитом и просвещенном государстве, неизбежно приводит не к мирному союзу с народом, не к свободному развитию всех сторон жизни, а к бюрократической опеке и полицейским мерам. Эта мысль так часто и с такой прискорбной наглядностью была подтверждена всем развитием самодержавия за последние сорок лет, что повторять теперь старую ошибку славянофилов есть изумительное недомыслие и непростительный грех перед страной.

Дело стоит совершенно ясно: если не останавливаться на полумерах, на частичных уступках, которые более запутывают, чем разрешают положение вещей, самодержавной власти для того, чтобы вступить на путь действительных реформ, не остается другого исхода, как отвергнуть самое себя. Полагать, что эти реформы, без которых нет спасения русскому народу, могут быть выполнены на почве самодержавия и в союзе с ним, значит обрекать их не только на частичную, но на полную и безусловную неудачу.

Это положение есть наша аксиома, которую нам не надо доказывать, а надо только воспринять как можно глубже и полнее во все наши действия и планы. В этом смысле наша партия, есть партия переворота, партия отрицания той политической формы, которую мы признаем безусловно отжившей и негодной. С точки зрения исторических и политических соображений, мы считаем практически полезным удержать монархическое начало в том строе, который в ближайшем будущем призван сменить русское самодержавие. Но при этом мы признаем, что только в России конституционной, только в органическом союзе с представительством страны монархический принцип может оправдать свое действительное значение.

Наше отношение к самодержавию ясно определяет и наши средства. Мы оставляем всякие иллюзии о возможности влияния на самодержавное правительство и — еще более того — о возможном сотрудничестве с ним. Там, где речь идет ни о чем ином, как об упразднении самодержавия, наивно ждать, что можно подействовать на добрую волю монарха. Самодержавно-бюрократический режим для правящих лиц представляет собою такие очевидные и осязательные преимущества, что выпустить его из рук они не решатся без настоятельной необходимости. Никакие адреса и петиции, никакие увещания и всеподданнейшие записки не повлияют на монарха, если за ними не будет стоять реальной и принудительной силы организованного общественного мнения.

Стремясь к перевороту, мы полагаем всю силу в этом: в широком и обдуманном воздействии на общественное мнение в целях подготовления его к мысли о необходимой ликвидации существующего строя. Мы признаем своим гражданским долгом широко распространить эту мысль, пользуясь для этого существующими общественными организациями, образуя новые кружки и союзы, укрепляя в себе и в других одно и то же общее убеждение. Все свои конкретные действия, все отдельные шаги в этих организациях мы должны сообразовать с одной общей целью—грядущей отменой самодержавия. Каждый такой шаг, каждое такое действие должно быть открытым или подразумеваемым протестом, или противодействием против самодержавно-бюрократического строя. Мы должны подрывать своей деятельностью все, что связано с ним, что способствует его поддержанию; мы должны поддерживать и содействовать всему, что логически клонится к его упразднению. Совокупность разнообразных конкретных действий, которая здесь подразумевается, с принципиальной точки зрения, вся охватывается одним великим и священным для нас лозунгом: свобода личности. Для этого дорогого для нас блага, самодер-

жавие есть тормоз и преграда; содействуя развитию свободы, мы этим самым выступаем на борьбу с самодержавием.

Определенная с отрицательной стороны, как партия переворота, стремящаяся к упразднению самодержавия, свое положительное основание наша партия находит в утверждении свободы, как коренного требования жизни. В этом начале мы видим не только разрешительное слово для всех назревших общественных нужд, не только самое мудрое практическое средство для современной нашей политики, но вместе с тем то основное благо общественной жизни, которое мы ценим само по себе, независимо от его практических результатов. В свободе личности мы признаем альфу и омегу нашего политического символа веры; в нашей программе это вместе и исходное начало, на котором все строится, и конечная цель, к которой все направляется. Мы считаем особенно важным настаивать на этом в русском обществе, среди которого не только реакционные, но и прогрессивные партии часто относились с пренебрежением к этому основному требованию общественности.

Не менее, чем другие оппозиционные партии, мы имеем в виду реформы экономические и социальные. В наше время либеральная программа немыслима и невозможна без широкого плана социальных улучшений, в которых и через которые свобода находит свое конкретное осуществление. Аграрная реформа, фабричное и рабочее законодательство, вся совокупность задач экономической и социальной политики должна найти место в нашей программе, но все это на почве и в связи с основным нашим началом—свободной личности.

В этой связи мы принимаем, как необходимые, и демократические последствия либерализма. Свобода, как искренний и универсальный прииции политики, есть непременно свобода всех, а не только некоторых. Демократический принцип есть логическое и нравственное последствие либеральной программы, и, как ни неясны отдаленные перспективы демократии, мы должны сказать: мы принимаем последствия вместе с основанием. Демократические последствия либерализма можно брать так или иначе, можно относиться к ним с сочувствием или опасением и, тем не менее, следует сказать: это неизбежно, неизбежно исторически и морально.

В развитии русского либерализма демократические тенденции являются и прочной исторической традицией, и насущной практической необходимостью. Всякий иной либерализм, кроме демократического, не имел бы в русском обществе почвы и не нашел бы в нем отклика. Прогрессивное развитие русского земства давно уже наметило в этом отношении путь, по которому следует итти: это путь, чуждый классовых ограничений и предрассудков и определяющийся бессословным общественным мнением. Но во всяком случае задача того либерализма, который мы исповедуем, состоит в том, чтобы защищать и проводить в жизнь идею истинно либеральной, а не якобинской демократии, чтобы в неясную перспективу грядущего внести начала истинной свободы, безусловное значение которой часто затмевается для масс, не менее чем для правящей олигархии.

Так рисуется нам впереди наш путь. Мы переживаем такое время, когда самодержавие все глубже и глубже роет пропасть себе и вносит смуту в жизнь. Чувство свободы, сознание прав личности растет и крепнет в русском обществе; тягость правительственного контроля, цензурных мер и полицейских стеснений становится все более невыносимой. Потребность в свободе все более ощущается, как неутолимый голод развитого сознания, и что бы ни говорили о неподготовленности масс,—ждать более невозможно.

Но неподготовленность масс есть только отговорка. Те, кто ссылается в данном случае на интересы масс, как-будто не видят, что самодержавная бюрократия без живого содействия общества бессильна удовлетворить неотложные нужды народа. Отказывать обществу в самодеятельности под предлогом неподготовленности масс к свободе—значит оставаться в заколдованном кругу, из которого нет исхода. Оставаться в этом кругу значит не видеть, что близорукая

политика правительства ведет Россию по прямому пути к страшным и опасным катастрофам и готовит такой стихийный и бурный разлив масс, против которого никакие задерживающие и организующие силы уже не помогут. На терроризм сверху может последовать такой страшный ответ снизу, при котором на многие и многие годы спутается и смешается нормальное течение жизни.

Ответственность за это падет не на те революционные партии, которые—худо ли хорошо ли—пытаются внести в стихийное движение масс элементы организации и порядка, а на то правительство, которое медлит с неотложными реформами, которое обостряет и питает народную смуту, которое бросает сотни миллионов народных денег на рискованные и безнадежные авантюры. Вступать в союз с таким правительством для предотвращения возможных катастроф—значит поддерживать источник той самой опасности, которую мы ищем предотвратить.

Только ясным развитием собственной оппозиционной программы, только самостоятельной тактикой, сознательно направленной к упразднению самодержавия, мы утвердим свое историческое положение и выполним свой гражданский долг.

КАК БОРОТЬСЯ С САМОДЕРЖАВИЕМ?

(«Освобождение» № 21/45, за 1904 г.).

Русская конституционная партия формируется в тот момент, когда самодержавие, казалось бы, достигло как-раз наивысшей степени развития, сделало наибольшие завоевания и проявило особенную живучесть и силу. Стоит, однако, несколько ближе присмотреться к живой действительности, чтобы убедиться, что эта сила и живучесть—мнимые, что давно уже потерявшее свой исторический смысл и значение самодержавие обладает ими единственно постольку, поскольку в стране отсутствует прочно сложившееся, достаточно могучее для успешной борьбы с самодержавием общественное мнение. В ту минуту, когда такое общественное мнение сформируется, когда от вершины до основания расшатанное самодержавие не встретит более опоры и сочувствия ни в одном сколько-нибудь значительном и влиятельном общественном слое,—в эту минуту пробьет и его последний час.

Отсюда, кажется, само собою довольно ясно определяется характер тех средств и способов, тех путей, которыми формирующаяся русская конституционная партия должна пользоваться в целях возможно скорейшего приближения этого часа. Это—те средства, способы и пути, которыми достигается мобилизация всех живых общественных сил страны, сплочение их во имя одной общей цели и в конечном итоге превращение конституционной партии из слабого меньшинства в могучее победоносное большинство. В целях такого превращения трудно придумать что-нибудь более целесообразное, чем тот образ действий, который рекомендуется Д. Ст. Миллем [3]) в нижеследующих строках: «Слабая сторона,—пишет он,—может добиться успеха не тем, что будет держаться отдельно и заставлять каждого высказаться за или против нее. Ей следует занять положение **среди большинства** и стараться привлечь к себе элементы, наиболее способные, сойтись с нею в **каком-нибудь** вопросе. Надо, чтобы она действовала в качестве одного из элементов, **всюду внося свою закваску** и присоединяя свое влияние к той стороне, которая слаба, чтобы сделать ее более сильной» («О представительном правлении», ст. 132). Всюду проникая, всюду находя точки соприкосновения с оппозиционным меньшинством, **всюду оказывая посильную поддержку и содействие самомалейшим оппозиционным проявлениям** всюду приобретая, если не сочленов, то друзей и союзников, наша конституционная партия имеет все шансы рассчитывать на то, что к ней примкнут, частью войдя в ее состав, все наиболее живые, энергичные, деятельные авторитетные элементы страны. Это откроет ей свободную возможность широко организовать систематическую неослабную партизанскую войну с абсолютизмом. Огромная же важность и сугубая полезность такой войны едва ли подлежат сомнению. Беспрерывно тревожа русское самодержавное правительство, нанося ему удар за ударом, систематически ослабляя и расшатывая самодержавный режим, партизанская война,

вместе с тем исподволь, почти незаметно, вовлечет в конфликт с самодержавием все более обширные общественные слои и в конечном итоге организует все общество в одну боевую дружину и даст ему тот боевой опыт, который так необходим ему будет в день последней решительной атаки. Едва ли нужно раз'яснять ту первостепенную роль, которая должна принадлежать в данном случае существующим уже общественным организациям: местному—городскому и земскому самоуправлению, сословным учреждениям, ученым, благотворительным и иным обществам. Заручившись в них надлежащим влиянием, русские конституционалисты не должны упускать **ни одного** случая, открывающего возможность обострить или создать конфликт между органами общественной самодеятельности и самодержавным режимом, **ни одного** повода для гласного и открытого осуждения или протеста против тех или других правительственных мероприятий. В конкретных же условиях местной жизни, наиболее близко и больно затрагивающих интересы местных людей, такие поводы и случаи имеются в изобилии. Но действуя на местах, в составе местных общественных организаций, конституционалисты должны в то же время особенно позаботиться о том, чтобы оппозиционные проявления не получили, как это часто бывает, ложного и потому, по существу, вредного для дела направления, а попадали бы в надлежащую цель. Так, между прочим, нельзя упускать из виду опасности, представляемой для общего дела всей страны чрезмерно развитым стремлением отстаивать чисто местные интересы, исключающим надлежащее понимание общих интересов. Сколь узко-местным ни был бы данный конкретный повод для оппозиционного акта, его следует прежде всего и непременно ставить в причинную связь с теми общими политическими условиями, которыми в конечном итоге определяется и вся местная жизнь. В тех же видах надлежащего целесообразного направления оппозиционных актов на конституционной партии лежит нелегкая задача—всеми доступными ей способами проводить в общественное сознание правильное представление об истинном, из самого существа самодержавия вытекающем характере отношений его к всевозможным жизненным, общественным, сословным и классовым интересам и нуждам, равно как ясное понимание органической его неспособности удовлетворить эти интересы и нужды. Поскольку, например, общество дорожит местным самоуправлением, ему надлежит по всякому поводу, при всяком случае выяснять безусловную несовместимость с абсолютизмом общественной самодеятельности вообще и надлежащего развития местного самоуправления в особенности. Оппозиционные проявления на узко сословной почве с узко сословными целями (дворянские адреса и т. п.) указывают на неотложную необходимость широко популяризировать ту истину, что сословная рознь всегда и везде вела к усилению абсолютизма и к проигрышу сословий, стремившихся к гегемонии, а в действительности обращавшихся в «привилегированных» слуг бюрократии. Промышленному классу следовало бы, опираясь на факты (зубатовщина и т. п.), поставить на вид, что нет интересов, которыми абсолютизм не пожертвовал бы ради своего спасения. Наконец, трудящимся массам нужно систематически раз'яснять, в какой мере их бесправие и беспомощность против всяческого произвола обусловливаются отсутствием у них права голоса не только в государственных, но и в местных делах.

Необходимо, однако, иметь в виду, что в какой бы мере всеобщим ни сделалось признание негодности и вреда самодержавия, но одного такого всеобщего признания еще не достаточно для того, чтобы абсолютизм пал. Люди очень часто не только мирятся с тем, негодность чего ими вполне ясно сознана, но даже выступают на его защиту из-за одной только боязни перемены известного настоящего на неизвестное и непонятное им будущее. То могучее общественное мнение, на которое опираются все надежды конституционной партии, должно не только отрицательно отнестись к самодержавию, но и положительно высказаться за идущий ему на смену конституционный строй. Только при таком условии может быть бесповоротно покончено с абсолютным режимом. Следовательно, ведя во всевозможных видах борьбу с этим режимом, конституционная партия должна в то же время приложить особенные заботы к тому, чтобы расположить общество в пользу представительного образа

правления. «Рекомендовать и защищать известное установление или форму правления,—говорит Милль,—выставлять в ярком свете их преимущества—вот один из способов и часто единственно возможный—подготовить мысль народа не только к принятию или к требованию данного установления, но и к осуществлению его в жизни». Само собою разумеется, что выяснение выгод и преимуществ конституционного режима должно иметь не один только отвлеченно-теоретический характер. Помимо общего значения режима политической свободы, следует ясно и определенно указывать те особые прямо реальные выгоды, которые проистекут из нее в отдельности для каждого из разнообразных слоев, классов и групп населения.

ПО ПОВОДУ ОДНОГО УПРЕКА.

(«Освобождение» № 7, за 1902 г.).

Нередко у нас умеренную оппозицию обвиняют в том, что она «пугает» правительство «революцией». Если рассмотреть поближе это «обвинение», то в нем не окажется ни малейшего политического смысла. Что значит в самом деле «пугать революцией»? Это значит указывать и подчеркивать необходимость серьезных уступок со стороны правительства и близких к нему общественных элементов (у нас «дворянской—soit*) disant—партии»), обращаясь к их здравому смыслу и способности понимать государственную необходимость назревших реформ. В таких случаях правительству и правящим элементам вообще говорят то самое, что некогда Александр II сказал себе самому и московским дворянам. В интересах не только дела преобразования, но и самого правительства «лучше сверху, чем снизу», лучше «мирным», чем «революционным» путем. Это—аргумент, обращенный к правительству, и если вообще обращаться к правительству имеет смысл, то и такой аргумент имеет смысл, а потому пользование им вполне законно. Можно, конечно, настаивать на том, что говорить с правительством вообще не следует, но это уже точка зрения не политическая, и мы к ней не можем присоединиться. К тому же мы считаем эту точку зрения и нравственно несостоятельной.

Конечно, против такой аргументации в пользу реформ может быть выдвинута мысль, что насильственная революция предпочтительнее мирной реформы, что «если бы народ хоть раз хорошенько проучил правительство» **), то это имело бы «гигантское историческое значение»—и потому такое направление событий есть наиболее желательное. Мы с этим взглядом решительно и безусловно не согласны и потому мы с большим удовольствием прочли в другом социал-демократическом органе **принципиальное** заявление о предпочтительности мирных средств политической и социальной борьбы перед насильственными ***). Этот взгляд, впрочем, не представляет ничего нового в истории русской революционной мысли. Он есть лишь славная традиция, заглушить которую, надо надеяться, не удастся никаким доктринам. Самые решительные русские революционеры всегда высказывались в этом смысле: в моменты самой ожесточенной и подлинной борьбы с правительством «Исполнительный комитет» партии «Народной Воли» не переставал заявлять, что он предпочитает мирные средства борьбы насильственным, и еще недавно такое же заявление сделал перед лицом смерти не кто иной, как Балмашев.

Но и помимо принципиальной предпочтительности мирных средств, есть одно соображение, которое заставляет нас желать того, чтобы коренные реформы совершились мирным путем. Мы нисколько не сомневаемся в том, что если правительство не станет на путь коренных политических и экономических реформ, то в России рано или поздно произойдет революция, и нация в буквальном смысле слова сама возьмет себе необходимые реформы. Нас страшат не только и не столько те жертвы, которыми может сопровождаться этот «революционный взрыв». Мы не

* Так называемой.

**) См. „Заря" № 2—3 статья Т. П. «Гонители земства и Аннибалы либерализма», стр. 90.

***) См. „Жизнь" № 4. Внутреннее Обозрение, стр. 188—189.

можем без негодования и скорби помыслить о тех огромных жертвах и ущербах всякого рода, которыми страна должна оплачивать каждый день охранительной политики. Да, поистине неизмеримы и ужасны они, эти жертвы не исключительного дня революционной расплаты, а серых будней существующего порядка. И если бы мы верили в близость революции, мы призывали бы ее одним ударом покончить с этим постыдным политическим истязанием великого народа. Но мы убеждены в том, что день неизбежной—при упорстве правительства—революции еще не близок. У русской оппозиции нет материальных сил, достаточных для того, чтобы сейчас самой упразднить бюрократический режим, но за ней огромная моральная сила. А русское **самодержавное** правительство, обладая огромной материальной силой, поражено полным моральным бессилием. Оно неспособно двигать вперед жизнь, оно лишено всякой творческой силы. Россия готова к коренной политической реформе и ждет ее, но элементы революции в нашей стране еще, к сожалению или к счастью, не созрели. Революция придет тогда, когда счет жертв существующего порядка будет ужасно велик, когда чаша будет переполнена. За эти жертвы не вознаградит страну никакая основательность тех преобразований, которые явятся во след революции. Таков, в кратких чертах, наш взгляд на положение России. Вот почему мы призываем мирные реформы, вот почему мы желаем уступок власти. Рисуя перед ней неизбежную перспективу революции, мы выражаем только наше научное убеждение. Призывая власть предупредить революцию своевременными и коренными реформами, мы повинуемся голосу нашей морально-политической совести, возмущающейся царящей неправдой. Стремясь об'единить на мысли о необходимости таких реформ возможно большее число людей, мы преследуем—по нашему крайнему разумению—задачу приблизить час торжества права и правды. Как бы ни считать эту правду частичной и неполной, но без ее осуществления нельзя шагу ступить—и потому ей принадлежит первенство в ряду исторических задач современной русской жизни.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЙ ПОВОРОТ.

(Независимый «Освобождение» № 13—37, за 1903 г.)

«Освобождение» до сих пор воздерживалось от полемики с органами наших революционных партий и от критического разбора различных революционных и оппозиционных направлений. Отдавшись всецело борьбе с самодержавием и с его представителем—современной правительственной бюрократией—и усматривая в этой борьбе великую общенациональную и даже общечеловеческую задачу, которую история возложила в настоящее время на русских граждан, оно не имело ни времени, ни охоты заниматься теоретическими прениями по социально-философским вопросам, различное понимание которых разделяет на фракции оппозиционное движение и, к несчастью, вносит междоусобную борьбу в ряды естественных сотрудников и союзников по тяжелому и ответственному делу культурного возрождения нашей родины. Если я решаюсь отступить от этой тактики, принципиальную правомерность которой я безусловно признаю, и хочу поделиться с читателями «Освобождения» мыслями по поводу одной статьи «Искры», то только потому, что статья эта *) представляется мне крупным и исключительным событием, общественное значение которого должно быть сознано представителями всех групп нашей оппозиции. Указанная статья посвящена непосредственно исследованию вопросов внутреннего распорядка деятельности социал-демократической партии и, таким образом, повидимому, могла бы иметь жгучий интерес только для членов партии, как их личное товарищеское дело. Автор статьи разбирает вопрос об отношении «центра» партии к ее филиальным организациям и отдельным членам и рекомендует соблюдать при этом, в интересах самой партии, терпимость, уступчивость и такт. Но соображения, которыми автор обосновывает это мнение, настолько принципиальны и широки, что выходят

*) «Искра» № 52, от 7 ноября 1903 г., передовая статья «Чего не делать.»

далеко за пределы социальных вопросов организации данной партии и приводят читателей прямо к общему вопросу о соотношении между различными политическими направлениями и к еще более общему вопросу о характере всякой вообще политической деятельности. В виду практической важности этих мыслей и в интересах читателей «Освобождения», которым «Искра» недоступна, приводим здесь in extenzo*) наиболее характерные места статьи, откидывая детали, касающиеся исключительно партийных злоб дня:

«В нашем центре нам нужны люди, отличающиеся не только смелостью, решительностью и настойчивостью, но также и огромной **осмотрительностью**. Они должны быть поистине **мудры как змии**. Но первым признаком политической мудрости является уменье считаться с данным положением дел. Кто не обладает таким уменьем, тот не рожден для политической деятельности и тот поступит благоразумнее, если будет отклонять от себя всякие ответственные политические роли. Политика требует от людей, занимающихся ею, большой гибкости ума; она не знает неизменных, раз-навсегда данных правил. Это само собою разумеется, но об этом не бесполезно напомнить теперь, когда в нашей среде стала распространяться склонность к подобным правилам, грозящая принести большой вред нашей партии. Мы знаем, что эта склонность вышла из весьма почтенного источника. Она возникла как реакция против беззаботности насчет политических принципов... Но эта реакция, к сожалению, в свою очередь, приводит к совершению нежелательной крайности и обещает придать всему нашему политическому мышлению... **метафизический** характер...» Прямолинейность тем более опасна здесь, что легко может быть принята за **твердость характера**, с которой она, на самом деле, не имеет ровно ничего общего, гораздо легче уживаясь с обыкновенным упрямством, отнюдь еще не обеспечивающим ни ясности политической мысли, ни твердого стремления к раз намеченной цели; известно ведь, что прямолинейные и упрямые люди часто бывают непостоянны. В политике неизменные, раз-навсегда принятые правила неизбежно и быстро ведут к **поражению**. Кто хочет стать достойным **победы**, у того должно оставаться неизменным одно только желание—во что бы то ни стало прийти к своей цели. Все остальное у него может и должно быть изменчиво, потому что все остальное имеет для него лишь **относительную** ценность... Наш центр должен обладать большим запасом **воинственности**: воинственность необходима ему, как представителю революционного класса. Но там, где интересы нашей партии требует **мира**, он обязан быть **миролюбивым**, **мягким и уступчивым**. Руководитель организованного пролетариата, отстаивающий дело первостепенной важности, **не имеет права** поддаваться своим воинственным **наклонностям**, когда они противоречат **политическому расчету**... Резкость хороша только там, где она уместна. Неуместная же резкость достойна скорее Собакевича, чем «ортодоксального» социал-демократа... В настоящее время, когда наша партия вышла,—или, по крайней мере, готовится выйти—из своего детского возраста, нам не мешало бы бросить критический взгляд на свои собственные политические представления и спросить себя, нет ли между ними таких, которые приличны только детям. Такие представления, несомненно, существуют. Укажем пока одно из них. У нас многие привыкли думать, что социал-демократ должен быть неуступчив, если не желает грешить оппортунизмом. Но неуступчивость неуступчивости рознь, и есть такая неуступчивость, которая, **по своим практическим последствиям**, равносильна самому нежелательному виду **уступчивости**. Неуступчивость по отношению к тем, которые могли бы стать нашими товарищами, делает нас менее сильными в борьбе с такими противниками, которые нашими товарищами никогда не будут. Пользуясь нашею слабостью, эти противники захватывают такие позиции, которые принадлежат нам по праву. И выходит, что ложный стыд перед уступчивостью делает нас поневоле уступчивыми там, где неуступчивость становится обязательною».

*) Вкратце.

Далее, говоря о «**сектантском духе исключительности**», следы которого автор, впрочем, усматривает только «во взаимных отношениях организованных фракций пролетариата», он замечает:

«Этот сектантский дух составляет одновременно одно из следствий и одну из причин слабости социализма. Великие интересы рабочего класса требуют от нас, чтобы мы сделали все человечески возможное для устранения из нашей среды такого вредного духа. Теперь это нужнее, чем когда бы то ни было».

Свои соображения автор резюмирует в следующих словах:

«Все течет, все изменяется. Наши приемы деятельности тоже не могут оставаться без перемен. Чеховский «человек в футляре» был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. Нам, социал-демократам, футляры не к лицу, и было бы очень смешно и очень плохо, если бы мы не сообразовались с требованием политической погоды».

Мы отнюдь не думаем, что автор статьи ясно сознавал то значение, которое имеют развитые им мысли сами по себе, независимо от ограниченной практической задачи, преследуемой ими в настоящей статье. Мы не будем утверждать, что в приведенных словах содержится отречение от принятой тактики социал-демократической партии,—отречение, которое мы могли бы только приветствовать, но которое в глазах единомышленников автора было бы преступной изменой. Наоборот, мы полагаем, что так как мысли эти выясняют общие условия всякой успешной политической борьбы, каковы бы ни были цель и содержание последней, то их может и должен признавать всякий политический деятель, оставаясь при своих принципиальных убеждениях. Но именно эта независимость развитых автором мыслей от его личных политических убеждений дает нам право вдуматься в то, что эти мысли значат сами по себе, и отметить те выводы, которые из них об'ективно вытекают, но которые не решается сделать их автор.

Статья веско и неопровержимо доказывает, что **радикализм требований не тождествен и не связан необходимо с радикализмом приемов осуществления требований.** Открытое и решительное заявление этой мысли, хотя бы с частной целью и без признания всех вытекающих из нее выводов, составляет несомненную заслугу сотрудника «Искры» и отрадный симптом победы реалистического понимания над доктринерским утопизмом. И в высшей степени важным общественным событием, все значение которого нельзя сейчас даже и предвидеть, было бы широкое и всестороннее признание этой мысли в рядах наших революционеров. Именно эту точку зрения, столь убедительно доказываемую ныне на страницах «Искры», постоянно и настойчиво развивало «Освобождение», именно ею оно обосновывает свою позицию. Для успешности, широты и об'единенности движения нужна, как говорит автор разбираемой статьи, «не только смелость, решительность и настойчивость, но и огромная **осмотрительность**», нужно уменье «сообразовываться с требованиями политической погоды», нужно убеждение, что в политике все, кроме цели, «может и должно быть изменчиво и потому... имеет лишь **относительную** ценность». Кто хочет победить, тот должен уметь не только бороться, но и собирать людей под свое знамя, а для этого «нужна **уступчивость**... по отношению к тем, кто могли бы стать нашими товарищами», нужно сознание, что «резкость Собакевича» не есть идеал политической мудрости. Все это издавна проповедуется «Освобождением», но до сих пор плохо воспринималось революционерами; быть-может, развиваемые на страницах «Искры» идеи эти найдут большое распространение и будут встречены революционерами с меньшим предубеждением.

Разногласие начинается в вопросе о широте применения этой идеи. Для «Освобождения» описанный характер политической деятельности есть необходимое условие ее успешности и потому должен быть признан в самых широких размерах. Социал-демократы, если судить об их настроении по статье «Искры», признают эти требования реалистической политики только по отношению к организации

их партии, но отнюдь не в применении ко всему освободительному движению. Непоследовательность этой точки зрения ясно вытекает из соображений, развитых указанной статьей «Искры». Уступчивость, тактичность, терпимость нужны для об'единения всего освободительного движения не менее, чем для об'единения социал-демократического движения. Но нужно ли вообще об'единенное освободительное движение—вот в чем сомневаются и что даже решительно отрицают социал-демократы, как и большинство революционеров вообще. Эти сомнения и это отрицание свидетельствуют о власти над сознанием революционеров того самого утопизма, с которым борется в настоящее время «Искра». В них отражается старое бунтарское представление о революции, как о насильственном перевороте и преодолении самодержавия, так сказать, физической силой народных масс. Это утопическое и устарелое представление теоретически давно уже разрушено даже в среде социал-демократии, которая решительно отвергла «бланкизм» и в лице Энгельса об'явила, что некогда победоносная уличная борьба на баррикадах при настоящих условиях может привести только к поражению, а не к победе [7]). Между тем, именно эта вера в силу массовой уличной борьбы, инстинктивно сохранившаяся в умах революционеров, заставляет их открещиваться об общения с слоями, которые, по их расчету, не примут участия в насильственной революции, видеть в них своих врагов и отталкивать их от себя. Кто не верит в насильственную революцию, при которой одна пушка в руках правительства может положить на месте сотни и тысячи борцов за свободу, кто трезво смотрит на вещи, тот знает, что самодержавие может пасть только под общим действием восставшего против него освободительного общественного мнения. Как бы ценно ни было для достижения политической свободы рабочее движение, оно одно, имея против себя остальную часть общественного мнения, **никогда** не одолеет самодержавия. В современной политической борьбе важна не только численность противников самодержавия, но и их влиятельность. Худа или хороша, с точки зрения революционеров, наша мирная либеральная оппозиция, ее сочувствие и поддержка для них безусловно необходимы. Демонстрация немногих либералов на земском собрании состоящая в спокойном, но решительном требовании политической свободы, столь же важна, как уличная демонстрация рабочих с красными знаменами и криками «долой самодержавие»! И поэтому, кто серьезно относится к политической борьбе, кто осуществление цели ставит выше славы своей партии, кто верит, что достижение политической свободы есть со всех точек зрения первая и настоятельнейшая задача русского революционного движения, тот будет стремиться к об'единению освободительного движения и содействовать ему теми же приемами, которые рекомендуются социал-демократическим публицистом в целях об'единения его партии. Россия должна быть освобождена от политического рабства во чтобы то ни стало,—anche codiavolo (хотя бы с помощью чорта), как гласит итальянская поговорка, говорившая об освобождении Италии; и пора нашим революционерам не пугать себя и других «чортом» либерализма, а сойтись с ним поближе и воспользоваться его содействием. Пора понять им, как нелепо в борьбе с правительством отталкивать от себя своего естественного союзника—общество, которое, конечно, не может быть целиком революционно и социалистично, но которое, если с ним считаться, воспитывать его и привлекать на свою сторону, несомненно будет на стороне врагов самодержавия и своей коллективной силой перетянет чашу политических весов в сторону свободы.

До всего этого, кажется, еще далеко; консервативная сила традиций, сила устаревших предрассудков, по странной иронии судьбы, нигде в России не пустила таких крепких корней, как в среде радикалов и революционеров. Отсутствие «гибкости ума», упрямство и прямолинейность почитаемые как «твердость характера», воинственность, даже где она противоречит «политическому расчету»,—все эти качества, на которые справедливо сетует публицист «Искры, вероятно, еще надолго помешают революционерам убедиться в справедливости развиваемых этим публицистом взглядов и в необходимости еще более широкого их применения, чем то, которое рекомендуется автором отмеченной нами статьи. Но сама статья сохраняет все свое значе-

ние, как симптом медленного, но, если мы не ошибаемся, неизбежного сближения и об'единения оппозиционных сил русского общества. Нам особенно ценно, что взгляды автора статьи суть не отвлеченные убеждения, а, наоборот, вопреки всем теоретическим положениям были, так сказать, с бою завоеваны самой жизью, вынуждены теми неумолимыми требованиями, которые она пред'являет к реальной политической работе русских революционеров. Именно в этом лежит ручательство, что эти взгляды не погибнут, а разовьются и будут широко практически использованы. Русский же либерализм должен со своей стороны сделать все возможное, чтобы содействовать этому процессу. А для этого необходимо одно: развитие активности и энергии политической деятельности, чтобы убедить последних маловерных, что русское общество в его целом, а не только революционные его слои, есть политическая сила и как враг, и как союзник.

ПРОТОКОЛ КОНФЕРЕНЦИИ ОППОЗИЦИОННЫХ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА.

(Перепечатан из «Листка Освобождения» № 17, за 1904 г.).

По инициативе нескольких членов финляндской оппозиции, следующие группы и организации получили приглашение участвовать в общем совещании для обсуждения способов возможного согласованного действия, для достижения целей, которые могли бы оказаться общими для всех этих организаций.

1. Российская Социал-Демократическая Рабочая Партия, 2. Партия Социалистов-Революционеров, 3. Польская Социалистическая партия, 4. Всеобщий Еврейский Рабочий Союз, 5. Социал-Демократия Польши и Литвы, 6. Польская Социалистическая Партия «Пролетариат», 7. Литовская Социал-Демократическая Партия, 8. Латышская Социал-Демократическая Рабочая Партия, 9. Союз Латышской Социал-демократии, 10. Украинская Социал-Демократическая Партия, 11. Украинская Революционная Партия, 12. Грузинская Партия социалистов-федералистов-революционеров, 13. Армянская Социал-Демократическая Рабочая Организация, 14. Белорусская Социалистическая громада, 15. Армянская революционная федерация, 16. Союз Освобождения, 17. Польская Национальная Лига, 18. Финляндская Партия активного сопротивления.

Из перечисленных групп, выразивших вначале принципиальное согласие участвовать в конференции; явились, делегаты 8 организаций: Партии Соц.-Рев., Польской Соц. Партии Латышской Соц.-Дем. Рабочей Партии, Грузинской Партии социалистов-федералистов-революционеров, Армянской революционной федерации, Польской Национальной Лиги, Финляндской Партии активного сопротивления и Союза Освобождения. Три организации: Р.С.Д.Р.П, Соц.-Дем. Польши и Литвы и Украинская Революционная Партия прислали мотивированный отказ от участия в конференции. Остальные группы, по причинам для конференции пока неизвестным, не прислали своевременно своих делегатов.

Группы, принимавшие участие в конференции, пришли к заключениям, изложенным в настоящем протоколе, скрепленном в оригинале подписями всех участвовавших в совещаниях делегатов, при чем представитель Латышской Соц.-Дем. раб. партии заявил, что принимает все результаты конференции ad referendum *).

Прежде всего собрание согласилось положить в основание всех последующих рассуждений следующие руководящие мотивы и принципы:

1. Настоящий момент политической жизни России является моментом особенного обострения политической борьбы. С одной стороны, быстрый рост оппозиционных и революционных сил, с другой—фактическая дезорганизация существующей власти и вырождение существующего режима делают вопрос о его ликвидации и насущным, и своевременным. В виду этого согласованное действие различных групп, борющихся против этого режима, является особенно желательным.

*) К докладу.

2. Настоящая попытка соглашения оппозиционных и революционных групп является первой, и желательно обставить ее так, чтобы результатом ее было не констатирование всем известных принципиальных разногласий, разделяющих партии, а выяснение тех общих пунктов, которые могут послужить основной для согласованного действия в данный исторический момент.

3. Для достижения этой цели конференция признала необходимым:

а) Ограничить суждение настоящего совещания установлением того минимума общих идей и целей, который уже в настоящее время входит в состав программ совещающихся партий и выяснение которого оставляет неприкосновенными все пункты программы и все тактические приемы каждой отдельной партии.

б) Поставить, однако, задачей при установлении этого общего фонда идей и целей не одно только констатирование общности некоторых более или менее отвлеченных принципов, но также, по возможности, и достижение конкретного соглашения по некоторым очередным вопросам политической борьбы.

Исходя из принятых таким образом общих положений, собрание обсудило возможные пункты соглашения и координированного действия, главным образом, по следующим трем рубрикам: политический строй, вопрос о национальностях и вопрос о средствах борьбы.

1. По вопросу о политическом переустройстве, к которому одинаково стремятся представленные группы, оказалось возможным констатировать, что совместною целью борьбы может быть не только отрицательная задача—ниспровержение самодержавия. и не только общая формула политической свободы и основных прав, но что общим для различных совещающихся партий является также и стремление осуществить политическое переустройство в духе демократизма. Как осязательное доказательство общего стремления партий к демократическому политическому преобразованию, является констатированное конференцией одинаковое для всех совещающихся партий признание, что основным принципом для народного представительства должно быть всеобщее избирательное право.

2. Что касается национального вопроса, констатировано было общее желание применить демократическую идею и к установлению общего взгляда на решение этого вопроса. Не входя в более подробное обсуждение спорного пункта о той роли, которую национальному вопросу суждено сыграть в установлении будущего государственного права преобразованного российского государства, собрание сочло возможным, однако, констатировать, что все участвующие в конференции партии при разрешении национального вопроса сходятся в признании за каждой народностью права на национальное самоопределение и на гарантированную законами свободу национального развития. Собрание единодушно признало, что настоящий режим является не организацией мирной совместной культурной работы различных национальностей, а организацией насилия, одинаково тяготеющего над всеми национальностями. Борьба против руссификаторских стремлений, извращающих самые основы общественной жизни окраин, и против разжигания национальной вражды должна быть поставлена на ряду с борьбой против агрессивной внешней политики, так как то и другое одинаково имеет целью отвлечь внимание общественного мнения от вопросов внутренней политики, чтобы сколько-нибудь протянуть существование настоящего режима.

3. По вопросу о способах действия было констатировано, конечно, прежде всего, то разнообразие их, которое вытекает из различного характера, состава, задач и обстановки деятельности различных партий, но в то же время было констатировано и то, что самое это разнообразие, в известной мере, может являться условием общего успеха и что, следовательно, в данном случае полная свобода действий для всех партий не только не противоречит, но, напротив, находится в полной гармонии с их намерениями координированного действия. Первым и весьма важным шагом на пути таких согласованных действий конференция признает уже самое опубликование настоящего протокола совещаний представленных на ней организаций. Для сообщения решениям собрания еще большей публичности, конференция

выработала также короткую декларацию общих совещавшимся партиям принципов; декларация эта прилагается к настоящему протоколу.

Прения и решения по вопросу о дальнейших согласованных действиях не подлежат опубликованию.

II. ДЕКЛАРАЦИЯ.

Принимая во внимание:

1. Что самодержавный режим является роковым препятствием для прогресса и благосостояния как русского народа, так и всех других национальностей, угнетаемых царским правительством, и представляет собою, при современном состоянии культуры, нелепый и вредный анахронизм.

2. Что борьба против этого режима могла бы вестись с гораздо большей энергией и успехом, если бы действия различных оппозиционных и революционных партий как русских, так и нерусских, были координированы.

3. Что настоящий момент является особенно благоприятным для согласованных действий всех этих партий против самодержавного правительства, дискредитированного и обессиленного ужасными последствиями вызванной его авантюристской политикой войны, представители Союза Освобождения, Польской национальной лиги, Польской социалистической партии, Партии социалистов-революционеров, Грузинской партии социалистов-федералистов-революционеров, Армянской революционной федерации и Финляндской партии активного сопротивления, собравшись на конференции оппозиционных и революционных организаций, пришли к единогласному решению сделать от имени всех этих организаций следующее заявление:

Ни одна из представленных на конференции партий, соединяясь для согласованных действий, ни на минуту не думает тем самым отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических приемов борьбы, соответствующих потребностям, силам и положению тех общественных элементов, классов или национальностей, интересы которых она представляет.

Но в то же время все эти партии констатируют, что следующие основные принципы и требования одинаково признаются всеми ими:

1. Уничтожение самодержавия; отмена всех мер, нарушивших конституционные права Финляндии.

2. Замена самодержавного строя свободным демократическим режимом, на основе всеобщей подачи голосов.

3. Право национального самоопределения; гарантированная законами свобода национального развития для всех народностей; устранения насилия со стороны русского правительства по отношению к отдельным нациям.

Во имя этих основных принципов и требований представленные на конференции партии соединят свои усилия для ускорения неизбежной гибели абсолютизма, одинаково несовместимого с достижением всех тех дальнейших разнообразных целей, которые ставит себе каждая из этих партий.

III. ОТ СОЮЗА ОСВОБОЖДЕНИЯ.

По поводу двух опубликованных выше документов, **Союз Освобождения** считает нужным заявить, что представители его, присутствовавшие на конференции и подписавшие ее подлинные заявления, руководились при этом следующими общими принципами, принятыми в основание для деятельности Союза на первом же общем его с'езде.

Союз Освобождения ставит своей первой и главной целью политическое освобождение России. Считая политическую свободу даже в самых минимальных ее пределах совершенно несовместимою с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться, прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима. При определении конкретных форм, в которых конституционный режим может быть осуществлен в России, **Союз Освобождения** употребит все усилия, чтобы политическая проблема была решена в духе

широкого демократизма и, прежде всего, признает существенно необходимым положить в основание политической реформы принцип всеобщей, равной, тайной и прямой подачи голосов.

Ставя на первый план требования политические, **Союз Освобождения** признает необходимым определить свое принципиальное отношение к социально-экономическим проблемам, выдвигаемым самой жизнью: в области социально-экономической политики Союз будет руководиться тем же основным началом демократизма, ставя прямой целью своей деятельности защиту интересов трудящихся масс.

В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование.

ПРИМЕЧАНИЯ К РАЗДЕЛУ.

1. **Партия «Народного Права»**—партия мелкобуржуазной интеллигенции народнического толка, основанная в 1883 г. М. А. Натансоном, Аптекманом, Тютчевым, Гедеоновским, Манцевичем, Б. Черновым и др. Близко стояли к ней и поддерживали ее Н. К. Михайловский, Вл. Короленко и А. Богданович. Народоправцы отказывались от борьбы за социализм и своей задачей—«насущным вопросом» считали безоговорочное об'единение всех оппозиционных и революционных сил в борьбе с самодержавием, во имя политической свободы.

2. **Автор «открытого письма»** в редакцию «Освобождения» (№ 58, за 1904 г.) считает, что «Освобождение» должно заняться созданием политической партии либералов с программой «всеобщего, равного избирательного права во все представительные учреждения будущего свободного политического строя».

3. **Дж. Ст. Милль (1806—1873)**—английский экономист и философ, последователь классической школы политической экономии, автор «Оснований политической экономии», носящей на себе печать значительного эклектизма и вульгаризации. Русский перевод «Оснований» Милля был сделан Н. Г. Чернышевским, который снабдил их толкованиями и замечаниями в духе утопического социализма.

4. **Статья В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма»**, направленная против П. Струве, который в предисловии к записке Витте «Самодержавие и земство», требовал от самодержавия «права и гласное всероссийское земство».

5. **«Жизнь»**—легально-марксистский журнал, издававшийся с 1899 по 1901 г.

6. **Статья Г. В. Плеханова «Чего не делать»**, написана после выхода В. И. Ленина из редакции «Искры» (Ленин, т. IV. Почему я вышел из ред. «Искры»). Плеханов кооптировал представителей «меньшинства» в состав редакции «Искры» и Совет партии, и в статье «Чего не делать» старается обосновать свою примиренческую позицию. В этой статье Плеханов пишет, что «разногласия так **несущественны**, что горячиться и ссориться из-за них совсем не стоит». Через некоторое время Плеханов с большим запозданием оповещает, что у него с «большинством» не только организационные, но и тактические разногласия. Подвергает резкой критике «Что делать» Ленина, как «слабую во всех отношениях брошюру». «Рабочий класс и социал-демократическая интеллигенция». (Плеханов, Собр. сочин., т. XIII).

7. **Речь идет о введении Ф. Энгельса к брошюре Маркса «Классовая борьба во Франции от 1848 до 1850 г.».** Некоторые формулировки Энгельса в предисловии дали повод оппортунистам истолковывать точку зрения Энгельса как отказ от революционных методов борьбы пролетариата, невозможность вооруженного восстания и баррикадных боев при наличии всеобщего избирательного права. Энгельс протестовал против такого истолкования его предисловия. Дело в том, что по настоянию ЦК германской С. Д. партии, опасавшегося навлечь на партию новые репрессии, Энгельс согласился смягчить в тексте некоторые выражения, но ЦК без ведома Энгельса вычеркнул все боевые формулировки, и первоначальный текст Энгельса оказался иска-

женным. Вычеркнутые ЦК германской С. Д. из «Введения» строки опубликованы только в 1924 г. в Советской республике. («Архив К. Маркса» и Фр. Энгельса кн. I Д. Рязанов. Введение Энгельса к «Классовой борьбе во Франции»).

8. **Конференция оппозиционных и революционных организаций российского государства**—явилась результатом усиления оппозиционных настроений среди либеральных элементов страны, под влиянием поражения царского правительства в русско-японской войне и приближения революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От составителей. 3

I. ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ И ЭКОНОМИЗМ.

Легальный марксизм и экономизм, как истоки оппортунизма в рядах Российской Социал-демократии 5
Ревизия П. Струве философии марксизма 11
П. Струве против марксистской теории государства. 12
П. Струве о причинах обнищания деревни и дифференциации крестьянства. 13
П. Струве как апологет русского капитализма 14
П. Струве против ортодоксальной нетерпимости. 17
Об агитации 21
Credo 31
«Раб. Мысль». Передовая статья из № 1 «Рабочей Мысли» 34
» Статья из № 3 «Р. Мысли» за 1899 г. 35
«Р. М». Наша действительность. 36
Программа С. Петерб. Союза борьбы за освобождение рабочего класса (Р. Мысль № 11 за 1901 г.). 38
Две стачки («Р. Мысль», № 5, 1899) 41
Сенатское решение по делу максвельцев («Р. Мысль», № 8, 1900 г.) . . . 43
Устав раб. кассы («Р. Мысль», № 1, 1897 г.). 45
Раб. Дело. (От редакции из № 1 «Р. Дела») 46
Два с'езда 49
Б. Кричевский. Экономическая и политическая борьба в русском рабочем движении 51
А. Мартынов. Очередные вопросы 62
» Обличительная литература и политическая борьба 65
Б. Кричевский. Принципы, тактика и борьба. 79
Ответ ред. «Р. Дела» на «Письмо» П. Аксельрода и «Vademecum» Г. Плеханова 96
Послесловие от ред. «Р. Дела» к протесту российских соц.-демократов. . 100
Историческое обоснование «Теории стадий« (Из брошюры Акимова «Очерк развития соц.-дем. в России», 1906 г.) 101
Акимов. Диктатура пролетариата (Из брошюры «К вопросу о работах II с'езда Р. С. Д. Р. П.). 119
Примечания к разделу 130

II. МАХАЕВЩИНА.

Что такое махаевщина?. 142
А. Вольский. Марксизм в России. 143
Примечания к разделу 159

III. МЕНЬШЕВИЗМ.

Корни меньшевизма 161
П. Аксельрод. Задачи раб. интеллигенции в России 168
» Из послесловия к брошюре «Об агитации» (1896). 179
» Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России 180
» К вопросу о современных задачах и тактике русских соц.-демократов 194
» Об'единение российской соц.-демократии и ее задачи. . . 206
Р. Люксембург. Организационные вопросы русской соц.-демократии. . . 219
Старовер. Наши злоключения. 230
Л. Мартов. Борьба с осадным положением в Р. С. Д. Р. П. 240
» Вперед или назад. 254

Стр.

Л. Мартов. Пробуждение демократии и наши задачи 274
» На верном пути 275
» Раб. класс и бурж. революция. 277
Ф. Дан. Итоги правительственной весны 278
Примечания к разделу 280

IV. СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ.

Партия социалистов-революционеров накануне революции 1905 г. 288
Протоколы (программа) первого с'езда партии соц.-революционеров . . . 293
С. Григорович. Социалисты-демократы и социалисты-революционеры (Послесловие к брошюре «Наши задачи», 1900 г.) 298
Характеристика современного крестьянского движения («Рев. Россия». № 13, 1902 г.) 309
Социализация земли и кооперация в сельском хозяйстве («Р. Россия», №№ 14—15, 1902 г.) 313
Аграрная программа русской социал-демократии («Р. Россия», № 38, 1903 г.) 326
Террористический элемент в нашей программе («Рев. Россия», № 7, 1902 г). 333
Примечания к разделу 340

V ЛИБЕРАЛИЗМ.

Либерализм накануне 1905 г. 344
Воззвание партии «Нар. Право» (1894 г.). 347
Организация и платформа демократической партии («Освобождение» № 58, 1904 г.). 348
Политика либеральной партии («Освобождение», № 20/44, 1904 г.). 350
Как бороться с самодержавием («Освобождение», № 21/45, 1904 г.) . . . 353
По поводу одного упрека («Осв.», № 7, 1902 г.) 355
Знаменательный поворот 356
Протокол конференции оппозиционных и рев. организаций Российского государства («Листок Осв.», № 17, 1904 г.) 360
Примечания к разделу 363

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Коммунистического Ун-та им. Я. М. СВЕРДЛОВА.

ПРАВЛЕНИЕ: Москва—«55», Миусская площадь, д. 2.
ТОРГСЕКТОР: Москва—«6», Мал. Дмитровка, 6.
Телеф.: Правления—5-68-57, Торгсектора—3-04-87.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Страницы из истории ВКП(б.)—Атлас 26 табл., монтажей и картограмм. Составл. Парткабинетом Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова. 2-е изд. 4 р. 85 к.
Строительство ВКП(б).—В диаграммах и схемах, с об'яснительным текстом. Составлено кабинетом Партстроительства Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова . . . . . 3 р. 60 к.
Советское строительство.—В диаграммах и схемах. 29 диаграмм, с пояснит. текстом. Составл. кабинетом Совстроительства Ком. Ун-та им. Я. М. Свердлова. 2-е испр. изд. . . . . 2 р. 95 к.
Развитие народного хозяйства СССР за 1913—1928 г.г. в диаграммах. 42 таблицы с об'яснит. текстом. Составлено Эконом. Кабин. Коммун. Ун-та им. Я. М. Свердлова под ред. **Л. Я. Зимана.** 3-е испр. и дополн. издание . . . . . 4 р. 25 к.
То же.—Малый размер . . . . . 1 р. 70 к.
Баренгольц, М. Мировое хозяйство в цифрах и диаграммах. Под ред. В. П. Милютина. Серия I.—Удельный вес важнейших государств в мировом хоз-ве. . . . . — р. 65 к.
Серия II.—Мировое сельское и лесное хозяйство . . . 1 р. 35 к.
» III.—Мировая промышленность. . . . . 1 р. 35 к.
Как работать с книгой.—Сборник под ред. М. Н. Лядова. 7-е испр. и дополн. издание . . . . . — р. 75 к.
Основы советской экономической политики.—Сборник статей под общ. ред. **В. П. Милютина.** Ч. I. 2-е испр. и доп. изд. . . . 1 р. 75 к.
То же, часть II. . . . . 1 р. 40 к.
Кушнер, П.—Очерк развития общественных форм. 5-е изд. . . . 3 р. 50 к.
Его же.—Пять общественных укладов . . . . . — р. 19 к.
Что читать о современных разногласиях в партии.—Указатель литературы с примечаниями. Составил Ф. Андерсон. . . . — р. 25 к.
Пиши грамотно.—Таблицы по правописанию слов и знаков препинания. Пособие для совпартшкол, общеобразовательных школ и кружков взрослых. Доп. ГУС'ом. 3-е издание. . . . . — р. 60 к.
Логутов, Н. Ф.—Сборник упражнений для изучения русского правописания. 3-е испр. и доп. изд. . . . . 1 р. 20 к.
Русский язык в комвузах. Под ред. **П. Дуделя:**
Часть I.—Грамматика. . . . . 1 р. 30 к.
» II.—Теория и практика литературной речи. . . . 2 р. — к.
Сергеев, В.—Феодализм и торговый капитализм в античном мире. Под ред. П. Кушнера. . . . . 1 р. 95 к.
«Ленинская учеба» № 1, 4—5 и 6.—Орган Правления и Бюро Ячейки ВКП(б) Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова. Статьи по вопросам методики и организации партучебы . . . . . 50 к., 1 р. и 70 к.
Методический сборник по курсу биологии. Состав. колл. препод. Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под редакцией проф. Завадовского. 2 р. 50 к.
Пржеборовский, Я. С. проф.—Краткий курс химии. Реком. ГУС'ом. . 1 р. 85 к.
Тимирязев, А. К., проф.—Физика, ч. I. Иллюстр. Реком ГУС'ом. . — р. 90 к.
Его же.—Физика, ч. II. Иллюстр. Реком. ГУС'ом. . . . . 1 р. 30 к.
Бенэ, Н.—Радиопередача и прием. Физические основы. Предисл. проф. Тимирязева, А. К. . . . . 1 р. 30 к.
Морозов, Н. и Юньев, И.—Хрестоматия по экономгеографии. Под ред. и с предисл. Н. Н. Баранского. Том I—Методология и мировое хозяйство. 2-е испр. и доп. издание. . . . . 2 р. 65 к.
Вып. II.—Народное хозяйство СССР Доп. ГУС'ом. . 4 р. 20 к.
Ванаг, Н. И.—Финансовый капитал в России накануне мировой войны 2-е издание. . . . . 1 р. 20 к.
Ронин, С.—Иностранный капитал и русские банки. С предисловием Крицмана. . . . . 1 р. 30 к.
Материалы по истории революционного движения на Западе. Вып. II—«1848 год». Под редакц. Г. И. Гордона. . . . — р. 50 к.
Лядов, М.—Наша первая революция. Популярный очерк. . . — р. 20 к.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Лядов, М.—Из жизни партии в 1903—1907 гг. Воспоминания. . . 1 р. 20 к.
Его же.—Как начала складываться ВКП(б). . . . . — р. 85 к.
Горин, П.—Очерки из истории Советов Раб. Деп. 1905 года. . . — р. 60 к.
Рындич, П.—Лабораторный план и коммунистич. воспитание . . — р. 55 к.
Покровский, М. Н.—Внешняя политика России в XX веке. Лекции, читанные в Коммун. Ун-те имени Я. М. Свердлова и на курсах уездных партработников при ЦК ВКП(б) . . . . . — р. 80 к.
Викторов, В.—История крестьянских движений XVII—XVIII веков. Хрестоматия . . . . . 2 р. 50 к.
Ольминский, М.—1917 год. (Сборник статей из «Социал-Демократа» и «Правды» 1917 г.). . . . . 2 р. — к.
Его же.—1915—16 гг. Статьи из журн. и газет . . . . . 1 р. 15 к.
Обзор научно-попул. литер. по биологии, под ред. Г. Боссэ и М. Гремяцкого. 2-е дополн. изд. . . . . 1 р. 50 к.
Полак, И., проф.—Происхождение вселенной. Попул. очерк . . 1 р. 25 к.
Михайлов, А. А., проф.—Строение и эволюция вселенной. Сборник статей по мироведению . . . . . 1 р. 50 к.
Русский язык в школах взрослых. Сборник методических статей. Состав. колл. преподават. Комм. Ун-та им. Я. М. Свердлова, под ред. Никифорова. . . . . 1 р. 50 к.
Кон, А.—Финансовый капитал. 3-е изд., исправл. и дополн. . . — р. 95 к.
Михайлов, Г. С.—Местное советское управление. Конспект. курс и материалы. Учебное пособие для комвузов и вузов. Допущ. ГУС'ом. 3 р. 25 к.
Михайлов, А. А.—Мироведение . . . . . — р. 70 к.
Рудик, П. А.—Умственная одаренность и ее измерение . . . 1 р. 10 к.
Готфрид, Л.—Как вести работу в школах политграмоты. Под ред М. Бош — р. 45 к.
Сборн. решений и постановлений ВКП(б) и совласти по экономполитике.
Вып. I. **Промышленность** Составили В. Уваров и Д. Черномордик. . . . . 2 р. 95 к.
Выпуск II. **Сельское хозяйство.** Составили В. Уваров и Д. Черномордик . . . . . 1 р. 60 к.
Выпуск III. **Торговля и финансы.** Составил В. Уваров. . 2 р. 80 к.
Попов, Вл.—Политическая география Зап. Европы. Под ред. Зимана 2-е изд., исправленное и дополненное. . . . . 1 р. 95 к.
Ляшкевич, Л.—Торговый капитализм. Сборник материалов и документов по истории разв. общ. форм. Под общ. ред. П. Кушнера Выпуск IV. . . . . 2 р. 20 к.
Кордес, И. Р.—Современная немецкая литература. Часть I . . — р. 30 к.
» II . . — р. 50 к.
» III . . — р. 80 к.
» IV . . — р. 80 к.
Основные задачи и принципы организации биомузея имени К. А. Тимирязева при Комм. Ун-те им. Я. М. Свердлова (Опыт организации биомузеев и уголков живой природы). Под редакцией Б. М. Завадовского. . . . . 2 р. 50 к.
Снегов, А.—Статистическая грамота. . . . . 1 р. 60 к.
Программы и методика учебных занятий (Инструкция о дифференциации лабораторного плана) Комм. Ун-та имени Я. М. Свердлова за 1927/28 год. . . . . 1 р. 50 к.
Тюгин, М.—Организация и методика вечерних комвузов. . . 1 р. 20 к.
Гуковский и Трахтенберг.—Краткий учебник по истории разв. обществ. форм Под ред. П. Кушнера (Кнышев) в переплете . . . . 1 р. 75 к.

НАХОДЯТСЯ В ПЕЧАТИ:

Серия пособий для проработки госплановских областей под редакцией Н. Н. Баранского:
Тутыхин, Б.—Центрально-черноземная область.
Каменецкий, В.—Северо-западная область.
Наши противники.—Сборник материалов и документов. Том II.
Краткий учебник математики, под ред. Л. Лившиц.
Русский язык в Комвузах, под ред. П. Дудель: часть III—Орфография и стиль часть; IV—Хрестоматия.
Морозов, Н. и Юньев, И.—Экономическая география. Под ред. Баранского. Том II.

Цена 2 р. 80 к.